This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

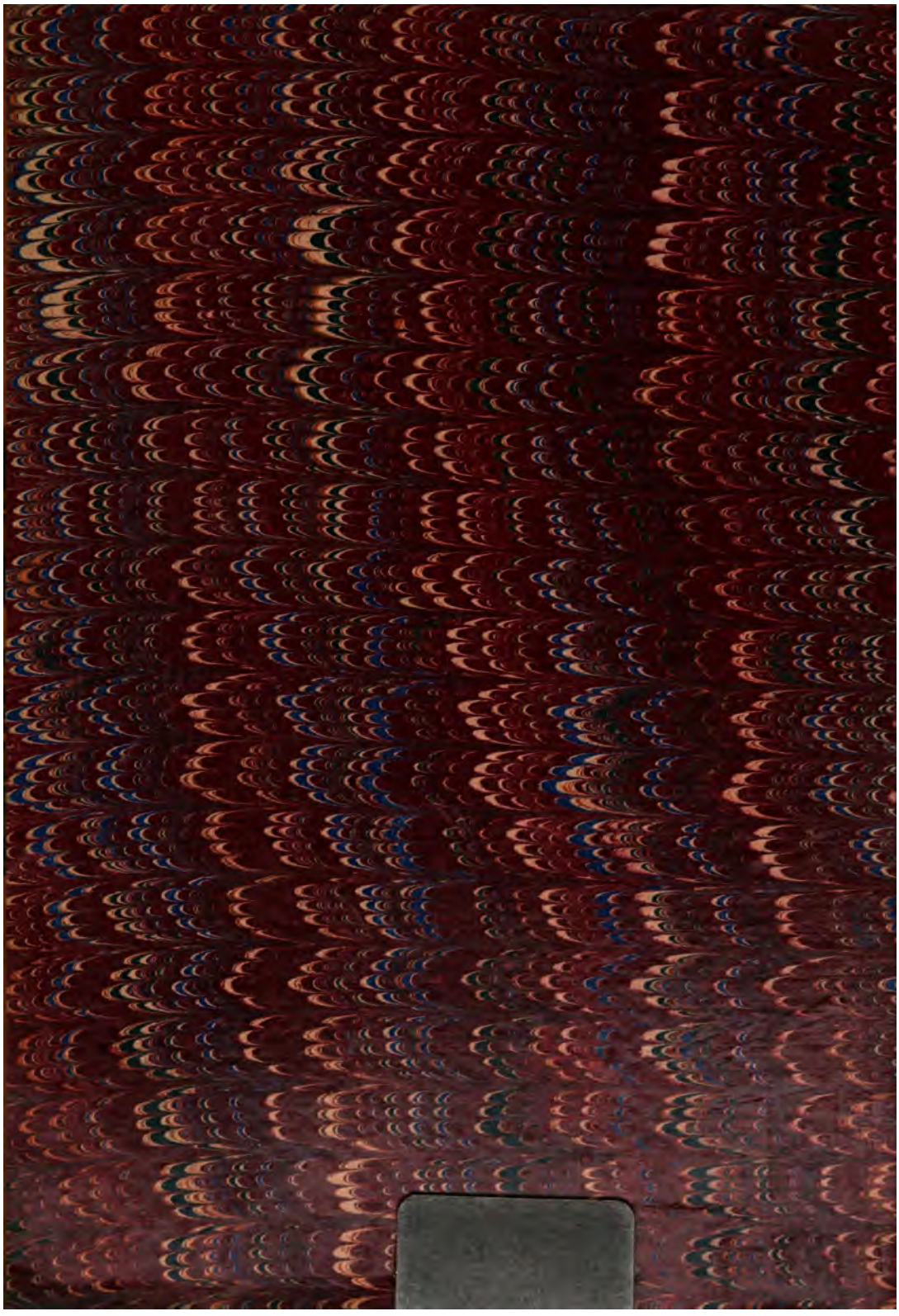
О программе Поиск кпиг Google

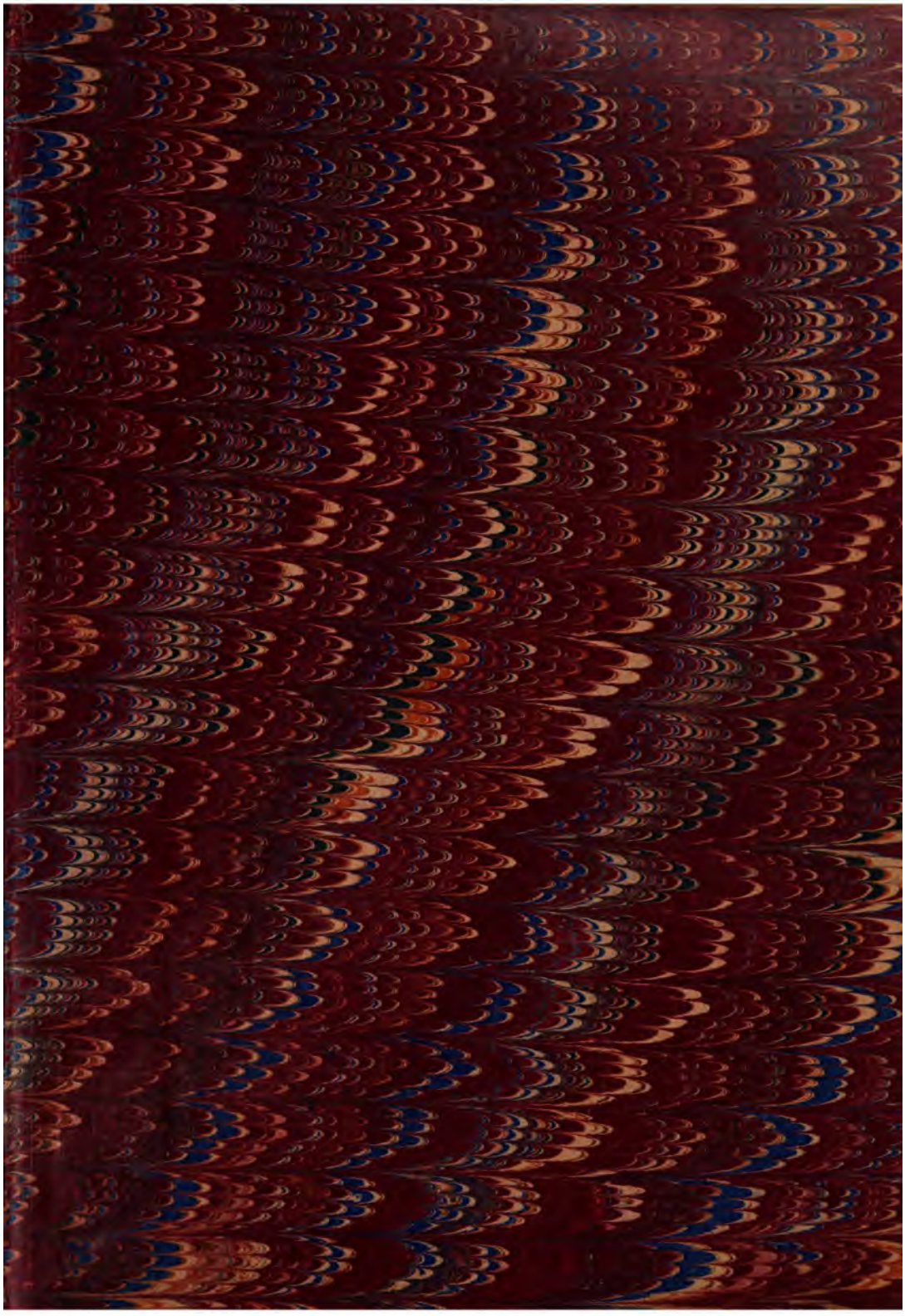
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DS
107
.M35

BUHR A

a39015 01813680 7b





UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

30.

Евгеній Марковъ.

Markov, E. L.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ

ІЕРУСАЛИМЪ и ПАЛЕСТИНА,

САМАРІЯ, ГАЛИЛЕЯ и БЕРЕГА МАЛОЙ АЗІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1891.

1730

1175973-230

ЧАСТЬ I.

ІЕРУСАЛИМЪ и ПАЛЕСТИНА.

I.—Допотопный городъ.

Пристань Св. Земли.—Соломонъ и пророкъ Іона.—Шхеры.—Пріютъ православныхъ паломниковъ.—Память среднихъ вѣковъ.—Базары Яффы.—Арабская толпа.—Наполеонъ въ Яффѣ.—Ругня арабскихъ матронъ.

На разсвѣтѣ 30 апрѣля показался вдали берегъ Яффы...

Главная цѣль нашего странствованія теперь достигнута, окончено долгое скитаніе по морямъ, и ничто больше не заслоняетъ отъ насъ такъ давно манившихъ насъ поэтическихъ горизонтовъ Святой Земли.

Мы радовались какъ дѣти, любуясь съ высокой рубки на бѣлый амфитеатръ Яффы, съ волшебною быстротою выраставшій въ нашихъ глазахъ отъ незримо быстраго плавнаго приближенія къ нему парохода. Вопреки всѣмъ предсказаніямъ и всѣмъ опасеніямъ, море стало тихо, какъ уснувшее озеро. Неподвижная голубизна этого моря и такая же глубокая голубизна неба выдѣляли бѣлыя башни Яффскихъ плоско-крышихъ домовъ и обрывы береговыхъ утесовъ съ поразительною яркостью...

Яффа недаромъ называлась «прекрасною» еще въ ветхозавѣтной древности.

Это достойная пристань Святой Земли, заслуженный стражъ историческихъ воротъ, черезъ которыя прошли тысячелѣтія.

На земномъ шарѣ нѣтъ другого города, котораго легенды народовъ почтили бы такою старинною родословною.

Евреи издревле считали Яффу городомъ Іафета, сына Ноева, и полагали, что Ноевъ ковчегъ отплылъ изъ его пристани въ разверзшіяся хляби земли...

Даже Плиній, патріархъ естествознанія, признаетъ допотопный титулъ за Яффою, этою его Ioppe Phoenicum, antiquior terrarum inondatione» [1]). Оттого въ старые вѣка искали въ Яффѣ гробницы Ноя. Фантазія древнихъ Грековъ, конечно, тоже не миновала этого древнѣйшаго изъ всѣхъ городовъ міра. Къ скаламъ Финикійской Яфо или Іоппе, какъ разсказываетъ Плиній, была прикована по злобѣ Нереидъ осужденная морскому чудовищу Андромеда, спасенная потомъ Персеемъ; и слѣды ея цѣпей показывались на утесѣ Яффы еще въ первыя времена христіанства.

Во всякомъ случаѣ во дни Соломона Яффа была единственною пристанью Филистимскаго побережья, черезъ которую народъ Божій могъ сообщаться по морю съ чужими странами. Когда премудрый строитель послалъ просить на постройку Храма Іерусалимскаго кедровъ Ливанскихъ у Тирскаго царя Хирама, друга отца его Давида, то Хирамъ отвѣчалъ:

«Мы нарубимъ деревъ съ Ливана, сколько нужно тебѣ; и пригонимъ ихъ въ плотахъ по морю въ Яфу, а ты отвезешь ихъ въ Іерусалимъ».

Впослѣдствіи пророкъ Іона садится въ Яффѣ на тотъ корабль, съ котораго его бросили въ море. «И всталъ Іона, чтобы бѣжать въ Ѳарсисъ отъ лица Господня, и пришелъ въ Іопію, и нашелъ корабль, отправлявшійся въ Ѳарсисъ, отдалъ плату за провозъ и вошелъ въ него»...

Слава Богу Авраама и Іакова, что намъ теперь не приходится подвергать себя злополучному жребію пророка, не приходится вопить съ нимъ къ Господу: «Объяли меня воды до

[1]) „Яффа Финикіанъ, древнѣйшая всемірнаго потопа“.

души моей, бездна заключила меня; морскою травою обвита голова моя, всѣ воды Твои и волны Твои проходили надо мною».

Вмѣсто чрева китова извергла насъ на сушу ловкая восьми-весельная лодка, въ которой встрѣтилъ насъ бравый консульскій кавасъ съ серебрянымъ орломъ на груди, любезно посланный къ намъ на помощь изъ русскаго консульства.

Благодаря этому участію, мы избѣгли жаркой схватки съ лодочниками-Арабами, взявшими на абордажъ нашъ смиренный пароходъ совершенно такъ, какъ недавно еще пираты Средиземнаго моря брали съ бою купеческіе корабли, и отдѣлались всего пятью франками за проѣздъ въ то время, какъ три молодыхъ Итальянца, наши товарищи по путешествію, должны были заплатить 25 франковъ.

Обычныхъ сценъ Яффской высадки, о которой намъ такъ много натолковали наши милые моряки, этого швырянія за бортъ на руки полуголыхъ Арабовъ охающихъ и ахающихъ богомолокъ, раскачиваемыхъ какъ колокола, этого нырянія въ волнахъ по горло нагруженныхъ лодокъ,—ничего этого на сей разъ не было... Огромный пароходъ стоялъ неподвижно, и арабскія лодки пристали вплотную къ его черному пузу, какъ присосавшіяся піявки... За то тихое море позволило намъ оцѣнить по достоинству ужасный входъ въ знаменитую гавань царя Соломона.

Предательскіе подводные камни, черные отъ сырости, обросшіе какъ бородою лохматою зеленью, чуть-чуть спрятавшіе свои плоскіе черепа подъ уровень водъ, тянутся цѣлыми сплошными рифами вдоль скалистаго берега, отрѣзая его отъ простора моря, точно приточившіеся червивые зубы дряхлаго подводнаго чудовища, что глотаетъ уже какой вѣкъ утлыя посудины дерзкаго человѣчества.

Пробраться сквозь эти шхеры въ бурю нѣтъ никакой возможности, и нерѣдко пароходы, послѣ нѣсколькихъ дней напраснаго выжиданія, снимаются съ якорей и отправляются выгружать пассажировъ куда-нибудь въ Акру или Бейрутъ. Хуже

порта выдумать нельзя, и тѣмъ изумительнѣе, если это дѣйствительно древнѣйшій портъ міра. Нѣмцы говорятъ: «ѣхать въ Яффу» въ такомъ смыслѣ, въ какомъ у насъ говорятъ: «отправляться на тотъ свѣтъ». Одни эти каменные рифы знаютъ, сколько человѣческихъ жертвъ ежегодно, въ теченіе столѣтій, приносится Яффскому морю, и библейская легенда весьма знаменательно связала эту пристань вѣчнаго волненія и вѣчныхъ бурь съ поглощеніемъ моремъ Іоны пророка.

Непонятно только, какъ цивилизованные народы Европы, посылающіе каждую зиму тысячи богомольцевъ рисковать своими головами у этой дѣйствительно «*допотопной*» гавани, не догадаются взорвать всю эту узенькую цѣпь камней, и затратою нѣсколькихъ пудовъ пороха, нѣсколькихъ фунтовъ динамита, спасти жизнь сотнямъ своихъ братій.

Исправляющій должность русскаго консула встрѣтилъ насъ на пристани и оказалъ намъ всякое содѣйствіе. Мы остановились отдохнуть въ русскомъ домѣ, но еще на дорогѣ консулъ нашелъ намъ колониста-Нѣмца съ обычнымъ четырехъ-мѣстнымъ фургономъ на рессорахъ,—35 франковъ за двоихъ до Іерусалима... Къ намъ присосѣдился и Французъ-архитекторъ, съ которымъ мы сдѣлали путь по Суэцкому каналу. Выѣзжать можно было только къ вечеру, когда солнечный зной начинаетъ немного ослабѣвать. Поэтому намъ оставалось довольно времени и поѣсть, и посмотрѣть городъ. Домъ-башня, куда вскарабкались мы съ нашими носильщиками и пожитками, какъ всѣ дома Яффы, заключаетъ внутри себя крошечный мощеный дворикъ съ чахлымъ деревцомъ въ углу. Этотъ дворикъ-яма охватывается кругомъ довольно неуклюжей и крутой каменной лѣстницей, которая поднимается до площадокъ каждаго изъ трехъ, четырехъ этажей.

На площадки эти выходятъ двери бѣдно обставленныхъ полутемныхъ комнатъ, низенькихъ, хотя и обширныхъ, совершенно приноровленныхъ къ знойному дню весны и лѣта, но

должно быть, достаточно сырыхъ и холодныхъ въ періодъ дождей.

Заказали сейчасъ же готовить обѣдъ и чай съ самоваромъ хозяину, не говорившему ни слова по-русски, а сами, наскоро оправившись, торопились «*обозрѣвать*» городъ, рѣшившись волей-неволей не обращать никакого вниманія на солнечный зной.

Чего другого, а ужъ солнца не обминешь и не обманешь въ горячей Палестинѣ.

Консульскій кавасъ былъ нашимъ путеводителемъ, и мы добросовѣстно пересчитали вслѣдъ за нимъ камни Яффскихъ мостовыхъ, обливаясь съ ногъ до головы такимъ потомъ, о которомъ имѣютъ понятіе только старинные любители пáренья на полкáхъ россійской бани. Не помогали ни шляпы, ни кисейныя покрывала. Яффа—это одинъ огромный неприступный зáмокъ съ множествомъ бойницъ, лазѣекъ, переходцевъ, тайниковъ, переулочковъ, городъ-крѣпость, какой и требовался въ вѣка борьбы и насилій на этой береговой скалѣ, защищавшей входы въ цвѣтущія долины Палестины. Въ сущности, тутъ давно нѣтъ ни крѣпости, ни бойницъ, но древній боевой городокъ и въ мирномъ званіи своемъ сохранилъ воинственную физіономію своей старой средневѣковой исторіи.

Въ средніе вѣка это былъ дѣйствительно одинъ изъ главныхъ ключей для владычества надъ берегомъ и внутренностью страны.

За него жарко бились крестоносцы Ричарда Львинаго Сердца съ Сарацынами Саладина; къ нему приставали смѣлыя галеры Генуэзцевъ и Пизанцевъ, и надъ башнями его не одно десятилѣтіе вѣяли знамена геройскихъ рыцарей христіанства.

Въ послѣдній Крестовый походъ, когда французскій король Людовикъ IX высадился въ Яффѣ, она была еще въ рукахъ французскаго владѣтеля Готье де Бріенна и имѣла видъ довольно внушительный.

«Et quand le comte de Iapha vit que le roy venait, повѣтст-

вуетъ въ своей хроникѣ Жуанвиль, il assorti et mist son chastel de Iapha en tela point qu' il ressemblait bien une bonne deffensable. Car à chacun creneau de son chastel il y avait bien cinq cents hommes, á tout chascun une targe et ung penoncel á ses armes. Laculle chose était fort belle à voir».

Теперешняя Яффа построена, однако, всего только лѣтъ 150 тому назадъ; путешественники, посѣщавшіе ее въ концѣ XVII вѣка, видѣли однѣ развалины. Жители прятались въ пещерахъ, и единственный уцѣлѣвшій замокъ стоялъ среди всеобщаго разрушенія. Но и до сихъ поръ ползучіе и вьющіеся переулки Яффы полны, если не разрушенія, то мусору и нечистотъ всякаго рода. Бродишь словно по корридорамъ какого-нибудь давно запущеннаго безконечнаго замка, ныряя подъ темные своды, прячась въ разные закоулочки, карабкаясь по ступенькамъ. Думаешь—ходъ на колокольню, а это улица; кажется, что подъ ногами открылся спускъ въ погребъ,—а это входъ въ отель. Цѣлый лабиринтъ поворотовъ, переходовъ, лѣсенокъ. Защищаться тутъ легко одному противъ десяти, и нужно сказать правду, что для этихъ двухъ первенствующихъ цѣлей стараго строительства, для защиты отъ врага и для прохлады отъ солнца —береговые городки, подобные Яффѣ, идеальные городки.

И во всѣхъ этихъ тѣсныхъ ущеліяхъ между стѣнами толпа, движеніе, толкотня. Толкотня начинается еще съ пристани, гдѣ горами навалены другъ на друга ящики съ опоздавшими апельсинами, назначенными въ Россію, овчины для Константинополя, мыло для Александріи въ гигантскихъ глыбахъ, красный и бѣлый рисъ въ тюкахъ. Огромныя барки, придвинутыя къ берегу, завалены грудами апельсиновъ прямо въ насыпку, какъ волжскія барки съ дровами.

На жаркомъ солнцѣ южнаго полудня они горятъ какимъ-то невѣроятно прелестнымъ румяно-золотымъ огнемъ.

Отъ апельсиновъ тутъ дѣться некуда. Всѣ базары, всѣ лавки въ апельсинахъ; они тутъ не особенно нѣжны и толстокожи, но за то громадной величины и неправдоподобной дешевизны. На 15 копѣекъ кавасъ навязалъ намъ цѣлый узелъ этихъ гесперидскихъ плодовъ. Арабы ѣдятъ тутъ апельсины и лимоны прямо со шкурками, отрѣзывая ножичкомъ ломтики и легонько ихъ посаливая. И ни одна губастая рожа не моргнетъ, не покривится, спокойно жуя кислятину полузрѣлаго лимона и душистую горечь апельсинной корки.

На базарахъ—жизнь кипяткомъ кипитъ. Всѣ кофейни, кухоньки, лавки набиты народомъ. У насъ, въ Россіи, чуть пробивается теперь первая весенняя травка, а здѣсь ужъ давно всякія свѣжія овощи: горохъ въ стручьяхъ, фасоль, огурцы, сѣмечки. Надъ базарами вездѣ растянуты широчайшія, хотя и очень грязныя, тенты, подъ которыми благодушествуютъ философски молчаливые продавцы этого нехитраго товара. Ослы, верблюды, мулы толкутся тутъ же, и Сирійскіе бедуины, совсѣмъ отличные отъ Египетскихъ, оживляютъ всю эту шумную и яркую картину подлинной Азіатской жизни, какъ олицетворенная иллюстрація къ Библіи.

Широкій живописный бурнусъ изъ грубой домашней шерсти, въ который они умѣютъ драпироваться съ такимъ мужественнымъ и величественнымъ изяществомъ, всегда въ широчайшихъ черныхъ или зелено-коричневыхъ полосахъ по бѣлому фону.

Но подъ этими изрядно теплыми плащами, несмотря на сильный жаръ дня, еще полосатый шелковый халатъ по пятки, открытый на груди, подъ халатомъ еще синяя курточка-безрукавка, подъ курточкой еще длинная бѣлая рубаха, съ широчайшими поясами, съ штанами, падающими какъ женская юбка по самыя ступни. Такъ тщательно оберегаютъ себя отъ холода эти сыны знойныхъ песчаныхъ пустынь и обожженныхъ

солнцемъ горъ Сиріи. На нѣкоторыхъ степныхъ посѣтителяхъ базара еще попадались намъ даже бараньи куртки. Днемъ разстегнется весь настежъ, до-гола, обливается потомъ, а на ночь ужъ его не проберетъ никакая сырая и холодная струя горнаго ущелья.

Типиченъ и сурово красивъ головной уборъ Сирійскаго бедуина. Всѣ они плотно обвязаны по своимъ круглымъ, будто точенымъ, головамъ, черными, рѣже темносиними платками, которые здѣсь называются кёфія и которые перехватываются сейчасъ выше уха, будто какимъ-то мрачнымъ вѣнцомъ, двойнымъ обручемъ черной веревки. Края этой просторной кёфіи закрываютъ шею и шатромъ пріосѣняютъ глаза и лицо Бедуина.

Безъ сплошного густого покрова никакая голова, даже всевыносящая голова туземца, не въ силахъ вытерпѣть жгучихъ лучей Сирійскаго и Аравійскаго солнца.

Впрочемъ, кромѣ суровыхъ воинственныхъ плащей Аравійскаго кочевника, базары Яффы полны чисто турецкихъ нарядовъ—короткіе хитоны и куртки, затѣйливо расшитые позументами и золотымъ снуркомъ по желтому и красному, хитро увязанные, воздымающіеся башней тюрбаны изъ яркихъ матерій, съ висячими концами съ блестящей бахромой, сейчасъ выдаетъ щеголеватыхъ гостей роскошнаго малоазіатскаго побережья.

Женщины и тутъ, какъ въ Египтѣ, въ бѣлыхъ саванахъ, коленкоровыхъ или кисейныхъ съ золотомъ. Черныя, подлинно арабскія лица, съ поразительной рѣзкостію, совсѣмъ непривычной для европейскаго глаза, выдѣляются будто губастыя обезьяны изъ-подъ этихъ бѣлоснѣжныхъ покрововъ. Иныя, впрочемъ, должно быть угрюмыя пуристки мусульманства, совсѣмъ съ глазами завѣшаны черными слѣпыми чадрами. Есть и по-египетски,—съ висюльками у носа, съ завѣшанными ртами,

но вдобавокъ съ монистами и бисеромъ на лицѣ. Христіанки не закрываютъ лица; ихъ обычный уборъ—это цвѣтныя шапочки, унизанныя въ нѣсколько рядовъ серебряными монетами, очень похожія на шапочки горскихъ женщинъ нашего Дагестана.

Есть вообще чѣмъ полюбоваться, надъ чѣмъ поработать живописцу, хоть живи онъ тутъ въ Яффѣ цѣлые мѣсяцы.

Восточный базаръ — это неисчерпаемый кладъ для карандаша и кисти, и никакой базаръ Европы не можетъ даже близко подойти къ нему въ этомъ отношеніи. Базары—истыя дѣтища востока, и понять ихъ настоящій смыслъ, настоящую красоту можно только тамъ.

Мы посѣтили мимоходомъ католическій монастырь Яффы, въ которомъ даютъ пріютъ богомольцамъ-католикамъ. Онъ такой же крутой, такой же недоступный, такой же башнеподобный, какъ и всякое жилище Яффы.

Увѣряютъ, что недалеко отъ него, во дворѣ Армянскаго монастыря, происходило то позорное для христіанской цивилизаціи событіе, которое съ такимъ пристрастнымъ усердіемъ старается опровергнуть обожатель Наполеона, Тьеръ, въ своей «Исторіи Консульства». Здѣсь, говорятъ, были отравлены, по приказанію перваго консула, заболѣвшіе чумой французскіе солдаты, которыхъ онъ не могъ захватить съ собою въ Египетъ.

«Было бы гораздо гуманнѣе дать имъ хорошую дозу опіума, чѣмъ оставлять ихъ жить!» сказалъ Бонапартъ доктору Деженету.

«Мое ремесло—лѣчить людей, но не убивать ихъ!» отвѣтилъ бравый докторъ.

Тьеръ увѣряетъ, что вслѣдствіе этого отвѣта, опіума больнымъ не дали, а клевету объ отравѣ распространили потомъ враги Бонапарта. Но Яффа легла чернымъ и кровавымъ пятномъ на славу французскаго героя еще и по другому, гораздо болѣе возмутительному, случаю.

Въ 1799 году побѣдитель при пирамидахъ овладѣлъ, послѣ жестокой двухгодовой защиты, Яффскою крѣпостью. Городъ отданъ былъ на 30 часовъ въ жертву разъяреннымъ солдатамъ. Между тѣмъ, тысячи четыре Арнаутовъ и Албанцевъ, засѣвши въ укрѣпленныхъ зданіяхъ города, не хотѣли сдаваться и отчаянно отстрѣливались. Богарне и Круатье, адъютанты консула, чтобы прекратить напрасное кровопролитіе, предложили храбрецамъ сдаться, поклявшись пощадить ихъ жизнь.

Тогда Турки положили оружіе и отдались на милосердіе враговъ, но побѣдоносный герой не даромъ смотрѣлъ на людей, какъ на пѣшки шахматной доски. Толпа плѣнниковъ связывала его по рукамъ и ногамъ. Не съ кѣмъ было ни отправить, ни оставить ихъ, а еще меньше возможно было отпустить ихъ на подкрѣпленіе безъ того крѣпкой Акры. Черезъ три дня участь несчастныхъ была рѣшена. Ихъ собрали обманомъ на берегу моря, подъ предлогомъ перевозки, и разстрѣляли какъ стадо грачей. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ успѣли броситься вплавь въ море и спаслись на камни, на лодки. Но ихъ опять приманили оттуда обѣщаніемъ пощады и перестрѣляли до послѣдняго среди волнъ моря, когда они довѣрчиво возвращались на берегъ.

«Эта свирѣпая сцена заставляетъ меня до сихъ поръ содрогаться при воспоминаніи о ней, какъ и въ тотъ день, когда я ее видѣлъ, и я бы гораздо лучше желалъ навсегда забыть ее, чѣмъ быть обязаннымъ ее описывать»,—выражается объ этой вѣроломной казни одинъ изъ очевидцевъ.

Чума, которая выхватила тотчасъ послѣ этого нѣсколько сотъ человѣкъ изъ арміи Наполеона, казалась тогда всѣмъ только неизбѣжнымъ Божьимъ наказаніемъ за безчеловѣчно пролитую кровь.

Католики не преминули сообщить намъ, что монастырь ихъ, разумѣется, стоитъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ домъ Симона Кожевника, въ которомъ жилъ и творилъ чудеса верховный апостолъ Петръ.

Вѣроятно, у апостольскаго кожевника было въ то время

очень много домовъ, потому что ту же самую претензію заявляютъ не только монастыри другихъ христіанъ, но и одна турецкая мечеть!

Мы не застали въ монастырѣ своего спутника Француза, котораго хотѣли предупредить о часѣ отъѣзда, и возвратились домой пообѣдать и немножко собраться съ силами къ утомительному путешествію.

Дома насъ угостили не только обѣдомъ и русскимъ чаемъ и не только палестинскимъ виномъ и Яффскими плодами, но еще очень оригинальнымъ дуэтомъ. Противъ нашего открытаго окна, черезъ узенькій переулокъ въ 2 шага, стояли на крытой галлереѣ противоположнаго дома двѣ совсѣмъ молодыя Арабки и ругались между собою. Одна изъ нихъ, защищавшаяся, была красивая и статная женщина, другая, нападавшая, худая, злая фурія съ длинными крючковатыми руками обезьяны, которыми она махала, какъ вѣдьма кочергой. На сценѣ была, повидимому, супружеская ревность.

Мы ждали довольно долго обѣда — Арабки наши ругались, мы еще дольше обѣдали—онѣ все ругались; мы отдыхали цѣлый часъ послѣ обѣда—онѣ не переставали ругаться.

Въ жизнь свою я не слыхалъ и не предполагалъ услышать ничего подобнаго.

Я хорошо знакомъ съ ругательствами русскихъ бабъ у печи, русскихъ торговокъ на базарѣ... Но сравнительно съ этою неистовою, ни на мигъ не смолкавшею, непрерывно разраставшеюся, неудержимо остервенявшеюся ругнею арабскихъ женщинъ русская базарная ругань просто сантиментальное воркованье.

Казалось, это собрались на платоническій турниръ, для безмезднаго услажденія насъ, гостей и толпы остановившихся внизу туземныхъ прохожихъ, настоящія виртуозки своего дѣла.

Ни одна не захотѣла уступить другой ни мгновенной паузы, ни одного словечка изъ тѣхъ несчетныхъ ругательствъ, что сыпались быстро и больно, какъ тучи града, на голову про-

тивницы. Мы, конечно, не понимали словъ, но это было совершенно излишне. Злобныя завыванія и торопливыя захлебыванія собственнымъ бѣшенствомъ поясняли нашей неопытности, лучше всякаго лексикона, содержаніе этой оживленной бесѣды двухъ подругъ, какъ нѣкогда грубымъ сердцамъ средневѣковыхъ Германцевъ была безъ словъ понятна воодушевленная французская проповѣдь святого Бернарда.

II.—Ночлегъ въ Аримафеѣ.

Палестинскіе дилижансы.—Сады Армиды.—Саронская равнина.—За роднымъ самоваромъ.—Родина Егорья Побѣдоносца.—Историческіе памятники Рамле. Въ гостяхъ у патріарха.—Церковная политика Іерусалимскихъ Грековъ.

Вотъ мы и усѣлись наконецъ въ толкучій и трясучій фургонъ, осѣненный какимъ-то паланкиномъ на столбикахъ, съ парусинными передвижными занавѣсами по сторонамъ. Хотя онъ и рессорный, но какія рессоры спасутъ отъ этого хаоса битыхъ камней, величаемыхъ здѣсь шоссейною дорогою?

Нашъ Французъ-спутникъ, architecte ingénieur, помѣстился на переднемъ сидѣньи, лицомъ къ намъ, спиною къ возницѣ. Чемоданы и мѣшки наши тоже нашли довольно удобное вмѣстилище въ этомъ преемникѣ Ноева Ковчега, съ оглушительнымъ стукомъ и громомъ вывозившемъ насъ наконецъ изъ Ноева города.

Душа моя замирала отъ радостнаго чувства, точно въ тѣ далекіе дни дѣтства, когда, освободившись отъ постылыхъ уроковъ, вырвавшись изъ прискучившихъ стѣнъ казенной школы, прыгалъ, наконецъ, весь сіяющій дѣтскимъ счастіемъ, въ объемистое нутро домашняго тарантаса, готоваго везти сейчасъ тебя и такихъ же радостныхъ братьевъ твоихъ — въ родимыя деревенскія поля. Странствованіе по Палестинѣ начиналось.

Изъ Яффы выѣхать не долго, но изъ садовъ Яффскихъ не скоро выберешься. Они тянутся на нѣсколько верстъ по Іерусалимской дорогѣ и въ глубь полей. Въ одномъ изъ садовъ, кажется, принадлежащемъ теперь американскому консулу, домъ библейской Тавифы, которую, по словамъ Дѣяній Апостовъ, воскресилъ апостолъ Петръ; конечно, не домъ, а одно имя этого дома, пережившее камни и царства.

Если вы хотите понять, что такое мечталось фантазіи древняго Грека, когда онъ описывалъ роскошные Гесперидскіе сады, изъ которыхъ Атлантъ принесъ Геркулесу драгоцѣнные, никому недоступные плоды, если хотите найти подтвержденіе всѣмъ вообще сказкамъ младенчествующихъ народовъ о золотыхъ яблокахъ, которыя съ такими смертельными опасностями и такими неслыханными подвигами добывали герои, подобные Ивану Царевичу,—то поѣзжайте, читатель, въ Яффу, и убѣдитесь своими глазами, что золотыя яблоки садовъ Гесперидскихъ—не поэтическая мечта, а осязаемая дѣйствительность, доступная въ наше демократическое время не только царевичамъ и полубогамъ, но и намъ, прозаическимъ смертнымъ изъ Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи.

Я видѣлъ апельсинные сады Италіи, и они далеко не произвели на меня того впечатлѣнія, какъ сады Яффы.

Въ Италіи апельсинное дерево смотритъ чѣмъ-то искусственнымъ, механически правильнымъ, едва не мертвеннымъ. Всѣ деревья одного умѣреннаго роста, всѣ подрѣзаны и подстрижены опрятными округленными кронами, всѣ на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга и похожи другъ на друга какъ капли воды,—и земля среди ихъ вскопана какъ въ цвѣтномъ горшкѣ, и плоды, осыпающіе крону, распредѣлены такъ ровно и правильно, словно рука разсчетливаго садовника приклеила каждый апельсинъ и каждый лимонъ туда именно, гдѣ ему быть надлежитъ, и въ такомъ именно числѣ, въ какомъ они требуются. Это не толпы живыхъ разнообразныхъ деревьевъ, а роты и полки какихъ-то деревьевъ-солдатъ, геометрически выстроен-

ныхъ, строго дисциплинированныхъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ Азіатской Яффѣ. Цѣлые сплошные лѣса деревьевъ всевозможнаго роста, всевозможной густоты, всевозможныхъ тоновъ и формъ, провожаютъ по обѣ стороны нашу узенькую каменистую дорогу. Среди этой необозримой роскошной зелени горятъ золотыми шапками, огненными звѣздами, кровавыми букетами, яблоки громадныхъ цитроновъ, лимоновъ, апельсиновъ, цвѣты гранатника, Іудейской акаціи, олеандра. Эти неохватные райскіе сады огорожены отъ дороги очень своеобразнымъ заборомъ: на многія версты тянутся съ обѣихъ сторонъ непроницаемыя чащи плоскаго, дощатаго кактуса. Кто не видалъ этого кактуса здѣсь, въ Палестинѣ, не можетъ себѣ представить ничего подобнаго.

Словно гигантскія зеленыя лапы какихъ-нибудь сказочныхъ великановъ съ растопыренными гигантскими пальцами, торчатъ они тѣсными рядами изъ каменистой земли, ревниво заслоняя собою соблазнительные сказочные сады, горящіе своими золотыми яблоками; и на этихъ громадныхъ уродливыхъ пальцахъ выросли, выперли наружу и переплелись другъ съ другомъ въ замысловатую нераспутываемую плетеницу другіе безчисленные пальцы, безобразно вздутые и расплющенные, кривые, колючіе, въ свою очередь со всѣхъ сторонъ ощетинившіеся зелеными наростами, усатыми бородавками, молодыми зачатками новаго еще болѣе безчисленнаго поколѣнія такихъ же досчатыхъ, такихъ же рогатыхъ, такихъ же во всѣ стороны выпяченныхъ и растопыренныхъ пальцевъ.

Когда взглянешь вдоль дороги впередъ на эту длинную перспективу сверкающихъ огнемъ и золотомъ садовъ, и этотъ оригинальный тропическій заборъ вырѣжетъ на безоблачномъ фонѣ Палестинскаго неба свои уродливо вычурныя лапы, а за нимъ и надъ нимъ вырисуются на той же глубокой знойной синевѣ изящные силуэты одинокихъ пальмъ съ ихъ высоко поднятыми въ небо букетами перистыхъ листьевъ, отдѣляющіеся надъ густой массой садовъ словно тонкіе минареты мечетей надъ низ-

менной толпою человѣческихъ жилищъ, — тогда постигнешь смыслъ тѣхъ недоступныхъ Армидиныхъ садовъ, волшебное очарованіе которыхъ, по слѣдамъ трубадуровъ—крестоносцевъ, воспѣлъ Торквато Тассо.

Еслибы не зналъ навѣрное, что кактусъ распространился по берегамъ Африки и Сиріи уже послѣ открытія Америки, то можно было бы безъ труда предположить, что заколдованные лѣса Палестины, ужасавшіе паладиновъ Готфрида, охранялись именно этими уродливыми рогатыми чудищами, и что напоминавшее лѣсъ огненное пламя, въ которое такъ доблестно ринулся Танкредъ, было ничто иное, какъ пылающія огненнымъ румянцемъ золотыя яблоки Яффы.

Въ тѣни этихъ садовъ Армиды—группы и сцены, цѣликомъ переносящія фантазію уже не въ вѣка Танкреда, а въ заслоненную тысячелѣтіями древность Библіи.

Старинные полуразрушенные фонтаны, увѣнчанные кубанáми каменныхъ куполовъ, освященные памятью православныхъ арабскихъ шейховъ, которые похоронены подъ тѣми же мшистыми сводами и которыхъ имя несомнѣнно легло поверхъ другихъ, гораздо болѣе древнихъ и болѣе славныхъ именъ, ютятся въ заманчивыхъ сѣняхъ зелени, подъ утесами холмовъ. Около нихъ движеніе, жизнь, яркія краски.

Пестрыя толпы арабскихъ водоносицъ, съ громадными кувшинами на головахъ, въ тѣхъ же одеждахъ, въ тѣхъ же позахъ, съ тою же формою кувшина, какія были во дни Рахили и Лавана; отдыхающіе всадники—Арабы библейскаго вида, библейской важности, библейскія овцы, ожидающія своей очереди съ тѣмъ же покорнымъ терпѣніемъ, какъ и въ то далекое время, когда еще юный Іаковъ, хитроумный отецъ еврейства, опускалъ для нихъ въ воду колодца полосатые жезлы, чтобы провести своего прижимистаго тестя.

По дорогѣ народъ на всякомъ шагу; старыя Арабки въ

своихъ неизмѣнныхъ синихъ плащахъ съ ношами на головѣ, молодыя — съ красными и синими полосами; Бедуины на верблюдахъ, на ослахъ, цѣлыми обозами какъ извощичьи повозки съ товаромъ на русскихъ большихъ дорогахъ. А вдали, какъ общій фонъ всей этой библейской картины, туманно голубыя Іудейскія горы, на которыя смотрѣлъ еще Авраамъ и Ной.

Плодоносная Саронская равнина стелется отъ подножія Іудейскихъ и Самарійскихъ горъ до самаго моря.

Мы теперь прорѣзаемъ самую южную и самую широкую часть ея, когда-то составлявшую владѣніе колѣна Іудина и Данова. Налѣво далекіе амфитеатры Самарійскихъ предгорій Ефраимова жребія, усѣянные бѣленькими городками, направо пустынные песчанистые холмы земли Филистимской. Она отдѣлялась отъ колѣна Іудина не вдалекѣ отсюда столь часто поминаемымъ въ Библіи потокомъ Экрономъ, попросту потокомъ Филистимскимъ, который теперь называютъ Наръ-Рубимъ или Сараръ; но въ сущности и та часть равнины Саронской, которую мы теперь проѣзжаемъ, долгое время входила въ предѣлы Филистимлянъ и до сихъ поръ пропитана ихъ воспоминаніями.

Хотя съ каждымъ годомъ дорога изъ Яффы въ Іерусалимъ дѣлается, какъ увѣряютъ, безопаснѣе, однако вы услышите въ Іерусалимѣ далеко не успокоительные разсказы о разныхъ не особенно давнихъ событіяхъ на этой дорогѣ. Если они и не часты, то во всякомъ случаѣ всегда возможны. Недаромъ консулы въ Яффѣ до сихъ поръ совѣтуютъ путешественникамъ брать съ собою кавасовъ; недаромъ и турецкія власти до сихъ поръ охраняютъ эту Филистимскую дорогу цѣлою цѣпью блокгаузовъ и вооруженными конными разъѣздами, которые мы только-что встрѣтили. Романтическія башни блокгаузовъ, да рѣдкія арабскія деревеньки, утонувшія въ кактусахъ, однѣ только кое-гдѣ вѣнчаютъ холмы привольной равнины, уже покрытой зрѣющими посѣвами. Видъ этихъ жирныхъ хлѣбовъ

и еще болѣе видъ трудолюбиво-пашущаго Араба такъ мало гармонируетъ въ моемъ представленіи со всею воинственною обстановкою этого историческаго пейзажа, со всѣми воинственными воспоминаніями этой равнины великихъ битвъ.

Вотъ и «Макатале»—мрачная пустынная лощина между камнями, означающая по-русски нѣчто въ родѣ «голову долой!» Недавно еще она кишѣла разбойниками, и богомольцы испуганно крестились, проходя ее. Сейчасъ же, какъ вылѣзешь изъ нея на гору,—сторожевая башня.

Прелестный розовый вечеръ, напоминавшій намъ самые очаровательные вечера нашей крымской жизни, спускался между тѣмъ на землю и охватывалъ всѣ эти коварныя разбойничьи засады, всѣ эти камни, орошенные кровью народовъ, нѣжнымъ объятіемъ любви и мира. Въ сіяніи этого тихаго вечера приближалась къ намъ все ближе и ближе вырѣзавшаяся на фонѣ горъ своими пальмами, кипарисами, куполами и минаретами древняя Аримаѳея,—теперешняя Рамле.

Намъ хотѣлось посѣтить Палестину православными паломниками, а не туристами-космополитами; поэтому мы не рѣшились завернуть въ соблазнительно зеленѣвшую направо отъ дороги, сейчасъ же по въѣздѣ въ городъ, опрятную тополевую аллею, что вела въ благоустроенныя и красивыя владѣнія Латинскаго монастыря, и куда насъ усердно соблазнялъ Нѣмецъ-возница. Но architecte ingénieur былъ, повидимому, строгій католикъ и, какъ кажется, даже ѣхалъ въ Палестину по приглашенію какой-то католической конгрегаціи—строить монастыри и часовни.

Онъ тоже не захотѣлъ помѣститься въ пріютѣ иновѣрцевъ и высадился съ своимъ чемоданомъ у разукрашенныхъ воротъ аббатства, гдѣ его сейчасъ же встрѣтили два босоногихъ padre въ классическихъ коричневыхъ капюшонахъ, перепоясанныхъ веревкой, и съ круглою какъ полная луна тонзурою на темени,

а мы, грѣшные, поплелись, патріотизма ради, безбожно подбрасываемые во всѣ стороны безбожною турецкою мостовою, по гористымъ переулочкамъ этой издали столь прелестной Аримаѳеи, —въ свои «русскія постройки».

И въ самомъ дѣлѣ, кому же поддерживать ихъ, если свой братъ Русскій, свой братъ православный,—будетъ нести золото въ французскіе и итальянскіе монастыри, безъ того несравненно болѣе богатые и благоустроенные, куда и безъ того устремляются по разъ наторенной дорожкѣ всѣ какъ одинъ, будто по говору, многочисленные и всегда много-расходующіе туристы Европы,—а за ними ихъ слѣпые и безразсудные подражатели —русскіе благородные путешественники.

На «русскія постройки» взбираешься какъ на стѣны крѣпости. На верху—открытая, плитами вымощенная платформа, окруженная почти сплошнымъ кольцомъ низенькихъ и узенькихъ строеній съ каменными купольчиками на плоской каменной крышѣ. Это келіи для пріѣзжающихъ, открывающіяся, конечно, прямо во дворъ. Подъ вымощеннымъ дворомъ—опять жилье, конюшни, сараи. Характерно и совсѣмъ непривычно.

Добрая старушка изъ какой-то подмосковной губерніи, мирно проживающая здѣсь съ своею дочерью въ роли смотрительницы, пріютила насъ съ русскимъ гостепріимствомъ въ этомъ азіатскомъ градѣ арабскихъ халифовъ, крестоносцевъ и Іудеевъ.

Привѣтливыя, благочинныя рѣчи и благообразный видъ этой характерной русской старушки, тульскій самоваръ, сверкавшій и шипѣвшій по родному обычаю на кругломъ столѣ, подъ шумокъ родной бесѣды, а на дворѣ, въ тѣни стѣночки, уютно усѣвшіеся въ обычный кружокъ съ деревянными ложками вокругъ деревянной чашки вечерившіе русскіе страннички въ своихъ рубахахъ, лаптяхъ и валенкахъ, все это растрогало и умилило насъ приливомъ какого-то особенно напряженнаго чувства родины.

— Хлѣбъ-соль, старички! подсѣлъ я на минуточку къ давно

уже знакомымъ богомольцамъ, рады небось, что добрались до своего... Тутъ вѣдь и хлѣбъ нашъ черный, и самоварчикъ.

— О, Боже мой, какъ хорошо!.. Совсѣмъ своя родная сторонушка. Можно жъ таки съ Египетской землей смѣнить! осклабившись благодушными улыбками, отвѣтили мнѣ старики.

Они уже поскидали свои пыльныя свитки, распустили пояски, растегнули слегка косые вороты, и сидѣли потные, красные, распаренные, будто только-что изъ бани. Кое отъ кого потягивало и виноградным винцомъ.

— Аль ужъ чайку успѣли напиться? освѣдомился я.

— Да грѣшнымъ дѣломъ животики пораспарили! Винцо тутъ дешевое — бутылка за гривенникъ. Съ красненькимъ чаекъ-то куда скуснѣе! вотъ лишненькое, смотришь, и выпилъ. Самъ собою въ ротъ человѣку лѣзетъ,—съ очевиднымъ удовольствіемъ разъяснялъ мнѣ многоопытный Вологодецъ, вожакъ всей артели... Мы вѣдь на своихъ толкачахъ все, извощика намъ не нанимать, а тутъ жара. Такъ вотъ оно и не грѣхъ чайкомъ побаловаться!

— Ты вѣдь изъ Вологодской губерніи, кажется, старикъ? Далеко жъ!

— Изъ Вологодской, съ Ветлуги... мнѣ далеко, а вотъ человѣкъ еще того подальше, изъ-за Камня, изъ-за Урала пришелъ, указалъ онъ на тщедушнаго старичка, съ прилипшими къ черепу длинными и жидкими волосенками.

— Этотъ совсѣмъ въ чистую ноги себѣ оттрепалъ, вспухнули какъ подушки. Только и тѣшитъ ихъ что котами валеными.

Сибирякъ, о которомъ шла рѣчь, съ любопытствомъ смотрѣлъ на свои неподвижно вытянутыя какъ обрубки, обутыя въ валенки, ноги.

— Теперь ни сколько!.. Завтра къ вечернѣ, коли Господь сподобитъ и Святому Гробу поклонимся, храбро похвастался онъ своимъ тоненькимъ полудѣтскимъ голоскомъ, словно ду-

малъ подбодрить такъ не кстати отказавшіеся отъ службы свои хилые шатуны.

Солнце заходило, и я взобрался на парапетъ стѣны, чтобы полюбоваться городомъ.

Невыразимая прелесть была разлита кругомъ въ воздухѣ на землѣ и на небѣ. Живописная древняя равнина, охватившая этотъ живописный древній городокъ, вся тонула въ послѣднихъ розовыхъ лучахъ умиравшаго вечера. Съ вершины нашего дома-крѣпости были видны какъ на огромной картѣ маленькіе бѣленькіе городки, разсыпанные кругомъ Рамле въ складкахъ предгорій, на вершинахъ холмовъ. Вотъ у нашихъ ногъ рукою подать Лидда, упоминаемая въ числѣ городовъ Веніаминова колѣна, еще въ Книгѣ Чиселъ и Нееміи, гораздо болѣе древняя, чѣмъ само Рамле, мѣсто чудесныхъ исцѣленій апостола Петра; теперь впрочемъ она гораздо болѣе полна воспоминаніями о другихъ чудесахъ и другихъ подвигахъ. По народному преданію, въ Лиддѣ происходилъ знаменитый бой съ дракономъ любимаго героя церкви христіанской Георгія Побѣдоносца, этого близкаго русскому сердцу «Егорія мученика», о которомъ поется въ русскомъ духовномъ стихѣ:

А Егорій свѣтъ—Христу мученикъ,
Христу мученикъ, еще труженикъ...
По колѣнки ножки да въ чистомъ серебрѣ,
По локотки руки да въ чистомъ золотѣ,
А волосъ да на немъ что ковыль-трава,
А гласомъ гласитъ по Евангельски,
А стихи поетъ Иже Херувимскіе.

Буйные вѣтры чудесно освобождаютъ его отъ глубокихъ погребовъ царя-мучителя.

„А Егорій-свѣтъ царищу врагъ—Демьянищу
„Копьемъ грудь пробивалъ
„Вотъ тебѣ, царище, за поруганьице,
„За Христову кровь проливаньице!

Въ Лиддѣ издревле показывалась и гробница Святаго Георгія, и издревле строились храмы во имя св. Георгія.

Вотъ у входа въ синюю пасть горъ крошечный поселокъ Латруна, родина разбойниковъ, распятыхъ со Христомъ. Вотъ у самыхъ воротъ Рамле знаменитая въ теченіе долгихъ вѣковъ башня 40 мучениковъ, самый интересный памятникъ города. Для христіанъ — это, конечно, храмъ царицы Елены, потому что въ убѣжденіи народа всѣ храмы Палестины построены если не Соломономъ, то Еленой, какъ на Кавказѣ всякая башня, всякая развалина—непремѣнно приписывается Тамарѣ.

Но для мусульманъ—это съ такою же несомнѣнностью мечеть великаго халифа Солимана,—Джаміе-ель-Абьядъ. Солиманъ дѣйствительно построилъ Рамле—этотъ «городокъ песковъ» еще въ самомъ началѣ VIII вѣка и основалъ эту мечеть, но послѣ него много еще болѣе славныхъ намѣстниковъ пророка, и Саладинъ, и Бибарсъ, и роскошный Калаунъ перестроивали и украшали знаменитую Джаміе, еще сохранившую на себѣ интересныя арабскія надписи. Точно также и громадныя подземелья этой мечети одинаково утѣшаютъ и благочестіе христіанъ, и благочестіе правовѣрныхъ: легенды греческой церкви издавна ведутъ сюда паломника поклониться праху 40 мучениковъ, претерпѣвшихъ мразъ озера Севастійскаго, а мусульманскіе муллы и дервиши столь же усердно молятся здѣсь надъ гробницами 40 спутниковъ пророка. Вообще вся эта страна глубочайшей древности покрыта столькими историческими наслоеніями, что воспоминанія самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга вѣковъ перепутались и смѣшались фантазіею народа въ неразличимую путаницу, въ которой не въ силахъ оріентироваться самый многоученый археологъ. Имя каждой деревушки, каждаго храма, каждаго ручья дышетъ Библіею, временемъ апостоловъ или Крестовыми походами.

Меня всегда глубоко проникаетъ эта поэзія сѣдой древности, и разстилавшійся кругомъ меня неохватный пейзажъ, безъ того полный прелести, отражался въ сердцѣ моемъ вдвойнѣ пре-

краснѣе отъ этого незримаго дыханія тысячелѣтнихъ тѣней исторіи.

Сама древняя Аримаѳея толпилась у моихъ ногъ тѣсными лабиринтами своихъ четыреугольныхъ каменныхъ домиковъ, осѣненныхъ куполами, среди которыхъ изрѣдка подымались въ потухавшее небо одинокія пальмы и кипарисы, да минареты турецкихъ мечетей. Тихій городокъ смотрѣлъ на меня черными входами своихъ безокихъ домиковъ, своими разрушенными сводами и муравьиными кучами своихъ земляныхъ куполовъ—совсѣмъ такъ, какъ онъ смотрѣлъ, навѣрно, во дни ветхозавѣтнаго Саула или Евангельскаго Никодима, словно только-что былъ выхваченъ со страницъ Библіи, не ощутивъ на себѣ прикосновенія вѣковъ.

Какъ разъ противъ нашего дома, едва отрѣзанный отъ него трехъ-аршиннымъ проулкомъ, высится большой старинный храмъ Крестоносцевъ съ готическими амбразурами, съ просторнымъ дворомъ, уже много вѣковъ тому назадъ обращенный въ главную мечеть города. Иновѣрцевъ рѣдко пускаютъ въ нее; вонъ я вижу: глубоко внизу наши спутники Итальянцы, вмѣстѣ съ французскимъ архитекторомъ, пробираются къ ней у подножія высокихъ стѣнъ. Драгоманъ ихъ что-то долго споритъ съ суровымъ хаджи, охраняющимъ запертый входъ, но, видно, не могъ побѣдить упрямства магометанина, потому что европейскіе туристы поворачиваютъ оглобли.

Невозможно жалокъ, почти неприличенъ видъ этихъ модныхъ шляпъ и жакетокъ съ бульвара европейскихъ столицъ въ этой ветхозавѣтной обстановкѣ древняго города Измаильтянъ, Филистимлянъ и Іудеевъ, въ этой странѣ величавыхъ мантій, строгихъ профилей, важныхъ движеній.

Направо отъ нашего дома виднѣются въ тѣснотѣ азіатскихъ кварталовъ—массивныя постройки Греческаго монастыря, безъ

колоколенъ, безъ отдѣльно стоящихъ храмовъ, скорѣе похожія на крѣпость съ эспланадами и парапетами.

На верхней террасѣ, господствующей надъ городомъ, можно было еще различать медленно двигающіяся по ней черныя фигуры.

— Это святѣйшій патріархъ Іерусалимскій изволитъ сегодня ночевать въ ихъ монастырѣ, сообщила мнѣ съ благоговѣніемъ старушка смотрительница. Епархію свою обозрѣваетъ, только-что изъ Газы вчера вернулся, а завтра въ Лидду ѣдетъ. Тамъ свят. Георгія праздникъ.

Я рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ и отправился познакомиться съ патріархомъ, котораго могъ не застать въ Іерусалимѣ.

Греческій монастырь построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ по преданію домъ Іосифа Аримаѳейскаго точно такъ, какъ Латинскій монастырь, разумѣется, попалъ какъ разъ на дворъ къ благочестивому Никодиму. Блаженны вѣрующіе! Оспаривать эти преданія также невозможно, какъ и доказывать ихъ, а главное—совсѣмъ безцѣльно.

Все дѣло тутъ въ вѣрѣ, а не въ доказательствахъ. Дворъ монастыря былъ запруженъ конными всадниками и ослами. Христіане-Арабы толкались здѣсь, кто съ нуждами къ патріарху, кто просто получить его благословеніе. На лѣстницахъ, на террасахъ тоже была толпа. Мой проводникъ Арабъ поговорилъ по-арабски съ монахами, и меня сейчасъ же ввели на обширную верхнюю площадку, составлявшую плоскую крышу монастырскихъ зданій. Монахи черною толпою тѣснились передъ нею, созерцая издали вмѣстѣ съ любопытною публикою важно возсѣдавшаго въ глубинѣ террасы своего Владыку, но на самую террасу не вступалъ никто изъ нихъ.

Высокая сановитая фигура патріарха разомъ поднялась съ кресла и сдѣлала нѣсколько шаговъ мнѣ на встрѣчу... Патріархъ Никодимъ—совсѣмъ еще бодрый и моложавый человѣкъ,

мужественнаго вида, съ энергическимъ и нѣсколько гнѣвнымъ взглядомъ черныхъ какъ угли глазъ, съ черною бородою, черными волосами, весь одѣтый въ черное.

На головѣ его низенькая черная камилавка съ расширеннымъ дномъ, обычнаго греческаго образца, а на плечахъ черная мѣховая шубка сверхъ черной рясы. Въ такой же мѣховой шубкѣ сидѣлъ около патріарха и митрополитъ Петры Аравійской. Очевидно, этотъ мѣхъ—не столько необходимость въ теплые дни апрѣля, сколько условія сановитости.

Патріархъ, осѣнивъ меня широкимъ размашистымъ благословеніемъ, ласково пригласилъ на стоявшее передъ нимъ кресло. Онъ представилъ меня сейчасъ же своимъ собесѣдникамъ: Никифору, митрополиту Петры Аравійской и архимандриту здѣшняго монастыря, нашему общему хозяину.

Впрочемъ почтенные отцы почти не принимали участія въ нашей дальнѣйшей бесѣдѣ, можетъ быть изъ этикета, а можетъ быть и потому, что не понимали по-русски. Я невольно засмотрѣлся на характерную фигуру Аравійскаго архипастыря. Небольшого роста, молчаливый, худой и блѣдный, съ сѣдою бородою, едва не по колѣна,—онъ до того живо перенесъ мое воображеніе въ средневѣковые скиты Фиваидскихъ и Палестинскихъ отшельниковъ, питавшихся кореньями и закрывавшихъ длинными брадами свою наготу,—что я смотрѣлъ на него скорѣе какъ на икону строгаго письма, изображающую ликъ какого-нибудь Ефимія Великаго или Петра Аѳонскаго, чѣмъ на подлиннаго живого человѣка.

Сейчасъ же явился служка съ подносомъ, на которомъ по восточному обычаю, стояло варенье и холодная вода. Патріархъ любезно преподалъ мнѣ первый урокъ, какъ обращаться съ этимъ сладостнымъ азіатскимъ привѣтствіемъ. Не успѣлъ я залить водою густой и вязкій шербетъ, какъ появился другой подносъ съ чернымъ турецкимъ кофе. Таковъ уже неизмѣнный этикетъ восточнаго гостепріимства.

Патріархъ Никодимъ очень долго жилъ въ Россіи, избранъ

Россіею, и отлично говорилъ по-русски, хотя, конечно, съ нѣкоторымъ акцентомъ. У насъ оказалось много общихъ русскихъ знакомыхъ и вобще Его Блаженство съ большею симпатіею вспоминалъ свою русскую жизнь въ Бессарабіи, въ Москвѣ, въ Одессѣ. Но меня, конечно, болѣе всего интересовали дѣла здѣшней церкви.

— Удивляюсь, какъ это христіанскія державы, послѣ стольких войнъ, побѣдъ и мирныхъ трактатовъ, при такомъ всесильномъ вліяніи на Турцію, до сихъ поръ не могли выговорить себѣ въ полную собственность хотя бы одинъ Іерусалимъ, не говоря уже всѣ святыя мѣста,—высказалъ я Его Блаженству занимавшую меня мысль.

Энергическій патріархъ чуть не подскочилъ на своемъ креслѣ отъ изумленія и испуга.

— Что вы, что вы! Да избави насъ отъ этого во вѣки, Милосердный Господь!.. вскрикнулъ онъ, сверкая глазами. Для насъ нѣтъ опаснѣе врага, какъ Европа. Что разъ попадетъ въ руки Англичанъ или Французовъ, съ тѣмъ уже надо намъ проститься навсегда. Вы представить себѣ не можете, съ какимъ страшнымъ трудомъ приходится намъ отбиваться здѣсь отъ напора латинства и лютеранства, особенно латинства. Они настойчивы не по нашему, не жалѣютъ ни труда, ни денегъ. Они и силою и хитростью вырываютъ у насъ нашу слабую въ православіи паству. Турки сравнительно съ ними—наши спасители, особенно теперь. Притѣснять серьезно уже не смѣютъ, Россіи боятся, стали безсильны, а намъ вездѣ довѣряютъ, по старой привычкѣ, больше, чѣмъ латинцамъ. Все-таки мы имъ свои въ нѣкоторомъ родѣ, подданные ихъ, снисходительно улыбнулся патріархъ.

Мнѣ не было интереса опровергать взгляды архипастыря Іерусалимской церкви и я только старался вызвать его на дальнѣйшее развитіе своихъ мыслей.

— Нѣтъ, я искренно молюсь ежедневно за султана, пусть Богъ продлитъ его дни! продолжалъ разгоряченный патріархъ.

— Пока Турція стоитъ, до тѣхъ поръ и мы тутъ хозяева, до тѣхъ поръ святыни православія въ нашихъ рукахъ. Вотъ, другое дѣло, когда перейдетъ со временемъ турецкое наслѣдство въ православныя руки. Этому же, разумѣется, неминуемо быть когда-нибудь.—А пока нужно молить Бога, чтобы святыя мѣста не уходили изъ подъ турецкой власти.

— Неужели жъ между христіанскими церквами въ Палестинѣ больше вражды, чѣмъ между магометанами и христіанами? спросилъ я.

— Никакого сравненія. Магометане самый спокойный народъ на этотъ счетъ. А католики не пренебрегаютъ ничѣмъ, чтобы переманить вѣрующихъ отъ насъ къ себѣ. Даютъ деньги за это, воспитываютъ дѣтей на свой счетъ, открываютъ кредиты въ банкахъ, заступаются во всѣхъ дѣлахъ черезъ посольства и консуловъ. Мы ничего подобнаго не въ силахъ дѣлать. Оттого-то много православныхъ Арабовъ ушло въ послѣдніе годы изъ нашей церкви въ католическую и лютеранскую.

— И никакихъ средствъ нѣтъ остановить это, бороться съ своей стороны?

— Средства, конечно, могли бы быть, еслибы мы всегда были дѣятельны и внимательны къ нуждамъ своей паствы, тономъ рѣшимости, отвѣчалъ патріархъ. Мы сами, конечно во многомъ виноваты. Вотъ я былъ сейчасъ въ такихъ эпархіяхъ, куда никогда не ѣздили наши патріархи. А народу необходимо имѣть утѣшеніе и помощь отъ своего владыки. Тамъ устроишь, что нужно, тамъ поддержишь благолѣпіе церкви, чистоту обрядовъ,—народъ и самъ иначе отнесется къ церкви. Да вотъ, если пробуду на патріаршемъ престолѣ пять лѣтъ, я всѣхъ ихъ опять въ православіе возвращу, всѣхъ отъ насъ оторванныхъ. Въ этомъ далъ себѣ слово и сдержу его! прибавилъ, строго нахмурившись, патріархъ, словно угрожалъ какому-то невидимому сопернику.

— Не много времени прошло, а ужъ 300 человѣкъ удалось

мнѣ вернуть къ православію,—продолжалъ онъ черезъ минуту болѣе спокойно. Подождите немного, всѣ опять у меня будутъ!

— Россія, конечно, поддерживаетъ эти усилія Вашего Блаженства? спросилъ я.

— Россія, разумѣется, какъ-то неувѣренно сказалъ патріархъ. Кому же кромѣ и поддерживать? Мы и Россія — это все одно. Я только вотъ чего не понимаю: какая надобность Россіи имѣть въ Палестинѣ какое-то особое отъ насъ вѣдомство? Мы всѣ—та же русская миссія. Интересы наши тѣ же самые и все, что исполняетъ здѣсь такъ-называемая русская миссія, мы могли бы исполнить еще удобнѣе, только безъ всякаго раздвоенія власти и средствъ, безъ напраснаго раздѣленія греческихъ интересовъ отъ русскихъ.

Я уже слышалъ раньше о серьозныхъ недоразумѣніяхъ и тайномъ соперничествѣ, возникшихъ между русскою Палестинскою миссіею и патріаршимъ престоломъ, но такъ какъ самъ не зналъ ничего вѣрнаго кромѣ росказней и пересудъ, то счелъ за лучшее не затрогивать этого щекотливаго вопроса.

— Въ Россіи стараются выставить меня какимъ-то недругомъ Русскихъ, продолжалъ между тѣмъ патріархъ. А тутъ меня считаютъ не греческимъ, а русскимъ, потому что я русскій ставленикъ и жилъ долго въ Россіи. Могу ли я быть недругомъ Русскихъ? Но мнѣ дорого единство церкви, и я думаю, что въ Святомъ градѣ не должно быть двухъ православныхъ церквей и двухъ православныхъ интересовъ. А вотъ, слышу, какой-то корреспондентъ «Новаго Времени» живетъ теперь въ Іерусалимѣ и что-то пишетъ про меня, наслушавшись сплетень по гостиницамъ,—засмѣялся вдругъ патріархъ, очевидно однако нѣсколько озабоченный этимъ слухомъ.

— Да вотъ еще, хотѣлъ я вамъ сказать! перебилъ онъ самъ себя. Вы говорите: помогаетъ Россія. Конечно, у насъ почти всѣ богомольцы Русскіе; Греки рѣдко приходятъ, Румыны тоже, потому что тамъ бѣдность. Только напрасно думаютъ, что Святый Гробъ такъ много получаетъ изъ Россіи. Мы собственно

изъ Россіи ровно ничего не получаемъ, не посылаемъ никого на сборъ, и даже я Синоду вашему писалъ, чтобы не вѣрили тѣмъ монахамъ, что собираютъ нашимъ именемъ. А богомольцы, конечно, приносятъ, но не особенно много. Богатые тоже рѣдко. А вотъ есть у насъ въ Россіи святогробскія имѣнія, ими больше и содержимся. Я самъ былъ управителемъ нашихъ Бессарабскихъ имѣній, а потомъ завѣдывалъ Московскимъ Іерусалимскимъ подворьемъ, съ титуломъ митрополита Ѳаворскаго. Ну чтожъ, дѣйствительно получаемъ тыс. 140 рублей съ Бессарабскихъ имѣній, тысячъ восемь съ Московскаго подворья, да тысячи двѣ за Тифлисскіе дома—вотъ и всѣ главные доходы Святаго Гроба. Есть еще у насъ въ Турціи, въ Греціи имѣнія, но тѣ мало даютъ дохода, тѣхъ хоть бы и не считать.

Мы еще о многомъ бесѣдовали съ Его Блаженствомъ, онъ, повидимому, хорошо знакомъ со всѣми теченіями духовной и свѣтской политики Петербурга. На меня онъ произвелъ вообще впечатлѣніе человѣка энергическаго, ясно видящаго свои цѣли и стремящагося къ нимъ съ настойчивою твердостію. Это дѣйствительный правитель и хозяинъ церкви. Такихъ людей мудрено вести на помочахъ, мудрено заставить пѣть съ чужаго голоса.

Въ нихъ слишкомъ много для этого сознанія своего высокаго положенія и своихъ правъ. Можетъ быть, при извѣстныхъ обстоятельствахъ такая самостоятельность взглядовъ и характера способна перейти въ нѣкоторое властолюбіе, но трудно вмѣстѣ съ тѣмъ желать, чтобы на важномъ и воинствующемъ посту, каковъ престолъ Іерусалимскаго патріарха, постоянно окуженный борьбою и интригами иновѣрныхъ исповѣданій и иностранной дипломатіи, сидѣлъ человѣкъ, не умѣющій себя поддержать на высотѣ своего призванія.

Русской духовной политикѣ нельзя упускать изъ виду, что верховные сановники греческой церкви все-таки подданные турецкаго султана, что политика самой Греціи и настроеніе греческаго народа въ послѣднее время—далеко не такъ друже-

ственны ко всему русскому, чтобы мы могли благодушно успокоиться на единствѣ всѣхъ своихъ духовныхъ интересовъ и цѣлей. Греческое племя, давшее намъ когда-то православную вѣру и первыя сѣмена образованія, долгое время стоявшее подъ полуварварскимъ русскимъ славянствомъ въ роли просвѣщеннаго учителя и могучаго патрона,—можетъ быть, остріе и ревнивѣе, чѣмъ какая-нибудь другая народность, уже въ силу однихъ своихъ историческихъ воспоминаній, относится къ теперешнему неизбѣжному господству русскаго вліянія въ области православія, и не хочетъ добровольно уступить ему своего древняго законнаго наслѣдія; но сознавая это, намъ очевидно слѣдуетъ не обострять борьбу формальнымъ раздвоеніемъ интересовъ православія, а слѣдуетъ вліять искусными и тонкими средствами на самое настроеніе греческаго духовенства и греческаго народа, съумѣть стать въ самой Греціи, въ совѣтахъ вселенской церкви, на твердую родственную ногу, объединить наши общіе съ Греціею духовные интересы, такъ сказать, въ самомъ источникѣ ихъ.

Впослѣдствіи я много слышалъ въ Іерусалимѣ и Палестинѣ о неутомимой дѣятельности патріарха Никодима по возстановленію древнихъ Святынь Палестины и поддержкѣ православія въ самыхъ далекихъ и забытыхъ ея углахъ. Его особенно хвалили за то, что онъ строго преслѣдуетъ безнравственность монаховъ и распущенные нравы духовенства. То и дѣло, говорятъ, разбалованные иноки богатыхъ обителей отправляются по приказу Владыки на тяжкое покаяніе въ Маръ-Сабу и даже на Синай.

Глядя на его черные огненные глаза и слушая его страстную рѣчь, можно этому повѣрить... Его Блаженство оказался знакомъ съ моими «Очерками Крыма» и отозвался о нихъ съ большою любезностью, выразивъ надежду, что въ Палестинѣ я найду еще больше матеріаловъ для своихъ религіозныхъ, историческихъ и поэтическихъ впечатлѣній.

Было уже поздно; пора было отдохнуть и Владыкѣ, и мнѣ самому, и патріархъ благословилъ меня съ особенною привѣтливостію, взявъ съ меня слово побывать у него въ Іерусалимѣ на Троицынъ день.

Я возвратился въ русскія постройки черезъ совсѣмъ уже темные и опустѣвшіе переулки. У насъ ужъ все спало мертвымъ сномъ. Но я еще цѣлый часъ простоялъ въ молчаливыхъ думахъ на высокомъ уступѣ стѣны, надъ обрывомъ глубокой и узкой улицы, отдѣлявшей отъ насъ мечеть.

Высокая башня Минарета смутно вырѣзалась надъ моею головою въ темносиней безднѣ ночи, мигавшей яркими звѣздами.

— Ля-илляхъ-иль-Аллахъ!—медленно и протяжно пронизывалъ стихшій воздухъ ночи голосъ Муэдзина съ поглощеннаго тьмою минарета.

— Ля-илляхъ-иль-Аллахъ! завывалъ этотъ незримый голосъ, десятки лѣтъ неизмѣнный въ своей интонаціи, какъ звукъ мѣднаго колокола, десятки лѣтъ, точный, какъ полуночный крикъ пѣтуха.

Неспѣшно обходилъ онъ тамъ наверху по утлому балкончику, поднятому къ облакамъ, невидимый для человѣческаго глаза, отъ востока къ сѣверу, отъ сѣвера къ западу, отъ запада къ югу, и къ каждой сторонѣ свѣта поочереди взывалъ свою протяжную, далеко слышную молитву:

— Ля-илляхъ-иль-Аллахъ!..

III.—Въ странѣ Филистимлянъ.

Ночная встрѣча съ Бедуинами.—Новые и старые разбои.—Латрунъ, городъ разбойниковъ.—На родинѣ Маккавеевъ.—Уади-Али.—Оливковое дерево.—Долина Аіалонская и Іисусъ Навинъ.—Историческій взглядъ на грѣхи прошлаго.—Древняя Сора.—Моткалъ Али-Мехсинъ.—Деревня Абу-Гошъ.—Пророкъ Іеремія.—Земля Филистимлянъ.—Мѣсто боя Давидова.—Еммаусъ Евангелія.—Подъемъ къ Іерусалиму.

Была еще совсѣмъ темная ночь, когда Нѣмецъ-возница постучался въ дверь нашей келіи. Аккуратный архитекторъ-Французъ ждалъ насъ съ своими чемоданчиками на террасѣ дома, на улицѣ уже стояла совсѣмъ запряженная трясучая колесница наша. Зги не было видно въ черныхъ, узкихъ переулочкахъ и мы ѣхали, уповая на всевидящіе глаза лошадей, готовясь ежеминутно очутиться въ какомъ-нибудь провалѣ. Въ полѣ стало полегче. Все-таки можно было, хоть съ трудомъ, различать очертанія деревьевъ. Я вынулъ на всякій случай револьверъ, но, признаюсь, ѣхалъ черезъ эту черную Филистимскую степь населенную Бедуинами, съ такимъ же беззаботнымъ чувствомъ, какъ черезъ поля своей родной деревни. Бедуины стали попадаться на встрѣчу сейчасъ же. Они ѣхали верхами, поодиночкѣ и толпою, плотно завернутые въ свои плащи и кажется досыпали на лошадяхъ недоспанную ночь.

У всѣхъ качались за спиною длинныя и тонкія дула ихъ кремневыхъ, богато отдѣланныхъ винтовокъ. Не было никакого сомнѣнія, что они могли устроить, еслибы захотѣли, все, что хотѣли съ нашею жалкою плетущеюся каретой. Но имъ было ясно, съ другой стороны, что двое мужчинъ, рѣшившихся отправиться съ женщиной въ ночное путешествіе мимо ихъ шатровъ, не поѣдутъ безоружные, а поднимать сомнительную перестрѣлку изъ-за такого пустаго дѣла, какъ чемоданы путешественниковъ, не въ нравахъ трусливаго Бедуина, который терпѣть не можетъ крови и невѣрной борьбы, а охотникъ до безопаснаго грабежа.

Въ дни Шатобріана и даже въ дни Муравьева, не говоря уже о болѣе отдаленныхъ временахъ, путешествіе по этой дорогѣ было, впрочемъ, далеко не такъ просто и далеко не такъ дешево.

Вотъ какъ описывалъ Шатобріану обычныя перепетіи всякаго значительнаго путешественника знатокъ этого дѣла, католическій кюре Яффы:

— «Вамъ хочется видѣть Агу? Такъ сначала нужно ему поднести подарки. Онъ непремѣнно снабдитъ васъ, хотите вы или нѣтъ, конвоемъ до Іерусалима. Ага Рамле увеличитъ этотъ конвой. Арабы, узнавъ, что богатый Французъ ѣдетъ поклониться Святому Гробу, сорвутъ съ васъ усиленныя пошлины въ Каффаро, или нападутъ на васъ. У воротъ Іерусалима вы наткнетесь на станъ Дамасскаго паши, прибывшаго взыскать контрибуцію на отправляющійся въ Мекку караванъ. Ваша обстановка бросится въ глаза пашѣ, и онъ подвергнетъ васъ новому обирательству. Въ Іерусалимѣ съ васъ потребуютъ за конвой тысячи 3, 4 піастровъ. Народъ, узнавъ о вашемъ пріѣздѣ, станетъ осаждать васъ такъ, что, еслибы у васъ были милліоны, вы не насытите его жадности. Улицы будутъ запружены при вашемъ проѣздѣ, и вы будете пробиваться до Святыхъ мѣстъ съ опасностью быть разорваннымъ въ клочки».

Почтенный кюре, въ числѣ множества примѣровъ, разсказалъ знаменитому французскому путешественнику про одного польскаго епископа, любившаго пышную внѣшность, котораго за два года передъ тѣмъ толпа едва не лишила жизни. Благодаря убѣжденіямъ благоразумнаго кюре, благородный авторъ «Духа христіанства» рѣшился прикрыться грубымъ плащемъ Бедуина и въ самой простой обстановкѣ, съ своими двумя слугами, переодѣтыми также въ Бедуиновъ, съ двумя Арабами и многоопытнымъ патеромъ во главѣ, шедшимъ, по примѣру апостоловъ на собственныхъ ходунахъ,—отправился въ Іерусалимъ. Но и этихъ предосторожностей было мало. Изъ Іерусалима пришлось выслать на встрѣчу путешественнику монастырскаго драгомана,

который заранѣе уговорился съ шейхомъ Бедуиномъ проводить въ безопасности Шатобріана до воротъ Святаго Гроба.

Интересно, что провожатымъ Шатобріана былъ тотъ самый шейхъ, Абу-Гоше, котораго разбои долго потомъ гремѣли въ горахъ Іудеи и память котораго сохранилась въ имени неприступнаго горнаго селенія Абу-Гошъ, гнѣздѣ славнаго разбойника.

Оттого-то, вѣрно, Абу-Гошъ и ударилъ безъ оглядки отъ Шатобріана, какъ только увидѣлъ подъ стѣнами Іерусалима шатры грознаго паши, который имѣлъ обычай безъ жалости дуть по пяткамъ удалыхъ промышленниковъ пустыни...

Американецъ Диксонъ странствовалъ по Палестинѣ уже шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Шатобріана, не задолго передъ нами, однако и ему пришлось видѣть на дорогѣ подъ Іерусалимомъ, хотя и съ другой стороны, трупы убитыхъ, и даже въ самомъ Рамле онъ долженъ былъ выслушать печальную повѣсть о только-что зарѣзанномъ Арабами монастырскомъ врачѣ при Гробѣ Господнемъ.

Всѣ эти воспоминанія и соображенія не особенно способны успокоить путешественника робкаго десятка, когда онъ двигается въ глубокой темнотѣ ночи черезъ пустыню, которой каждая лощинка и каждый холмъ прославлены давними и недавними разбоями.

Первые лучи зари освѣтили тянувшуюся направо отъ дороги хмурую цѣпь Филистимскихъ холмовъ и впереди глубокую синеву Іудейскихъ горъ. На пригоркахъ по-прежнему вырѣзаются суровыя сторожевыя башни, изъ которыхъ выѣзжаютъ конные патрули. Чѣмъ-то враждебнымъ и непріютнымъ глядитъ на насъ въ полусумракѣ разсвѣта вся эта страна воинственныхъ воспоминаній и воинственныхъ нравовъ. Она дѣлается съ каждымъ шагомъ все гористѣе, подъемы дѣлаются все труднѣе.

Вотъ и Латрунъ, вѣчный притонъ разбойниковъ, что дало поводъ пріурочить къ нему кстати и двухъ разбойниковъ Еван-

гелія. У дороги стоитъ довольно большая гостинница, которую содержитъ европеецъ, но въ которой намъ посовѣтовали не останавливаться. Дальше и деревня Латрунъ, вся въ кактусахъ. На холмѣ развалины Никополиса, густо заросшія колючими кустами. Мы не утерпѣли и вскарабкались на холмъ полюбоваться разбитыми сводами, массивными стѣнами и остатками водопровода. Въ темнотѣ засидѣлись и хотѣлось размять усталые члены на утреннемъ солнышкѣ.

Большинство путешественниковъ считаютъ Латрунъ древнимъ Модиномъ—прославленною родиной Маккавеевъ. На гостинницѣ, мимо которой проѣхали мы, даже красуется внушительная надпись: «Hôtel des tombeaux des Maccabées».

Диксонъ смѣло окрещиваетъ «поѣздкою въ Модинъ» свой путь до Латруна...

Но кто знакомъ съ исторіей Модина, никогда не повѣритъ, чтобы эта основная твердыня Іудейскаго патріотизма, такъ славно боровшаяся противъ Сирійскихъ и всякихъ другихъ царей, могла быть тѣмъ ничтожнымъ холмомъ, который мы только-что посѣтили.

Шатобріану указывали на «замокъ Маккавеевъ», уже проѣхавши долину Уади-Али, на одинъ изъ тѣхъ высокихъ горныхъ конусовъ, которые во множествѣ господствуютъ надъ этою горною страною и на которыхъ стоятъ развалины всѣхъ сколько-нибудь извѣстныхъ древнихъ крѣпостей Іудеи.

«Замокъ Маккавеевъ» Шатобріана былъ, конечно, ничто иное какъ поднятый къ облакамъ Соба, отлично видный намъ съ дороги, въ которомъ еще въ XVI-мъ столѣтіи были найдены древнія гробницы и который долго считался за Модинъ. Но теперь открытъ, повидимому, истинный Модинъ въ селеніи Ель-Медіе, недалеко отъ Лидды. Та или другая горная вершина скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ прахъ Іудейскихъ героевъ, все-таки несомнѣнно, что мы теперь въ странѣ ихъ жизни, ихъ подвиговъ Маккавеи, вожди Евреевъ,—кажется, въ этомъ воспоминаніи не должно быть ничего особенно близкаго русскому сердцу. А

между тѣмъ и Англичанинъ, и Русскій, и Арабъ черезъ цѣлыхъ 2000 лѣтъ переполняются сочувственнымъ волненіемъ при воспоминаніи объ этихъ чуждыхъ имъ подвигахъ, какъ будто подвиги эти составляютъ ихъ общее драгоцѣнное наслѣдіе. Такова сила человѣческой доблести. Она принадлежитъ всѣмъ, она роднитъ, какъ узы крови, самые далекіе вѣка и самые противоположные народы.

Въ то время Антіохъ Епифанъ покорилъ и разворилъ Израиля. «Вострепетала земля за обитающихъ на ней и весь домъ Іакова облекся стыдомъ».

«Святилище его запустѣло какъ пустыня, праздники его обратились въ плачъ, суббота его—въ поношеніе». Царь приказалъ обращать всѣхъ силою въ язычество. Вездѣ ставились жертвенники идоламъ. У кого находили книги древняго еврейскаго закона, тѣхъ казнили смертью. Матерей, обрѣзывавшихъ своихъ дѣтей, убивали.

«Въ тѣ дни возсталъ Маттафія, священникъ изъ сыновъ Іоарива изъ Іерусалима. Жилъ онъ въ Модинѣ». «Для чего намъ еще жить?» сказалъ онъ. «И разодралъ Маттафія и сыновья его одежды свои, и облеклись во вретище и горько плакали». Пришли посланные отъ царя Антіоха въ Модинъ принуждать къ отступничеству Іудеевъ. И многіе изъ Израиля пристали къ нимъ, подходили къ идоламъ и приносили жертвы.

«Увидѣвъ это, Маттафія возревновалъ и затрепетала внутренность его и воспламенилась ярость его по закону». Царскій посолъ былъ убитъ, убиты отступники, жертвенникъ разрушенъ. Вѣрный Израиль ушелъ въ пустыню вслѣдъ за Маттафіей и сыновьями его. Къ нимъ собралось множество народу. Тогда Маттафія выступилъ съ грознымъ ополченіемъ и сталъ отбивать Израильскіе города. Но онъ скоро умеръ и торжественно похороненъ въ Модинѣ.

«И возсталъ вмѣсто его Іуда, называемый Маккавей, сынъ его. Онъ облекался бронею какъ исполинъ, онъ уподоблялся льву въ дѣлахъ своихъ. Прошолъ по городамъ Іудеи и истре-

билъ въ ней нечестивыхъ». Іерусалимъ былъ опять возвращенъ, и возстановлено царство Израильское, и началась многолѣтняя эпоха непрерывныхъ боевыхъ подвиговъ, непрерывнаго геройства. Іуда—«Левъ Израиля»—палъ какъ слѣдовало льву. Войско его почти все разбѣжалось, испуганное грозною ратью царя Дмитрія.

«Но Іуда сказалъ: нѣтъ, да не будетъ этого со мною, чтобы бѣжать отъ нихъ; а если пришелъ часъ намъ, то умремъ мужественно за братьевъ нашихъ»! Іуда палъ въ жестокой битвѣ. «Палъ сильный, спасавшій Израиля! И взяли Іонаѳанъ и Симонъ Іуду, брата своего, и похоронили его во гробѣ отцовъ его, въ Модинѣ».

Вотъ какою геройскою памятью запечатлѣны камни невѣдомаго теперь Модина.

Лѣвѣе дороги, тоже на холмикѣ, бѣдная Арабская деревушка, въ которой такъ странно звучитъ священное съ дѣтства названіе — Эммауса. Однако и объ Эммаусѣ Евангелія столько же споровъ, сколько о Модинѣ. Эммаусъ отыскиваютъ и въ Кубабѣ, по дорогѣ въ Рамле, и еще съ большимъ вѣроятіемъ въ томъ живописномъ селеніи «Колонія», въ которомъ намъ предстоитъ обѣдать, и откуда начинается послѣдній подъемъ на горы Іудейскія.

Колесница наша въѣзжаетъ въ долину, поросшую деревьями, Уади-Халиль. Кучка Арабовъ съ верблюдами и овцами сбилась вокругъ громадной каменной трубы, глубоко идущей въ каменистую почву. Это Биръ-Эюбъ—колодезь Іова, изъ котораго не упуститъ напоить свой скотъ ни одинъ туземецъ. Сейчасъ же въ сторонѣ, на склонѣ скалы, развалины монастыря Іова.

Теперь мы совсѣмъ забираемся въ горныя тѣснины. «Уади-али»—тѣнистый и узкій проходъ, въ которомъ немного лѣтъ тому назадъ разбойники чаще всего останавливали купцовъ и богомольцевъ. Впрочемъ, тѣснина эта прозвана не по имени разбойника, а по имени благочестиваго отшельника Имама-Али, мимо фонтана и рощъ котораго пришлось намъ потомъ проѣз-

жать. Почти у самаго входа въ тѣснину два-три домика «Воротъ Долины»—«Бабъ-ель-Уади».

Тутъ тоже маленькая таверна, и такъ какъ ее держитъ Еврей, а не Англичанинъ, то нашъ Нѣмецъ предпочелъ ее Латруну, чтобы дать немножко передохнуть и намъ, и утомленнымъ лошадкамъ своимъ.

Наши три Итальянца обогнали насъ и уже хозяйничали въ трактирѣ. Но кромѣ яицъ въ смятку и самаго невозможнаго залежавшагося сыра, не нашлось ничего въ нечистоплотныхъ шкафахъ нечистоплотнаго Еврея, несомнѣннаго потомка по прямой линіи одного изъ распинателей Христа.

Выручилъ насъ ничѣмъ незамѣнимый русскій самоваръ, въ которомъ жена приготовила намъ свой русскій чай совсѣмъ по-русски, да столь же неизбѣжный турецкій кофе, котораго не успѣлъ въ конецъ испортить даже Еврей. Мы весело проболтали часа полтора въ этой неожиданной молодой компаніи и ободренные яркимъ солнышкомъ еще болѣе, чѣмъ русскимъ чаемъ, вмѣстѣ двинулись далѣе на приступъ Іудейскихъ горъ. Утро было восхитительное, подъемы и спуски ужасные. Безконечная каменоломня, которую здѣсь величаютъ большою дорогою, выбивала изъ силъ и лошадей и пассажировъ, и нужно было изумляться, какъ десять разъ не разсыпались колеса нѣмецкаго фургона и самъ онъ не перевернулся вверхъ дномъ. Всѣ мы то и дѣло вылѣзали и шли цѣлыя версты пѣшкомъ. Самый тряскій оселъ на подобной дорогѣ былъ бы гораздо покойнѣе невыносимаго экипажа, и нельзя было сомнѣваться, что человѣкъ, привыкшій, подобно мнѣ, много ходить—дошелъ бы до Іерусалима пѣшкомъ гораздо скорѣе, чѣмъ дотащатъ насъ до него по этимъ нескончаемымъ горамъ и по этимъ безобразнымъ обваламъ камней истощенныя лошаденки... Тѣмъ не менѣе на душѣ было беззаботно и радостно; цвѣтущая и зеленѣющая долина, облитая жаркимъ утреннимъ солнцемъ,—словно разстилала свои яркіе ковры и въ моемъ упоенномъ сердцѣ.

Густая зелень рожковыхъ деревьевъ, держи-дерева и оди-

чавшихъ оливъ провожала насъ вездѣ. Слѣды обширныхъ терасъ, засаженныхъ оливковыми садами и виноградомъ, попадались на каждомъ шагу. Несомнѣнно, что эта долина, сосѣдняя съ столицею Іудеи, была въ древности густо населена дѣятельными садоводами и винодѣлами. Нельзя не залюбоваться здѣшними многовѣковыми маслинами, которыя цѣлыми рощами еще покрываютъ склоны холмовъ... Стволы ихъ кажутся свитыми изъ безчисленнаго множества сѣрыхъ желѣзныхъ канатовъ, между которыми просвѣчиваютъ черныя гнѣзда пустаго дупла. Листва ихъ тоже какая-то синесѣрая, будто пылью пропитанная, и даетъ самую скудную тѣнь. Это дерево каменистыхъ пустынь и солнечнаго зноя приготовляетъ въ своихъ сухихъ нѣдрахъ вмѣсто кислой или сладкой влаги плода, утоляющаго жажду, густую струю горючаго масла.

Огромныя, сѣрыя ящерицы то и дѣло снуютъ по этимъ сѣрымъ стволамъ, ныряя сквозь безчисленныя лазейки въ черную пустоту этихъ древнихъ нерукотворныхъ башенъ своихъ, быстро скользя, какъ проворная рыбка въ водѣ, подъ кучами такихъ сѣрыхъ камней. Эти ящерицы не похожи на нашихъ: онѣ тоже кажутся словно желѣзными, какъ и деревья, въ которыхъ онѣ живутъ. Когда такія крупныя жирныя ящерицы перебѣгаютъ во множествѣ дорогу, задравъ высоко хвостъ и головы, на своихъ довольно высокихъ ногахъ, издали кажется, что это стаи какихъ-то странныхъ сѣрыхъ птицъ спасаются въ свои каменныя норы отъ грома нашихъ колесъ. Маленькія змѣйки почти также часто выскакиваютъ изъ-подъ ногъ, безъ оглядки улепетывая въ тѣ же спасительные камни.

На самой дорогѣ мы миновали такъ-называемыя «дерева имама Али», тѣнистую рощицу оливъ и смоковницъ, пріосѣняющихъ старый фонтанъ и не вдалекѣ развалины старой мечети. Въ этихъ угрюмыхъ каменныхъ тѣснинахъ, гдѣ воду можно найти только въ рѣдкіе мѣсяцы дождей, устроить колодезь съ водою есть по истинѣ подвигъ святаго, достойный благословенія потомства.

Отъ тысячелѣтней исторіи прошлаго уцѣлѣли еще въ этой сторонѣ горъ не одни только древнія маслины. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мѣстность, по которой теперь мирно плетутся нѣмецкіе рыдваны съ русскими, французскими и итальянскими туристами, есть именно поле тѣхъ жестокихъ и безчисленныхъ битвъ, которыми древній, кочующій Израиль очистилъ себѣ мѣсто среди воинственныхъ и цивилизованныхъ народовъ, густо населявшихъ тогда страну Ханаанскую. Очень можетъ быть, что даже эта Уади-Али, есть ничего иное какъ пресловутая долина Аіалонская, надъ которою, по сказаніямъ библіи, совершилось извѣстное чудо Іисуса Навина.

«И сказалъ Іисусъ предъ Израильтянами: «стой солнце надъ Гаваономъ, и луна надъ долиною Аіалонскою!» И остановилось солнце, и луна стояла, доколѣ народъ мстилъ врагамъ своимъ». По крайней мѣрѣ сейчасъ надъ долиною Али, въ горахъ ея сѣвернаго берега, до сихъ поръ стоитъ деревушка Іало, а нѣсколько верстъ восточнѣе ея другая деревушка Гибъ, или Джибъ, которой положеніе и имя невольно напоминаютъ Гаваонъ, когда-то одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Хананейскаго союза, единственный городъ, избѣжавшій хитростью кровавой участи Іерихона, Гая и другихъ Ханаанскихъ городовъ, завоеванныхъ Іисусомъ Навиномъ.

Жутко читать въ Библіи вдохновенную, смертоносную эпопею этого завоеванія. Отъ суровой фигуры могучаго вождя Израильскаго, который въ какомъ-то религіозномъ восторгѣ, съ какою-то фанатическою неумолимостію жреца, совершающаго закланіе передъ жертвенникомъ своего грознаго Іеговы, безостановочно «предаетъ концу копія» царей, города, народы, — вѣетъ смертнымъ холодомъ, какъ отъ крылій какого-нибудь безпощаднаго Ангела-истребителя апокалипсическихъ видѣній.

«Вывели къ нему изъ пещеры пятерыхъ царей тѣхъ: царя Іерусалимскаго, царя Хевронскаго, царя Іармуѳскаго, царя Лахисскаго и царя Еглонскаго. Поразилъ ихъ Іисусъ и убилъ ихъ, и повѣсилъ на пяти древахъ». Въ тотъ же день взялъ Іисусъ

Македъ и поразилъ мечемъ царя его и *предалъ заключенію ихъ и все дышущее, что находилось въ немъ, никого не оставилъ, кто бы уцѣлѣлъ!»*

Послѣ Македа онъ идетъ въ Ливну (вѣроятно теперешняя деревня Лифта около самаго Іерусалима).

«И предалъ Господь и ее въ руки Израиля, и царя, и истребилъ ее Іисусъ мечемъ и все дышущее, что находилось въ ней, никого не оставивъ въ ней, кто бы уцѣлѣлъ!»

За Ливной слѣдуетъ Лахисъ.

«И предалъ Господь Лахисъ въ руки Израиля, и взялъ онъ его на другой день и поразилъ его мечемъ, и все дышущее, что было въ немъ и истребилъ его такъ, какъ поступилъ съ Ливною».

За Лахисомъ Еглонъ, за Еглономъ Хевронъ, за Хеврономъ Давиръ, и дальше и дальше, безконечно развивающимся роковымъ свиткомъ, чередуются одинъ за другимъ въ тѣхъ же немногихъ суровыхъ и короткихъ словахъ приговоры истребленія и смерти цѣлымъ царствамъ.

«И поразилъ Іисусъ всю землю нагорную и полуденную и низменныя мѣста, и землю, лежащую у горъ, и всѣхъ царей ихъ. Никого не оставилъ, кто уцѣлѣлъ бы и все дышущее предалъ заклятію, какъ повелѣлъ Господь Богъ Израилевъ!».

Наступаетъ новый рядъ битвъ, съ другой стороны Палестины, съ царемъ Асорскимъ, собравшимъ противъ Израиля подвластныхъ ему царей.

«Асоръ же прежде былъ главою всѣхъ царствъ сихъ». Опять тѣ же пораженія, то же истребленіе «всего дышащаго».

«И поступилъ Іисусъ съ ними такъ, какъ сказалъ ему Господь: конямъ ихъ перерѣзалъ жилы и колесницы ихъ сожегъ огнемъ». «Взялъ Асоръ и царя его убилъ мечемъ. И побили все дышущее, что было въ немъ мечемъ, предавъ заклятію; не осталось ни одной души, а Асоръ сожегъ онъ огнемъ. И всѣ города царей сихъ, и всѣхъ царей сихъ взялъ Іисусъ и побилъ ихъ мечемъ, предавъ ихъ заклятію, какъ повелѣлъ

Моисей, рабъ Господень! Не отступилъ ни отъ одного слова во всемъ, что̀ повелѣлъ Господь Моисею».

Въ приливѣ горделиваго упоенія строгимъ исполненіемъ священнаго долга—поетъ свой однообразный ужасный припѣвъ этотъ безпощадный жрецъ смерти.

Было бы въ высшей степени несправедливо видѣть въ этой неумолимости вождя Израильскаго только возмутительную жестокость. Невозможно судить тысячелѣтнюю древность по кодексу нашей теперешней нравственности. Вѣроятно, міръ долженъ былъ поглотить много крови, пока насытился, пока пресытился ею и ощутилъ наконецъ къ ней теперешнее неодолимое отвращеніе.

Въ древніе вѣка человѣчество проливало свою кровь просто, смѣло и щедро потому, что вездѣ царилъ законъ крови. Израиль вынесъ изъ Египта, вытерпѣлъ въ пустынѣ, нашелъ въ землѣ Ханаанской тѣ же обычаи крови, вкусы крови. Съ такою же безпощадностію, какъ онъ истреблялъ нечестивыхъ Хананейцевъ, истребляли фараоны Египта его первенцовъ, и Амаликитяне пустыни—его мужей.

Ужасъ былъ тогда основою закона, общества, царства, основою международныхъ отношеній. Или самъ испытывай ужасъ и покоряйся, страдай, или внуши ужасъ другому и владычествуй надъ нимъ, повелѣвай ему.

Когда первые соглядатаи Израиля вернулись изъ окрестностей Хеврона въ пустыню Фаранъ, они разсказывали: «Народъ, живущій на землѣ той, силенъ и города укрѣпленные, весьма большіе. Тамъ видѣли мы исполиновъ, сыновъ Енаковыхъ, отъ исполинскаго рода, и мы были въ глазахъ нашихъ предъ ними, какъ саранча». И подняло все общество вопль и плакалъ народъ во всю ту ночь: «о, еслибы мы умерли въ землѣ Египетской, или умерли бы въ пустынѣ сей!»

Ужасъ передъ сынами Енаковыми, овладѣвшій Евреями,

былъ такъ великъ, что они предпочли лучше вернуться въ пустыню и странствовать въ ней нѣсколько лѣтъ, пока рѣшились наконецъ пробраться въ Обѣтованную землю далекимъ обходомъ, изъ-за Мертваго моря, черезъ земли Моавитянъ и Аммонитянъ, къ Іордану и Іерихону, откуда уже началось кровавое побѣдное шествіе Іисуса Навина.

Паническій ужасъ Израиля передъ сынами Енака ему теперь необходимо было замѣнить такимъ же паническимъ ужасомъ этихъ, нѣкогда страшныхъ сыновъ Енака, передъ торжествующимъ народомъ Господнимъ. Мѣста для обоихъ не было; народу Господню необходимо было взять наслѣдіе Авраама и Іакова, издревле обѣщанное ему его Богомъ, или лечь костьми.

Передъ этою роковою задачею жизни и смерти цѣлаго народа должны были отступить назадъ всѣ другія человѣческія соображенія и человѣческія чувства, и неумолимый истребитель враговъ неминуемо долженъ былъ стать священнѣйшимъ героемъ народа, вѣрнѣйшимъ исполнителемъ завѣта Божія.

Долина Уади-Али кончается и мѣстность дѣлается еще гористѣе, но уже гораздо открытѣе. Съ высоты одного крутаго подъема мы вдругъ неожиданно увидѣли голубую, нѣжную, какъ сонъ, равнину моря. Какъ чудная, миніатюрная акварель, вырѣзывались на его фонѣ бѣлые домики Яффы. Ближе виднѣлась Рамле съ своими садами пальмъ. Вся долина Саронская была видна намъ съ птичьяго полета. Но уже теперь видна не одна долина, а и весь рельефъ горныхъ высотъ. Города и замки, запечатлѣнные именами глубокой древности, торчатъ на неприступныхъ вершинахъ, владычествующихъ надъ окрестностью. Это старый Сорисъ, Кастель, Соба, Каріатъ, Эль-Энабъ, но всѣхъ дальше и всѣхъ выше поднимается отовсюду видный Неби-Самуилъ.

Сорисъ — это, конечно, древній Сора или Цора Библіи, родина Самсона.

Сора находилась на рубежѣ Филистимской земли, и несомнѣнно, что Филистимляне легко смѣшивались въ этихъ мѣстностяхъ съ Іудеями. Очень можетъ быть, что и богатырь Самсонъ былъ отъ крови какого-нибудь исполина, изъ племени сыновъ Енаковыхъ, хотя ему еще при рожденіи предсказано: «отъ самаго чрева младенецъ сей будетъ Назорей Божій и онъ начнетъ спасать Израиля отъ руки Филистимлянъ». Недаромъ такъ по вкусу ему приходились необрѣзанныя Филистимлянки и недаромъ онъ всю жизнь свою странствовалъ по ихъ городамъ и селамъ, то въ Θимнаѳѣ, гдѣ взялъ жену у Филистимлянина, то въ Аскалонѣ, то въ Газѣ у блудницы, то въ долинѣ Сорекъ у Далилы. Словомъ жилъ и умеръ среди Филистимлянъ

На вершинѣ перевала громадная куча бѣлыхъ камней у края дороги носитъ названіе «Мокталъ-Али-Мехсинъ» — «Убійство Али Мехсина»!

Это одно изъ самыхъ пригодныхъ, самыхъ внушительныхъ названій для этой разбойничьей мѣстности. Отсюда дорога круто сбѣгаетъ теперь въ узкую, заросшую деревьями долинку и тянется подъ грозными домами-замками Каріетъ-Эльи-Энаба, библейскаго Каріафъ-Іарима. У Каріафъ-Іарима (горы лѣсовъ), который еще раньше назывался Каріафъ-Ваалъ (гора Ваала), или просто Ваалъ,—сходились предѣлы Іуды и Веніамина, и почти тутъ же былъ рубежъ Филистимской земли. Это положеніе дѣлало неприступное ущелье Ваала очень важнымъ пунктомъ древности.

Когда ковчегъ Завѣта, отнятый у недостойныхъ сыновъ Илія, переходилъ изъ одного Филистимскаго города въ другой, изъ Азота въ Гефъ, изъ Гефа въ Аскалонъ, поражая вездѣ язычниковъ смертью и болѣзнями, то Филистимляне запрягли наконецъ двухъ чистыхъ тельцовъ въ колесницу Ковчега и пустили ихъ по волѣ.

Тельцы привезли Ковчегъ въ пограничный Іудейскій городъ

Веѳсамису. Но тутъ 50,000 народа было поражено смертью, за то, что дерзнули заглянуть въ святыню. Тогда послали въ сосѣдній Каріафъ-Іаримъ съ просьбою взять отъ нихъ Ковчегъ.

«Пришли жители Каріафъ-Іарима и взяли Ковчегъ Господа и принесли его въ домъ Аминодава на холмъ». Тамъ 20 лѣтъ пребывала эта Святыня Израиля.

Теперь это мѣстечко зовется по просту Абу-Гошъ, въ память того смѣлаго разбойника шейха, который охранялъ нѣкогда паломничество Шатобріана, останавливалъ нашего Муравьева, и который долго гнѣздился въ этихъ неприступныхъ земляхъ, наводя ужасъ на окрестности со своими шестью братьями и чуть не цѣлою сотнею дѣтей ихъ, какъ истинный наслѣдникъ древнихъ патріарховъ Іудеи. Абу-Гошъ очень живописенъ и очень характеренъ. Онъ такъ и просится подъ карандашъ художника. Внизу его скалъ, близко отъ дороги, прекрасно сохранившіяся развалины обширнаго готическаго храма временъ крестовыхъ походовъ, на стѣнахъ котораго еще уцѣлѣли остатки фрескъ и мозаикъ — это старая церковь пророка Іереміи, принадлежащая теперь французскому правительству. Ниже ея въ чащѣ деревьевъ и ключъ грознаго пророка. Во время Шатобріана вся долина эта и самая деревня носили имя Іереміи, который, по преданію, родился здѣсь. Въ этой узкой тѣснинѣ Арабы собирали тогда и пошлины съ путниковъ.

Насколько вѣроятно преданіе объ Іереміи, судить, конечно, трудно. Быть можетъ деревня Анатá, лежащая недалеко отъ Іерусалима нѣсколько правѣе дороги въ Римъ, болѣе соотвѣтствуетъ имени древняго города Анаѳоѳа или Анатата, въ которомъ родился и жилъ пророкъ Іеремія. Но я держусь того мнѣнія, что народная молва, пережившая столѣтія, все-таки самый надежный источникъ изъ сомнительныхъ источниковъ древней исторіи. Безотрадныя голыя горы, которыя начинаются сейчасъ же за Абу-Гошемъ, во всякомъ случаѣ какъ нельзя болѣе подходятъ подъ отчаянные звуки «плача Іереміина».

Какъ этотъ каменный хаосъ горъ, выжженныхъ южнымъ

солнцемъ, плачъ библейскаго исполина дышетъ палящимъ зноемъ внутренняго пламени, которое сожигало его великую душу, возмущенную сквернами міра и населяло ее будто горячечными грезами—грозными видѣніями будущаго.

«Утроба моя, утроба моя! скорблю въ глубинѣ сердца моего, волнуется во мнѣ сердце мое, не могу молчать!» вопитъ словно не своею волею страдалецъ пророкъ. «Смотрю на землю, и вотъ она разорена и пуста, на небеса—и нѣтъ на нихъ свѣта. Походите по улицамъ Іерусалима и посмотрите, и развѣдайте, и поищите на площадяхъ его, не найдете ли человѣка, нѣтъ ли соблюдающаго правду, ищущаго истины?»

«Изумительное и ужасное совершается, на сей землѣ: пророки пророчествуютъ ложь, и священники господствуютъ при посредствѣ ихъ».

«О, кто дастъ головѣ моей воду и глазамъ моимъ источникъ слезъ! Я плакалъ бы день и ночь». Въ вѣка грубой древности совѣсть цѣлаго народа воплощалась въ немногихъ великихъ избранникахъ и дѣлала ихъ вдохновенный голосъ властнымъ голосомъ Бога, разоблачающаго грѣхи міра и грозящаго ему своими карами.

«Я сказалъ: о Господи Боже! я не умѣю говорить, ибо я еще молодъ. И простеръ Господь руку свою и коснулся устъ моихъ, и сказалъ мнѣ Господь: вотъ Я вложилъ слова мои въ уста твои, Я поставилъ тебя нынѣ укрѣпленнымъ городомъ и желѣзнымъ столбомъ, и мѣдною стѣною на всей этой землѣ, противъ царей Іуды, противъ князей его, противъ священниковъ его и противъ народа земли сей». Такъ объяснилъ себѣ неодолимое роковое рвеніе своей, скорбѣвшей за человѣка, страстной души самъ пророкъ, и такъ смотрѣли на грозное призваніе пророка съ трепетомъ внимавшіе ему люди вѣка...

Абу-Гошъ вообще полонъ интересныхъ развалинъ древности. Это несомнѣнно былъ пунктъ большой важности не только въ вѣка еврейской, но и средневѣковой исторіи.

Мы отдохнули немного около развалинъ храма и поспѣшили дальше.

Горы становились все безлѣснѣе и пустыннѣе, все чаще и многочисленнѣе появлялись на пирамидальныхъ макушкахъ горъ —развалившіяся стѣны и башни древнихъ городовъ Іудеи. Вотъ наконецъ и послѣдняя долина передъ голымъ, каменнымъ хребтомъ, заграждающимъ отъ насъ Іерусалимъ. Рѣзкими и опасными зигзагами скатывались мы во весь духъ въ живописную долину «Теребинтовъ». Надъ нами видно большое селеніе *Колонія*—Эммаусъ Евангелія—а вдали, на плоской террасѣ горъ, бѣлые корпуса греческихъ и католическихъ богоугодныхъ учрежденій въ монастырѣ Святаго Креста.

Эта долина—мѣсто боя Давида съ Голіафомъ, по преданію туземцевъ. Его показываютъ очень увѣренно и съ математическою точностію у тѣнистаго ручья, завалившаго свои зеленые берега кучами круглыхъ камней. Замокъ Голіафа,—тоже, конечно, показывается на одной изъ сосѣднихъ высотъ. По Библіи войско Саулово дѣйствительно «расположилось станомъ въ долинѣ дуба».

«И стали Филистимляне на горѣ съ одной стороны и Израильтяне на горѣ съ другой стороны, а между ними была долина», повѣствуетъ Книга Царствъ.

Хотя по раздѣлу Іисуса Навина, мѣсто это вошло въ предѣлы Веніаминова жребія, но сосѣдніе Филистимляне долго еще не признавали надъ собою власти Израиля и хозяйничали здѣсь такъ же свободно, какъ и въ коренныхъ своихъ городахъ. Читая Библію, удивляешься кто же собственно господствовалъ изъ нихъ другъ надъ другомъ—Евреи надъ Филистимлянами или Филистимляне надъ Евреями.

«Не осталось ни одного изъ Енакимовъ въ землѣ сыновъ Израиля, а остались только въ Газѣ, Геѳѣ и Азотѣ» весьма точно сообщаетъ книга Іисуса Навина о подавленіи Филистимлянъ, а въ другомъ мѣстѣ говоритъ еще опредѣлительнѣе: «Отъ

предѣловъ Сихара, что предъ Египтомъ, до предѣловъ Екрона (т. е. потока Екронскаго) къ сѣверу, считаются Ханаанскими пять владѣльцевъ Филистимскихъ: Газскій, Азотскій, Аскалонскій, Геѳскій, Екронскій и Аввійскій».

Но, между тѣмъ, Филистимляне изъ этого своего приморскаго угла многія десятилѣтія сряду распоряжаются во всей землѣ Іудейской, держатъ «на холмахъ», то-есть въ укрѣпленныхъ высокихъ мѣстахъ, «охранные отряды», беруть дань и вообще наводятъ неописанный ужасъ на Іудеевъ. Это и понятно, если вспомнить, что Евреи Іисуса Навина были простые кочевники-пастухи, не знавшіе ни колесницъ, ни коннаго боя, ни какихъ-либо настоящихъ боевыхъ оружій. А Филистимляне были тѣ же Финикійскіе народы приморской торговли и сравнительно высокой цивилизаціи.

Ихъ Дагонъ, богъ морской торговли, изображался чрезвычайно искусно и имѣлъ много роскошныхъ божницъ. Около Яффы мы проѣхали недалеко отъ селенія Бентъ-Дежанъ, которое несомнѣнно есть библейское Вео-Дагонъ, упоминаемое въ книгѣ Іисуса Навина, въ которомъ было одно изъ главныхъ капищъ Дагона.

Евреи застали у нихъ высоко-развитое земледѣліе и садоводство. Одну кисть винограда, которую принесли въ пустыню первые соглядатаи земли Обѣтованной,—съ трудомъ несли на палкѣ два сильныхъ мужа, и виноградъ этотъ былъ принесенъ изъ долины Эсхолъ, т.-е. отъ Хевронскихъ Филистимлянъ, исполинскихъ сыновъ Енака. Тогда же принесли оттуда гранатовыя яблоки.

Самсонъ сожигаетъ своими лисицами всю пшеничную жатву Филистимскую, и копны и нежатый хлѣбъ, и виноградные сады, и масличные.

Въ то же время Филистимляне были искусные ремесленники; хотя колѣну Іуды достались по раздѣлу всѣ города Филистимскіе, но, очевидно, онъ не могъ въ дѣйствительности отобрать ихъ силою отъ сыновъ Енака.

«Господь былъ съ Іудою, *и онъ овладѣлъ горою, но жителей долины не могъ прогнать, потому что у нихъ были желѣзныя колесницы*».

Когда Филистимляне выступили противъ Саула въ Михмасъ, то у нихъ было «*30,000* колесницъ и 6,000 конницы, и народа множество, какъ песокъ на берегу моря». Это давало Филистимлянамъ громадное преимущество надъ почти безоружными Евреями, не имѣвшими искусныхъ ремесленниковъ; кузнецовъ не было во всей землѣ Израильской, ибо Филистимляне опасались, чтобы «Евреи не сдѣлали меча или копья», говорится въ Книгѣ Царствъ.

«И должны были ходить всѣ Израильтяне къ Филистимлянамъ оттачивать свои сошники, и свои заступы, и свои топоры, и свои кирки». Доходило до того, что во время первыхъ битвъ Саула во всемъ войскѣ Израильскомъ «не оказалось *ни меча, ни копья*, а только нашлись они у Саула и Іонаѳана, сына его».

Понятно, какой ужасъ наводили при этихъ условіяхъ Филистимляне на народъ Божій; понятно, почему при ихъ приближеніи Саулъ съ Іонаѳаномъ и съ своимъ безоружнымъ народомъ «засѣли въ Гивѣ Веніаминовой и плакали». Голіафъ изъ Гефа, истинный потомокъ исполинскихъ сыновъ Енака, когда-то такъ напугавшихъ Евреевъ, «ростомъ шести локтей и пяди»—выступилъ на единоборство въ мѣдномъ шлемѣ, въ чешуйчатой бронѣ, въ мѣдныхъ наколѣнникахъ и съ мѣднымъ щитомъ, то-есть въ полномъ вооруженіи современныхъ ему цивилизованныхъ народовъ. А чтобы вооружить хотя какъ-нибудь его Іудейскаго соперника, пастушонка Давида, самому царю Саулу пришлось снимать съ себя одежды, брони и шлемъ, и отдавать свой мечъ, которые, впрочемъ, какъ извѣстно, оказались не по рукѣ вольному сыну пустыни. Вотъ отъ чего Давиду и пришлось биться съ Филистимскимъ великаномъ ничѣмъ другимъ, какъ камнями и палкой.

«И взялъ посохъ свой въ руку свою, и выбралъ себѣ пять

гладкихъ камней изъ ручья, и положилъ ихъ въ пастушескую сумку, которая была съ нимъ».

Въ этой странѣ камней каждый пастушонокъ становился поневолѣ ловкимъ метателемъ пращи, и камень былъ самымъ естественнымъ орудіемъ битвы, точно такъ же, какъ орудіемъ казни; онъ самъ, такъ сказать, лѣзъ подъ руку разгнѣванному человѣку. Оттого не только Давидъ убиваетъ камнемъ Филистимскаго великана, но и народъ въ Іерусалимѣ постоянно побиваетъ каменьями своихъ преступниковъ.

Надъ оживленною зеленою долиною стоитъ на самой дорогѣ хорошенькій домикъ, окруженный тѣнистыми маслинами, гдѣ угнѣздилось цѣлое промышленное хозяйство предпріимчиваго Сирійца. На вывѣскѣ русскими буквами подписано «Гостинница» и даже нарисованъ тульскій «самоваръ». Это лучше всего указываетъ, на кого разсчитываетъ свои барыши хозяинъ Евангельскаго Еммауса. Необходимо было сдѣлать здѣсь обѣденный привалъ и покормить лошадей прежде, чѣмъ предпринять томительное карабканье на самую высь горъ Іудейскихъ.

Нельзя было въ этомъ отношеніи лучше выбрать мѣста для разстановки торговыхъ силковъ на проѣзжаго и прохожаго. Жаръ уже былъ нестерпимъ и давно мучилъ насъ. Полутемная, отѣненная со всѣхъ сторонъ и снабженная широкими диванами, зала была какъ нельзя болѣе кстати въ этотъ полуденный часъ. Она оказалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, магазиномъ всякихъ нужныхъ и ненужныхъ вещей и буфетомъ питій и снѣдей; по серединѣ стоялъ даже билліардъ съ лузами, и эта обстановка ярмарочнаго трактира на самомъ порогѣ святаго города, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ, быть можетъ, Христосъ благословлялъ хлѣбъ за скромной трапезой Луки и Клеопы, признаюсь, показалась намъ не только неумѣстной, но даже оскорбительной. Мы подремали немного на диванахъ, подкрѣпивъ себя кое-чѣмъ, и когда лошади съѣли свой ячмень, тронулись въ гору. Чистое горе

этотъ подъемъ въ нагруженномъ экипажѣ по страшнымъ кручамъ на скверныхъ лошадяхъ и по неизобразимой дорогѣ. Мы карабкались къ райскимъ обителямъ Іерусалима во истину тернистымъ путемъ, во истину пылали самою горячею жаждою узрѣть наконецъ священныя твердыни града Давидова.

Но гдѣ же эта пресловутая «Поклонная гора», откуда паломники всѣхъ вѣковъ привѣтствовали радостными слезами первыя вершины Іерусалимскихъ башенъ, откуда колѣно-преклоненный Петръ Пустынникъ указывалъ своей старческой торжествующей рукою стѣны святаго города умиленнымъ дружинамъ крестоносцевъ?...

Ея вовсе нѣтъ, какъ нѣтъ болѣе никакого вида на Іерусалимъ со стороны Яффы.

Новая, европейская часть Іерусалима съ ея громадными прозаическими корпусами недостроенныхъ пріютовъ, богадѣленъ, училищъ, гостинницъ и больницъ, съ ея кучами тесанныхъ камней и бревенъ, начинается задолго до настоящаго древняго города Мельхиседека едва не рядомъ съ послѣднею сторожевою башнею, охраняющею отъ разбойниковъ пустынную дорогу, и совсѣмъ загораживаетъ этимъ досаднымъ первымъ планомъ романтическій видъ древнихъ Іерусалимскихъ стѣнъ.

IV.—У Святаго Гроба.

На своемъ дворѣ.—Нѣмецъ-драгоманъ.—Архимандритъ Антонинъ.—Улицы Іерусалима.—Площадка храма Господня.—Тюремщики Святаго Гроба.—Камень миропомазанія.—Главная ротонда.—Часовня Ангела.—Вертепъ Св Гроба.—Соборъ Воскресенія.—Алтари всѣхъ языковъ земли.—Голгоѳа.—Храмъ Св. Елены.—Мѣсто обрѣтенія Животворящаго Креста.—Истинно христіанскій характеръ храма Господня.

«Русскія постройки»,—это цѣлая русская колонія, возникшая въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ передъ стѣнами Іерусалима. Она захватила довольно много простору для своихъ большихъ каменныхъ корпусовъ, для своего пятиглаваго собора, для своихъ садовъ, огородовъ и дворовъ... Она обнесена стѣнами и запирается воротами, такъ что можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ обратиться въ осадный дворъ. Тутъ и наше генеральное консульство со своими канцеляріями и драгоманами, и русская духовная миссія, и русскій госпиталь. Громадныя постройки направо для простыхъ богомольцевъ, такая же постройка налѣво, за больницею, «для господъ».

Тутъ у насъ, какъ въ Японіи, два хозяина: одинъ свѣтскій, — консулъ, другой, — духовный, архимандритъ Антонинъ, начальникъ миссіи.

Не могу выразить того отраднаго чувства, съ которымъ я въѣзжалъ въ «свой» русскій дворъ къ своимъ землякамъ, къ родной силушкѣ народной. Тутъ все глядитъ по-русски, говоритъ по-русски. Мужички и бабы въ знакомыхъ курскихъ или костромскихъ нарядахъ, сидящіе въ тѣни отъ солнышка, знакомые бакенбарды николаевскаго шеврониста-солдата, знакомый самоварчикъ, раздуваемый въ углу.

Изъ «господскихъ нумеровъ» выбѣжала какая-то бойкая фигурка и ломаннымъ русскимъ языкомъ пригласила насъ на верхъ, увѣряя, что для насъ давно приготовленъ нумеръ, такъ какъ яффскій консулъ далъ знать здѣшнему о нашемъ пріѣздѣ...

Не знаю, насколько было правды въ этомъ сообщеніи, но только не успѣли мы дойти до отведеннаго намъ помѣщенія, какъ услужливая фигурка рекомендовалась намъ мѣстнымъ чичероне, будто бы отлично извѣстнымъ всему православному міру, и выразила твердую надежду, что столь просвѣщенные господа, какъ мы, не захотятъ пригласить въ проводники никого другаго, кромѣ его, Якова Кристи, общаго друга Русскихъ, великаго знатока всѣхъ языковъ, арабскаго, русскаго, нѣмецкаго, и опытнѣйшаго въ палестинскихъ древностяхъ... По его словамъ, которымъ мы повѣрили слишкомъ поспѣшно, консулъ нашъ всегда рекомендуетъ его путешественникамъ, такъ что мы въ наивности своей приняли его за привилегированнаго драгомана при русскихъ постройкахъ, такъ сказать, за оффиціально-установленное мѣстное учрежденіе. Оказалось, что вмѣстѣ съ археологіею достопочтенный Нѣмецъ соединяетъ и болѣе прибыльную коммерцію, содержа около построекъ лавочку разныхъ снадобій и горячительныхъ питій. Супруга же его служитъ экономкою при господскихъ нумерахъ. Такимъ образомъ мы сразу впали не только въ сугубую, но и въ трегубую зависимость отъ услужливаго Нѣмчика, ибо тотчасъ же почувствовали нужду во всѣхъ трехъ сферахъ его вліянія, и все послѣдующее время своего пребыванія въ Іерусалимѣ, своего путешествія по Палестинѣ, Самаріи и Галилеѣ, мы уже не могли разстаться съ овладѣвшимъ нами по первому же абцугу Негг'омъ Кристи, нечувствительно обратившимся въ нашего неразлучнаго путеводителя, драгомана, метръ д'отеля и даже маркитанта.

Пока жена приходила въ себя послѣ безбожной тряски въ нѣмецкомъ фургонѣ и приводила въ порядокъ свой туалетъ, я сдѣлалъ визитъ консулу, котораго не засталъ, и архимандриту Антонину.

Архимандритъ Антонинъ—инокъ смиреннаго вида и должно быть не особеннаго крѣпкаго здоровья. Онъ кажется уставшимъ и говоритъ очень тихо. Но въ сущности, это человѣкъ большой энергіи и силы воли. Ему многимъ обязаны и русскія пост-

ройки, и другія палестинскія святыни. Онъ неутомимо насаждаетъ вездѣ, гдѣ можетъ, русское духовное вліяніе и, помимо Грековъ, старается возстановлять на русскій счетъ историческія реликвіи Святой Земли. Ему приходится черезъ это вести нестихающую потаенную борьбу съ зложелательствомъ и завистью здѣшняго греческаго духовенства, враждебно смотрящаго на эти непривычныя ему самостоятельныя стремленія русской церкви.

Архимандритъ очень привѣтливо побесѣдовалъ со мною и далъ нужныя мнѣ разъясненія. Но такъ какъ мы съ женою рѣшили немедленно отправиться къ Святому Гробу, да и архимандриту нужно было спѣшить служить всенощную въ русскомъ соборѣ (это былъ канунъ Вознесенія), то я и не задерживалъ его долгимъ своимъ визитомъ.

Мы отправились пѣшкомъ, сопровождаемые нашимъ новымъ чичероне. Русскія постройки очень близко отъ Яффскихъ воротъ; онѣ отдѣляются отъ нихъ только небольшою базарною площадью, всегда полною народа.

Ворота эти смотрятъ еще вполнѣ средневѣковыми: это цѣлое укрѣпленіе съ массивными стѣнами и сводами, съ тяжелыми желѣзными полотнищами на громадныхъ петляхъ. Турецкіе часовые постоянно сидятъ подъ ними, у дверей своей караулки, сдѣланной въ толщѣ самихъ воротъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Яффскими воротами и замокъ Св. Давида со своими зубцами, бойницами и рвами, самая величественная изо всѣхъ башенъ Іерусалимской ограды, придающая совершенно воинственный видъ этому обращенному въ крѣпость «городу міра».

Улицы Іерусалима тѣсны и грязны. Часто онѣ сплошь покрываются сводами домовъ, подъ которыми пробираются. Множество лавченокъ съ обычнымъ восточнымъ товаромъ, кухоньки, кофейни, цырульни, бѣдныя мастерскія, глядятъ по сторонамъ, совсѣмъ открытыя, изъ всѣхъ полутемныхъ норъ... Словомъ, это одинъ безконечный базаръ, какъ улицы Каира, Яффы и каждаго восточнаго города.

Не думаю, чтобы Іерусалимъ среднихъ вѣковъ и даже Ветхаго Завѣта особенно разнился отъ теперешняго. Та же неприступность и непріютность тяжелыхъ каменныхъ ящиковъ безъ оконъ и безъ дверей, называемыхъ здѣсь домами, скорѣе похожихъ на башни и блокгаузы, тѣ же каменные и глиняные купольчики и плоскія крыши на верху, тѣ же вонючія, вьющіяся улицы, въ которыхъ десять человѣкъ могутъ остановить цѣлое войско. И, конечно, пестрая, разноплеменная, разноязычная толпа въ самыхъ невиданныхъ и живописныхъ одеждахъ, и, конечно, не прерывающаяся толкотня ословъ, лошадей, верблюдовъ, вездѣ оглушающій говоръ, крики и шумъ...

Подумаешь, что это простой уголокъ Каирскаго базара, и совсѣмъ забудешь о томъ, гдѣ ты въ дѣйствительности, и куда теперь идешь... Арабская крикливая суэта подавила здѣсь собою всѣ другіе обычаи и стерла всякій библейскій и евангельскій характеръ съ улицъ Давидова города.

И вотъ вы, разсѣянный, смущенный всею этою безпорядочною сутолокою людей и животныхъ, среди которой должны продираться, незамѣтно повернули съ базарной улицы въ какую-то узенькую щель между глухими стѣнами, и черезъ нѣсколько шаговъ вдругъ неожиданно очутились на небольшой площадкѣ, отовсюду обставленной высокими строеніями, будто на днѣ глубокаго каменнаго ящика, передъ самымъ храмомъ Святаго Гроба...

Ничто васъ не подготовляетъ къ нему, и тѣснота, которою онъ отовсюду задавленъ, эти отвернувшіяся къ нему спиною неопрятныя, полуразвалившіяся зданія изъ голаго камня, эта оскорбительная безцеремонность сосѣдства турецкихъ домовъ и мечетей, едва оставляющихъ ему мѣсто подъ голубымъ небомъ, —производитъ на русскаго человѣка тяжелое впечатлѣніе.

Мраморный помостъ поднимается нѣсколькими ступенями къ подножію храма. Тутъ цѣлое торжище священными предметами Іерусалима: образками, крестиками, чотками, картинами. Оно кажется тоже мало умѣстнымъ въ преддверіи того самаго

храма, откуда Галилейскій Учитель вервіемъ изгналъ торгующихъ и опрокинулъ ихъ нечестивыя сѣдалища.

Направо отъ помоста высокій минаретъ халифа Омара. Онъ поставилъ его неусыпнымъ стражемъ надъ святынею Христіанства, пощадивъ самую святыню. Уже грозный побѣдитель готовился войти съ своими муллами и улемами въ двери христіанскаго храма, чтобы тамъ вознести благодарственную молитву Аллаху и обратить этимъ навсегда въ святилище Ислама Вертепъ Гроба Христова; но его остановилъ на порогѣ храма патріархъ Софроній. Умный старецъ съумѣлъ убѣдить варвара истребившаго Александрійскую библіотеку, что ему будетъ гораздо больше славы, если онъ востановитъ въ прежнемъ блескѣ знаменитый храмъ премудраго царя Соломона, оставивъ въ покоѣ смиренный культъ Распятаго Христа.

Преемникъ Магомета велѣлъ тогда разложить свой молитвенный коврикъ на наружномъ мраморномъ помостѣ храма, и Святой Гробъ былъ такимъ образомъ спасенъ... Одинъ только минаретъ остался навсегда памятникомъ этой первой молитвы арабскаго халифа въ завоеванномъ имъ святомъ городѣ христіанъ.

Минаретъ этотъ не даромъ караулитъ такъ близко Гробъ Христовъ. Онъ служитъ вѣрнымъ символомъ того рабства, въ которомъ болѣе тысячелѣтія держали и отчасти держатъ еще мусульмане эту величайшую святыню христіанства. Не говоря уже о далекихъ отъ насъ временахъ, еще при Шатобріанѣ, въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія, каждый поклонникъ долженъ былъ уплатить турецкой стражѣ храма 24 лева за право входа. Еще при Муравьевѣ, въ 1830 году, уже послѣ разгрома Турціи на Балканахъ нашимъ побѣдоноснымъ воинствомъ, мусселимъ Іерусалимскій сидѣлъ со своими солдатами и мытарями на помостѣ храма, передъ воротами его, и заставлялъ богомольцевъ пролѣзать подъ плетень, которымъ онъ перегородилъ доступъ къ храму, чтобы никто не могъ проскользнуть туда безъ установленной пошлины.

Храмъ тогда даже днемъ запирался на ключъ, и ключи хранились у сторожей-Турокъ, по наслѣдству передававшихъ другъ другу это историческое право свое. У одного семейства хранился самъ ключъ, у другаго воскъ, у третьяго печать, у четвертаго веревка, у пятаго лѣстница. Необходимо было общее согласіе и участіе всѣхъ этихъ пяти наслѣдственныхъ обладателей Св. Гроба, чтобы отворить заповѣдную дверь, и конечно, такое согласіе нужно было каждый разъ купить соотвѣтственной жертвой.

Впрочемъ, и теперь, если не весь день, то съ 7-ми часовъ вечера и до 3-хъ утра, храмъ запирается на ключъ тѣми же наслѣдственными стражами, и проникнуть въ эти часы въ храмъ до сихъ поръ стоитъ порядочныхъ хлопотъ и расходовъ, какъ мы убѣдились потомъ собственнымъ опытомъ.

Храмъ Гроба Господня хотя и задвинутъ съ разныхъ сторонъ неуклюжими зданіями, не дающими возможности обойти его и составить цѣльное понятіе объ его архитектурномъ характерѣ, хотя онъ содержится снаружи въ самомъ жалкомъ видѣ, оборванный и въ каменныхъ заплатахъ, однако грандіозный фасадъ его производитъ большое впечатлѣніе.

Двѣ громадныя, изящно отдѣланныя арки, нестолько готическаго, сколько мавританскаго стиля, изъ которыхъ одна впрочемъ заложена теперь неопрятною каменной стѣной, служатъ входами въ храмъ. Массивныя, бронзовыя ворота закрываютъ другую арку. Надъ этими арками во второмъ ярусѣ двѣ другія, осѣняющія собою два большія готическія окна, единственныя съ этой стороны храма, и затѣмъ еще выше, на каменномъ уступѣ, круглый барабанъ съ частыми свѣтлыми окнами, поддерживающій знаменитый черный куполъ, нѣкогда связанный съ необыкновеннымъ искусствомъ изъ кедровыхъ стропилъ и покрытый свинцовыми листами...

Снаружи храмъ смотритъ скорѣе мечетью, чѣмъ христіанскимъ храмомъ. Смиренный крестъ его едва замѣтенъ даже вблизи и его безъ труда смѣшаешь въ полумѣсяцемъ. Сейчасъ

видно, что долгая и мучительная исторія заставляла его больше прятаться, чѣмъ торжествовать...

Множество всякихъ построекъ прилѣпилось и приросло со всѣхъ сторонъ въ теченіе долгихъ вѣковъ къ главному корпусу храма. Тутъ и греческій монастырь Св. Авраама, и кельи католическія, и кельи коптскія и армянскія... Тутъ же около и зданіе патріархіи. Черезъ это храмъ обратился въ своего рода громадный замокъ, полный таинственныхъ подземелій, переходовъ, лѣсенокъ, башенъ, въ которомъ даже привычный человѣкъ не сразу найдетъ дорогу...

Съ невольнымъ сердечнымъ волненіемъ переступили мы завѣтный порогъ. Сначала васъ охватываетъ какая-то неясная полутьма, и то, что вы видите, такъ не похоже на привычную вамъ обстановку нашихъ православныхъ храмовъ, что вы теряетесь и не знаете, куда обратить взоръ вашъ...

Вы только съ негодованіемъ отворачиваете его отъ возмущающей васъ группы жирныхъ, богато разодѣтыхъ Турокъ, увѣшанныхъ кинжалами, что поджавъ ноги важно возсѣдаютъ въ особой ложѣ, налѣво отъ входа, куря кальяны и потягивая кофе. Это и есть пресловутые ключари и стражи Гроба Господня. Вамъ приходитъ въ голову, что Святой Гробъ и Голгофа даже черезъ двѣ тысячи лѣтъ не освободились еще отъ тѣхъ воиновъ Пилатовыхъ, что стерегли Ряспятаго и Погребеннаго Христа и съ поношеніями надѣвали на него вѣнецъ терновый...

Таинственный золотой балдахинъ впереди по срединѣ храма, сіяющій спущенными сверху большими многочисленными лампадами, надъ богато украшенною мраморною доской, выдѣляется изъ полутьмы. Вокругъ него колѣнопреклоненная толпа. Это «камень миропомазанія», на которомъ Іосифъ Аримаѳейскій обвивалъ «въ плащеницы чистыя» снятое со Креста Тѣло Іисуса,—первая вступительная святыня храма, которую мы въ волненіи своемъ приняли было за Святой Гробъ...

Но это только наружная круговая галлерея, охватывающая

собою внутреннюю ротонду храма. Прежде она отдѣлялась отъ ротонды сквозными рядами колоннъ, а теперь разобщена сплошными, далеко не изящными перегородками, совсѣмъ ее затемнившими, и очень сузившими громадный охватъ храма... Направо отъ камня миропомазанія, почти въ совершенной темнотѣ, чуть нарушаемой мерцающими лампадами, входы подъ Голгоѳу и лѣсенка на вершину ея... Налѣво обходъ по галлереѣ, мимо армянскаго алтаря, гдѣ при снятіи со Креста стояла Пресвятая Дѣва; изъ галлереи вступаютъ въ центральную ротонду храма какъ-то сбоку и словно тайкомъ...

Это уже не та знаменитая ротонда царицы Елены, которую украшали Годфридъ и Балдуинъ и которую описываетъ въ своемъ путешествіи Шатобріанъ. Страшный пожаръ 1808 года истребилъ древній артистическій куполъ изъ кедровыхъ стропилъ и разбилъ въ куски порфиры, мраморы и яшмы двухъярусной колоннады храма, сообщавшей ему такую художественную прелесть и воздушность.

Теперь самые прозаическіе и ужъ далеко не воздушные каменные пилястры поддерживаютъ верхнюю башню храма, а ротонда обнесена сплошною стѣнкою, украшенною довольно аляповатою живописью, и только арки нижнихъ проходовъ, да двойныя арки хоръ прорѣзываютъ эту неумѣстную ограду.

Впрочемъ, и въ настоящемъ своемъ искаженномъ видѣ ротонда поражаетъ своею римскою смѣлостью, своимъ эллинскимъ художественнымъ вкусомъ.

Громадное полушаріе цѣликомъ опрокинуто надъ вами, безъ всякихъ переметовъ и подпорокъ, какъ куполъ неба. Оно разрисовано удивительно удачно, радостною небесною лазурью, съ облаками и ангелами. Живая небесная лазурь, живое Божье солнце глядятъ, кромѣ того, съ его вершины, въ круглое отверстіе купола, и дышетъ оттуда на молящихся, въ тѣснотѣ и духотѣ,—вольный воздухъ.

Въ яркій синій день, какими сплошь полны лѣтніе мѣсяцы Палестины, этотъ живой вѣнецъ солнца, вѣнчающій поднятое

къ настоящему небу голубое небо рукъ человѣческихъ,—вливаетъ въ душу невыразимо-сладкое ощущеніе.

На самой срединѣ ротонды, прямо подъ отверстіемъ ея купола, стоитъ, какъ громадный престолъ этого великаго храма, —его Святая Святыхъ,—часовня Гроба Христова. Она имѣетъ видъ отдѣльнаго храма съ изящнымъ, какъ бы точенымъ, куполомъ, и вся изъ рѣзныхъ мраморовъ желтовато песчанаго тона.

Трудно разсмотрѣть всѣ ея скульптурныя украшенія, ея колонны, архитравы, карнизы, изъ-за гирляндъ висящихъ на ней лампадъ, горящихъ рядовъ свѣчей, и множества установленныхъ на ней иконъ.

Мраморный полъ храма и его мраморныя скамьи передъ входомъ въ часовню, покрыты молящимися. Цѣлыя толпы католическихъ патеровъ и монаховъ стоятъ на колѣняхъ, устремивъ воспламененные молитвою глаза въ таинственную мерцающую глубь гробоваго Вертепа и, повидимому, забывъ весь міръ. Совѣстно пройти между ними и святою часовней; кажется, что сейчасъ же грубо порвешь эти незримо протянутыя къ одному общему центру духовныя нити, эти жаркіе лучи, льющіеся изъ умиленныхъ сердецъ ко Гробу Христову.

У входа въ часовню,—цѣлый лѣсъ горящихъ свѣчей въ громадныхъ подсвѣчникахъ выше роста человѣческаго. Цѣлая сѣть большихъ и маленькихъ лампадъ, цѣпями въ нѣсколько ярусовъ, обвѣшиваетъ ея передній фасадъ, украшенный древними иконами.

Мы тихо вошли во внутрь... Тамъ тоже яркое сіяніе лампадъ и свѣчей. По срединѣ, въ богато украшенной урнѣ, прикрытой золоченою доской, обломокъ камня, которымъ закрывался нѣкогда входъ въ могильную пещеру. Это «часовня Ангела», отвалившаго, по разсказу Евангельскому, камень Гроба. Камень этотъ служитъ теперь престоломъ во время литургіи, точно такъ же, какъ самый Гробъ Господень служитъ вполнѣ подходящимъ жертвенникомъ.

Два маленькія окна продѣланы изъ этой часовни въ ротонду. Черезъ нихъ патріархъ въ заутреню Свѣтлаго Воскресенія передаетъ архіереямъ пучки свѣчей, зажженныхъ отъ таинственнаго огня Святаго Гроба.

Необходимо подождать своей очереди въ часовнѣ Ангела, прежде чѣмъ вступить во святой Вертепъ. Здѣсь тоже молящіеся, простертые на полу, въ жаркихъ слезахъ, съ глубокими вздохами, глаза ихъ въ торжественномъ самозабвеніи прикованы къ этой маленькой дверочкѣ, отдѣляющей отъ нихъ великую святыню. По очереди встаютъ они и тихо пригибаются подъ низенькій сводъ Вертепа, съ благоговѣйнымъ трепетомъ, будто приближаясь къ престолу страшнаго суда Божія... И долго еще видите вы ихъ тамъ лежащими лицомъ къ землѣ, въ яркомъ сіяніи лампадъ, у подножія Христова Гроба. И никто не узнаетъ, какія тайны выкладываютъ они передъ нимъ въ этой нѣмой исповѣди, какія горькія скорби и страданія принесли они сюда, чтобы сбросить ихъ, какъ непосильное бремя, ко Гробу Великаго Страдальца за міръ...

За низенькой дверочкой вы, дѣйствительно, попадаете въ отверзтую утробу Гроба. Тѣсныя нѣдра скалы кругомъ васъ... Два человѣка здѣсь съ трудомъ умѣщаются вмѣстѣ. Углубленіе, высѣченное въ скалѣ въ видѣ ниши, пріосѣняетъ такое же, высѣченное въ скалѣ, каменное ложе... Это и есть Гробъ Спасителя. По обычаю Евреевъ, тѣло умершаго, обвитое пеленами, или плащаницею, клали безъ ящика прямо на каменномъ ложѣ пещеры и входъ въ нее заваливали камнемъ. Императрица Елена прикрыла доскою бѣлаго мрамора грубое Христово ложе изъ сыраго камня... Теперь эта доска установлена рядами горящихъ подсвѣчниковъ, усѣяна цвѣтами. Множество древнихъ иконъ, однѣ въ богатыхъ окладахъ, сверкающія драгоцѣнными камнями, другія совсѣмъ простыя деревянныя доски, чуть не младенческой живописи, покрываютъ углубленіе ниши и стѣнки

пещеры. Около 50-ти большихъ лампадъ, золотыхъ и серебряныхъ, спускаются цѣлымъ мерцающимъ лѣсомъ съ низенькаго свода, переливая своими разноцвѣтными огнями. Въ сіяніи этихъ безчисленныхъ огней, свѣчей и лампадъ тѣсная утроба Гроба Христова кажется какимъ-то пламеннымъ очагомъ среди полутьмы огромнаго храма. Черный сырецъ первобытной пещерной скалы виденъ однако сквозь всѣ эти висящія сѣти золота и огня, изъ-за всѣхъ этихъ сверкающихъ иконъ. А въ самомъ верху пещеры, сквозь круглое отверстіе часовни, которое приходится какъ разъ подъ отверстіемъ большаго купола храма, дышетъ въ тѣсную гробницу Христову далекое голубое небо.

Гробъ Господень не принадлежитъ никому, и поэтому онъ раздѣленъ между всѣми. Ежедневно на немъ служатся по крайней мѣрѣ три обѣдни, Греческая первая, вторая Армянская и послѣдняя Латинская.

Но кругомъ этой центральной святыни,—за колоннами ротонды,—церкви, престолы, часовни всѣхъ христіанскихъ исповѣданій шара земнаго.

Копты примкнули даже свой престолъ къ задней стѣнѣ часовни Святаго Гроба, въ самой ротондѣ. Престолъ Сирійцевъ сейчасъ же противъ нихъ, за колоннами. Черезъ него вы можете пройти въ самую толщу храмовой стѣны, къ отверзтымъ могиламъ Іосифа Аримаѳейскаго и Никодима. Іосифу, богатому жителю Іерусалима, принадлежалъ загородный садикъ у подножія Голгоѳы, въ скалѣ которой онъ приготовилъ пещеру, для гробницы своей. Ее онъ уступилъ потомъ Распятому Христу, а самъ ископалъ себѣ другую, которую и показываютъ теперь подъ стѣною Храма. Прямо передъ входомъ въ часовню Святаго Гроба, отдѣляясь грандіозною аркою отъ ротонды, главный Храмъ Воскресенія. Онъ принадлежитъ Грекамъ, какъ и большинство здѣшнихъ святынь. Храмъ очень обширенъ и богато убранъ. Иконостасъ въ 5 ярусовъ, писанъ по золоту, со мно-

жествомъ золотыхъ окладовъ, большею частію русскаго пожертвованія. Крытыя мѣста патріарха и его намѣстниковъ, каѳедра архидіакона, старинной и изящной рѣзьбы изъ драгоцѣннаго дерева. По обѣимъ сторонамъ деревянныя же ложи для монаховъ. Мраморная урна по срединѣ собора,—знаменитый въ разсказахъ паломниковъ *«пупъ земли»*. На этомъ мѣстѣ, по благочестивой легендѣ, Господь создалъ Адама. Голову Адама показываютъ въ пещерной часовнѣ подъ Голгоѳою, которая считается вмѣстѣ съ тѣмъ гробницею Мельхиседека, перваго царя и первосвященника Салимскаго.

Католикамъ принадлежитъ часть храма направо отъ входа въ часовню Святаго Гроба. Тамъ у нихъ нѣсколько отдѣльныхъ престоловъ и древняя ризница. Каждое мельчайшее событіе великой драмы Страстей Христовыхъ освящено особымъ придѣломъ, который и носитъ наименованіе этого Евангелическаго событія. Въ одномъ изъ нихъ Марія Магдалина узрѣла воскресшаго Христа; въ другомъ Христосъ былъ привязанъ къ столбу и терпѣлъ поруганіе отъ воиновъ. Въ третьемъ на Него возлагали узы. Трудно пересчитать всѣ эти придѣлы, обнимающіе кольцомъ серединную ротонду храма, ютящіеся то съ одной, то съ другой стороны Голгоѳы. Гора Голгоѳа,—теперь очень небольшое возвышеніе, включенное въ общіе придѣлы Храма. На него ведутъ двѣ полутемныя лѣсенки. На верху Голгоѳы два придѣла,—одинъ ближній, гдѣ былъ утвержденъ Крестъ, принадлежитъ Грекамъ, другой, рядомъ съ нимъ,—католическій. Мѣсто утвержденія Креста обозначено серебромъ и мраморомъ и находится подъ доскою престола... Подлиннаго Креста уже давно не существуетъ, а около стоитъ изображеніе его... Въ католическомъ придѣлѣ статуя Mater Dolorosa, съ сердцемъ, пронзеннымъ кинжаломъ, вся обвѣшанная золотомъ, жемчугомъ и брильянтами благочестивыхъ жертвователей, скорбнымъ взоромъ глядитъ на Распятаго Сына...

Къ главному зданію Храма, за алтаремъ Воскресенскаго Собора, и спрятанными сзади его придѣлами раздѣленія ризъ Хри-

стовыхъ и терноваго вѣнца,—примыкаетъ, позднѣе пристроенное и слитое теперь въ одно, зданіе Храма Воздвиженія животворящаго Креста Господня. Въ него спускаются по мраморной лѣстницѣ въ 50 ступеней. Храмъ этотъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ и оригинальныхъ въ числѣ святынь Гроба Господня. Его низкія, массивныя колоннады дорическаго стиля поддерживаютъ тяжелые своды церкви капителями превосходнѣйшей и тончайшей мраморной рѣзьбы. Въ Храмѣ царствуетъ таинственный полумракъ, вполнѣ подобающій подземному Храму и его мрачному полу-египетскому стилю... Но это еще не самое мѣсто обрѣтенія Креста. Здѣсь только стояла и молилась благочестивая императрица Елена, созерцая производившіяся раскопки, и потомъ здѣсь былъ воздвигнутъ извлеченный изъ глубины Крестъ... Въ Храмъ обрѣтенія Креста нужно спуститься еще ступеней на 15-ть внизъ. Тамъ уже царствуетъ подлинная могильная ночь, освѣщаемая только рядами горящихъ лампадъ Но и тамъ, въ нѣдрахъ земныхъ, тоже различные придѣлы различныхъ исповѣданій: одинъ главный, греческій, и другой, —армянскій.

Вообще выносится очень своеобразное впечатлѣніе отъ обзора этого Храма. Это цѣлая лавра церквей и монастырей, прикрытая однимъ куполомъ. И ничего похожаго на обычный типъ, на обычное расположеніе частей нашихъ храмовъ. Иконостасъ, алтарь, клиросы,—только въ одномъ большомъ соборѣ Воскресенія. Во всѣхъ остальныхъ никакого слѣда алтарей и иконостасовъ. Мраморная доска престола утверждается гдѣ пришлось, въ уголку свода, на обломкѣ историческаго столба... Народъ стоитъ въ плотную къ этому маленькому престолику, и все таинство литургіи происходитъ на его глазахъ, тутъ же около него, въ простотѣ и тѣснотѣ первобытнаго богослуженія какихъ-нибудь римскихъ катакомбъ...

Въ одномъ углу служитъ Армянинъ, или Грузинъ, и тутъ же рядомъ нѣмецкій пасторъ, католическій кзендзъ, Абисси-

нецъ въ своемъ башлыкѣ, Сирійцы, Яковиты, Копты, одѣтые неподдѣльными Азіатами и Африканцами, бронзоваго цвѣта кожи и даже черные, какъ негры.

Всякій воспѣваетъ Бога на своемъ языкѣ, всякій выполняетъ свои собственные обряды...

Великій храмъ этотъ,—дѣйствительно храмъ цѣлаго Христіанства. Это истинный храмъ храмовъ, вмѣщающій подъ своимъ куполомъ, подобнымъ небу,—какъ подъ настоящимъ небомъ, всѣ языки земли, не стѣсняющій вѣрующаго различіемъ обряда, наряда, нарѣчія. Храмъ поклоненія Христу, одинаково призывавшаго къ себѣ Еллиновъ и Іудеевъ, рабовъ и свободныхъ, и не долженъ быть другимъ.

Но великій храмъ поразилъ меня и въ другомъ отношеніи. Въ немъ мраморъ, золото, порфиръ, художественная живопись, тончайшая рѣзьба перемѣшаны безъ всякаго разбору съ простымъ дикимъ камнемъ, растреснувшимися плитами, грубою штукатуркою, задѣлками и заплатами всякаго рода. Полутемныя, широкія галлереи кругомъ ротонды, гдѣ обыкновенно проводятъ цѣлыя ночи на пролетъ толпы запертыхъ на замокъ богомольцевъ,—это скорѣе какой-то неопрятный, восточный караванъ-сарай, полный сырости и тяжкаго воздуха, чѣмъ притворъ христіанской святыни. Никто, кажется, не даетъ себѣ труда слѣдить здѣсь за чистотой, порядкомъ и благопристойностію. Пыльныя и потныя толпы въ своихъ дорожныхъ лохмотьяхъ, со своими убогими запасами провизіи, прямо располагаются подъ высокими колоннами и стѣнами, исчезающими въ полумракѣ сводовъ, какъ подъ деревьями вольнаго лѣса Божьяго, здѣсь мирно отдыхаютъ, здѣсь вкушаютъ свою скудную трапезу и совершаютъ всѣ свои несложныя путевыя надобности.

Въ этомъ отношеніи притворы храма служатъ бѣдному христіанину-богомольцу тѣмъ же самымъ даровымъ, всѣмъ открытымъ пріютомъ, какимъ обыкновенно бываетъ для мусульманскаго странника крытый дворъ его большихъ мечетей...

Нѣтъ сомнѣнія, что Храмъ Гроба Христова унаслѣдовалъ

этотъ характеръ всенароднаго убѣжища отъ далекихъ вѣковъ, отъ глубоко-укорененныхъ обычаевъ азіатскаго Востока, который даже палатку кочующаго разбойника съ умѣлъ обратить въ священную сѣнь гостепріимства.

Въ свободѣ и простотѣ этого храма, доступнаго какъ вольный воздухъ, какъ вода ручьевъ,—послѣднему бѣдняку,—смиренный поклонникъ притащившійся сюда на своихъ терпкихъ шатунахъ Богъ знаетъ изъ какой дали, чувствуетъ себя дѣйствительно дома и не боится, какъ въ иныхъ, слишкомъ ужъ парадныхъ святыняхъ, оскорбить своими странническими лохмотьями ничѣмъ не нарушимый блескъ Божьихъ чертоговъ. Эта смурая толпа въ пыли и лохмотьяхъ, приливающая несчетными волнами изо всѣхъ странъ міра къ Гробу своего Спасителя, это и есть то безпріютное стадо Его, которое возбуждало въ Немъ столько любви и жалости, тѣ трудящіеся и обремененные, алчущіе и плачущіе, которые шли за Нимъ въ былые дни, полные сладкой надежды, въ лицѣ босоногихъ рыбарей и мытарей.

V.—Праздникъ Вознесенія на горѣ Масличной.

Пейзажъ Масличной горы.—Азіатскія становища.—Виѳлеемскія женщины.—Часовня Вознесенія.—Ночное путешествіе черезъ Іерусалимскія улицы.—Обѣдни на всѣхъ языкахъ.—Археологическія сокровища.—Галлерея Молитвы Господней.—Видъ на Іерусалимъ.—Долина Суда Божьяго.

Якубъ уже нанялъ намъословъ съ яркими, разноцвѣтными сѣдлами, ѣхать на гору Элеонскую. Самъ онъ гарцовалъ на воронымъ скакунѣ, стараясь придать своей потѣшной нѣмецкой фигуркѣ видъ бедуинскаго наѣздника, родившагося на конѣ. Прямо со дворика храма Господня двинулись мы, сопровождаемые босоногими Арабченками-погонщиками, по крутымъ улицамъ Іерусалима, подъ сплошными сводами которыхъ звонко отдавался

стукъ кованныхъ копытъ. Круглые камни мостовой до того вылощены ногами и подковами, что ослики наши поминутно скользили внизъ и срывались копытами, какъ будто мы спускались съ ледяныхъ горъ. При непривычкѣ нашей ѣздить на ослахъ и, особенно, среди базарной тѣсноты узкихъ Іерусалимскихъ улицъ спускавшихся къ долинѣ Кедронской, сидѣть на маленькихъ сѣдлахъ было крайне неловко и непріятно. Наконецъ мы выѣхали, сквозь массивные древніе своды Геѳсиманскихъ воротъ на скаты долины Кедронской, и увидѣли предъ собою, за глубокимъ сухимъ русломъ потока Кедронскаго, освѣщенную заходившимъ солнцемъ, священную гору Елеонскую.

Теперь она покрыта очень рѣдкою растительностію, безъ порядка разбросанныхъ по ней масличныхъ деревьевъ, которыя и сообщили ей издревле названіе Масличной горы. Такія-же уединенныя башни и башнеподобные домики, эти обычные каменные кубики, безъ крышъ и почти безъ оконъ, которыми такъ характеренъ Востокъ, живописно группируюся кое-гдѣ по скатамъ и уступамъ этой обширной горы, составляющей маленькую страну своего рода. Въ самомъ началѣ горы, почти у подножія, густѣетъ своею темною зеленью, охваченный бѣлою каменною оградою, маленькій садъ Геѳсиманскій; но ни надъ нимъ, ни надъ сосѣдними святынями не видно крестовъ христіанскихъ, какъ не видно ихъ и на вершинѣ горы. Священная евангельская гора позорно увѣнчана до сихъ поръ мечетью Магомета, захватившей въ свою ограду то самое мѣсто, съ котораго, по христіанскимъ преданіямъ, Христосъ вознесся на небо. На горѣ Вознесенія христіане до сихъ поръ не могли имѣть храма Вознесенія. Только на дняхъ, заботами архимандрита Антонина и русскими жертвами, отстроенъ еще не освященный при насъ православный храмъ Вознесенія, нѣсколько въ сторонѣ отъ центра горы, и бѣлая башня его, хотя сколько-нибудь, оспариваетъ теперь у турецкой мечети господствующее положеніе любимою горою Христа.

Неудобная дорожка, засыпанная кучами щебня, карабкается

медленными зигзагами, мимо самыхъ воротъ Геѳсиманскаго сада, среди каменныхъ оградъ, передѣляющихъ на мелкія дѣлянки почву этой исторической горы, на ея крутую вершину. Множество народа, верхами на ослахъ, на лошадяхъ, на верблюдахъ, но больше всего пѣшкомъ, подымались вмѣстѣ съ нами и уже наводняли собою темя горы. На верху цѣлые таборы богомольцевъ раскинули свои шатры, или, по-просту, расположились подъ открытымъ небомъ. Это не былъ обычный сезонъ русскихъ богомольцевъ, волна которыхъ послѣ Святой недѣли отливаетъ обыкновенно изъ Іерусалима. Становища эти почти все арабскія и, во всякомъ случаѣ, восточныя. Азіатскіе и африканскіе христіане собираются на Масличную гору къ празднику Вознесенія почти въ такомъ же множествѣ, какъ и на Пасху. Шумъ, пестрота, движеніе, какъ на огромной ярмаркѣ. Всю ночь они должны пробыть безъ сна вокругъ своихъ костровъ, слушая богослуженіе своихъ туземныхъ священниковъ въ наскоро раскинутыхъ походныхъ алтаряхъ.

Рѣдко гдѣ можно увидѣть такое разнообразное и интересное собраніе восточныхъ типовъ и праздничныхъ одеждъ. Азіатецъ вывелъ сюда своихъ лучшихъ коней, въ самыхъ пышныхъ уборахъ, и надѣлъ на себя, на жену свою, на своихъ дѣтей, все, что нашлось у него въ домѣ яркаго и богатаго. Самые многолюдные европейскіе праздники далеко не имѣютъ того этнографическаго интереса, той живописной пестроты и оригинальности обстановки, какъ эти азіатскія сборища подъ вольнымъ небомъ. Азіатецъ несравненно тароватѣе и щеголеватѣе Европейца во всемъ, что касается внѣшности. Въ этой простонародной толпѣ столько разноцвѣтныхъ шелковъ и тонкихъ шалей, столько золота, серебра, жемчуга и дорогихъ камней, сколько мы не привыкли видѣть у себя дома даже и среди богатыхъ классовъ.

Особенно поражаютъ роскошью и вкусомъ своихъ костюмовъ арабскіе христіане Виѳлеема, во множествѣ прибывшіе на Елеонскую гору. Женщины ихъ всѣ, какъ на подборъ, рослыя, стат-

ныя красавицы, смуглорумяныя, съ великолѣпными глазами, съ благороднымъ вырѣзомъ носа и губъ. Онѣ всѣ въ бархатныхъ шапочкахъ, густо обшитыхъ сплошными рядами червонцевъ и серебряныхъ монетъ. Монеты эти лентами спускаются мимо ушей, окутываютъ густымъ ожерельемъ шею, висятъ на груди. Яркія, золотомъ расшитыя курточки плотно обхватываютъ высокіе бюсты Виѳлеемокъ, выпуская изъ-подъ себя еще болѣе яркіе, — красные, желтые, шелковые рукава. Но, сверхъ этихъ юношескихъ куртокъ, на каждой надѣтъ какой-нибудь почтенный хитонъ, или накинута мантія, а съ разукрашенной шапочки спускается цѣломудренное бѣлое покрывало.

Но и Виѳлеемскіе мужчины не уступаютъ женщинамъ красотой, молодечествомъ и яркимъ щегольствомъ. Глаза разбѣгаются, торопливо слѣдя за невиданными еще воинственными фигурами разныхъ полудикихъ наѣздниковъ, которыхъ кони кажутся еще красивѣе, еще удалѣе и воинственнѣе самихъ всадниковъ. Не знаешь, кѣмъ больше гордится, кого больше любитъ, холитъ и наряжаетъ этотъ страстный сынъ степей,— себя, или коня своего. На сѣдлахъ серебро и золото, яркія краски; узда—цѣлое наслѣдственное сокровище степнаго шатра, и отъ узды, и отъ сѣдла, отъ роскошнаго чепрака и куржинъ, по шеѣ, и по брюху, чуть не до самой земли, висятъ мохнатыя разноцвѣтныя кисти, которыми то-и-дѣло встряхиваетъ благородное животное. А на самомъ всадникѣ перламутръ и слоновая кость, золотой и серебряный чеканъ и голубая бирюза, на затѣйливыхъ рукояткахъ пистолетовъ и кинжаловъ, на росписныхъ ножкахъ, на узенькихъ ложахъ винтовокъ. Глядя на этихъ гарцующихъ воиновъ, на эти толпы, вооруженныя съ головы до ногъ, на всѣ эти смуглыя, суровыя лица, въ голову не прійдетъ, что это собрались чествовать кроткаго Проповѣдника любви и міра, христіанскіе богомольцы.

Тутъ, впрочемъ, не только церковный праздникъ, но и цѣлая ярмарка; пасутся табунами лошади, ослы и верблюды, снуютъ

и кричатъ разнощики, и на всякомъ шагу, въ разбитыхъ палаткахъ, маленькія лавочки.

Тутъ не только христіане со всѣхъ ближнихъ угловъ Азіи и Африки, но даже и Турки и Евреи. Всѣ приходятъ позѣвать на эту оригинальную выставку племенъ и костюмовъ, и потолкаться на веселой ярмаркѣ.

Среди запертаго кругомъ двора турецкой мечети стоитъ маленькая, скромная часовенька, напоминающая плохой турецкій фонтанъ и не имѣющая надъ собою даже маленькаго крестика. Это та историческая Святыня, которая привлекла нынѣ на Елеонскую гору всѣ эти безчисленныя толпы. Внутри ея обыкновенно нѣтъ ни алтарей, ни иконъ,—однѣ голыя, известью вымазанныя стѣны. Фанатическій мусульманинъ не хочетъ терпѣть въ домѣ своего пророка какой бы то ни было признакъ порабощеннаго имъ здѣсь христіанства. Среди пола часовеньки обнаженный камень горы Масличной сохраняетъ на себѣ какъбы оттискъ ступни, слегка вдавленный въ почву. Это и есть священный каменъ Вознесенія, на которомъ, по преданіямъ христіанскимъ, остался слѣдъ ноги Спасителя.

Въ нынѣшнюю ночь, доходовъ ради, турецкое начальство мечети дозволяетъ христіанамъ устраивать свои походные алтари, не только на дворѣ мечети, но и въ тѣсныхъ стѣнахъ часовеньки. Теперь она обвѣшана образами, горитъ свѣчами и лампадами. Съ большимъ трудомъ можно пробиться сквозь густыя толпы къ священному камню, у котораго богомольцы набожно падаютъ ницъ и получаютъ отъ греческаго, или католическаго монаха, цѣною нѣсколькихъ піастровъ, разрисованную красками вырѣзку ступни Спасителя, снятую со впадины. Алтари католиковъ и лютеранъ находились внутри часовни, а обширный шатеръ православнаго алтаря, предназначенный Русскимъ и Грекамъ, занималъ всю правую половину двора, въ то время, какъ армянскій, коптскій и сирійскій алтари были разбиты съ лѣвой стороны и сзади часовни.

Мы, впрочемъ, простояли всенощную въ неосвященномъ рус-

скомъ храмѣ Вознесенія, бѣлыя стѣны котораго, совсѣмъ еще голыя отъ иконъ и украшеній, безпріютно глядѣли на молящуюся толпу. Завтра, на Вознесеніе, готовились было освящать вновь построенный храмъ, но торжество было отложено по случаю отѣзда патріарха, къ большому разочарованію русскихъ богомольцевъ.

Было поздно подробно осматривать Масличную гору, и мы поспѣшили домой, съ тѣмъ, чтобы на разсвѣтѣ, быть опять здѣсь у ранней обѣдни.

Гора уже пылала огнями разложенныхъ костровъ, бродящихъ фонарей, зажженныхъ восковыхъ свѣчей, когда мы стали пробираться назадъ сквозь шумныя становища богомольцевъ. Большая часть варила себѣ кушанье на открытомъ воздухѣ и мирно трапезовала, усѣвшись кружками у входа своихъ шатровъ. Какъ ни живописна и оригинальна для глазъ путешественника была эта картина, но сердцу было какъ-то обидно и больно найти этотъ базарный шумъ и толкотню, эти наряды и оружіе въ садахъ той самой горы Масличной, куда уходилъ, отъ непривычной Ему суеты іудейской столицы, молиться, въ безмолвной тѣни старыхъ оливъ, незлобивый галилейскій Учитель.

Еще мы не успѣли выбраться изъ толпы, какъ съ нами случился неожиданный казусъ, заставившій насъ, противъ воли, окончить свое странствованіе на гору Елеонскую гораздо болѣе приличнымъ Ему способомъ апостольскаго пѣшехожденія.

Ослы наши, еще при подъемѣ на гору, уже неоднократно проявляли признаки особеннаго весенняго одушевленія и уже тогда смущали насъ раскатами своего рева, неуступавшаго трубнымъ звукамъ, нѣкогда разрушившимъ стѣны Іерихонскія. Но когда они постояли часа два среди ушатыхъ кавалеровъ и дамъ всѣхъ цвѣтовъ и возрастовъ, наполнявшихъ ярмарку, то поведеніе ихъ стало рѣшительно неукротимо, такъ что мы, послѣ нѣсколькихъ безцеремонныхъ пассажей, грозившихъ намъ довольно скандальными послѣдствіями, вынуждены были отпустить съ миромъ впередъ этихъ черезъ-чуръ рьяныхъ тварей и отпра-

виться пѣшкомъ сначала съ горы Елеонской, потомъ на крутые всходы іерусалимскихъ горъ, потомъ черезъ весь Іерусалимъ, за Яффскія ворота въ загородныя поля, гдѣ стоятъ русскія постройки... Пришлось сдѣлать на своихъ ногахъ не менѣе пяти, шести верстъ, по кручамъ и камнямъ. Но мы не особенно досадовали на это путешествіе, и двигались себѣ не спѣша, по темнымъ сводистымъ галлереямъ Іерусалимскихъ улицъ, будто по безконечнымъ подземельямъ необъятнаго, таинственнаго замка... Большіе фонари кое-гдѣ проливали робкій и странный свѣтъ въ эти глубокія улицы; черезъ это еще чернѣе и загадочнѣе бѣжали длинныя тѣни отъ рѣдкихъ прохожихъ, и еще мрачнѣе и глубже уходили во тьму высокіе своды.

Направо и налѣво то и дѣло зіяли пасти такихъ-же узкихъ и темныхъ галлерей съ мерцающими фонарями и таинственными черными фигурами. Только изрѣдка пробивали эту темноту и разсѣивали нашу поэтическую грезу ярко-освѣщенныя кофейни, гдѣ толпы пестро разодѣтыхъ турокъ, съ веселымъ говоромъ и смѣхомъ, потягивали свои наргиле.

При поворотѣ на большую улицу города, мы вдругъ попали въ цѣлую многолюдную процессію французскихъ и итальянскихъ католиковъ, дѣтей и взрослыхъ, которые со свѣчами въ рукахъ подъ предводительствомъ нѣсколькихъ патеровъ, шли пѣшкомъ ночевать на гору Елеонскую.

Мы до свѣта были на коняхъ, рѣшившись промѣнять на нихъ, непривычныхъ для насъ ушатыхъ кавелеровъ.

Въ Іерусалимъ мы уже не заѣзжали, а полѣзли, прямо чрезъ горы и овраги, на вершину Масличной горы. Раннія обѣдни еще не начинались, и греческое духовенство только ожидало, выстроившись рядами на дворѣ мечети, съ иконами, крестами и хоругвями, прибытія архіерея.

Когда началась православная служба, пополамъ на греческомъ и русскомъ языкѣ, прибылъ митрополитъ армянскій, также торжественно встрѣченный своимъ духовнымъ синклитомъ. Армянское духовенство явилось гораздо многочисленнѣе и богаче гре-

ческаго, и шатеръ его алтаря отдѣланъ гораздо параднѣе. Масса пѣвчихъ и священниковъ, руководимая особымъ церемоніймейстеромъ, двинулась стройной процессіей впереди своего владыки. Впереди его шли два парадно разодѣтые каваса съ серебряными жезлами въ рукахъ. Самъ митрополитъ, сѣдой красавецъ, громаднаго роста, съ грознымъ орлинымъ взглядомъ, въ заостренномъ черномъ башлыкѣ на головѣ и пышной малиновой мантіи, широкими складками тянувшейся за нимъ. Въ такихъ же башлыкахъ и всѣ духовные. Прибывавшіе владыки поочередно входили въ часовню Вознесенія и, приложившись къ священному камню, сопровождаемые пѣніемъ хоровъ, направлялись въ свои алтари. За армянскимъ пріѣхалъ коптскій архіерей, за коптскимъ,—сирійскій. Коптскій,—это чистый Бедуинъ, такой же смуглый и бородатый, въ длинномъ парчевомъ балахонѣ съ расшитымъ золотомъ бѣлымъ башлыкомъ на головѣ. Духовенство его въ какихъ-то чудныхъ бѣлыхъ башлыкахъ и балахонахъ; вмѣсто стройнаго армянскаго пѣнія, изъ шатра ихъ раздаются нелѣпыя завыванія и крики. Архіерей ихъ постоянно машетъ какими-то шелковыми тряпочками, повидимому призывая этимъ на вѣрующихъ Духа Святаго.

Сирійскій архіерей тоже въ парчевой ризѣ съ оригинальнымъ капюшономъ, въ мягкой шапочкѣ, покрытой сѣточкой изъ серебра и жемчуга. Его главные помощники тоже въ шапочкахъ и шелковыхъ рясахъ, а простые священники въ цвѣтныхъ ситцевыхъ рясахъ. Въ богослуженіяхъ этихъ исповѣданій можно мало уловить похожаго на нашу православную службу; а когда посмотришь на богомольцевъ, окружающихъ эти алтари, на черныя какъ сапогъ, лица Абиссинцевъ, на бѣлыя и черныя чалмы, на громоздкіе разноцвѣтые тюрбаны, когда услышишь этотъ гортанный, почти не человѣческій языкъ,—право, вѣрить не можешь, что это тоже наши братія по Христу, благочестивые почитатели кроткаго назаретскаго Учителя.

Разряженныя Турчанки въ чадрахъ и важные бородатые Турки густо обсѣли всѣ крыши строеній, окружающихъ дворъ

мечети и любуются оттуда съ высоты на это христіанское смѣшеніе языковъ и племенъ.

Мы напились русскаго чаю изъ русскаго самовара въ русскихъ постройкахъ Масличной горы, гдѣ тоже есть комнаты для богомольцевъ. Неутомимый отецъ Парѳеній завѣдуетъ раскопками, построеніемъ и древесными насажденіями этого новаго русскаго владѣнія. Онъ самъ и садовникъ и настоятель. Его стараніями и собственными руками, съ помощью доброхотныхъ рукъ богомольцевъ, вездѣ разбиваются сады оливокъ, винограда, кипарисовъ и пальмъ. По счастью вновь возникающая русская обитель воздвигнута не только на очень видномъ владычествующемъ мѣстѣ Масличной горы, но и на очень историческомъ мѣстѣ, которое, повидимому, и въ древности считалось однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ этой евангельской горы.

Въ нижній этажъ русскаго дома захвачены, откопанные подъ мусоромъ, покои какого-то роскошнаго древняго дворца, судя по надписямъ и историческимъ соображеніямъ, скорѣе всего, дворца императора Ѳеодосія.

Не говоря о множествѣ найденныхъ мраморныхъ обломковъ, въ покояхъ этихъ прекрасно уцѣлѣли интересные мозаиковые полы, изумительнаго вкуса и искусства, съ чрезвычайно живыми изображеніями рыбъ, птицъ и разныхъ животныхъ. Въ домикѣ отца Парѳенія тоже есть комната съ круглымъ мозаиковымъ поломъ и отрывками мозаиковой надписи. Повидимому, въ старину здѣсь стояло, во всякомъ случаѣ, какое-нибудь одно громадное зданіе, послужившее теперь основою для всѣхъ нашихъ новыхъ построекъ; подъ глубокими фундаментами этого невѣдомаго зданія открывается множество гробовыхъ пещеръ, изъ которыхъ нѣкоторыя мы посѣтили, но большая часть ихъ завалена и недоступна. Добытые изъ нихъ каменные гробики, изъ бѣлаго известняка, не годились бы, кажется, для новорожденнаго младенца: въ нихъ заключались кости покойниковъ послѣ того, какъ тѣла ихъ истлѣвали въ погребальныхъ пещерахъ.

На Масличной горѣ основали свои духовныя обители и другіе христіане. Въ рукахъ католиковъ находится мѣсто, гдѣ, по христіанскому преданію, Спаситель училъ Апостоловъ молитвѣ Господней и посылалъ ихъ во всѣ стороны міра разносить Ученіе Свое.

Мѣсто это въ глубокой пещерѣ, на самой вершинѣ горы, и въ нее сходятъ теперь лѣстницами и корридорами до маленькой подземной церкви, посвященной этому историческому воспоминанію.

На томъ же обширномъ католическомъ дворѣ, который охватываетъ въ свои предѣлы эту подземную церковь, возвышается богато-устроенный монастырь кармелитокъ и, при немъ, обширная галлерея молитвы Господней. На бѣлыхъ стѣнахъ галлереи, на всѣ четыре стороны свѣта, начертаны золотыми буквами слова молитвы Господней, на тридцати-двухъ различныхъ языкахъ міра. Противъ каждаго текста особый разукрашенный алтарикъ, и у каждаго алтаря католическіе монахи въ коричневыхъ капюшонахъ съ босыми ногами, въ бѣлыхъ и черныхъ рясахъ, съ круглыми выбритыми лысинами, служатъ тоже на различныхъ языкахъ молебны Спасителю тѣснящейся, разноплеменной толпѣ.

Въ углубленіи галлереи помѣщается великолѣпная бѣломраморная гробница съ художественнымъ изваяніемъ умирающей дѣвы во весь человѣческій ростъ. У ногъ ея корона съ Бурбонскими лиліями. Это заранѣе приготовленный памятникъ основательницѣ монастыря и галлереи принцессѣ Латуръ д' Овернь, герцогинѣ Бульонской, которая долго жила въ Палестинѣ и не жалѣла своихъ громадныхъ средствъ на поддержаніе св. мѣстъ.

На вершинѣ Масличной горы нѣтъ другихъ мѣстъ, стоющихъ посѣщенія путешественниковъ; но любопытнѣе всѣхъ святынь ея,—это видъ на Іерусалимъ и его далекія окрестности. Отсюда видна почти вся горная Палестина съ каменными конусами своихъ далекихъ вершинъ, увѣнчанныхъ древ-

ними замками. И Виѳлеемъ съ своими садами, и суровыя пропасти Юдоли Плачевной, и неподвижная гладь Мертваго моря, застывшаго среди горъ.

Мы всходили и на минаретъ мечети Вознесенія, на выдающійся утесъ у галлереи молитвы Господней, откуда открывается самый обширный видъ на Іерусалимъ. Мы стояли тамъ безмолвные, подавленные великими воспоминаніями и торжественностію охватывавшихъ насъ священныхъ мѣстъ.

«Іерусалимъ»—это «видѣніе міра»,—пережившій тысячелетія крови, войны, разрушеній, стоявшій на этихъ самыхъ горахъ еще во дни первыхъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, задолго до Іакова и Іосифа, бывшій тысячелѣтнимъ старцемъ въ дни основанія Аѳинъ и Рима,—тѣснился теперь у нашихъ ногъ постепенно спускаясь къ проваламъ долинъ по скату двухъ своихъ прославленныхъ горъ, Сіона и Моріи, видный намъ почти въ темя...

«Основы его на горахъ Святыхъ», говоритъ псалмопѣвецъ; любитъ Господь врата Сіона паче всѣхъ селеній Іаковлевыхъ»... Когда Авраамъ побѣдилъ пятерыхъ царей, союзниковъ царя Сенаарскаго, и возвращался съ добычей въ Хевронъ, «Изыде царь Содомскій въ срѣтеніе ему... *въ юдоль Савину;* сіе-же бяше *поле царево*, и Мельхиседекъ, *царь Салимскій*, изнесе хлѣбы и вино; бяше же священникъ Бога Вышняго и благослови Авраама»...

До сихъ поръ Іосафатова долина носитъ названіе *Царской долины.*

Принесеніе Авраамомъ въ жертву Исаака, повидимому, тоже совершилось на высотахъ горъ іерусалимскихъ...

«Богъ сказалъ: возьми сына твоего, единственнаго твоего, котораго ты любишь, Исаака; *и пойди въ землю Моріа*, и тамъ принеси его во всесожженіе *на одной изъ горъ*, о которой я скажу тебѣ».

Греческій «монастырь Авраама», существующій при храмѣ Господнемъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ этому убѣжденію

древнихъ Евреевъ, что испытаніе благочестиваго патріарха происходило именно на іерусалимской горѣ Моріа.

Евреи, а за ними христіане, пріурочиваютъ къ Іерусалиму даже Адама, который, будто бы, жилъ въ немъ послѣ грѣхопаденія и въ немъ же похороненъ...

Въ этихъ благочестивыхъ легендахъ во всякомъ случаѣ сказывается глубоко укоренившееся сознаніе народа безпредѣльной древности его «святаго города», который онъ почитаетъ едва не сверстникомъ роду человѣческому... Доисторическій городъ Мельхиседека стоялъ, повидимому, ниже и ближе къ Іосафатовой, потому что Іисусъ Навинъ, при покореніи земли Ханаанской, успѣваетъ захватить только «нижній городъ», а высоты остаются во власти Іевусеевъ, сыновъ Іевуса, сына Ханаанова... «Но Іевусеевъ, жителей Іерусалима, не могли изгнать сыны іудины, и потому Іевусеи живутъ съ сынами Іуды въ Іерусалимѣ даже до сего дня, говоритъ хроника Іисуса Навина...

Верхняя крѣпость Іерусалима переходитъ во власть Израиля только при Давидѣ.

«И пошелъ царь и люди его на Іерусалимъ противъ Іевусеевъ, жителей той страны; но они говорили Давиду: ты не войдешь сюда; *тебя отгонятъ слѣпые и хромые.*

До такой степени считались неприступными стѣны Сіона!

«Но Давидъ взялъ крѣпость Сіонъ:—это городъ Давидовъ» съ выразитмльною краткостью прибавляетъ библейская лѣтопись... «И поселился Давидъ въ крѣпости и назвалъ ее городомъ давидовымъ и обстроилъ кругомъ отъ Милло и внутри»...

«Замокъ Давида» до сихъ поръ живописно вѣнчаетъ собою, какъ цитадель, всю обширную ограду укрѣленій «города давидова»...

Зубчатыя, средневѣковыя стѣны Іерусалима уцѣлѣли еще вездѣ съ своими массивными, четырехъугольными башнями и замыкаютъ его кругомъ сплошнымъ каменнымъ кольцомъ... Это еще твердыни, построенныя Солейманомъ... Никакихъ яр-

кихъ красокъ, никакого разнообразія тоновъ и архитектурнаго изящества линій не увидите вы въ этомъ библейскомъ пейзажѣ. Однообразные каменнные четырехугольники, безъ крышъ, съ рѣдкими окнами, кое-гдѣ раздвинутые такими-же плоскокрышими и такими же безглазыми башнями, или круглыми сѣрыми куполами, насыпаны на огромномъ пространствѣ другъ на друга, непрерываемые зеленью ни одного деревца, сѣрые, сухіе, мрачные, какъ вся сѣрая каменистая страна, облегшая кругомъ ветхозавѣтный городъ. Іерусалимъ не производитъ впечатлѣнія христіанскаго города. Если и есть кресты на его храмахъ, то они словно прячутся отъ взоровъ, чтобы не оскорблять фанатизма хозяевъ-мусульманъ. Напротивъ того, громадная мечеть Омара, воздвигнутая на мѣстѣ храма Соломонова, со своимъ высоко-вздутымъ, чернымъ, рубчатымъ, куполомъ, минаретомъ и кіосками, занимаетъ первый планъ св. города со стороны горы Масличной, и сообщаетъ ему свой характеръ. Чѣрные куполы св. Гроба и нѣкоторыхъ христіанскихъ монастырей, не увѣнчанные высоко сіяющими крестами, издали кажутся только слабымъ повтореніемъ величественнаго купола мусульманской мечети. Только нашъ русскій пятиглавый соборъ хотя выстроенный и загородомъ, вѣнчаетъ сколько-нибудь пристойнымъ христіанскимъ вѣнцомъ эту древнюю колыбель Христіанства.

Сѣрыя стѣны сѣраго города обсыпаны кругомъ, по обрывамъ своихъ сѣрыхъ горъ, такими-же сѣрыми могильными камнями, которые густою нивою, словно выпираютъ изъ этихъ каменныхъ нѣдръ, столько тысячелѣтій напояемыхъ кровью народовъ. Исторія Іерусалима во всѣ его вѣка есть сплошая лѣтопись войны и крови. Узкія глубокія долины, окружающія подножія горъ іерусалимскихъ: Кедронъ, Генномъ, все это тысячелѣтнія кладбища. Тутъ гробницы разныхъ вѣковъ наросли слоями другъ на друга, какъ чередующіеся геологическіе пласты. Гдѣ ни тронетъ лопата камень скалы, и на какую глубину ни опустится она, вездѣ она находитъ могилы, одна

древнѣе другой, вездѣ она роется въ прахѣ человѣческихъ поколѣній. Понятно, почему Евреи считаютъ это ложе потока Кедронскаго, эту, такъ-называемую, Іосафатову долину свою, мѣстомъ воскресенія всѣхъ мертвыхъ. Они вѣруютъ, что гдѣбы и когда-бы ни умеръ Еврей, прахъ его, незримымъ образомъ, перенесется все въ ту же священную долину Іосафата, и что здѣсь вострубитъ грозная труба Архангела, по которой возстанетъ изъ своихъ гробовъ на страшный судъ Божій всѣ эти неисчислимыя, погребенныя здѣсь кости, начиная отъ древнихъ царей израильскихъ и библейскихъ пророковъ, увѣковѣченныхъ мавзолеями подъ тѣнью Храма Соломонова, до послѣдняго преступника, брошеннаго въ нечистыя ямы Геннома. Мусульмане, кажется, имѣютъ такую-же вѣру въ это роковое значеніе долины Іосафатовой: ихъ гробы тоже ревниво лѣпятся другъ на друга къ самой подошвѣ городской стѣны и Золотыхъ Воротъ, охраняющіе заповѣдные предѣлы Гарама, т.-е, мечети Омара. Вонъ даже торчитъ изъ стѣны бревно, которымъ обозначено мѣсто, гдѣ появится и будетъ торжественно судить дѣла человѣческія пророкъ Магометъ.

Въ средніе вѣка, старики-Евреи, изъ самыхъ далекихъ странъ міра, бросали свои покойныя, насиженныя гнѣзда, свои прибыльныя дѣла, и приходили сюда на голыя скалы Сіона, добровольно терпѣть позоръ и лютыя обиды отъ притѣснителей-мусульманъ, чтобы только похоронить свои старыя кости подъ сѣнью своего древняго храма въ сосѣдствѣ священныхъ гробницъ своихъ царей и пророковъ, и ждать тамъ страшнаго часа воскресенія...

Самое имя благочестиваго іудейскаго царя, погребеннаго въ этой долинѣ смерти, и издревле давшаго ей ея теперешнее названіе, заключаетъ въ себѣ роковой смыслъ. «Іосафатъ»,— значитъ судъ Божій. Пророки Библіи прямо говорятъ о долинѣ Іосафата, какъ о мѣстѣ Страшнаго Суда.

«Я соберу всѣ народы и приведу ихъ въ долину Іосафата, тамъ произведу надъ ними судъ за народъ Мой и за наслѣ-

діе Мое Израиля, который они разсѣяли между народами и землю Мою раздѣлили», грозитъ Іегова пророческими устами Іоиля...

Неисчислимые могильные камни, покрывающіе собою обрывы Сіона и Моріа, скаты горы Елеонской, горы Соблазна, и горы Скудельничьей, переполняющіе собою и Кедронскую долину, и провалье Геннома—это самъ, погребенный здѣсь, ветхозавѣтный Ізраиль. Всюду торчащіе тысячелѣтніе камни бѣлѣютъ издали словно прямо выпирающіе изъ земли кости погибшихъ поколѣній, которымъ не хватаетъ болѣе мѣста въ пресыщенной утробѣ земной...

Невольно вспоминается мрачная поэзія Іезекіиля, созерцавшаго въ своихъ восторженныхъ видѣніяхъ поле смерти цѣлаго народа.

«И Господь вывелъ меня духомъ, и поставилъ меня среди поля, и оно было полно костей... И сказалъ мнѣ: сынъ человѣческій! оживутъ ли кости сіи? Я сказалъ: Господи Боже, ты знаешь это...

И сказалъ Онъ мнѣ: сынъ человѣческій! кости сіи,—весь домъ Израилевъ»...

VI.—Кровавая лѣтопись «города мира».

Осуществленіе библейскихъ пророчествъ.—Языческій Олимпъ на святыняхъ христіанства.—Торжествующій Исламъ.—Поклонники св. Гроба въ средніе вѣка.—Шествіе Крестоносцевъ на гору Елеонскую.—Танкредъ Норманскій.—Іерусалимское взятіе.—Саладимъ и христіане.—Юношеская поэзія крестовыхъ походовъ.

Славная исторія Давидова и Соломонова времени,—славные дни геройства Маккавеевъ не спасли «избранный народъ Божій» отъ роковаго жребія и грѣхи его нечестивыхъ дней, противъ которыхъ напрасно гремѣли его пророки, обрушились на его излюбленный Сіонъ опустошеніемъ и потоками крови...

«Разорю я дочь Сіона, красивую и изнѣженную!» возвѣщаетъ волю Мстителя—Іеговы суровый Іеремія.

«Пастухи со своими стадами прійдутъ къ ней, раскинутъ палатки вокругъ нея...»

«И прекращу въ городахъ Іудеи и на улицахъ Іерусалима голосъ торжества и голосъ веселья, голосъ жениха и голосъ невѣсты, потому что земля эта будетъ пустынею...»

Внимаешь этимъ словамъ пророка, прозвучавшимъ болѣе двухъ тысячелѣтій тому назадъ, и съ изумленіемъ оглядываешься вокругъ, и видишь кругомъ себя осуществленное библейское предсказаніе: цвѣтущую страну, когда-то текущую млекомъ и медомъ, обращенную въ голую пустыню, шатры бедуиновъ, съ ихъ верблюдами и овцами у безмолвныхъ стѣнъ Давидова Сіона.

Уже Навуходоносоръ, по выраженію Библіи, «пахалъ Сіонъ, какъ хлѣбное поле». Всѣ историческіе народы Европы, Азіи и Африки, по очереди захватываютъ его и разоряютъ, Египетскіе Птоломеи и Сирійскіе Антіохи, Греки и Римляне... Парѳяне слѣдуютъ за Римлянами, Римляне за Парѳянами... Ужаснѣе всѣхъ варварскихъ разореній—разореніе римскихъ императоровъ, двойное разореніе сначала Тита, потомъ Адріана...

Послѣ взятія Іерусалима Титомъ черезъ одни только ворота было вынесено болѣе 115.000 труповъ... Историки насчитывали, что въ эту войну всего истреблено почти полтора милліона Евреевъ, кромѣ погибшихъ отъ огня и голода. 100.000 плѣнниковъ увезено было въ Римъ. Юноши и женщины продавались по 30 динаріевъ, словно въ напоминаніе тѣхъ 30 динаріевъ, за которые Іуда продалъ Учителя своего.—«Кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ!» вопила іерусалимская толпа. Прошло 38 лѣтъ, —и Іерусалимъ дѣйствительно потонулъ въ собственной крови своей... Увѣряютъ, что легіоны Тита стояли на томъ самомъ мѣстѣ горы Масличной, съ котораго Христосъ предсказалъ гибель Іерусалиму.

«Учитель! посмотри, какіе камни и какія зданія!» въ изу-

мленіи говорилъ Ему одинъ изъ учениковъ, указывая на храмъ.

«Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: видишь сіи великія зданія? Все это будетъ разрушено, такъ что не останется здѣсь камня на камнѣ...»

«Ибо въ тѣ дни будетъ такая скорбь, какой не было отъ начала творенія...»

Адріанъ докончилъ уничтоженіе Іерусалима и царства Израильскаго. Еще 585.000 Іудеевъ было убито въ войнѣ съ нимъ; безчисленныя толпы проданы въ рабство. 50 замковъ и около 1.000 городковъ и мѣстечекъ сравнены съ землею. Самое имя Іерусалима было стерто съ карты міра, и вмѣсто священнаго града Давидова на священной почвѣ Сіона подняла свои нечестивыя стѣны языческая «Элія Адріанова». На мѣстѣ разрушеннаго храма воздвигнута статуя Юпитера, надъ Голгофою сталъ идолъ Венеры, и Виѳлеемскія ясли Христа посвящены сладострастному Адонису...

Въ IV вѣкѣ имя Іерусалима было совсѣмъ забыто Римлянами... Даже до VII вѣка европейскіе географы и путешественники продолжаютъ по старому величать его Эліей... Іерусалимъ воскресъ-было во дни равноапостольнаго Константина. Восьмидесятилѣтняя мать его Елена, движимая ревностью къ святынямъ Христіанства, переплываетъ моря съ своими придворными, богословами и архитекторами, съ несчетною казною и одушевленно предается построенію храмовъ и монастырей на всѣхъ мѣстахъ Палестины, запечатлѣнныхъ событіями жизни Спасителя, или Апостоловъ...

Она воздвигаетъ храмъ Воскресенія Господня, Виѳлеемскій храмъ Рождества, храмъ Вознесенія на горѣ Элеонской, храмъ Успенія Богородицы въ саду Геѳсиманскомъ и безчисленное множество другихъ храмовъ... Воображеніе народа такъ глубоко было поражено этою строительною ревностію царственной старицы, что до сихъ поръ всякая христіанская развалина въ какихъ бы глухихъ уголкахъ Святой Земли ни встрѣчалась она,

какого бы вѣка не была она, неизмѣнно приписывается общимъ убѣжденіемъ мѣстныхъ жителей, вѣрующихъ и невѣрующихъ, св. Еленѣ и никому болѣе...

Не долго однако сіяетъ на горахъ Сіона христіанскій Іерусалимъ. На него обрушивается, будто девятый валъ морской бури, всесокрушающій напоръ ислама, во всей энергіи своего перваго пыла.

Омаръ беретъ приступомъ святой городъ и основываетъ на мѣстѣ давно уничтоженнаго храма Соломонова свой Гарамъ-Эль-Шерифъ, пресловутую, равную по святости только мекк-ской Каабѣ, мечеть Омара, которую мы теперь созерцаемъ съ любимой горы Христовой и которая до сихъ поръ горделиво владычествуетъ своею громадною мусульманскою шапкою надъ плѣненымъ городомъ Страстей Христовыхъ...

Умный патріархъ Софроній хитростію отстоялъ отъ разрушенія Еленинъ храмъ Воскресенія. Онъ уговорилъ неукротимаго халифа наслѣдовать славѣ премудраго Соломона, не трогая смиреннаго культа христіанъ, въ ту минуту, какъ грозный сокрушитель азіатскихъ и африканскихъ царствъ уже стоялъ съ своими беями и улемами у дверей Гроба Господня... Не входя въ храмъ, Омаръ приказываетъ разостлать свой молитвенный коврикъ, на мраморномъ наружномъ помостѣ его. Гробъ Господень спасенъ и не обращается въ мечеть Магомета... Только высокій минаретъ немедленно воздвигается на мѣстѣ первой молитвы Халифа и до сихъ поръ стоитъ нѣмымъ,но краснорѣчивымъ стражемъ побѣдоноснаго мусульманства, остановившагося у самыхъ дверей Христова Гроба...

Святыня, которую пощадилъ даже безжалостный истребитель библіотеки Александрійской,—скоро была разрушена варваромъ, еще болѣе безжалостнымъ... Ѳатимидскій халифъ Гакемъ, провозгласившій самъ себя богомъ и принимавшій въ Каирѣ божеское поклоненіе, уничтожаетъ до основанія храмъ Воскресенія Господня и большую часть христіанскихъ церквей Іерусалима обращаетъ въ конюшни и казармы... Христіане вы-

тоняются изъ Святаго Города, подвергаются жесточайшимъ казнямъ...

Только послѣ смерти неистоваго халифа щедротами византійскихъ императоровъ могъ быть возстановленъ въ прежнемъ своемъ видѣ построенный Еленой храмъ, и опять собрались вокругъ него разсѣянные христіане... Этотъ-то храмъ освобождали изъ рукъ невѣрныхъ, украшали и достраивали потомъ крестоносцы и первые христіанскіе короли Іерусалимскаго королевства... Его еще видѣлъ Шатобріанъ въ 1806 году, за два года до пожара его истребившаго, съ его двухъ-ярусными рядами драгоцѣнныхъ мраморныхъ колоннъ, вмѣсто нынѣшнихъ неуклюжихъ пилястровъ ротонды, съ его знаменитымъ куполомъ изъ кедровыхъ бревенъ...

Паломники не переставали притекать въ Іерусалимъ и во дни мусульманскаго плѣненія его... Тяжкое время народныхъ страданій, обидъ и лишеній всякаго рода съ особенной силой гнало въ средніе вѣка толпы богомольцевъ Греціи, Германіи и Франціи къ Святому Гробу... Если жить казалось слишкомъ мрачно и трудно, хотѣлось, по крайней мѣрѣ, умереть съ свѣтлыми надеждами, съ сладкою вѣрою, у креста Страдальца за грѣхи міра... Все покидали, все отдавали за счастіе прикоснуться грѣшными устами къ камню Святаго Гроба...

Платили большія деньги корабельщикамъ за переѣздъ, тратили послѣдній грошъ на многомѣсячное странствованіе и приходили, наконецъ, полумертвые отъ усталости, голода, болѣзней, совсѣмъ нищіе, къ завѣтнымъ вратамъ Святаго Города... Здѣсь въ безсилія падали и скоплялись мало по малу тысячныя толпы голодныхъ оборванцевъ, которые не въ силахъ были уплатить іерусалимскому пашѣ установленную пошлину за входъ въ городъ,—по золотому съ человѣка, и которые издыхали подъ стѣнами и въ оврагахъ окрестности, безнадежно ожидая разрѣшенія неумолимыхъ мусульманскихъ властей войти въ Святой Городъ... Когда, наконецъ, какой-нибудь благодѣтель,

сжалившись надъ несчастными, уплачивалъ за нихъ пашѣ входную пошлину, и они впускались за роковыя ограды плѣненнаго Іерусалима, все-таки не наступалъ конецъ ихъ страданіямъ... За входъ въ храмъ Гроба Господня взыскивали новую тяжкую плату. Мусульмане, ихъ встрѣчавшіе на улицахъ, обращались съ ними хуже, чѣмъ съ зараженными псами, всякій потѣшался надъ ними, колотилъ ихъ сколько душѣ угодно, плевалъ имъ въ лицо, топталъ и душилъ ихъ... Бѣднымъ іерусалимскимъ христіанамъ, на которыхъ невольнымъ образомъ падали всѣ заботы объ этихъ нищенскихъ толпахъ, и которые считали священною обязанностію провожать и укрывать своихъ далекихъ христіанскихъ братій, доставалось не меньше, чѣмъ странникамъ... Во время самыхъ торжественныхъ службъ у Гроба Господня, мусульмане врывались въ алтари, садились съ ногами на престолы, опрокидывали чаши съ Св. Тайнами, все ломали, били и грабили, схватывали за волосы патріарха, вырывали ему бороду, таскали въ тюрьму...

Были времена, когда паломника допускали приложиться ко Гробу Господню только подъ клятвою, что онъ совершитъ на глазахъ мусульманъ какое-нибудь возмутительное осквернені̀е святыни!.. Видя такое посрамленіе святыхъ мѣстъ, богомольцы просили Бога только объ одномъ: умереть тамъ, гдѣ потерпѣлъ страданіе и честную смерть Спаситель міра...

Наша русская игуменья Ефросинія, княжна Полоцкая, посѣтившая въ XII столѣтіи Палестину и обошедшая всѣ Святыя Мѣста, такъ молилась у Гроба Господня:

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Ты сказалъ: просите и дастся Вамъ. Благодарю Тебя, что я, грѣшная, получила все, что просила: сподобилась видѣть святыя мѣста, которыя Ты освятилъ Твоими пречистыми ногами, и лобызать Святой Гробъ, въ которомъ Ты почилъ за насъ пречистою Твоею плотію. Но и еще прошу у Тебя единаго дара, дай мнѣ скончаться въ этихъ святыхъ мѣстахъ!» Помолившись, она возвратилась въ монастырь, при которомъ жила, и вдругъ впала въ сильный не-

дугъ, и дѣйствительно умерла, и была похоронена, какъ желала, въ одной изъ обителей Святой Земли...

Такъ сильна была вѣра этихъ наивныхъ сердецъ средневѣковаго христіанства. И имя имъ было легіонъ. Не мудрено, что такая непоколебимая вѣра, такая ненасытимая потребность подвига, наполнявшая души, могла наконецъ всколыхнуть цѣлыя царства и двинула всю христіанскую Европу на борьбу съ исламомъ, на освобожденіе Святаго Гроба...

Я думаю, нѣтъ на землѣ мѣста, болѣе вызывающаго воспоминанія о крестовыхъ походахъ, тѣснѣе связаннаго съ нимъ, какъ именно Масличная гора...

Полчища воиновъ Христовыхъ, подошедшихъ къ Іерусалиму, были страшнѣе издали, чѣмъ въ дѣйствительности... Рыцарей и воиновъ осталось слишкомъ мало послѣ трехъ лѣтъ безостановочныхъ походовъ, битвъ, осадъ и приступовъ... Толпы безоружныхъ богомольцевъ, стариковъ, женщинъ, истощенныхъ лишеніями, составляли главную массу этого нестройнаго кочеваго воинства.

Нѣкоторые лѣтописцы священной войны насчитывали въ лагерѣ крестоносцевъ изъ числа 40,000 человѣкъ, прибывшихъ подъ стѣны Іерусалима, не болѣе 12,000 человѣкъ, способныхъ къ бою, а рыцарей всего 1,200, или 1,300... Божье воинство, какъ древле Израиль, больше надѣялось на звуки священныхъ трубъ Іеговы, разрушающихъ стѣны языческихъ Іерихоновъ, чѣмъ на собственныя мышцы...

И вотъ, осажденный Іерусалимъ, кишащій десятками тысячъ магометанскихъ защитниковъ, дѣятельно вооружавшій свои зубцы и башни, смотритъ изумленнымъ взоромъ на непонятную ему процессію, отъ которой сердце суевѣрныхъ защитниковъ замираетъ въ необъяснимомъ ужасѣ... Цари и князья,

благородные рыцари, простые воины, монахи, епископы, старики на костыляхъ, женщины съ дѣтьми,—все двинулось вдругъ босыми ногами, пѣшкомъ, вслѣдъ за хоругвями и крестами изъ палатокъ осаждающаго войска на вершины горы Масличной... Громкое пѣніе многотысячной толпы долетало до самыхъ стѣнъ Іерусалимскихъ... Умиленными слезами плакалъ и молился восхищенный народъ, созерцая Святой Городъ съ тѣхъ самыхъ высотъ, на которыхъ нѣкогда молился и плакалъ о гибели Сіона Спаситель міра; князья просили прощенія другъ у друга и братскими объятіями примиряли старыя распри...

Это грозное всенародное шествіе Божьяго воинства обошло съ трехъ сторонъ стѣны города и потекло неудержимымъ потокомъ къ святынямъ Сіона, не замѣчая ни стрѣлъ, ни камней, сыпавшихся съ вражескихъ стѣнъ...

Но удалой рыцарь Танкредъ раньше всѣхъ поклонился Горѣ Вознесенія...

Еще въ первый день прихода крестоносцевъ подъ Іерусалимскія твердыни, не успѣвъ еще устроить своего лагеря, молодой паладинъ полетѣлъ на своемъ лихомъ конѣ, одинъ, безъ свиты и оруженосца, на выси горы Елеонской, давно манившей къ себѣ его религіозный духъ и его поэтическія мечты...

Норманскій герой оставляетъ станъ своихъ христіанскихъ собратій далеко за горами. Передъ нимъ и кругомъ него,—земля враговъ, стѣны враговъ... Но онъ до того восхищенъ созерцаніемъ Святаго Города съ высоты священной горы, что забылъ все... Тамъ наверху онъ случайно встрѣчаетъ христіанина-отшельника, который указываетъ ему всѣ святыни Давидова Города, виднаго съ горы, какъ съ высоты птичьяго полета...

Съ умиленіемъ и восторгомъ слушаетъ его Божій рыцарь, не отрывая очарованныхъ глазъ отъ куполовъ Гроба Господня, отъ стѣнъ Сіона... Между тѣмъ, пятеро сарацинскихъ наѣздниковъ выѣзжаютъ изъ Іерусалимскихъ воротъ и уже мчатся

на гору одинъ впереди другаго, торопясь захватить вѣрную добычу... Съ зубчатыхъ стѣнъ Гарамъ-Эль Шерифа смотрятъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи толпы мусульманъ... Но Божій воинъ не торопится. Онъ спокойно стоитъ на мѣстѣ, продолжая любоваться чудною панорамою, которою мы теперь любуемся, и ждетъ, пока передовой наѣздникъ не появится на вершинѣ горы... Тогда Танкредъ, какъ буря, устремляется на него и однимъ ударомъ своего могучаго копья сбрасываетъ его въ глубину пропасти... Второй всадникъ опрокинутъ вмѣстѣ съ конемъ... Третій летитъ изъ сѣдла... Неистовый Танкредъ, «уподобляясь болѣе льву, нежели человѣку и притомъ походя на льва не только глазами и лицомъ, но главнымъ образомъ сердцемъ», какъ выражается его восхищенный жизнеописатель, проносится дальше на встрѣчу двумъ послѣднимъ врагамъ... Но они почуяли богатырскую руку и повернули коней назадъ въ городъ... Танкредъ преслѣдуетъ ихъ почти до самыхъ стѣнъ города, откуда толпы Сарацинъ въ нѣмомъ изумленіи созерцаютъ этого безстрашнаго юношу, переплывшаго моря, пробившагося сквозь полчища и теперь готоваго въ одиночку вызвать на бой всѣ силы ислама...

Царственный воинъ съ спокойнымъ величіемъ удаляется къ своимъ, презрительно оставляя въ прахѣ земномъ дорогія одежды и оружіе поверженныхъ враговъ...

Масличная гора, на которой мы стоимъ, съ своею долиною Кедронскою, играла главную роль и въ знаменательный день 15 іюля 1099 года, день взятія Іерусалима крестоносцами...

Долго терпѣла неудачу Божья рать... Послѣ перваго приступа, полчища крестоносцевъ цѣлыхъ десять дней оставались безъ хлѣба... Воды нигдѣ не было, и народъ безконечно мучился жаждою, и зноемъ. Воины раскапывали землю и прикладывали ее къ губамъ, чтобы освѣжить ихъ хотя сколько-нибудь. Другіе лизали росу съ камней и скалъ и пили вонючую воду изъ желудка верблюдовъ. Необходимо было спасать, какъ можно скорѣе, многочисленное полчище отъ голода и жажды. И вотъ

вожди, наконецъ, рѣшились напасть на городъ съ той стороны, которая была не обложена и охранялась не такъ зорко. Въ теченіе цѣлой ночи разбирали, перевозили въ Іосафатову долину и собирали тамъ опять громоздкія осадныя башни и стѣнобитныя орудія... На разсвѣтѣ Сарацины, защищавшіе стѣны Омаровой мечети, вдругъ увидѣли лицомъ къ лицу передъ собою грозныя рыцарскія дружины Годфрида... Начался отчаянный бой... Уже почти всѣ башни и машины осаждающихъ были переломаны тяжелыми камнями, сожжены огненными стрѣлами, и Божьи люди падали толпами у неприступныхъ стѣнъ, изнеможенные ранами и усталостью... Въ эту минуту на Масличной горѣ, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ, появился невѣдомый рыцарь и взмахомъ щита звалъ воиновъ въ Іерусалимъ... Одушевились утомленные Божьи ратники, увидѣвъ чуднаго всадника и не сомнѣвались, что святой Георгій Побѣдоносецъ явился имъ на помощь... Самъ Годфридъ вошелъ на верхъ осадной башни и взялъ въ руки лукъ какъ простой стрѣлокъ... «Господь направлялъ въ бою его десницу, повѣствуетъ современный лѣтописецъ, и стрѣлы, которыя пускалъ онъ поражали непріятеля. Вокругъ этого воителя стали его братья: Балдуинъ и Евстафій, какъ два молодые льва около стараго: на нихъ сыпались ужасные удары камней и стрѣлъ, и они съ лихвою возвращали ихъ непріятелю». Епископы и священники, поднявъ кресты и хоругви, обходили между тѣмъ съ пѣніемъ молитвъ осажденныя стѣны.

«Въ часъ, когда Спаситель испустилъ духъ свой, воинъ, по имени Эгольдъ, сражавшійся въ башнѣ Годфрида, первый вскочилъ на стѣну города. За нимъ послѣдовалъ Гише, тотъ Гише который повергъ льва, Годфридъ устремляется третьимъ и всѣ другіе рыцари бросаются по стопамъ своего вождя», коротко, просто записалъ лѣтописецъ.

«Въ тотъ самый день и въ тотъ самый часъ, когда Господь пострадалъ въ святомъ городѣ, вѣрное Его воинство, сражавшееся за славу своего Спасителя, достигло цѣли своихъ желаній», радостно прибавляетъ онъ потомъ.

Разъяренные крестоносцы, ворвавшись въ Іерусалимъ, не знаютъ пощады. Годфридъ жестоко мститъ за пролитую христіанскую кровь.

«Никогда, ни въ одномъ бою, онъ не былъ такъ ужасенъ, восклицаетъ лѣтописецъ, даже въ бою на Антіохійскомъ мосту, гдѣ онъ сокрушилъ великана. Гише и многія тысячи отборныхъ воиновъ разсѣкали Сарацинъ съ головы до пояса, или перерубали ихъ поперекъ тѣла».

«Количество крови, пролитой ими въ этотъ день, превышаетъ всякое вѣроятіе», съ чувствомъ изумленія и ужаса сообщаетъ другой лѣтописецъ. «По улицамъ и площадямъ валялись обрубленныя головы, руки, ноги; пѣшіе и рыцари на каждомъ шагу натыкались на трупъ». Въ укрѣпленныя ограды Соломонова храма, обращеннаго въ мечеть Омара, заперлись толпы Сарацинъ, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома улицъ...

«Самое твердое желѣзо защищало эти стѣны, но Танкредъ, еще болѣе твердый, чѣмъ желѣзо, ломаетъ, разрушаетъ, сбиваетъ двери и вторгается въ середину». Сарацины, столпившіеся въ храмѣ, были растоптаны конями, переколоты копьями. «Страшно было смотрѣть, какъ валялись повсюду тѣла убитыхъ и разбросанные члены, и какъ вся земля была облита кровью. И не только обезображенные трупы и отрубленныя головы представляли ужасное зрѣлище, но еще болѣе приводило въ трепетъ то, что сами побѣдители были въ крови съ головы до ногъ», разсказываетъ лѣтопись.

Омывшись отъ этой несчотной крови человѣческой, въ которой они, плавали, вожди крестоносцевъ, рыцари, народъ, всѣ облеклись въ чистыя одежды и босоногіе, бросивъ оружіе, со слезами покаянія двинулись ко Гробу незлобиваго Учителя любви, который, по выраженію Евангелія, «трости надломленной не переломилъ и трута тлѣющаго не погасилъ», но во имя Котораго однако и во славу Котораго уже три года сряду шла эта безпощадная человѣческая бойня и лились, не прекращаясь, потоки человѣческой крови...

Трудно осуждать слишкомъ понятное озлобленіе христіанъ-побѣдителей противъ мусульманскихъ оскорбителей ихъ святыни многовѣковыхъ притѣснителей и поработителей христіанства.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ невольное чувство стыда за представителей всепрощающаго христіанскаго ученія и европейской цивилизаціи охватываетъ васъ, когда вы сравниваете съ этими подвигами кровавой расправы Божьяго воинства то возвышенное и истинно-христіанское отношеніе къ побѣжденнымъ врагамъ-христіанамъ, которое проявилъ менѣе вѣка спустя, въ тѣхъ же самыхъ стѣнахъ Іерусалима, взявшій его съ такого-же кроваваго боя и отъ той-же самой Масличной горы, — великодушный халифъ нечестивыхъ Сарациновъ,—Юсуфъ, сынъ Эюба, Малекъ-Нассеръ Саладинъ...

Саладинъ строжайше воспретилъ своимъ воинамъ не только убивать, или брать въ плѣнъ іерусалимскихъ христіанъ, но даже оскорблять ихъ чѣмъ-нибудь. «Въ каждой улицѣ было поставлено по два мусульманскихъ рыцаря и десять простыхъ воиновъ для охраненія города, и они такъ хорошо исполняли свое дѣло, что никто не слыхалъ, чтобы христіанамъ сдѣлано было какое-либо насиліе», свидѣтельствуетъ христіанскій монахъ-лѣтописецъ, бывшій очевидцемъ взятія Іерусалима...

Многія тысячи бѣдныхъ христіанъ были выпущены на свободу за умѣренный выкупъ, и собирались вмѣстѣ за стѣнами города. «Саладинъ приказалъ ограждать днемъ и ночью христіанскій станъ, чтобы имъ не дѣлалось никакихъ оскорбленій».

Когда за выкупомъ 7.000 бѣдныхъ множество ихъ оставалось еще въ городѣ, братъ халифа Салафединъ выпросилъ у него 1.000 бѣдныхъ христіанъ въ награду за свои подвиги, и тотчасъ-же отпустилъ ихъ на волю... Іерусалимскій патріархъ и начальникъ войскъ Іерусалимскихъ выпросили на свою долю 1.200 бѣдныхъ; Саладинъ позволилъ и имъ выйти изъ Іерусалима.

«Тогда Саладинъ сказалъ своимъ людямъ: Салафединъ, мой братъ, сдѣлалъ милостыню, патріархъ и Биліанъ то же самое, теперь и я хочу сдѣлать свою милостыню».

Онъ велѣлъ отворить ворота и выпустить изъ города безъ выкупа всѣхъ бѣдныхъ... Послѣ того къ нему пришли жены и дочери убитыхъ и плѣненныхъ христіанскихъ рыцарей и молили его о милости. Саладинъ приказалъ выпустить изъ плѣна всѣхъ рыцарей, оказавшихся въ живыхъ, а вдовъ и дочерей убитыхъ щедро наградилъ изъ своей казны. «Имъ дали столько, что они прославляли передъ Богомъ и людьми благодѣяніе, оказанное имъ Саладиномъ», прибавляетъ христіанскій лѣтописецъ...

Суровые вѣка, полные неправдъ и насилій, сказались, конечно, въ этомъ плотскомъ ожесточеніи религіозныхъ чувствъ у христіанскихъ воиновъ, въ этомъ безпощадномъ характерѣ священнаго похода, напоминающаго собою гораздо болѣ ветхозавѣтныя времена Іисуса Навина, чѣмъ кроткіе евангельскіе дни Іисуса Назаретскаго... Но изучая исторію этого необыкновеннаго и невѣроятнаго событія, нельзя все-таки не изумляться ему и не восторгаться имъ... Это торжественное шествіе вооружившагося христіанства изъ Европы въ Азію, неудержимое, неразмышляющее, не сомнѣвающееся въ своемъ правѣ и въ своей священной обязанности идти раздавить азіатское мусульманство, исполненное младенческой вѣры, страстныхъ фантазій, на всякомъ шагу ожидающее чудесъ и творящее дѣйствительно чудеса,—все это проникнуто такою силою и свѣжестію молодаго чувства, такимъ восторженнымъ подъемомъ идеальныхъ стремленій, до какихъ еще никогда не достигало европейское человѣчество, и которыя никогда болѣе не повторялись.

Оттого-то столько антично-прекрасныхъ героическихъ подвиговъ и антично-прекрасныхъ героическихъ образовъ встрѣчаемъ мы въ грандіозной картинѣ этой исполинской двухъ-вѣковой борьбы Европы съ Азіей, христіанства съ исламомъ. Сказочные люди, сказочныя дѣла!

Смерть рядомъ съ восторгами любви, арфа трубадура, сокрушающая твердыни, какъ труба Іерихонская, монахи, ставшіе рыцарями и рыцари ставшіе монахами, взявшіе крестъ на грудь и мечь въ руку; классическая Италія, классическій

Провансъ,—наслѣдники Израиля, лотарингскіе рыцари въ роли ветхозавѣтнаго Давида, псалмопѣвцы и воины, безпощадные истребители врага и мудрые правители народа...

«Тысяча и одна ночь» съ ея фантастическими чудесами, съ ея великодушными паладинами и неземными красавицами —словно вторгнулась въ суровыя страницы Библіи и смѣшалась со звуками покаянныхъ псалмовъ и съ грозными молитвами къ мстителю Іеговѣ...

Послы одного мусульманскаго владѣльца являются къ Годфриду при осадѣ Іерихона и не хотятъ вѣрить, чтобы воинъ въ простой одеждѣ, сидящій подъ открытымъ небомъ на мѣшкѣ соломы,— былъ дѣйствительно побѣдоносный король христіанства, передъ которымъ трепетала Азія... «Для смертнаго человѣка достаточно имѣть землю сидѣніемъ, такъ какъ послѣ смерти она сдѣлается его постояннымъ жилищемъ!» поучаетъ ихъ король-крестоносецъ. Послы хотятъ видѣть силу руки короля, которой изумлялись всѣ народы. Король беретъ мечь и съ одного удара отрубаетъ голову сначала одному, потомъ другому верблюду. Тогда послы, пораженные этою необыкновенною мудростію, смиреніемъ и силою христіанскаго вождя, воскликнули въ ужасѣ: «воистину это мужъ, которому должны подчиняться всѣ земли!»

Торквато Тассо, поэтъ самаго поэтическаго народа, въ поэмѣ своей объ «освобожденномъ Іерусалимѣ», не смотря на вымыслы ея, сохранилъ намъ болѣе истиннаго характера великой рыцарской эпопеи, разыгравшейся подъ стѣнами Іерусалима, чѣмъ самыя точныя сухія хроники...

То, что онъ разсказалъ своими пѣвучими стихами про Олинда и Софронію, про Клоринду и Танкреда,—все это въ сущности не вымыселъ поэта, а обычные подвиги и обычные черты нравовъ той страстной и героической эпохи...

Великодушно освободивъ отъ смерти Олинда и Софронію, Клоринда, защищающая Іерусалимъ, наконецъ сшиблась съ

Танкредомъ. «Претерпѣвая пораженіе, Танкредъ не старается отразить его, и не столько заботится о томъ, чтобы защитить себя отъ желѣза, сколько устремляетъ свой взоръ на прелестныя ея уста и очи, изъ которыхъ любовь поражаетъ неотразимыми стрѣлами. Удары ея руки, говоритъ Танкредъ самому себѣ, остаются часто безвредны; но ни одна стрѣла ея очей не пролетитъ мимо, и каждая вонзается въ сердце».

Историческіе образы, историческія думы,—кишмя кишатъ въ этой насыщенной событіями исторической атмосферѣ, витаютъ передъ глазами вашими, погружаютъ васъ съ головою, какъ волны бездоннаго моря...

Каждый камень скалы, каждая башня ветхозавѣтнаго города, каждый уголокъ этого далекаго синяго пейзажа, тонущаго въ знойномъ туманѣ солнца,—все это окаменѣвшая исторія, все это священная реликвія своего рода, горячая, еще не остывшая страница изъ книги страстныхъ вѣрованій столькихъ народовъ и столькихъ тысячелѣтій!...

Немудрено тутъ замечтаться и забыть настоящее...

VII.—Деревенскіе пріюты Христа.

Нелюбовь Христа къ Іерусалиму.—Малая Галилея.—Историческія масличины Геѳсиманскаго сада.—Храмъ кроваваго пота.—Художникъ реалистъ и художникъ идеалистъ.—Гробница Пресвятой Дѣвы.—Виѳсагія.—Евангельскій пейзажъ и евангельскія воспоминанія.—Селеніе Виѳанія.—Могила Лазаря.—Монастырь св. Лазаря.

Масличная гора, любимый пріютъ Христа, сдѣлалась для меня самымъ дорогимъ мѣстомъ іерусалимскихъ окрестностей. Христосъ не любилъ Іерусалима, какъ вообще не любилъ большихъ городовъ, съ суетой ихъ торговой корысти, съ тѣснотой ихъ душныхъ улицъ...

Зеленые холмы Галилеи и молчаливые берега моря Тиверіадскаго, полные тихой деревенской поэзіи, населенные мирными народами рыбарей, воспитали Его дѣтство...

Ежедневно уходилъ Онъ ночевать изъ мрачнаго іудейскаго города въ тѣнистыя кущи Геѳсиманскаго сада, въ укромныя пещеры Масличной горы, въ безмятежную деревеньку Виѳанію, къ своимъ простодушнымъ деревенскимъ друзьямъ, Лазарю, Маріѣ съ Маріей, Симону прокаженному...

Среди этихъ простыхъ сердцемъ людей, въ трудовой обстановкѣ ихъ бѣднаго быта, отдыхалъ Онъ отъ зрѣлища праздной роскоши, бездушнаго лицемѣрія, безжалостнаго себялюбія, которыми была переполнена шумная городская жизнь...

Іерусалимъ не связанъ ни съ однимъ радостнымъ воспоминаніемъ въ жизни Спасителя. Это городъ Его отверженія, Его преслѣдованія, Его страданій и казни...

Въ проповѣдяхъ Христа не найдется ни одного сочувственнаго слова, ни одного теплаго поэтическаго образа объ этомъ городѣ неправдъ и суемудрія... Съ первыхъ шаговъ своихъ въ этомъ очагѣ истаго іудеизма Христосъ уже провидитъ въ немъ своего заклятаго врага.

«Вотъ мы восходимъ въ Іерусалимъ, и Сынъ Человѣческій преданъ будетъ первосвященникамъ и книжникамъ, и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его язычникамъ, и поругаются надъ Нимъ, и будутъ бить Его, и оплюютъ Его, и убьютъ Его!» говоритъ Христосъ своимъ ученикамъ; «когда были они на пути, восходя въ Іерусалимъ, Іисусъ шелъ впереди ихъ, а они ужасались и слѣдуя за Нимъ были въ страхѣ»...

Таково было первое впечатлѣніе галилейскихъ богомольцевъ у воротъ іудейской столицы. Іерусалимъ вызываетъ все время въ кроткомъ Іисусѣ одни только грозныя обличенія древнихъ пророковъ, такъ мало напоминающія умилительныя поученія на Генисаретскомъ озерѣ. На улицахъ Іерусалима Христосъ всенародно громитъ «книжниковъ, любящихъ ходить въ длинныхъ одеждахъ», поѣдающихъ домы вдовъ и на показъ долго

молящихся». Онъ говоритъ въ глаза фарисеямъ, окружающимъ Его: «на моисѣевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи», которые «всѣ дѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди»; «горе Вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете Царство Небесное человѣкамъ: ибо сами не входите и хотящихъ войти не пускаете!» — «Вы по наружности кажетесь людямъ праведными, а внутри наполнены лицемѣрія и беззаконія!»

Масличная гора и ея тѣнистыя оливы, — вотъ истинный домъ Христа во дни его іерусалимскаго пребыванія... Сюда уходитъ Онъ молиться и поучать свое смиренное малолюдное стадо...

«И вышедши, пошелъ по обыкновенію на гору Елеонскую», говорится въ Евангеліи. Отсюда Онъ созерцаетъ пророческимъ окомъ судьбу грѣховнаго города, что тянется у ногъ Его своими дряхлыми стѣнами, и посылаетъ Ему свои горькія предостереженія...

«Іерусалимъ, Іерусалимъ! Избивающій пророковъ, и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ Я хотѣлъ собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, а вы не захотѣли!... Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ!»

На Масличной горѣ Христосъ былъ взятъ стражами, повлекшими Его на казнь, и на этой же горѣ послѣдній разъ стояла нога Его, когда Онъ, по сказанію Евангельскому, покидалъ исполненную грѣховъ землю...

Масличная гора и сосѣднія съ нею деревушки были вообще обычнымъ становищемъ бѣдныхъ галилейскихъ богомольцевъ. Оттого часть горы, гдѣ теперь находится русскій храмъ, издревле носила названіе: «Малой Галилеи». Оттого-же такъ полна теперь евангельскими памятниками Масличная гора... Мы посѣтили, конечно, всѣ эти священные уголки ея.

Теперешній Геѳсиманскій садъ заключаетъ въ своей бѣлой каменной оградѣ только небольшую часть обширнаго сада евангельскихъ временъ...

«Іисусъ вышелъ съ учениками Своими за потокъ Кедронъ, гдѣ былъ садъ, въ который вошелъ Самъ и ученики Его, свидѣтельствуетъ Іоаннъ Богословъ. Зналъ же это мѣсто и Іуда, предатель Его, потому что Іисусъ часто собирался тамъ съ учениками своими».

Теперь во всемъ саду только восемь одряхлѣвшихъ маслинъ тысячелѣтней древности съ разсѣвшимися неохватными стволами и тощею сѣдою листвой. Эти ветхозавѣтные старцы дѣйствительно могли быть свидѣтелями евангельскихъ событій...

Мы видѣли потомъ въ Палестинѣ и Галилеѣ много масличныхъ деревьевъ, съ которыми связаны легенды глубочайшей древности, но масличинъ такой исполинской толщины и такой очевидной древности,—не встрѣчалось намъ нигдѣ. Это какія-то нерукотворныя башни, сплетенныя изъ несокрушимыхъ растительныхъ жгутовъ, будто изъ желѣзныхъ канатовъ. Средневѣковые столпники могли бы обитать въ ихъ громадныхъ дуплахъ. Впрочемъ, есть и историческія основанія подтверждающія глубокую древность геѳсиманскихъ масличинъ. При Шатобріанѣ они платили Туркамъ подати всего по мединy отъ корня, между тѣмъ какъ всѣ другія маслины Палестины были обложены половиною своего сбора... Такою льготою по турецкому закону пользовались только тѣ масличины, которыя захватилъ халифъ Омаръ при своемъ первомъ завоеваніи Іерусалима. Стало быть, масличины эти уже давали плоды по крайней мѣрѣ съ VII вѣка по Рождествѣ Христовомъ.

Маститые великаны растительнаго міра исполнены особенной меланхолической поэзіи... Словно послѣдніе уцѣлѣвшіе ветераны двадцати-вѣковой исторіи, они стоятъ здѣсь дремлющими стражами ея священныхъ тѣней...

Хотя былъ яркій солнечный день, но мнѣ невольно вспомнились и будто нарисовались сами собою знакомыя картины

ы-простолюдины не отрываютъ
дной священной исторіи. По
ѣ изъ деревьевъ и цвѣ-
статуя во весь ростъ
стная въ тѣни Геѳси-

лось видѣть совсѣмъ
щные цвѣтнички, рас-
уи невольно отгоняютъ
ернаго сада, въ чащахъ
ъ нищенствующіе гали-

, покрытый вѣковыми де-
жившій знойному солнцу
нѣе перенесъ бы мое вооб-
вангельскихъ событій, чѣмъ
отдѣланный, замкнутый подъ
монахами, собирающими съ

га, куда Онъ удалился отъ апо-
, предполагается въ глубокой пе-
ъ ограды Геѳсиманскаго сада... Въ
ный мраморами и позолотой и тоже
ъ монахамъ. Тамъ все проникнуто
емъ часѣ; вездѣ изображенія чаши и
въ молитвѣ; на полу храма показы-
рови кроваваго пота Христа растопили
ли насквозь, какъ капли огня сквозь

гахъ отъ этой пещеры, три камня, на
, спали три Апостола...

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Геѳсиманіей,—гробница Пресвятой Дѣвы...

Марія, Матерь Христа, вмѣстѣ съ другими Галилеянами, часто посѣщала гору Масличную и Малую Галилею. Въ долинѣ, отдѣляющей Іерусалимъ отъ сосѣднихъ горъ, у подножія Сіона, до сихъ поръ существуетъ «колодезь Маріи», куда Святая Дѣва ходила черпать воду. Точно также и гробница ея у подножія Масличной горы.

Великолѣпный и громадный подземный храмъ въ нѣдрахъ скалъ надъ гробомъ Св. Дѣвы воздвигнутъ еще царицей Еленою. Въ него спускаются, какъ въ склепъ, по широкой мраморной лѣстницѣ поразительнаго эффекта, съ 50-ю ступенями...

На половинѣ пути, въ полутемныхъ нишахъ серединной площадки, — помѣщены гробы родителей Пресвятой Дѣвы, — Свв. Іоакима и Анны, и обручника Ея Іосифа...

Въ храмѣ Успенія Богородицы, какъ въ храмѣ Гроба Господня, алтари и часовни всѣхъ христіанскихъ исповѣданій: Грековъ и католиковъ, Коптовъ и Сирійцевъ... Это самая почитаемая Святыня Іерусалима послѣ храма Гроба Господня. Даже Турки имѣютъ въ немъ свою молельню, у южной стѣны Гроба, и никто ревнивѣе мусульманокъ не дорожитъ ватою и масломъ изъ Гроба Святой Маріи для врачеванія дѣтскихъ недуговъ...

Глубокій мракъ высокихъ сводовъ освѣщается огнями громадныхъ разукрашенныхъ свѣчей, толпящихся у алтарей, да безчисленными драгоцѣнными лампадами, которыми кишитъ темнота храма, какъ ночь своими сверкающими звѣздами...

Самый Гробъ Богоматери почти во всѣхъ подробностяхъ напоминаетъ Гробъ Христовъ. Среди обширныхъ стѣнъ храма стоитъ, отдѣланный въ небольшую часовню, одинокій утесъ каменный, въ которомъ вырублена могильная пещерка Богоматери. Снаружи онъ покрытъ такимъ же плоскимъ куполочкомъ, какъ часовня Гроба Христова, внутри его почти все то же. Та же мраморная плита поверхъ дикаго камня скалы, отесаннаго въ видѣ ложа, тѣ же тѣсные ряды неугасаемыхъ лампадъ,

тотъ же низкій входъ въ каменный вертепъ, обращенный теперь въ Святая Святыхъ Храма, и горящій издали своими священными огнями, будто очагъ раскаленной печи... Противъ главнаго алтаря, на другомъ концѣ храма, колодезь, полный воды... Богомольцы всѣхъ странъ черпаютъ воду изъ этого святаго ключа, и благоговѣйно уносятъ ее съ собою.

Мы выше, и выше забираемся на Малую Галилею, этотъ сѣверный отрогъ горы Масличной, тою самою тропою, которую 2000 лѣтъ тому назадъ попирали ноги Христа и Его галилейскихъ учениковъ... Почти ежедневно Христосъ ходилъ по этой дорогѣ изъ Іерусалима въ Виѳанію, и изъ Виѳаніи въ Іерусалимъ...

Геѳсиманія была всегда по пути Его, и ея тѣнистые сады стали Его пріютомъ... Въ нихъ приходилось отдыхать послѣ спуска съ одной горы, передъ подъемомъ на другую.

Мы переѣхали гребень Малой Галилеи и стали спускаться по обрывистой, крутой тропинкѣ на ту сторону Горы Масличной, гдѣ на вершинѣ прилегающаго холма, за узенькою долинкой, уже виднѣлись жалкіе безкрышіе домики Виѳаніи, тѣсно насыпанные другъ на друга, съ немногими тощими пальмами, одиноко торчащими изъ сѣрой безжизненной кучи...

Широкая перспектива открывалась намъ съ высоты горы. Знойная голубизна Мертваго моря рѣзко выдѣлялась теперь сквозь прорывы горныхъ громадъ, загораживающихъ его отъ Іерусалима и сверкающая полоска Іордана, казалась, вонзалась, будто клинокъ кинжала, въ эти неуклюжія толщи, досадно укрывавшія отъ нашего глаза его быстрыя струи... За Іорданомъ, за Мертвымъ моремъ млѣли въ неподвижномъ зноѣ воздуха слѣва и справа по всей длинѣ горизонта, на сколько хваталъ взглядъ, лиловые силуэты далекихъ горъ Моавитскихъ...

Раньше Виѳаніи, у подножія спуска, миновали мы другой Евангельскій уголокъ,—Виѳагію, куда Христосъ посылалъ учениковъ своихъ отвязать осла для Своего торжественнаго въѣзда въ Іерусалимъ... «Когда приближались къ Іерусалиму, и пришли въ Виѳагію, къ горѣ Елеонской», съ точностью географа передаетъ это обстоятельство евангелистъ Матѳей.

Селенія Виѳагіи теперь не существуетъ. Но въ память евангельскаго событія католики построили на его мѣстѣ новенькую часовеньку и при ней домикъ для сторожа...

Мы двигались внизъ, между обрывами горы по скверной тропинкѣ, охваченные давно неиспытаннымъ чувствомъ. Шумъ разноязычной толпы и неумѣстныя сооруженія новыхъ временъ чуждыхъ наивному духу дней евангельскихъ, не отвлекали теперь нашей растроганной фантазіи отъ священныхъ воспоминаній...

Вокругъ насъ стоялъ тотъ-же самый безмолвный, исполненный кроткой печали библейскій пейзажъ, тѣ-же самыя пустынныя вершины горъ, на которыхъ отдыхалъ съ любовію и грустію задумчивый взоръ Христа, въ которыхъ Его сердце отыскивало знойныя краски и поэтическіе образы своихъ вдохновенныхъ притчей... Тѣ-же одинокіе пастухи, какъ и при Немъ, неподвижно торчатъ въ тѣни утесовъ, окруженные спящими стадами... Тѣ-же тихо двигающіеся фигуры странниковъ, въ длинныхъ библейскихъ одеждахъ, на библейскихъ осликахъ, съ библейскими посохами... Голова нечуствительно переносится въ міръ евангельскихъ событій, въ тихую жизнь Лазарей и Марій.

Кажется, что передъ тобою двигается по этой каменной дорожкѣ, освященной святыми стопами, давно знакомый сердцу, простой и величественный образъ... Съ кроткой задумчивостію смотрятъ на Божій міръ Его глаза, глубокіе, какъ тихое озеро, и изъ Его спокойныхъ устъ струится безмятежнымъ ключемъ мудрая рѣчь... Въ благоговѣйномъ молчаніи, въ невѣдомомъ

жарѣ сердца, внимаетъ словамъ братства и любви тѣснящаяся вокругъ Него простодушная босоногая толпа...

«Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ!»... Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая-же подобная ей: «возлюби ближняго твоего, какъ самаго себя! На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки», вѣщаетъ этому труженнику и страдальцу въ дни насилія и неправдъ божественный голосъ Учителя.

Вотъ остатки «безплодной смоковницы», не накормившей Христа и апостоловъ Его, когда Онъ «взалкалъ, возвращаясь поутру изъ Виѳаніи въ городъ»...

Пророческое заклятіе Христа:

«Да не будетъ-же впредь отъ тебя плода во вѣки!», кажется, осуществилось не на одномъ этомъ изсохшемъ деревѣ, а на всей печальной окрестности, видимой теперь нашему глазу.

Въ Виѳаніи уцѣлѣло мало историческихъ памятниковъ. Но за то она сохранила до нашихъ дней тотъ скромный деревенскій характеръ глухаго уголка, который привлекалъ къ ней простое сердце Его и учениковъ...

«И оставивъ ихъ, вышелъ вонъ изъ города въ Виѳанію, и провелъ тамъ ночь».

«И вошелъ Іисусъ въ Іерусалимъ и въ храмъ; и осмотрѣлъ все, какъ время уже было позднее, вышелъ въ Виѳанію съ двѣнадцатью», постоянно встрѣчается въ евангеліяхъ...

Теперешняя Виѳанія,—это гнѣздо глиняныхъ арабскихъ лачужекъ, обсыпавшихъ довольно крутой и обширный холмъ... Все тутъ сѣро, грязно и тѣсно, какъ въ любой цыганской деревнѣ... Вершину холма очень эффектно занимаютъ развалины какого-то большаго каменнаго строенія... Они только и сообщаютъ Виѳаніи сколько-нибудь типичный видъ древняго библейскаго мѣстечка... Преданіе называетъ эти обрушенные

своды домомъ Симона Прокаженнаго, гдѣ въ Евангельскіе дни благочестивая жена умащала драгоцѣннымъ миромъ ноги Спасителя... Другія развалины пониже,—домъ Лазаря, друга Господня... Эти преданія, впрочемъ, ничѣмъ не подтверждаются, и даже мало правдоподобны... Нѣтъ повода думать, чтобы Лазарь и Симонъ занимали въ своемъ селеніи особенно выдающееся положеніе, и чтобы дома ихъ господствовали надъ сосѣдними жилищами, какъ замокъ барона надъ хижинами его крестьянъ... Гораздо вѣроятнѣе показанія старыхъ путешественниковъ, что это развалины монастырей и храмовъ, воздвигнутыхъ въ честь воскресшаго Лазаря царицею Еленою и іерусалимскими королями.

Во дни крестоносцевъ на вершинѣ холма Виѳаніи былъ построенъ женскій монастырь во имя св. Лазаря... Конечно, теперешнія развалины ничто иное какъ стѣны этого разрушеннаго аббатства... Отъ того они и смотрятъ до сихъ поръ настоящимъ средневѣковымъ замкомъ, да и у туземцовъ носятъ названіе замка Симона.

Извѣстный нашъ русскій паломникъ, игуменъ Даніилъ, посѣтившій Палестину при первыхъ короляхъ-крестоносцахъ въ XII вѣкѣ, еще видѣлъ надъ гробомъ Лазаря «церковь великую», но теперь этой церкви, устроенной царицей Еленою, уже и слѣдовъ нѣтъ; уцѣлѣли только развалины другой церкви, на мѣстѣ дома его... Но гробъ Христова друга, по счастью, сохранился въ совершенной цѣлости... Онъ находится у самаго подножія скалистаго холма, не вдалекѣ отъ развалинъ аббатства, какъ разъ у Іерихонской дороги, по которой мы спускались.

Никакое благочестивое украшеніе не осѣняетъ его и не отличаетъ отъ остальныхъ каменныхъ выступовъ скалы. Черная дыра, пробитая въ горѣ, когда то прикрытая камнями, а теперь задѣланная дверочкой, ведетъ васъ въ узкій и глубокій погребъ; съ факелами въ рукахъ спустились мы по 25 обломаннымъ и скользкимъ ступенямъ, среди совершенной темноты, въ маленькую пещерку. Тамъ нѣтъ ничего, кромѣ каменнаго

стола въ углу. Тутъ богомольцы служатъ обыкновенно обѣдни въ Лазареву субботу, и каменный выступъ служитъ имъ тогда престоломъ... Но это еще не самый Гробъ Лазаря... Это только мѣсто, гдѣ стоялъ Христосъ, и откуда Онъ воззвалъ къ Лазарю: «Лазаре! Гряди вонъ»... Нужно спуститься еще нѣсколько ступеней, чтобы очутиться въ погребальномъ склепѣ Христова друга. Туда уже не достигаетъ ни малѣйшаго луча свѣта, и тамъ дѣйствительно черно, какъ черно въ могилѣ. Небольшое углубленіе вырублено въ стѣнѣ, образуя собою узкое каменное ложе; на ложе это, по обычаю Востока, возлагалось тѣло умершаго, обвитое пеленами... Это собственно и составляло гробъ Іудеевъ.

Поклонники имѣютъ обыкновеніе зажигать свѣчи въ углубленіи Гроба, читаютъ тамъ главу Евангелія о воскресеніи Лазаря и тропари Вербной недѣли...

Нужно изумляться, какъ до сихъ поръ христіанамъ не удалось устроить храма надъ такимъ драгоцѣннымъ памятникомъ евангельской исторіи, въ такомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Іерусалимомъ...

Мы медленно продвигаемся верхами черезъ грязныя рытвины крутой деревенской улицы, невольно созерцая съ своихъ сѣделъ всѣ подробности бездомнаго и неопрятнаго арабскаго хозяйства...

Вмѣсто этого запустѣнія и грязи воображенію рисуется мирный ландшафтъ цвѣтущей евангельской деревеньки, тотъ любимый Христомъ сельскій домикъ, гдѣ хлопотала гостепріимная хозяйка Марѳа, гдѣ Марія, позабывъ себя и весь міръ, восхищенная сидѣла у ногъ Спасителя, внимая Его глаголамъ...

Въ евангельское время Виѳанія, какъ и всѣ вообще окрестности Іерусалима, была далеко не тою вызженною пустыней съ голыми черными домами, какою мы видимъ теперь... Нѣтъ, это былъ сплошной садъ финиковыхъ пальмъ, масличинъ

и смоковницъ, снабжавшій плодами столицу Евреевъ... По окрестнымъ полямъ были разбросаны тѣнистыя загородныя дачи іерусалимскихъ жителей... А на зеленыхъ лугахъ Виѳагіи, принадлежащей Левитамъ, паслись обыкновенно овцы, назначаемыя для всесожженія въ храмѣ іерусалимскомъ.

Самое имя «Виѳанія» по еврейски значитъ «домъ финиковъ»; понятно поэтому, откуда взяла свои пальмовыя вайи многочисленная толпа, сопровождавшая Христа въ день торжественнаго входа Его въ Іерусалимъ отъ Виѳагіи до золотыхъ воротъ, и кричавшая Ему: «Осанна сыну Давидову!».. Глядя-же на теперешнюю мѣстность Виѳаніи, горы Елеонской и Кедронской долины,—путешественникъ невольно готовъ усумниться въ справедливости Евангельскаго разсказа о пальмовыхъ вѣткахъ, не находя нигдѣ по пути ни малѣйшаго слѣда пальмъ. Ясно послѣ этого почему и Галилейскій Учитель, привыкшій къ цвѣтущимъ берегамъ Генисаретскаго озера, съ особенною любовію ищетъ Себѣ пріюта въ Виѳаніи, въ тѣни ея плодоносныхъ садовъ...

Конечно, не привлекли бы къ себѣ Его сердце нынѣшнія безотрадныя кучи глиняныхъ мазанокъ, беззащитно накаляемыя пекломъ южнаго солнца...

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ селенія Виѳаніи стоитъ недавно основанный православный монастырь св. Лазаря... Онъ основанъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по сказанію евангельскому, Марѳа и Марія встрѣтили Спасителя и сообщили Ему горькую вѣсть о смерти Лазаря. Круглый камень, такъ называемый «камень бесѣды», свято почитаемый окрестными Арабами, мусульманами, точно также, какъ и христіанами, издревле обозначалъ то мѣсто, гдѣ Спаситель бесѣдовалъ съ благочестивыми сестрами...

Теперь этотъ историческій камень очутился внутри воздвигнутыхъ кругомъ его монастырскихъ стѣнъ.—

Монастырь совсѣмъ съ иголочки, сверкаетъ новою живописью, новою позолотою, новыми мраморами...

Строилъ его архимандритъ Спиридонъ, теперешній Ѳаворскій епископъ, большой строитель и ревнитель евангельскихъ святынь; вся постройка и отдѣлка монастыря почти исключительно сдѣлана на русскія жертвы; отъ того, можетъ быть, и церковь св. Лазаря производитъ впечатлѣніе настоящей русской, а не греческой церкви...

Мы осмотрѣли вмѣстѣ съ игуменомъ постройки и хозяйство монастыря, его чистенькую гостинницу для поклонниковъ, его вишневыя и всякія другія плантаціи... Игуменъ угостилъ насъ арабскимъ кофе и прохладительнымъ питьемъ, но, къ большому нашему сожалѣнію, ни онъ, ни одинъ изъ монаховъ этой обители, основанной на русскія деньги, не знаютъ ни слова по русски, а потому и не могли передать намъ ничего интереснаго о своемъ монастырѣ. Нужно по истинѣ удивляться практической несообразительности и безпечности греческаго духовенства Палестины. Сами они живутъ и обители ихъ существуютъ главнымъ образомъ на средства русскихъ богомольцевъ, а между тѣмъ, всякій встрѣчный Арабъ яффскихъ и іерусалимскихъ улицъ во сто разъ знакомѣе съ русскимъ поклонникомъ, чѣмъ эти византійскіе святые отцы, прямые хозяева тѣхъ палестинскихъ святынь, къ которымъ приливаетъ изъ году въ годъ многими десятками тысячъ, волна русскаго православнаго люда... Даже нѣкоторые высшіе сановники іерусалимской церкви, архіереи, уже давно занимающіе свои престолы, архимандриты посѣщаемыхъ монастырей,—зачастую не умѣютъ ни слова по русски, и не въ состояніи войти ни въ какое живое общеніе съ толпами русскихъ поклонниковъ, къ большему горю и неудобству нашихъ богомольцевъ, и къ большему ущербу для святынь Палестины.

VIII.—Крестный путь.

„Купель Овчая". — Бани Св. Дѣвы. — Домъ Іоакимы и Анны, родителей Богородицы. — Преторія Пилата. — Арка „Се человѣкъ"! — Улица скорбнаго пути.—Судныя ворота.—Служба у Гроба Господня.—Воспоминанье о Готфридѣ, первомъ королѣ Іерусалима.—Развалины замка Іоаннитовъ.

Въ Іерусалимѣ чувствуешь неодолимую потребность пройти послѣдовательно весь путь страданій Христа, отъ сада Геѳсиманскаго, гдѣ Онъ былъ связанъ стражами, до высотъ Голгоѳы.

Изъ Геѳсиманскаго сада нужно перейти изсохшее русло Кедрона и подняться крутою тропою къ древнимъ воротамъ Св. Стефана (они же Геѳсиманскія). Ворота эти еще извѣстны подъ другимъ именемъ, воротъ Св. Маріи, такъ какъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними находился домъ родителей Богоматери Іоакима и Анны, и сама Богоматерь имѣла обыкновеніе выходить этими воротами на Масличную гору и къ Кедронскому ручью.

Ворота эти и идущая отъ нихъ узкая, длинная улица Іерусалима — въ прежнее время ограничивали съ сѣвера предѣлы Соломонова Храма. Сейчасъ же около воротъ, къ сторонѣ Храма, находится знаменитая Виѳезда, или купель Овчая, которая тоже принадлежала къ составу великаго Храма, и въ которой левиты мыли обыкновенно овецъ, приносимыхъ въ жертву Іеговѣ. Теперь нѣкогда многоводный бассейнъ почти совсѣмъ высохъ... Вода чуть виднѣется кое-гдѣ на каменномъ днѣ глубокой купели, футовъ въ 150 длины... Она со всѣхъ сторонъ выложена гладко притесанными другъ къ другу огромными камнями, которыхъ не могли расшатать тысячелѣтія... Двѣ каменныя арки чернѣются внизу, теперь полузасыпанныя, а въ былое время снабжавшія купель свѣжею водою водопровода.

Чѣмъ-то колоссальнымъ, напоминающимъ работы древнихъ египтянъ, смотритъ это опустѣвшее водохранилище.

Цѣлое населеніе кактусовъ, алойника и разныхъ южныхъ

деревьевъ густо засѣло теперь на трещинахъ его стѣнъ и въ сырыхъ углахъ его, и цѣлыя горы муссору свалены въ него.

Недалеко отъ Виѳезды, правѣе улицы, виднѣются характерные, глиняные куполочки другой исторической купели своего рода; эти бани Св. Дѣвы, именемъ которой вообще полна эта мѣстность. Бани были, очевидно, устроены въ старину на томъ же водопроводѣ, который снабжалъ водою Овчую купель. Теперь его слѣда нѣтъ.

Домъ Св. Іоакима и Анны на самой улицѣ. Развалины его принадлежатъ теперь католикамъ, и они основали на его мѣстѣ отлично устроенное благотворительное учрежденіе для бѣдныхъ христіанскихъ дѣтей; тутъ и школа, и монастырекъ своего рода... Основанія древняго историческаго дома упѣлѣли довольно хорошо и искусно вдѣланы строителемъ въ новыя стѣны; все прежнее расположеніе нижнихъ подземныхъ покойчиковъ, низенькихъ сводовъ, узенькихъ переходцевъ, сохранено въ точности и представляетъ много интереса. Въ одной изъ этихъ комнатокъ-пещеръ показываютъ каменную плиту, вдѣланную въ уголъ, и украшенную свѣчами и иконами. Это мѣсто рожденія Св. Дѣвы.

На обширномъ, очень чистомъ дворѣ, вполнѣ удобномъ для дѣтскихъ игръ, воздвигнута большая совсѣмъ еще новая церковь готическаго стиля... Въ ней есть предметы древности, добытые при раскопкѣ старыхъ развалинъ. Большая часть этихъ археологическихъ находокъ, между прочимъ одна замѣчательная мраморная колонна, помѣщены прямо на дворѣ недалеко отъ церкви.

Шатобріанъ въ 1806 году нашелъ еще мечеть на мѣстѣ разрушеннаго монастыря Св. Іоакима и Анны, но 23 года спустя при Муравьевѣ тутъ уже не было мечети; нашъ путешественникъ безпрепятственно сходилъ въ подземелья монастыря и видѣлъ хорошо сохранившіяся его развалины.

Собственно скорбный или Крестный Путь начинается только отъ дома Пилата...

Лѣтъ 50 тому назадъ домъ Пилата еще былъ занимаемъ помѣщеніемъ Іерусалимскаго губернатора. Турецкій паша сталъ естественнымъ наслѣдникомъ римскаго претора. Христіанскія церкви, основанныя крестоносцами на мѣстѣ первыхъ страданій Спасителя, Его оплеванія и заушенія, и на мѣстѣ апостольской темницы, напротивъ преторіи, — были разрушены мусульманами, обращены въ казармы для часовыхъ Мусселима и въ конюшни для его лошадей.

Теперь этотъ историческій домъ вновь отвоеванъ христіанами, и католики обратили его въ женскій монастырь... Нижняя ступень мраморнаго крыльца уцѣлѣла еще отъ Іудейской преторіи. Мы отворили массивную дверь входа и невольно остановились у порога, любуясь величественнымъ эффектомъ храма. Высокіе своды его частями включили въ себя остатки превосходныхъ скульптурныхъ украшеній стѣнъ, арокъ и колоннъ древняго дворца игемона Іудейскаго. Самый помостъ судилища Пилатова и ступени крыльца его были еще въ древнее время перенесены въ Римъ. Длинное свѣтлое помѣщеніе храма, украшенное художественными иконами, заканчивается въ глубинѣ высоко поднятаго алтаря темною нишею, осѣняющею сверху окруженный свѣчами престолъ. На черномъ фонѣ этой арки вырѣзается бѣломраморная статуя Спасителя во весь ростъ, въ терновомъ вѣнкѣ, съ связанными руками, съ вложенною тростію вмѣсто царскаго скипетра.

— Ecce Homo!... большими золотыми буквами подписано подъ нимъ. Нѣсколько дальше, но также отъ древняго дворца Пилата, аркою перекинута черезъ улицу крытая галлерейка съ окнами, откуда преторы объявляли народу свои указы. Преданіе говоритъ, что именно съ этого воздушнаго перехода, издалека виднаго толпѣ, Пилатъ показывалъ вопившему о казни народу еврейскому осужденнаго Христа... Галлерея такъ и называется теперь аркою «Се Человѣкъ»!.. За нею вьется длинная улица Крестнаго Пути.

Въ прежнее время, при царицѣ Еленѣ, при Іерусалимскихъ короляхъ, улица эта была рядомъ церквей, часовень, монастырей. Всякій шагъ Божественнаго Страдальца, отмѣченный въ евангельскомъ разсказѣ, всякая развалина дома, принадлежавшаго кому-нибудь изъ евангельскихъ мужей, — были увѣковѣчены какою-нибудь благочестивою постройкою. На мѣстахъ, гдѣ, по преданію, останавливался и падалъ удрученный ношею Христосъ, гдѣ встрѣчала его матерь Божія, Симонъ Киринейскій и Св. Вероника, вездѣ были положены мраморныя колонны. Но теперь скорбный путь представляетъ зрѣлище возмутительное для христіанскаго чувства. Это тѣсная, грязная улица, вьющаяся большею частью между голыхъ стѣнъ и развалинъ, не украшенная никакою святынею и не защищенная ни отъ какой профанаціи.

Христіанскіе народы должны бы были цѣною золота выкупить у турокъ эту историческую стезю Христовыхъ страданій и обратить ее въ сплошную галлерею святынь, изъявъ ее изъ числа улицъ Іерусалимскихъ и прекративъ это осквернені̀е ослиннымъ и лошадиннымъ пометомъ священной почвы, по которой мучительно двигался къ мѣсту своей казни Незлобивый Страдалецъ за міръ.

По улицѣ «Крестнаго Пути» идешь подавленный грѣзами... Здѣсь среди мусульманской толпы, въ шумѣ азіатскаго базара, переживаешь вдругъ тѣ минуты дѣтскаго умиленія, жалости, негодованія, съ которыми, бывало, слушалъ, десятки лѣтъ тому назадъ, подъ сводами деревенской церкви, въ фантастическомъ сіяніи свѣчей и лампадъ, въ дыму кадильномъ, трогательныя евангельскія повѣствованія въ памятныя ночи «Страстей Господнихъ»... Никто не умѣлъ изобразить такъ евангельски-вѣрно и такъ евангельски-просто картину Христовыхъ Страстей, какъ поэтъ-живописецъ Франціи Поль-де-Ларошъ.

Сама собою нарисовалась вдругъ въ моихъ глазахъ низенькая мансарда бѣднаго еврейскаго дома съ старинными сѣдали-

щами по стѣнамъ, и въ ней испуганная группа учениковъ Христа, прячущихся въ темнотѣ отъ шумно продвигающейся мимо толпы, звенящей оружіемъ, сверкающей фонарями...

Рыдающая Марія Магдалина упала на каменныя плиты пола, а Пресвятая Дѣва, съ выраженіемъ смерти въ молящемся лицѣ, стоитъ колѣнопреклоненная посреди этой мрачной комнаты, чуть освѣщенная отблескомъ уличныхъ огней, олицетворяя въ своихъ судорожно-стиснутыхъ рукахъ—всю безъисходную глубину материнскаго горя... Это воистину Mater dolorosa съ сердцемъ, истекающимъ кровью.

Простое деревенское сердце Симона Киринейскаго, случайно попавшагося навстрѣчу скорбному шествію, растрогивается какъ сердце женщины, и онъ принимаетъ на свои плеча непосильную тяжесть креста... Вероника выходитъ плачущая изъ воротъ своего дома, чтобы отереть кровавый потъ, струящійся съ лика Праведника, и этотъ чудный ликъ остался ей на память ея состраданія, въ Нерукотворенномъ Образѣ Спасителя, отпечатлѣвшемся на полотнѣ... Цѣлыя толпы Іерусалимскихъ женъ встрѣчаютъ Праведника и рыдаютъ о Немъ.

«Дщери Іерусалимскія! не плачьте о Мнѣ, но о себѣ плачьте и о дѣтяхъ вашихъ!» говоритъ имъ Учитель.

Мѣста этихъ трогательныхъ встрѣчъ до сихъ поръ сохраняются въ памяти христіанъ и указываются богомольцу по улицѣ «Крестнаго Пути».

«Судныя ворота»—его послѣдній замѣтный предѣлъ. Камни ихъ еще сохранились донынѣ. Во дни Пилата Голгофа была за городомъ, внѣ предѣловъ городскихъ стѣнъ, и преступниковъ выводили на это «Лобное мѣсто» сквозь «Судныя ворота». Тутъ же около Голгоѳы раскинуты были сады зажиточныхъ евреевъ, въ ихъ числѣ и садъ Іосифа Аримаѳейскаго, который похоронилъ распятаго Спасителя въ приготовленной для себя гробницѣ, въ скалѣ сада, у подножія той же Голгоѳы. Теперь вмѣсто смоковницъ и маслинъ Аримаѳейскаго Іосифа, окружаютъ Голгоѳу тѣсные своды каменныхъ домовъ и полутемныя лавченки

[illegible], торгующимъ четками и въ розницу Іерусалимскими священными предметами.

Мы чувствовали необходимость завершить Крестный Путь молитвою на Голгоѳѣ у Гроба Господня... Пришлось обращаться за предварительными справками къ жирнымъ, важно возсѣдающимъ турецкимъ сторожамъ, охраняющимъ входъ во храмъ. Стражи раздобылись гдѣ-то монаха, монахъ провелъ насъ по темной лѣсенкѣ въ комнатку съ диванами, служащую чѣмъ-то въ родѣ конторы храма... Скоро явился туда настоятель храма, сановитый архимандритъ, умѣвшій хотя немного объясняться по-русски. Вмѣстѣ съ нимъ появился неизбѣжный во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мальчишка съ подносомъ кофе и вареньемъ съ водой. Архимандритъ перевелъ и переписалъ на греческій языкъ привезенныя нами многочисленныя поминальныя записки, которыми снабдили насъ на этотъ случай при отъѣздѣ соотечественники всякихъ чиновъ и званій, и распорядился, кому и какъ служить. Храмъ былъ полонъ молящихся, вездѣ раздавались разноязычные звуки, горѣли свѣчи, вездѣ тихо двигались, стояли на колѣняхъ, лежали простертые богомольцы всякихъ странъ и одеждъ, не обращая никакого вниманія другъ на друга, всецѣло преданные своей молитвѣ.

Въ часовнѣ Гроба то и дѣло чередовались молебны. Мы дождались своей очереди и тоже вошли подъ ея мраморный куполъ, протискиваясь между колѣнопреклоненною толпою. Молебенъ служился по-гречески, и довольно небрежно. Только нѣкоторые возгласы дѣлались, ради насъ, по-русски. Но величіе святыни безслѣдно покрывало человѣческую распущенность... Монахъ окропилъ насъ розовою водою и вручилъ намъ вмѣстѣ съ горстью цвѣтовъ, снятыхъ съ плиты Гроба, большія росписныя свѣчи, на половину уже сгорѣвшія у Гроба Господня. Это обычное воспоминаніе о Святомъ Гробѣ, которое уноситъ съ собою каждый паломникъ...

Но такъ какъ мы получили еще разные заказы отъ богомольныхъ людей, воспользовавшихся нашею поѣздкою въ Іеру-

салимъ, то пришлось обратиться въ лавочки своего рода, которыя безцеремонные монахи Св. Гроба открываютъ «ни что же сумнясь» чуть не въ самой часовнѣ Св. Гроба, по крайней мѣрѣ, не далѣе 10-ти шаговъ отъ нея, въ предѣлахъ главной ротонды. Тамъ вы найдете цѣлую розничную или, лучше сказать, разливную торговлю деревяннымъ масломъ изъ лампадъ Св. Гроба, и можете пріобрѣсть себѣ какой хотите транспортъ большихъ и маленькихъ пузырьковъ и жестяныхъ фляжекъ съ этимъ священнымъ масломъ, которымъ очень дорожитъ нашъ народъ. Тутъ же можете запастись свѣчами со Св. Гроба, кусочками камней Гроба и Голгоѳы и всякими другими мѣстными святостями, за которыя простосердечные русскіе мужички и бабы расплачиваются съ непривычною для нихъ щедростью.

Мы еще разъ обошли этотъ Храмъ-Храмовъ, «le plus venerable de la terre», какъ выразился о немъ французскій путешественникъ, еще внимательнѣе осмотрѣли всѣ уголки его и поклонились всѣмъ его реликвіямъ...

Гробницъ Готфрида и Балдуина, которыми со столь понятною патріотическою гордостію любовался Шатобріанъ въ началѣ нашего вѣка, мы уже не нашли у подножія Голгоѳы.

Первый король Іерусалима «qui totam istam terram acquisivit cultui christiano», какъ говорила надпись его гробницы, и герой братъ его, Iudas alter Machabeus, spes patriae, vigor ecclesiae»—оба были выброшены варварскими греками вмѣстѣ съ художественными гробницами своими изъ стѣнъ Св. храма послѣ пожара, разрушившаго храмъ Гроба Господня въ 1808-мъ году, и никто не могъ найти потомъ ихъ слѣдовъ.

«Ces cendres sont des cendres françaises!» восторженно говорилъ объ останкахъ королей-крестоносцевъ французскій путешественникъ, и вотъ за то именно, что единственные останки, заслужившіе себѣ честь погребенія у подножія Голгоѳы, были «останки французовъ», враждебная католицизму рука не упустила случая отдѣлаться отъ этихъ историческихъ реликвій, слишкомъ нечестивыхъ и обидныхъ въ глазахъ грека...

Впрочемъ громадный заржавленный мечъ Готфрида съ кедровою рукояткой въ формѣ креста и грубыя желѣзныя шпоры его еще хранятся въ латинской ризницѣ храма, и нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ этимъ мечомъ еще посвящали въ рыцари Св. Гроба знатныхъ иностранцевъ, щедрыхъ къ Палестинскимъ Святынямъ. Сохранился и другой, еще болѣе эффектный памятникъ древнихъ рыцарскихъ орденовъ Іерусалимскихъ.

Мы посѣтили живописныя развалины громаднаго готическаго замка, почти примыкающія къ задней стѣнѣ храма Господня, съ той стороны, гдѣ находится и темница Св. Петра. Это старое гнѣздо іоаннитовъ, рыцарей Страннопріимнаго ордена, которые возложили на себя обязанность охранять и давать пріютъ Палестинскимъ паломникамъ... Въ концѣ своей блестящей и кровавой исторіи іоанниты нашли пріютъ въ Пруссіи, и прусскіе короли стали ихъ верховными покровителями. Поэтому, когда наслѣдный принцъ Прусскій и Германскій посѣтилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Іерусалимъ, турецкій султанъ оказалъ ему самую подходящую любезность, подаривъ Германіи прекрасно уцѣлѣвшія развалины іоаннитскаго замка.

Хотя цѣлыя стѣны этого колоссальнаго зданія охватывающаго обширный дворъ, уже откололись и низвергнулись во прахъ, какъ стѣнки карточнаго домика, но всетаки можно еще хорошо понять общій видъ и характерный стиль этихъ безконечныхъ залъ, галлерей и многоэтажныхъ подземелій, опасно зіяющихъ своими черными пропастями подъ вѣроломными осыпями камней... Поле для археологическихъ находокъ здѣсь безпредѣльное, и раскопки начаты, повидимому, не шуточныя, хотя нужно много лѣтъ и много денегъ и еще больше энергіи, чтобы на этомъ мѣстѣ безнадежнаго запустѣнія воздвигнуть что-нибудь живое, обновленное...

Можно бродить часы по этимъ развалинамъ, изумляясь генію средневѣковаго человѣчества, который раньше нашей строительной науки умѣлъ создавать такія геометрически правильныя архитектурныя формы, умѣлъ изобрѣсть эту въ высшей

степени сложную и искусную систему арокъ, взаимно поддерживающихъ и распирающихъ другъ друга, которыя, при всей кажущейся легкости и воздушности своей, не могли быть сокрушены цѣлыми столѣтіями...

IX.—Памятники Царя-Псалмопѣвца.

„Замокъ Давида“ и прудъ Вирсавіи.—Роль Сіона въ исторіи Евреевъ.—„Сіонская горница“.—Гробъ „Неби-Дауда“.—Христіанскія вѣянья въ библейской поэзіи.—Дома Евангельскихъ первосвященниковъ Каіафы и Анны.

...Цѣлый день рѣшились мы посвятить библейскому Іерусалиму. Мы должны были увидѣть Сіонъ, замокъ Давидовъ, мечеть Омара, этого суроваго наслѣдника роскоши и славы древняго Соломонова Храма.

«Замокъ Давида» сейчасъ же около Яффскихъ воротъ. Онъ стоитъ на мѣстѣ самаго древнѣйшаго Іерусалимскаго поселенія, —крѣпости Іевусеевъ, которую уже засталъ здѣсь Іисусъ Навинъ и которую Израиль не могъ одолѣть въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, пока не взялъ ее наконецъ приступомъ царь Давидъ, основавшій на этомъ господствующемъ пунктѣ древняго города свою новую резиденцію.

Іерусалимъ всегда былъ особенно доступенъ съ сѣвера и поэтому всегда былъ особенно заботливо защищенъ съ этой стороны. Тутъ нѣтъ ни глубокаго провала Кедронскаго ручья, ни обрывистой тѣснины Геннома, которыми сама природа опоясала, будто крѣпостными рвами, съ юга, востока и отчасти запада, скалистыя горы Сіона и Моріа.

Съ сѣвера шли за то глубокіе рвы и стояли могучія башни, о которыя не разъ разбивались всѣ усилія воителей стараго времени.

«Замокъ Давида» издревле былъ главнымъ оплотомъ Іерусалимскихъ твердынь. Онъ и до сихъ поръ представляется отдѣльною крѣпостцою, въ общей оградѣ Іерусалимской крѣпости, цитаделью своего рода, хотя и выступаетъ первый навстрѣчу врагу. Вокругъ него уцѣлѣли еще глубокіе и широкіе рвы, земляныя насыпи, каменные откосы. Турки до сихъ поръ держатъ въ немъ свой гарнизонъ и военные склады... Тутъ же у нихъ и гауптвахта. Снаружи это тѣсно-сомкнутое вокругъ массивной башни каменное каре стѣнъ и бойницъ смотритъ очень внушительно, высоко выдвигаясь изъ глубокаго провала окружающихъ рвовъ, мирно устланныхъ теперь весеннею зеленью.

Турецкій красный флагъ съ звѣздой и полумѣсяцемъ развѣвается на древней твердынѣ Израиля, охраняющей входъ въ святѣйшій изъ городовъ христіанства. Замокъ этотъ носилъ свое библейское имя еще при первомъ походѣ крестоносцевъ на Іерусалимъ.

«Башня Давидова, недалеко отъ Сіона, выстроенная необыкновенно твердо» описываетъ ее въ своей лѣтописи крестовыхъ походовъ Вильгельмъ Тирскій «какъ городская крѣпость, она съ своими башнями, стѣнами и передовыми укрѣпленіями, господствуетъ надъ всѣмъ городомъ». Это было единственное укрѣпленіе Іерусалима, котораго крестоносцы не могли взять приступомъ; гарнизонъ его сдался на капитуляцію Раймунду Тулузскому уже послѣ окончательнаго взятія города и вышелъ изъ-за своихъ стѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Впослѣдствіи замокъ Израильскаго царя-псалмопѣвца обратился въ «Башню Пизанцевъ». Подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ еще недавно, при Шатобріанѣ и даже при Муравьевѣ. Пизанцы выказали необыкновенное геройство при осадѣ Птолемаиды Балдуиномъ и въ награду за свои услуги получили въ собственность замокъ Св. Давида. Эта археологическая награда сама по себѣ не была бы особенно соблазнительна для итальянской корысти, но съ нею было неразрывно связано право

оберегать Яффскія ворота Іерусалима и взимать пошлину съ богомольцевъ за входъ во Святой Градъ и во Храмъ Св. Гроба. Пизанцы распорядились этимъ дѣломъ какъ нельзя благоразумнѣе, отложили въ сторону всякія сантиментальности и безцеремонно обложили всѣхъ братьевъ о Христѣ, притекавшихъ изъза тридевяти земель поклониться Гробу Господню, налогомъ въ 9 дукатовъ съ души. Это нововведеніе геройскихъ защитниковъ вѣры Христовой показалось столь удобнымъ, что и нечестивые арабы, наслѣдовавшіе власти крестоносцевъ, рѣшились продолжать практику итальянцевъ, и съ тѣхъ поръ установилась обязательная уплата двойной пошлины богомольцами, одной при входѣ въ стѣны Іерусалима, а другой за входъ въ храмъ Гроба Господня.

Войти въ тѣсный дворикъ замка пришлось съ разрѣшенія какого-то изрядно неряшливаго, небритаго воина, лѣниво дремавшаго въ роли коменданта цитадели среди небольшой кучки такихъ же неряшливыхъ, лѣниво дремавшихъ солдатъ... Получили отъ драгомана условленный бакшишъ, и гайда! Лазай себѣ, гдѣ хочешь, хоть планы снимай, хоть пушки заклепывай... Впрочемъ тутъ все на замкахъ, на засовахъ, за желѣзными дверочками...

Путешественнику интересна только главная башня, выступающая изъ линіи стѣнъ и поднимающая свои зубцы высоко надъ городомъ. Это собственно и есть древній замокъ, въ которомъ, по преданію, жилъ библейскій царь.

По темнымъ переходамъ его грубыхъ каменныхъ ступень, мы поднимались въ тѣсные сводистые покои, скудно освѣщенные узкими окнами. Это мрачное жилище гораздо болѣе напоминаетъ темницу для преступниковъ, чѣмъ дворецъ царя-поэта.

Проводники однако увѣренно показываютъ вамъ и окно, у котораго стояло сѣдалище славнаго царя, когда онъ давалъ судъ народу своему, и площадку, съ которой женолюбивый вождь Израиля впервые узрѣлъ купающуюся Вирсавію, будущую мать Соломона... Прудъ Вирсавіи не только уцѣлѣлъ до

нашихъ дней въ своемъ глубокомъ, каменномъ ложѣ, но даже полонъ воды, не смотря на изсушающій зной мая. Я долго вглядывался въ него съ высоты башни, и воображеніе само собою рисовало картины давно минувшаго, когда вмѣсто этихъ, тѣсно набитыхъ другъ въ дружку, глиняныхъ и каменныхъ мазанокъ, у подножія замка цвѣли роскошные сады израильтянъ, журчащіе фонтанами, и пламенный царь-поэтъ одиноко мечталъ на верху своей башни подъ знойнымъ куполомъ синяго неба,—впивая въ себя благоуханіе весеннихъ цвѣтовъ.

«Цвѣты показались на землѣ, время пѣнія настало, и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ нашей! Смоковницы распустили свои почки, и виноградныя лозы, расцвѣтая, издаютъ благовоніе... Ложе у насъ—зелень, кровли домовъ нашихъ кедры, потолки наши кипарисы!..» воспѣвалъ библейскій поэтъ во времена того же Давида.

Я смотрѣлъ съ досадою на суетившуюся у подножія башни толпу грязныхъ арабокъ, и взоръ мой не могъ отыскать среди нихъ ничего, что̀ бы хотя издалека напоминало собою соблазнительную красавицу библіи.

«Дщери Іерусалима, черна я, но красива, какъ шатры Кидарскіе, какъ завѣса Соломонова. Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня. Поставили меня стеречь виноградники, моего собственнаго виноградника я не сберегла!» Звучитъ въ моихъ ушахъ сквозь знойный воздухъ полудня знойная пѣсня былыхъ вѣковъ.

Сіонъ въ довольно близкомъ сосѣдствѣ съ замкомъ Давида, который вѣнчаетъ собою вершину этой библейской горы.

Мы проѣхали къ Сіону снаружи, мимо замка Давидова, мимо западныхъ стѣнъ и рвовъ города, мимо древняго христіанскаго кладбища. Почти напротивъ его, въ узкомъ оврагѣ Гигона—древніе колоссальные водоемы «прудовъ Гигонскихъ», или «прудовъ Соломоновыхъ», теперь уже изсохшихъ. Но еще

ближе, едва не подъ стѣнами его, пустынное христіанское кладбище, въ которомъ мы посѣтили свѣжія могилы только-что умершаго Іерусалимскаго консула нашего Кожевникова и его жены.

Какою-то особенною заброшенностью вѣетъ отъ этихъ новыхъ русскихъ могилокъ, одиноко пріютившихся на славномъ холмѣ Сіонскомъ, подъ стѣнами царя Давида, среди тысячелѣтнихъ преданій и тысячелѣтнихъ скелетовъ библейской исторіи. Не хотѣлось бы лежать среди этихъ чуждыхъ тѣней, въ такой слишкомъ торжественной, но и слишкомъ холодной археологической обстановкѣ.

Тѣсно-сплоченная группа зданій Сіона представляетъ собою довольно маленькій кварталъ, скученный въ видѣ форта и осѣненный нѣсколькими куполами и минаретами турецкихъ мечетей, придающихъ ему его теперешній своеобразный и чисто мусульманскій видъ.

Арабы зовутъ этотъ обособленный уголокъ Іерусалима «Неби-Даудъ», т.-е. пророкъ Давидъ.

Нельзя постигнуть, по какимъ соображеніямъ Сіонъ, или Неби-Даудъ, былъ исключенъ изъ предѣловъ остальнаго Іерусалима и выкинутъ за его стѣны, гдѣ онъ ютится теперь какимъ-то отверженнымъ пасынкомъ святаго города, не впускаемый въ ворота его.

Увѣряютъ, что султанъ Сулейманъ казнилъ смертію варвара-строителя, который осмѣлился оставить за оградой Іерусалима его величайшую историческую святыню, душу и корень всей его ветхозавѣтной исторіи.

И подѣломъ, конечно! но тѣмъ удивительнѣе, что съ XVI столѣтія ни одинъ султанъ не поправилъ до сихъ поръ этого непростительнаго историческаго преступленія.

Странно вспомнить, глядя на эти мрачныя, почти безглазыя каменныя зданія, воздымающія, среди безплодныхъ камней, свои сѣрыя стѣны, словно неприступный замокъ,—что это—та самая, воспѣтая псалмопѣвцемъ «прекрасная возвышенность и

радость всей земли», гора Сіонъ, на которую царь Давидъ расточилъ всѣ свои богатства и всю роскошь свою, гдѣ и потомъ, въ дни Рима, блисталъ своими мраморами и порфирами, своими колоннами и портиками, садами и террасами, великолѣпный дворецъ Ирода Великаго.

«Пойдите вокругъ Сіона и обойдите его! пересчитайте его башни!» горделиво вызывалъ пораженныхъ изумленіемъ современниковъ царь-поэтъ и строитель.

«Господь любитъ врата Сіона болѣе всѣхъ селеній Іакова. Славное возвѣщается о тебѣ, градъ Божій». «О Сіонѣ будутъ говорить: такой-то и такой-то родился въ немъ, и Самъ Всевышній укрѣпилъ его».

Теперь ужъ не стоитъ труда ни обходить Сіонъ, ни считать его башни. Даже христіанство выпустило его изъ своихъ рукъ и не съумѣло включить въ число евангельскихъ Святынь, отбитыхъ имъ у мусульманства, хотя многія знаменательныя событія Евангелія соединяются съ памятью Сіона...

Евреи, съумѣвшіе сосредоточить въ своихъ банкирскихъ мѣшкахъ все золото міра, не съумѣли или не захотѣли пріобрѣсть на его счетъ отъ податливыхъ на деньги турокъ ни одной изъ библейскихъ святынь Давидова города, даже этого Сіона, котораго имя выражаетъ собою для евреевъ всю былую славу, силу и святость избраннаго Богомъ народа.

Грязные, вонючіе кварталы евреевъ, полные нищеты и заразы, идутъ сейчасъ же за Сіонскими воротами; длинныя, безвкусныя постройки пріюта для бѣдныхъ евреевъ знаменитаго еврейскаго филантропа Монтефіоре, содержимыя на счетъ еврейскихъ милліонеровъ Европы,—почти напротивъ Сіона, внѣ города.

Словомъ, еврейство, такъ сказать, облегло кругомъ свой ветхозавѣтный Сіонъ, и молится на него издали, но молится все-таки на полумѣсяцы Магомета, его вѣнчающіе.

«Тамъ стоятъ престолы суда, престолы дома Давидова», по выраженію еврейскаго псалма, тамъ до сихъ поръ сокрыты въ

глубокихъ подземельяхъ гробы Давида и Соломона, и все-таки надъ нимъ и надъ ними повелительно высится турецкая мечеть.

Сіонъ въ исторіи евреевъ—это сіяющій золотой вѣнецъ побѣды и торжества, которымъ Іегова, Богъ Израиля, украсилъ чело его въ дни своей величайшей милости къ нему, въ славный вѣкъ великихъ царей Израильскихъ, грозныхъ покорителей невѣрныхъ и мудрыхъ судей народа своего.

Сказать Сіонъ—это значило назвать однимъ словомъ и религію еврея, и исторію еврея. Цѣлые вѣка Сіонъ былъ для евреевъ своего рода ковчегомъ спасенія, престоломъ единаго истиннаго Бога среди окружавшаго его всемірнаго потопа идолопоклонства и варварства.

Въ тяжкія годины испытаній и бѣдствія, это было знамя, высоко развивавшееся надъ пораженнымъ Израилемъ, видное ему изъ самыхъ далекихъ мѣстъ его заточенія и изгнанія, зовущее его къ себѣ, ободряющее его славнымъ прошлымъ, знамя его національнаго единенія, его надеждъ и вѣры.

«На рѣкахъ Вавилонскихъ тамъ сидѣли мы и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ!» пророчески говоритъ псаломъ...

Въ умѣ еврея, на языкѣ еврея, Сіонъ былъ не только славою и твердынею Израиля, но еще мѣстопребываніемъ Іеговы, синонимомъ его собственной силы и славы. Этимъ короткимъ звукомъ Израиль словно отождествлялъ съ собою своего Покровителя-Бога.

Въ такомъ смыслѣ воспѣвалъ Сіонъ и царь-псалмопѣвецъ, и позднѣйшіе пророки, вдохновенные обличители грѣховъ народа своего...

Выберите для образца изъ псалмовъ Давида его восхваленія Сіона разсѣянныя въ разныхъ стихахъ:

«Великъ Господь на Сіонѣ, и высокъ Онъ надъ всѣми народами!»

«Съ Сіона, который есть верхъ красоты, является Богъ».

«Тебѣ. Боже, принадлежитъ хвала на Сіонѣ, Ты стяжалъ издревле эту гору Сіонъ, на которой Ты вселился».

«Въ Селимѣ жилище Его и пребываніе Его на Сіонѣ».

«Ибо созиждетъ Господь Сіонъ и явится во славѣ Своей».

Въ римскія времена, когда Израиль издыхалъ въ предсмертныхъ судорогахъ и освѣщалъ свою смерть порывами великаго геройства, при Маккавеяхъ и Елеазарахъ, Сіонъ и безъ всякаго переноснаго значенія считается неприступнѣйшимъ оплотомъ Израиля, и имя его чаще всего замѣняетъ имя Іерусалима.

Нерѣдко Сіонъ находится въ однихъ рукахъ, а крѣпость Акра, или Моріа, заключавшая въ себѣ храмъ Соломона, и защищавшаяся тогда цитаделью Антонія, какъ Сіонъ замкомъ Давида, въ другихъ рукахъ.

Тогда, конечно, Сіонъ былъ обнесенъ стѣною, самою высокою и крѣпкою изо всѣхъ Іерусалимскихъ стѣнъ.

Напротивъ того, часть Іерусалима къ сѣверу отъ Яффскихъ воротъ, такъ называемая Гаребъ, полная когда-то садовъ и кладбищъ, гдѣ теперь находится храмъ Гроба Господня и самые торговые и многолюдные кварталы христіанъ, гдѣ въ евангельскія времена было лобное мѣсто для казни, и загородный садъ Іосифа Аримаѳейскаго,—въ первые вѣка христіанства находилась внѣ крѣпостной стѣны.

Только царица Елена, воздвигнувъ храмъ Гроба Господня, обнесла стѣною Гаребъ. Точно также не входила въ предѣлы древнихъ укрѣпленій и другая сосѣдняя съ Гаребомъ, теперь лучше другихъ отстроенная, часть города, населенная богатыми мусульманами и избранными европейцами, такъ называемая Везеѳа, въ сѣверо-восточномъ углу Іерусалима, сейчасъ же на сѣверъ отъ Геѳсиманскихъ воротъ и Скорбнаго Пути, такъ что крѣпость Антонія, которой развалины теперь находятся близъ этого пути въ самой серединѣ городскихъ построекъ, являлась въ то время важнѣйшимъ наружнымъ укрѣпленіемъ города, прикрывая съ сѣверо-западнаго угла холмъ Морію.

Въ Сіонѣ христіанскою святынею считается собственно такъ называемая «Сіонская горница»; тутъ, по преданію, происходила «Тайная Вечеря» Спасителя съ Апостолами, тутъ Спаситель явился къ нимъ по воскресеніи «дверемъ затвореннымъ», тутъ же впослѣдствіи Святой Духъ сошелъ на Апостоловъ въ видѣ языковъ огненныхъ, и здѣсь же скончала свои дни Превятая Дѣва, жившая въ домѣ любимаго ученика Христова Іоанна.

Преданія эти очень трудно подтвердить историческими доказательствами, потому что въ разные вѣка указывались разныя мѣста всѣхъ этихъ священныхъ событій христіанской церкви. Трудно также понять, какимъ образомъ домъ частнаго человѣка, Іоанна Богослова, и комната, гдѣ бѣдные Галилейскіе рыбаки, только-что пришедшіе въ Іерусалимъ, могли устроить себѣ общій ужинъ, могли оказаться подъ одною кровлею съ гробницей величайшаго изъ царей Израильскихъ.

Археологи и богословы теряются въ распутываніи всѣхъ этихъ противорѣчій. Но несомнѣнно одно что «Сіонская горница» съ глубокой древности считалась одною изъ коренныхъ святынь Іерусалима. Апостолы и ближайшіе ученики ихъ здѣсь собирали первые свои соборы, здѣсь былъ избранъ первый епископъ Іерусалимскій Іаковъ, братъ Господень, и, можно сказать, отсюда Апостолы растеклись по лицу всей земли, проповѣдуя ученіе Христово.

Оттого-то православная церковь наша до сихъ поръ почитаетъ Сіонъ, какъ основную святыню свою, и отчасти усвоила себѣ библейское воззрѣніе на него, какъ на гору Господню.

«Радуйся, Сіонъ Святый, Мати Церквей, Божіе жилище», воспѣваетъ она его въ своихъ акаѳистахъ.

Какъ ни тягостно было видѣть магометанскую мечеть, осѣняющую своимъ мирабомъ эти священныя для христіанъ мѣста, и турецкій военный караулъ въ домѣ любимаго ученика Хри-

стова, однако пришлось прибѣгнуть къ посредству турецкаго муллы и за нѣсколько піастровъ отворить двери древняго святилища, недавно еще совсѣмъ недоступныя христіанину.

Въ дни императрицы Елены здѣсь уже была христіанская «церковь Св. Апостоловъ» и она считалась тогда самою древнею, древнѣе даже храма Гроба Господня, такъ что, несомнѣнно, можно сказать, что мы были теперь въ стѣнахъ буквально первой церкви христіанства.

При взятіи Іерусалима крестоносцами на Сіонѣ еще существовала церковь, къ которой торжественной процессіей направились полчища крестоносцевъ, послѣ восхожденія своего на Масличную гору. Замѣчательно, что и тогда Сіонъ былъ внѣ крѣпостной ограды, потому что христіанское воинство безпрепятственно подошло къ этой церкви, находившейся, по словамъ Вильгельма Тирскаго, на южной сторонѣ города и притомъ совершенно «вблизи его, на самой вершинѣ горы».

При христіанскихъ королях Іерусалима, Сіонская церковь носила названіе «Храма Св. Маріи», такъ какъ здѣсь произошло, по христіанскому преданію, Успеніе Пресвятой Дѣвы.

Наша церковь не сомнѣвается, что жилище Богоматери было на Сіонѣ, и въ Четьи-Минеяхъ Св. Дмитрія Ростовскаго подробно описывается таинственное преставленіе Святой Дѣвы, окруженной на смертномъ одрѣ Сіонскаго дома своего всѣми Апостолами, чудесно собравшимися на этотъ случай со всѣхъ странъ міра.

Впрочемъ, самый домъ Іоанна Богослова, гдѣ жила Святая Дѣва, показывали намъ рядомъ съ Сіонской горницей; домъ, конечно, въ развалинахъ; но въ старину на мѣстѣ этихъ развалинъ стояла христіанская церковь, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, апостолъ Іоаннъ совершилъ первую литургію для Пресвятой Богородицы.

Слѣды прежняго церковнаго устройства ясно видны и д сихъ поръ въ нижнемъ этажѣ Сіонскаго дома.

Комната «Тайной Вечери», происходившей, по преданію, въ

верхнемъ этажѣ этого дома, обращена теперь подъ мечеть. Тамъ тоже была церковь во дни Елены и крестоносцевъ. Отдѣленій тутъ тоже два. Въ одномъ—зала, гдѣ Христосъ послѣдній разъ трапезовалъ съ учениками своими и учредилъ Таинство Евхаристіи; въ другомъ—мѣсто сошествія Св. Духа на Апостоловъ. Посреди первой залы съ готическими сводами еще уцѣлѣли дорогія мраморныя колонны бывшаго храма и даже изображеніе пасхальнаго агнца на сводахъ его. Безобразная перегородка отдѣляетъ часть этой залы, и варваръ-проводникъ увѣряетъ насъ, будто за этою перегородкою, очевидно, недавно слѣпленною невѣжественною рукою другого варвара-араба, жила, въ евангельскіе дни, Св. Дѣва.

Храмъ попалъ въ руки мусульманъ только въ концѣ XVI вѣка. Еще долго послѣ латинскихъ королей Іерусалима «первая церковь» апостольская оставалась въ рукахъ францисканскихъ монаховъ. Іерусалимскій старшина ихъ ордена носитъ до сихъ поръ пышный, хотя и праздный титулъ хранителя Сіона.

Сіонъ былъ отнятъ отъ католиковъ въ 1559 году турецкимъ султаномъ по проискамъ богатаго цареградскаго еврея, котораго монахи ни за какія деньги не соглашались допустить поклониться гробамъ величайшихъ царей Израильскихъ Давида и Соломона. Мстительный еврей подбилъ великаго визиря совѣтами и деньгами — отобрать отъ нечестивыхъ рукъ христіанскихъ гробы святыхъ патріарховъ, прославленныхъ въ коранѣ, и съ тѣхъ поръ до самаго послѣдняго времени нога христіанина не вступала въ стѣны Сіона. Даже нашъ Муравьевъ проникъ туда въ 1829 году только тайно и подкупомъ.

Мы застали въ верхней горницѣ Сіонской самую подходящую публику. Толпа запыленныхъ русскихъ богомольцевъ, мужичковъ и бабъ, съ нѣмымъ восторгомъ, съ благоговѣніемъ, проступавшимъ сквозь всякую морщину ихъ простодушныхъ загорѣлыхъ лицъ,—пристыла глазами, ушами и всѣмъ сердцемъ — къ витіеватому разсказу проповѣдника-монаха. Съ увѣренностью и точностью, которымъ позавидовалъ бы всякій бого-

словъ, онъ указывалъ своей безхитростной аудиторіи, на какомъ мѣстѣ стоялъ трапезный столъ «Тайной Вечери», гдѣ именно было сидѣніе Спасителя и въ какія двери удалился измѣнникъ Іуда; подлинные тексты Евенгелія, которые грекъ-путеводитель зналъ наизусть и которыми онъ такъ и сыпалъ, довольно хорошо выговаривая ихъ по-славянски, окончательно умиляли русскихъ странниковъ, уже безъ того, очевидно, подавленныхъ святостію окружавшихъ ихъ воспоминаній...

Воспоминаній этихъ не выживетъ изъ этой скромной горницы никакой мусульманскій Михрабъ. Здѣсь, омывая пыльныя ноги своихъ учениковъ, братски раздѣливъ съ ними послѣдній кусокъ хлѣба и послѣдній глотокъ вина, Христосъ далъ міру новый никогда незабываемый завѣтъ: «заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если вы будете имѣть любовь между собою».

«Гробъ Давида» показываютъ за рѣшеткою въ комнатѣ, устланной ковромъ, рядомъ съ «Тайною Вечерею». Это громадный саркофагъ, накрытый довольно грубымъ и пыльнымъ зеленымъ покровомъ... Ученые не признаютъ въ немъ древняго еврейскаго типа и сомнѣваются въ его подлинности. Другіе увѣряютъ, что это только снимокъ съ дѣйствительнаго гроба Давида, который будто бы хранится въ недоступномъ подземельѣ Сіонскаго дома и къ которому съ трудомъ могутъ проникнуть даже мусульмане. Однако арабскій мулла, показывавшій намъ эту библейскую святыню, рѣшительно отвергалъ такое толкованіе и увѣрялъ, что никакого другого гроба Давида на Сіонѣ нѣтъ, что гробъ, который онъ намъ показываетъ, перенесенъ сюда изъ прежняго подземелья своего, чтобы удобнѣе было правовѣрнымъ поклониться ему.

Здѣшніе магометане почитаютъ Неби-Дауда нисколько не менѣе христіанъ и евреевъ, точно такъ же какъ они почитаютъ Авраама, Іакова, Соломона и другихъ ветхозавѣтныхъ царей,

патріарховъ и пророковъ. Этому нельзя удивляться, если сообразить, съ одной стороны, что большая часть мѣстныхъ магометанъ—омусульманившіеся евреи, греки и сирійцы, а съ другой стороны — вспомнить историческій фактъ, что передъ временемъ Магометовой проповѣди не только Палестина и Сирія, но даже вся Аравія были глубоко проникнуты еврействомъ, и даже самъ пророкъ Магометъ, по выраженію Эрнеста Ренана, былъ почти чистый еврей.

Нашъ игуменъ Даніилъ, посѣтившій Іерусалимъ въ XII вѣкѣ при королѣ «Балдвинѣ», нашелъ на Сіонѣ христіанскую обитель, на мѣстѣ дома Іоанна Богослова и «Тайной Вечери», и описываетъ ее очень похоже на то, какъ мы ее видимъ теперь. Только верхняя церковь была изукрашена живописью и мозаикой: «влѣсти по степенямъ, яко на горницу; ту есть храмъ красно созданъ на столпѣ и верхъ мусіею писанъ, алтарь же яко и церкви имать на востокъ лицемъ, тоѣ была келья Ивана Богослова, въ ней же вечерялъ Христосъ съ учениками своими!»

Но въ XVII вѣкѣ, при другомъ паломникѣ нашемъ, Арсеніѣ Суховѣ, христіанину уже невозможно было проникнуть въ Сіонскій домъ. Тамъ уже была при немъ турецкая мечеть, и подъ нею пещера съ гробами Давида и Соломона. Даже магометане не смѣли тогда входить въ эту священную пещеру, а только смотрѣли въ нее сверху, опуская зажженныя кандила; смерть поражала на мѣстѣ дерзновеннаго, рѣшавшагося спуститься въ усыпальницу библейскихъ царей.

Веніаминъ Тудельскій, еврей XII вѣка, разсказываетъ даже очень романическую исторію, какъ нѣсколько рабочихъ, разрушавшіе древнія зданія Сіона, неожиданно открыли глубокое подземеліе и проникли черезъ него до великолѣпнаго подземнаго дворца, поддержаннаго мраморными колоннами и покрытаго золотыми листами; по срединѣ его возвышались богато-украшенные гробы древнихъ царей Израиля, корона и скипетръ лежали на столѣ, и множество сундуковъ, наполненные невѣдомыми

сокровищами, стояли вдоль стѣнъ. Страшный вихрь, ворвавшійся въ пещеру, лишилъ чувствъ изумленныхъ смѣльчаковъ. «Встаньте и идите отсюда!» сказалъ имъ грозный голосъ. Они выползли кое-какъ изъ страшнаго подземелья и разсказали все патріарху... На другой день ихъ нашли больными при смерти. Ни за какія деньги они не соглашались еще разъ спуститься въ это страшное мѣсто. Іосифъ Флавій разсказываетъ о той же гробницѣ Давида, что когда Иродъ Великій хотѣлъ открыть ее, то пламя вырвалось изъ отверстія и разогнало рабочихъ...

Съ такимъ благоговѣйнымъ ужасомъ издревле относятся жители Іерусалима ко гробу великаго царя и пророка своего. И если тотъ грубый, совсѣмъ не интересный гробъ, который стоитъ въ пыли за рѣшеткою турецкой мечети, и который намъ равнодушно показывалъ турецкій мулла, есть дѣйствительно прославленный, историческій гробъ Давида, то какая же бездна легла между нашимъ скептическимъ вѣкомъ и наивно страстными временами, о которыхъ мы говорили сейчасъ...

Гробъ Давида навелъ меня на серьезныя мысли. При общемъ презрѣніи и ненависти къ еврейству современныхъ народовъ, при страшномъ матеріализмѣ интересовъ, овладѣвшихъ теперь еврействомъ—не мѣшаетъ остановиться съ раздумiемъ на изумительной нравственной высотѣ и чистотѣ того ученія, которое внесло въ древній міръ древнее еврейство. Среди всеобщаго звѣрства нравовъ и понятій, среди человѣческихъ жертвъ и дико-возмутительныхъ культовъ, еврейство, въ лицѣ своихъ боговдохновенныхъ вождей, провозглашало человѣчеству такую стройную и строгую систему общественной нравственности, такіе возвышенные духовные идеалы, до которыхъ мы врядъ ли доросли и теперь, и которые легли въ основу нравственнаго ученія христіанства.

Но изъ всѣхъ провозвѣстниковъ ветхозавѣтнаго идеала — царь-псалмопѣвецъ кажется мнѣ однимъ изъ самыхъ самобытныхъ и самыхъ геніальныхъ. Едва ли не первый онъ вносилъ

въ еврейскія понятія о Единомъ Богѣ, Покровителѣ и Отцѣ избраннаго народа своего, тѣ широкіе и возвышенные взгляды, которые мало-по-малу обращаютъ мѣстное божество племени Авраамова, пристрастное къ Израилю, безпощадное къ врагу его, въ христіанскаго Бога вселенной, правосуднаго и милосерднаго Отца всѣхъ вѣковъ и народовъ....

Столько христіанской любви, столько христіанской растроганности духа, столько нѣжнаго чувства человѣчности, и такая страстная потребность добра и правды, — разлиты въ многочисленныхъ, восторженныхъ пѣсняхъ царя-пастуха, царя-гусляра—хотя и рядомъ съ порывами совсѣмъ иного характера,— что вы забываете, изъ какихъ вѣковъ и изъ какой обстановки долетаютъ до васъ эти чудные звуки.

«Боже! Ты Богъ мой, Тебя отъ ранней зари ищу я; Тебя жаждетъ душа моя, по Тебѣ томится плоть моя...

«Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!» взываетъ въ приливѣ восторженнаго созерцанія царь-поэтъ.

«Возстань, Господи Боже, вознеси руку Твою, не забудь угнетенныхъ Твоихъ до конца. Ибо Ты взираешь на обиды и притѣсненія, чтобы воздать Твоею рукою. Тебѣ предаетъ себя бѣдный; сиротѣ Ты помощникъ... Сокруши мышцу нечестивому и злому такъ, чтобы искать и не найти его нечестія» — раздается его возмущенный голосъ на другихъ страницахъ псалмовъ.

«Господи! Кто можетъ пребывать въ жилищѣ Твоемъ? Кто можетъ обитать на святой горѣ Твоей? Тотъ кто ходитъ непорочно и дѣлаетъ правду и говоритъ истину въ сердцѣ своемъ.

«Близокъ Господь къ сокрушеннымъ сердцемъ и смиренныхъ духомъ спасаетъ. Очи Господни обращены на праведниковъ, и уши Его къ воплю ихъ».

Многія строфы псалмовъ Давида дышутъ совершенно евангельскими воззрѣніями; подчасъ кажется, что это говоритъ не ветхозавѣтный представитель религіи внѣшнихъ обрядовъ и

строгихъ предписаній, а идеальный проповѣдникъ горъ Тиверіадскихъ, утверждавшій Царство Божіе въ глубинѣ духа человѣческаго.

«Грѣшнику говоритъ Богъ: что ты проповѣдуешь уставы Мои, и берешь завѣтъ Мой въ уста твои. А самъ ненавидишь наставленіе Мое, и слова Мои бросаешь за себя? Когда видишь вора, сходишься съ нимъ, и съ прелюбодѣемъ сообщаешься? Не приму тельца изъ дома твоего, и козловъ изъ дворовъ твоихъ. Ѣмъ ли я мясо воловъ и пью ли кровь козловъ?

«Жертва Богу—духъ сокрушенный»...

Французскіе отрицатели XVII и XVIII вѣковъ, особенно Бейль и Вольтеръ съ энциклопедистами, сдѣлали всевозможное, чтобы извратить въ представленіи современнаго общества великія историческія фигуры Библіи своими дешевыми глумленіями, узкостью и односторонностью своей пристрастной критики; они отчасти достигли цѣли, и успѣли надолго вкоренить въ поверхностные умы ребяческое отношеніе къ ветхозавѣтному прошлому человѣчества.

Но люди, умѣющіе думать сами, должны подняться выше остальныхъ мнимо-философскихъ суевѣрій, и оглянуться на эти далекіе вѣка, на этихъ далекихъ людей, съ тѣмъ глубокимъ чувствомъ уваженія и благодарности, которое они невольно вызываютъ...

Домъ первосвященника Каіафы стоитъ нѣсколько особнякомъ отъ группы Сіонскихъ домовъ, но тоже за крѣпостною оградою.

Это массивный и громоздкій каменный сундукъ чрезвычайно древняго типа, недоступный и мрачный какъ крѣпость, съ маленькими характерными окошечками, очень скудно прорѣзанными на разныхъ высотахъ его... Онъ уже изрядно вросъ въ землю, или скорѣе въ груды развалинъ, составляющихъ теперь почву Сіона, такъ что приходится довольно глубоко спускаться въ его низенькія, заржавленныя, желѣзныя калиточки съ громадными засовами и громадными замками.

Я увѣренъ, что рѣдкій домъ Іерусалима сохранилъ на себѣ такую подлинную древне-іудейскую физіономію...

Домъ этотъ издавна считается темницею Христа, въ немъ до сихъ поръ показываютъ мѣсто, гдѣ заключенъ былъ Спаситель до отвода его къ Пилату и мѣсто отреченія Апостола Петра.

Теперь домъ жестокаго судьи Христова обращенъ въ Армянскій мужской монастырь, и подъ престоломъ церкви его хранится, какъ величайшая святыня, камень, закрывавшій входъ въ Гробъ Господень.

Домъ другаго первосвященника Анны тоже показывается до сихъ поръ. Тамъ нѣтъ теперь ничего интереснаго кромѣ древней маслины на дворѣ противъ алтаря церкви; преданіе говоритъ, что эта отрасль той самой маслины, къ которой привязанъ былъ Спаситель.

Въ домѣ Анны тоже изстари утвердились армяне, вообще захватившіе въ свои руки ближайшіе къ Сіону кварталы. Но для того, чтобы попасть въ армянскій женскій монастырь, устроенный на мѣстѣ дома Анны, необходимо уже вступить въ городъ, черезъ Сіонскія ворота, которыя арабы прозываютъ «Бабъ-Неби-Даудъ»—«ворота пророка Давида»...

Имя царя-пророка въ памяти народа преисполняетъ здѣсь все...

Эта часть Іерусалима буквально осталась тѣмъ «градомъ Св. Давида», какимъ она была за десятки вѣковъ. Тутъ и почва, и воздухъ, камни и преданія, — всецѣло библейскіе, ветхозавѣтные...

Не даромъ прихотью судьбы этотъ древнѣйшій уголокъ Іерусалима не попалъ въ общую ограду его и выдѣлилъ обособленными отъ новозавѣтнаго Іерусалима свои историческіе памятники.

X.—Храмъ Соломоновъ.

„Лощина Сырныхъ торговцевъ".—Еврейскій плачъ у подножія древняго святилища.—Входъ въ заповѣдные предѣлы.—Воспоминанія о храмѣ Соломоновомъ.—Гарамъ-эхъ-Шерифъ.—Куббетъ-эс-Сакра, или мечеть Омара.

Изъ воротъ Небъ-Дауда нужно пробраться по узкимъ улочкамъ старинныхъ армянскихъ и еврейскихъ кварталовъ Іерусалима, чтобы спуститься съ горы Сіонской на другую, тоже издревле прославленную гору Моріа, гдѣ стоялъ нѣкогда храмъ Соломоновъ.

Зрѣлище еврейской жизни, кишащей нищетой и многолюдствомъ, одна изъ самыхъ характерныхъ картинъ современнаго Іерусалима.

Мы обогнули верхами полукружіе Сіонскаго ската надъ Гигономъ и надъ Геенною и очутились теперь въ пологомъ провалѣ, составлявшемъ устье лощины, издревле раздѣлявшей Сіонъ отъ Моріа, городъ Давида отъ города Соломона.

Типическіе старинные дома туземцевъ евреевъ, эти почти слѣпыя четырехугольныя башни, съ уступами, въ одно, въ два окна, представляли собою удивительно подходящую библейскую рамку этой библейской долины. Въ дни славы Израиля тутъ были дома левитовъ и священниковъ, оберегавшихъ храмъ Соломоновъ.

Напротивъ, черезъ провалы, на эти замшившіеся останки задавленнаго еврейства глядятъ торжествующія стѣны турецкаго Гарама, сверкаютъ своими мраморами ненавистные Израилю купола и минареты мусульманскаго святилища...

«Лощина Сырныхъ торговцевъ» когда-то соединена была съ Моріа великолѣпными каменными лѣстницами, крытыми ходами и большимъ мостомъ «Ксиксомъ», вокругъ котораго кипѣла вся многообразная торговля іудейской столицы. А при выходѣ лощины въ Генномскую долину разстилались роскошные «царскіе сады», орошаемые водоемомъ Силомскимъ.

Теперь лощина эта тоже вся заросла. Но это уже не садъ, а цѣлый лѣсъ одичавшихъ кактусовъ, сквозь уродливыя колючія лапы которыхъ трудно пробраться даже кошкѣ.

Сквозь сѣти вьющихся уличекъ, мы очутились вдругъ въ такомъ глубокомъ и тѣсномъ переулкѣ, что показалось, будто мы въѣхали въ крѣпостной ровъ. Дѣйствительно, это скорѣе ровъ, чѣмъ улица. Одна сторона его—высокое подножіе скалы Моріа, одѣтое камнями громадной величины. Напротивъ этой глухой стѣны, тѣсно сплоченные ряды безъоконныхъ домовъ—башень фанатическихъ Могребиновъ.

Непонятный вой и стонъ стояли въ спертомъ воздухѣ этой улицы-рва, и на фонѣ его плачущіе голоса выводили свои визгливыя причитанія, перебивавшія другъ друга и путавшіяся въ какой-то кошачій концертъ. Толпы евреевъ и евреекъ, въ своихъ молитвенныхъ одеждахъ, старухи, мальчики, дѣвочки, грязныя и босоногія, и сѣдые старики важнаго вида съ строгими глазами въ очкахъ и древними книжками въ рукахъ, наполняли этотъ закоулокъ—неимѣвшій выхода; всѣ стояли, приникнувъ головой къ замшившимся камнямъ Моріа и съ страстнымъ увлеченіемъ возсылали молитвы обожанія къ подножію своего сокрушеннаго храма...

Болѣе тысячелѣтія еврею былъ воспрещенъ подъ страхомъ смерти входъ въ завѣтные предѣлы Гарама, сіяющаго на верху этого подножія, на террасахъ и развалинахъ великаго храма Соломонова. Да и теперь они не осмѣливаются воспользоваться дозволеніемъ входа, боясь оскорбить прахомъ нечистыхъ ногъ священную почву Святая-Святыхъ.

Еще въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія даже христіане, подданные побѣдоносныхъ европейскихъ государствъ, казнились смертію, если осмѣливались переступить заповѣдныя ворота Гарама.

Посланники могущественныхъ христіанскихъ державъ, пу-

тешествующіе принцы, знатные туристы, подобные Шатобріану, должны были ограничиваться лицезрѣніемъ издали изъ оконъ дома Пилата—великой мусульманской святыни.

Нашъ Муравьевъ посѣтилъ Іерусалимъ еще позднѣе, въ 30-мъ году, сейчасъ послѣ сокрушительныхъ русскихъ побѣдъ надъ Портою Оттоманскою, и все-таки могъ видѣть Эль-Гарамъ только издали, съ обрушенной колокольни св. Іоакима и Анны. За нѣсколько лѣтъ передъ нимъ турки казнили смертію смѣлаго грека, который тайно проникнулъ въ мечеть Омара и отказался принять исламъ.

Плачъ евреевъ у подножія разрушеннаго храма Соломонова начался еще съ римскихъ временъ. По словамъ св. Іеронима, когда Іерусалимъ уже былъ обращенъ въ Элію Адріанову, и самое имя его забыто народами, евреи со всѣхъ концовъ міра собирались на свое древнее пепелище и цѣною золота добивались позволенія «плакать на развалинахъ храма»...

«Избранному народу Божію», признававшему когда-то человѣкомъ только еврея, презиравшему какъ нечистую тварь, всѣ племена и народы, не познавшіе закона Моисеева, теперь, будто въ насмѣшку, достался смиренный удѣлъ лобызать во рву подножіе турецкой мечети и видѣть торжество Христа въ томъ самомъ городѣ фарисеевъ и первосвященниковъ, который казнилъ Его, какъ разбойника, въ обществѣ разбойниковъ.

Насмотрѣвшись на это оригинальное, чисто іерусалимское зрѣлище, и наслушавшись этого израильскаго плача «на рѣкахъ Вавилонскихъ», мы спѣшили къ воротамъ Гарама, у которыхъ насъ давно поджидалъ консульскій кавасъ и турецкій жандармъ отъ паши іерусалимскаго.

Мусульмане все еще никакъ не привыкнуть къ завоеванному европейцами праву. Хотя мы выхлопотали отъ паши разрѣшительную бумагу съ казенной печатью, которую напоказъ торжественно держалъ впереди себя турецкій жандармъ, хотя нами предводительствовалъ этотъ несомнѣнный мусульманскій стражъ, а шествіе наше замыкалъ внушительнаго вида консульскій кавасъ въ расшитой одеждѣ и дорогихъ оружіяхъ, съ двуглавымъ серебрянымъ орломъ всероссійскаго герба на груди, то-есть дипломатическій чинъ своего рода,—однако турецкій караулъ съ мрачнымъ недовольствомъ и очень медленно пріотворялъ намъ тяжелыя ворота Гарама. Подозрительнаго настроенія была и арабская толпа, стоявшая у воротъ, неодобрительно хмурившаяся на это наглое попираніе «собаками-московами» тысячелѣтнихъ заповѣдей ислама. Къ счастью, мы не понимали точнаго смысла того враждебнаго ворчанья, которымъ провожали наше шествіе, будто лежащіе у воротъ сторожевые псы своимъ рычаньемъ, толпившіеся тутъ мусульмане.

Однако и турецкій стражъ, и консульскій кавасъ, и нѣмецкій драгоманъ—всѣ почувствовали себя не совсѣмъ ловко, когда наконецъ захлопнулось за нами желѣзное полотнище воротъ и мы очутились одни среди священныхъ пастырей Гарама. Всѣхъ болѣе, кажется, чувствовалъ это путеводитель мусульманинъ, исполнявшій грѣховный приказъ своего начальника.

Нѣсколько величественныхъ сѣдыхъ муллъ въ зеленыхъ чалмахъ, прогуливавшихся въ разныхъ мѣстахъ по мраморнымъ помостамъ, остановились какъ окаменѣлые и съ враждебнымъ вниманіемъ слѣдили за нашимъ робкимъ приближеніемъ къ притворамъ мечети, безмолвно протестуя противъ нашего святотатства всѣмъ своимъ изумленнымъ и негодующимъ видомъ.

Огромный дворъ Гарама, окруженный съ востока и юга крѣпостными стѣнами, отдѣленъ отъ города съ остальныхъ сторонъ обрывами и сплошными строеніями.

При Муравьевѣ тутъ былъ зеленый лугъ, по которому были разбросаны пальмы и кипарисы, но теперь деревьевъ осталось очень мало, и дворъ имѣетъ видъ вымощенной площадки. Это та самая площадка горы Моріа, которую царь Давидъ купилъ у Іевусея Орны, по слову пророка Гада, чтобы избавить Іерусалимъ отъ моровой язвы. «И пришелъ въ тотъ день Гадъ къ Давиду и сказалъ»: «Иди, поставъ жертвенникъ Господу на гумнѣ Орны Іевусеянина». «И купилъ Давидъ гумно и воловъ за 50 сиклей серебра и соорудилъ тамъ Давидъ жертвенникъ Господу и принесъ всесожженіе и мирныя жертвы».

Соломонъ на этомъ же мѣстѣ воздвигъ свой прославленный храмъ, куда онъ перенесъ «ковчегъ Завѣта изъ города Давидова, то есть Сіона».

Семь лѣтъ строили этотъ великій храмъ. 30.000 рабочихъ поперемѣнно рубили кедры ливанскіе, 70.000 носили тяжести, 80.000 высѣкали камни въ горахъ, 3.300 начальниковъ руководили работами. Громадные тесанные камни, изъ которыхъ онъ былъ сложенъ, были обшиты кедровыми и кипарисовыми досками съ тонкою рѣзьбою, а дерево все обложено золотомъ.

«И обложилъ Соломонъ храмъ внутри чистымъ золотомъ, и протянулъ золотыя цѣпи, предъ давиромъ, и обложилъ его золотомъ. И полъ въ храмѣ обложилъ золотомъ, во внутренней и передней части. И Соломонъ сдѣлалъ всѣ вещи, которыя въ храмѣ Господа: золотой жертвенникъ и золотой столъ, на которомъ хлѣбы предложенія. И свѣтильники, пять по правую и и пять по лѣвую сторону—изъ чистаго золота, и цвѣты, и лампадки, и щипцы изъ золота. И блюда, и ножи, и чаши, и лотки и кадильницы изъ чистаго золота, и петли у дверей внутренняго храма во Святомъ-Святыхъ и у дверей въ храмѣ изъ золота же»—перечисляетъ въ разныхъ мѣстахъ 3-я Книга Царствъ.

Вообще мудрый царь этого маленькаго пастушьяго народа обладалъ такими запасами золота, которымъ могли бы позавидовать наши современные бумажные банки.

Онъ, повидимому, не зналъ, куда дѣвать свое золото, притекавшее къ нему ежегодно изъ Офира, «и отъ торговли купцовъ, и отъ всѣхъ царей аравійскихъ».

Онъ дѣлаетъ 200 большихъ щитовъ изъ кованнаго золота и 300 поменьше; окладываетъ золотомъ свой престолъ изъ слоновой кости, на 6-ти ступеняхъ съ 12 львами.

«И всѣ сосуды для питья у царя Соломона были золотые, и всѣ сосуды въ домѣ изъ ливанскаго дерева были изъ чистаго золота, изъ серебра ничего не было, потому что серебро во дни Соломонова считалось за ничто».

«И сдѣлалъ царь серебро въ Іерусалимѣ равноцѣннымъ съ простыми камнями», передаетъ намъ Библія эти любопытныя подробности.

«Семь дней и еще семь дней, четырнадцать дней», продолжалось все народное празднество Израиля по случаю освященія храма.

Какова была вмѣстимость его двора, можно судить потому, что въ «мирную жертву» Соломонова въ дни этихъ празднествъ, было заколото на дворѣ 22.000 головъ крупнаго и 120.000 мелкаго скота.

Этотъ ветхозавѣтный характеръ храма-двора, обнесеннаго сквозными галлереями и окружающаго центральную святыню, недоступную простымъ смертнымъ, сохранилъ и Эль-Гарамъ халифа Омара.

Можно сказать, что все подземное основаніе библейскаго хра̂ма и общій планъ его остались прежніе.

Арабы временъ Магомета были глубоко проникнуты еврейскою религіей, и имена библейскихъ царей и патріарховъ были одинаково священны для араба, какъ и еврея.

Оттого-то патріарху Софронію и удалось убѣдить грознаго завоевателя Іерусалима—пощадить часовню Гроба Господня и основать великую мечеть мусульманства на мѣстѣ славнаго храма Соломонова.

Оттого-то мечеть Омарова до сихъ поръ полна библейскихъ памятниковъ и библейскихъ легендъ. Оттого-то и въ общемъ расположеніи мусульманской святыни, наслѣдникъ Магомета старался не нарушить библейскихъ преданій. Магометъ явился въ этотъ храмъ Іеговы только продолжателемъ и увѣнчателемъ великихъ дѣлъ «израильскаго Сулеймана», послѣднимъ и бо́льшимъ пророкомъ въ ряду древнихъ пророковъ Библіи.

Въ сущности, вся эта пустынная площадь съ разсѣянными по ней кипарисами и оливами, съ ея множествомъ отдѣльно разбросанныхъ строеній—есть одинъ гигантскій домъ молитвы, какимъ была она и въ дни Соломона.

Строенія эти—эти живописныя башенки, портики, павильоны —все это только внутреннее убранство исполинскаго храма, «*мирабы*» для молитвы, фонтаны для омовенія, галлерейки для учащихся софтъ, каѳедры для чтенія корана и минареты для молитвенныхъ взываній муэдзина. Тотъ же колоссальный черный куполъ, что прикрываетъ центральную мечеть—это только Святая-Святыхъ Омарова храма. Голубой сводъ неба—вотъ нерукотворный куполъ, который одинъ въ состояніи охватить этотъ храмъ-городъ со всѣми его художественными созданіями рукъ человѣческихъ.

Древній храмъ Соломоновъ былъ покрытъ тѣмъ же воздушнымъ куполомъ. Онъ вмѣщалъ въ себѣ не только Израиля, но и язычество, былъ храмомъ Бога міра, не одного іудейскаго Іеговы.

Колоннады портиковъ, охватывавшія внѣшнюю окружность двора, были назначены для всѣхъ народовъ земли, желавшихъ поклониться Богу въ его великомъ храмѣ. Внутри наружной колоннады, отдѣленная отъ нея воротами, недоступными для язычника, шла галлерея самого Израиля, дальше, такимъ же концентрическимъ кольцомъ, еще ближе къ храму, дворъ левитовъ съ его жертвенниками и мѣднымъ моремъ на 12-ти

львахъ. Каждый внутренній кругъ поднимался террасами все выше и выше надъ внѣшнимъ и, наконецъ, въ сердцѣ всѣхъ этихъ колоннадъ и портиковъ возвышался на своихъ 12 мраморныхъ ступеняхъ, самъ, сверкающій золотомъ, храмъ Соломоновъ съ его Святая-Святыхъ.

Эта послѣдовательность колоннадъ и это постепенное подъятіе террасъ къ центру площади только отчасти и отрывочно сохранились въ мусульманскомъ Гарамъ эхъ-Шерифѣ, но все-таки сохранились ясно.

Поразителенъ видъ Куббетъ-эс-Сакра,—центральнаго святилища Омаровой мечети, когда совсѣмъ приблизишься къ нему и уразумѣешь очарованными глазами всю его неописанную красоту. На свѣтѣ одна такая мечеть, и она не похожа ни на что другое.

Высокимъ, вздувшимся шатромъ, чернымъ и мрачнымъ, какъ кидарскіе шатры Библіи, поднялся ея громадный свинцовый куполъ, увѣнчанный воинственною стрѣлою ислама.

Это побѣдоносный шатеръ Магомета, неукротимаго арабазавоевателя, гордо раскинувшійся надъ подавленнымъ еврействомъ Библіи, надъ подавленнымъ христіанствомъ Евангелія.

Посмотрите на него съ Масличной горы: онъ высится и торжествуетъ своей царственной шапкой надъ всѣмъ Іерусалимомъ, онъ, такъ сказать, одинъ только виденъ ясно въ лицо, одинъ сохраняетъ свой грозный характеръ одиноко стоящаго побѣдителя среди неяснаго хаоса сѣрыхъ плоско-крышихъ домовъ, слѣпыхъ башень и зубчатыхъ стѣнъ Іерусалима, въ которыхъ робко тонутъ и куполы Св. Гроба, и кресты христіанскихъ церквей.

Широкое восьмиугольное зданіе храма поддерживаетъ восьмиугольный верхній этажъ, на которомъ покоится исполинскій куполъ. Но тутъ уже безъ слѣда исчезаетъ суровая мрачность бедуина, воинственнаго сына пустыни, сказавшаяся въ черномъ

куполѣ; передъ вами раскрывается нѣга и роскошь тѣхъ арабовъ-поэтовъ, которые создали Альгамбру и сложили пѣсни Фирдуси.

Ряды большихъ изящныхъ оконъ прорѣзаютъ, будто свѣтящійся со всѣхъ сторонъ фонарь, оба восьмиугольные яруса. Но ярусы эти, кажется, не изъ дерева и не изъ камня.

Нѣжноголубые разводы фаянсовыхъ изразцовъ, перепутанные въ самыя затѣйливыя и живописныя арабески, сплошь одѣваютъ наружныя стѣны мечети своею оригинальною восточною одеждой, сквозною и легкою на видъ, но передъ которою оказались безсильны и дожди, и солнце, и всепожирающее время.

Золотыя строки Куфическихъ надписей искусно оттѣняютъ эти прелестныя панели голубыхъ и бѣлыхъ узоровъ—образуя собою карнизы изумительнаго художественнаго вкуса и самаго характернаго арабскаго стиля. Гипсовые переплеты многочисленныхъ оконъ извиваются такими же фантастическими узорами, выдѣляясь среди голубаго фона изразцовыхъ стѣнъ темно-кровавыми и темно-огненными тонами своихъ цвѣтныхъ стеклушекъ.

А ниже оконъ—широкій поясъ веселыхъ пестрыхъ мраморовъ, совершенно подходящихъ къ нѣжному колеру кафель, заканчиваетъ все это роскошное наружное убранство мечети, завѣщанное ей достойнымъ ея именемъ—Солимана Великолѣпнаго.

Когда смотришь на эту мечеть въ яркій солнечный день, ослѣпляемый блестящею полировкою фаянса и мрамора, и лучами солнца, отражаемыми съ особенной силой частыми гранями ея стѣнъ, то въ фантазіи вашей эта громадная мечеть невольно превращается въ какой-то почти прозрачный, чудно сверкающій своею полировкою, переливающій яркими огнями —драгоцѣнный кристаллъ...

XI.—Въ Святая-Святыхъ ислама.

Ворота великой мечети.—Негодованіе мусульманскихъ фанатиковъ.—Богатство убранства мечети.—Скала Авраама.—Священныя реликвіи мечети.—Пещера пророка Захаріи.—Взятіе Гарама крестоносцами.—Мечеть Акса.—Подземеліе 3000 колоннъ.—Золотыя ворота.

Очарованные, тихо двигались мы мимо мавританскихъ фонтановъ и портиковъ, по ступенямъ поднимающихся террасъ, къ воротамъ мечети.

Воротъ этихъ четверо, съ каждой стороны свѣта. «Бабъ-ель-Джина»—«ворота Рая» съ сѣвера, «Бабъ-ель-Кибля»,—ворота молитвы» съ юга, Бабъ-ель-Даудъ—«ворота Давида»—съ востока, и съ запада «Бабъ-ель-Хаубъ—«ворота войны».

Мы направились къ южнымъ...

Сѣдой исхудалый мулла рѣзко остановилъ насъ, не допуская до входа. Онъ долго молча переминалъ бумажку съ печатью паши, словно силясь откопать въ ней какую-нибудь законную придирку и заградить намъ ходъ въ святыню мусульманства...

Жандармъ что-то отрывочно пробасилъ ему, очевидно, безъ особеннаго увлеченія отстаивая наши права.

Кавасъ и драгоманъ вмѣшались тоже, но тотъ даже не взглянулъ на нихъ и не удостоилъ ни однимъ словомъ... Между тѣмъ подошли другіе турки, босоногіе муллы въ зеленыхъ чалмахъ, въ бѣлыхъ халатахъ, и простые богомольцы. Всѣ оглядывали насъ съ ногъ до головы съ нескрываемымъ неудовольствіемъ, особенно мою жену, которая не хотѣла спустить на лицо вуали. Долго совѣтовались они, передавая другъ другу ярлыкъ паши и поочереди разсматривая его. Очевидно, всѣмъ имъ не хотѣлось допускать насъ, но страхъ передъ грознымъ правителемъ Іерусалима сдерживалъ ихъ. Наконецъ худой мулла презрительно мотнулъ намъ головою на истоптанныя бабуши, стоявшія у входа и отвернувшись вошелъ въ мечеть. Мы надѣли эти туфли Абуказема поверхъ сапогъ и съ большимъ тру-

домъ перешагнули въ нихъ черезъ порогъ... Къ счастью нашему, день былъ не праздничный и въ мечети народу было не особенно много.

Не безъ нервнаго волненія, медленно волочили мы свои ноги по мраморнымъ плитамъ.

Всѣ оглядывались на насъ съ негодующимъ изумленіемъ, съ гнѣвомъ въ глазахъ... Видъ женщины безъ покрывала, да еще христіанки, возмущалъ правовѣрныхъ...

Внутри великой мечети—настоящее сновидѣніе изъ «Тысячи и одной ночи»... Не то золотой, не то розовый полумракъ царствуетъ въ ней. Ея окна разноцвѣтныхъ стеколъ чуднаго мелкаго узора проливаютъ въ нее этотъ таинственный цвѣтной туманъ, наполняющій ее будто кадильный дымъ...

Гиганскій куполъ чувствуется теперь надъ вашею головою во всемъ своемъ неизмѣримомъ охватѣ. Но онъ здѣсь уже не черный и не мрачный. Онъ весь выстланъ, словно безцѣнными коврами, темно-зеленою и темно-золотою мозаикою волшебной пестроты, волшебнаго вкуса. Круглый строй порфировыхъ и мраморныхъ колоннъ, подъ тонъ этой мозаики и этого таинственнаго цвѣтнаго тумана, поддерживаетъ осьмиугольный барабанъ купола, сіяющій своими яркими окнами. Другое болѣе обширное кольцо столбовъ охватываетъ внутреннюю колоннаду, ближе къ стѣнамъ. Все это камни, не имѣющіе цѣны и какъ богатство, и какъ исторія, и какъ священная реликвія...

Тутъ и колонны того языческаго Адріанова храма, который римскій цезарь воздвигъ на мѣстѣ разрушеннаго святилища Соломона, возобновленнаго Иродомъ, и гдѣ его конная статуя, рядомъ съ идоломъ Юпитера, попирала Святую-Святыхъ Іеговы. Тутъ и обломки колоссальныхъ столбовъ первоначальнаго храма Іерусалимскаго, еще обтесанныхъ молотами и пилами финикійскихъ каменьщиковъ Тирскаго царя Хирама.

Стѣны мечети, потолки мечети это—чудные персидскіе ковры,

это драгоцѣнныя турецкія шали тончайшихъ цвѣтовъ и тончайшихъ рисунковъ. Только эти ковры и шали сотканы изъ несокрушимыхъ «каменій самоцвѣтныхъ».

Бархатные темнозеленые тоны господствуютъ въ безцѣнныхъ мозаиковыхъ обояхъ, одѣвающихъ кругомъ исполинскій молитвенный шатеръ. Но они удивительно кстати и удивительно въ мѣру чередуются съ поясами темнокрасныхъ арабесковъ, переплетенныхъ золотомъ, какъ филигранною оправой.

Золото сверкаетъ и въ карнизахъ неизбѣжными строками корана, для которыхъ арабская азбука создала узоръ, неподражаемый по характерности и по изяществу. Нельзя оторвать глазъ отъ этой фантастической пестроты, отъ этой неописанной красоты цвѣтовъ и узоровъ.

Кажется, весь жаръ арабскаго воображенія вылился въ этомъ непостижимомъ сочетаніи самыхъ ласкающихъ тоновъ, самыхъ замысловатыхъ линій, умиряющемъ какъ елей глазъ и сердце ваши.

Даже послѣ св. Софіи въ Стамбулѣ, даже послѣ знаменитыхъ роскошью и вкусомъ мечетей Каира, — Кубветъ-эс-Сакра производитъ впечатлѣніе чего-то единственнаго, неподражаемаго.

Когда вы очнетесь наконецъ отъ подавляющаго васъ общаго впечатлѣнія и обратите взоръ на середину мечети, гдѣ отдѣлена бронзовой зеленой рѣшеткой историческая святыня, давшая имя Кубветъ-эс-Сакрѣ, вы сразу не можете сообразить, что̀ такое передъ вами.

Среди тончайшаго изящества мозаикъ и мраморной рѣзьбы, среди золота и порфира, подъ исполинскимъ куполомъ, составляющимъ чудо искусства, — покоится въ этомъ сверкающемъ, какъ кристаллъ храмѣ, огромная глыба грубаго сѣраго камня, цѣлая плоская скала, на которой можно бы было выстроить небольшой домъ.

Изъ міра мавританской роскоши и сказочныхъ фантазій васъ рѣзкимъ толчкомъ вдругъ переноситъ чуть не въ первобытныя до-историческія времена, въ вѣка пастушества и пустын-

ныхъ кочевокъ, когда полуварварское человѣчество боготворило дубы и камни, создавало себѣ алтари изъ скалъ, набросанныхъ другъ на друга, и приносило на нихъ свои кровавыя жертвы.

Камень этотъ, эта «скала», эта арабская «Сакра», почитается здѣсь не со временъ только ислама.

Халифъ Омаръ откопалъ эту скалу подъ грудою мусора. Эта скала несомнѣнно древнѣе самаго Іерусалима, и съ исторической точки зрѣнія въ Іерусалимѣ нѣтъ мѣста священнѣе этого грубаго камня.

Мельхиседекъ, царь Салимскій, уже возносилъ на этомъ жертвенникѣ, современномъ потопу, свои всесожженія Богу Вышнему...

Авраамъ разводилъ на немъ священный костеръ, на которомъ долженъ былъ заклать первороднаго сына, когда онъ удалился, по сказанію Библіи, на гору Моріа...

Очень можетъ быть, что гуменнымъ токомъ Іевусея Орны была именно эта священная скала, и ее-то повелѣлъ Давиду выкупить изъ рукъ нечестивыхъ Божій пророкъ...

Первый жертвенникъ Давида и первый Соломоновъ храмъ Богу Израиля были, конечно, основаны на мѣстѣ, уже освященномъ въ теченіи многихъ вѣковъ богопоклоненіемъ народовъ... «Святая-Святыхъ» Моисея во всякомъ случаѣ стояла на этомъ камнѣ, который еврейское преданіе считаетъ центромъ міра, «пупомъ земли». Подъ него сокрылъ рыдающій Іеремія отъ взоровъ человѣчества ковчегъ завѣта... На этомъ же священномъ камнѣ начертаны были, по убѣжденію талмудистовъ раввиновъ, и тѣ таинственныя, никому недоступныя словеса, которыми выражалось невыразимое имя Іеговы...

«Іисусу изъ Назарета удалось прочесть это таинственное «chêm» и Онъ наполнилъ міръ своими чудесами», объясняетъ еврейское преданіе.

Если вамъ мало Еврейскихъ преданій, наросшихъ, какъ мохъ, въ каждую трещинку этой священной до-исторической скалы, обратитесь къ мусульманскому муллѣ, который водитъ

васъ по разнымъ замѣчательнымъ уголкамъ святилища, очевидно, нѣсколько размягченный всунутымъ въ его безкорыстную длань десятифранковикомъ. Отъ него узнаете вы всю подноготную про эту священную «Сакру». Вы узнаете, во-первыхъ, что она чудесно виситъ въ воздухѣ, не поддерживаемая ни чѣмъ, какъ и камень Каабы въ Меккѣ, ея современникъ и дружка...

Во-вторыхъ, онъ покажетъ вамъ круглое отверстіе въ самой серединѣ «Сакры», сквозь которое пророкъ Магометъ вознесся на небо... Онъ пріѣхалъ для этого нарочно изъ Мекки на своей божественной кобылицѣ «Эль-Боракъ», сдѣлавъ весь путь изъ Аравіи въ Іерусалимъ въ одну ночь...

Въ послѣдній день міра, сама Кааба будетъ перенесена Ангелами въ Куббетъ-эс-Сакру, на скалѣ Авраама и Іакова воздвигнется престолъ судящаго Бога, и раздастся оттуда роковая труба Архангела.

Оттого-то пророкъ сказалъ объ этой скалѣ въ своемъ Коранѣ, что «одна молитва на ней стóитъ тысячи другихъ молитвъ»...

Двѣнадцать крутыхъ ступеней ведутъ васъ въ довольно просторную пещеру, которой потолокъ образуется скалою Авраама... Эта пещера пророка Захаріи, который, по преданію, убитъ здѣсь.

Мулла-чичероне нисколько не смущается тѣмъ, что вы теперь ясно видите каменныя стѣны, поддерживающія края «въ воздухѣ висящей Сакры»... Ему не до этихъ реальныхъ подробностей. Онъ торопится указать вамъ, не открывая впрочемъ таинственной дверочки помѣщеніе передъ входомъ въ пещеру, гдѣ хранятся клейноды великой мечети: подлинный коранъ Магомета и щитъ его, знамя Омара, волосы изъ бороды пророка, мечъ Али.

Онъ объясняетъ вамъ, постукивая въ звонкій известковый камень, гдѣ скрытъ входъ въ «колодезь душъ» — «Биръ-ель-Аруа», черезъ который можно спуститься въ самый адъ кромѣшный.

Онъ благоговѣйно нагибаетъ свою выю и заставляетъ нагнуться васъ къ отпечатку стопы Магомета, осѣненной золотой башенкой, и къ яшмовой дощечкѣ, въ которую Магометъ собственною рукою вбилъ 19 золотыхъ гвоздей... Когда исчезнетъ послѣдній изъ этихъ гвоздей, тогда наступитъ конецъ міра...

Соломонъ и Давидъ, и пророкъ Илія—всѣ оставили въ этомъ храмѣ слѣды своего пребыванія.

Оттого-то мечеть Куббетъ-эс-Сакра почитается мусульманами азіатскаго востока почти такъ же, какъ Меккская Кааба.

Для христіанъ тутъ тоже мѣсто многихъ достопамятныхъ событій Евангелія... Здѣсь жила отроковицею Пречистая Дѣва, посвященная Богу, и путешественникамъ до сихъ поръ показываютъ въ нишѣ нижней пещеры мѣсто ея дѣвственныхъ ночлеговъ.

Здѣсь праведный Симеонъ встрѣчалъ и благословлялъ Младенца-Христа... Здѣсь Учитель міра поучалъ народъ, толковалъ писаніе и изгонялъ изъ храма торгующихъ.

Неудивительно поэтому, что крестоносцы не рѣшились разрушить прославленной мусульманской святыни, которая такъ тѣсно сроднилась съ святынями Ветхаго и Новаго Завѣта христіанъ.

Мечеть Омара была обращена Готфридомъ въ «Храмъ Спасителя», и на скалѣ Авраама поставленъ престолъ алтаря, пока Саладинъ не вырвалъ опять Іерусалима изъ рукъ христіанъ и не возобновилъ мечети Омара въ еще бо́льшемъ блескѣ.

Въ день взятія Іерусалима Гарамъ былъ послѣднимъ убѣжищемъ пораженныхъ мусульманъ... Гарамъ былъ окруженъ тогда стѣнами, башнями и крѣпкими воротами.

Но Танкредъ сокрушилъ всѣ эти твердыни и ворвался съ своими рыцарями въ переполненный народомъ дворъ мечети.

«Что тамъ произошло! съ ужасомъ восклицаетъ его современный біографъ. Если мы скажемъ только правду, то и тогда

превзойдемъ всякое вѣроятіе. Достаточно сказать, что въ храмѣ и портикѣ Соломона ѣздили верхомъ въ крови по колѣно всаднику и по устцы лошади».

Когда стали очищать городъ отъ труповъ, то въ однихъ только оградахъ Соломонова храма было насчитано 10.000 убитыхъ...

«Въ храмѣ, на высокомъ престолѣ, помѣщалась огромная статуя изъ серебра, столь полновѣсная, что шесть сильныхъ рукъ едва-бы могли ее приподнять, а чтобы унести, нужно было десять», разсказываетъ рыцарь Рауль изъ Кана. «Танкредъ, увидавъ ее, закричалъ: о стыдъ! къ чему эта статуя, къ чему она поставлена такъ высоко?.. А эта статуя Магомета вся была усыпана каменьями, одѣта въ пурпуръ и горѣла золотомъ. Къ чему такая пышность? Это не Христосъ, но скорѣе первый антихристъ, безбожный Магометъ, Магометъ презрѣнный!.. О поношеніе! питомецъ ада, гость Плутона, обладаетъ твердынею Господа и возсѣдаетъ какъ Божество во храмѣ Соломона! Низвергнемъ его немедленно, и пусть онъ падаетъ къ нашимъ ногамъ!..» Едва онъ далъ приказаніе, какъ оно уже было выполнено. Статую схватили, стащили; и металлъ, дорогой по себѣ, но сдѣлавшійся презрѣннымъ вслѣдствіе сдѣланнаго изъ него употребленія, разбитъ на куски».

Крестоносцы основали еще другую церковь въ предѣлахъ Гарамъ-эхъ-Шерифа—Введеніе Св. Богородицы, на мѣстѣ стараго храма Юстиніана. Она почти цѣликомъ обращена Саладиномъ въ теперешнюю мечеть Акса, стоящую у южнаго края двора, тоже въ возобновленіе древней Омаровой мечети Меджидъ-ель-Акса.

Мы прошли къ ней изъ Омаровой мечети, черезъ Бабъ-ель-Даудъ, мимо прелестнаго павильона изъ мраморной рѣзьбы и сверкающихъ изразцовъ, напоминающаго въ миніатюрѣ и архитектурный стиль, и тоны красокъ великой мечети.

По народному преданію, это мѣсто суда царя Давида «Мекаметъ Даудъ», когда-то соединенное золотою цѣпью съ священнымъ храмомъ. Когда рука лжесвидѣтеля прикасалась къ священной цѣпи, изъ нея мгновенно выпадало звено, и преступникъ обличался праведнымъ судіею.

Готическій стиль фронтона и длиннаго величественнаго нефа этой церкви, поддержаннаго двумя рядами колоннъ, вполнѣ сохранился и теперь. Исламъ только росписалъ внутренность христіанскаго храма обычною парчею своихъ пестрыхъ арабесковъ.

Это тоже очень чтимая мусульманская мечеть, она носитъ имя, поминамое въ коранѣ. Но христіанскихъ и библейскихъ воспоминаній въ ней болѣе, чѣмъ магометанскихъ... Особая мраморная ниша около главнаго мираба знаменуетъ собой мѣсто, гдѣ молился Христосъ и гдѣ показывается въ мраморной плитѣ отпечатокъ ступни Его... Въ другой такой же нишѣ, сидѣніе первосвященника Захаріи... Акса была въ дни іерусалимскихъ королей главнымъ центромъ тамплiеровъ, «Рыцарей храма». Ихъ постройки тѣснились около этой церкви, въ южномъ углу Гарама, и Акса носила тогда названіе «Храма Соломонова».

Какъ іоанниты, рыцари Страннопріимнаго ордена, воздвигли свой замокъ-монастырь, подъ сѣнью храма Гроба Господня, такъ и храмовники отдали себя подъ защиту другаго святилища Іерусалима—былаго храма Соломонова. Не знаю, въ ихъ ли времена, или еще въ вѣка Соломона, сооруженъ подземный, пустынный храмъ, куда мы спустились подъ мечетью Акса. По размѣрамъ и грубости камней, составляющихъ основу этихъ тяжкихъ сводовъ—пахнетъ Библіей и еврействомъ. Думаютъ, что здѣсь были древнія ворота пророчицы Гульды, теперь заваленныя, и что Христосъ ходилъ черезъ нихъ въ Іерусалимскій храмъ. Но эти подземныя галлереи кажутся совсѣмъ ничтожными, когда послѣ нихъ спустишься черезъ маленькую незамѣтную дверочку въ дальнемъ углу крѣпостной стѣны, по нѣ-

сколькимъ десяткамъ грубыхъ ступеней—въ исполинскія «подземелья трехъ тысячъ колоннъ».

Повидимому, вся площадь Гарама стоитъ на темени этого громаднаго подземнаго чертога. Цѣлое населеніе Іерусалима со всѣми своими пожитками безъ труда умѣстилось бы въ немъ и, вѣроятно, не разъ, въ дни истребленія и гибели, оно переполнялось толпами народа, искавшаго спасенія.

Громадные столбы поддерживаютъ безчисленные своды и уходятъ живописно-угрюмыми перспективами въ глубину темныхъ нѣдръ земныхъ, словно тѣсные стволы какого-то гигантскаго окаменѣлаго лѣса, мрачнаго какъ сама преисподняя. Это колоссальное сооруженіе еще дышетъ вѣками египетскихъ пирамидъ и вавилонскихъ дворцовъ. Арабы увѣрены, что ихъ могли построить только демоны. Народъ называетъ ихъ «Конюшнями Соломона», и въ дни тамплiеровъ тутъ дѣйствительно были рыцарскія конюшни. Въ настоящее время доступна посѣтителю только нѣкоторая часть этого подземелья; гораздо бо́льшая часть или обрушена, или замурована. Нѣкоторыя мѣста его давно уже обращены въ цистерны для воды, и съ площади Гарама въ нихъ спускаются многіе колодцы. Очень можетъ быть, что въ древнія времена это была одна гигантская цистерна, наполнявшаяся, на случай осады города, водою изъ Соломоновыхъ прудовъ Гигона, изъ которыхъ дѣйствительно были проведены водопроводы во дворъ храма.

Мы закончили обзоръ Гарама неспѣшною прогулкою по древнимъ стѣнамъ. Назади насъ была видна площадь Гарама—все его гладкое каменное блюдо, на которомъ раскинуты будто фарфоровыя изваянія, мечети, кіоски, фонтаны. Впереди, у нашихъ ногъ глубокимъ проваломъ тянулась унылая Іосафатова долина съ неисчислимыми толпами могильныхъ камней, облегавшихъ всѣ ея скаты и наполнявшихъ ея дно словно стада окаменѣвшихъ овецъ,—и за нею меланхолическія возвы-

шенности горы Элеонской. Только одни ворота «Золотыя», охраняемыя сильною четырехъугольною башнею, ведутъ изъ Гарама въ Іосафатову долину. Когда-то широкая лѣстница ступеней поднималась къ нимъ изъ глубины этой долины. Но теперь ворота заложены наглухо, и ихъ прекрасныя арки, карнизы и капители колоннъ, поднесенныхъ, говорятъ, Соломону царицею Сабою, обезображены прозаическою кирпичною кладкой. Въ эти ворота входилъ Христосъ въ Вербное Воскресенье, въ день своего торжественнаго въѣзда въ Іерусалимъ. Въ память этого евангельскаго событія при крестоносцахъ отворяли «Золотыя ворота» каждое Вербное Воскресенье; патріархъ іерусалимскій верхомъ на ослѣ, сопровождаемый духовенствомъ и хоругвями, въѣзжалъ черезъ нихъ въ древнія ограды Соломонова храма, и народъ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ разстилалъ на пути его свои одежды, какъ въ дни Спасителя.

«Золотыя ворота» Іерусалима, какъ и «Золотыя ворота» Царьграда, имѣютъ свою легенду. Древнее пророчество гласитъ, что черезъ нихъ долженъ пройти христіанскій царь, который освободитъ отъ Магомета гробъ Спасителя и городъ Давида. Оттого магометане боятся держать ихъ открытыми и заложили камнями. Время это можетъ быть, ближе, чѣмъ думаютъ турки и нужно только изумляться, какъ взаимная ненависть христіанскихъ народовъ мѣшаетъ имъ до сихъ поръ отобрать святой городъ христіанства изъ рукъ его исконныхъ враговъ.

Когда придетъ часъ, конечно, камни «Золотыхъ воротъ» не удержатъ того христіанскаго царя, которому легенда пророчитъ освобожденіе Давидова города...

XII.—Долина смерти.

„Геенна огненная".—„Акелдама", земля крови.—Гробница пророка Исайи.—Купель Силоамская.—„Гора соблазна".—Поэзія „пѣсни пѣсней".—Русская баба въ гробницѣ фараоновой дочери.—Мавзолей Авессалома и памятникъ долины Іосафатовой.—„Потокъ кедровъ".

Древній городъ Іевусеевъ стоялъ на границѣ тѣхъ двухъ израильскихъ колѣнъ, которыя положили основаніе могуществу и славѣ дома Давидова—колѣна Іуды и колѣна Веніаминова.

«Отсюда предѣлъ идетъ вверхъ къ долинѣ сына Енномова, съ южной стороны Іевуса, который есть Іерусалимъ, и восходитъ предѣлъ на вершину горы, которая къ западу противъ долины Енномовой, которая на краю долины Рафаимовъ къ сѣверу»... описываетъ эту границу съ точностью географа книга Іисуса Навина.

Долина Рафаимовъ, очевидно, Гигонская долина, съ прудами Соломона, окаймляющая западную покатость Сіона; долина Енномова—это евангельская «геенна огненная», охватывающая южные скаты Іерусалима.

Въ этой узкой лощинѣ, въ дни жестокихъ ассирійскихъ и вавилонскихъ завоевателей, въ дни отступниковъ царей іудейскихъ, стояли мѣдные идолы, въ утробахъ которыхъ жарили евреевъ, не соглашавшихся поклониться иноземнымъ кумирамъ, «Молоху — мерзости Аммонитской, Хамосу — мерзости Моавитской».

«И устроили высоты Тофета въ долинѣ сыновей Енномовыхъ, чтобы сожигать сыновей своихъ и дочерей своихъ въ огнѣ», говоритъ пророкъ Іеремія... «Не будутъ болѣе называть мѣста сего Тофетомъ и долиною сыновей Енномовыхъ, но долиною убійства, и въ Тофетѣ будутъ хоронить, по недостатку мѣста».

Вѣроятно, этому ужасному историческому воспоминанію долина Енномова и обязана тѣмъ, что она пріобрѣла нераз-

лучный съ нею эпитетъ «огненной». и стала символомъ ада кромѣшнаго.

Въ дни царей тутъ, во всякомъ случаѣ, были цвѣтущіе сады, и водопроводъ, слѣды котораго еще замѣтны, велъ обильныя воды прудовъ гигонскихъ въ предѣлы Соломонова храма.

Тѣнистыя рощи съ фонтанами и идолами Астарты, воздвигнутые нечестивыми царями Израиля, были сравнены съ землею царемъ Іосіей, который повелѣлъ заваливать геенну всѣми нечистотами города. Теперь, однако, долина Еннома опять обращена въ сплошной фруктовый садъ, которымъ заросли безчисленныя могилы и который такъ мало напоминаетъ ужасныя евангельскія картины «геенны огненной»...

Впрочемъ, противоположный Іерусалиму берегъ Еннома весь изрытъ и покрытъ гробами. Они источили обрывы берега, какъ осиныя гнѣзда и развалины ихъ почти не оставляютъ мѣста для обиталища живыхъ.

Когда-то тамъ были расположены дома іерусалимскихъ горшечниковъ—«село Скудельничье» Евангелія, гдѣ Іуда купилъ себѣ землю цѣною Христовой крови, и гдѣ онъ, по преданію, повѣсился.

«Акелдама»—«земля крови» уцѣлѣла до сихъ поръ. Это обширная пещера на обрывѣ долины, почти у самаго впаденія ея въ Іосафатову долину. Въ ней можно насчитать до 30 отдѣльныхъ гробовыхъ помѣщеній, въ видѣ каменныхъ ложъ съ нишами, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ еще видны человѣческія кости. Въ старое время надъ пещерою стояла церковь и былъ монастырекъ, которому Акелдама служила усыпальницей.

Недалеко отъ Акелдамы показывается другая, тоже довольно просторная пещера, которую греки считаютъ пещерой преподобнаго Онуфрія, а католики—пещерой пророка Ильи.

Вообще, этихъ пещеръ тутъ множество, въ нихъ укрывались христіане въ дни разрушенія Іерусалима Титомъ и Адріаномъ.

Вотъ что пишетъ объ этихъ пещерахъ нашъ старинный паломникъ 16-го вѣка, купецъ Трифонъ Корабейниковъ, съ которымъ царь Иванъ четвертый посылалъ свою «милостыню довольну» въ Царьградъ и Антіохію, и въ Александрію, и во святый градъ Іерусалимъ, и въ Синайскую гору, къ патріархамъ и къ архіепископамъ, къ епископамъ и архимандритамъ, и игуменамъ на поминъ души въ гнѣвѣ убіеннаго имъ сына.

«И до сего дни то село Скудельничье въ погребеніе страннымъ, которые правовѣрные христіане приходятъ отъ всѣхъ странъ Востока и Запада поклониться Гробу Господню и святымъ мѣстамъ, которому пришельцу иныя страны лучится отвести къ Богу и тѣхъ христіанъ кладутъ въ томъ селѣ Скудельничѣ... А Ерусалимлянъ въ томъ селѣ никого не положатъ никогда же.

Въ томъ же селѣ ископанъ погребъ каменный въ горѣ, яко пещера и дверцы малы учинены, въ томъ погребѣ придѣланы яко бы закрома два, кладутся христіане въ томъ погребѣ, безъ гробовъ, на землю».

Сейчасъ же, при выходѣ изъ долины Енномовой, почти на распутьи этой долины съ Іосафатовою, взоръ путешественника приковываетъ къ себѣ колодезь подъ характернымъ куполомъ. Одни называютъ его колодеземъ Іова, другіе—Іоава, третьи—Нееміи. Не вдалекѣ отъ него, у подножія Моріи,—гробница пророка Исаіи.

Вдохновенный пророкъ-поэтъ, былъ, говорятъ, замученъ на этомъ мѣстѣ. Показываютъ даже остатки древней маслины, къ которой онъ былъ привязанъ и на которой безжалостный царь Манассія, его родственникъ, распилилъ его деревянною пилою.

Преданіе говоритъ, что когда пророкъ-мученикъ изнемогалъ отъ жажды, внезапно изъ камня горы Моріа брызнулъ ключъ воды, и съ тѣхъ поръ открылся источникъ Силоамскій.

Впрочемъ, Силоамъ имѣетъ не одну легенду. Его происхожденіе всегда объяснялось какимъ-нибудь чудомъ.

«Егда возврати Господь отъ Вавилона плѣненіе сыновъ Израилевыхъ и плѣнъ Сіона, пріиде Іеремія пророкъ и весь плѣнъ съ нимъ на тотъ потокъ и жаденъ бысть Іеремія пророкъ и весь плѣнъ съ нимъ помолися Богу, да дастъ ему въ ту купель воду», увѣряли нашего стариннаго путешественника по святымъ мѣстамъ Іерусалимскіе монахи.

Еврейскій историкъ Іосифъ сообщаетъ, что въ дни осады Іерусалима Титомъ этотъ чудодѣйственной потокъ утолялъ жажду только однихъ римлянъ. Евреи же, за свои безмѣрные грѣхи, не могли пить изъ него. Чудесное появленіе обильнаго воднаго потока изъ-подъ каменной горы еще болѣе поражало воображеніе древнихъ людей потому, что воды Силоама въ теченіе дня два раза убываютъ и два раза прибываютъ и по свойству своему издавна считались цѣлебными... Оттого-то въ дни Спасителя больные и разслабленные лежали кругомъ этой чудесной купели, съ вѣрою ожидая своего часа...

Видъ изъ Іосафатовой долины на эту библейскую купель оригиналенъ и живописенъ.

Это громадная пещера съ высокими сводистыми галлереями, высѣченными въ скалѣ, съ широкой лѣстницей, спускающей свои многочисленныя ступени въ черное нутро земли...

Кто составилъ себѣ понятіе о колодцахъ по нашимъ узкимъ дырьямъ въ землѣ, охваченнымъ тѣснымъ и утлымъ бревенчатымъ срубомъ, тотъ будетъ въ изумленіи отъ тѣхъ, часто колоссальныхъ сооруженій, въ которыхъ утоляетъ жажду въ теченіе тысячелѣтій, среди песковъ и камней пустыни, подъ раскаленнымъ небомъ своего вѣчнаго южнаго лѣта, житель Востока, и которые мы по недоразумѣнію окрещиваемъ тѣмъ же не подходящимъ именемъ колодезя. Силоамскій колодезь, или «Купель Силоамская», одна изъ самыхъ оживленныхъ мѣстностей Іерусалима. Передъ зіяющею черною аркою ея устья, обдѣланнаго колоннами и когда-то увѣнчаннаго христіанскимъ храмомъ, постоянная толпа, постоянное движеніе.

Тутъ и утомленныя вереницы нагруженныхъ верблюдовъ,

[illegible] изъ Мертваго моря, отдыхаютъ на
[illegible]ахъ, съ меланхолической философіей
[illegible] ослику; тутъ и ослики сосѣднихъ араб-
[illegible] дровами, углемъ, каменьями, ко-
[illegible] за Іерусалимскіе базары изъ окрестныхъ
[illegible] цѣлыя становища полосатыхъ бедуиновъ
[illegible] Виѳлеемскихъ красавицъ.

[illegible] отдыхаютъ и утоляютъ свою жажду у
[illegible] рота, дышащаго на нихъ прохладною сыростью
[illegible] пасти, но и запасаются на дорогу прекрас-
[illegible] омываютъ потъ своего уставшаго тѣла.

[illegible] рослыя женщины, въ богатыхъ уборахъ Во-
[illegible] строгія, черноокія, поднимались однѣ за однѣми
[illegible] характерными кувшинами на плечахъ, по ступе-
[illegible] священной купели.

Молча смотрѣли на нихъ, ожидая своей очереди, сидѣвшіе и стоявшіе у входа въ пещеру мужчины, сѣдые величественные старики, суровые сильные юноши, полунагіе красавцы мальчишки.

Часть женщинъ еще оставалась въ купели и изъ далекаго мрака подземелья чуть выдѣлялись, глубоко внизу, за рядами медленно двигавшихся вверхъ водоносицъ, ихъ неясные силуэты, оттѣненные серебристымъ мерцаніемъ струй.

Мы тоже терпѣливо дожидались, пока всѣ эти статуарныя дѣвы и жены Виѳлеема окончили свое невидимое подземное купанье и, сверкающія своими влажными черными косами и шелками своихъ нарядовъ, выбрались наконецъ на верхъ мимо насъ съ полными кувшинами.

Мужчины начали тогда свой спускъ къ чудесному источнику; кто раздѣлся до половины, кто вовсе, и всѣ вошли по поясъ въ потокъ.

Мальчики и юноши побрели, осторожно раздвигая ногами воду, вверхъ по источнику, въ черную глубину скалы, пригибаясь подъ низкіе своды.

Увѣряютъ, что по ручью Силоамскому можно проплыть подъ всѣмъ Іерусалимомъ, но, конечно, никто не пытался проникать далѣе нѣсколькихъ шаговъ.

Мы долго любовались своеобразною картиною этого подземнаго воднаго грота и наполнявшей его пестрой толпы.

Съ непоколебимою вѣрой младенца, не раздумывая, сходили сюда внизъ, раздѣвались и погружались одинъ за однимъ въ чудотворныя струи эти наивные люди первобытныхъ вѣковъ и возвращались оттуда успокоенные, довольные, убѣжденные, что они совершили для своего земного благополучія великое дѣло.

«Геенна огненная» впадаетъ въ «Іосафатову долину», какъ разъ противъ «Горы Соблазна», на которой состарившійся роскошникъ Соломонъ нѣкогда воздвигалъ языческія капища въ утѣшеніе своимъ безчисленнымъ языческимъ женамъ.

Надъ обрывами скалъ, пріосѣняющихъ насъ теперь справа, стояли идолы Молоха, Астарты, Хамоса, отовсюду видные, и имъ приносились нечестивыя жертвы.

«И полюбилъ царь Соломонъ многихъ чужестранныхъ женщинъ, кромѣ дочери Фараона, повѣствуетъ о немъ священная лѣтопись, моавитянокъ, аммонитянокъ, идумеянокъ, сидонянокъ, хеттеянокъ. И было у него 700 женъ и 300 наложницъ; и развратили жены сердце его. Тогда построилъ Соломонъ капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горѣ, которая предъ Іерусалимомъ, и Молоху, мерзости Аммонитской».

Вѣроятно, на той же «Горѣ Соблазна» надъ долиною, когда-то заросшею садами и журчавшей безчисленными источниками, стоялъ загородный дворецъ царя-поэта, съ террасъ котораго онъ воспѣвалъ въ своихъ вдохновенныхъ пѣсняхъ красоту Іерусалимскихъ дѣвъ и прелесть Палестинской весны.

«Я сошла въ орѣховый садъ посмотрѣть на зелень долины,

поглядѣть, распустилась ли виноградная лоза, расцвѣли ли гранатныя яблоки. Киперы съ нардами, нардъ и шафранъ, аиръ и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нѣтъ на тебѣ! Ласки твои лучше вина, сотовый медъ каплетъ изъ устъ твоихъ, невѣста моя! Кто это блистающая, какъ заря, прекрасная, какъ луна, свѣтлая, какъ солнце, грозная, какъ войска со знаменами? Два сосца твои, какъ два козленка-двойни серны. Шея твоя, какъ столбъ изъ слоновой кости. Положи меня, какъ печать на сердце твое, какъ перстень на руку твою; ибо крѣпка, какъ смерть, любовь. Большія воды не могутъ потушить любви, и рѣки не зальютъ ее!»

Когда читаешь эти полныя нѣги изліянія южной страсти въ обстановкѣ теперешняго Іерусалимскаго запустѣнія, среди могильныхъ камней Іосафатовой долины, сердцу дѣлается также тяжело и неловко, какъ при входѣ въ погребальный склепъ послѣ веселаго шума пирующей залы.

Роскошная поэзія «Пѣсни-Пѣсней» у самаго входа въ «геену огненную», надъ гробницею замученнаго пророка, надъ костями безчисленныхъ погребенныхъ поколѣній!

Есть надъ чѣмъ глубоко задуматься.

Сама «Гора Соблазна» теперь тоже сплошная могила. Обрывы ея ощетинились гробовыми камнями, какъ и всѣ другія горы и долины, охватившія кругомъ этотъ городъ мертвыхъ своимъ могильнымъ кольцомъ.

Деревушка Силоамъ, прилѣпившая по обрывамъ «Горы Соблазна» свои бѣдныя цыганскія норы, выросла на этихъ могилахъ и, навѣрное, изъ камней этихъ могилъ.

Мы проѣхали ее, спускаясь по головоловнымъ кручамъ безъ всякихъ тропинокъ, съ вершины горы, которую намъ хотѣлось осмотрѣть, прямо въ провалье долины... Это былъ хорошій подготовительный урокъ для предстоявшихъ намъ странствованій по Палестинскимъ, Самарійскимъ и Галилейскимъ горамъ.

Хотя я отъ души разбранилъ драгомана за то, что онъ по-

тащилъ насъ, и особенно жену, еще не успѣвшую вполнѣ освоиться съ особенностями здѣшнихъ путей, по этимъ чертовскимъ пропастямъ, однако, дѣло было сдѣлано, и первая Палестинская лекція прочитана до конца.

На половинѣ спуска, немного ниже деревушки Силоама, мы остановились посѣтить уцѣлѣвшую среди безконечнаго кладбища гробницу одной изъ женъ Соломоновыхъ, вѣроятно, той самой дочери Фараона, для которой Соломонъ построилъ новый дворецъ внѣ города Давидова.

Гробница имѣетъ видъ каменной часовенки, до половины вросшей въ скалу и, можно сказать, виситъ на ея скатѣ.

Желѣзная дверочка оказалась запертою, но проводникъ арабъ, къ удивленію нашему, сталъ стучаться въ нее съ такою же увѣренностью, какъ въ собственный свой домъ, подмигивая намъ съ загадочною улыбкою и объясняя что-то непонятнымъ для насъ шопотомъ...

— Тутъ русская живетъ... Монашка!—съ такою же самодовольной улыбкой объяснилъ намъ Якубъ.

— Во имя Отца и Сына, кто такой?—раздался неспѣшный и негромкій голосъ.

— Отворите, матушка, господа пріѣзжіе... русскіе!..—крикнулъ Якубъ.

Загремѣла задвижка, со скрипомъ отворилась низенькая дверочка, и бодрая, хотя пожилая женщина въ черномъ платьѣ показалась въ ней.

Съ своимъ строгимъ и важнымъ лицомъ въ морщинахъ, она смотрѣла какою-то начетчицею старообрядской часовни.

— Господь васъ благослови! пожалуйте въ мою келейку!.. вѣжливо пригласила насъ мать Марина,—тѣсно здѣсь, а посидѣть все-таки можно.— Въ келейку-гробницу вошли только мы двое, а Якубъ съ провожатыми остался у лошадей.

Внутреннее помѣщеніе Соломоновой гробницы не болѣе 3 аршинъ въ ширину и длину.

Мать Марина обратила эту израильскую древность въ под-

линно-русскій уголокъ, приспособленный къ несложнымъ нуждамъ ея затворнической жизни... Знакомыя иконы русскаго письма, по золотому фону, съ фольговыми украшеніями, Суздальской и Арзамасской школы, дешевыя русскія лампадки, толстыя замасленныя книжки кіевской печати въ черныхъ переплетахъ съ застежками и тутъ же въ уголку неизбѣжный тульскій самоварчикъ съ грошевыми чашечками, да въ углу аккуратно поставленная по русскому обычаю постель, вотъ и все убранство этой импровизированной кельи.

Мать Марина родомъ изъ Вятской губерніи и говоритъ чистымъ великорусскимъ говоромъ... Она уже много лѣтъ какъ зашла въ Палестину и скиталась по разнымъ мѣстамъ...

Новый патріархъ запретилъ ей оставаться въ пещерѣ Гозувитскаго ущелья, гдѣ она жила до сихъ поръ, дѣться было некуда, и вотъ она забралась пока сюда, на древнее кладбище Соломона... Запирается отъ арабовъ на задвижку въ своей гробницѣ и молится здѣсь; никто ей не мѣшаетъ.

Русскіе богомольцы кое-когда посѣщаютъ ее и приносятъ ей ѣсть и пить, подаютъ деньги... Отсюда ей близко ходить къ Гробу Господню, къ Успенію Божіей Матери... Она хочетъ просить теперь патріарха разрѣшить ей поселиться въ Хевронѣ, у Дуба Мамврійскаго. Ей тамъ мѣсто очень понравилось, тихое и пріятное.

— А въ Россію назадъ не хочется? — спросила жена, не собираетесь вовсе вернуться?..

— Въ Россію не хочется... Что жъ! Отвыкла совсѣмъ... съ небольшимъ раздумьемъ отвѣчала Марина. Отъ святыхъ мѣстъ какъ же уйти?.. Теперь надо о душѣ думать... Пожила довольно.

Предложила намъ вздуть самоварчикъ, вздохнуть отъ дороги, сейчасъ у нея готовъ будетъ. Мы отказались; надо было спѣшить дальше...

— Вы жъ посмотрите келейку мою, когда въ Гозувитѣ будете, у Ивана Златоуста! любопытно!—сказала мать Марина,

провожая насъ къ конямъ. Тамъ я какъ птица небесная жила... въ камняхъ... высоко!.. по веревочной лѣстницѣ взбиралась. Спросите у отца Калиника, игумена, онъ хорошо меня знаетъ... Марина, скажите, русская, что въ пещерѣ спасалась... Тамъ всѣ знаютъ... и азіаты всѣ, не то что монахи... Обкрадывали меня сколько разъ, каторжные, прости Господи!..

Мы сѣли на коней и простились съ своей оригинальной землячкой.

Ветхозавѣтный царь Соломонъ, дочь Египетскаго фараона, — и вдругъ рядомъ съ ними, можно сказать, ихъ законною наслѣдницею—русская баба Марина съ тульскимъ самоваромъ и суздальской иконой!..

Какъ хотите, а переварить эти несовмѣстимыя вещи въ своемъ воображеніи не особенно легко, хотя и видѣлъ своимъ глазомъ...

Долина, окаймляющая съ востока Іерусалимъ, называется «Іосафатовою» потому, что въ ней находится гробница іудейскаго царя Іосафата, современника нечестиваго Ахава.

Мавзолей Іосафата уцѣлѣлъ до нашихъ дней, рядомъ съ мавзолеемъ Авессалома, сына Давидова, и гробницею пророка Захаріи, умерщвленнаго царемъ Іоасомъ...

Эти три ветхозавѣтные памятника, прислоненные почти рядомъ къ подножію «Горы Соблазна»,—сообщаютъ прославленной библейской долинѣ ея характерный видъ, столь памятный Іерусалимскимъ паломникамъ... Гробницу Захаріи здѣшніе греки и евреи считаютъ гробницею пророка Исаіи и окружаютъ ее благоговѣйнымъ уваженіемъ...

Подъ ея остроконечнымъ верхомъ, поддерживаемымъ массивными старинными колоннами, незамѣтно ни входа, ни отверстія среди сплошной толщи стѣнъ. Кругомъ ея, примкнутыя къ самымъ стѣнамъ, тѣсною нивою толпятся могильные камни евреевъ. Словно всякому изъ нихъ хочется протолкнуться

поближе къ гробницѣ святого пророка и прилечь съ своими грѣхами и своими мольбами подъ его защиту.

Нѣсколько еврейскихъ стариковъ и старухъ, окруженныхъ дѣтьми, стояли, припавъ челомъ къ стѣнѣ, около священнаго мавзолея и вполголоса читали по книжкамъ свои молитвы, не обращая никакого вниманія на насъ.

Двѣ толстыя дорическія колонны поддерживаютъ входъ въ черныя отверстія пещеръ, рядомъ съ гробницею Захаріи. Это тоже гробницы древнихъ царей Израильскихъ, но кого именно теперь опредѣлить трудно. Мы вошли внутрь и осмотрѣли эти пустыя пещеры съ обычными, изсѣченными въ скалѣ, погребальными ложами. Ихъ тутъ четыре. Преданіе говоритъ, что въ этихъ пещерахъ скрывался въ дни страданій и казни Христовой Іаковъ, братъ Господенъ, что здѣсь онъ далъ обѣтъ не вкушать пищи и не видѣть свѣта дневного, пока не узритъ воскресшаго Іисуса. По преданію, Христосъ и являлся ему въ этой пещерѣ.

Самая красивая и самая уцѣлѣвшая изъ всѣхъ библейскихъ гробницъ—это мавзолей Авессалома.

Оригинальный каменный куполъ его, увѣнчанный крупною каменною розеткою, говорятъ, послужилъ царицѣ Еленѣ образцомъ для купола часовни надъ Гробомъ Господнимъ. Граненыя стѣны мавзолея во многихъ мѣстахъ пробиты и всѣ кругомъ засыпаны каменными ядрами, словно башня долго осаждаемой крѣпости.

Эти камни издревле бросаютъ въ него христіане и арабы, до сихъ поръ исполненные негодованія противъ вѣроломнаго сына Давидова.

Сзади Авессаломова мавзолея—фронтонъ, увѣнчанный довольно грубыми изваяніями, ведетъ внутрь гробницы царя Іосафата. Но входъ ея тоже засыпанъ каменьями.

Я въѣхалъ верхомъ на скатъ горы и старался окинуть однимъ общимъ взглядомъ характерные останки этой долины смерти.

Для меня лично этотъ унылый уголокъ унылыхъ Іерусалимскихъ окрестностей имѣлъ особенное значеніе. Съ далекихъ дней дѣтства я зналъ его и любилъ его, и когда воображеніе переносило меня въ далеко манившіе горизонты Палестины, то прежде всего мнѣ рисовалась почему-то эта характерная долина мертвыхъ у подножія Авессаломова мавзолея.

Въ деревенскомъ домѣ нашемъ, среди очень рѣдкихъ тогда художественныхъ изданій, мою ребяческую фантазію больше всего привлекали къ себѣ превосходныя гравюры замѣчательныхъ мѣстностей извѣстнаго Дрезденскаго изданія Meyer's Universum.

Тамъ впервые увидѣлъ я и Гробъ Господень, и развалины Самаріи, и гору Кармилъ, и впервые сердце мое забилось влеченіемъ къ далекимъ странствованіямъ по древнимъ историческимъ мѣстностямъ, которое играло потомъ очень серьезную роль въ жизни моей и внесло въ нее самыя счастливыя и самыя поучительныя ея страницы.

«Іосафатовъ мавзолей» изображенъ былъ на гравюрѣ Мейерова собранія въ особенно поэтической обстановкѣ.

Мнѣ казалось тогда, что не могло быть ничего трогательнѣе этого тихаго Палестинскаго пейзажа, и онъ цѣликомъ воскресъ въ моей памяти, когда я отыскивалъ теперь жадными глазами былыя впечатлѣнія дѣтской фантазіи въ живыхъ подробностяхъ настоящей Іосафатовой долины.

Но уже не кроткое поэтическое чувство дѣтства одѣвало теперь своимъ нѣжнымъ сіяніемъ эти безчисленныя библейскія могилы... Нѣтъ, мрачныя думы, какъ безпробудная тьма осенней ночи, окутывали въ моихъ глазахъ эти нѣмые памятники многовѣковой ненависти, кровожадности и злодѣяній людскихъ.

Горькій опытъ жизни и горькая лѣтопись былаго затмили для моей души радующіе лучи молодаго мѣсяца, въ ореолѣ которыхъ я когда-то созерцалъ гробницу мятежнаго сына Давидова и кладбище погибшаго Израиля.

Долиной страшнаго суда Божьяго глядѣла она теперь на

меня, ощетинившись со всѣхъ сторонъ, куда только хваталъ глазъ мой, съ глубины изсохшаго русла, съ крутыхъ скатовъ горы, изъ каждой трещины скалъ и изъ каждаго поворота ущелья, отъ подножія стѣнъ магометанскаго Гарамъ-экь-Шерифа, до масличныхъ садовъ, вѣнчающихъ любимую гору Христову, —несмѣтными полчищами своихъ бѣлыхъ камней, торчащихъ изъ земли будто окаменѣлые скелеты погребенныхъ здѣсь народовъ.

Злою насмѣшкою звучитъ теперь въ этомъ безотрадномъ ложѣ сухихъ камней древнее названіе «потока Кедронскаго»...

Когда-то эта долина по праву носила имя «долины Кедровъ», славилась своею тѣнью и своимъ плодородіемъ. «Потокъ Кедровъ» упоминается еще въ Евангеліи Іоанна. По словамъ историка Іосифа Флавія, мудрый царь Соломонъ, вынужденный посылать за строевымъ лѣсомъ для своего храма и своихъ дворцовъ въ Финикію, рубить тамъ кедры Ливана и потомъ съ большимъ трудомъ доставлять ихъ моремъ, черезъ непроходимыя горныя дороги, въ Іерусалимъ,—рѣшился завести свои собственные кедровые лѣса и приказалъ своимъ подданнымъ засадить кедрами всѣ безплодныя вершины Іудеи, въ томъ числѣ и Іерусалимскія горы.

Съ того времени Іосафатова долина покрылась кедрами, и обильный водный потокъ, осѣняемый этими кедрами, получилъ названіе Кедронскаго.

Теперь во всей Палестинѣ нѣтъ, кажется, ни одной вѣточки кедра, и меньше всего, конечно, въ долинѣ Кедронской. Уже въ дни перваго Крестоваго похода въ окрестностяхъ Іерусалима не возможно было достать строевыхъ деревьевъ, для осадныхъ машинъ и розыскивать ихъ приходилось, по словамъ Вильгельма Тирскаго, «въ отдаленныхъ долинахъ, отстоявшихъ отъ города миль на шесть, или на семь, такъ какъ окрестная страна была совершенно гола».

Теперь Іерусалимскую долину смерти можно называть «Кедрономъ», развѣ только въ смыслѣ еврейскаго слова «Кедронъ»,

которое значитъ: чернота, мракъ, а въ переносномъ смыслѣ, печаль, унынiе...

XIII.—Вокругъ стѣнъ Iерусалима.

Христiанская Помпея.—Развалины церкви архидiакона Стефана.—Камень какъ орудiе войны и казни.—Подземное странствованiе подъ Iерусалимомъ.—Пещера Iереміи.—Царскiя гробницы.

Мы поѣхали дальше вдоль подошвы горы Елеонской.

Миновавъ Геѳсиманскій садъ, пришлось выбираться изъ вершины Кедронской долины, которая оканчивается недалеко отъ сѣверовосточнаго угла Iерусалимскихъ стѣнъ.

Намъ нужно теперь повернуть налѣво, вдоль сѣверныхъ оградъ Давидова города, чтобы вполнѣ закончить круговой объѣздъ его и достигнуть русскихъ построекъ.

Какъ только взъѣхали на отроги Масличной горы, мы очутились въ неохватномъ лабиринтѣ камней и развалинъ. Повидимому, цѣлый городъ окружалъ съ этой стороны древнюю столицу Израиля. Разобраться въ этомъ хаосѣ никакой археологъ не въ силахъ. Тутъ смѣшаны въ прахъ постройки всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ и въ общемъ разрушенiи трудно отличить даже обрушившiяся скалы отъ остатковъ человѣческихъ сооруженiй.

Ясно одно, что и грекъ, и римлянинъ, и сирiецъ, и византiецъ, и латинянинъ, и арабъ оставили здѣсь свои слѣды. Предпрiимчивый геній европейскихъ народовъ,—католическій миссiонеръ, англiйскій археологъ неутомимо копаются въ этомъ неистощимомъ историческомъ кладѣ, возстановляютъ и открываютъ, что могутъ, и незамѣтно расширяютъ этими научными завоеванiями не только духовную сферу своего вліянiя, но и вещественную почву своихъ палестинскихъ захватовъ.

Прежде всего мы посѣтили то мѣсто, гдѣ, по преданiю, былъ

побитъ камнями христіанскій первомученикъ архидіаконъ Стефанъ.

Теперь надъ этою священною для христіанства кровью его смѣлаго исповѣдника—не стоитъ ни креста, ни часовни. Проводники только указываютъ вамъ большіе бѣлые камни, на которые упалъ засыпанный камнями мученикъ.

Эта казнь камнями—самая первобытная и самая естественная казнь въ Палестинѣ. Она была непосредственнымъ выраженіемъ народнаго негодованія, выполненіемъ, безъ дальняго суда и слѣдствія, тутъ же на самомъ мѣстѣ общественнаго гнѣва, въ самую минуту его, тѣмъ самымъ народомъ, который прогнѣвался и осудилъ, и тѣмъ единственнымъ орудіемъ, которое всегда подъ рукою въ этой каменной странѣ.

Конечно, для этого необходимо имѣть не только каменную страну кругомъ, а отчасти и каменное сердце внутри.

Въ Палестинѣ камень издревле игралъ роль орудія войны и казни, играетъ отчасти и теперь.

Еще Давидъ выходилъ съ камнями на филистимлянскаго великана, еще по закону Моисееву камнями побиваютъ блудницъ.

Мы только-что видѣли сейчасъ гробницу Авессалома, до сихъ поръ казнимую камнями.

А въ пустыняхъ Мертваго моря или Галилейскаго озера бедуины до сихъ поръ нападаютъ на путешественниковъ, бросая въ нихъ камни, самыя дешевыя и самыя подручныя изъ пуль. Постоянная практика сдѣлала ихъ такими ловкими въ этомъ метаньи, что мѣткость ихъ библейскаго пастуха-предка нисколько не будетъ удивлять человѣка, познакомившагося горькимъ опытомъ съ мѣткостью бедуинскихъ грабителей.

Не вдалекѣ отъ мѣста побіенія первомученика Стефана раскопаны теперь развалины византійской церкви, посвященной имени первомученика. Мраморныя колонны, мраморныя цистерны

и гробницы очищены на столько, что можно безъ труда спуститься въ помѣщеніе храма. По сосѣдству мы посѣтили еще нѣсколько такихъ же остатковъ христіанскихъ церквей, откопанныхъ изъ-подъ грудъ каменной осыпи. Въ нѣкоторыхъ еще ясно видны изображенія святыхъ и отрывки греческихъ надписей. Во всѣ эти вновь обрѣтенныя археологическія и религіозныя святыни теперь приходится спускаться какъ въ погреба. Очевидно, что въ теченіи вѣковъ гора наросла толстою корою развалинъ надъ остатками этихъ невѣдомыхъ храмовъ, монастырей и часовенъ. Надъ нѣкоторыми откопанными сводами мы видѣли не менѣе двухъ саженъ плотно спекшагося каменнаго мусора. Работы идутъ въ разныхъ мѣстахъ, но, повидимому, не особенно успѣшныя. Нѣтъ сомнѣнія, что если снять всю эту необъятную массу осыпей, то подъ ними окажется цѣлая христіанская Помпея.

Отъ этихъ подземныхъ средневѣковыхъ развалинъ мы направились прямо къ сѣверной стѣнѣ Іерусалима, которая открывается на поле двумя старинными башнями сначала Иродовыхъ, потомъ Дамасскихъ воротъ.

Съ этой стороны стѣна особеннно высока и хорошо поддержана, а крѣпостные рвы глубже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что, со стороны сѣвера и чаще всего черезъ Дамасскія ворота, всѣ враги Іерусалима постоянно надвигались и нападали на него.

Вавилонъ и Римъ, Омаръ и Готфридъ также, какъ потомъ Саладинъ,—всѣ вели свои осады прежде всего противъ Дамасскихъ воротъ.

Якубъ остановилъ насъ около середины стѣны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ особенно высокій валъ холмомъ заслоняетъ собою спускъ въ ровъ.

— Тутъ есть тайное подземелье, только трудно войти, а ползти нужно, а тамъ опять хорошо. Я и свѣчей съ собою захватилъ, если захотите полѣзть, объявилъ онъ намъ.

— Какое подземелье? гдѣ?

— А здѣсь подъ стѣною. Очень интересное. Подъ всѣмъ городомъ идетъ, даже можно, говорятъ, подъ Гробъ Господень пройти и подъ Омарову мечеть. Только опасно очень. Сюда рѣдко кто ходитъ изъ господъ.

Мы рѣшились осмотрѣть это таинственное подземелье и спѣшились, не раздумывая.

Якубъ свелъ насъ по скверной земляной осыпи въ глубокій обвалъ, и мы очутились тамъ словно на днѣ могилы, какъ Даніилъ, ввержeнный въ ровъ львиный.

Пята тяжелой крѣпостной стѣны виднѣлась высоко надъ нашими головами и подъ нею еще на значительную высоту виднѣлась толща дикой желтоватой скалы, на которой стоитъ Іерусалимъ.

Мы, повидимому, стояли не во рву, а въ глубинѣ каменоломни, вырытой въ днѣ крѣпостнаго рва.

Передъ нами чернѣла, совсѣмъ незамѣтная сверху, широкая, но низкая пасть подземелья, уходившаго подъ массивныя толщи Іерусалимской скалы. Якубъ зажегъ свѣчи, и мы, согнувшись въ три погибели, поползли, не совсѣмъ увѣренные въ благополучномъ исходѣ своего похожденія, вслѣдъ за его мерцавшею свѣчею.

Непроглядный черный мракъ охватилъ насъ, и робкое трепетаніе свѣчей только усилило впечатлѣніе могильной черноты и могильной пустынности. Всѣ звуки жизни, всякій лучъ свѣта, словно вдругъ провалились куда-то, и мы ощущали себя словно заживо проглоченными мертвою утробою земли.

Послѣ мрачныхъ гробовыхъ впечатлѣній и мрачныхъ историческихъ вспоминаній долины смерти — это неожиданное ощущеніе какого-то скитанія въ темныхъ лабиринтахъ преисподней —сдѣлалось нѣсколько жуткимъ.

Картина Дантова Ада, какъ ихъ изобразилъ геніально-фантастическій карандашъ Густава Доре, съ ихъ безотрадными и безконечными черными сводами, придавливающими дыханье,

съ ихъ страшно перепалзывающими по черной темнотѣ длинными черными тѣнями,—воочію стоятъ кругомъ насъ.

Нерѣдко приходится ползти на колѣнахъ, рискуя затушить послѣднюю искру свѣта. А Якубъ, какъ нарочно удираетъ отъ насъ такъ быстро, что не догонишь никакъ. Его жалкій огонекъ, кажется, мечется и бьется тамъ вдали, въ этомъ сплошномъ тяжкомъ мракѣ вѣчной ночи, какъ издыхающая въ предсмертныхъ судорогахъ бабочка. Вотъ-вотъ, и не станетъ ея.

Своды стали, должно быть, выше, потому что черныя тѣни вдругъ перестали скользить по нимъ могильными привидѣніями; но почему-то стало еще страшнѣе. Теперь уже совсѣмъ не чувствуется предѣловъ черной бездны не только съ боковъ, но и сверху. Кажется, что поплылъ по безбрежному морю тьмы, повисъ надъ неоглядным чернымъ хаосомъ.

А подъ ногами не почва, а Богъ знаетъ что. Сначала на всякомъ шагу незримые камни, о которые разбиваешь ногу, потомъ глубокія осыпи щебня, въ которыхъ тонешь по щиколку, и наконецъ какой-то мокрый скользкій скатъ, который неудержимо гонитъ куда-то внизъ и вбокъ, можетъ быть, въ невѣдомыя подземныя пучины.

— Якубъ! остановитесь! не видать, куда идти?.. Тутъ скользишь, чортъ знаешь какъ! кричу я, наконецъ, далеко убѣжавшему проводнику. Блѣдная огненная бабочка, трепыхавшая впереди, вдругъ остановилась и медленно двинулась намъ навстрѣчу. Черезъ минуту освѣщенное огнемъ лицо Якуба какъ-то странно вырѣзалось передъ нами, словно нарисованная яркими красками на черномъ сукнѣ—голова безъ туловища. Въ этой обстановкѣ волшебной оперы, мирное нѣмецкое лицо Якуба глядѣло чѣмъ-то фантастическимъ.

Мы высоко приподняли свои свѣчи, и когда пламя ихъ перестало волноваться, глазъ могъ окинуть громадные своды дикой скалы, висѣвшей надъ нашею головою.

Вода капала, глухо шлепаясь въ налитыя ею лужи, съ этихъ грубыхъ камней, выпиравшихъ буграми, висѣвшихъ

сверху короткими и неровными сталактитами своего рода, и почва скользила подъ ногами отъ этой постоянной капели.

Отовсюду смотрѣли, хмурясь, въ этотъ безконечный подземный гротъ, черныя арки и переходы другихъ сосѣднихъ пещеръ, уходившихъ ниже по крутому скользкому скату, и казалось, сулившихъ впереди еще болѣе запутанныя и еще болѣе непроглядныя галлереи.

Это настоящій спускъ въ преисподнюю, въ мрачное царство Плутона.

По этимъ ступенямъ дойдешь, пожалуй, не только до Силоамскаго ключа и до подножія горы Голгофы, какъ увѣряетъ Якубъ, но даже до черныхъ водъ Флегетона и до вратъ Тартара.

Своды, охватывающіе насъ, держатся какъ-то сами собою, плотностью своей собственной толщи, потому что боковые устои ихъ раздвинуты слишкомъ далеко другъ отъ друга и слишкомъ несоотвѣтственно съ громадною тяжестію этихъ плоскихъ каменныхъ потолковъ, на которыхъ помимо всего стоитъ сверху цѣлый городъ и двигается цѣлое населеніе. Сейчасъ видно, что подземелья эти вырубались зря, безъ малѣйшаго разсчета и соображенія разными людьми, въ разное время, что это однимъ словомъ, не колоссальныя архитектурныя сооруженія, а скорѣе огромная каменоломня.

Когда я окинулъ мысленнымъ окомъ всѣ, глубоко уходившія въ сердце скалы, развѣтвленія этой подземной пустоты и когда вспомнилъ другіе искусственные и природные подкопы подъ ту же скалу, какіе мы видѣли въ пещерѣ Силоамскаго ключа, въ подземныхъ залахъ и водоемахъ древняго Соломонова храма, то, право, я не безъ тревожнаго чувства подумалъ о судьбѣ ветхозавѣтнаго города въ случаѣ, если какое-нибудь, хотя бы и самое небольшое землетрясеніе пошатнуло его древнюю скалу...

Якубъ повѣдалъ намъ, что изъ этихъ подземелій еще Соломонъ бралъ камень для своего храма.

Нужно думать, что и весь вообще Іерусалимъ строилъ въ разное время свои дома, храмы и стѣны изъ камней этой безконечной домашней каменоломни.

Мы осмотрѣли еще нѣсколько подземелій, съ зіяющими внизу провалами и, насытившись впечатлѣніями этихъ романическихъ декорацій, достойныхъ Байроновскаго Манфреда, или Роберта-Дьявола, вернулись наконецъ на свѣтъ Божій, радуясь свѣжему воздуху и голубому дню.

Противъ Дамасскихъ воротъ, со стороны пустыни зіяетъ другая черная пасть, другая суровая романическая декорація, —пещера пророка Іереміи.

Евреи вѣруютъ, что библейскій пророкъ, скорбѣвшій до смерти о нечестіяхъ и злополучіяхъ своей бѣдной родины, сокрылъ на вѣки, до часа страшнаго суда Божія, священные клейноды Израиля,—кивотъ завѣта и скрижали Моисеевыхъ заповѣдей, манну небесную и прозябшій жезлъ Аарона,—въ камняхъ этого таинственнаго вертепа, откуда пророкъ долженъ былъ созерцать разрушеніе роднаго Іерусалима въ осуществленіе своихъ пророчествъ, и гдѣ онъ изливалъ о гибели Израиля тотъ горькій плачъ свой, который долетѣлъ чрезъ вѣка и тысячелѣтія даже до насъ и который сталъ среди людей обычнымъ именемъ для неутолимой скорби.

«Потоки водъ изливаетъ око мое о гибели дщери народа моего».

«Око мое изливается и не перестаетъ, ибо нѣтъ облегченія».

«Воззри, Господи, и посмотри, кому ты сдѣлалъ такъ, чтобы женщины ѣли плодъ свой, младенцевъ, вскормленныхъ ими? чтобы убиваемы были въ святилищахъ священники и пророки».

«Дѣти и старцы лежатъ на землѣ по улицамъ; дѣвы мои и юноши мои пали отъ меча, Ты убивалъ ихъ въ день гнѣва Твоего, закалалъ безъ пощады».

«Ты созвалъ отовсюду, какъ на праздникъ, ужасы мои, и въ день гнѣва Господня никто не спасся, никто не уцѣлѣлъ»...

Никакъ не высвободишься изъ царства гробовъ, не отряхнешь могильныхъ воспоминаній! Опять приходится опускаться въ подземный міръ. Это послѣднія и самыя заѣчательныя могилы Іерусалимской исторіи,—такъ-называемыя гробницы царей. О нихъ написана цѣлая литература, и все-таки никто не рѣшилъ, чьи именно эти могилы.

Гробницы царей находятся съ версту растоянія отъ сѣверной стѣны Іерусалима, среди поля, на половинѣ дороги отъ Дамасскихъ воротъ къ русскимъ постройкамъ.

Скалистый оврагъ неожиданно разступается подъ вашими ногами, и вы сходите внизъ по широкой лѣстницѣ, по многочисленнымъ мраморнымъ ступенямъ которой льется сплошною скатертью прозрачная, какъ слеза, вода.

Вы едва омочите въ этой водѣ подошвы своихъ сапогъ, а потому смѣло можете спускаться въ мраморный водоемъ, собирающій на днѣ этого высѣченнаго въ скалахъ убѣжища ключевую воду.

Водоемъ прячется подъ темнымъ навѣсомъ скалы, а открытая лѣстница вся залита солнцемъ.

Изъ этого оригинальнаго колодца, въ глубинѣ его, идетъ налѣво проходъ въ другой обширный провалъ, образующій собою что-то въ родѣ двора съ искусственно обдѣланными высокими стѣнами скалъ.

Стѣна къ сторонѣ Іерусалима застроена обширнымъ каменнымъ притворомъ старинной архитектуры, съ уцѣлѣвшими скульптурными изображеніями на карнизѣ.

Нѣсколько арабскихъ и еврейскихъ семействъ отдыхали на коврикахъ въ тѣни притвора, и хорошенькія, черноглазыя дѣвушки съ любопытствомъ смотрѣли на насъ изъ-за широкихъ спинъ и тюрбановъ своихъ бородатыхъ родителей.

Мы побесѣдовали съ помощью драгомана съ этими восточными богомольцами, и одинъ изъ нихъ взялся насъ свести въ усыпальницы царей.

Ходъ въ эти могилы—черезъ маленькую дверку въ лѣвомъ

углу притвора, и безъ огня спуститься туда нельзя. Крутой узкій спускъ безъ ступеней привелъ насъ въ глубину темнаго и низкаго погребальнаго покоя четырехугольной формы.

Въ стѣнахъ его чернѣли темные проходы и спуски въ другія пещеры нижняго подземелья. Внизу воздухъ былъ сильно спертъ и дышалось трудно. Мы насчитали 8 отдѣленій въ двухъ ярусахъ этихъ пещеръ. Въ стѣнахъ каждаго пробиты глубокія впадины и вырублены каменныя ложа для помѣщенія покойниковъ. Но скелетовъ уже не видно, хотя путешественники среднихъ вѣковъ еще находили ихъ здѣсь. Мы осмотрѣли одинъ плоскій камень, валявшійся въ углу, и убѣдились, что онъ выточенъ въ видѣ дверки, съ круглыми, короткими осями вверху и внизу, на которыхъ онъ, очевидно, могъ поворачиваться въ гнѣздахъ своей каменной притолки, какъ наши деревенскія калитки на своей деревянной пятѣ.

Проходы пещеръ тоже оказались съ выдолбленными гнѣздами для дверей, такъ что несомнѣнно, что въ прежнее время они наглухо запирались камнями, которые могла повернуть только знающая рука.

Старинные путешественники видѣли въ царскихъ пещерахъ не только остатки покойниковъ, но и пирамиды, когда-то вѣнчавшія наверху ходъ въ эти усыпальницы. Они и дѣйствительно напоминаютъ своею формою и расположеніемъ погребальные покои Египетскихъ пирамидъ.

Ни пирамиды, ни недоступныя нѣдра скалъ не защитили однако людскаго тщеславія.

Исчезли безъ слѣда не только пирамиды, но и скрытыя ими тѣла и даже самыя имена.

«Выбросятъ кости царей Іуды и кости князей его, и кости священниковъ и кости пророковъ, и кости жителей Іерусалима изъ гробовъ ихъ!» невольно вспоминались мнѣ пророческія сѣтованія Іереміи...

XIV.—Путь къ городу Давидову.

Іудейское переселенье.—Колодезь волхвовъ.—Гробница Рахили.—Киновія Маръ-Еліасъ.—Латинскіе паломники.—Равнина Еврѳы.—Арабы и арабки Давидова города.—Греческій монастырь.

Въ Палестинѣ васъ чаруетъ прежде всего постоянная прекрасная погода, цѣлый безконечный рядъ свѣтлыхъ голубыхъ дней, которыхъ вы не знали нигдѣ и никогда.

Дождей, тумановъ, облачныхъ дней тутъ не бываетъ по нѣсколько мѣсяцевъ...

Въ развалъ длиннаго солнечнаго дня, эта прелесть ясной погоды, конечно, ощущается не съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что приходится страдать отъ пекла, прекращая всѣ дѣла.

Но за то утра́ и вечера́ этихъ знойныхъ дней—чистый рай, тѣмъ болѣе сладостный, что онъ такъ мало привыченъ намъ, людямъ суровыхъ снѣговъ и непроходимыхъ грязей.

Чудный палестинскій вечеръ едва начиналъ обливать своимъ розоватымъ пламенемъ землю и небо, когда мы выѣхали верхами, съ драгоманомъ и турецкимъ стражникомъ, изъ воротъ русскихъ построекъ по дорогѣ въ Виѳлеемъ...

Та же дорога ведетъ далѣе въ Хевронъ, къ мамврійскому дубу.

Мы обогнали цѣлые караваны евреевъ на ослахъ и верблюдахъ, съ перинами, подушками, корзинами и безчисленнымъ множествомъ черноглазой и черномазой дѣтворы; все это іудейское населеніе двигалось въ Хевронъ, одно изъ самыхъ любимыхъ и многолюдныхъ гнѣздъ палестинскаго еврейства... Эти типическія фигуры сѣдыхъ патріарховъ, окруженныхъ женами, дочерьми и младенцами, такъ и просились подъ карандашъ художника, на страницы иллюстрированной библіи... Мнѣ невольно вспоминался знаменитый фрескъ Вильгельма Каульбаха на стѣ-

нахъ Treppenhaus'a въ новомъ берлинскомъ музеѣ—«Разселеніе народовъ».

Передъ нами теперь проходили живыми тѣ же характеристичныя группы семитовъ, разносящія по землѣ свой культъ единобожія, свои привычки хозяйственной осѣдлости и семейнаго очага...

Не подалеку отъ за́мка Давида, мимо котораго приходится ѣхать, огибая всю западную сторону Іерусалима,—въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ городомъ, огромное, хотя и некрасивое зданіе пріюта, основаннаго для бѣдныхъ евреевъ извѣстнымъ евреемъ-филантропомъ Монтефіоре. Мы поворачиваемъ круто налѣво и спускаемся въ древнюю долину Рефаимовъ и дальше, мимо изсохшихъ прудовъ Соломона, въ долину сыновъ Енномовыхъ...

Сіонъ съ еврейскими кварталами провожаетъ насъ постоянно слѣва...

Вотъ мы совсѣмъ, наконецъ, выбрались изъ іерусалимскихъ долинъ, и предъ нами широкая панорама его окрестностей... И здѣсь на всякомъ шагу какая-нибудь историческая примѣчательность, какой-нибудь священный памятникъ.

Вотъ мы оставляемъ направо домъ Симеона Богопріимца, вотъ подъѣзжаемъ къ *«колодцу звѣзды»*, у котораго отдыхали волхвы, на пути своемъ къ Виѳлеему... Вотъ домъ, гдѣ Рахиль, жена Іакова, умерла на дорогѣ, родивъ на свѣтъ Веніамина... Австрійскіе нѣмцы устроили на мѣстѣ этого дома больницу для бѣдныхъ паломниковъ.

Гробница Рахили нѣсколько далѣе, въ лощинѣ, уже на виду Виѳлеема. Не знаю, уцѣлѣла ли она съ ветхозавѣтныхъ временъ; во всякомъ случаѣ, она смотритъ совсѣмъ библейскою древностью.

Ея круглый каменный куполъ уже проросъ травою по всѣмъ своимъ трещинамъ, но рука дикихъ завоевателей и разрушителей, повидимому, не осмѣлилась коснуться до этого гроба, пережившаго тысячелѣтія и до сихъ поръ суевѣрно почитае-

маго каждымъ бродячимъ бедуиномъ... Бедуины хоронятъ здѣсь своихъ мертвецовъ, а беременныя еврейки толпами приходятъ помолиться у гроба своей праматери.

Множество арабокъ и арабовъ столпилось и теперь у гробницы, и ея характерный живописный силуэтъ, вмѣстѣ съ этою характерною пестрою толпою, сообщаетъ столько восточнаго, столько неподдѣльно-библейскаго этой библейской дорогѣ.

«И умерла Рахиль, и погребена на дорогѣ въ Евраѳу, т.-е. Виелеемъ. Іаковъ поставилъ надъ гробомъ ея памятникъ. Этотъ надгробный памятникъ Рахили до сего дня», записано въ самой древней изъ всѣхъ древнихъ книгъ библіи—книгѣ Бытія.

Впослѣдствіи пророкъ Самуилъ упоминаетъ объ этой древней гробницѣ, еще существовавшей въ его время, посылая юнаго Саула отыскивать пропавшихъ ослицъ: «когда ты теперь пойдешь отъ меня, то встрѣтишь двухъ человѣкъ близь гроба Рахили, въ предѣлахъ Веніаминовыхъ», сказано въ первой книгѣ Царствъ.

Вотъ и «Маръ-Еліасъ», такъ давно̀ живописно мелькавшій впереди на своемъ крутомъ холмѣ. Противъ этого «монастыря св. Ильи», на самой дорогѣ, «камень св. Ильи», — камень въ видѣ грубаго ложа, на которомъ замѣтно углубленіе, нѣсколько напоминающее фигуру человѣка.

Пророкъ Илья, по преданію, спалъ на этомъ камнѣ, укрываясь отъ нечестивыхъ царей-гонителей, и скала, его пріютившая, сдѣлалась мягкою какъ постель подъ тѣломъ святаго...

Я уже не перечисляю всѣхъ памятниковъ и всѣхъ преданій, связанныхъ съ событіями библейской исторіи и съ ея священными мѣстами, на этой священной дорогѣ древности... Это одна сплошная лѣтопись легендъ... Куда не оглянитесь здѣсь, направо, налѣво, впереди васъ, каждое селеніе, живописно вырѣзывающееся на темномъ фонѣ земли, каждая часовня и монастырекъ, — все это запечатлѣно какою-нибудь историческою и религіозною святынею...

Виелеемъ и Іерусалимъ, два города Давидовы, два главные центра древней іудейской жизни, сообщались цѣлыя тысячелѣтія по этой короткой и единственной дорогѣ.

Направо отъ насъ, въ густыхъ садахъ горнаго склона, весело бѣлѣютъ вдали большія каменныя зданія семинаріи и школъ «Бенть-Джала», или по-просту Беджалы, гдѣ греки и русскіе соревнуютъ съ католиками въ обученіи туземцевъ...

Дачныя резиденціи іерусалимскаго патріарха и разныхъ консульствъ—тоже кругомъ этой дороги, въ этомъ единственномъ зеленѣющемъ и цвѣтущемъ уголкѣ печальныхъ іерусалимскихъ окрестностей.

Дорога эта полна народомъ отъ начала и до конца своего, какъ любая большая улица какого-нибудь многолюднаго города.

Отъ этого она кажется еще живописнѣе и еще оживленнѣе.

Уже давно на встрѣчу намъ бредетъ, растянувшись чуть не отъ самаго Виелеема, караванъ французскихъ паломниковъ... Почти всѣ они пѣшіе. Тутъ и черные, съ головы до ногъ, какъ земляные муравьи, деревенскіе кюре, въ своихъ широкихъ шляпахъ, чулкахъ и башмакахъ, устало передвигаютъ ноги, не переставая читать свои молитвенники, и распѣвая латинскіе псалмы; тутъ и грубые поселяне сѣверныхъ департаментовъ Франціи, мужчины и женщины, во всей тяжелой и громоздкой одеждѣ своего суроваго климата, нисколько, конечно, не приспособленной къ зною палестинскаго лѣта, съ привычною выносливостью пахаря терпѣливо мѣсятъ своими едва не пудовыми башмаками каменистую пыль библейской дороги, обливаются потомъ подъ лучами южнаго солнца въ своемъ толстомъ черномъ сукнѣ, и съ откровенною простотою деревенщины, растягиваются отдохнуть на придорожныхъ камняхъ. Ихъ тутъ сотни человѣкъ, и у всѣхъ нашиты на груди, на плечѣ, красные кресты, иногда очень большіе, какъ нѣкогда у ихъ предковъ—крестоносцевъ... Только немногіе избранники облачились въ бѣлые лѣтніе плащи и укрылись подъ бѣлыя покрывала...

Это ужъ очевидно люди интеллигенціи, далекіе отъ сохи и заступа.

Деревенскіе попы тоже не всѣ плетутся демократическою пѣхтурою; нѣсколько сытыхъ толстопузыхъ аббатовъ, съ очками на носу, съ жирными отвислыми подбородками, иные съ какимъ-то вдовьимъ румянцемъ на пухлыхъ щекахъ, грузно качаются на маленькихъ осликахъ, на мулахъ, на лошадяхъ, тщетно укрываясь подъ зонтиками отъ пропекающаго ихъ зноя и обливаясь отчаяннымъ потомъ...

Эти злополучные кавалеры, съ истинно французскою любезностью, галантно раскланиваются по адресу моей дамы и заставляютъ меня волею-неволею продѣлывать тѣ же салюты передъ ихъ спутницами...

Такъ хорошо на душѣ и отъ этого мирнаго, дружелюбно встрѣчающаго васъ многолюдства, и отъ чуднаго вечера, и отъ чудной страны, раскинувшейся на далеко кругомъ.

Окрестности Виѳлеема, это—одинъ сплошной цвѣтущій садъ маслинъ, фигъ, гранатъ,—одинъ непрерывный виноградникъ... Отсюда получаетъ Іерусалимъ свои фрукты, свой хлѣбъ, свое вино, самое дорогое и самое вкусное во всей Палестинѣ.

Не даромъ еще со временъ сѣдой древности городъ Давида носилъ названіе Евраѳы, т.-е. *плодоноснаго мѣста*, не даромъ и впослѣдствіи имя это замѣнилось «Виѳлеемомъ», т.-е. *домомъ хлѣба*.

Виноградники Виѳлеема не похожи ни на швейцарскіе, ни на крымскіе.

Живописныя бѣлыя башни, съ плоскими верхами, торчатъ по срединѣ каждой каменной ограды, замыкающей виноградный садъ, и облитыя лучами вечерняго солнца, удивительно оживляютъ этотъ безъ того радостный ландшафтъ. Онѣ смотрятъ издали совсѣмъ по древнему, совсѣмъ по библейски... Можетъ быть, многія изъ нихъ и дѣйствительно еще библейскія... Столпъ

или башня были неизбѣжною защитою сада въ тѣ безпокойныя времена.

«Человѣкъ насади виноградъ, и утверди столпъ, и ископа точило».

Когда окинешь бѣглымъ взоромъ всю широкую панораму, окаймленную только на горизонтахъ стѣнами горъ, то эта круглая зеленая котловина, мирно кишащая садами и плодами, кажется какою-то страною замковъ и башенъ...

Теперь эти башни — только сторожки отъ звѣрей и птицъ, отъ сосѣдскихъ воришекъ, иная, однако, была ихъ роль еще немного лѣтъ тому назадъ, среди страны, по которой хищные кочевники бродятъ до сихъ поръ, какъ мадіанитяне во дни Израиля.

Городъ Виѳлеемъ высится на заднемъ краю этой плодоносной котловины, вырѣзая на голубизнѣ неба, по высокому гребню скалы, характерные плоскокрышіе домики и башни свои, въ упоръ облитые блѣдно-розовымъ золотомъ вечернихъ лучей солнца... Они вырисовываются этою огненною кистью по своему голубому фону нѣжно и тонко, какъ чудная акварель на слоновой кости.

Никакая другая минута и никакая другая картина не могла бы быть болѣе кстати, при первой встрѣчѣ нашей съ колыбелью Спасителя, при первомъ впечатлѣніи нашего сердца отъ того священнаго мѣста, гдѣ совершилось самое радостное событіе христіанской исторіи...

Мирный городъ яслей Христовыхъ, древняя вотчина Давида, сіялъ передъ нашими глазами, словно какимъ-то свѣтомъ не вечернимъ, во всепримиряющихъ лучахъ заходившаго солнца, поднятый въ торжественную чистоту голубаго неба, надъ стихшею красотою земли.

„Свѣте тихій, святыя славы!“

Казалось, слышалось въ воздухѣ.

Этотъ свѣтлый и радостный видъ самого Виѳлеема, и эта плодоносная, полная многолюдства, окрестность его, такъ же точно идутъ къ городу рожденія Спасителя міра, какъ мрачныя стѣны Іерусалима и безжизненная пустыня голыхъ скалъ, облегающая ихъ кругомъ, идутъ къ городу гоненій и казни Христовой.

Влѣво отъ насъ, какъ бы у подножія Виѳлеема, въ такомъ же тихомъ сіяніи заката, вырѣзаются изъ густой зелени садовъ бѣленькіе домики Вет-Сахура, гдѣ, во дни евангельскіе, виѳлеемскіе пастухи стерегли свои стада, и гдѣ, по преданью, ангелы возвѣстили имъ рожденіе Божественнаго младенца...

А лошади наши все скорѣе и скорѣе бѣгутъ по гладкой каменистой дорогѣ, поспѣвая за турецкимъ стражникомъ.

Вотъ уже весь Виѳлеемъ развернулся передъ нами и надъ нами. Большой домъ кармелитскихъ сестеръ милосердія виднѣ прямо на самомъ господствующемъ мѣстѣ города. Католики вездѣ заслоняютъ своею щедростью и своею предпріимчивостью малоподвижнаго и скуднаго грека...

Толпы горожанъ, въ праздничныхъ костюмахъ, высыпаютъ далеко за городъ, подышать вечернимъ воздухомъ и насладиться красотою заката.

Это сплошной альбомъ молодцовъ, красавцевъ и щеголей...

Хотя это все арабы, но они отстояли свое христіанство съ апостольскихъ временъ, не смотря на тѣснѣйшее сосѣдство съ гнѣздомъ ислама, съ арабскими халифами и турецкими пашами. Какъ будто сила священныхъ воспоминаній христіанства въ этой колыбели его была упорнѣе и непобѣдимѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ, вдали отъ яслей гроба Христова.

Впрочемъ, это арабы только по языку и по одеждѣ. Какая кровь течетъ дѣйствительно въ ихъ жилахъ, послѣ безчисленныхъ историческихъ катастрофъ и безчисленныхъ этнографическихъ нашествій,—кровь ли евреевъ, финикіанъ, сирійцевъ, или грековъ,—этого не распутаетъ ни одинъ историкъ, ни одинъ оріенталистъ. Болѣе всего, кажется, въ типѣ виѳлеемскомъ

удержались прекрасныя и строгія черты античнаго грека, граціозность его позъ и движеній, его смѣлость и талантливость...

Мы просто заглядѣлись на эту толпу разодѣтыхъ красавцевъ и красавицъ... Они двигались на встрѣчу намъ, пѣшіе и конные, съ веселымъ говоромъ, пѣснями, смѣхомъ.

Ярко-желтыя, затканныя золотомъ, шали были увиты на ихъ головахъ въ высокіе живописные тюрбаны; ярко-красныя и ярко-голубыя куртки и туго перетянутые бешметы, расшитые золотомъ и разноцвѣтными шнурками, охватывали ихъ рослый станъ, а на одно плечо были наброшены съ граціозною небрежностью темные плащи на красномъ подбоѣ, тоже хитро расшитые по угламъ...

Свободнымъ и изящнымъ движеніемъ, какъ истые потомки эллиновъ, забрасывали они на плечо свободные концы своихъ мантій... Кони ихъ разукрашены еще пестрѣе, еще нарядѣе всадниковъ... Конь здѣшній—самъ по себѣ картина, отъ которой не оторвешь глазъ; но когда онъ идетъ подъ удалымъ наѣздникомъ, согнувъ кольцомъ могучую шею, горячась отъ нетерпѣнія и погрызывая стальныя кольца мундштука, когда кровью налитые глаза гнѣвно сверкаютъ и пугливо косятся изъ подъ нависшей на нихъ волнистой чолки, изъ подъ мотающихся надъ ними цѣлою сѣтью разноцвѣтныхъ махровъ и кистей красно-золотой узды, когда щучій оскалъ его насквозь просвѣчивающихъ розовыхъ ноздрей трепещетъ нервною дрожью и слегка дымитъ отъ сдержаннаго внутренняго жара, а сухія, художественно выточенныя, ноги, твердыя и сильныя, какъ сталь, звонко чеканятъ своими изящными копытами камни дороги,—тогда онъ дѣлается хорошъ и типиченъ до совершенства... Хорошъ онъ и типиченъ именно въ этомъ своемъ дико-воинственномъ уборѣ, еще всецѣло дышащемъ наивною удалью средневѣковыхъ сарациновъ, вкусами пустыни, идеалами бедуина; весь обвѣшанный кругомъ, какъ красавица дѣва своими монистами, и на широкой мускулистой груди, и подъ шеею, и надъ глазами, и съ каждаго угла чепрака, и даже по краямъ

подбрюшной попоны, которой никто не носитъ, кромѣ арабскаго коня,—цѣлымъ висячимъ и мотающимся лѣсомъ яркихъ мохнатыхъ кистей...

Онъ самъ кажется отъ нихъ какимъ-то мохнатымъ и пестрымъ звѣремъ, исполненнымъ воинственнаго задора...

Рядомъ съ этими конями-львами, рядомъ съ этими молодецкими тюрбанами наѣздниковъ, дѣвы и жены Виѳлеема кажутся еще прекраснѣе... Всѣ онѣ рослы и статны, всѣ онѣ веселы и сильны, всѣ онѣ богато одѣты и ярко расцвѣчены... Синія и красныя одежды, широкіе рукавчики рубахъ желтаго шелка съ красными и зелеными полосками, торчащія изъ подъ узенькихъ рукавовъ курточекъ, золотыя монеты на шапочкахъ и цѣломудренныя бѣлыя покрывала временъ Богоматери,—вотъ ихъ нарядъ...

Онѣ не только гуляютъ въ этотъ часъ по дорогамъ окрестности, но и наполняютъ улицы Виѳлеема, сидятъ живописными группами на плоскихъ крышахъ домовъ, на каменныхъ оградахъ своихъ цвѣтущихъ садиковъ, окруженныя толпами такихъ же глазатыхъ дѣтишекъ, и созерцая оттуда сверху, какъ изъ комфортабельныхъ ложъ театра, наше медленное шествіе въ городъ Давида...

Виѳлеемъ сейчасъ же открываетъ передъ вами свою издревле прославленную промышленость: мы проѣзжаемъ цѣлыя улицы маленькихъ лавокъ, набитыхъ разнымъ издѣліемъ изъ перламутра, слоновой кости и различныхъ дрогоцѣнныхъ деревьевъ юга... Мальчишки, старики и женщины на даютъ вамъ прохода, тыкая вамъ нодъ носъ, размахивая передъ вашими глазами безчисленными пасмами всевозможныхъ четокъ, образковъ, крестиковъ и фотографическихъ карточекъ святыхъ мѣстъ. Виѳлеемъ въ этомъ отношеніи—одна громадная фабрика для Іерусалима и цѣлой Палестины, точно такъ же, какъ окрестность его—житница и садъ безплоднаго Іерусалима.

Но вотъ мы уже подъѣхали, возбуждая всеобщее любопыт-

ство узенькой вьющейся улочки, къ обширнымъ строеніямъ греческаго монастыря.

Никакая колокольня, никакой пяти-главый или даже одноглавый соборъ въ обычномъ нашемъ православномъ духѣ не отличаетъ этой древней святыни Виѳлеема, воздвигнутой надъ яслями Спасителя, отъ массы такихъ же плоско-крышихъ домовъ и низенькихъ, будто робко притаившихся купольчиковъ Давидова города; издали даже не подозрѣвалъ бы, что тутъ резиденція митрополита и славные древніе храмы царицы Елены.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ непонятныхъ намъ переговоровъ драгомана съ монахомъ привратникомъ, мы медленно - въѣхали, стуча копытами о камни, подъ темныя ворота наружнаго корпуса, во внутренній дворъ монастыря, окруженный нѣсколькими ярусами террасъ и лѣсенокъ... Монахъ остановилъ насъ у входа въ митрополичьи покои, и просилъ отъ имени митрополита—пожаловать къ нему...

Какъ ни казалось намъ, съ непривычки страннымъ и неудобнымъ являться въ гости къ такой важной духовной особѣ прямо съ сѣдла, такъ сказать, не стряхнувъ еще съ себя дорожной пыли, однако приходилось покориться въ чужомъ монастырѣ чужому уставу...

XV.—Колыбель Христа.

Въ палатахъ митрополита. — Храмъ царицы Елены. — Пещера Рождества Христова.—Магометанскіе охранители Яслей Спасителя.—Бесѣда съ митрополитомъ. — Иноческая трапеза. — Обѣдня въ св. вертепѣ. — Русскіе богомольцы.—Отъѣздъ.—„Долина пастырей“.

Поднявшись по лѣстницѣ, мы очень скоро очутились въ полу-темной пріемной виѳлеемскаго владыки. Она была убрана совсѣмъ по восточному, въ коврахъ и тахтахъ. Митрополитъ

Анѳимъ сидѣлъ подъ единственнымъ широкимъ окномъ, на диванчикѣ, въ глубинѣ комнаты, въ той же одеждѣ греческаго монаха, въ какой я видѣлъ и патріарха Никодима, въ такой же шубкѣ на мѣху, въ такой же къ верху расширенной низенькой черной камилавкѣ. Справа и слѣва отъ него, на лавкахъ, покрытыхъ коврами, чинно сидѣли православные арабы въ тюрбанахъ и наши русскіе богомольцы разнаго вида и званія...

Митрополитъ бесѣдовалъ со всѣми просто и ласково; одни уходили, другіе приходили, совершенно свободно, какъ къ себѣ въ домъ; кто кланялся владыкѣ въ ноги, кто обнимался съ нимъ и цѣловался братскимъ поцѣлуемъ. Хотя все это только внѣшность, за которою не всегда скрывается подходящая сущность дѣла, но, тѣмъ не менѣе, на насъ, непривычныхъ къ такой доступности для народа и къ такой простотѣ обращенія нашихъ русскихъ іерарховъ, это свободное, ничѣмъ не стѣсненное общеніе паствы со своимъ верховнымъ пастыремъ, какъ дѣтей съ отцомъ, произвело самое отрадное впечатлѣніе и невольно перенесло нашу мысль къ далекимъ вѣкамъ, когда скромная и тѣсная община послѣдователей Христа еще дѣйствительно составляла единое стадо вокругъ единаго пастыря, когда жемчужныя митры и золотыя фелони византійскихъ императоровъ еще не обособляли въ какую-то замкнутую церковную аристократію земныхъ намѣстниковъ смиреннаго Божественнаго Учителя, родившагося въ яслѣхъ виѳлеемской пещеры, и омывавшаго собственными руками пыльныя ноги своихъ учениковъ.

Владыка поднялся къ намъ на встрѣчу, осѣнивъ насъ крестнымъ знаменіемъ.

— Благослови Господь и Его святая Матерь вашъ пріѣздъ въ священный градъ Виѳлеемъ! — сказалъ онъ чисто русскимъ языкомъ, едва сохранявшемъ иностранный оттѣнокъ.—Милости просимъ въ нашъ убогій домъ...

Онъ указалъ намъ мѣсто рядомъ съ собою на диванчикѣ.

— Издалека-ли изволили пожаловать? Изъ Москвы или

Петербурга?.. спрашивалъ онъ насъ. — Долго думаете пожить въ нашемъ святомъ градѣ?

Владыка огорчился, услышавъ отъ меня, что завтра мы уже должны двинуться дальше по маршруту нашего путешествія, и убѣдительно уговаривалъ насъ не торопиться, а пожить въ Виѳлеемѣ и познакомиться основательно со всѣми его святыми мѣстами.

Между тѣмъ, передъ нами уже выросъ словно изъ подъ земли черный послушникъ, держа обычный подносъ съ холодною водою, вареньемъ и ароматическимъ арабскимъ кофеемъ.

Мы побесѣдовали съ радушнымъ хозяиномъ о томъ, съ какою цѣлью, куда и откуда ѣдемъ, и разспросили его подробно обо всемъ, что̀ насъ интересовало въ Виѳлеемѣ.

— А вотъ отдохните немного съ дороги, покушайте чайку, а тамъ я къ услугамъ вашимъ. Я самъ покажу вамъ все, что̀ у насъ есть замѣчательнаго... обѣщалъ намъ владыка. — Впрочемъ, погодите минуточку; я вамъ дамъ пока описаніе Виѳлеема, которое васъ нѣсколько подготовитъ къ осмотру нашихъ святынь.

Митрополитъ направился въ свой кабинетъ, и черезъ нѣсколько минутъ, вынесъ намъ оттуда книжечку на русскомъ языкѣ, переведенную не совсѣмъ, впрочемъ, толково съ греческаго: «Описанія виѳлеемскихъ святынь и виѳлеемской исторіи», Веніамина Іоаннида.

Намъ отвели двѣ большія комнаты, съ отличными кроватями подъ кисейными пологами и со всѣми необходимыми удобствами. Къ услугамъ жены тотчасъ же явилась благопристойная старушка, съ благозвучною и степенною рѣчью володимірки, искренно обрадовавшая насъ этимъ неожиданнымъ отзвучіемъ на дальней чужбинѣ дорогой покинутой родины...

Старушка разсказала намъ, что она пришла въ Палестину безъ рукъ и ногъ, 5 лѣтъ мучилась такъ, и наконецъ, исцѣлилась, и добровольно посвятила себя уходу за богомольцами; хоть и хорошо живется на матушкѣ Руссеѣ, хоть и манитъ ее временами повидать своихъ родныхъ и старое пепелище, но отъ

святыхъ мѣстъ она отойти теперь уже не въ силахъ, и молитъ Бога, чтобы онъ сподобилъ ее сложить свои косточки тамъ, гдѣ родился и пострадалъ самъ Господь.

Только-что мы обмылись, отдохнули, напились неспѣша отраднаго русскаго чайку, какъ явился служка и пригласилъ насъ къ владыкѣ.

Митрополитъ встрѣтилъ насъ уже въ длинной митрополичьей мантіи, съ панагіею на груди, съ посохомъ въ рукѣ... На головѣ его былъ надѣтъ, вмѣсто греческой камилавки, русскій монашескій клобукъ съ чернымъ покрываломъ...

— Вотъ, теперь отдохнули, можно и храмы осмотрѣть! — ласково предложилъ онъ намъ, направляясь къ двери.

Передъ нимъ шли иноки съ свѣчами и крестомъ, а за нимъ мы.

Впрочемъ, мы оказались не одни: цѣлая толпа простыхъ богомольцевъ и богомолокъ, заранѣе поджидающая подобныхъ случаевъ, собралась словно по сигналу и отправилась слѣдомъ за нами.

Мы спустились сначала во дворъ, и подошли къ большому зданію, съ круглою башнею напереди...

— Это еще постройка царицы Елены! — объяснилъ намъ митрополитъ;—храмъ былъ не разъ ограбляемъ и разрушаемъ, но первоначальныя стѣны, все-таки, уцѣлѣли...

Мы вошли въ громадный нефъ византійской базилики, построенной правильнымъ четырехъ-конечнымъ крестомъ. Длинный западный конецъ креста теперь отдѣленъ стѣною отъ остального храма и представляетъ изъ себя какую-то пустынную галлерею, почти ничѣмъ не напоминающую храмъ...

Но среди этого запустѣнія — царственная грандіозность постройки сразу даетъ себя знать. 44 коринѳскія колонны, изъ многоцвѣтнаго порфира, четырьмя рядами поддерживаютъ высокіе своды притвора. Большіе куски драгоцѣнной мозаиковой живописи, когда-то сплошь покрывавшей стѣны этого богатѣйшаго и славнѣйшаго изъ палестинскихъ храмовъ, еще уцѣлѣли

въ разныхъ мѣстахъ, вмазанные въ грубую бѣлую штукатурку. Но узорчатые мраморы пола уже давно выломаны святотатственною рукою магометанина и унесены на украшеніе каирскихъ дворцовъ и омаровой мечети Іерусалима...

Впрочемъ, самъ храмъ Рождества Христова, отдѣленный стѣною отъ притвора, выстланъ бѣлымъ мраморомъ и украшенъ очень богато, но его золото, мраморы и живопись, бо́льшею частью, уже позднѣйшаго времени; митрополитъ указалъ намъ между прочимъ, на богатый золотой окладъ, пожертвованный нашимъ извѣстнымъ путешественникомъ по святымъ мѣстамъ А. С. Норовымъ; митрополитъ Анфимъ хорошо зналъ и его, и позднѣйшаго нашего писателя-паломника А. Н. Муравьева.

Куполъ надъ главнымъ храмомъ съ артистическимъ искусствомъ связанъ изъ громадныхъ кедровыхъ бревенъ и покрытъ свинцовыми листами, а наверху его стѣнъ, особенно въ алтарѣ, еще уцѣлѣло довольно много мозаиковыхъ фигуръ и надписей, которыхъ не успѣла вполнѣ уничтожить варварская рука фанатиковъ. Фигуры эти изображали нѣкогда все родословіе Христа и всѣ соборы православной церкви, вселенскіе и помѣстные.

Изъ надписей же можно узнать, что безцѣнная мозаиковая одежда, которою были покрыты, какъ одною сплошною ризою, стѣны великаго храма, была устроена жертвами византійскаго императора Мануила Комнена, въ XII столѣтіи, когда Палестиною владѣли еще христіанскіе короли-крестоносцы.

«Окончилось настоящее дѣло рукою Ефрема монаха—исторіографа и мусіатора (т.-е. мозаичнаго мастера), въ царствованіе Мануила великаго царя Багрянороднаго Комнина и во дни великаго господина Аморія и преосвященнаго епископа святаго Виелеема господина Рауля, въ лѣто 6677, индикта 11», гласитъ уцѣлѣвшая мозаиковая греческая надпись.

Другая замѣчательность храма, также глубокой исторической древности, это — громадная восьми-угольная купель или крещальница, высѣченная изъ того же порфира, изъ какого сдѣланы колонны храма. Очевидно, она относится къ VI вѣку, ко

временамъ императора Юстиніана, который повелѣлъ устроить на мѣстѣ старой церкви царицы Елены новую церковь, «превосходящую красотою своею всѣ прочія церкви въ Іерусалимѣ».

Крестоносцы въ 1099 году застали еще въ Виѳлеемѣ этотъ знаменитый храмъ Юстиніана. Балдуинъ, второй король іерусалимскій, вѣнчался въ немъ короною Готфрида.

Изъ большаго храма идутъ разные таинственные ходы, какъ въ какомъ-нибудь романтическомъ замкѣ, въ монастыри: греческій, латинскій, армянскій, примыкающіе къ нему съ разныхъ сторонъ. Кромѣ того, двѣ узкія и крутыя лѣсенки спускаются по бокамъ алтаря въ пещерный храмъ яслей Христовыхъ, — эту величайшую святыню Виѳлеема... Самъ алтарь верхняго храма помѣщается какъ разъ надъ сводами святой пещеры.

Монахи зажгли свѣчи, и съ пѣніемъ псалмовъ, стали сходить внизъ по лѣстницѣ, предшествуя своему владыкѣ. Въ безмолвномъ благоговѣніи и мы опускались вслѣдъ за ними...

Тѣсная и темная утроба скалы, въ которой мы вдругъ очутились, была залита свѣтомъ, пылала и трепетала огнями...

Сначала и не разглядишь ничего, кромѣ цѣлаго лѣса висящихъ и горящихъ лампадъ, сверкающихъ серебромъ и золотомъ, какъ разъ надъ вашею головою... Низкихъ сводовъ пещеры не увидишь сквозь эту тѣснину паникадилъ...

Но самый очагъ огня и свѣта пылаетъ внизу, въ концѣ пещеры, въ кругломъ углубленіи ея, между двумя лѣсенками... Тамъ мраморная доска престола осѣняетъ собою низкую нишу, увѣшанную золотыми лампадами, и подъ ними, облитую ихъ яркимъ сіяніемъ, другую доску бѣлаго мрамора, одѣвающую грубое каменное ложе, на которомъ 19-ть вѣковъ тому назадъ родился Искупитель міра...

Большая серебряная звѣзда, искрящаяся алмазами, въ напоминанье евангельской звѣзды, путеводившей халдейскимъ волхвамъ, окружаетъ круглое отверстіе посреди мрамора, сквозь которое чернѣетъ дикій камень священнаго ложа...

Къ этому-то черному камню Рождества Христова и прикладываются повергающіеся передъ нимъ во прахъ богомольцы...

Другое, болѣе просторное углубленіе пещеры, съ ея южной стороны, образуетъ цѣлый маленькій придѣльчикъ, въ который спускаются еще по 3-мъ ступенькамъ... Тамъ, на право, бѣломраморныя ясли, съ изваянною надъ ними драгоцѣнною звѣздою, устроенныя взамѣнъ подлинныхъ яслей Спасителя, издавна перенесенныхъ въ Римъ...

На лѣво—маленькій престолъ, обозначающій мѣсто поклоненія волхвовъ... И конечно, вездѣ и отовсюду горящія лампады... Мраморы, покрывающіе стѣны пещеры и ея обоихъ алькововъ, одѣты еще, во избѣжаніе сырости, старинными золоченными кожами тонкаго рисунка, по которымъ написаны событія евангельской исторіи, а въ глубинѣ нишъ, надъ мраморными досками, стоятъ характерныя древнія иконы, написанныя по золотому фону какимъ-то огненно-краснымъ колеромъ, который такъ подходитъ къ общему огненному тону этихъ священныхъ нишъ, сверкающихъ своими безчисленными лампадами, своимъ золотомъ, серебромъ, мраморами.

Митрополитъ сталъ служить по-русски молебенъ о нашемъ здравіи предъ ложемъ Богоматери и по-русски же прочелъ евангеліе о Рождествѣ Христовомъ.

Небольшая кучка молящихся окружала насъ.

Но я какъ-то разсѣянно вслушивался въ слова молитвы. Сердце и голова были слишкомъ полны впечатлѣніемъ окружающаго и воспоминаніями давно протекшихъ вѣковъ. Не вѣрилось, что ты, житель щигровскихъ полей, цивилизованный гражданинъ XIX вѣка, стоишь въ томъ самомъ священномъ вертепѣ библейскаго Давидова города, о которомъ пророчествовали пророки Израиля, въ которомъ почти 2,000 лѣтъ тому назадъ пріютились бѣдные галилейскіе странники Іосифъ и Марія, и гдѣ совершилось величайшее событіе древнихъ и новыхъ временъ, перевернувшее судьбы цѣлаго человѣчества.

Фантазія моя, возбужденная своеобразностью всего, что я

видѣлъ кругомъ, рисовала, вмѣсто этихъ яркихъ огней и громкаго звука псалмовъ, вмѣсто золотыхъ одеждъ и блеска полированныхъ мраморовъ, темную пещеру, въ которой безшумно жуютъ свое колючее сѣно развьюченные ослы, въ открытую дверь которой глядитъ съ своей безконечной выси темное и мягкое, какъ синій бархатъ, усѣянное звѣздами палестинское небо... А въ глубинѣ этого чернаго вертепа, въ суровой колыбели своихъ каменныхъ яслей, сіяющій неземною красотою—младенецъ Христосъ, и наклоненное надъ Нимъ, въ лучахъ умиленія, блѣдное лицо Матери-Дѣвы, какъ умѣла изображать его на своемъ волшебномъ полотнѣ поэтически-нѣжная кисть Корреджіо...

«Бысть во дни тыя, изыде повелѣніе отъ кесаря Августа написати всю вселенную. И идяху вси написатися, кождо во свой градъ. Взыде же и Іосифъ отъ Галилеи, изъ града Назарета во Іудею, во градъ Давидовъ, иже нарицается Виелеемъ, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова, написатися съ Маріею, обрученною ему женою, сущею непраздною», повѣствуетъ евангельскій лѣтописецъ.

Бѣднымъ галилейскимъ странникамъ не отыскалось мѣста въ гостинницѣ маленькаго городка, среди наплыва народа. Пришлось довольствоваться конюшнею гостинницы, и ясли осла обратить въ ложе будущаго Искупителя міра.

«И положи Его въ ясляхъ», коротко и просто сообщаетъ евангелистъ,—«зане не бѣ имъ мѣста во обители».

Пещеры служили тогда обычными конюшнями для вьючнаго скота, ословъ и лошадей.

Дворы, обнесенные каменными стѣнами, съ фонтаномъ посрединѣ, съ крытыми навѣсами кругомъ, съ добрымъ огнемъ, который можно было разложить прямо на каменномъ помостѣ, безъ печей и каминовъ, были безхитростными гостинницами того времени, среди которыхъ безопасно ночевали, запершись на запоръ, палестинскіе торговцы и богомольцы...

Такіе первобытные караванъ-сараи сохранились еще до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ по пустыннымъ дорогамъ Палестины

и Самаріи. Есть даже и такіе, гдѣ весь комфортъ ограничивается тѣнью пяти, шести старыхъ деревьевъ, осѣняющихъ горный ключъ, да низенькою оградою изъ набросанныхъ другъ на друга камней, черезъ которую можетъ перешагнуть человѣкъ, но которой все-таки нѣсколько пугается неопытный лѣсной звѣрь...

Въ такой гостинницѣ, обыкновенно устраиваемой какимъ-нибудь благочестивымъ жителемъ, всякій себѣ хозяинъ, и всякій пользуется ею, какъ водою и воздухомъ Божьяго міра, не платя никому никакой пошлины за это право убѣжища...

По всей вѣроятности, только такимъ даровымъ пріютомъ Божьимъ могъ воспользоваться въ Давидовомъ городѣ и бѣдный назаретскій плотникъ, пришедшій издалека, пѣшкомъ, «записаться въ ревизію» на своей родинѣ.

Пещера, ставшая колыбелью Спасителя, съ первыхъ же дней христіанства сдѣлалась святынею христіанъ. Эдиктъ языческаго императора Адріана, во II-мъ вѣкѣ нашей эры, уже обращаетъ на нее свое подозрительное вниманіе, и повелѣваетъ присоединить къ таинствамъ храма Адониса, любовника Венеры, «пещеру, въ которой въ первый разъ заплакалъ Христосъ», и куда вѣрующіе ежегодно притекали толпами для поклоненія мѣсту Рождества Спасителя. Іустинъ философъ и Оригенъ, христіанскіе писатели того же II-го вѣка, собственными глазами видѣли эту пещеру Рождества, и свидѣтельствуютъ о ней въ своихъ писаніяхъ... Тогда эта пещера была еще за предѣлами города и открыта кругомъ, пока, въ вѣкъ торжества христіанства, при Константинѣ равноапостольномъ, царица Елена не устроила надъ нею великолѣпнаго храма и не наполнила пустынный и темный вертепъ царственнымъ убранствомъ.

Ложе Богородицы—въ исключительномъ владѣніи грековъ, которые устроили надъ нимъ свой престолъ, дозволяя служить на немъ только близкимъ къ православной церкви армянамъ. Армяне же устроили свой отдѣльный предѣлъ въ большомъ верхнемъ храмѣ царицы Елены, слѣва отъ греческаго алтаря.

А колыбель Спасителя, съ своими яслями и мѣстомъ покло-

ненія волхвовъ, издревле отвоевана католиками, которые не допускаютъ пользоваться престоломъ Рождества Христова.

Точно такъ же ревниво раздѣлены между греками, армянами, католиками и другими исповѣданіями лампады, висящія на сводахъ пещеры.

Каждая нація и каждая вѣра отстаиваютъ чуть не съ оружіемъ въ рукахъ свое право имѣть въ святомъ ея вертепѣ то или другое число лампадъ...

Во времена королей-крестоносцевъ, католики было совершенно завладѣли одни виѳлеемскими святынями, и только спустя много вѣковъ, іерусалимскому патріарху Софронію удалось, съ помощью своихъ константинопольскихъ связей, и особенно усердіемъ православныхъ государей валашскихъ, вырвать у католиковъ бо́льшую часть виѳлеемскихъ святынь.

Законный поводъ къ этому подала, впрочемъ, нетерпимость самихъ латинянъ, не захотѣвшихъ допустить іерусалимскаго патріарха приложиться къ яслямъ Спасителя въ самый день Рождества Христова.

Съ тѣхъ поръ участіе католиковъ въ виѳлеемскихъ святыняхъ сдѣлалось второстепеннымъ. Большой храмъ царицы Елены и главная часть пещеры Рождества остались исключительно въ рукахъ грековъ, и католики, чтобы сообщаться изъ своего монастыря съ принадлежащими имъ яслями Христовыми, должны проходить по узкому длинному подземелью, черезъ особую, всегда запертую на ключъ, дверочку, а не имѣютъ права спускаться изъ большаго верхняго храма...

Подземелье, о которомъ я упомянулъ, интересно и само по себѣ.

Въ немъ есть нѣсколько пещеръ съ престолами и часовнями... Въ одной пещерѣ показываютъ вамъ за желѣзною рѣшоткою кости младенцевъ, загубленныхъ Иродомъ во дни Рождества Христова. Въ другой—католическій престолъ Іосифу, обручнику, который, по преданію, жилъ здѣсь, укрываясь отъ гоненій Ирода, пока ангелъ не указалъ ему путь въ Египетъ. Далѣе идутъ

пещеры, гдѣ жилъ знаменитый подвижникъ и отецъ церкви, святой Іеронимъ, неутомимо боровшійся противъ ересей, особенно почитаемый католиками...

Ему посвящена теперь цѣлая подземная церковь, а въ сосѣдствѣ съ нимъ—пещеры ученика его Евсевія, и двухъ вѣрныхъ ученицъ его, Павлы и Евстохіи, спасавшихся, подобно своему великому учителю, подъ сѣнью святаго вертепа.

Вмѣстѣ съ своими таинственными подземельями, переходами, пещерами, съ своими монастырями, и храмами, виѳлеемская святыня представляетъ собою какую-то своеобразную разноцлеменную лавру, крѣпко огражденную извнѣ, осажденную всѣмъ равно враждебнымъ исламомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ведущую свою внутреннюю междоусобную борьбу въ тайникахъ своихъ древнихъ святынь, укрытыхъ въ нѣдрахъ земли...

Горько непривычному наблюдателю отъ этой несмолкающей и несмиряющейся вражды христіанъ другъ къ другу. Взаимная ненависть и рознь людей, именующихъ себя послѣдователями Христа, нигдѣ такъ не возмущаютъ, какъ здѣсь, надъ самою колыбелью учителя любви и братства.

Своими догматическими распрями, своею мелочною завистливостью и нетерпимостью ученики Христа отшатнулись другъ отъ друга, какъ отъ зачумленныхъ, замкнулись каждый въ своемъ отвоеванномъ углѣ, грозя и недовѣряя другъ другу, размежевали, какъ улицы приступомъ взятаго непріятельскаго города—каждый уголокъ своей мирной общей святыни, и такимъ образомъ, какъ нѣкогда распинателями Христа, разодранъ на части тотъ нешвенный хитонъ Его ученья, которымъ Онъ хотѣлъ одѣть, словно однимъ теплымъ объятіемъ отеческой любви, все человѣчество, не различая въ немъ эллина отъ іудея и раба отъ свободнаго.

Самою наглядною и самою оскорбительною иллюстраціею этихъ противохристіанскихъ взаимныхъ отношеній христіанъ—служитъ, конечно, тотъ черномордый и босоногій турецкій часовой, который, съ видомъ презрительнаго покровительства, важно расхаживаетъ, ружье на плечѣ—и тамъ на верху, передъ мра-

морнымъ алтаремъ Елены и Юстиніана, и здѣсь внизу, въ священномъ вертепѣ, у ложа Богородицы.

Когда митрополитъ читалъ намъ трогательныя страницы евангелія, и толпа богомольцевъ пристыла благоговѣйнымъ ухомъ къ простымъ и чуднымъ словамъ священнаго сказанья, турецкій капралъ съ двумя рядовыми, гремя штыками, спускался по лѣстницѣ, для смѣны часоваго: не стѣсняясь церковною службою, онъ спрашивалъ пароль и давалъ команду, и тутъ же въ самомъ патетическомъ мѣстѣ евангельскаго разсказа, двѣ черныя обезьяньи хари, какъ двѣ капли воды похожія на черныхъ муриновъ монастырскихъ легендъ, растянулись подъ самымъ престоломъ, тыкая своими орангъ-утанговыми лапами въ бриллианты священной звѣзды, которые каждый часовой обязанъ по счету сдать смѣняющему его товарищу. Я едва воздержался отъ искушенія схватить за шиворотъ и вышвырнуть вонъ, какъ грязную тряпку, эти возмутительныя эѳіопскія фигуры, очевидно мнившія здѣсь себя господами и повелителями нечестивыхъ христіанскихъ собакъ.

Послѣ молебна мы долго бесѣдовали съ митрополитомъ Анѳимомъ, прогуливаясь по большой террасѣ монастыря, замѣняющей кровлю.

Вечеръ совсѣмъ уже надвинулся, но съ высоты монастырской кровли еще хорошо можно было разглядѣть, стихшій у ногъ моихъ, древній городъ Давидовъ и его ближайшія окрестности.

Когда я высказалъ свое негодованіе на оскорбительное вмѣшательство турецкихъ солдатъ въ святыни христіанства, митрополитъ скептически улыбнулся.

— О, что вы! сказалъ онъ. Вы глубоко ошибаетесь. Турецкій солдатъ—единственная у насъ гарантія мира и безопасности. Если бы не военные караулы при всѣхъ нашихъ драгоцѣнныхъ святыняхъ, повѣрьте, онѣ давно были бы уничтожены или похищены. Вы и не подозрѣваете, какая глубокая вражда и взаимная ненависть раздѣляютъ здѣсь христіанскія исповѣданія.

Магометане—наши друзья и союзники, сравнительно съ католиками или лютеранами. Тѣ только и мечтаютъ о томъ, какъ бы отнять у насъ что-нибудь, какъ бы вытѣснить насъ откуда только можно. А тутъ еще армяне, копты, сирійцы! Всѣ другъ другу завидуютъ и готовы растерзать какую угодно святыню, чтобы только она не доставалась другимъ. А ужъ особенно всѣ злы на насъ, грековъ, досадуя, что мы успѣли сохранить въ своихъ рукахъ болѣе, чѣмъ другіе. Но вѣдь они забываютъ, что это старое греческое царство, которое вправѣ имѣть здѣсь свое наслѣдіе; къ тому же, и сами турки сжились съ нами давно, и довѣряютъ намъ, какъ своимъ стариннымъ подданнымъ, гораздо болѣе, чѣмъ другимъ націямъ. Выведите завтра турецкій караулъ изъ святой пещеры, и я ручаюсь вамъ, что между греками, армянами и католиками сейчасъ же начнется свалка...

Сколько я ни спорилъ, какъ ни доказывалъ своему собесѣднику несовмѣстимость съ христіанствомъ такой политики вражды и борьбы, митрополитъ утверждалъ свое и повторялъ, что исламъ далеко не такой врагъ православію, какъ латинство или лютеранство.

Вообще митрополитъ Анфимъ оказался опытнымъ политикомъ: онъ зналъ всѣ сложныя отношенія между собою европейскихъ державъ, Порты и Россіи, мѣтко характеризовалъ политическихъ людей и отлично понималъ значеніе и игру событій. Какъ и патріархъ Никодимъ, онъ былъ переполненъ враждебностью къ латинству и уличалъ его въ самыхъ низкихъ интригахъ противъ православія. По его словамъ, особенно французы изъ кожи лѣзли, чтобы съ помощью Англіи подорвать греческое и русское вліянія въ Палестинѣ. Они не жалѣютъ на это ни денегъ, ни трудовъ, ни дипломатической хитрости. Они убѣждены, что святыя мѣста куплены кровью ихъ отцовъ еще со временъ крестовыхъ походовъ, и добиваются поэтому овладѣть ими всецѣло. На берлинскій конгрессъ французы отправили своихъ уполномоченныхъ только послѣ того, какъ заручились согласіемъ всѣхъ державъ, что не будетъ возбуждено никакого

разговора о святыхъ мѣстахъ, и что державы гарантируютъ въ этомъ отношеніи полное status quo.

— Оттого-то такая великая побѣда православной Россіи, такой небывалый еще разгромъ Турціи окончились ровно ничѣмъ для святыхъ мѣстъ Палестины!

Митрополитъ—грекъ родомъ, съ острова Тиноса, и сохранилъ на своемъ еще не старомъ подвижномъ лицѣ національное выраженіе хитроумнаго Улисса. Онъ первый сановникъ церкви послѣ іерусалимскаго патріарха, очень богатъ и вліятеленъ, и считался во время моего пребыванія въ Палестинѣ вѣроятнымъ кандидатомъ на престолъ антіохійскаго патріарха. Онъ уже 40 лѣтъ какъ въ Палестинѣ, самоучкою выучился отъ русскихъ паломниковъ говорить, читать и писать по-русски, и успѣлъ познакомиться со всѣми выдающимися русскими дѣятелями, когда-либо посѣщавшими Палестину.

Кромѣ него, есть только одинъ самостоятельный митрополитъ въ іерусалимской церкви—назаретскій, да архіепископъ акрскій. Остальные митрополиты и епископы—іорданскій, газскій, петраравійской, ѳаворскій,—только почетные титулы безъ доходовъ и безъ епархій, и носители этихъ историческихъ титуловъ проживаютъ въ Іерусалимѣ при патріархѣ.

Впрочемъ, и виѳлеемскіе митрополиты не особенно давно перенесли свою резинденцію въ Давидовъ городъ.

При Муравьевѣ, въ 30 году настоящаго столѣтія, виѳлеемскій митрополитъ тоже проживалъ въ Іерусалимѣ, и только одинъ разъ въ годъ, на Рождество Христово, являлся служить въ святой Вертепъ. Во всемъ виѳлеемскомъ монастырѣ не было ни одного монаха, а одинокій игуменъ этого монастыря постоянно жилъ въ болѣе близкой къ Іерусалиму обители св. Ильи пророка (Маръ-Эліасъ); одни только арабскіе священники служили обѣдни деревенскимъ богомольцамъ на подземномъ престолѣ Рождества.

Я выразилъ митрополиту свое удовольствіе и удивленіе, что архипастыри іерусалимской церкви, начиная съ патріарха,

такъ доступны простому народу и ведутъ простой и дѣятельный образъ жизни.

— Мы живемъ на землѣ, освященной стопами Христа и проникнутой памятью Его дѣлъ,—скромно отвѣтилъ мнѣ митрополитъ.—Поэтому должны слѣдовать примѣру Христа и, какъ Онъ, быть постоянно съ народомъ, держать себя въ смиреніи и бѣдности. Кромѣ часовъ сна и ѣды, всѣ часы моего дня отданы нуждающимся во мнѣ... Я принимаю всѣхъ, всегда и вездѣ... Это наша обязанность... Къ тому же, если бы мы не были внимательны къ поклонникамъ, ни одинъ христіанинъ не пришелъ бы къ намъ въ Палестину. Мы тутъ ихъ единственные покровители и защитники... Особенно мы обязаны гостепріимствомъ къ русскимъ странникамъ: русскіе почти одни поддерживаютъ святыя мѣста, греки и валахи слишкомъ бѣдны и оттуда почти не бываетъ поклонниковъ...

Впослѣдствіи я слышалъ отъ прислуживавшей намъ русской женщины, что къ митрополиту Анфиму постоянно ходятъ за совѣтомъ, судомъ и помощью, не только христіане, но и арабы, и турки...

Служка принесъ намъ на террасу подносъ со стаканчиками и двумя графинами... Митрополитъ выпилъ полстаканчика водки, сильно разбавивъ ее водою, и пригласилъ выпить и меня.

— Это необходимо передъ ужиномъ,—увѣрялъ онъ; но такъ какъ я не пью водки ни въ какомъ видѣ, то, конечно, отказался. Жена хотѣла удалиться въ свою спальню, ссылаясь на усталость, но радушный хозяинъ ни за что не позволилъ ей уйти безъ ужина.

Ужинъ былъ накрытъ въ столовой митрополита совершенно по-русски.

Кромѣ насъ съ владыкою, за столъ явился мѣстный игуменъ и молодой діаконъ, бывшій регентомъ пѣвчихъ.

Келейникъ прочиталъ вслухъ греческую молитву, митрополитъ благословилъ трапезу, и мы усѣлись за простой, но сытный

и здоровый ужинъ. Тутъ были яйца въ смятку, овечій сыръ, говядина съ капустою, доставляемою монастырю изъ его собственнаго сада въ Іерихонѣ, жареные цыплята, рисъ съ лимономъ, и вмѣсто дессерта, огурцы и апельсины... Бѣлое виѳлеемское вино, вкусное и чистое какъ слеза, дополняло эту обильную трапезу.

Признаюсь, я очень удивился, видя, какъ снокойно виѳлеемскій владыко и его смиренный игуменъ убираютъ говядину и цыплячьи косточки.

Я сначала освѣдомился осторожно: назначаютъ-ли въ Палестинѣ архипастырей непремѣнно изъ чернаго, а не изъ бѣлаго духовенства? Оказалось, что только изъ чернаго.

— Въ такомъ случаѣ, какъ же вы ѣдите мясное, преосвященный? Развѣ у васъ монахамъ не запрещается?—полюбопытствовалъ я.

— У насъ нѣтъ этого обычая, спокойно—объяснилъ мнѣ митрополитъ.—У насъ всѣ ѣдятъ мясное, постъ состоитъ въ умѣренности, а не въ выборѣ пищи...

Ужинъ прошелъ въ оживленной и разнообразной бесѣдѣ, которую не мало поддерживала прозрачная янтарная струя виѳлеемскаго нектара.

Послѣ благодарственной молитвы владыка обратился къ намъ съ маленькимъ ораторскимъ привѣтствіемъ, выражавшимъ пожеланіе видѣть насъ еще разъ въ Виѳлеемѣ.

Къ утренѣ онъ разрѣшилъ намъ не приходить, а приказалъ насъ разбудить только къ ранней обѣднѣ. Мы удалились въ свои аппартаменты, едва держась на ногахъ отъ усталости, и я съ особенною нѣжностью поглядывалъ на мягкіе пуховики и многоэтажныя подушки своего грандіознаго ложа...

Но женщины всегда способны пристыдить малодушіе мужчины; у нихъ всегда окажется лишній противъ насъ запасъ энергіи, если не силъ.

Въ то время, какъ я, съ дѣтскою нетерпѣливостью и съ дѣтскимъ увлеченіемъ, отдавался сладкимъ объятіямъ одѣяла и

подушекъ, жена моя, въ другой комнатѣ, только-что открывала двухчасовой торгъ съ какимъ-то догадливымъ артистомъ и коммерсантомъ Давидова города, который уже давно поджидалъ ее здѣсь съ цѣлымъ магазиномъ перламутровыхъ, костяныхъ, деревянныхъ и всякихъ другихъ рѣзныхъ и точеныхъ издѣлій виѳлеемской спеціальности...

Долго мерещилось мнѣ во снѣ смутно долетавшіе до меня досадные звуки этой полунощной торговли, но, наконецъ, я провалился словно сквозь землю, и уже не слыхалъ ничего, не грезилъ ни о чемъ...

Насъ подняли въ 4 часа утра. Въ половинѣ пятаго мы уже спустились, сопровождаемые келейникомъ митрополита, въ подземную церковь. Множество русскихъ богомольцевъ и богомолокъ уже толпилось тамъ, записывая на просфорахъ родныя имена, покупая свѣчи... Но и арабскихъ тюрбановъ, арабскихъ полосатыхъ плащей—набилось немало. Виѳлеемскіе арабы почти всѣ сплошь христіане, но изъ нихъ католиковъ все-таки бо́льшая половина—3,500 на 3,000 православныхъ...

Впрочемъ, и вся-то столь торжественно звучащая виѳлеемская епархія заключаетъ въ себѣ только 4,000 душъ, т.-е. кромѣ Виѳлеема—1,000 душъ въ сосѣднемъ приходѣ Бетъ-Сахура, или «церкви пастушковъ»...

Митрополитъ Анѳимъ стоялъ въ сторонѣ, на маленькомъ коврикѣ, съ архіерейскимъ посохомъ въ рукахъ, и хотя самъ не служилъ обѣдню, но принималъ въ ней постоянное участіе, то чтеніемъ евангелія, то громкимъ изложеніемъ символа вѣры, то благословеніемъ народа и раздачею ему просфоръ. Пѣвчіе, съ своимъ регентомъ-діакономъ, по тѣснотѣ церкви, стояли на ступенькахъ лѣстницы. Они пѣли безжалостно рѣжущимъ ухо, унылымъ напѣвомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ торжественными и стройными звуками русской церковной пѣсни. Іеромонахъ-грекъ, въ розовой шелковой ризѣ, служилъ обѣдню передъ ложемъ Богоматери. Ниша подъ престоломъ, съ звѣздою Рождества, была задернута кисейною занавѣскою. Обѣдня шла

вообще по-гречески, но нѣкоторыя эктеніи и молитвы говорились то по-русски, то по-арабски, для утѣшенія русскихъ и арабскихъ богомольцевъ.

Апостола прочли на всѣхъ 3-хъ языкахъ; русская богомолка-монашка по-русски, арабъ—по-арабски, грекъ-причетникъ—по-гречески. Евангеліе прочелъ самъ митрополитъ твердымъ и правильнымъ русскимъ языкомъ. Въ Виѳлеемѣ, очевидно, пользуются гораздо разумнѣе, чѣмъ у святаго гроба, возможностью привлечь къ церкви поклонниковъ Палестины понятными для нихъ и радостными для ихъ сердца молитвами на родномъ языкѣ. Эта общая служба на разныхъ языкахъ передъ богомольцами разныхъ племенъ и странъ такъ живо переносила мое воображеніе въ первыя времена христіанства, когда всякій воспѣвалъ Бога, какъ умѣлъ и какъ могъ, когда еще не была забыта основная идея Христова ученія о всемірномъ братствѣ людей, и имя Христа создавало вокругъ себя дѣйствительно одну церковь изъ разныхъ племенъ и нарѣчій земли...

Не одно это переносило меня, въ этой подземной церкви, къ первобытнымъ временамъ и первобытнымъ идеямъ христіанства. Передо мною была сама колыбель христіанской церкви, ея первый образецъ и источникъ... И вотъ, я поучался, какимъ былъ этотъ священный образецъ... Устроенъ ли онъ по-гречески, по-русски, по-римски, по-нѣмецки или по-армянски? Оправдываетъ ли онъ горделивыя притязанія на чистоту древнихъ преданій той или другой современной церкви нашей? Не указываетъ ли онъ, какъ нужно строить алтари, какъ ставить престолы, какого вида иконамъ можно поклоняться, какое число просфоръ слѣдуетъ класть, и какъ требуется складывать персты крестнаго знаменія?

Да, онъ указываетъ все это ясно и убѣдительно...

Посѣщеніе палестинскихъ святынь, прикосновеніе къ памятникамъ первобытнаго христіанства, невольно поправляетъ и обличаетъ близорукую односторонность и мелочное самонад-

мѣніе враждебно обособившихся вѣроисповѣданій нашего современнаго христіанства.

Да! здѣсь, въ этомъ глубокомъ вертепѣ скалы, въ смиренной тишинѣ и мракѣ, гдѣ зародилось христіанство и откуда оно поднялось потомъ, какъ торжествующее солнце на высоту небесъ, заливая весь міръ теплымъ свѣтомъ, вездѣ сѣя новую жизнь, здѣсь передумаешь многое и поймешь многое.

А прежде всего здѣсь поймешь великій историческій смыслъ той братской общины, которая сплотилась вокругъ рожденнаго въ ясляхъ Спасителя своего, призывавшаго къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, всѣхъ плачущихъ и нищихъ духомъ, всѣхъ кроткихъ и чистыхъ сердцемъ, всѣхъ алчущихъ и жаждущихъ правды...

Вотъ они предо мною, живые, какъ въ апостольскія времена, такіе же пыльные, такіе же грубые въ своей простодушной деревенской обстановкѣ, безраздумно перенесенной ими черезъ моря и горы, черезъ тысячи верстъ, въ другую часть свѣта, къ другимъ народамъ, подъ другое солнце,—всѣ эти нищіе духомъ, всѣ эти обремененные и труждающіеся.

Такими же были они, когда слушали проповѣдь на горѣ и вытягивали мрежи Генисаретскаго озера.

Спросите ихъ, откуда пришли они, и какъ они пришли? Вотъ старикъ—раскольникъ изъ Вятки или Вологды, весь зашитый въ ватошный изодравшійся кафтанъ, котораго онъ не снималъ уже 4-й мѣсяцъ. Онъ перекрещенъ словно солдатскими перевязями съ плеча на плечо бѣлыми тесьмами тяжелаго ранца, и худыя изсохшія ноги его отекли какъ подушки...

Вотъ изнеможенная маленькая бабенка, съ клюкою въ рукѣ, съ страданіемъ и болью, застывшими въ морщинистыхъ складкахъ ея давно отцвѣтшаго, но терпкаго лица. Она не хотѣла умереть, не поклонившись христовымъ страданіямъ, и прибрела сюда христовымъ именемъ, одолѣвъ все, пересиливъ всѣ бѣды. Вонъ и домовитый хозяйственный мужичекъ, пасѣчникъ и маслобой, обросшій бородою, какъ медвѣдь шерстью, и какъ мед-

вѣдь насквозь еще пропитанный лѣсною дичью, тоже привалилъ сюда, зашивъ въ подкладку лежалыя деньжонки, неожиданно взбуровленный въ самой глубокой глубинѣ своего грубаго нутра чудесными разсказами богомольца-странника.

Всѣ они здѣсь, въ Палестинѣ и въ Египтѣ фараоновъ, и въ турецкомъ Царьградѣ, среди полосатыхъ бедуиновъ и разноцвѣтныхъ грековъ, остаются во всемъ своемъ домашнемъ, грязномъ, вонючемъ, неуклюжемъ, какъ одѣла ихъ еще костромская или калужская баба, провожая черезъ сугробы снѣга, безъ малѣйшей попытки приноровить свой костюмъ къ условіямъ климата, мѣста, времени года, въ тѣхъ же валенкахъ и ваточныхъ курткахъ подъ бараньими полушубками, которые одни только сбросили они теперь съ плечъ подъ сорока-градуснымъ припекомъ южнаго солнца.

Безъ всякаго стѣсненія повыпустили они изъ подъ куртокъ свои потныя рубашки и пояски съ гребешками, и никому изъ нихъ даже въ голову не приходитъ, чтобы въ какой бы то ни было обстановкѣ, на чей бы то ни было взглядъ, могли показаться неумѣстными, некрасивыми или неприличными ихъ доморощенные вѣковѣчные наряды.

Эта безраздумная и непоколебимая вѣра въ себя и во все свое—придаетъ человѣку какую-то особенную нравственную стойкость и какое-то особеное чувство достоинства, отсутствіемъ котораго, къ сожалѣнію, такъ часто страдаемъ мы, цивилизованные русскіе путешественники по чужимъ краямъ.

Вдругъ я радостно вздрогнулъ, словно отъ прикосновенія чего-то давно знакомаго и роднаго, и сердце мое всколыхнулось куда-то высоко вверхъ, будто на крыльяхъ могучей птицы.

Уже не гнусливый греческій хоръ, а вся церковь, вся толпа богомольцевъ, мужики и бабы, странники и монашки, разомъ запѣли по-русски: «Рождество твое Христе Спасе мой». Запѣвалою была чтица-монашка, ловко и вѣрно направлявшая этотъ

многочисленный хоръ... Неожиданные звуки всенародной молитвы, дружные, громкіе, величественные, раздавались какъ-то особенно мощно и стройно подъ низкими сводами подземнаго храма и производили на мое русское сердце ни съ чѣмъ не сравненное, вдохновляющее впечатлѣніе. Лица поющихъ, облитыя яркимъ сіяніемъ огней, были переполнены умиленія; казалось, для нихъ не существовало счастія полнѣе и выше этой минуты... Они пѣли съ младенческимъ увлеченіемъ, съ младенческою искренностью. Все было забыто въ порывѣ молитвеннаго восторга, мгновенно охватившаго толпу, и никакихъ заднихъ думъ, сомнѣній, заботъ не видно было теперь ни на одномъ лицѣ. Эти люди наивной вѣры и простаго сердца достигли, наконецъ, послѣ столькихъ трудовъ и лишеній, завѣтной цѣли своего долгаго странствованія, и теперь, восхищенные душою, стояли здѣсь, во святомъ вертепѣ, передъ ложемъ Пречистой Дѣвы, надъ дѣтской колыбелью своего Христа Спаса, восхваляя и славя Его всѣмъ своимъ міромъ православнымъ...

Такъ могли пѣть и молиться въ своихъ темныхъ катакомбахъ только христіане первыхъ вѣковъ, когда не были еще выработаны разобщающія формулы молитвъ и внѣшніе обряды службы, когда еще всѣ вѣрующіе составляли одинъ нераздѣльный клиръ, восторженно восхвалявшій своего Христа Бога.

Да быть можетъ первыя толпы крестоносцевъ, притекшія изъ своихъ саксонскихъ и нормандскихъ дебрей за вдохновеннымъ босоногимъ пустынникомъ, черезъ моря, степи и горы, черезъ битвы, бури и повальныя болѣзни, такимъ же дружнымъ и жаркимъ взрывомъ молитвы гремѣли свое благодареніе Богу защитнику надъ гробомъ Христа или надъ яслями, гдѣ родился Онъ...

Только тотъ, кому посчастливилось, какъ намъ, посѣтить эти священныя ясли, пойметъ, какое поражающее впечатлѣніе производятъ на человѣка звуки рождественнаго псалма, раздающіеся на самомъ мѣстѣ Рождества Христова.

Арабы благоговѣйно сняли свои чалмы, и стояли теперь въ

однѣхъ бѣлыхъ войлочныхъ ермолкахъ на бритыхъ головахъ, въ своихъ живописныхъ и характерныхъ плащахъ, еще всецѣло дышавшихъ библейскимъ вѣкомъ; они слушали недвижно, склонивъ головы, видимо тоже глубоко растроганные...

Казалось, это стояли кругомъ насъ тѣ самые смиренные виѳлеемскіе пастухи евангельскаго разсказа, что пришли когда-то по зову ангела въ эту самую пещеру поклониться рожденному въ ясляхъ младенцу.

Напившись хорошенько русскаго чайку у себя въ комнатахъ, напившись у митрополита неизбѣжнаго арабскаго кофе и неизбѣжной воды съ вареньемъ, мы спѣшили распроститься съ гостепріимнымъ хозяиномъ.

Онъ надарилъ намъ на прощанье четокъ, крашеныхъ яицъ, картинъ и брошюръ о Виѳлеемѣ, надписавъ на нихъ по-русски твердымъ и красивымъ почеркомъ: «Благословеніе рабамъ Божьимъ Евгенію и Аннѣ отъ смиреннаго митрополита виѳлеемскаго Анфима». И имена наши внесъ въ монастырскую книгу для поминовенія на молитвахъ.

Когда мы выѣхали изъ города, направляясь къ Бенъ-Сахуру, скептическій Якубъ Кристи, нашъ всезнающій драгоманъ, въ качествѣ нечестиваго послѣдователя люторской ереси, не обязанный никакимъ благоговѣніемъ къ православному іерарху,—сталъ излагать намъ цѣлыя апокрифическія сказанія о всякихъ смертныхъ грѣхахъ виѳлеемскаго владыки, въ которые мы однако ни мало не увѣровали...

Мы пропускали между ушей его раздраженную болтовню и поглощались все больше и больше чудною картиною виѳлеемскихъ окрестностей...

Не разъ мы останавливались и по долгу смотрѣли на удалявшійся библейскій городъ, стараясь на всегда врѣзать въ сердце его живописныя характерныя черты...

Онъ поднимался на своемъ скалистомъ холмѣ, ясно вырѣ-

заясь сѣрыми скелетами своихъ домовъ-башенъ среди густой синевы южнаго неба, между трехъ сосѣднихъ холмовъ Гадера, Гибеи и Маръ-Эліаса...

Удивительный маленькій городокъ—это «селеніе Виѳлеемское», этотъ «городокъ святой», «городъ Давидовъ», «слава пророковъ», котораго имя прожило три тысячелѣтія и пережило самыя могучія и самыя долговѣчныя царства... Арабы до сихъ поръ называютъ его, какъ въ дни библіи, Бенъ-Лахемъ.

Скромный іудинъ удѣлъ, изъ пастушескихъ шатровъ котораго вышли знаменитѣйшіе цари Израиля, въ ослиной пещерѣ котораго родился Спаситель міра!..

«И ты, Виѳлееме, доме Ефраѳовъ, егда малъ еси еже быти въ тысящахъ іудиныхъ; изъ тебе бо мнѣ изыдетъ старѣйшина еже быти въ князя во Израили», пророчествовалъ о немъ пророкъ Михѣй.

Слава его не затмилась даже славою сосѣдняго Іерусалима, и святость этого древнѣйшаго библейскаго города проникла даже въ сердце магометанина.

«Послѣ ночного путешествія на небо пророка Магомета, говоритъ арабское преданіе,—архангелъ Гавріилъ сказалъ ему: «сойди на землю и помолись!»

Когда Магометъ помолился, ангелъ спросилъ его: «знаешь ли ты гдѣ молился? Ты молился въ Виѳлеемѣ, святомъ мѣстѣ!»

Не одинъ халифъ ислама, овладѣвавшій святою землею, молился, подобно Омеръ-Гассану, въ священномъ вертепѣ, гдѣ родился великій пророкъ Иса...

«Долина пастырей», по-арабски Сахи-бенъ-Сахуръ, тянется къ востоку отъ Виѳлеема, вся покрытая виноградниками, полями, масличными деревьями и смоковницами...

На правомъ склонѣ ея сѣрѣетъ деревенька Бенъ-Сахуръ, сплошь населенная арабами-христіанами. Мы взяли нѣсколько въ сторону отъ деревни, и въ самой глубинѣ безмолвной зеле-

ной долинки, мирно благоухавшей своими садами, остановились у пустынной оливковой рощицы, обнесенной оградою...

Старинная каменная часовня, въ видѣ продолговатаго домика, одна уцѣлѣла отъ когда-то обширнаго «монастыря святыхъ пастырей» и богатыхъ церквей, украшавшихъ долину въ вѣкъ царицы Елены и королей крестоносцевъ... Изъ часовни нужно спуститься по лѣсенкѣ въ «пещеру пастушковъ», гдѣ устроенъ грубый престолъ, и среди старыхъ плитъ пола видны остатки мозаики и основанія колоннъ...

Жители Бенъ-Сахура собираются сюду на молитву, въ эту подземную церковь, каждый праздникъ, вмѣстѣ съ двумя своими приходскими священниками... Въ остальное время церковь пастуховъ почти всегда заперта, и ключь приходится брать у священника въ деревушкѣ.

Преданія сѣдой древности рѣютъ надъ этою тихою плодоносною долинкою и надъ многочисленными развалинами, которыми она усѣяна...

Тутъ Руѳь собирала колосья на тучныхъ поляхъ добраго Вооза...

Тутъ пасъ свои стада еще библейскій праотецъ Іаковъ, и развалины башни Гадера показываютъ еще до сихъ поръ рядомъ съ «пещерою пастырей».

«И отправился Израиль, говоритъ книга бытія, описывая путь Іакова изъ Вефиля въ Ефраѳу,—и раскинулъ шатеръ свой за башнею Гадеръ».

«Не вдалекѣ отъ Виѳлеема сошла Павла въ укрѣпленіе Гадера, гдѣ Іаковъ пасъ свои стада, и гдѣ пастыри въ ночную стражу удостоились слышать: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ!» повѣствуетъ объ этомъ святой Іеронимъ, писатель IV вѣка.

То же подтверждалъ черезъ два вѣка послѣ него Арнульфъ, который говоритъ: «20 минутъ къ востоку отъ Виѳлеема, на мѣстѣ, гдѣ слава небесная облистала пастырей у башни Гадера

находилась церковь, которая заключала въ себѣ три гроба троихъ пастырей».

Такимъ образомъ, благочестивое преданіе, пріурочившее къ Бенъ-Сахуру высоко поэтическую сцену евангельскаго разсказа находитъ свое историческое основаніе.

Признаюсь, эта темная пустынная пещерка пастырей, скромно притаившаяся подъ тѣнью оливъ, среди библейскихъ развалинъ, вдали отъ городскаго шума, чуждая богатства и роскоши знаменитыхъ палестинскихъ храмовъ, казалась въ глазахъ моихъ гораздо болѣе подходящимъ памятникомъ евангельскаго событія, чѣмъ мраморъ и алтарь рождественскаго вертепа.

И такъ было легко возобновить въ своемъ воображеніи, какъ живую, эту простую трогательную картину, теперь, когда такъ хорошо знаешь и палестинскую ночь, и палестинскую пустынность, и одежды палестинскихъ пастуховъ, ни въ чемъ неизмѣнившіяся со временъ Іосифа и Маріи...

Но хотя на дворѣ была и не декабрьская ночь, а яркое и жаркое утро весенняго дня,—красота земли и неба, и жилищъ человѣческихъ, разбросанныхъ по далекимъ горамъ, среди зеленыхъ садовъ,—была такъ чудно-хороша, что душа утопала въ невыразимыхъ приливахъ восторга, и казалось, и она сама, и вся природа кругомъ, на землѣ и на небѣ, все пѣло, очарованное, переполненное счастьемъ: «Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ міръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе».

XVI.—Мертвая страна.

Шейхъ Абу-Диса и разбои бедуиновъ.—Каменистый путь.—Картина пустыни.—Ханъ-Гадруръ и притча о самарянинѣ.—Видъ на Іерихонъ.—Ущелье Вади-ель.—Кельтъ.—Пріѣздъ въ Рихи.

Намъ предстояло на нѣсколько дней покинуть Іерусалимъ. Оказалось даже необходимымъ купить на головы арабскія «кефьи» изъ полосатаго шелку, повязавъ ихъ совсѣмъ по-бедуински щеголеватымъ цвѣтнымъ шнуркомъ съ кисточками.

Такимъ образомъ мы если и не обратились въ подлинныхъ бедуиновъ, то все-таки спаслись нѣсколько отъ невыносимаго солнечнаго припека, который нигдѣ такъ не мучаетъ, какъ въ каменистыхъ пустыняхъ Мертваго моря.

За то нашъ невиннѣйшій и миролюбивый нѣмчикъ Яковъ перерядился совсѣмъ въ лихаго и грознаго азіята Якуба, воинственно перекинувъ ружье черезъ плечо, заткнувъ кинжалъ за поясъ и стараясь порисоваться передъ окнами гостинницы на своемъ бойкомъ конькѣ, какъ природный арабскій наѣздникъ...

Съ нами былъ впрочемъ и настоящій, не шутовскій арабскій наѣдникъ, присланный пашою, «турецкій жандаръ», какъ называли его наши простодушные мужички-богомольцы,—въ сущности же арабъ изъ селенія Абу-Дисъ, немного подальше Виѳаніи, шейхъ котораго издавна завоевалъ себѣ исключительное право, официально признаваемое турецкими властями, провожать богомольцевъ-путешественниковъ въ Іорданскую страну. По приказу паши, шейхъ безпрекословно наряжаетъ своихъ арабовъ на эту выгодную службу: и они уже заранѣе поджидаютъ работы въ Іерусалимѣ, зная всякій свою очередь... Паша даетъ въ руки этому довольно подозрительному блюстителю безопасности охранный листъ, наводящій все-таки нѣкоторый таинственный ужасъ на простодушное разбойническое населеніе пустыни; ужасъ этотъ, впрочемъ, не совсѣмъ безосновательенъ, а имѣетъ свои историческія причины, ибо турецкіе администраторы никогда не баловали здѣшнихъ арабовъ особенной щепетильностью при расправѣ съ ними за всякаго рода своеволіе. Обыкновенно послѣ сколько нибудь крупнаго убійства или разграбленія паша просто-на-просто посылаетъ отрядъ кавалеріи посѣтить за Іорданскую страну, бедуины которой большой частью производятъ нападенія на путешественниковъ... За неимѣніемъ прокуроровъ, судебныхъ слѣдователей и адвокатовъ, судебная процедура въ Іорданскихъ пустыняхъ поневолѣ кончается коротко и просто: турецкіе воины разорятъ до тла всѣ

кочевья бедуиновъ, до которыхъ успѣютъ доѣхать, отнимутъ у нихъ весь скотъ, который успѣютъ отнять, и возвратятся себѣ съ миромъ въ свои обители. Апелляціи и кассаціи на этотъ всѣмъ понятный вердиктъ, разумѣется. не полагается. Впрочемъ, не одного пашу должны побаиваться разбойники пустыни. Шейхъ Абу-Диса точно также считаетъ себя оскорбленнымъ въ своихъ священнѣйшихъ правахъ и пострадавшимъ въ своихъ интересахъ отъ всякаго нападенія сосѣдняго племени на людей, охраняемыхъ его воинами, и его именемъ.

Поэтому въ важныхъ случаяхъ и онъ поднимаетъ свое племя, чтобы отомстить дерзкимъ нарушителямъ своихъ исконныхъ привилегій и, если удастся, то разоряетъ ихъ шатры и ихъ стада еще чище, чѣмъ это умѣютъ дѣлать турецкіе возстановители правосудія.

Однако арабскіе нервы, повидимому, не особенно чувствительны ни съ той, ни съ другой стороны, или же память этихъ наивныхъ сыновъ пустыни слишкомъ коротка, потому что нападенія на богомольцевъ въ окрестностяхъ Мертваго моря до сихъ поръ дѣло совершенно обычное.

Всего только за три дня передъ нами, бедуины напали на маленькую экспедицію русскихъ богомольцевъ, въ числѣ которыхъ была одна генеральша и знакомый мнѣ молодой гвардеецъ.

Несмотря на охрану «турецкихъ жандаровъ», дѣло дошло до ружейной перестрѣлки, и бѣдная богомольная дама отъ страха едва не окончила своего существованія на берегахъ священной рѣки... тутъ замѣшался, впрочемъ, какой-то мѣстный семейный вопросъ, потому что напавшіе бедуины отбивали молодую арабку, приставшую къ русскимъ и хотѣвшую, повидимому, бѣжать изъ родныхъ Моавитскихъ шатровъ.

Въ другой разъ, тоже не очень давно, бедуины Мертваго моря раздѣли до нага четырехъ англичанъ и англичанокъ и заставили ихъ прогуляться въ такомъ прародительскомъ костюмѣ Адама и Евы до Іерихона, вѣроятно, сочтя по ошибкѣ Іордан-

скую долину за ту, счастливую страну Библіи, гдѣ въ вѣка человѣческой невинности цвѣли сады райскіе, и гдѣ безгрѣшные люди не нуждались еще въ бренныхъ одеждахъ для прикрытія своей младенчески чистой наготы...

Впрочемъ, всѣ эти опасности теперь уже далеко не тѣ какими были они 20, 30 и 50 лѣтъ тому назадъ. При Муравьевѣ еще было необходимо собирать многолюдные караваны, «оказіи», какъ назывались въ старину на Кавказѣ подобныя путешествія толпою, и брать отъ паши отряды войска. Крещенское паломничество на Іорданъ, когда зарѣчные хищники навѣрняка уже ждали добычи и вездѣ устраивали свои засады, происходило прежде не иначе, какъ подъ предводительствомъ самого паши, сопровождаемаго цѣлымъ воинствомъ...

Шатобріанъ, путешествовавшій въ началѣ нашего столѣтія, считался безумцемъ и погибшимъ навѣрняка, когда рѣшился отправиться изъ Виѳлеема къ Мертвому морю только съ шестью вооруженными арабами и пятью всадниками. Онъ дѣйствительно долженъ былъ выдержать нѣсколько стычекъ, доведенъ былъ до рукопашнаго боя и едва спасся отъ нападавшихъ въ неприступныхъ стѣнахъ обители Св. Саввы, и то однако не иначе, какъ заплативъ порядочную сумму денегъ нападавшему племени...

Теперешній бедуинъ хотя нападаетъ часто, но убиваетъ очень рѣдко; его единственная цѣль поживиться чѣмъ нибудь отъ путешественника, и если ему не удастся обокрасть его, то онъ не приминетъ его ограбить, но, впрочемъ, только тогда, если не разсчитываетъ встрѣтить серьезнаго сопротивленія. Наивные сыны пустыни весьма уважаютъ магазинку и револьверъ, съ которыми ихъ уже успѣли ознакомить нѣкоторые болѣе осторожные путешественники, и ни за-что не рискнутъ своими драгоцѣнными головами или еще болѣе драцѣнною для нихъ головою своего коня изъ-за такой простой ежедневной вещи, какъ добыча. Не сегодня, такъ завтра, не здѣсь, такъ тамъ, все равно онъ добудетъ себѣ то, что ему нужно, не доводя

дѣла ни до какой трагедіи. А ему, питомцу вѣчнаго зноя и вѣчныхъ песковъ, нужно такъ мало!..

Мы разсчитывали вернуться въ Іерусалимъ не ранѣе трехъ сутокъ, и потому нашъ заботливый драгоманъ снабдилъ нашу маленькую экспедицію всякимъ необходимымъ добромъ. Онъ это дѣлалъ тѣмъ охотнѣе и тѣмъ заботливѣе, что самъ обладалъ лавочкою разныхъ бакалейныхъ и иныхъ (въ томъ числѣ, конечно, и спиртныхъ) товаровъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ русскими постройками, слѣдовательно его не должна была особенно страшить ни какая щедрость въ снаряженіи нашего походнаго провіантскаго магазина...

Все было наконецъ уложено, увязано и навьючено на лошадей; послѣ долгой возни и приготовленія, послѣ обстоятельныхъ путевыхъ наставленій любезнаго нашего консула, мы наконецъ усѣлись на своихъ нетерпѣливо топтавшихся коней и тронулись тихою рысцею къ Элеонской горѣ, къ Виѳаніи, мимо которой опять приходилось спускаться, чтобы попасть на Іерихонскую дорогу... Считая съ Якубомъ, арабомъ охранителемъ и другимъ арабомъ-проводникомъ, оберегавшимъ нашъ багажъ,— насъ составилась теперь кавалькада въ пять человѣкъ.

Виѳанія съ своимъ библейскимъ видомъ, съ своимъ разрушеніемъ и безплодностью, самое подходящее вступленіе для путешествія въ пустыню.

Когда Якубъ указывалъ намъ уже въ третій разъ на мѣсто Евангельской смоковницы, проклятой Христомъ за ея безплодіе, то мнѣ невольно пришло въ голову, что проклятіе Спасителя легло далеко не на одну эту легендарную смоковницу, а на всю страну, которую только можетъ видѣть отсюда человѣческій глазъ...

Камни, камни и камни!.. Каменные шатры горъ, каменные рестреснувшіеся утесы, каменные провалы и ущелья, все го-

лое, раскаленное, безжизненное, куда ни оглянешься. И въ далекой дали опять-таки каменныя гряды за Іорданскихъ Моавитскихъ горъ... Но ихъ скоро совсѣмъ заслоняютъ и прячутъ отъ взора ближайшіе, васъ отовсюду окружающіе Іудейскія горы... Вы пересчитываете уступы ихъ, то вверхъ, то внизъ, карабкаетесь въ ихъ узенькихъ сухихъ долинкахъ, по ихъ обнаженнымъ и осыпающимся ребрамъ... Вездѣ одно и тоже, вездѣ сплошное царство одного и того же желтовато-сѣраго камня, безъ кустика, безъ рощицы, безъ зеленыхъ лужаекъ... Ни перспективы вдаль, ни простора, хотя безконечная пустыня кругомъ... Къ этому желто-сѣрому тону скалъ и овраговъ не достаетъ желто-сѣрой фигуры льва на какомъ-нибудь сосѣднемъ утесѣ, чтобы картина пустыни вышла уже совсѣмъ полной, совсѣмъ африканской.

Только жесткіе сѣроватые вѣники колючаго «курая», «верблюжьей травы», набитые пылью какъ мѣшки мукою, неподвижно торчатъ кое-гдѣ въ трещинахъ камней, тоже будто каменные, и своимъ цвѣтомъ и своей неподвижностью; да такія-же пыльныя, такія-же сѣрыя,покрытыя словно каменной чешуею, кое-когда проскальзываютъ черезъ пыльные, сѣрые камни дороги—длинныя ящерицы. И надъ этой раскаленной, растреснувшейся неохватной каменоломней, по которой сбиваютъ себѣ копыты даже наши привычныя лошадки, опрокинулось глубокимъ безоблачнымъ сводомъ знойное, синее небо Палестины, отъ котораго никуда не спрячешься, ни чѣмъ не заслонишься. Жгучіе лучи его льются сверху сплошными неостывающими потоками и обращаютъ этотъ неподвижный спертый каменными стѣнками воздухъ пустыни въ какое-то безбрежное горячее море, изъ невидимыхъ волнъ котораго не вынырнешь и не выплывешь.

А на душѣ однако никакого унынія отъ этого однообразія и отъ этого жара. Нѣтъ, душа художника упивается характерной выразительностью, цѣльностью и новизною картины.

Это подлинная пустыня во всей строгости и красотѣ своего грознаго лика, какою она должна быть, какою она подавляетъ и изумляетъ человѣка. Это впечатлѣніе, котораго не ощутишь, не переживешь другой разъ, можетъ быть, нигдѣ и никогда...

Отчего-то мой глазъ и не можетъ оторваться отъ этой безжизненности и этого однообразія, которые ему кажутся теперь живописнѣе и содержательнѣе, чѣмъ слишкомъ пріѣвшіяся формы давно знакомыхъ красотъ природы...

Все выше и выше забираемся мы. Якубъ обѣщаетъ, что скоро будемъ на перевалѣ, откуда дорога пойдетъ подъ гору, откуда увидимъ наконецъ Іерихонъ и Мертвое море. Но проходятъ часы, а мы все звенимъ подковами по каменнымъ, ото всюду задвинутымъ, ущельямъ, и все также подымаемся вверхъ... Рѣдко-рѣдко попадаются одинокіе арабскіе пастухи въ своихъ граціозно накинутыхъ полосатыхъ мантіяхъ, тѣхъ самыхъ, въ которыхъ ходили еще Лотъ и Мельхиседекъ; у всякаго изъ нихъ перекинуто черезъ шею на спину длинное кремневое ружье съ узенькимъ прикладомъ, отдѣланное серебромъ и перламутромъ, отчего оно кажется совсѣмъ полосатымъ... Овцы его разсыпались по головокружительнымъ обрывамъ, отыскивая тощую колючую травку, а онъ стоитъ на открытомъ припекѣ солнца, сверкая изъ-подъ живописныхъ складокъ своей кѣфьи своимъ мѣднокраснымъ загаромъ, своими бѣлыми зубами и бѣлками, своею черною, какъ смоль бородою, очевидно, нисколько не тревожимый тою маленькою весенней теплотою дня, которая намъ грѣшнымъ кажется чуть не дьявольскимъ пекломъ. Теперь онъ мирно наблюдающій насъ пастухъ, ибо насъ пятеро, но онъ-же безъ труда обратился бы въ разбойника, если бы пятеро было съ его стороны, а съ нашей—одинъ.

Часа черезъ четыре пути, при крутомъ подъемѣ дороги, мы увидѣли вправо надъ собою черную пасть пещеры, рѣзко зіявшую среди кроваво-красныхъ известняковъ скалы... Это старинная разбойничья засада, прежде прикрывавшаяся кустами и камнями. Іерихонская дорога издревле считалась самою опасною изо всѣхъ окрестностей Іерусалима.

Пустыня съ своими непроходимыми пропастями и недоступными берлогами дѣлала невозможнымъ преслѣдованіе разбойниковъ, а сосѣдство за-іорданскихъ кочевниковъ открывало эту дорогу безнаказаннымъ набѣгамъ бедуиновъ.

Оттого-то и Христосъ въ своей притчѣ о сострадательномъ самарянинѣ упоминаетъ именно Іерихонскую дорогу, на которой въ Его время постоянно находили убитыхъ и ограбленныхъ...

Мѣстное преданье увѣряетъ, что евангельская притча о разбойникѣ и самарянинѣ—дѣйствительное происшествіе, и что Христосъ вообще всегда выбиралъ предметомъ своихъ поученій знакомыя народу событія тогдашней жизни.

По крайней мѣрѣ, всякій житель Палестины съ непоколебимою увѣренностью укажетъ вамъ, немного выше красной разбойничьей пещеры, мѣсто, гдѣ благодѣтельный самарянинъ поднялъ израненаго путника. На этомъ историческомъ мѣстѣ, освященномъ евангельскимъ разсказомъ, стоитъ теперь запустѣвшій ханъ, съ каменными стѣнами, въ которыхъ пробиты узкія щели для ружей, съ крѣпкими воротами.

Это маленькій блокгаузъ, въ которомъ караванъ путешественниковъ, застигнутыхъ темнотою ночи, можетъ спокойно провести ночь, загнавъ внутрь дворика своихъ ословъ и верблюдовъ, замкнувъ накрѣпко ворота и разведя для своего ужина безопасный огонекъ. Другихъ удобствъ въ этихъ ханахъ не полагается, да и не ищется. Хозяина, конечно, тутъ никакого не бываетъ, а обыкновенно, подобные ханы устраиваются какимъ-нибудь благочестивымъ мусульманиномъ ради спасенія души, по заповѣди Пророка, для безвозмезднаго вольнаго

пользованія странниковъ, какъ устраиваются по дорогамъ фонтаны и молитвенныя часовни...

Еще повыше хана-Гадрура и еще живописнѣе этой оригинальной библейской гостинницы, торчатъ на вершинѣ скалы развалины средневѣковаго замка, вѣроятно, одного изъ тѣхъ многочисленныхъ замковъ, которые короли крестоносцы воздвигали по границамъ своей земли для защиты ея отъ набѣговъ кочевниковъ. Впрочемъ, иные ученые толкователи видятъ въ этихъ развалинахъ даже библейскій Адоннимъ, стоявшій на рубежѣ владѣній Іуды и Веніамина... Имъ и книги въ руки...

Якубъ увѣряетъ, что теперь мы прошли самую трудную половину дороги, и что вотъ-вотъ очутимся въ Іерихонѣ...

Однако, мы все еще карабкаемся по такимъ же ущельямъ, окруженные все такими же камнями, и кромѣ этихъ камней не видимъ ничего...

Чѣмъ дальше, тѣмъ скалы дѣлаются все круче, грознѣе, безплоднѣе, все выше громоздятся надъ нашею глубокою дорожкою... Лошади совсѣмъ утомились и отчаянно дышатъ потными боками; мы сами тоже вспотѣли не меньше нашихъ лошадей. Вотъ еще какая-то развалина въ сторонѣ, надъ нашими головами. Въ этомъ безвыходномъ однообразіи даже голые камни кажутся чѣмъ-то особенно интереснымъ и живымъ.

— Ханъ Ель-Агмаръ!.. бурчитъ про себя нашъ арабскій проводникъ, въ отвѣтъ на выразительный жестъ Якуба.

Изъ-за скалъ перваго плана начинаютъ наконецъ подниматься туманные хребты Моавитскихъ горъ. Стало быть, мы дѣйствительно спускаемся, хотя горы и поднимаются кругомъ насъ. Ярко желтые известняки, въ упоръ облитые солнцемъ, еще болѣе голые и безотрадные, чѣмъ скалы, оставшіяся позади насъ, безъ малѣйшаго кустика, безъ малѣйшей травки, рѣзко вырѣзаютъ теперь свои оригинальныя и причудливыя пирамиды на лилово-багровомъ фонѣ Моавитскихъ горъ, выплывающихъ

вверхъ изъ глубины какой-то незримой нами пропасти, словно титаническія декораціи какого-нибудь волшебнаго театра. Сквозь прорвы этихъ желтыхъ утесовъ наконецъ проглянуло кое-гдѣ своими нѣжно голубыми оазисами Мертвое море, и безотрадно-грозный пейзажъ пустыни, казалось, вдругъ просіялъ улыбкой молодости и радости отъ этого яснаго голубаго взгляда...

— Вотъ Іерихонъ! вонъ сады видны! торжествующе указывалъ намъ Якубъ куда-то далеко внизъ.

Съ высокихъ мѣстъ дороги мы дѣйствительно начинаемъ различать зеленыя чащи и ярко освѣщенные домики такъ давно манившаго насъ библейскаго города. Но иллюзіи горной перспективы намъ уже слишкомъ знакомы, и мы хорошо понимаемъ, что еще не скоро придется доползти до этой желанной цѣли...

Спускъ, однако, замѣчается слишкомъ явственно... Дорога то-и-дѣло обращается въ настоящую лѣстницу, вырубленную въ бѣлыхъ известнякахъ, и лошади принуждены осторожно переступать съ ступени на ступень... Эта съ непривычки мучительная для насъ тропа считается здѣсь отмѣнною дорогою, которую всѣ заранѣе намъ расхваливаютъ, какъ особенно удобную и покойную. Ее недавно только привели въ такой *исправный* видъ щедротами какой-то богатой русской дамы и теперь просто не нахвастаются ею!

Слѣва отъ насъ вдругъ распахнулась глубокая, какъ намъ показалось, бездонная черная пропасть. Она разрастается все шире по мѣрѣ нашего спуска, а отвѣсныя словно ножемъ обрѣзанныя скалы поднимаются все круче. Это суровое ущелье Вади-ель-Кельтъ, когда-то прославленное лаврами и киновіями Сирійскихъ отшельниковъ. Къ Іерихону вообще провалы и разсѣлины учащаются въ угрожающей прогрессіи... То-и-дѣло они зіяютъ направо и налѣво отъ насъ своими черными зловѣщими воронками... Какая-то незримая и непобѣдимая сила всасываетъ назадъ въ темное нутро земли эти выпершія вверхъ скалы, эту раскаленную солнцемъ почву, и вы словно заранѣе предо-

щущаете, еще только спускаясь къ библейскому «хору», то колоссальное поглощенье разсѣвшеюся утробою земною цѣлой страны съ людьми и городами, которое ждетъ васъ тамъ внизу, залитое мертвыми водами проклятаго Богомъ моря.

Мы ѣдемъ и ѣдемъ, сады Іерихона все мелькаютъ у нашихъ ногъ, а сзади уже все угрожающее темнѣетъ, синѣетъ, и насъ очевидно охватываетъ со всѣхъ сторонъ рѣзко и быстро наступающая южная ночь. Прескверно въ такую темь пересчитывать дьявольскія ступеньки этой «превосходной» дороги, въ нѣмомъ сосѣдствѣ съ черными безднами. Мы нетерпѣливо пристаемъ къ Якубу, и Якубъ, все умѣющій и все знающій, словно самъ считаетъ себя не на шутку виноватымъ въ томъ, что Іерихонъ никакъ не хочетъ приблизиться къ намъ.

Хотя и въ темнотѣ, мы начинаемъ однако понимать, что съѣхали въ равнину. Отрадная сырость освѣжаетъ лицо; подковы лошадей шуршатъ голышами ручья, черезъ ложе котораго мы проѣзжаемъ. Силуэты разбросанныхъ кустовъ и деревьевъ чернѣютъ кругомъ... Кваканье лягушекъ звонко раздается въ ночной тишинѣ.

Вотъ бѣглыми звѣздочками замелькали и огоньки. Наконецъ-то кончилась эта нескончаемая каменная пытка. Мы проѣзжаемъ мимо грандіозныхъ арокъ разрушеннаго водопровода и попадаемъ въ неразличимую путаницу бедуинскихъ шатровъ, кустовъ и деревьевъ, среди которыхъ извиваемся какъ лодка между подводными камнями... Черные силуэты безобразныхъ арабскихъ старухъ и кишащей арабской дѣтворы вырѣзаются какъ фигуры дьяволовъ на своемъ пеклѣ, на огненномъ фонѣ распахнутыхъ шатровъ и разведенныхъ костровъ... Визгъ и крикъ кругомъ. Совсѣмъ-таки знакомый таборъ нашихъ «плащеватыхъ» цыганъ. Недаромъ наши простолюдины-богомольцы самымъ искреннимъ образомъ почитаютъ здѣшнихъ арабовъ за «палестинскихъ цыганъ».

— Только эти *побѣдовые* будутъ нашихъ, разбойники... Съ

того и прозываются «*бѣдувины*», серьезно объяснялъ мнѣ какъ-то въ Іерусалимѣ калужскій мужичекъ.

Каменный бѣлый домъ «русскихъ построекъ» высится громаднымъ, надъ всѣмъ владычествующимъ замкомъ среди жалкихъ землянокъ арабской деревушки. Онъ внушаетъ къ себѣ великое благоговѣніе бедуиновъ, не видавшихъ ничего подобнаго въ своей дикой пустыни, и великую зависть нашихъ одновѣрцевъ грековъ, которые съ ревнивою досадою смотрятъ на всякое утвержденіе въ Палестинѣ подлинной русской силы.

За то мы съ женой съ чувствомъ гордости поднимались по высокой каменной лѣстницѣ въ «свои» постройки, въ родной русскій пріютъ, замѣнившій собою въ библейскомъ Іерихонѣ—дворцы Ирода.

Нельзя не поблагодарить отъ души энергичныхъ радѣтелей русскаго вліянія въ Палестинѣ, съумѣвшихъ основать въ этомъ гнѣздѣ бедуинскихъ разбоевъ — своего рода безопасную цитадель для безчисленныхъ русскихъ богомольцевъ и первый этапъ православія въ этой дикой пустынѣ. Даже предпріимчивые католики и англичане ничего не успѣли пока устроить въ этой жалкой деревушкѣ Рихи, нищенской наслѣдницѣ былыхъ славы и роскоши Іерихона.

Высокія просторныя залы русскаго дома, его чистыя прохладныя спальни и тѣнистыя галлереи, привѣтливое гостепріимство русской старушки, завѣдующей хозяйствомъ, все какъ-то особенно хорошо подѣйствовало на насъ.

А когда на опрятно-постланномъ столѣ засверкалъ и запыпѣлъ подбоченившійся въ боки знакомый тульскій самоваръ, съ неизбѣжнымъ чайнымъ приборомъ, и мы, разломанные ѣздой, наглотавшіеся пыли, насквозь прохваченные зноемъ и потомъ, — потянули въ себя возрождающую ароматическую струю, то и я самъ вдругъ почувствовалъ себя также ухарски подбоченившимся на всю окружавшую меня бедуинскую нечисть, какъ мой родной баташевскій самоваръ; къ сердцу моему вдругъ прилило какое-то дѣтское чувство жизненной радости, сладкое

и гордое сознаніе, что мы вырвались изъ мертвыхъ объятій пустыни, миновали всѣ опасности, что мы теперь «у себя, дома», и что уже здѣсь насъ не достанетъ никакая пустыня, никакой полосатый бедуинъ...

XVII.—Мертвое море.

Ночной выѣздъ.—Іерихонская пустыня.—Монастырь св. Герасима.—Мертвое море при восходѣ солнца.—Разсѣлина Эль-Гхоръ.—Изслѣдованія американца Линча.—Свидѣтельство Библіи.—Купанье въ асфальтовомъ морѣ.

Отлично разоспались мы на покойныхъ кроватяхъ подъ бѣлыми занавѣсками, а дѣлать нечего, приходится вскакивать ни свѣтъ, ни заря.

Неумолимый Якубъ стучитъ и ворчитъ за дверью. Жара Іорданской долины нестерпима, и намъ предстоитъ длинный путь, такъ что необходимо выѣхать рано до солнца. А мнѣ, балованному барчуку крѣпостныхъ временъ, искренно кажется теперь, что никакой Іорданъ, никакое Мертвое море не стоютъ получаса сладкаго сна, изъ котораго такъ некстати и такъ насильно насъ вырываютъ...

Полусонный, почти не размыкая глазъ и искренно возмущенный въ глубинѣ своей души на жестокость людей, не дающимъ человѣку выспаться честнымъ манеромъ, я все-таки торопливо одѣвался, чтобы не задержать отъѣздъ, и доказать негодяямъ арабамъ и негодяю нѣмцу, что нашъ братъ русскій нигдѣ и ни отъ кого не отстанетъ.

Моя неутомимая и точная, какъ солнце, супруга уже ждала меня, совсѣмъ готовая, и мы, не пивши чаю, проглотивъ только на ходу по чашкѣ горячаго арабскаго кофе, «всѣли на борзыхъ коней», пообѣщавъ хозяйкѣ вернуться къ вечеру и заказавъ ей что только могли повкуснѣе и побольше. Вьюки свои

мы тоже оставили здѣсь. Наши спѣшные и, какъ мнѣ казалось, изумительно-быстрые сборы показались однако не дозволительно-долгими нашимъ арабскимъ проводникамъ, которые горячились и сердито ворчали, увѣряя Якуба, что мы теперь ни вѣсть какъ запоздали...

Я глянулъ на небо—черно какъ гробовый пологъ. Глянулъ кругомъ—ничего не видно, словно въ чернильницу окунулся. Ночь глубочайшая, самая чистѣйшая ночь, а имъ, нехристямъ, и это еще кажется поздно. Мы пробираемся опять сквозь неясные силуэты безпорядочнаго кочеваго табора, теперь совсѣмъ безмолвнаго и темнаго, рискуя раздавить копытами повсюду спящихъ людей и собакъ. Собаки цѣлыми стаями остервенѣло преслѣдуютъ насъ. Песокъ и голыши то-и-дѣло хрустятъ подъ ногами... Долго мы ничего не видали и ѣхали, какъ казалось мнѣ, зря... Но здѣшняя ночь также быстро наступаетъ, какъ и уходитъ. Глядимъ—уже все бѣло, все видно. Безотрадная пустыня направо и налѣво, назадъ и впередъ. Сзади надвигаются утесистыя горы Іудеи, провалы которыхъ мы только-что мѣряли вчера; спереди хмурятся гораздо болѣе далекія Моавитскія горы Библіи...

Тамъ, на той сторонѣ моря, на той сторонѣ Іорданской долины,—уже Аравія, земля древнихъ моавитянъ, амонитянъ и амореевъ, черезъ которыхъ приходилось пробиваться мечемъ маленькому кочующему народу Моисееву, чтобы добиться наконецъ до Іордана, Іерихона и Страны Обѣтованной.

Вездѣ, куда не посмотришь, пустыня! Пустыня горъ сзади и спереди, пустыня у ногъ твоихъ, пустыня моря стелется тамъ дальше, пустыня неба, еще блѣднаго, но уже безоблачнаго,—надъ твоей головой!..

Море видишь давно, но безъ солнца оно не манитъ, не радуетъ. Оно бѣлѣется издали какимъ-то тусклымъ жестянымъ отблескомъ, точно и вправду не живое, а мертвое.

Солнца еще нѣтъ, а уже жарко, уже хочется пить, хочется броситься въ воду. Всю ночь жара стояла такая, что

пришлось спать раздѣтому. Эта долина, загороженная двумя хребтами горъ — чистая теплица. Въ ней безъ труда могутъ расти нѣжныя деревья Индіи и Южной Аравіи, въ ней всегда на нѣсколько градусовъ теплѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Но въ ней не столько тепло, сколько душно.

Тутъ неоткуда взяться никакому току воздуха, никакому вѣтерку... А взглянешь кругомъ, просто ѣдешь по дну кратера —глубокій провалъ долины, на 1,300 фут. ниже уровня моря, кажется еще безконечно глубже отъ поднявшихся надъ нею высокихъ горъ. Почва растрескалась во всѣхъ направленіяхъ, словно отъ съѣдающаго ее внутренняго жара... Известково-песчаные тупые холмы, которыми усѣяна равнина, кажутся безчисленными потухшими сопками, а земля между ними словно провалилась на половину, и вотъ-вотъ готова провалиться еще дальше.

Какъ-то не вѣрится въ эту зыбкую, на каждомъ шагу разсѣдающуюся, каждую минуту готовую измѣнить вамъ, почву...

Нетолько ни одного дерева, ни одной хижинки,—даже бедуина ни одного—ни вблизи, ни вдали...

Море кажется—рукой подать; сейчасъ будешь около него, сейчасъ сбросишь потныя одежды съ своего разгоряченнаго тѣла и погрузишься въ его освѣжающую влагу.

Но это одна досадная иллюзія, коварная насмѣшка могучей безконечной пустыни надъ легкомысленною близорукостью жалкаго ока человѣческаго. До моря еще десять верстъ и оно еще долго промучаетъ тебя пыткою Тантала.

Якубъ сообщилъ намъ новость, что итальянцы, съ которыми мы ѣхали изъ Яффы, тоже ночевали въ Іерихонѣ; но они разбили себѣ шатры у источника св. Елисея, не заѣзжая въ самую деревушку Риху, гдѣ у католиковъ нѣтъ удобнаго пріюта. Мы, наивные и недогадливые русскіе, безхитростно заѣзжаемъ во всѣ латинскіе монастыри Палестины, принося имъ свои гроши наравнѣ со всякимъ греческимъ монастыремъ или русскимъ пріютомъ, а они всѣ такъ отлично вымуштрованы своими абба-

тами, что лучше соглашаются ночевать подъ открытымъ небомъ, чтобы только не пользоваться гостепріимствомъ православныхъ.

Арабы наши уже успѣли повидаться съ проводниками итальянцевъ и увѣряютъ, что они скоро должны нагнать насъ, такъ какъ имъ давно уже осѣдлали коней и кони ихъ гораздо бойчѣе нашихъ.

Эта новость вноситъ нѣкоторое оживленіе, и всѣ мы поминутно оглядываемся назадъ, ожидая увидѣть итальянскую кавалькаду...

Но нигдѣ по прежнему ничего... Только норки какихъ-то невѣдомыхъ звѣрковъ все чаще попадаются подъ ногами, да на сверкающемъ фонѣ моря начинаетъ все яснѣе вырѣзаться массивное каменное зданіе обители св. Герасима. Этотъ древній монастырь, недавно еще разрушенный и запустѣвшій, опять возобновленъ въ послѣдніе годы. Его стѣны устояли въ теченіе вѣковъ противъ варварской руки, и въ его развалинахъ не переставали искать молитвеннаго пріюта то тотъ, то другой безстрашный отшельникъ. Теперь этотъ монастырекъ служитъ приходскимъ храмомъ для деревни Рихи, былаго Іерихона. Когда-то на мѣстѣ этой одинокой церкви стояла цѣлая лавра св. Герасима, прославленная въ житіяхъ святыхъ угодниковъ.

Болѣе подходящаго мѣста для истиннаго пустынножительства, для жизни труда, лишеній и скорбнаго покаянія, трудно выбрать даже и въ унылыхъ уголкахъ Палестины... Проклятое море у ногъ, проклятая пустыня кругомъ и больше никого и ничего... Даже шакаламъ и гіенамъ тутъ не зачѣмъ рыскать. Даже бедуинамъ, которые пожаднѣе шакала, тутъ мало чѣмъ поживиться. Впрочемъ, обитель св. Герасима устроена блокгаузомъ своего рода, съ высоко-поднятыми узкими окнами, съ крѣпкими стѣнами.

Очевидно она разсчитываетъ на сосѣдство бедуиновъ. За монастыремъ св. Герасима почва долины вдругъ рѣзко понижается, словно дѣлаетъ послѣднюю ступень къ водамъ моря.

Мы ѣдемъ теперь по сыроватой глинистой низинѣ, насквозь пропитанной морскимъ разсоломъ; ее перерѣзаютъ во всѣхъ направленіяхъ рытвины и русла зимнихъ потоковъ, сбѣгающихъ въ море; теперь они безводны, но за то въ нихъ густыми чащами засѣли камыши, перепутанная поросль тамарикса и мелкаго ивняка, въ которыхъ гнѣздятся выдры, кабаны и разные звѣри.

Солнце только-что выходило изъ-за горъ Моавитскихъ и безмолвная пустыня торжественно сіяла въ его молодыхъ огняхъ, когда мы наконецъ подъѣхали къ Мертвому морю.

Оно лежало теперь у нашихъ ногъ, сливаясь вдали съ горизонтами неба, громадною чашею чудной синевы, широко раздвинувъ собою во всѣ стороны, будто какія-нибудь распахнутыя настежъ титаническія ворота въ подземное царство, суровыя стѣны горныхъ хребтовъ—направо Іудейскаго, налѣво Моавитскаго.

Но въ этой чарующей голубизнѣ его неподвижной поверхности безъ струи и волнъ чувствовалась какая-то тяжесть налитаго въ гигантскій котелъ расплавленнаго чугуна. И котелъ дѣйствительно гигантскій!

Отъ скалистой подошвы одного хребта до отвѣсныхъ утесовъ другаго разомъ проваливается онъ на многосаженную глубину, не оставляя, кажется, ни вершка между каменными стѣнами и моремъ...

Ни птицы, ни лодки, ни бѣлаго паруса—на всемъ громадномъ охватѣ этого чугуннаго моря...

Какъ-то жутко видѣть съ непривычки такую мертвенную пустынность водъ, этого всегдашняго источника движенія и жизни.

Вода Мертваго моря до того насыщена асфальтомъ и солями, что дѣйствительно безплодна какъ чугунъ. Въ ней не можетъ жить ни рыба, ни раковина, ни даже микроскопическая инфузорія. Въ ней нѣтъ даже водяныхъ растеній.

Рыбы Іордана, попадающія въ нее, тотчасъ же дохнутъ и выбрасываются на берегъ.

Это море буквально мертвое не по одной только наружной обстановкѣ своихъ безплодныхъ и безлюдныхъ береговъ, но и въ тайныхъ глубинахъ своей утробы.

Море, скрывающее въ себѣ смерть, а не жизнь, и покрывшее собою смерть, по грандіозному сказанію Библіи...

Въ разъѣдающемъ огнѣ его горько-соленой влаги, не утоляющей, а возбуждающей мучительную жажду, въ его смолистомъ запахѣ, словно отражается черезъ цѣлое тысячелѣтіе воспоминаніе о томъ огнѣ подземномъ, который когда-то поглотилъ нечестивую страну Содома.

Страшная содомская катастрофа, съ такою художественною правдою нарисованная на страницахъ книги Бытія, конечно, не пустая дѣтская сказка, какъ увѣряли насъ когда-то близорукіе мудрецы, все давно знающіе и ни передъ чѣмъ никогда незадумывающіеся.

И географическія данныя, и изслѣдованія геологовъ, и свидѣтельство исторіи—все одинаково подтверждаетъ правдивость библейскаго лѣтописца.

Глубокая и узкая трещина въ нѣсколько сотъ верстъ длины, называемая арабами «Эль-Гхоръ», т.-е. провалъ, впадина, тянется отъ самыхъ горъ Ливанскихъ до теряющагося въ пескахъ Аравіи Моавитскаго Сигора, словно ножемъ разрѣзая Палестину прямо съ сѣвера на югъ, отдѣляя направо Галилею, Самарію и Іудею, налѣво Перею.

По этой колоссальной разсѣлинѣ коры земной обильныя воды Іордана, наполнивъ по пути просторные бассейны озера Мерома и Тиверіадскаго моря, бурно сбѣгаютъ черезъ пороги и водопады въ громадную чашу Мертваго моря, гдѣ какъ въ бочкѣ Данаидъ, цѣлыя тысячелѣтія безплодно накопляются они, словно проваливаясь сквозь землю, не увеличивая собою ни на одну каплю запаса водъ, не въ силахъ будучи ни на одну іоту

разбавить своими сладкими струями густой горько-смолистый разсолъ проклятаго Богомъ моря.

А между тѣмъ по вычисленіямъ ученыхъ, ежедневно вливаетъ Іорданъ въ это море смерти по 360 милліоновъ пудовъ своей живой воды!

Вѣчная жара, стоящая въ этой глубокой каменной банѣ, спертой со всѣхъ сторонъ хребтами горъ, непропускающей дуновеніе воздуха ни отъ прохладнаго Средиземнаго моря, ни отъ сѣверныхъ азіятскихъ степей, и открытой только горячему дыханію сосѣднихъ аравійскихъ песковъ, вызываетъ такое необычайное испареніе изъ громадной соленой ванны, составляющей дно этой бани, что, не смотря на постоянный обильный приходъ сладкой воды, густота и соленость Мертваго моря нисколько не измѣняются.

Отъ этого-то Мертвое море такъ часто окутывается туманами при полномъ отсутствіи болотъ, оттого-то такъ убійственны для человѣка и звѣря считаются его испаренія...

На земномъ шарѣ нѣтъ другого мѣста, болѣе своеобразнаго, болѣе проникнутаго характеромъ своего подземно-огненнаго происхожденія.

Недаромъ это древнее «Асфальтовое море» опустилось до глубины 1318 футовъ ниже поверхности океана, въ ближайшее сосѣдство къ ядру огненному. Кто знаетъ, не вліяетъ-ли еще это сосѣдство, эта небывалая глубина провала земнаго, на тотъ нестерпимый жаръ, который царитъ въ окрестностяхъ Мертваго моря, и который издревле позволилъ разводить въ Іерихонѣ самыя нѣжныя аравійскія и индійскія растенія, невѣдомыя остальной Палестинѣ?

Дно этого моря смерти—горная смола, перемѣшанная съ солью, которая могла выплеснуться изъ глубочайшихъ нѣдръ земли только во время какого-нибудь страшнаго геологическаго переворота. Почва береговъ его—опять соль и асфальтъ, кое-гдѣ даже съ примѣсью сѣры... А проѣзжайте по окрестнымъ горамъ, какъ только-что проѣхали мы,—вездѣ ужасающія рас-

трескиванія и разсѣданія скалъ, вездѣ неудержимое стремленіе провалиться въ преисподнюю, и чѣмъ ближе къ соленому морю, тѣмъ больше и поразительнѣе... Не только геологъ, самый невнимательный путешественникъ сразу почувствуетъ, глядя на эти зіяющія кругомъ него бездонныя воронки и черныя разсѣлины, что онъ спускается къ какому-то центральному очагу подземно-огненной силы, въ жерло какого-то незримаго вулкана, хотя и залитаго теперь смолянымъ озеромъ.

Американскій капитанъ Линчъ, разслѣдовавшій подробнѣе всѣхъ Мертвое море, разсказываетъ въ своемъ «Narrative of the United states expedition to the river Iordan and the Dead-Sea», что ему не разъ удавалось видѣть въ темныя ночи фосфорическое свѣченіе Мертваго моря.

«Поверхность озера была совершенно покрыта фосфорическою пѣною, и волны, ударяясь о берега, разливали могильный свѣтъ на засохшіе кустарники и на осколки скалъ, тамъ и здѣсь разбросанные по берегамъ», говоритъ Линчъ.

Такимъ образомъ мертвая вода, порожденная огнемъ подземнымъ, какъ бы сохранила въ себѣ свои огненныя свойства, она жжетъ, а не освѣжаетъ, какъ обыкновенная живая вода нашихъ ключей; она горитъ, будто породившій ее адъ кромѣшный, своимъ жупеломъ...

Библейская лѣтопись, самый точный изъ всѣхъ историческихъ документовъ древности, точный и правдивый до того, что съ Библіей въ рукахъ можно еще теперь путешествовать по Палестинѣ, лѣтопись эта очевидно хорошо знала страну Мертваго моря еще до катастрофы, поглотившей Содомъ, когда эта страна еще цвѣла плодородіемъ.

«Лотъ возвелъ очи свои и увидѣлъ всю окрестность Іорданскую, что она прежде, нежели истребилъ Господь Содомъ и Гоморру, *вся до Сигора орошалась водою какъ садъ Господень, какъ земля Египетская*», повѣствуетъ книга Бытія. Она-же сообщаетъ въ другомъ мѣстѣ драгоцѣнныя геологическія данныя, подтверждающія вулканическій характеръ страны и отчасти

объясняющія естественную причину катастрофы, поглотившей потомъ долину Сиддимъ съ городами: Содомомъ, Гоморрою, Адамомъ и Севоимомъ.

«Всѣ сіи (цари) соединились въ долинѣ Сиддимъ, гдѣ нынѣ Соленое море».

«Въ долинѣ-же Сиддимъ было много смоляныхъ ямъ. И цари Содома и Гоморра, обратившіеся въ бѣгство, *упали въ нихъ*», объясняетъ священная лѣтопись побѣду Авраама.

Ясно, что говорится о какихъ-нибудь глубокихъ асфальтовыхъ источникахъ, выбивавшихся изъ земли, которыми была настолько часто пробуравлена вулканическая почва этой плодородной долины, что даже мѣстные жители подвергались опасности попасть въ нихъ, въ любую темную ночь.

Много ученыхъ путешественниковъ изслѣдовало Мертвое море и Іорданскую долину. Большинство изъ нихъ заплатили своею жизнею за научную пытливость, схватывая изнурительную лихорадку на непріютныхъ берегахъ этого всеубивающаго моря смерти, къ которому не смѣетъ приблизиться ни звѣрь, ни птица, ни рыба.

Американцы, народъ рѣшительныхъ и грандіозныхъ предпріятій, устроили въ 1848 году самый рѣшительный и грандіозный опытъ изслѣдованія Мертваго моря. Они построили нарочно для этой цѣли маленькіе кораблики, обшитые мѣдью и гальваническимъ желѣзомъ, чтобы спасти ихъ отъ разъѣдающихъ солей асфальтоваго моря, и послали съ ними цѣлую экспедицію, снабженную всякими инструментами и запасами, подъ начальствомъ смѣлаго капитана Линча.

Линчъ переправилъ кораблики на заранѣе устроенныхъ громадныхъ дрогахъ, запряженныхъ верблюдами, изъ Акрскаго порта черезъ Назаретъ въ Тиверіадское озеро, по скернымъ горнымъ дорогамъ, на которыхъ ему приходилось взрывать скалы и засыпать рытвины, чтобы протащить свою чудовищную поклажу.

Со временъ Іосифа Флавія и римскихъ игемоновъ не ви-

дали воды галиллейскаго моря ни одного судна кромѣ рыбацкихъ лодокъ своихъ. Корабли наконецъ торжественно спущены, и удалый американецъ, осмотрѣвъ берега Генисаретскаго озера, двинулся внизъ по Іордану, ежеминутно наталкиваясь на пороги, водопады и камни, провожаемый по берегамъ испугомъ и изумленіемъ встревоженныхъ бедуиновъ. Цѣлую недѣлю спускались они внизъ по стремнинамъ Іордана, пока наконецъ не достигнули того историческаго брода Бетъ-Ѳавары, у котораго обыкновенно собираются поклонники. На Мертвомъ морѣ онъ прожилъ три недѣли и избороздилъ вдоль и поперекъ всѣ уголки его, производя самыя разнообразныя научныя изслѣдованія. Самъ Линчъ счастливо избѣгнулъ участи своихъ предшественниковъ Молине и Костигана, только-что передъ нимъ похищенныхъ смертью, но онъ все-таки долженъ былъ принести кровавую жертву злымъ демонамъ этого моря-могилы; товарищъ его, лейтенандъ Даль, заболѣлъ неизбѣжной изнурительной лихорадкой и скончался на горахъ Ливана.

Въ общихъ выводахъ своихъ экспедиція Линча вполнѣ подтверждаетъ правдоподобность библейскихъ сказаній объ огненной катастрофѣ, пожравшей долину Сиддимъ. Линчъ добрался до самой отдаленной юго-западной пазухи Мертваго моря, къ тому мѣсту, гдѣ, по преданью, стоялъ нечестивый Содомъ.

Магометанскіе арабы Мертваго моря, прямые наслѣдники древнихъ жителей Сиддима, вѣруютъ и въ гибель Содома, и во все это трагическое сказаніе Библіи такъ-же твердо, какъ палестинскіе христіане и евреи.

Исторія Лота цѣликомъ разсказана въ коранѣ Магомета, а Мертвое море на языкѣ арабовъ до сихъ поръ называется «Моремъ Лота»—«Бахръ-Лутъ».

Въ недоступной глуши Усдумскаго берега арабы показывали Линчу соляной столпъ странныхъ очертаній, который они искренно почитаютъ за окаменѣвшую жену Лота, не стѣснясь сорока-футовой высотой этой соляной статуи.

Животворящее утреннее солнце одѣло чудными красками жизни даже и эту громадную водную могилу.

Мы невольно пристыли очарованными глазами къ пустынной красотѣ, которая никогда не бываетъ такъ выразительна и такъ своеобразна, какъ именно въ минуты солнечнаго восхода.

Надъ сплошною неподвижною скатертью нѣжной окраски, горѣли въ нѣжно-розовыхъ огняхъ, освѣщенныя въ упоръ лучами восходящаго солнца, голыя угловатыя скалы іудейскихъ горъ, а напротивъ нихъ, на половину еще окутанныя снизу сине-багровыми туманами ночи, выплывали въ свѣтлую лазурь южнаго неба насквозь простуѣвшія золотомъ вершины горъ Моавитскихъ, словно воплощенная золотая грёза фантастическаго сновидѣнія.

Солнце расточаетъ свое золото съ роскошью и щедростью настоящаго олимпійскаго бога. Оно залило теперь этимъ расплавленнымъ золотомъ весь горизонтъ, гдѣ море сошлось съ небомъ, и слило обѣ эти неохватныя голубыя пустыни въ одно сплошное и сверкающее огненное зарево, на которое уже не въ силахъ смотрѣть человѣческій глазъ. Оно разбросало и разбрызгало, какъ капризный художникъ краски своей палитры, эти жгучіе ослѣпительные огоньки свои и по всей широкой поверхности моря, вездѣ, гдѣ они могли зацѣпиться за какую-нибудь легкую струйку, за какую-нибудь чуть взволнованную складочку этого прозрачнаго гнущагося зеркала...

Даже грубые арабы, даже болтливый легкомысленный Якубъ, никогда ничему ни удивляющійся, и тѣ стоятъ нѣмые и неподвижные, созерцая эту неожиданную, словно изъ-подъ земли выросшую, красоту, и очевидно, чувствуя исключительную торжественость этой чудной минуты.

Арабы совѣтовали намъ не мѣшкать у моря и спѣшить къ Іордану, такъ какъ бедуины, боящіеся вообще ночи, какъ малыя дѣти, непремѣнно станутъ теперь подтягиваться къ морю. Но

мнѣ непреодолимо хотѣлось выкупаться, и для того, чтобы испытать асфальтоваго моря, по законному праву и обязанности туриста, и для того просто, чтобы сколько-нибудь охладить свое горѣвшее отъ поту тѣло.

Прежде всего нужно было увести нашу даму, а ей очень не нравилось удаляться одной въ пустыню, даже и на 50 саж. Мы, однако, отыскали невдалекѣ небольшую сухую рытвину, въ которую усадили свою амазонку и изъ которой не могло быть видно купающихся.

Берегъ моря усѣянъ палками и корчагами, выкинутыми моремъ; море вообще ничего не терпитъ въ своей утробѣ и сейчасъ-же выбрасываетъ вонъ. Этими дровами пользуются бедуины, чтобы разводить свои костры на берегу моря. Мы воспользовались ими какъ скамьями, чтобы не пачкаться въ солонцоватую глину. Охотниковъ купаться, впрочемъ, не выискалось никого, кромѣ меня. Всѣ остальные усердно принялись за ѣду и питье, позабывъ и восходъ солнца, и нечестивый Содомъ.

Когда я очутился въ морѣ, мнѣ показалось, что я попалъ не въ воду, а въ какую-нибудь ртутную ванну. Меня словно руками выпирало вверхъ и при малѣйшей попыткѣ плавать задирало ноги выше воды; почти все время приходилось лежать на поверхности, едва только погруженному въ нее. Даже неумѣющій плавать тутъ поплыветъ безъ труда. А утонуть, я увѣренъ, невозможно, развѣ уже навяжешь камень на шею потяжелѣе. Исторія дѣйствительно разсказываетъ, будто, по повелѣнію римскаго императора Адріана, преступниковъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, бросали въ Мертвое море, и они плавали на его поверхности, какъ куски пробки. Я все-таки порядочно поплавалъ, съ большимъ усиліемъ удерживаясь ногами подъ водою. Но не могъ, однако, не отвѣдать противъ своей воли отвратительнаго горько-солено-масленистаго слабительнаго, съ которымъ не сравняется никакая англійская или Глауберова соль. Когда я вышелъ изъ воды и наскоро обтерся, я почувствовалъ на всей своей кожѣ самое странное ощущеніе. Мнѣ

казалось, что я только-что вылѣзъ изъ банки съ густымъ сахарнымъ сиропомъ, такъ липко и склизко было все мое тѣло, такъ стягивало его и шекотало какимъ-то непріятнымъ зудомъ словно отъ высыхающей на мнѣ патоки. На мои жалобы арабы, весело оскаливъ зубы, объявили черезъ Якуба, что необходимо выкупаться въ Святой рѣкѣ, т. е. въ Іорданѣ, и тогда все какъ рукой сниметъ.

— Ты не бойся моря,—утѣшалъ меня опытный «турецкій жандаръ».—Тутъ вода здоровая, этой водой только живъ арабъ, она отъ всѣхъ болѣзней лѣчитъ, отъ чесотки, отъ сыпей всякихъ, отъ пьянства. Только три капли въ день пить, и самый большой пьяница навсегда перестанетъ пить!— увѣрялъ онъ меня.

Въ виду такой чудесной цѣлительной силы асфальтовой воды, я приказалъ Якубу набрать намъ двѣ бутылки, чтобы отвезти въ родимую Русь, гдѣ она, конечно, пригодится гораздо скорѣе, чѣмъ у тощихъ постниковъ-арабовъ, понятія не имѣющихъ о настоящемъ россійскомъ пьяницѣ и настоящей россійской сивухѣ.

VXIII.—Купель Іорданская.

Зимнее и лѣтнее ложе Іордана.—Рѣка чудесъ.—Историческій бродъ Ветъ-Фавара.—Водокрещеніе Іорданское въ древности и теперь.—Бедуины у Іордана.—Купанье въ святой рѣкѣ.—Значеніе воды на востокѣ.—Скитъ Іоанна Предтечи.—Погоня за коровой.—Тель-Дельджуль, Галгалъ Библіи.

Вотъ мы опять на сѣдлѣ, опять терпѣливо топчемъ копытами усталыхъ коней безотрадную пустыню Содомскую...

Вдали, на той самой песчаной равнинѣ, по которой мы только-что пробирались къ Мертвому морю, вдругъ замелькали, словно веселые яркіе цвѣтки среди прискучившагося однообразія желтыхъ полей,—разноцвѣтныя одежды быстро двигав-

шихся всадниковъ. Это были наши итальянцы: они порядкомъ припоздали и теперь, повидимому, торопили своихъ коней...

Іорданъ открылся намъ скоро съ высоты пологаго бугра, въ глубокой и узкой низинѣ...

Густая зелень деревьевъ до-верху заполнила тѣсную разсѣлину его извилистаго русла и сквозь эту чащу издали совсѣмъ не видно самое теченіе Іордана.

Онъ вьется зеленою змѣею между пустынныхъ холмовъ своего берега, далеко направо и налѣво, куда только хватаетъ глазъ; желтые безплодные бугры то-и-дѣло заслоняютъ его, словно заставляютъ его проваливаться сквозь землю и только въ промежуткахъ ихъ онъ зеленѣетъ курчавыми шапками своихъ деревьевъ, будто опять вынырнувъ изъ утробы земной...

Всякая жизнь, вода, растенье, животное—поневолѣ прячется и притаивается въ своихъ глубокихъ норахъ, здѣсь, среди мертвящихъ объятій отовсюду надвинувшей горячей пустыни.

Шакалы, газели и кабаны населяютъ эту прибрежную поросль Іордана, куда къ нимъ нерѣдко еще заглядываетъ изъ дебрей и грозный барсъ.

Левъ, царь пустыни, не держится такъ близко отъ человѣка и теперь уже отодвинулъ предѣлы своихъ царственныхъ охотъ за Іорданскіе берега, въ безлюдныя степи Аравіи.

Здѣсь, въ Іорданскихъ чащахъ, онъ гнѣздился во множествѣ не только во времена Давида, Иліи или Іереміи, но даже и въ средніе вѣка.

Христіанскіе отшельники палестинскихъ дебрей еще встрѣчали его, какъ своего обычнаго хозяина, и въ житіяхъ этихъ подвижниковъ пустыни левъ всегда играетъ какую-нибудь роль...

Св. Савва выгоняетъ льва изъ пещеры, въ которой устраиваетъ свою келью. Св. Зосимѣ левъ копаетъ могилу для погребенія обрѣтеннаго имъ тѣла Маріи Египетской...

Іорданъ имѣетъ собственно два ложа: одно—широкое каме-

нистое, полное валуновъ и рытвинъ, ложе его бурнаго зимняго разлива, другое—въ серединѣ и въ глубинѣ перваго, обычное лѣтнее русло его, полное зелени и влаги, которымъ мы теперь любуемся... Іорданъ уже успѣлъ вобрать свои воды въ это скромное нижнее русло, и мы спускаемся теперь къ нему, такъ сказать, по двумъ порогамъ...

Теперь уже видна намъ не одна зеленая долина его, но и его серебромъ сверкающія быстрыя струи...

«Лукаво же вельми и быстро тече», выражался о Іорданѣ своимъ наивнымъ языкомъ игуменъ Даніилъ, первый паломникъ русскій.

Зеленые берега Іордана и прохлада его влажнаго дыханія то того радостны сердцу путешествѣнника, перебравшагося черезъ сухія знойныя розсыпи пустыни, что безъ труда поймешь почему эта рѣка остается священной для людей въ теченіе тысячелѣтій.

Это оазисъ жизни среди царства смерти. Послѣ безлюдія, безплодія, унылаго однообразія, вдругъ свѣжая тѣнь лѣса, веселое журчаніе струй, движеніе и голоса живой жизни...

Чувство внезапнаго воскресенія въ свой родной и дорогой человѣческій міръ сладкими замираніями охватываетъ душу странника, когда онъ оставляетъ за собою мертвыя пустыни и вступаетъ въ священныя купли рѣки библейской.

Мы подъѣхали какъ разъ къ знаменитому историческому броду Вее-Фегоръ, черезъ который Іисусъ Навинъ перевелъ племена израильскія изъ страны моавитянъ въ землю Ханаанскую.

Это рѣка чудесъ для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Тутъ и небо, и земля, и вода—полны чудесами — свидѣтельствуютъ о нихъ.

Передъ нами, сейчасъ за этими густыми камышами и древесными чащами узенькой Іорданской долины, стелятся опять

такіе же безплодные пустыри, такой же поясъ голыхъ скалистыхъ холмовъ, а за ними такіе же, только еще болѣе высокія, горныя кручи...

Это страна древнихъ моавитянъ, это тѣ историческія горы Фазга и Нево, съ которыхъ Моисей показывалъ народу божьему землю обѣтованную, остановясь на ея роковомъ порогѣ, котораго ему не дано было переступить...

Тамъ, среди этихъ туманныхъ горъ, что неподвижно купаютъ теперь свои вершины въ синемъ зноѣ солнца, поднята къ высямъ небеснымъ никому невѣдомая пустынная могила великаго израильскаго вождя.

«И остановился Израиль на равнинахъ Моава, при Іорданѣ, противъ Іерихона», повѣтствуетъ библейскій лѣтописецъ.

«Взойди на вершину Фазги и взгляни глазами твоими къ морю и къ сѣверу, и къ югу, и къ востоку и посмотри глазами твоими потому, что ты не перейдешь за Іорданъ», объявилъ Господь Моисею.

«И взошелъ Моисей съ равнинъ Моавитскихъ на гору Нево, на вершину Фазги, что противъ Іерихона, и показалъ ему Господь всю землю до самаго Дана.

«И полуденную страну, и равнину долины Іерихона, города пальмъ, до Сигора».

«И умеръ тамъ Моисей, рабъ Господень, въ землѣ Моавитской, по слову Господню, и погребенъ на долинѣ въ землѣ Моавитской, противъ Вее-Фегора, и никто не знаетъ мѣста погребенія его даже до сего дня», съ выразительной простотой и краткостью прибавляетъ лѣтописецъ.

Илія, грозный пророкъ древности, отсюда восхищенъ былъ въ колесницѣ огненной на небо своего Іеговы... Здѣсь пророкъ Елисей, ученикъ и наслѣдникъ славы его, скрывавшійся въ Галгалахъ, мантіею его раздѣлилъ воды Іордана и прошелъ по̀ суху въ землю Моавитскую.

Здѣсь, среди вепрей и львовъ іорданской чащи, постился родоначальникъ христіанскаго пустынножительства Предтеча

Христовъ Іоаннъ; здѣсь громилъ онъ своими грозными обличеніями «порожденія ехидны», и здѣсь же разверзшееся небо свидѣтельствовало людямъ о возлюбленномъ Сынѣ Божіемъ, принявшимъ крещеніе водою и духомъ изъ рукъ Крестителя.

Христосъ совершаетъ свой сорокадневный постъ и подвергается искушеніямъ злаго духа тоже здѣсь, на неприступныхъ обрывахъ горы Сарандарской, у подножія которой разстилается Іорданская долина...

Первые христіане, ревнители и подражатели пустыннаго житія Іоанна Предтечи, стремились къ берегамъ Іордана къ пропастямъ, среди которыхъ скитался и молился Спаситель міра, и основывали въ звѣриныхъ пещерахъ, надъ головокружительными безднами, свои одинокія кельи, монастыри и лавры, процвѣтавшія потомъ цѣлые вѣка, дѣлавшіеся разсадниками и хранителями христіанскаго благочестія.

Аввы, Харитоній, Евфимій, Феодосій, Савва, Зосима, Герасимъ и множество другихъ высокихъ образцовъ иноческой жизни основали свои многолюдныя обители сподвижниковъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Іордана и даже прямо на берегахъ его...

Въ VI вѣкѣ долина Іордана и Мертваго моря съ прилегающими къ нимъ ущельями кишѣла монастырями, скитами, иноками и отшельниками, какъ улей пчелами.

Мы остановились на самой живописной излучинѣ Іордана, которую такъ любятъ выбирать художники для своихъ палестинскихъ пейзажей. Зеленый полукруглый мысъ мягкими очертаніями выступаетъ съ противоположнаго берега, купая свои ивы и олеандры въ тѣнистыхъ струяхъ рѣки... Кучки арабовъ и стада овецъ всегда толпятся на этой пріютной лужайкѣ, неизмѣнномъ мѣстѣ отдыха каравановъ и пастуховъ. Черезъ это она кажется еще живописнѣе, еще характернѣе.

Этой удобной переправы не минуетъ никто, оттого-то бродъ

Вет-Ѳавара, съ глубочайшей давности сосредоточивалъ въ себѣ всякія историческія и священныя событія...

Богомольцы со всѣхъ странъ міра стекаются сюда, вотъ уже какой вѣкъ, чтобы погрузиться въ водѣ Іордана, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ крестился Христосъ, и очистить грѣхи свои святыми струями, обмывавшими когда-то ноги Спасителя...

На праздникъ Богоявленія Господня собираются сюда цѣлые караваны богомольцевъ съ священниками, иконами и хоругвями. Въ прежнее время, когда опасность бедуинскихъ разбоевъ была гораздо больше, самъ паша нерѣдко провожалъ поклонниковъ, во главѣ вооруженнаго отряда, за приличную денежную дань. Да и теперь приходится провожать толпу консуламъ и ихъ кавасамъ.

Множество русскихъ поклонниковъ отправляются на Іорданъ и послѣ Пасхи, передъ возвращеніемъ на родину. Обмыться въ водахъ Іордана считается послѣднимъ, заключительнымъ актомъ палестинскаго паломничества. Многіе одѣваются въ бѣлыя одежды, какъ младенцы во время крещенія. Эти одежды свято сберегаются потомъ для гробоваго савана, чтобы предстать чистыми передъ лицо Божіе. Священники и народъ погружаются въ воду, съ торжественнымъ пѣніемъ «во Іорданѣ крещающуся тебѣ Господи», безчисленные кувшинчики, бутылки и кружки наполняются водою святой рѣки, и всякій радостно спѣшитъ унести на далекую родину свою драгоцѣнную ношу, вмѣстѣ съ вѣтками іорданскихъ ивъ и олеандровъ...

Интересно описаніе іорданскаго водокрещенія, сдѣланное еще въ XII вѣкѣ игуменомъ Даніиломъ: «Видѣхомъ благодать Божію, приходящую на воду Іорданскую, и множество народа безъ числа тогда приходитъ къ водѣ и въ ту нощь бываетъ пѣніе изрядно и свѣщи горятъ безъ числа: въ полунощи-же бываетъ крещеніе водой. Духъ святый сходитъ на воды Іорданскія, достойни-же человѣци видятъ добріи, а вси народы не видятъ, но токмо радость и веселіе всякому человѣку бываетъ. Егда рекутъ: во Іорданѣ крещающуся ти Господи, —

тогда вси людіе вскочатъ въ воду крестящись въ полунощи во Іорданстей рѣкѣ, яко-же Христосъ въ полунощи крестился есть».

Въ древнія времена, при Византійскихъ Императорахъ, берега Іордана на мѣстѣ крещенія Господня были обдѣланы въ мраморныя террасы со ступенями, и посрединѣ рѣки былъ водруженъ большой крестъ. На каменномъ престолѣ, подъ этимъ крестомъ, среди самыхъ струй Іордана происходила божественная служба.

Дикій камень посрединѣ рѣки еще не очень давно служилъ престоломъ для поклонниковъ, но теперь его и слѣда нѣтъ, а о мраморѣ и крестѣ давнымъ давно стерлись даже всякія воспоминанія.

Мы не застали на Іорданѣ шатровъ богомольцевъ. Но стада арабовъ обложили оба берега, и арабскіе пастухи въ своихъ живописныхъ библейскихъ костюмахъ, съ библейскими посохами въ рукахъ, хотя уже не съ библейскими длинными ружьями за плечомъ, отдыхали на зеленыхъ полянахъ подъ сѣнью деревьевъ...

Другіе совсѣмъ голые, какъ мать родила ихъ на свѣтъ, осторожно брели въ бродъ, подгоняя громкими пронзительными криками безшумно переплывавшихъ на ту сторону овецъ.

Всадники, загорѣлые какъ красная мѣдь, въ своихъ развѣвающихся абайяхъ, тоже вооруженные, поили, не слѣзая съ сѣделъ, своихъ потныхъ коней, по брюхо въѣхавъ въ рѣчку. Эти, очевидно, не думали останавливаться здѣсь, и переправлялись черезъ рѣку куда-нибудь дальше, не обращая вниманія на полдневный зной.

Арабы почитаютъ Іорданъ такою-же священною рѣкою, какъ и евреи и христіане, и нерѣдко собираются сюда праздновать свои праздники шумнымъ пиршествомъ по два и по три дня сряду.

Нашъ проводникъ-арабъ не совсѣмъ довѣрчиво и не совсѣмъ покойно оглядывалъ эту слишкомъ уже шумную и слишкомъ

многолюдную толпу своихъ земляковъ и повидимому все еще не рѣшался слѣзать съ коня... Вотъ онъ пошептался что-то съ другимъ своимъ товарищемъ, и оба озабоченно оглянулись на пустыню, кажется, интересуясь узнать, не подъѣзжаютъ ли итальянцы съ своими провожатыми. Мы, конечно тоже не торопились спѣшиваться, выжидая, что сдѣлаютъ наши охранители. Наконецъ провожатый нашъ подъѣхалъ медленнымъ шагомъ къ группѣ пастуховъ и сталъ перебрасываться съ ними какими-то отрывочными рѣчами... Они отвѣчали какъ-то нехотя, не глядя на него, еще болѣе односложными звуками, едва процѣживая ихъ сквозь свои бѣлые зубы...

Еще разъ внимательно оглядѣлъ нашъ арабъ дорогу, по которой мы пріѣхали, и словно съ сожалѣніемъ медленно сталъ слѣзать съ коня, отодвинувшись однако подальше отъ пастуховъ и не отходя ни на шагъ отъ коней.

Вотъ мы и на зеленой травѣ, подъ тѣнью стараго дерева, надъ самымъ обрывомъ Іордана.

Мы забыли объ окружавшихъ насъ бедуинскихъ всадникахъ и бедуинскихъ пастухахъ, и въ своей дѣтской радости, что наконецъ можемъ окунуться въ освѣжающія струи рѣки, въ своемъ торжествѣ паломниковъ, наконецъ узрѣвшихъ собственными очами и осязающихъ собственными перстами священное мѣсто евангельскихъ великихъ событій, безпечно растянули на коврѣ свои утомленные члены, всѣми жилками своими впивая влажную прохладу лѣсной сѣни.

Якубъ торопливо устанавливалъ около насъ обычныя закуски и питія, готовясь тоже поскорѣй растянуться на травѣ.

Но прежде всякой ѣды неудержимо хотѣлось выкупаться. Какъ ни трудно было устроить на такомъ тѣсномъ пространствѣ, не удаляясь на опасное разстояніе отъ нашей стоянки, два купанья, мужское и женское, однако, необходимо было уступить настоянію жены, во что-бы то ни стало желавшей погрузиться въ священныя волны Іордана, и мы ухитрились выбрать ей мѣстечко за кустами, подальше отъ подозрительнаго

сосѣдства пастуховъ, хотя поневолѣ открытое лицезрѣнію бедуиновъ того берега... Но вѣдь бедуина, какъ его верблюда, какъ его коня, въ сущности можно и не считать за кавалера, да и купальный нарядъ европейской дамы такіе кавалеры могутъ искренно счесть за самый гостиный, послѣ широкихъ распашныхъ рубахъ, въ которыхъ ихъ собственныя бронзовыя дамы жнутъ пшеницу на своихъ поляхъ, рядомъ съ своими кавалерами.

Когда я по русскому обычаю прыгнулъ перекрестясь съ крутаго берега въ быстрыя волны Іордана и уже встряхнулъ руками, чтобы въ размашку плыть на ту сторону, проводники арабы пришли въ ужасъ и подняли такой крикъ, что я невольно оглянулся и остановился.

— Туда нельзя, туда нельзя! какъ можно? переводилъ мнѣ —еще болѣе растерявшійся Якубъ. — Туда никто не плаваетъ, вода очень быстра, унесетъ!..

Я смѣялся надъ пугливымъ воображеніемъ арабовъ, такъ плохо цѣнящихъ русскую силу, и увѣрялъ ихъ, что переплыву безъ малѣйшаго труда и опасности, но они такъ гнѣвно и серьезно стояли на своемъ, что поколебали мою рѣшимость и я, скрѣпя сердце, удовольствовался плаваніемъ около своего берега. Я сообразилъ потомъ, что быстрота рѣки была только пустой предлогъ, а что охранители мои, отлично знавшіе обычаи и нравы своего брата-араба, просто-на-просто боялись, чтобы на томъ берегу меня не подхватили и не увлекли въ свои Моавитскія горы, какъ новаго Іосифа, Амалектянскіе купцы, тѣ черномазые всадники въ бѣлыхъ плащахъ, что поили на живописномъ мысу Іордана своихъ взмыленныхъ скакуновъ. Какъ-бы то ни было, а я съ невыразимымъ наслажденіемъ остывалъ въ Іорданскихъ струяхъ, словно горячій утюгъ, погруженный въ холодную воду. Липкая патока асфальтоваго разсола отмылась безъ слѣда, и я выскочилъ изъ воды совсѣмъ новенькій и бодрый.

Я помогъ женѣ выкарабкаться на крутой берегъ, и она еще

не вполнѣ окончила свой дорожный туалетъ, какъ зазвенѣли подковы лошадей, и наши три итальянца въ сопровожденіи трехъ арабовъ разомъ вдругъ появились на полянкѣ берега, гдѣ мы отдыхали...

Пока мы обмѣнивались привѣтствіями и угощали пріѣзжихъ своимъ завтракомъ, арабы ихъ раскидывали имъ комфортабельныя походныя палатки и разстилали по травѣ многочисленные ковры...

Юные потомки римлянъ совершали свое путешествіе съ удобствами и даже нѣкоторою роскошью, подобающее изнѣженному Риму, — но вовсе не подходившею, по моимъ скиѳскимъ вкусамъ, къ палестинскому паломничеству.

Мы порядочно-таки отдохнули въ кущахъ святой рѣки. Овцы и бараны стихли наконецъ подъ вліяніемъ неподвижнаго полдневнаго зноя, и дремали въ мирномъ забытіи, обложивъ собою, какъ осаждающія полчища, оба берега... Бедуинскіе всадники исчезли невѣдомо гдѣ, голоса смолкли, и во всей природѣ словно наступилъ какой-то сладостно-томительный кейфъ... Только мелькавшія у нашихъ ногъ быстрины Іордана, кружась около берега, тихо шуршали его камышами и опущенными въ воду вѣтвями, напѣвая намъ какую-то таинственную убаюкивающую пѣснь...

Разгоняемыя шумной обстановкой, въ которой мы захватили берега Іордана, и не удовлетворенной еще жаждой прохлады и отдыха, всплывали теперь въ успокоившемся сердцѣ, подъ обаяніемъ все охватившей тишины, тихія серьозныя мысли, поэтическія вспоминанія былаго.

Никогда, какъ теперь, послѣ мучительнаго зноя пустыни, нигдѣ какъ здѣсь въ возрождающихъ струяхъ Іордана, не понималъ я того глубокаго и священнаго значенья «омовенья», которое съ ветхозавѣтной древности придается ему жителями горячаго востока.

Я понялъ теперь, не только разумомъ, но и организмомъ, почему вода дѣйствительно *святая вода*, почему люди поклоняются «*святымъ источникамъ*», почему христіане крестятъ въ водѣ въ новую жизнь своихъ младенцевъ, а магометанинъ водою же исполняетъ свои *намазы* и утромъ, и днемъ, и вечеромъ, въ далекомъ пути и среди спѣшныхъ своихъ дѣлъ; почему въ странахъ востока, первый подвигъ благочестія, память котораго увѣковѣчивается мраморными скрижалями, — это вырыть колодезь, устроить фонтанъ для утоленія жажды, для омовенія тѣла странниковъ.

Великіе умы древности, прокладывавшіе черезъ дебри невѣжества и духовной тьмы первыя тропы истины, воздвигавшіе съ трудомъ и борьбою первыя основныя вѣхи по пути будущей гражданственности, вводили здравые обычаи, честныя отношенія, полезныя общественныя мѣры въ безсознательныя массы подъ формою божественныхъ, то-есть, всѣмъ обязательныхъ предписаній. И кто знаетъ людей востока, вѣчно пыльнаго араба Азіи, грязнаго феллаха Египта, потнаго и неподвижнаго турка, тотъ признаетъ, что *намазъ*, ежедневное многократное омовеніе всѣхъ частей тѣла, дѣйствительно долженъ былъ лечь краеугольнымъ камнемъ всякой религіи востока, почему и Магометъ долженъ былъ основать на этомъ древнемъ и повсемѣстномъ священномъ обычаѣ востока свою новую религію. Моисеевъ законъ объ очищеніи существовалъ неизмѣримо ранѣе Магометова намаза, но и онъ, навѣрное, не былъ первымъ. Одно перечисленіе въ Библіи тѣхъ нечистотъ, отъ которыхъ законъ Моисеевъ приказывалъ очищаться и предохраняться еврею, показываетъ, какая нечистоплотность и распущенность привычекъ царствовала въ восточныхъ народахъ того времени, и до какой степени необходимъ былъ подобный законъ.

Отъ Іордана необходимо было заѣхать въ скитъ Іоанна Предтечи, «Деиръ-Маръ-Югана». Этотъ крошечный монасты-

рекъ, только что возобновленный патріархомъ Никодимомъ изъ обширныхъ равнинъ знаменитой древней лавры, стоитъ, такъ сказать, на краю перваго порога Іорданской долины, на томъ рубежѣ, до котораго уже не достигаетъ зимній разливъ рѣки. Поэтому не безъ основанія считается, что онъ стоитъ надъ самымъ Іорданомъ.

Жара стала уже невыносимая, и короткое разстояніе намъ показалось очень длиннымъ.

Скитъ Предтечи смотритъ настоящей крѣпостью, съ зубчатыми стѣнами, съ крѣпкими воротами, съ высоко поднятыми рѣдкими окнами... Недаромъ онъ прозывается у арабовъ «Касръ-ель-Егуди». т. е. «замокъ евреевъ». Вѣроятно въ дни Израиля была тутъ іудейская крѣпостца. Онъ весь обсыпанъ развалинами и осыпями.

И самъ онъ бѣлый какъ мѣлъ, и всё кругомъ бѣло. И куда ни ступишь, отовсюду облака бѣлой известковой пыли. Въ палестинскій полдень эта ослѣпительная бѣлизна и эта бѣлая разъѣдающая глаза пыль простно невыносимы.

Сосѣдніе холмы и обрывы всѣ источены пещерами. Это остатки келій древнихъ отшельниковъ, населявшихъ когда-то пустыню.

Даніилъ игуменъ, ходившій по святымъ мѣстамъ въ XII вѣкѣ, когда Палестиною владѣли короли-крестоносцы, засталъ еще въ Іорданской долинѣ и въ окрестностяхъ Мертваго моря много уцѣлѣвшихъ монастырей; въ обители Ѳеодосія еще сохранялись мощи основателя; при устьѣ Іордана стоялъ большой укрѣпленный монастырь Божіей Матери; по сосѣдству былъ другой монастырь—Іоанна Златоуста, которыхъ теперь мы уже не видѣли и развалинъ. Монастыри святаго Герасима и Іоанна Предтечи тоже были цѣлы во времена Даніила.

Другой изъ старыхъ паломниковъ нашихъ, инокъ Зосима, діаконъ Сергіево-Троицкой лавры, посѣтилъ въ 1420 году монастырь Предтечи; онъ видѣлъ еще здѣсь мощи святаго Зосимы, причащавшаго іорданскую подвижницу Марію Египетскую...

«и ходилъ по безднамъ, гдѣ спасалась она». Монастырь святаго Герасима былъ однако пустъ при немъ.

Посѣтилъ оба эти монастыря и Трифонъ Коробейниковъ, посланецъ Грознаго Царя русскаго. Но при Арсеніи Суховѣ, который ходилъ въ Палестину въ 1649 году, и монастырь Предтечи, и монастырь Герасима уже лежали въ развалинахъ.

Мы въѣхали въ отворенныя ворота скита, но ни кто не выходилъ на нашъ крикъ... Наконецъ-то арабъ-проводникъ розыскалъ гдѣ-то въ прохладной пещеркѣ заспаннаго старца-грека, съ весьма смышленною и вовсе не монашескою физіономіей. Это былъ іеросхимонахъ Симеонъ, главный хозяинъ обители. Онъ говорилъ довольно сносно по-русски и старался принять насъ какъ могъ радушнѣе. Разумѣется, прежде всего потребовался самоварчикъ, который здѣсь въ Палестинѣ завоевалъ себѣ такое-же право гражданства, какъ и на православной Руси. Русскій мужикъ-богомолецъ вообще съумѣлъ привить къ Палестинѣ много своего, свой языкъ, свой самоварчикъ, свой гривенникъ и свою рублевую бумажку, которыхъ не берутъ нигдѣ въ другихъ странахъ, но которыя въ Яффѣ, Іерусалимѣ и Назаретѣ обращаются также легко, какъ въ Калугѣ и Саратовѣ.

Напившись съ великимъ удовольствіемъ чайку, мы осмотрѣли старую нижнюю церковь, съ темными сводами, уцѣлѣвшую еще со временъ царицы Елены, и новую, которую отстраиваетъ на средства патріархіи іерусалимскій патріархъ.

Тутъ видѣли мы множество мозаиковыхъ и мраморныхъ обломковъ, остатковъ прежняго великолѣпія греческихъ и крестоносныхъ временъ—и много гробовъ, наполненныхъ невѣдомыми костями... Каждый день изъ мусора развалинъ откапывается какая-нибудь новая археологическая рѣдкость, какой-нибудь новый слѣдъ старой монастырской жизни. Но работы, за недостаткомъ средствъ, идутъ слишкомъ медленно, и трудно предвидѣть, когда этотъ древній монастырь, основанный на мѣстѣ пещеры Іоанна Крестителя, надъ самымъ мѣстомъ крещенія Господня, дождется полнаго своего возрожденія.

Ѣхать становилось все жарче, все труднѣе. Мы теперь держали прямо на Іерихонъ, кратчайшею дорогою, оставивъ Мертвое море влѣво. Оно сверкало оттуда какимъ-то металлическимъ ослѣпительнымъ зеркаломъ, уже не голубое, а бѣлоогненное, какъ жарко раскаленная сталь.

Сначала такая-же безотрадная, безплодная, безжизненная пустыня известковыхъ и песчаныхъ холмовъ, глинистыхъ буераковъ, потомъ ближе къ Іерихону все чаще попадаются русла изсохшихъ потоковъ, заросшія густыми плавнями, и болотистыя лужи, оставшіяся отъ зимнихъ дождей и разливовъ.

Нельзя сомнѣваться, что эта страна была когда-то, да и теперь могла-бы быть плодородною и цвѣтущею.

На половинѣ дороги оба араба наши вдругъ опрометью поскакали куда-то влѣво. Смотримъ, какой-то бедуинъ ловко и торопливо подгоняетъ съ своего сѣдла маленькую горскую корову.

Увидавъ погоню, онъ участилъ удары нагайки и сталъ вмѣстѣ съ коровою забирать влѣво къ ближайшимъ плавнямъ. Но наши джигиты, видно, тоже были травленые волки, потому что гнали его по всѣмъ правиламъ охоты, ловко отрѣзая отовсюду, куда ему хотѣлось улизнуть.

Бедуинъ, очевидно, укралъ корову у сосѣднихъ пастуховъ, и наши воины, возмущенные такою несправедливостью, вѣроятно, хотѣли возстановить оскорбленное правосудіе, заставивъ вора подѣлиться съ ними добычею.

Травля эта до такой степени увлекла ихъ, что они мало-по-малу совсѣмъ скрылись изъ нашихъ глазъ такъ, что мы остались среди пустыни Іорданской одни съ нашимъ Якубомъ, внушавшимъ мнѣ очень мало надежды въ случаѣ какого-нибудь непріятнаго сюрприза со стороны кочующихъ здѣсь моавитскихъ разбойниковъ.

Только передъ самымъ Іерихономъ охранители наши появились опять вблизи насъ, торжественно гоня передъ собою отбитую корову; неудачный-же похититель ея предпочелъ удрать къ безопаснымъ берегамъ Соленаго моря.

Не доѣзжая версты двѣ до Іерихона, арабъ остановилъ насъ около кучи камней, пріосѣненныхъ старою ивою.—«Тель-Дель-джуль!» важно проговорилъ онъ, указывая на камни и что-то объясняя по-арабски.

Изъ смутнаго перевода Якуба мы, наконецъ, уразумѣли, что это долженъ быть библейскій «Галгалъ»—мѣсто перваго стана израильскаго въ землѣ Ханаанской, мѣсто 12-ти камней, воздвигнутыхъ Іисусомъ Навиномъ, по числу колѣнъ Израилевыхъ въ память перехода черезъ Іорданъ.

«И вышелъ народъ изъ Іордана въ десятый день перваго мѣсяца и поставилъ станъ въ Галгалѣ, съ восточной стороны Іерихона, и 12-ть камней, которые взяли они изъ Іордана, Іисусъ поставилъ въ Галгалѣ», повѣствуетъ Библія.

Игуменъ Даніилъ видѣлъ еще эти 12-ть камней, хранящимися какъ святыня въ монастырѣ святаго Архангела Михаила, близъ Іерусалима.

Отъ Тель-Джель-Джуля древній Іерихонъ былъ видѣнъ какъ на ладони, какъ видна намъ теперь деревушка Риха. Его грандіозныя развалины, теперь уже почти не существующія, чудятся воображенію по склонамъ холмовъ, прилегающихъ къ скалистымъ обрывамъ горъ Іудейскихъ.

Даже черныя пасти пещеръ Сарандаря или Карантеля, горы «Сорокадневнаго поста Христова», пріосѣняющей Іерихонъ съ своей заоблачной высоты, хорошо замѣтны отсюда.

Вотъ мы уже и среди черныхъ шатровъ іерихонскихъ бедуиновъ; направо и налѣво лѣпятся ихъ грязныя лачуги изъ земли и навозу, ихъ гуменные токи для пшеницы, обнесенные кущами колючаго держи-дерева.

Вотъ и величественное зданіе русскихъ построекъ—желанный конецъ нашихъ страданій.

XIX.—Іерихонъ.

Проклятіе Іисуса Навина на Іерихонѣ.—Былое богатство этого города.—Иродъ Великій и его Іерихонскіе дворцы.—Русскія постройки на мѣстѣ дома Закхея.—Греки и бедуины.—Содомскія яблоки.—Іерихонская роза.—Источникъ пророка Елисѣя.—Скрывшійся охранитель.—Сарандарь, или гора сорокодневнаго поста.

Іерихонъ?.. Да Іерихона не существуетъ! отвѣтилъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ на мой вопросъ архимандритъ Антонинъ, когда я разспрашивалъ его о предстоявшей іорданской поѣздкѣ.

Теперь я невольно вспомнилъ этотъ рѣшительный приговоръ. Тутъ не какое-нибудь иносказаніе, не какое-нибудь преувеличеніе ради краснаго словца. Іерихона дѣйствительно не существуетъ. Словно трубы левитовъ, сокрушившія нѣкогда стѣны его, провалили его въ самую преисподнюю, въ компанію Содому, Гоморрѣ, Адамоиму и Севоиму. Недаромъ, видно, на этой когда-то могущественной крѣпости, охранявшей границы Ханаана, легло 3,000 лѣтъ тому назадъ проклятіе неумолимаго вождя израильскаго.—«Проклятъ передъ Господомъ тотъ, кто возставитъ и построитъ городъ сей Іерихонъ!» торжественно провозгласилъ Іисусъ Навинъ, послѣ того какъ евреи взяли этотъ первый вражескій городъ «и предали закланію все, что въ городѣ: и мужей, и женъ, и молодыхъ, и старыхъ, и воловъ, и овецъ, иословъ, все истребили мечемъ».

Въ Іерихонѣ не осталось даже дома излюбленной евреями «блудницы Раавъ», которую одну они пощадили среди поголовной рѣзни людей и животныхъ, за то что блудница эта гостепріимно пріютила у себя, по обычаю всѣхъ блудницъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ временъ, двухъ удалыхъ израильскихъ юношъ, не разбирая ихъ національности и ихъ политическихъ цѣлей, а потомъ благополучно спустила ихъ на веревкѣ въ окно, «ибо домъ ея былъ въ городской стѣнѣ, и она жила въ стѣнѣ». Юноши успѣли, конечно, осмотрѣть слабыя мѣста

крѣпости, а ночью Раавъ отворила имъ ворота, чѣмъ немало помогла дѣйствію трубъ и кимваловъ левитскихъ. Развалины дома Раавъ до сихъ поръ, впрочемъ, показываютъ за теперешнею деревушкою Рихой, выше источника св. Елисея, на скатѣ горъ. Такимъ образомъ, какъ это часто бываетъ въ исторіи человѣчества, самая обыкновенная продажная распутница сдѣлалась историческою личностью и за свой подвигъ предательства заслужила нѣкотораго рода славу и сохранила имя свое до отдаленныхъ вѣковъ.

Впрочемъ, проклятіе израильскаго вождя-истребителя не всегда удерживало людей отъ возстановленія древнихъ стѣнъ Іерихона. Іерихонъ самою природою своей былъ призванъ служить оплотомъ Палестины и Іерусалима со стороны за-іорданскихъ кочевниковъ, охранителемъ того обильнаго плодами и водами оазиса, который въ прежнія времена стелился вокругъ него, у подножія горъ, почти до самыхъ береговъ іорданскихъ, замѣняя нынѣшнюю пустыню. Не даромъ земля за Іорданомъ называлась прежде «землею обѣтованною».

«Когда перейдешь Іорданъ, чтобы вступить въ землю, которую Господь Богъ твоей даетъ тебѣ, *«въ землю, гдѣ течетъ молоко и медъ»*,—возвѣщаетъ Іисусу Навину Іегова, повелѣвая ему поставить памятникъ великому событію. Оттого Іерихонъ возникаетъ очень скоро послѣ завоеванія евреями земли Ханаанской. Онъ дѣлается «городомъ пальмъ», городомъ всякаго богатства и изобилія. Пальмы еще не особенно давно видѣли въ немъ наши богомольцы.

Въ дни Христа Іерихонъ является однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Палестины. Дороги его обсажены сикоморами, окрестности покрыты хлѣбомъ и садами, жители богаты серебромъ и золотомъ.

Со временъ Соломона, Іерихонъ развиваетъ обширное производство драгоцѣннаго аравійскаго бальзама, кустарники котораго премудрый царь выписываетъ изъ южной Аравіи. Теперь этого дорогаго растенія уже слѣда нѣтъ, а теперешній «Галаад-

скій бальзамъ» или «масло Закхея», продаваемое іерихонцами съ такою готовностью богомольцамъ,—«ложный бальзамъ», продуктъ совсѣмъ другаго кустарника, прозываемаго арабами «Закъкумъ», и совсѣмъ не имѣетъ рѣдкихъ цѣлебныхъ свойствъ настоящаго аравійскаго бальзама.

Здѣсь обыкновенно собирались богомольцы изъ далекой Галилеи и изъ Пиреи, спускавшіеся внизъ по тѣнистой долинѣ Іордана на поклоненіе великому храму іерусалимскому и не хотѣвшіе осквернить себя соприкосновеніемъ съ еретиками-самаритянами, чрезъ землю которыхъ лежала ближняя дорога отъ Назарета и Генисаретскаго озера, черезъ Сихемъ и Веѳиль, въ Іерусалимъ. Оттого-то и Христосъ со своими галилейскими учениками часто бывалъ въ Іерихонѣ.

Одно время Іерихонъ принадлежалъ знаменитому римскому тріумвиру и сопернику Августа—Антонію, который подарилъ это гнѣздо роскоши роскошной любовницѣ своей Клеопатрѣ, продавшей его потомъ за большія деньги Ироду Великому. Иродъ обратилъ Іерихонъ въ маленькій Римъ, построилъ тамъ великолѣпные дворцы, храмы, театры, башни, ворота, водопроводы, и вообще сдѣлалъ его своею любимѣйшею резиденціею. За стѣнами города тянулись при немъ сплошные сады апельсинъ, гранатъ и финиковыхъ пальмъ.

Вообще этотъ Иродъ, имя котораго стало въ устахъ русскаго человѣка синонимомъ самой дикой грубости и варварскаго жестокосердія, былъ страстнымъ поклонникомъ эллинскаго искусства и римской цивилизаціи. Онъ обратилъ въ настоящіе мраморные города и Іерусалимъ, и Іерихонъ, и Виѳлеемъ, создавъ около него на горѣ Рая свой знаменитый увеселительный дворецъ Иродіонъ; въ Антіохіи воскресилъ олимпійскія игры и всѣмъ своимъ дѣтямъ далъ греческія имена. Но хотя онъ умѣлъ молиться въ одно и то же время и грозному еврейскому Іеговѣ, и римскому Юпитеру, великолѣпно перестраивая Соломоновъ храмъ, празднуя съ евреями Пасху и Пуриму, а съ другой стороны также ревностно устраивая алтари Аполлону и

Артемидѣ,—однако боги не защитили этого вѣроломнаго и кровожаднаго почитателя своего отъ позорнаго жребія издохнуть въ гнилыхъ язвахъ среди художественныхъ сокровищъ мраморнаго дворца... Трудно перечислить всѣхъ жертвъ его жестокой и коварной политики; въ числѣ ихъ были его собственные жены, сыновья, дяди... Это былъ достойный дѣдъ той Иродіады, которая потребовала, въ награду за сладострастный танецъ дочери, голову заточеннаго праведника...

Иродовъ Іерихонъ былъ такъ обширенъ, что занималъ не только теперешнюю деревушку Риху, но и скаты горы, до сихъ поръ кое-гдѣ покрытые камнями его развалинъ, до сихъ поръ сохраняющіе остатки римскаго шоссе и водоемовъ.

Іерихонъ новый, Риха, былъ выстроенъ уже крестоносцами, на равнинѣ; его уничтожилъ и привелъ въ теперешнее запустѣніе Ибрагимъ-паша египетскій, когда отнималъ у султана Сирію. Уцѣлѣла только одна старая башня временъ крестовыхъ походовъ, которая служитъ чѣмъ-то въ родѣ форта для турецкаго аги и его маленькой команды. Она одна придаетъ этому мѣстечку сколько-нибудь историческій и библейскій видъ. Кромѣ нея, всего 5—6 сносныхъ домиковъ, охваченныхъ вонючими земляными становищами арабовъ. Богомольная русская дама г-жа Богданова постоянно живетъ въ Іерихонѣ, въ одномъ изъ его домиковъ, дѣлая довольно значительныя жертвы на поддержаніе палестинскихъ святынь черезъ руки греческаго духовенства. Живетъ тутъ еще какой-то русскій монахъ съ Аѳона; но главнымъ центромъ русскаго духовнаго вліянія и русской народной стихіи служитъ, конечно, обширное зданіе «русскихъ построекъ», гостепріимный пріютъ всѣхъ приходящихъ и пріѣзжающихъ къ Іордану.

Русскій домъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданіямъ, стоялъ въ евангельскіе дни домъ Закхея-мытаря, и гдѣ Христосъ исцѣлилъ слѣпаго... Здѣсь же предполагается и мѣсто гостинницы, куда добродѣтельный самаритянинъ привезъ найденнаго имъ на дорогѣ ограбленнаго и израненнаго путника. Въ

этихъ невинныхъ, хотя и бездоказательныхъ, притязаніяхъ—пріобщить къ новой постройкѣ всѣ священныя преданія древности—есть хотя та полезная сторона, что преданія эти, такъ сказать, воплотясь въ камни, невольно сдѣлаются наслѣдіемъ будущихъ поколѣній. Добрая женщина, завѣдующая русскими постройками, показала намъ всѣ подробности своего скромнаго и еще молодаго хозяйства. Маленькій садъ полонъ самыхъ рѣдкихъ деревьевъ и растеній, которыя въ этой природной оранжереѣ зрѣютъ, словно на берегахъ Ганга. Тутъ—и сахарный тростникъ, и бананы, уже съ пожелтѣвшими и изорванными листьями, обремененные давно созрѣвшими сладкими плодами своими, и лимоны, и пальмы, и олеандры, и виноградъ... По разсказамъ нашей хозяйки, когда копали землю подъ постройки, когда садили деревья въ саду, постоянно натыкались на фундаменты, сложенные изъ громадныхъ камней, такъ что увѣреніе скептиковъ, будто древній Іерихонъ совсѣмъ не занималъ мѣста теперешней Рихи, больше чѣмъ неосновательно.

Мы отлично выспались и отдохнули въ своихъ родныхъ постройкахъ. Даже противный плачъ чекалокъ, бродившихъ около деревни, и немолчная грызня собакъ въ бедуинскихъ таборахъ—не мѣшали нашему сну, хотя мы не переставали слышать ихъ цѣлую ночь. Умная старушка передала намъ на досугѣ, пока мы потягивали чаекъ и ѣли русскую похлебку съ курочкой, о всѣхъ бѣдахъ и треволненіяхъ, которымъ подвергается здѣсь, на чужбинѣ, наша одинокая, только-что зарождающаяся, русская колонія. Греки особенно донимаютъ и особенно недолюбливаютъ русскихъ. Они привыкли хозяйничать по произволу среди глупыхъ арабовъ и ревнуютъ этому новому вліянію, опасному для ихъ самовластія. Къ тому же, прежде всѣ обильныя русскія жертвы притекали прямо и безконтрольно въ ихъ руки, а теперь русскіе вездѣ въ Палестинѣ стараются утвердиться сами и устраивать сами... Чаще всего поднимаются споры и ссоры изъ-за воды. Воду получаютъ по канавамъ изъ источника св. Елисея, и безъ своевременной поливки здѣсь все

погибаетъ. Патріархъ, паша, турецкіе жандармы—всѣ приказываютъ нàстрого, чтобы греки не мѣшали русскимъ пользоваться водою; но они не слушаютъ никого и то-и-дѣло останавливаютъ воду. Бедуины гораздо лучше грековъ, по мнѣнію нашей искренно-возмущенной хозяйки; они благодарны за всякую малость, а греки ничѣмъ недовольны и всему завидуютъ. Имъ мало того, что г-жа Богданова строитъ на ихъ мѣстѣ новую церковь на свой счетъ и всѣ свои жертвы отдаетъ имъ.

Слушая словоохотливую разсказчицу, я поневолѣ вспомнилъ знаменательныя слова американца Диксона:—«въ Палестинѣ нѣтъ другихъ болѣе жаркихъ противниковъ русскаго преобладанія, какъ жители греческихъ религіозныхъ домовъ».

Здѣшніе бедуины не опасны, по увѣренію почтенной старушки. Они кочуютъ здѣсь ради уборки пшеницы, поближе къ источнику св. Елисея, чтобы скотъ былъ около воды. Они тутъ не грабятъ, а просятъ. Чужіе бедуины—тѣ совсѣмъ другое: они раздѣнутъ до-нага богомольцевъ и осквернятъ женщинъ. Богомолки наши, впрочемъ, сами виноваты,—очень ужъ глупы. Бредутъ частехонько изъ Іерусалима въ одиночку или парочками, отстанутъ отъ своихъ, растянутся по всей дорогѣ. Больше всего грабятъ бедуины за-іорданскіе, которые не подчиняются турецкимъ начальникамъ. Какъ только уберутъ здѣсь пшеницу, они и поджидаютъ каравановъ съ пшеницей, и грабятъ. Тогда сейчасъ же въ Іерихонъ, къ жандармамъ, всѣ іерихонскіе бедуины садятся на лошадей, вооружаются ружьями и скачутъ въ погоню; часто отбиваютъ назадъ и тогда расправляются безъ всякой милости. Впрочемъ, теперь стали рѣже нападать, побаиваются,—увѣряла старушка.

Іерихонъ не имѣетъ пока своей церкви и приписанъ приходомъ къ святому Герасиму и къ Сорокадневной горѣ. Но туда ходить чрезвычайно затруднительно и долго. Оттого іерихонцы съ нетерпѣніемъ дожидаются окончанія своей собственной церкви. На Крещенье здѣсь бываетъ до 1,500 и до 2,000 русскихъ богомольцевъ, проходящихъ къ Іордану; они приходятъ

Іалестины. Теплицу эту поливаетъ своими обильными струями древній ключъ пророка Елисея,—«Аинъ-ес-Султанъ», т. е. «царскій ключъ» теперешнихъ арабовъ.

До источника этого отъ русскихъ построекъ версты четыре. Ручей его течетъ въ Іорданъ по узенькому камышистому руслу, заросшему высокою древесною гущей и до сихъ поръ еще во множествѣ населенному кабанами. Живописныя группы деревьевъ осѣняютъ библейскій ключъ, выбивающійся почти изъ самаго подножія горъ. Ключъ этотъ, какъ говоритъ преданіе, былъ сначала горькій; но пророкъ Елисей, укрывавшійся въ Галгалахъ отъ своихъ гонителей, бросилъ въ него горсть соли, и вода стала сладкою. Теперь всѣ: и люди, и животныя, и птицы, и рыбы сбились къ этому святому ключу, оживляющему мертвые камни... Разсѣдланные ослы, верблюды, лошади безмятежно наслаждаются его прохладою въ тѣни деревьевъ. Все пьетъ, моется, купается, загорѣлыя арабки черпаютъ воду, войдя по колѣна въ ручей, и неспѣшно уносятъ на могучихъ обнаженныхъ плечахъ своихъ, живописно подпершись одною рукой, огромные, многоведерные свои кувшины. Голые арабскіе мальчишки лежатъ въ водѣ, неподвижно распластавшись. Въ уединенныхъ мѣстахъ, въ густотѣ кустарника, старые арабы благоговѣйно совершаютъ священное омовеніе, предписанное кораномъ.

Наши знакомые итальянцы со своей арабской свитой раскинули свои шатры въ самомъ удобномъ и живописномъ уголку, надъ ключемъ Елисея. У нихъ особая палатка съ желѣзными кроватями для спальни, съ походными умывальниками и всякими принадлежностями, особая палатка для столовой, особая палатка для кухни и даже особая палатка съ нулевымъ нумеромъ.

Они угостили насъ только что приготовленнымъ холоднымъ лимонадомъ и уговаривали насъ остановиться здѣсь, чтобы искупаться и переночевать. Но изъ всѣхъ лихорадочныхъ мѣстъ Іерихона самое лихорадочное — ключъ св. Елисея; поэтому мы не рискнули здѣсь купаться, тѣмъ болѣе, что спѣшили въ

цѣлая рощица маленькихъ деревьевъ, увѣшанныхъ мелкими, желтыми яблочками того цвѣта, какой намъ всѣмъ знакомъ въ ягодахъ шиповника.

— Содомскія яблоки! съ торжествующею улыбкою объявляетъ Якубъ, срывая и разламывая передъ нами желтый плодъ съ показною ловкостью фокусника. Черная гниль совсѣмъ похожая на табачную пыль нашихъ «пышекъ» или дождевыхъ грибовъ, темнымъ облачкомъ вырвалась извнутри этой сверкающей красками оболочки, точно могильный прахъ трупа изъ разломаннаго золоченаго гроба. Это Solanut melongene, растеніе изъ ядовитой породы нашихъ пасленовъ.

Преданіе глубочайшей древности увѣряетъ, что, послѣ гибели Содома, въ окрестностяхъ Мертваго моря, когда-то цвѣтущихъ, какъ рай, стали расти только эти одни плоды смерти, эти «дьявольскія яблоки», обманывающія глазъ, никого не насыщающія и не утоляющія...

Мы сорвали для памяти нѣсколько десятковъ содомскихъ яблокъ, изъ которыхъ однако не было ни одного крупнѣе обыкновенной лѣснички. Теперь они ярко желтыя, потомъ, говорятъ, станутъ красными, какъ сургучъ. Мы захватили также съ собою и другое характерное растеніе іерихонскихъ окрестностей, которое растетъ уже не на влажныхъ низинахъ іерихонскаго ручья, а на известковыхъ холмахъ пустыни, и которое мы видѣли во множествѣ по дорогѣ къ Мертвому морю. Я говорю про іерихонскую розу, Anastatica Hierochuntica ботаниковъ, оригинальную сухую траву съ шарообразной коронкой, которая перекатывается вѣтрами пустыни, какъ наше перекати-поле, и которая по погруженіи въ воду выдѣляетъ изъ себя столько газовъ, что суевѣрные богомольцы почитаютъ ее, со словъ надувателей-монаховъ, Богъ знаетъ какою чудесною...

Іерихонъ еще производитъ много хенны (Lawsonia inermis), изъ которой арабки приготовляютъ себѣ румяна и которою арабы красятъ себѣ ногти; такъ что вообще относительно разныхъ рѣдкихъ растеній онъ является дѣйствительно теплицею

Якубъ, не смотря на свой ухарскій видъ и на страстное желаніе выдать свою фигурку мирнаго нѣмецкаго колбасника за воинственнаго арабскаго джигита, малодушествуетъ не на шутку, чувствуя теперь на себѣ главную отвѣтственность за нашу общую безопасность и, повидимому, вовсе не ощущая въ себѣ ни охоты, ни возможности къ какому нибудь дѣйствительно серьезному дѣйствію въ случаѣ нужды.

То и дѣло мы останавливаемся оглядывать съ высоты своего подъема оставшуюся позади дорогу, и Якубъ съ погонщикомъ-арабомъ испускаютъ какой-то нечеловѣческій, отчаянно пронзительный крикъ, который даже въ пустынѣ кажется слишкомъ ужъ дикимъ. Это они призываютъ нашего нерадиваго, Богъ знаетъ гдѣ теперь странствующаго, охранителя, боясь, чтобы онъ не поѣхалъ по прежней нашей іерусалимской дорогѣ... Но имъ никто не отвѣчаетъ, кромѣ насмѣшливаго эхо горъ, которое передразниваетъ ихъ гдѣ-то далеко и высоко, въ глухихъ сводахъ своихъ невѣдомыхъ пещеръ. А дѣлать все-таки нечего, и мы все подвигаемся понемножку вверхъ на гору, дальше и дальше отъ Іерихона, ближе и ближе къ дичи пустынь.

Нѣтъ ничего ужаснѣе и мрачнѣе, даже среди мрачныхъ ужасовъ безотрадныхъ палестинскихъ горъ, какъ пропасти и заоблачныя кручи Сарандаря, «горы сорокадневнаго поста» Господня... Гора эта возвышается изъ своихъ туманно-зеленыхъ безднъ гигантскою утесистою стѣною, капризно истресканною и изуродованною подземными силами, что̀ выперли ее изъ глубокой утробы земной, еще капризнѣе обглоданною вѣтрами и дождями въ своихъ недоступныхъ вершинахъ.

Сарандарь владычествуетъ здѣсь надъ всѣмъ — надъ сосѣдними горами, надъ долиною Іордана, надъ мертвою чашею Соленаго моря. Съ нею видны, какъ съ крыльевъ орла, всѣ «окрестныя царства», удѣлы сыновъ Іаковыхъ по сю и по ту сторону священной рѣки, Рувимовъ и Гадовъ, въ странѣ моа-

витянъ, Веніаминовъ, Іудинъ и Ефраимовъ, облегающія кругомъ. Только злые духи пустыни могутъ жить въ его пропастяхъ, на его недоступныхъ утесахъ. Недаромъ въ евангельскомъ преданіи сатана встрѣчаетъ здѣсь постящагося Христа. Это настоящій престолъ сатаны, настоящія ступени въ бездны ада. Несомнѣнно, что этотъ «Джебель-Карантель» издревле считался горою бѣсовъ, какъ считается до сихъ поръ арабами.

Она называется, въ память евангельскихъ событій, не только «сорокадневною» горою, но и «горою искушенія».

Нельзя выбрать болѣе подходящаго мѣста для покаянія и молитвы, для сокрушенія своей плоти. Эти дьявольскія пропасти дѣйствительно закалятъ волю, сдѣлаютъ духъ человѣка непричастнымъ никакому соблазну, способнымъ на всякій подвигъ. Тутъ почувствуешь ничтожность свою, ничтожность всего земного. Тутъ нѣтъ другого хлѣба, кромѣ камня, который сатана предлагалъ Христу. Тутъ каждый шагъ достается кровавымъ потомъ.

Христосъ удалялся сюда въ дни мучительной внутренней борьбы, чтобы наединѣ съ самимъ собою, поднятый въ синія выси далеко отъ суеты земной, глазъ на глазъ съ охватывающимъ его безконечнымъ океаномъ небеснымъ, среди могучаго дыханія безмолвной пустыни, — рѣшить свой великій подвигъ любви и страданія.

Это общеніе съ пустыней и небомъ, это глубокое сосредоточеніе духа въ себѣ самомъ, всегда были необходимою потребностью, неизбѣжнымъ обычаемъ древней мудрости. Великіе пророки и вожди Израиля во всѣ важныя минуты жизни своей, въ дни народныхъ бѣдствій и тяжкихъ испытаній, уходили на вершины пустынныхъ горъ и черпали тамъ, въ таинственныхъ высотахъ, гдѣ они бесѣдовали съ Богомъ своихъ отцовъ,—спасительныя откровенія и безповоротныя рѣшенія... Моисей сноситъ свои скрижали закона съ заоблачныхъ высей Синая, Илія готовится на свою героическую борьбу противъ нечестивыхъ царей, забывшихъ Іегову, въ безднахъ горы Кармеля. Горная

пустыня издревле становится великою школою мудрости и подвига. Іоаннъ и Христосъ проходятъ черезъ нее, точно также какъ Іеремія или Іуда Маккавей.

И послѣ Христа гора, освященная Его пребываніемъ, Его постомъ и молитвою, сдѣлалась обычнымъ мѣстомъ суроваго подвижничества. Въ средніе вѣка иноки окрестныхъ скитовъ каждый великій постъ искали для себя особенно тяжелыхъ подвиговъ покаянія, особенно мучительныхъ трудовъ и лишеній. Они находили ихъ въ мрачныхъ пещерахъ Сарандаря, населенныхъ львами и барсами, кишѣвшихъ змѣями. Тамъ въ безмолвномъ мужествѣ боролись они, подобно своему Спасителю, противъ искушавшихъ ихъ внутреннихъ демоновъ, обливая, какъ Онъ, своимъ кровавымъ потомъ камни утесовъ, оглашая стонами своихъ покаянныхъ молитвъ безмолвныя бездны. Вотъ хмурятся на насъ изъ желтыхъ известняковъ горы, какъ глаза злаго звѣря, черныя пасти ископанныхъ ими пещеръ, забравшіяся на головокружительныя выси, въ недоступные трещины и обвалы скалъ...

Цѣлые монастыри возникли мало-по-малу въ темной утробѣ «Горы соблазна»... Св. Ѳеоктистъ, другъ и ученикъ Евфимія Великаго, первый основалъ свою лавру у подножія этой горы. Крестоносцы хорошо знали Сорокадневную гору, и въ дни ихъ тутъ еще существовалъ монастырь.

Нашъ Трифонъ Карабейниковъ, посланецъ Ивана Грознаго, въ концѣ XVI вѣка посѣтилъ Сарандарь, эту «гору каменную, высокую и крутую, такъ что едва можно на нее взойти», и въ той горѣ видѣлъ «пещеру и камень въ видѣ стола, на которомъ сидѣлъ Христосъ, когда постился 40 дней, а за 2 сажени отъ того мѣста пропасть, гдѣ исчезъ приходившій искуситель», но церкви и монастыря тамъ уже не было. Менѣе вѣка спустя, другой паломникъ нашъ, Арсеній Сухановъ, опять находитъ въ Сарандарѣ церковь латинскихъ монаховъ, которые служили тамъ литургію. «Мѣсто это немногими посѣщаемо», сообщаетъ Сухановъ.

Муравьеву, въ концѣ 20-хъ годовъ нашего столѣтія, не

могли указать, при проѣздѣ его на Іорданъ, даже самой горы Сорокадневной,—до такой степени мѣсто это было тогда запущено. Теперь тамъ устроился опять маленькій православный скитъ въ пещерахъ, вырубленныхъ древними отшельниками въ толщахъ горы. Переходы и спуски, скрытые отъ взора человѣка, соединяютъ эти недоступныя стрижиныя гнѣзда иноковъ, висящія надъ страшною бездною. Кое-гдѣ къ черному входу пещеръ, разбросанныхъ на различныхъ высотахъ, прилѣплены утлые балкончики, галлерейки и лѣсенки, на которые даже снизу нельзя глядѣть безъ содроганія. Тропинка поднимающаяся къ этому въ воздухѣ висящему и вмѣстѣ подъ землей скрытому монастырю, карабкается сначала зигзагами по сыпучей осыпи, завалившей въ теченіе долгихъ столѣтій подножіе титаническаго Сарандарскаго утеса каменнымъ соромъ его собственныхъ вершинъ; потомъ она рѣзко поворачиваетъ налѣво и съ безумной смѣлостью забирается на чуть примѣтную ленточку карниза, по которой плетется цѣлыя полверсты вдоль отвѣсной сплошной стѣны Сарандаря, грозно надвинутой надъ нею до самыхъ облаковъ, все круче и круче вверхъ надъ зіяющею внизу адскою пропастью, отъ которой не заслоняетъ ея ничто...

Самые крѣпкіе нервы, самые привычные люди съ жуткимъ чувствомъ отваживаются подниматься по этой мушиной тропинкѣ. Даже у проводниковъ-арабовъ, даже у мѣстныхъ иноковъ не всегда выдерживаетъ голова въ этой прогулкѣ по каменному канату своего рода. Якубъ намъ разсказалъ по этому поводу разные трагическіе случаи; недавно тутъ погибли. по его словамъ, двѣ богомольныя русскія дамы, непривычныя головы которыхъ будто бы закружились на одуряющихъ кручахъ, и онѣ будто бы свалились въ пропасть со своихъ ословъ; погибъ будто бы еще одинъ молодой монахъ, только что поступившій въ монастырь и еще не успѣвшій закалить себя созерцаніемъ горныхъ безднъ. Оставляю эти свѣдѣнія всецѣло на отвѣтственности Якуба, охотника до апокрифическихъ сказаній.

Въ сущности, дорожка по карнизу не представляетъ реаль-

ныхъ опасностей, по крайней мѣрѣ, теперь, когда миновало время весеннихъ ливней, и размытая тропа хорошо исправлена и даже огорожена низенькою закраинкой изъ щебня. Вся опасность только въ нервахъ, въ воображеніи, въ неописанномъ ужасѣ глазъ. Стоитъ только отвернуться отъ бездны къ отвѣсной стѣнѣ Сарандаря, предоставить умной арабской лошадкѣ идти, какъ знаетъ, своею дорожкой, — и она безопасно доставитъ васъ и вверхъ, въ пещерный монастырь, и оттуда — внизъ, къ подножью Джебель-Карантеля.

Въ маленькомъ монастыркѣ живетъ всего 3—4 монаха. По остаткамъ стѣнныхъ фресокъ и другимъ археологическимъ признакамъ, нужно думать, что древнѣйшіе слѣды монастыря относятся еще къ вѣку царицы Елены и первыхъ византійскихъ императоровъ... Только небольшая часть старыхъ пещеръ занята теперешнимъ монастыремъ. Бо̀льшая же часть разсѣяна по разнымъ недоступнымъ обрывамъ и складкамъ горы, такъ что до многихъ добраться нельзя безъ веревокъ и лѣстницъ.

На заоблачной вершинѣ Джебель-Карантеля купаются въ знойной синевѣ небесъ развалины какой-то древней церкви или сторожевой башни... Иностранцы увѣряютъ, что тутъ стоялъ когда-то замокъ крестоносцевъ, защищавшій подступы къ Іерусалиму отъ за-іорданскихъ пустынь; а здѣшнія греческія и арабскія преданія говорятъ, напротивъ того, о монастырѣ временъ царицы Елены; эта версія, кажется, болѣе правдоподобна, болѣе согласна съ практическими условіями мѣстности. Нѣкоторые смѣльчаки съ желѣзною головою и желѣзными ногами, говорятъ, поднимаются иногда — конечно, съ надежными проводниками—до этого недоступнаго вѣнца Сорокадневной горы. Тамъ водруженъ большой крестъ на томъ мѣстѣ, откуда, по преданіямъ, дьяволъ показывалъ Христу всѣ царства міра.

Я готовъ былъ вѣрить, глядя даже издали на эту головокружительную высь, что оттуда дѣйствительно увидишь какое хочешь далекое царство, и что для дьявола, дѣйствительно, нельзя бы было найти никакого болѣе подходящаго мѣста...

XX.—Ущелье Гозувита.

Провалы Чади-Кельтъ.—Ущелье пещеръ.—Монастырь Іоанна Гозувитскаго.—Останки Лавры св. Евфимія.—Церковь Богоотцевъ Іоакима и Анны.—Отшельническіе вкусы Іудеевъ.—Древняя усыпальница иноковъ.—Мать Марина.—Бесѣда съ игуменомъ.—Ночь надъ водопадомъ.—Римскіе путешественники.

Мы держимся Іерусалимской дороги, надъ провалами Уади-Кельтъ.

Признаться, я уже давно замѣчалъ съ какимъ-то внутреннимъ содроганіемъ эти, провожавшіе насъ сбоку, темные провалы. Они словно слѣдили за нами по пятамъ, какъ разбойники въ засадѣ, пригинаясь и прячась за придорожныя скалы вдоль всего нашего пути, и только изрѣдка выглядывали на насъ своими зловѣщими безднами. Не хотѣлось всматриваться въ нихъ, не хотѣлось о нихъ думать; голова сама инстинктивно отворачивалась на что-нибудь другое, чтобы только забыть объ этихъ, неотступно преслѣдовавшихъ насъ и поджидавшихъ насъ впереди, черныхъ пропастяхъ. Но вотъ мы свернули съ большой Іерусалимской дороги и стали забирать все правѣе, все ниже; обманчивая декорація ближнихъ скалъ раздвинулась, и черное провалье стало словно подниматься на встрѣчу намъ своими голыми отвѣсными стѣнами, какъ звѣрь, радостно взыгравшійся при видѣ приближающейся жертвы...

— Якубъ! неужели и тамъ ѣздятъ?—съ малодушнымъ недовѣріемъ спросилъ я, вглядываясь въ бѣловатую ниточку, лѣпившуюся на одуряющей высотѣ вдоль противоположной стѣны ущелья и, казалось, висѣвшей на одномъ воздухѣ.

Якубъ что-то перекинулся по-арабски съ проводникомъ.

— Мы туда не поѣдемъ, господинъ!—уклончиво отвѣтилъ онъ черезъ минуту.—Намъ съ этой стороны спускаться!..

Но, очевидно, и онъ смотрѣлъ въ распахнувшуюся передъ нами пропасть не безъ внутренняго волненія.

Не хотѣлось вѣрить, что мы должны спускаться въ эту преисподнюю. Жена молчала, но по ея блѣдному лицу я видѣлъ, что она переживала жуткія минуты...

— Послушайте, Якубъ! Да вѣдь это-жъ невозможно! Вѣдь тутъ еще хуже, чѣмъ съ той стороны!—не вытерпѣлъ я, останавливая своего коня.—Тутъ самъ чортъ голову сломитъ, тутъ и лошадь со всѣхъ ногъ полетитъ... Нѣтъ ли гдѣ объѣзда?..

— Объѣзда тутъ нигдѣ нѣтъ, господинъ!—виноватымъ голосомъ, нерѣшительно оправдывался Якубъ.—Только вы напрасно боитесь, дорога исправлена... вездѣ хорошо проѣдемъ... Это смотрѣть только страшно... А если угодно, можно вернуться. Сюда вѣдь рѣдко кто изъ господъ ѣздятъ... боятся тоже...

Онъ задѣлъ этою фразою мое самолюбіе русскаго туриста, и всѣ мои колебанія разсѣялись въ одну минуту.

— Нѣтъ, какъ можно вернуться! мы непремѣнно хотимъ быть въ Гозувитѣ... торопливо возразилъ я ему, трогая коня. Жена не произносила ни слова, прикованная къ созерцанію окружавшей насъ бездны, какъ кроликъ передъ пастью змѣя-боа. А дѣйствительно, пасть какого-то колоссальнаго чудовища разверзалась подъ нами, и мы сами лѣзли въ нее съ вынужденною рѣшимостью... Узкая и длинная трещина расколола, какъ ножомъ, на большую глубину, каменныя толщи Іудейскихъ горъ... Изъ этой распахнутой раны чрева земного хлынулъ, какъ струя крови, потокъ водъ подземныхъ, низвергаясь водопадами, запруживая самъ себя каменными порогами, кружась водоворотами, пробиваясь сквозь нагроможденные утесы, обгладывая сдавившія его со всѣхъ сторонъ горныя твердыни...

Сначала вы не видите этого дикаго звѣря, ворочающагося глубоко внизу, на самомъ днѣ чернаго провалья, откуда онъ несется въ равнину Іерихона, постепенно ослабѣвая, одолѣваемый каменными громадами; вы только слышите издали его голодный ревъ, его вызывающіе на бой трубные звуки, съ которыми онъ неистово бросается тамъ, внизу, на своихъ безмолвныхъ и неподвижныхъ каменныхъ тюремщиковъ.

Но чѣмъ дальше опускается лѣпящаяся вокругъ утесовъ тропа, осторожно обвивающая ихъ титаническія брони своею, чуть видною, ниточкой Аріадны и, какъ нить Аріадны, упрямо пробирающаяся черезъ весь этотъ лабиринтъ воздымающихся, разсѣдающихся, выпирающихъ и отступающихъ скалъ,—тѣмъ ближе открываются дикіе ужасы бездны, поглощающей теперь насъ... Мы пробираемся то по карнизику скалы, кое-какъ выскребленному въ известнякѣ, пригиная головы подъ нависшіе своды этого своеобразнаго корридора, то трясемся на узенькихъ балкончикахъ изъ утлыхъ бревнышекъ, вдолбленныхъ въ выступы скалы, открывающихъ намъ и впередъ, и назадъ поразительныя перспективы этого дикаго ущелья, пустынной красоты котораго не въ силахъ былъ бы изобразить никакой Сальваторъ Роза.

Мы давно слѣзли съ коней и спускаемся пѣшкомъ по этой стремительно развивающейся спирали. Чѣмъ глубже погружаемся мы съ этой стороны въ провалы ущелья, тѣмъ выше растетъ надъ нами, съ противоположнаго берега, отвѣсная стѣна, по которой встревоженное сердце инстинктивно мѣряетъ глубину пожирающей насъ пропасти.

Вся эта колоссальная стѣна, какъ норами стрижей, источена пещерами. Дверочки и окошечки ихъ, ихъ полуразвалившіяся лѣсенки видны намъ отсюда въ разныхъ мѣстахъ на недосягаемой высотѣ. Это мертвые останки знаменитыхъ когда-то лавръ, сіявшихъ, какъ яркіе свѣтильники, христіанскому міру изъ своихъ палестинскихъ дебрей. Въ этой тѣсницѣ разрослась когда-то многолюднымъ и цвѣтущимъ ульемъ лавра св. Евфимія. Въ ней считалось болѣе 5,000 иноковъ, разселенныхъ по уединеннымъ пещеркамъ и скитамъ ущелья.

Впрочемъ, первобытное происхожденіе здѣшнихъ пещеръ, по всей вѣроятности, болѣе глубокой древности. Скорѣе всего монахи среднихъ вѣковъ воспользовались какимъ-нибудь древнимъ пещернымъ городомъ, какіе во множествѣ находились во

всѣхъ горныхъ странахъ, въ Крыму и на Кавказѣ точно также, какъ и въ Палестинѣ.

Въ «Книгѣ Судей» есть любопытное указаніе на существованіе пещерныхъ населеній въ Палестинѣ еще въ первые дни израильскаго завоеванія: «Тяжела была рука мадіанитянъ надъ Израилемъ, и сыны Израиля сдѣлали себѣ отъ мадіанитянъ ущелія въ горахъ, и пещеры и укрѣпленія». Замѣчательно, что эти библейскія укрѣпленія и пещеры въ ущельяхъ, совершенно напоминающія теперешнія ущелья и пещеры Гозувитской или Маръ-Сабской тѣснины и горы Сорокадневной, устраивались, какъ и въ гораздо позднѣйшія времена, при византійцахъ и крестоносцахъ, противъ нашествія за-іорданскихъ кочевниковъ Аравіи, не измѣнившихъ ни въ чемъ, въ теченіе тысячелѣтій, ни своихъ обычаевъ, ни своего внѣшняго вида. Когда читаешь описаніе какихъ-нибудь мадіанитянъ или амалекитянъ въ библейской лѣтописи,—думаешь, что это современный путешественникъ повѣствуетъ о бедуинахъ за-іорданской пустыни:—«Когда посѣетъ Израиль, пріидутъ мадіанитяне и амалекитяне, и жители востока, и ходятъ у нихъ. И стоятъ у нихъ шатрами, и истребляютъ произведенія земли до самой Газы, и не оставляютъ для пропитанія Израилю ни овцы, ни вола, ни осла. Ибо они приходили со скотомъ своимъ и съ шатрами своими, приходили въ такомъ множествѣ, какъ саранча; имъ и верблюдамъ ихъ не было числа, и ходили по землѣ Израилевой, чтобъ опустошать ее».

Послѣдній оборотъ крутой тропы, послѣдній выступъ скалы,—и мы, наконецъ, на самомъ днѣ этого глубокаго, какъ колодезь и какъ колодезь тѣснаго каменнаго ящика. Теперь мы —съ глазу на глазъ съ ревущимъ звѣремъ, что̀ прорывается бѣшеннымъ водопадомъ сквозь загородившія ущелье скалы... Теперь онъ несется съ безумной удалью у самыхъ ногъ нашихъ, отрѣзая насъ отъ противоположной стѣны ущелья, какъ отрѣзалъ когда-то Стиксъ свѣтлый міръ смертныхъ отъ мрач-

наго царства Аида... Этотъ негостепріимный хозяинъ горныхъ дебрей одинъ поднимаетъ свой угрожающій голосъ въ безмолвно обстоящей кругомъ пустынѣ, одинъ сурово рокочетъ самъ съ собою какія-то, ему одному понятныя, саги...

Высоко надъ клокочущимъ потокомъ вдругъ забѣлѣлся разомъ, на той сторонѣ ущелья, и словно заигралъ своими часовенками, балкончиками, окошечками висящій въ воздухѣ монастырь Гозувиты...

Онъ прилѣпленъ, какъ гнѣздо ласточки, къ отвѣсному обрыву скалъ; онъ проточилъ въ толщахъ горы, будто муравей —свои подземные ходы, черныя дверочки и окошечки своихъ тайныхъ убѣжищъ. Утлыя лѣсенки и галлерейки подвѣшены снаружи, будто нити паука, къ этимъ жалкимъ норкамъ червоточины, пробуравившей могучую грудь скалы, и при ревѣ сердитаго потока, кажется, дрожатъ и качаются, тоже какъ паутина... Висящій надъ бездною маленькій монастырекъ кажется какой-то живописной игрушкой, легкомысленно прилѣпленной къ груди черной громады рукою наивнаго ребенка... Монастырь-игрушка спрятанъ будто съ умысломъ въ послѣднемъ и самомъ поразительномъ амфитеатрѣ скалъ, словно вся романтическая декорація дикаго ущелья, которая до сихъ поръ развертывалась передъ нами, — постепенно подготовляла насъ къ созерцанію его оригинальной красоты...

Мы перешли черезъ дрожащій мостъ, перекинутый надъ бурнымъ потокомъ у подножія водопада, и стали карабкаться на ту сторону по вырубленнымъ въ скалѣ ступенямъ, по осыпямъ горы, по отвѣснымъ деревяннымъ лѣсенкамъ, по какимъ лазаютъ только на колокольни да въ трюмы кораблей...

Арабы наши потащили лошадей безъ всякихъ лѣстницъ по такимъ откосамъ скалы, что я инстинктивно отвернулъ отъ нихъ голову, начинавшую кружиться отъ одного воображенія...

Игуменъ Калиникъ встрѣтилъ насъ въ простотѣ истиннаго монаха. Онъ былъ одѣтъ бѣдно, такъ что сразу трудно было признать въ немъ хозяина обители... На немъ былъ старенькій нанковый подрясникъ, а въ рукахъ — кривой ножъ, которымъ онъ только-что вырѣзывалъ кипарисовую ложку. Но зато въ этой смиренной фигурѣ работящаго инока было столько спокойной привѣтливости, выражающейся въ ласковомъ взглядѣ глазъ, въ тихой доброй улыбкѣ, что мы какъ-то сразу прониклись невольною симпатіею къ встрѣтившему насъ милому старцу.

Пока одинъ изъ братіи, испачканный въ известь и песокъ, среди которыхъ онъ возился, готовилъ намъ неизбѣжный русскій самоварчикъ, завоевавшій себѣ право гражданства даже въ этихъ недоступныхъ уголкахъ Палестины — и нигдѣ такъ, какъ здѣсь, не радующій сердца русскаго странника,—игуменъ повелъ насъ осмотрѣть скудные остатки своихъ древнихъ святынь, только-что начинающихъ возрождаться изъ праха...

Въ настоящую минуту монастыря почти нѣтъ еще. Прежняя площадка, вырубленная въ отвѣсной стѣнѣ скалы, почти вся занята низенькими жилищами горсти монаховъ и работниковъ. Этотъ дворикъ, прикрытый сверху отъ солнца циновками и парусиной, обставленный кухонками и кельями, вдвинутъ на половину въ толщу скалы и представляетъ изъ себя маленькій рабочій улей... Бѣленькая комнатка игумена одна выступаетъ вровень съ лицомъ скалы, такъ что балкончикъ ея виситъ уже надъ бездною, и два окошечка глядятъ прямо въ нее. Кругомъ дворика—хаосъ какой-то неубранной каменоломни. Вырубаются новыя впадины въ скалѣ, раскапываются кучи накопившагося вѣками каменнаго мусора, пробиваются ходы сквозь скалу въ спрятанныя въ ней старыя пещеры, изсѣкаются ступени и лѣстницы вверхъ, на темя скалы. Работы—безконечное множество, и такъ мало рукъ, и еще меньше средствъ! Монастырекъ кажется задавленнымъ, засыпаннымъ этими глыбами известняка, среди которыхъ онъ неустанно работаетъ, си-

лясь вырваться изъ-подъ нихъ и одолѣть ихъ какимъ-нибудь стройнымъ порядкомъ...

Въ древности тутъ былъ главный центръ знаменитой лавры св. Евфимія, потому что на каждомъ шагу встрѣчаются при раскопкахъ слѣды многолюднаго и богатаго монастыря; прямо на сердцѣ скалы видны еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ остатки штукатурки съ фресками и щели, въ которыя вставлялись концы толстыхъ балокъ. Очевидно, площадка была прежде гораздо шире, но потомъ, въ теченіе вѣковъ, скала откололась и осыпалась, оторвавъ за собою въ пропасть и утвержденныя въ ней постройки монастыря... Оттого-то оштукатуренныя и гладко высѣченныя стѣны скалы, когда-то бывшія задними стѣнами прилегавшаго къ скалѣ храма, теперь уже висятъ надъ обрывомъ ущелья. Изъ всего, нѣкогда славнаго, монастыря сколько-нибудь уцѣлѣла только одна древняя церковь, вдвинутая довольно глубоко въ толщу скалы, подъ навѣсомъ ея сводовъ...

По характеру постройки, эта церковь—временъ Юстиніана. Когда-то она была богато украшена, потому что на скалѣ пола, давно обнаженной отъ одѣвавшихъ ее прежде мраморовъ, замѣтны еще остатки дорогой мозаики... А на скалѣ задней стѣны явственно видны яркія фрески съ крупными фигурами святыхъ... Сводъ храма совсѣмъ провалился, и жаркое солнце полдня свободно свѣтитъ сверху въ его разоренную внутренность... Монахи прикрыли проломъ свода тростникомъ и старенькой парусиной, чтобы, по крайней мѣрѣ, оберечь отъ дождя и зноя свой маленькій бѣдный алтарикъ. Тамъ стоитъ посрединѣ нищенски убранный престолъ, отдѣленный отъ остальной церкви полинялой занавѣской... Но царскихъ дверей — и помина не осталось... Впрочемъ, и самыя стѣны пробиты во многихъ мѣстахъ отверстіями и трещинами, какъ крѣпость послѣ бомбардировки.

Эта церковка — пока единственный здѣсь храмъ для молитвы. По преданіямъ монастыря, церковь эта была устроена въ пещерѣ, гдѣ, еще до пришествія Христа, сорокъ лѣтъ спасался

и молился Іоакимъ, отецъ Пресвятой Дѣвы. Церковь до сихъ поръ посвящена Богоотцамъ Іоакиму и Аннѣ, и ихъ изображенія угадываютъ въ уцѣлѣвшихъ фрескахъ. Въ преданіи этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго, потому что, какъ извѣстно изъ Іосифа Флавія и другихъ еврейскихъ историковъ того времени, нѣкоторыя еврейскія секты, особенно ессеяне, и отчасти даже фарисеи, любили жить отшельниками въ пустынныхъ ущельяхъ Іудейскихъ горъ, въ окрестностяхъ Іордана и Мертваго моря, побѣждая свои плотскія страсти трудомъ и лишеніями, вырабатывая свой духъ безмолвнымъ самосозерцаніемъ, молитвою и бесѣдами съ Богомъ. Всѣ западныя ущелья Мертваго моря около Маръ-Сабы, Расъ-ель-Фешка, Енъ-Джиди были наполнены пещерами отшельниковъ-ессеянъ. Они, какъ и послѣдователи Христа, проповѣдывали простыя и суровыя привычки жизни, бѣдность, общность имущества, отвращеніе отъ насилія, тихую добродѣтельную жизнь въ молитвѣ и трудѣ, а вмѣстѣ—и всеобщую свободу, въ ожиданіи пришествія Мессіи...

Во времена Ирода Великаго, Банусъ, фарисей суровыхъ правилъ, также жилъ въ пещерѣ въ окрестностяхъ Мертваго моря, носилъ платье изъ листьевъ пальмы, питался только кореньями и травами, какъ современникъ его Іоаннъ Креститель, днемъ и ночью погружался въ холодную воду ключей. Увѣряютъ, что даже самъ ученый историкъ еврейства—Іосифъ Флавій—три года жилъ въ пещерѣ вмѣстѣ съ Банусомъ. До такой степени вкоренены были въ нравы евреевъ обычаи пустынножительства его древнихъ пророковъ.

Эта полуразрушенная маленькая церковь, прожившая болѣе тысячелѣтія, со своими обнаженными стѣнами, проросшими травой, со своимъ нищенскимъ убранствомъ, прикрытая отъ дождя и солнца, какъ палатка бѣдняка-араба, горстью камыша и старою тряпкой,—переносила мое воображеніе въ молодые и горячіе дни перваго христіанства гораздо живѣе, чѣмъ всѣ наши торжествующіе, сверкающіе золотомъ и иконами, современные храмы съ ихъ стройными клирами и царственной роскошью

архіерейскаго служенія. Въ такой именно простотѣ и скудости, въ такой обстановкѣ лишеній и опасностей возникали въ нѣдрахъ римскихъ катакомбъ, въ пескахъ Ѳиваиды, въ горахъ Іудеи, первыя безхитростныя обители христіанства, завоевавшія своей смиренной проповѣдью любви и мира народы и царства...

На мѣстѣ бокового придѣла церкви св. Іоакима воздвигается теперь, по распоряженію патріарха Никодима, новый храмъ. Въ этомъ придѣлѣ тоже видны обрывки мозаики и фресокъ на полу и стѣнахъ, а при разрытіи фундамента его откопали даже гробъ съ хорошо сохранившимся тѣломъ. Предполагаютъ, что это тѣло Георгія, бывшаго игумена Гозувитскаго монастыря. Гозувитскій монастырь устроенъ былъ на развалинахъ лавры Евфимія Великаго Іоанномъ, архіепископомъ Гозувитскимъ. Мы посѣтили его церковь въ пещерѣ, гораздо выше теперешняго монастыря. Множество келій, частью доступныхъ, частью обрушенныхъ или съ заваленными входами, наполняютъ гору въ этихъ верхнихъ ярусахъ ея... Наверху же добывается и камень для постройки новой церкви, который приходится съ большими усиліями и съ большою потерею времени перетаскивать внизъ по отвѣснымъ обрывамъ...

Вообще, въ прежне время не только внутренность горы, но и ея плоская макушка были, очевидно, заняты монастырскими поселеніями. Вездѣ еще видны слѣды лѣстницъ и построекъ. На самомъ темени горы уцѣлѣла громадная древняя цистерна, снабжавшая водою нижній монастырь черезъ особые, скрытые въ скалѣ, стоки.

На дняхъ удалось откопать изъ-подъ грудъ мусора, наравнѣ съ крышею Іоакимовой церкви, три совсѣмъ сохранившихся колодца, въ которые проводили воду эти стоки.

Сколько нужно было положить по истинѣ египетскаго труда, чтобы создать среди отвѣсныхъ скалъ всѣ эти капитальныя сооруженія древности! Но такой же, кажется, трудъ потребенъ и те-

перь для возстановленія хотя нѣкотораго подобія стараго монастырскаго устройства. Работы однако начаты смѣло: выдалбливаются и строятся новыя кельи, галлереи, лѣстницы для сообщеній, расчищается площадка, сооружается храмъ. Патріархъ Никодимъ, энергическій возстановитель древняго православія въ Палестинѣ, не жалѣетъ для этого ни денегъ, ни трудовъ. Онъ пріѣзжалъ верхомъ въ Гозувиту, спускался пѣшкомъ въ ея провалы, карабкался по ея лѣсенкамъ и сдѣлалъ необходимыя распоряженія. Онъ постоянно снабжаетъ Гозувиту мукой, бобами и всякими съѣстными припасами, безъ которыхъ здѣшняя монашеская колонія давно погибла бы съ голоду. Онъ присылаетъ сюда рабочихъ, матеріалы, деньги. Нашъ предпріимчивый начальникъ палестинской миссіи, архимандритъ Антонинъ, тоже недавно посѣтилъ Гозувиту; онъ привозилъ съ собою фотографа, который — вѣроятно, въ первый разъ за все время существованія монастыря — снялъ его поразительные виды. Вообще очень мало кто, даже въ Іерусалимѣ, знаетъ Гозувитскій монастырь, а еще меньше такихъ, которые побывали въ немъ. Мнѣ не случалось читать ни у одного палестинскаго путешественника, ни въ одномъ путеводителѣ по святымъ мѣстамъ, ни русскомъ, ни иностранномъ, не только описанія, но даже короткаго упоминанія о Гозувитѣ. Только тѣ старинные паломники, которые еще застали здѣсь лавру Евфимія Великаго, говорятъ, что нибудь о ней.

Нашъ Даніилъ-Игуменъ посѣтилъ въ XII вѣкѣ монастырь св. Евѳимія и еще поклонялся въ немъ мощамъ основателя его и другихъ святыхъ угодниковъ, тамъ почивавшихъ. Бедуины постоянно разоряли тогда стѣны и храмы знаменитой обители, повидимому, уже бывшей въ нѣкоторомъ запустѣніи, и отъ разбоя кочевниковъ не было возможности странствовать по ущельямъ Іорданской пустыни безъ военнаго конвоя, хотя страною уже управляли христіанскіе короли.

Самая характерная и любопытная святыня Гозувиты — ея древняя усыпальница. Изъ монастыря нужно подняться немного направо по карнизу скалы, и вы увидите въ стѣнѣ этой скалы маленькую, окованную желѣзомъ, дверочку, всегда запертую на замокъ. Игуменъ отворилъ ее, и мы вошли съ нимъ въ довольно просторную темную пещеру съ низкими сводами, на которыхъ еще сохранилась расписанная фресками старинная штукатурка... Четыреугольная могила, въ видѣ колодца, ископана посреди этой пещеры, вся наполненная, какъ погребъ овощами,—высохшими кистями рукъ и ногъ... Узкіе рвы, могилы, идутъ кругомъ этой центральной ямы, тоже наполненные человѣческими костями и тлѣющими остатками иноческихъ одеждъ. За ними, у подножія стѣнъ, разложены сплошною цѣпью, опоясывающею всю пещеру, будто отобранные въ прокъ арбузы,—сотни желтѣющихъ и бѣлѣющихъ череповъ... На облупленной черной штукатуркѣ стѣнъ, среди изможденныхъ фигуръ подвижниковъ съ впалыми глазами, съ бородами по колѣно,—множество арабскихъ и греческихъ надписей, крестовъ, выведенныхъ Богъ знаетъ когда неискусною рукою иноковъ, хотѣвшихъ помянуть своихъ, сошедшихъ въ могилу, братьевъ. Простолюдины-богомольцы, посѣщающіе Гозувиту, непремѣнно приходятъ поклониться останкамъ этихъ безчисленыхъ невѣдомыхъ отшельниковъ, сложившихъ здѣсь свои кости, зажигаютъ лампадки передъ иконами, прилѣпляютъ къ старымъ стѣнамъ свои грошовыя свѣчки и поютъ панихиды по усопшимъ... Нѣкоторые даже уносятъ съ собою тайкомъ кости и остатки одеждъ, тлѣющихъ въ открытой могилѣ.

Игуменъ, вѣроятно, заподозрилъ и насъ въ возможности совершить это благочестивое воровство, потому что обязательно предупредилъ насъ, въ какой грѣхъ впадаютъ поклонники, похищающіе, хотя и съ доброю цѣлью, кости усопшихъ иноковъ и лишающіе, такимъ образомъ, этихъ «покойниковъ» всѣмъ желаннаго замогильнаго «покоя», о которомъ молитъ Бога церковь: — «упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего!»—«Во блажен-

номъ успѣніи вѣчный покой»? — вотъ о чемъ взываютъ всѣ погребальныя молитвы, разъяснялъ намъ игуменъ,—для вящаго же нравоученія, онъ разсказалъ намъ, что нерѣдко русскіе странники, тайкомъ уносившіе изъ усыпальницы къ себѣ на далекую родину какія-нибудь кости, волей-неволей должны были отправляться опять въ Палестину и относить эти кости туда, откуда они взяли ихъ. Всякаго рода необычайныя и страшныя дѣла творились у нихъ въ домѣ, пока они не рѣшались возвратить похищенныя кости ихъ могилѣ...

Усыпальницъ такихъ—не одна, а нѣсколько. Въ нѣкоторыя уже пройти нельзя, потому что всякіе слѣды тропинокъ осыпались, ходы завалились; но въ нѣкоторыя еще ходятъ... Почти всѣ онѣ соединялись когда-то другъ съ другомъ подземными переходами, и до сихъ поръ изъ главной усыпальницы можно пробраться въ цѣлый лабиринтъ пещеръ. Но монахи нарочно заложили ходы въ далекія пещеры, чтобы черезъ нихъ не забирались въ монастырь лихіе люди и хищные звѣри, любящіе прятаться въ прохладной безопасности этихъ подземныхъ логовищъ.

Когда мы вышли изъ душнаго могильнаго склепа на свѣтъ Божій и остановились на своей узенькой тропочкѣ, въ невольномъ благоговѣніи передъ забытою на мгновенія поразительною картиною, игуменъ тоже нѣсколько минутъ молча смотрѣлъ кругомъ и потомъ сказалъ, вздохнувъ:

— Мѣсто дикое, а для насъ ничего... Привыкли... Красота-то какая!... И вода сейчасъ, и лѣсъ... Въ Іерусалимъ поѣдешь, скука беретъ послѣ нашего ущелья, пыль, жара... Вѣдь это теперь только мы одни тутъ живемъ, а въ старину тутъ было народу какъ въ большомъ городѣ: у Евфимія Великаго въ одной лаврѣ больше 5,000 иноковъ было... А тутъ по сосѣдству другіе монастыри были... рукой подать... Ѳеоктиста Святого, Михаила Архангела, Герасима... веселѣе было жить, чѣмъ намъ... людиѣе и безопаснѣе... Лавра-то Евфиміева почти по всему ущелью тянулась. И теперь еще видно много строеній

старыхъ, версты три пониже, по потоку, въ скалахъ... а пещеръ—числа нѣтъ... только подниматься къ нимъ очень стало трудно.

— А что, живетъ тамъ кто нибудь теперь, отецъ игуменъ? спросила жена.—Находятся охотники?

— Какъ вамъ сказать, не слыхать что-то, отвѣчалъ въ раздумьѣ игуменъ.—Прежней любви къ пустынножительству уже нѣтъ теперь въ инокахъ... Случается, поселится кто-нибудь въ какой-нибудь дальней пещеркѣ... изъ чужестранныхъ больше... Пойдетъ слухъ... Смотришь, мѣсяца черезъ 2, 3—и опять нѣтъ никого. Не живутъ что-то долго, не одолѣваютъ истиннаго отшельничества. Вотъ ваша землячка только, мать Марина, такъ та года три тутъ около насъ спасалась недалеко, версты двѣ внизъ, не больше... Да смѣлая же какая! Мы такой и не видали никогда!—улыбнулся игуменъ.—Немало ей всѣ удивлялись. Она къ намъ каждый праздникъ къ обѣднѣ приходила. Другой арабъ здѣшній побоится на кручу лѣзть, куда она каждый день лазала. Ей—нипочемъ. Приправила себѣ лѣсенку веревочную, поднимется по ней, ровно паукъ по паутинѣ, въ свою пещерку и спустится куда нужно... а на ночь лѣсенку втянетъ къ себѣ наверхъ, запрется на задвижку, вотъ ея и не достанетъ никто, ни сверху, ни снизу, потому что дорогъ къ ней никакихъ, какъ гнѣздо птичье—надъ пропастью виситъ... Ну, и молится себѣ покойно, знать ничего не знаетъ, въ своей пещеркѣ, какъ въ крѣпости какой...

— Отчего-жъ это она ушла отъ васъ? спросила жена.—Мы видѣли Марину въ Іерусалимѣ, она теперь въ Силоамѣ живетъ, въ гробницахъ Соломоновыхъ... Она жаловалась, что ее выгнали отсюда.

Игуменъ не переставалъ улыбаться, покачивая головою.

— Знаю, знаю, сказалъ онъ тихо.—Женщина смѣлая, вездѣ свое возьметъ... Только мы ее не гнали отсюда... намъ что! Живи себѣ, гдѣ угодно... Ущелье божіе, а не наше. Патріарху не захотѣлось. Патріархъ говоритъ:—«не подобаетъ женскому

полу близко скита иноческаго проживать»... вотъ и выдворили ее отсюда...

Мы стали осторожно спускаться къ монастырю. Но, прежде чѣмъ поднялись на его лѣстнички, игуменъ вдругъ остановился и сказалъ, указывая на тотъ берегъ ущелья:

— Вотъ вы ѣхали тамъ, а навѣрное не замѣтили. Видите, арки каменныя видны между скалъ, сложены-то какъ отлично! нашимъ теперешнимъ мастерамъ никогда такъ не сложить!.. тутъ вѣдь водопроводъ древній шелъ, еще отъ временъ Ирода нечестиваго... Весь Іерихонъ водою полнъ изъ нашего ущелья. Потому что противъ нашей воды во всей Палестинѣ не найдешь...

Мы дѣйствительно разсмотрѣли между утесами противоположнаго обрыва уцѣлѣвшіе остатки смѣлыхъ арокъ изъ тесанныхъ камней, бѣлѣвшіеся въ разныхъ мѣстахъ. Это дикое ущелье, очевидно, все насквозь пропитано исторіей...

Игуменъ Калиникъ свободно объясняется по-русски; онъ научился ему у богомольцевъ во время долгаго пребыванія своего монахомъ св. Гроба и теперь даже отлично пишетъ по-русски цѣлыя трогательныя воззванія, образчикъ котораго получили, конечно, и мы, для распространенія среди своихъ земляковъ, по возвращеніи на родину...

Когда онъ показалъ намъ всѣ уголки своего скуднаго монашескаго хозяйства, мы присѣли съ нимъ наконецъ за давно поджидавшій самоварчикъ, вокругъ котораго Якубъ успѣлъ установить всякія утѣшенія чрева, какія только были съ нами. Виномъ здѣсь не избалованы, и добрый старичекъ, съ ранней зари утомлявшій себя всякими хлопотами, съ очевиднымъ удовольствіемъ осушилъ передъ чаемъ стаканчикъ-другой краснькаго.

За чаемъ опять пошли разсказы о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ, о старинныхъ временахъ. И здѣсь, въ пропастяхъ, гдѣ спасались подвижники, отказавшіеся отъ всѣхъ благъ міра, тотъ же

неизбѣжный припѣвъ, который вы теперь слышите вездѣ, куда бы только ни занесла васъ судьба, который поется на всѣ лады и барами, и купцами, и фабрикантами, и государственными дѣятелями и общественными собраніями:—нѣтъ денегъ! не стало доходовъ!.. Не то, что въ счастливыя старыя времена!..

Я внутренно улыбался, слушая эти наивныя жалобы старика, который подъ рясою инока не переставалъ быть хлопотливымъ хозяиномъ и, повидимому, совсѣмъ забылъ, что нищенство должно быть идеаломъ его.

— Сюда много ходитъ русскихъ, но только все простые; разсказывалъ намъ Калиникъ:—господъ вовсе не бываетъ; больше присылаютъ изъ Россіи письмами, по адресу, благодѣтели разные. Только и живи русскими. Греки рѣдко здѣсь бываютъ. Да и бывать тутъ трудно, не всякій рѣшается, дороги еще плохи, и отъ разбойниковъ только недавно стало свободно. Двадцать лѣтъ тому назадъ никто не смѣлъ показаться въ эти мѣста, ни одного монаха тутъ не было. А теперь одинъ ночью случается, идешь, ничего... Арабы, впрочемъ, боятся ночи, никогда ночью не грабятъ, все днемъ. Изъ-за Іордана бедуины больше разбойничаютъ. Тамъ въ старину, при Костантинѣ-царѣ, всѣ бедуины христіане были, и за Мертвымъ моремъ, и вездѣ кругомъ. Даже теперь тамъ въ горахъ много развалинъ монастырей древнихъ и церквей, а христіанъ ужъ почти нѣтъ. Туда опасно ходить, вездѣ разбойники кочуютъ. А страна богатая, вся пшеница за горами; какъ навалится у нихъ на горы снѣгъ, бедуины и опускаются сюда.

Прибыли новые рабочіе-камнетесы, присланные патріархомъ, и игуменъ долженъ былъ покинуть насъ сейчасъ же послѣ нашей походной трапезы, чтобы заняться работами...

Между тѣмъ скоро наступила ночь. Она падаетъ здѣсь, въ горныхъ ущельяхъ, быстро и рѣзко, какъ занавѣсъ театра. Какъ ни утомили насъ верховая ѣзда и зной дня, какъ ни нуж-

дались мы въ раннемъ отдыхѣ, вставая ежедневно въ три часа, однако картина ночи въ дикомъ ущельѣ соблазняла насъ, и мы съ женою вышли полюбоваться ею на маленькій тесовый балкончикъ, придѣпленный къ игуменской кельѣ...

Черная бездна смутно рисовалась во тьмѣ ночи своими скалами и обрывами, и въ ея глубокой, незримой теперь, утробѣ по прежнему бушевалъ и ревѣлъ, словно какой-то неистовый духъ ада, горный потокъ...

Намъ на нашемъ трясущемся, въ воздухѣ висящемъ балкончикѣ, казалось теперь, что этотъ неукротимый потокъ грызетъ и гложетъ тамъ, внизу, устои пріютившаго насъ монастыря, что онъ ведетъ теперь противъ него отчаянный ночной приступъ, потрясая его, какъ таранами, ударами своихъ волнъ, осыпая его, словно метательными снарядами какой-нибудь осадной башни, камнями своихъ водопадовъ. Въ этой черной тьмѣ, среди этого безумнаго рева, какъ въ страшной волшебной сказкѣ, овладѣвшей воображеніемъ ребенка, намъ все казалось теперь возможнымъ и, какъ напуганнымъ дѣтямъ, дѣйствительно становилось жутко отъ собственныхъ фантазій...

Мы давно ужъ улеглись на узенькихъ, какъ камень твердыхъ, диванчикахъ игумена, подъ окнами его келейки; давно потухъ свѣтъ во всѣхъ уголкахъ и закоулочкахъ маленькаго скита, а сквозь затворенныя окна сердитый потокъ всю ночь напролетъ безъ умолку напѣваетъ намъ свои воинственныя пѣсни, убаюкивая насъ этимъ однообразнымъ, гнѣвнымъ рокотомъ своимъ, какъ неусыпный часовой подъ окнами тюрьмы, —навѣвая на насъ самыя причудливыя и тревожныя сновидѣнія...

Спалось порядочно плохо; монастырскія насѣкомыя, голодныя, какъ волки зимою, живьемъ ѣли насъ, а все-таки нужно было вскочить въ три часа, чтобы избѣжать невыносимой полуденной ѣзды.

сова творчества, никакъ, повидимому, не ожидая, что пирамиды высоки, и что на нихъ подниматься нѣсколько труднѣе, чѣмъ по коврамъ каирскимъ отелей. Теперь—и здѣсь та же исторія.

Впрочемъ, меня не только смѣшило, но и нѣсколько досадовало такое отношеніе итальянскихъ путешественниковъ къ палестинскимъ святынямъ. По странной случайности, они не рѣшались посѣщать именно православныхъ обителей, какъ Гозувита, Маръ-Сабу и другія. Католики такъ цѣпко держатся за наставленія своихъ патеровъ, что невольно заподозришь тутъ цѣлую программу. Что не католическое, то, значитъ,и неинтересное; тамъ, значитъ, ни святыни, ни исторіи. Важно не христіанство, а латинство; интересна не страна подвиговъ Христовыхъ, а палестинскія завоеванія папской власти... Нигдѣ однако эти деспотическія притязанія вѣчно воинствующаго католицизма не кажутся болѣе неумѣстными, какъ именно здѣсь, въ Палестинѣ, еще насквозь дышащей всепримиряющею и всеобъединяющею проповѣдью ея Божественнаго Учителя...

XXI.—Монастырь-могила.

Таборы бедуиновъ.—Головокружительная круча.—Часовня арабскаго святаго.—„Юдоль плача".—Пещеры лавры Саввы Освященнаго.—Неприступныя стѣны обители.—Полуденный отдыхъ.—Недоступность монастыря для женщинъ.—Церкви и усыпальницы обители.—14,000 череповъ.—Жилище св. Іоанна Дамаскина. — Пальма св. Саввы. — Бедуины и монастырь. — Вѣра араба въ Москова.

Въ монастырь св. Саввы мнѣ пришлось ѣхать по дорогѣ изъ Виѳлеема. Дорога эта и сама по себѣ очень трудна, а тутъ еще арабъ-проводникъ предложилъ провести насъ ближнимъ путемъ, безъ дорогъ, что ужъ вышло окончательно скверно.

Мы проѣхали черезъ мирную долину пастырей, или «пас-

тушковъ», какъ наивно зовутъ ихъ здѣшніе христіане, и свернули направо, въ лабиринтъ пустынныхъ каменныхъ холмовъ и еще болѣе пустынныхъ каменныхъ долинокъ, глубоко спрятанныхъ между ними... Печально и дико кругомъ. Даже ранній часъ чудеснаго голубого утра не въ силахъ развеселить этихъ однообразно унылыхъ, безжизненныхъ и безплодныхъ холмовъ, охватывающихъ васъ со всѣхъ сторонъ, словно окаменѣвшія волны какого-то бурнаго гигантскаго моря...

Чѣмъ дальше отъ Виѳлеема, тѣмъ чаще попадаются таборы кочующихъ бедуиновъ... Только съѣдешь въ глухую, глубоко запрятанную долинку, какъ сейчасъ же очутишься среди «черныхъ шатровъ Кидара». Эти низенькіе длинные и грязные шатры, сотканные изъ овечьей шерсти, постоянно располагаются какъ бы боевымъ лагеремъ: ряды шатровъ образуютъ четырехъ-угольный дворъ, въ которомъ безопасно бѣгаютъ арабчата, а уродливыя бедуинскія старухи, еще болѣе похожія на вѣдьмъ, чѣмъ наши старыя цыганки, занимаются своимъ жалкимъ домашнимъ хозяйствомъ... Одна пола шатра, расположенная въ тѣни, всегда приподнята, а вся внутренняя жизнь кочевья видна какъ на ладони... Видны костры, видны синія съ головы до ногъ бабы за оригинальными веретенами, на которыхъ они прядутъ шерсть, и прежде всего видно безчисленное множество валяющихся и барахтающихся голыхъ дѣтишекъ. Собакъ въ этихъ таборахъ еще больше, чѣмъ дѣтей, и онѣ встрѣчаютъ подъѣзжающихъ неистовымъ лаемъ и неистовыми аттаками. Мы наткнулись по крайней мѣрѣ на пятнадцать такихъ таборовъ, принужденные пробираться черезъ нихъ, чтобы попасть съ одного ската долины на другой. Къ счастію, всѣ мужчины ушли съ овцами въ горы или убирали пшеницу по плодороднымъ долинкамъ. Мы встрѣчали, конечно, и ихъ, подозрительно торчащихъ на вершинахъ холмовъ съ ружьемъ наготовѣ, окруженныхъ своими стадами; но все же это было не то, что попасть къ цѣлому сборищу ихъ, въ серединѣ табора.

Хотя пропасти Дагестана подготовили меня ко всему воз-

можному и невозможному, однако я съ большимъ внутреннимъ смущеніемъ сидѣлъ на своемъ конѣ, когда ему пришлось проносить меня цѣлыя двѣ версты по скользкой, чуть пробитой тропѣ титаническаго косогора, висѣвшаго надъ отвѣснымъ обрывомъ головокружительной высоты.

Съ этого ужаснаго карниза нужно было спускаться въ ущелье, по которому пролегаетъ прямой и сравнительно удобный путь изъ Іерусалима въ Маръ-Сабу. Спускъ этотъ, тоже вьющійся постоянно надъ пропастью, такъ крутъ и опасенъ, что проводники—арабъ и Якубъ—сочли за лучшее спѣшиться и повести коней въ поводу. Я, конечно, послѣдовалъ ихъ примѣру.

Внизу, въ долинѣ, мы сейчасъ же встрѣтили цѣлую шайку вооруженныхъ бедуиновъ. Они шли намъ навстрѣчу и съ самымъ недвусмысленнымъ любопытствомъ осматривали своимъ опытнымъ глазомъ наше вооруженіе и нашихъ лошадей. Хорошо знакомая имъ магазинка турецкаго урядника и его военный мундиръ, кажется, внушили имъ надлежащее почтеніе, хотя я счелъ за благоразумное держать наготовѣ свой двѣнадцатиствольный револьверъ въ предвидѣніи всякихъ случайностей.

Іерусалимъ былъ настолько близокъ отъ мѣста нашего спуска, что сквозь провалы ближнихъ горъ вдругъ заглянула къ намъ въ долинку, радостно сіяя своими купами деревъ и крестами новыхъ русскихъ построекъ, высоко, будто съ облаковъ, макушка горы Елеонской. До нея отсюда всего верстъ десять. При другомъ поворотѣ долины мы увидѣли на холмѣ маленькую часовенку самаго древняго вида, всю обвѣшанную разноцвѣтными тряпочками. Это гробница очень чтимаго бедуинами мусульманскаго святого. Арабы смѣло прячутъ въ нее все, что имъ нужно: мѣшки съ ячменемъ и просомъ, оружіе, все что стѣсняетъ ихъ въ пути или работѣ, и ни одна рука, даже самаго отчаяннаго хищника, не дерзнетъ прикоснуться къ вещамъ, отданнымъ на сохраненіе святому.

Монастырь св. Саввы Освященнаго, Маръ-Саба арабовъ, стоитъ на обрывахъ праваго берега Кедрона, недалеко отъ того мѣста, гдѣ русло Кедрона пробивается сквозь дикія скалы Іудейскихъ горъ къ Мертвому морю.

Издревле тѣснина эта носитъ названіе «юдоли плача», или «рѣки огненной». По библейскимъ преданіямъ, въ «юдоли плача» возстанутъ мертвые изъ своихъ могилъ и совершится страшный судъ Божій. Это вѣрованіе пережило вѣка, держалось и держится доселѣ среди христіанъ, среди евреевъ и даже среди мусульманъ. «Въ юдоли печальной хощетъ течи рѣка огненная въ день страшнаго суда»—объяснялъ еще нашему Трифону Коробейникову іерусалимскій патріархъ.

И дѣйствительно, нѣтъ мѣста на землѣ, болѣе подходящаго къ этому мрачному имени и этой мрачной роли. Гнѣвъ Божій словно заранѣе почилъ на немъ, отмѣтивъ его людямъ, какъ своего рода лобное мѣсто будущей грозной кары за грѣхи міра. Огненная рѣка уже словно протекла черезъ эти дикія, безпріютныя пропасти, выжгла ихъ досуха, какъ черепицу, и до черна прокалила ихъ скалы, безпорядочно нагроможденныя другъ на друга. Страшною черною пустынею, истымъ жилищемъ бѣсовъ, глядитъ теперь эта изсохшая и растрескавшаяся тѣснина, словно и въ самомъ дѣлѣ она представляетъ изъ себя какой-нибудь мрачный проходъ въ царство вѣчнаго огня, въ подземныя пучины ада.

Ни кустика, ни деревца, ни травки. Только камни и камни, оторгнутые отъ утесовъ, наваленные безпорядочными кучами, торчащіе надъ головою въ угрожающемъ безмолвіи. Густавъ Доре, иллюстрируя Дантовъ адъ, забылъ заглянуть въ этотъ готовый уголокъ ада и снять съ него точную копію, характерніе которой не создастъ никакая фантазія художника. Стѣны скалъ, черныхъ какъ чугунъ, жесткихъ и тяжкихъ какъ чугунъ, обрываются съ двухъ сторонъ долины рѣзкими ступенями, сдавливая въ своихъ пятахъ вьющуюся между ними, провалившуюся глубоко внизъ, черную змѣю давно изсохшаго ло-

жа. Безнадежное отчаяніе и безмолвіе могилы царитъ здѣсь надъ всѣмъ и давитъ душу объятіемъ смерти. «Lasciate ogni speranza!». Входящіе, отложите надежду!—написано зловѣщими черными письменами на этихъ черныхъ стѣнахъ.

Это не долина молитвы, а долина проклятія, не Божіе, а скорѣе дьявольское царство.

Горячій зной палестинскаго дня неподвижно налитъ до самыхъ краевъ этого глубокаго чугуннаго котла, и отъ его раскаленныхъ черныхъ стѣнъ дѣлается еще вдвое жарче, словно онъ весь наполненъ горячими парами какого-нибудь скрытаго на днѣ его сѣрнаго моря, въ которомъ дьяволы кипятятъ грѣшниковъ.

«Ничего я не видѣлъ ужаснѣе сей пропасти!» вырвалось признаніе даже у сдержаннаго Муравьева, привычнаго къ скитанію по всякимъ дикимъ дебрямъ.

И вездѣ, куда ни перенесется взоръ, въ этой пропасти чернѣютъ, какъ высохшій медовый сотъ, дыры опустѣвшихъ пещеръ. Онѣ идутъ сплошь, въ нѣсколько ярусовъ, вверху, внизу. Иногда виднѣется еще бѣлая стѣнка, поддерживавшая какой-нибудь переходъ или террасу, каменныя пристройки и надстройки вокругъ пещеръ; но ступени лѣсенокъ, когда-то вырубленныхъ въ скалѣ, или прилѣпленныхъ къ обрыву бездны, давно уже осыпались, и теперь даже смѣлый барсъ не проберется въ эти старыя обиталища иноковъ.

Это остатки древней великой лавры Саввы Освященнаго, цѣлаго пещернаго монастырскаго городка, въ которомъ нѣкогда жило до 14,000 отшельниковъ, въ стѣнахъ котораго сохранялись въ вѣка опасности и гоненій, какъ въ кивотѣ завѣта своего рода, древнія апостольскія преданія и древняя апостольская ревность о вѣрѣ Христовой. Отсюда св. Савва, съ 8-ми лѣтъ обрекшій себя монашеству и жившій почти до ста-лѣтней старости въ этихъ безплодныхъ пропастяхъ, выходилъ на соборы іерусалимскіе въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ своихъ

старцевъ обличать ересь монофозитовъ и стоять непоколебимымъ защитникомъ церковныхъ догматовъ.

Здѣсь въ этихъ мрачныхъ и горячихъ безднахъ сложилась та знойная и мрачная поэзія терзанія своей плоти, молчанія, голода, неусыпленія, которая столько вѣковъ цвѣла среди пустынь Палестины, и которая въ VIII вѣкѣ нашла своего вдохновеннаго выразителя въ Іоаннѣ Дамаскинѣ, творцѣ знаменитыхъ покаянныхъ и погребальныхъ кононовъ церковныхъ, — тоже инокѣ св. Саввы.

Здѣсь живые люди обращали себя въ неподвижныхъ столпниковъ, погребали себя заживо въ каменныхъ скитахъ, отказываясь отъ пищи, и не возжигая огня.

И дѣйствительно, въ этой обстановкѣ ада кромѣшнаго вся земная жизнь должна была казаться отшельнику мрачною «юдолью плача», мѣстомъ «скрежета зубовнаго», покинуть которое, обмѣнять на сіявшее высоко вверху тихое Божіе небо, —ему хотѣлось такъ радостно, такъ страстно.

Тутъ жилъ онъ на-яву среди видѣній черныхъ муриновъ и эфіоповъ, въ мрачныхъ сновидѣніяхъ о бѣсахъ, неотступно мучающихъ человѣка, низвергающихъ его въ бездны, ибо весь міръ превращался для него мало-по-малу въ одно горячечное марево грѣха, соблазна и страданія. «Безвременно мечтателенъ трудъ житія земного»! восклицаетъ одинъ изъ кановновъ Дамаскина. «Вся привременная жизнь—адъ и погибель, тѣнь непостоянная, сѣнь заблужденія!» «Во-истину все суета и тлѣніе, житіе же сонъ и тѣнь и о напрасномъ смущаетъ себя земнородный!»

Монастырь св. Саввы выглянулъ при послѣднемъ поворотѣ ущелья грозною средневѣковою крѣпостью, ощетинившеюся зубчатыми стѣнами и башнями. Онъ виситъ по скатамъ скалъ, спрятавшись глубоко въ пропасть. Поэтому его видишь только тогда, когда подъѣдешь къ нему. Въ сущности, это тѣ же голые безплодные камни, какъ и все остальное ущелье, только они нагромождены другъ на друга съ бо́льшею правильностью;

такой-же недоступный, обрывистый утесъ, какъ множество другихъ встрѣчающихся по дорогѣ, только сложенныя руками человѣка. И здѣсь ни деревца, ни травки, и здѣсь все одна раскаленная какъ сковорода, до боли сверкающая на солнцѣ чугунная плита.

Жилище людей, безотрадное и непріютное, какъ каменная берлога льва,—послѣдняя и самая характерная иллюстрація «юдоли плача». Сюда не манитъ на отдыхъ, въ дружелюбныя объятія брата-человѣка, къ прохладному фонтану въ тѣни садика, къ мирному огоньку въ темную ночь. Мертвенность знойной пустыни и безчувственная сухость камня, царящаго вездѣ кругомъ, проникаютъ собою насквозь и эти суровыя стѣны монастыря тюрьмы. Въ него дѣйствительно ссылаютъ какъ въ тюрьму, на эпитемію покаянія и слезъ, провинившихся монаховъ іерусалимской патріархіи.

Съ подозрительной недовѣрчивостью хмурятся на подъѣзжающаго всадника своими узкими бойницами, словно подслѣповатыми глазами старика, эти мрачныя древнія стѣны. Высокія башни, приподнявшія вверхъ свои рѣдкія, неприступныя окошечки, враждебно озираютъ ими тропинки ущелья, словно неусыпные часовые крѣпости, отовсюду осаждаемой непріятелемъ.

Долго не сообразишь, какъ и куда можно проникнуть въ этотъ замокъ-утесъ. Ни воротъ, ни дверей нигдѣ,—нигдѣ почти и оконъ. Куда ни сунешься, всюду одна гладкая, слѣпая, разожженная солнцемъ плита, мертвыя нагроможденія однихъ камней на другія.

Мы остановились у подножія угловой башни и нѣсколько минутъ безплодно оглядывали зубцы стѣнъ и маленькія темныя окошечки, въ тщетной надеждѣ увидѣть кого-нибудь или кому-нибудь попасться на глаза. Каменная твердыня молчала какъ могила, словно въ ней погасъ послѣдній шорохъ жизни.

Тогда нашъ арабскій стражникъ испустилъ протяжный и пронзительный свистъ, какимъ арабы обыкновенно перекликаются въ пустынѣ. Но никто не отвѣчалъ, ни одно окошечко

не отворилось, никакого даже самаго слабаго шума не послышалось за стѣнами. Подождавъ минуту, арабъ издалъ уже не крикъ, а какой-то жалобный призывный вопль; онъ напомнилъ мнѣ тѣ щемящія душу завыванія голодныхъ шакаловъ, которые такъ знакомы восточному путешественнику, проводившему ночи подъ открытымъ небомъ.

Драгоманъ Якубъ присоединилъ къ этому арабскому воплю и свой отчаянный нѣмецкій крикъ, рѣжущій ухо какъ ножемъ по стеклу. Опять ни отвѣта, ни привѣта.

— Пожалуй и совсѣмъ насъ не впустятъ! обратился я къ Якубу.

Стражникъ, кажется, понялъ меня, потому что сейчасъ же быстро заговорилъ по-арабски.

Онъ говоритъ, что бедуиновъ боятся; бедуины теперь кругомъ: изъ-за Іордана прикочевали, перевелъ мнѣ Якубъ.— Въ прежнее время то-и-дѣло монастыри грабили. Отворятъ богомольцамъ двери, а они ворвутся вслѣдъ за ними. Вонъ посмотрите, окно въ башнѣ, что ниже всѣхъ. Оттуда бывало спустятъ на веревкѣ корзину большую, да и втаскиваютъ по очереди богомольцевъ, какъ ведро изъ колодца. Иначе никакъ нельзя. По цѣлымъ мѣсяцамъ бывало дверей не отворяютъ, потому-что бедуины кругомъ въ засадѣ сидятъ, поджидаютъ. Ну, а съ башнито и замѣтятъ и не отпираютъ, еще двери камнями завалятъ.

Послѣ новыхъ напрасныхъ воззваній, мы рѣшились объѣхать башню и постучаться въ ворота. Въ пазухѣ стѣны за угловою башнею пряталась маленькая желѣзная дверочка, около которой мы и спѣшились.

Неистовые удары въ желѣзо кулаками, камнями и рукоятками нагаекъ, казалось, наполнили барабаннымъ громомъ весь монастырскій дворъ и были способны разбудить мертваго. Однако пробужденіе это совершилось не сразу. Только минутъ черезъ пять высоко на сторожевой башнѣ отворилось крошечное оконце, и чье-то смуглое бородатое лицо осторожно выглянуло оттуда.

Что-то было спрошено сверху, что-то отвѣчено снизу, все по-арабски.

Голова скрылась, оконце захлопнулось, и все опять стихло, словно и не было ничего.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Что-жь это, однако? Ужь не заснулъ-ли опять? въ досадномъ недоумѣніи сказалъ я.

— У нихъ всегда долго: пока слѣзетъ, пока влѣзетъ! утѣшалъ меня Якубъ.—Теперь ужь навѣрное отворятъ.

Гдѣ-то внутри послышался сначала звонъ маленькаго колокольчика, потомъ другого, большаго, потомъ, минуты двѣ спустя, протяжно и торжественно загудѣлъ большой колоколъ. Это братія извѣщалась о прибытіи гостей. Но и послѣ этого подождали еще не мало.

Наконецъ-то наконецъ по каменнымъ плитамъ двора раздалось медленное, словно усталое шмурыганье нѣсколькихъ ногъ. Два человѣка подошли къ калиткѣ и еще разъ что-то обстоятельно и неспѣшно разспросили нашего араба.

Съ громомъ и звономъ цѣпей стала отворяться гигантскимъ ключемъ съ помощью желѣзнаго рычага тяжелая крѣпостная дверочка, вся скованная изъ желѣзныхъ брусьевъ, и мы наконецъ свободно вздохнули, вступивъ въ завѣтные предѣлы монастыря св. Саввы.

Неподвижно и сонно было все кругомъ. Уныло глядѣли на пустынный каменный дворикъ пустынныя каменныя зданія. Уныло и сонно, какъ эти камни, глядѣли и оба старца, провожавшіе насъ черезъ дворъ.

Мы попали въ самый разгаръ полдневнаго отдыха монастыря, когда игуменъ и братія, послѣ восьмичасовой молитвы и работы, предаются обычному кейфу жаркихъ странъ, глубокому сну въ своихъ тѣнистыхъ кельяхъ.

Большая пріемная зала монастыря съ турецкими диванами кругомъ, вся завѣшанная отъ солнца, была такъ прохладна и такъ манила на свои покойныя тахты, что я торопливо сбросилъ

съ себя пропотѣвшую одежду и растянулся въ одномъ бѣльѣ, настоятельно требуя отъ Якуба воды, воды, воды и только воды.

Пока полусонный отецъ, завѣдующій пріемомъ гостей, таскался лѣнивою походкою по переходамъ и галлерейкамъ монастыря, хлопоча о самоварѣ и обѣдѣ, служка притащилъ изъ цистерны громадный кувшинъ довольно холодной воды, и я, позабывъ всякую осторожность и всякія церемоніи, съ наслажденіемъ окачивался ею въ тѣни каменнаго дворика, съ помощью раскраснѣвшагося и мокраго отъ пота, Якуба, который, очевидно, страстно желалъ очутиться въ эту минуту на моемъ мѣстѣ.

Раньше всего, само собою разумѣется, явился арабскій кофе въ крошечныхъ чашечкахъ, неизбѣжный даже въ обители отшельниковъ. Я жадно проглатывалъ и кофе, и пиво, и лимонадъ, и воду,—все что подсовывалъ мнѣ изъ своихъ неистощимыхъ кужинъ мой метръ-д'отель Якубъ и что только могло течь въ горло, которое сохло и горѣло послѣ странствованія по горячимъ каменнымъ корридорамъ «юдоли плачевной». Принесли самоваръ,—и самоваръ отправился туда-же, на утоленіе той-же неутолимой жажды, мучившей теперь меня, какъ богача евангельской притчи, попавшаго въ огнь вѣчный.

Зато я ужь губами не притронулся къ иноческой трапезѣ изъ маслинъ, риса и деревяннаго масла, гостепріимно предложенной отцомъ-монахомъ и возбуждавшей во мнѣ ужасъ однимъ своимъ видомъ.

Отдохнувъ вдоволь и вдоволь удовлетворивъ капризное чрево, которому мы, изнѣженные баловники судьбы, служимъ уже слишкомъ усердно даже въ стѣнахъ суроваго монашескаго подвижничества,—отправились мы наконецъ, вслѣдъ за угощавшимъ насъ старцемъ, осматривать монастырь.

Цѣлые ярусы спусковъ, лѣсенокъ, переходовъ. Монастырь слѣзаетъ уступами и террасами чуть не на самое дно пропасти, будто ступени громадной лѣстницы. Рѣшетчатыя окошечки и

крытые балкончики келій висятъ какъ опустѣвшія птичьи клѣтки высоко надъ пропастью. Невольно пришло мнѣ на память наивное, но чрезвычайно выразительное описаніе этого славнаго монастыря, сдѣланное нашимъ древнимъ паломникомъ: «Лавра св. Саввы уставлена есть отъ Бога дивно и чудно несказанно. Есть бо потокъ и нынѣ страшенъ и глубокъ вельми, безводенъ, стѣны имѣя каменны, на стѣнахъ каменныхъ суть кельи прилѣплены. Богомъ утверждены суть, нѣкако дивно на высотѣ, и тѣ по обѣма странама потока того страшнаго стоятъ, на небеси утверждены суть».

Огромная четырехъ-угольная башня осѣняетъ дворъ своею тѣнью сторожевого великана. Другая такая же башня глядитъ черезъ зубцы стѣнъ, нѣсколько поодаль отъ монастыря, одиноко торча на утесѣ. Прежде въ эту башню впускали женщинъ, пріѣзжавшихъ посмотрѣть монастырь св. Саввы. Но теперь и она наглухо заперта для женщинъ, и никакія хлопоты и рекомендаціи не въ силахъ нарушить строгаго запрета. Многія коронованныя особы и члены царственныхъ фамилій женскаго пола пытались добиться пропуска въ монастырь, привозя всякіе фирманы и предписанія, и многія, подобно герцогинѣ Вельской, подъѣзжали къ самымъ воротамъ монастыря, но всѣ были вынуждены провести часа 2—3 въ какой-нибудь сосѣдней пещеркѣ и ограничить свое любопытство однимъ наружнымъ осмотромъ монастырскихъ стѣнъ.

По строгому завѣту св. Саввы, основателя монастыря, еще ни разу съ самого VI столѣтія нога женщины не переступила порога его обители. Даже родная мать святого, пожелавшая на старости лѣтъ сложить свои кости рядомъ съ любимымъ сыномъ подъ сѣнью его молитвъ,—напрасно умоляла его, стоя передъ воротами, впустить ее въ стѣны обители. Тѣло ея было похоронено въ сосѣднемъ монастырѣ св. Ѳеодосія, ближе къ Мертвому морю.

Монахъ-провожатый указалъ намъ на противоположномъ обрывѣ ущелья, прямо противъ древней церкви монастыря, на

неприступной высотѣ, пещеру, гдѣ много лѣтъ спасалась эта святая старица.

Гробница самого основателя—посреди̇нѣ двора. Это низенькая часовня съ каменнымъ куполомъ, характернаго стиля. Одна мраморная доска въ полу обозначаетъ мѣсто погребенія. Самыя же мощи уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ увезены крестоносцами въ Венецію.

Но и подъ всѣмъ каменнымъ помостомъ двора—тоже гробница своего рода. Огромная плита съ кольцомъ, поднимающаяся какъ дверь погреба, ведетъ въ обширные темные склепы монастырской усыпальницы.

Это буквально монастырь-могила. Черепа и кости цѣлыхъ поколѣній иноковъ грудами наполняютъ его подземелья, его пещеры и церкви. Сама исторія его — это исторія громадной могилы, въ которой погребено когда-то широко разцвѣтшее здѣсь и далеко сіявшее міру средневѣковое христіанство со всею его мистически страстною поэзіею, со всѣми его фанатически-восторженными легендами.

Живые люди запираются въ этотъ монастырь тоже какъ въ могилу, подъ глухіе своды которой не достигаетъ никакое самое далекое отзвучіе свѣтскаго міра божьяго и кипучихъ интересовъ человѣческаго бытія.

Мы вошли въ главную церковь монастыря, воздвигнутую на мѣстѣ старой церкви, еще помнившей своего основателя. Скромные остатки этого древняго храма еще хорошо видны въ алтарѣ и въ боковомъ придѣлѣ алтаря, гдѣ они сохраняются какъ достопамятная святыня. Теперешняя церковь — просторная, длинная зала, тѣнистая и прохладная, какъ подобаетъ въ этомъ пеклѣ. Стѣны ея по византійскому обычаю, унаслѣдованному и нашимъ русскимъ церковнымъ зодчествомъ, сплошь расписаны огромными фресками. Цѣлый соборъ святыхъ, въ ростъ человѣка, какъ живой глядитъ на васъ съ этихъ стѣнъ. Съ невольнымъ благоговѣніемъ двигаешься по мраморному полу пустого храма, провожаемый строгими взглядами этихъ нѣмыхъ

суровыхъ старцевъ, словно ты долженъ пройти черезъ какой-то грозный «сквозь-строй».

Все это—схимники въ своихъ гробовыхъ мантіяхъ, со свитками въ рукахъ, столпники, худые какъ скелеты, великіе пустынножители и отцы пустынножитія, нѣкогда прославившіе Палестину и Ѳиваиду, съ сѣдыми бородами по поясъ, изнуренные постомъ, обожженные солнцемъ, лики страдателей и подвижниковъ, суровые, но полные высоты мысли, выразительные и глубоко-характерные, съ желѣзною волею въ пламенно-вдохновенныхъ глазахъ. Тутъ и Антоній, и Павелъ, и Пахомій, и Евфимій, и Даніилъ столпникъ, и столпникъ Симеонъ, и кроткій царевичъ Іосифъ съ короною у ногъ.

Но на первомъ мѣстѣ, въ головѣ всѣхъ, здѣсь, какъ и въ другихъ монастыряхъ Палестины, — родоначальникъ палестинскаго и всякаго иноческаго пустынножительства, «равный ангеламъ» Іоаннъ Предтеча Христовъ. Онъ еще худѣе, еще темнѣе, еще суровѣе всѣхъ этихъ темныхъ, худыхъ, суровыхъ фигуръ. Съ звѣриной шкурой на плечѣ и вмѣстѣ съ крыльями Архангела, онъ имѣетъ видъ какого-то таинственнаго охранителя недоступнаго престола Саваофа и книги о семи печатяхъ.

Иконы въ нѣсколько рядовъ покрываютъ стѣны церкви тамъ, гдѣ нѣтъ фресокъ; все это живопись по золоту, большой старины и большой оригинальности.

Кругомъ стѣнъ идутъ мѣста для монаховъ изъ темнаго дерева, съ обычными сидѣньями и загородками, и особыя ложи для игумена и патріарха.

Въ алтарѣ хранятся въ дорогомъ серебрянномъ ковчегѣ черепа трехъ здѣшнихъ угодниковъ.

Другое колоссальное собраніе череповъ—въ древней церкви Николая Угодника. Оно уцѣлѣло отъ далекихъ вѣковъ, благодаря тому, что устроено въ пещерѣ, гдѣ жилъ когда-то св. Савва. Скала этой исторической пещеры до сихъ поръ составляетъ потолокъ церкви, ничѣмъ нарочно не украшенный. Множество древнихъ иконъ, собранныхъ въ этой маленькой церкви,

крайне замѣчательны по своему наивному рисунку и по своему историческому значенію. Однѣ изъ нихъ принесены изъ раззоренныхъ древнихъ монастырей Іорданской пустыни, Іоанна Предтечи, Герасимова, лавры Фарранской; другія откопаны изъ-подъ грудъ мусора въ безчисленныхъ пещерахъ и развалинахъ здѣшней обители, когда-то обширной и славной лавры св. Саввы Освященнаго. Многія изъ нихъ расколоты на-двое и на-трое мечемъ персидскихъ и сарацинскихъ фанатиковъ; почти у всѣхъ выколоты, по обычаю побѣдителей-магометанъ, глаза въ священныхъ ликахъ; всѣ они писаны по золоту и всѣ необыкновенно древняго письма. Это цѣлый драгоцѣнный музей средневѣковыхъ древностей, среди котораго навѣрное найдутся художественныя созданія еще самыхъ первыхъ временъ христіанства. Наивная и мрачная обстановка скромныхъ маленькихъ церквей въ глухихъ пустынкахъ Палестины воскресаетъ какъ живая въ воображеніи, когда вы стоите въ этой старой пещерной церковкѣ и разсматриваете ея историческія сокровища. Особенно характерны иконы, изображающія избіеніе Хозроемъ, царемъ персидскимъ, 14,000 иноковъ св. Саввы. Краски и полива на нихъ сохранились такъ хорошо, какъ будто онѣ были написаны только вчера. Но анатомія — самая безхитростная, дѣтски-неумѣлая. Тѣмъ трогательнѣе кажутся эти черныя старческія фигуры, поднявшія къ небу свои истощенныя руки, выглядывающія изъ своихъ пещеръ, какъ встревоженныя пчелы изъ улья, и беззащитно поражаемыя мечами и конями кровожадныхъ варваровъ. За желѣзной рѣшеткой, тутъ же въ церкви, въ боковой пещерѣ, лежатъ безчисленными грудами всѣ эти черепа четырнадцати тысячъ мучениковъ, собранныя впослѣдствіи ихъ осиротѣлыми братіями, какъ неопровержимый историческій документъ, подтверждающій благочестивую легенду, и какъ горькій протестъ къ Богу правды за кровь невинныхъ противъ торжества звѣрской силы.

Любопытны пещеры основателя монастыря, высѣченныя въ толщахъ скалы. Этихъ пещеръ три, одна за другою. Въ первой

устроена маленькая церковка въ три крошечныхъ окошечка, глядящихъ на пропасть, съ нишами для алтарика и для трапезы; вторая пещера съ уцѣлѣвшимъ мозаиковымъ поломъ, а третья — спальня св. Саввы, ложе котораго вырублено прямо въ камнѣ. За нею еще крошечная пещерка, гдѣ по монастырскимъ преданіямъ цѣлыхъ 5 лѣтъ жилъ рядомъ съ св. Саввою левъ, уступившій великому подвижнику свое логово.

Въ монастырѣ св. Саввы долгое время пребывалъ другой православный отецъ церкви, краснорѣчивый слагатель церковныхъ пѣсней, Іоаннъ Дамаскинъ. Для его горячей лиры, для его восторженныхъ воспѣваній покаянія и смерти нельзя было найти лучшаго мѣста вдохновенія.

Въ маленькой церковкѣ, ему посвященной, и еще сохранившей въ себѣ его пустую гробницу, тоже немало рѣдкихъ и любопытныхъ образчиковъ церковной археологіи самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства; но нужна большая привычка, чтобы вскарабкаться до нея по безчисленнымъ лѣсенкамъ башни.

Въ VIII вѣкѣ, когда здѣсь жилъ Дамаскинъ, лавра св. Саввы обладала рѣдкою по богатству библіотекою, и келью свою Іоаннъ Дамаскинъ устроилъ какъ-разъ возлѣ библіотеки, помѣщавшейся въ верхнемъ ярусѣ башни, чтобы безпрепятственно пользоваться книгами. И до сихъ поръ, говорятъ, въ монастырѣ хранятся рукописи большой рѣдкости и большой древности, собранныя патріархомъ Досиѳеемъ, но доступъ къ нимъ чрезвычайно труденъ.

Пещерами изрыта вся вообще скала, къ которой прислоненъ монастырь. Нѣкоторыя изъ нихъ заняты монахами, другія давно брошены. Но еще больше виднѣется ихъ черезъ пропасть Кедрона, гдѣ онѣ источили отвѣсный обрывъ скалъ какъ червоточина старое дерево. Цѣлая подземная лавра, съ лабиринтомъ таинственныхъ переходовъ и лѣсенокъ, скрывается въ известковыхъ толщахъ ущелья, и кто знаетъ, какія любопытныя вещи могли бы открыть въ этомъ гигантскомъ каменномъ сотѣ, теперь уже полуразрушенномъ, систематическія раскопки археологовъ.

Монахи знаютъ еще по именамъ нѣкоторыя пещеры. Вонъ въ той Іоаннъ Молчальникъ до самой смерти хранилъ тайну своего архіерейскаго сана, вонъ въ тѣхъ трехъ, высѣченныхъ въ разныхъ концахъ ущелья, спасался Ксенофонтъ и два его любимые сына, никогда не встрѣчаясь и не говоря другъ съ другомъ, только издали смотря другъ на друга съ порога своихъ воздушныхъ келій. Но выше и недоступнѣе всѣхъ этихъ пещеръ зіяетъ черная пасть пещеры преподобной Софіи, матери св. Саввы.

Тропинки, вьющіяся по ту сторону и переползающія надъ этимъ невримымъ пещернымъ городомъ, дотого головокружительны, что даже монахи св. Саввы, привычные къ нимъ не менѣе дикихъ козъ, отправляются черезъ нихъ ближнею дорогою въ Іерусалимъ не иначе какъ вдвоемъ, чтобы въ особенно опасныхъ мѣстахъ помогать другъ другу.

Когда мы кончали осмотръ монастыря и сошли до обрывовъ пропасти, надъ которою виситъ онъ, мы вдругъ съ изумленіемъ увидѣли надъ своими головами высокую стройную пальму, поднимавшую роскошный букетъ своихъ перистыхъ листьевъ выше зубчатыхъ стѣнъ. Этотъ видъ единственнаго зеленаго дерева среди хаоса безплодныхъ камней и скалъ произвелъ на насъ такое неожиданное и радостное впечатлѣніе, какъ будто передъ нами на порогѣ адской бездны вдругъ повѣяли свѣтлыя крылья архангела. Тринадцать вѣковъ тому назадъ св. Савва посадилъ собственными руками зерно финика въ сухую осыпь камней и изъ него выросла эта громадная пальма. По увѣренію благочестиваго монастырскаго преданія, безплодныя женщины, вкусивъ безкосточныхъ плодовъ этого священнаго дерева, побѣдившаго безплодіе камня, рожаютъ двойней.

Русскіе особенно любятъ монастырь св. Саввы, и онъ издревле былъ пріютомъ для русскихъ паломниковъ и иноковъ. Большая часть его иконъ и украшеній — принесены русскими. Послѣднее возобновленіе монастыря въ 1840 году сдѣлано было тоже русскими. Наши богомольные земляки, переплывавшіе

когда-то моря на ненадежныхъ парусныхъ судёнышкахъ, переходившіе азіятскія горы, черезъ страны варваровъ и разбойниковъ, рискуя своею головою, искали въ святой землѣ дѣйствительно святой жизни и истинныхъ образцовъ христіанства, какихъ не могли найти у себя дома. Но іерусалимскій храмъ Воскресенія, виѳлеемскіе и назаретскіе монастыри далеко не могли удовлетворить ихъ глубокой и искренней жажды поучиться высокой христіанской жизни. Только въ древней лаврѣ Саввы Освященнаго находили они истинную молитву и истинный подвигъ иночества, чуждый обычной корысти и властолюбія греческихъ монаховъ. И до сихъ поръ слава духовной чистоты остается въ убѣжденіи поклонниковъ за обителью св. Саввы; до сихъ поръ не ослабѣваетъ строгость его древняго монастырскаго устава. Въ то время какъ о монахахъ другихъ окрестныхъ скитовъ разсказываютъ всякія соблазнительныя вещи, въ то время какъ мірскіе обычаи и вкусы святогробскихъ монаховъ давно перестали удивлять богомольцевъ, о монастырѣ св. Саввы не говорятъ иначе какъ съ искреннимъ благоговѣніемъ. Туда попадаютъ только дѣйствительные отшельники, иноки не по рясѣ только и не по имени, а по сердечному призванію. Тамъ уже невозможно бражничать и тѣшить свое чрево, свою плоть. Тамъ живутъ еще преданія средневѣкового подвижничества во всей ихъ суровости и чистотѣ.

Пока мы отдыхали въ монастырѣ, погода неожиданно и рѣзко перемѣнилась. Вѣчно ясное, знойно-синее палестинское небо, не вѣдающее облаковъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, вдругъ покрылось грозовыми тучами; по ущелью понеслись грозные раскаты грома; молніи раздирали свинцовый пологъ, которымъ задернулось свѣтлое солнце, и косой дождь съ вѣтромъ сталъ барабанить въ монастырскія окна. Хотя это отрадное вѣяніе прохлады и влаги промелькнуло слишкомъ быстро, громы и тучи скоро унеслись къ другимъ дальнимъ пустынямъ, но все-таки

въ воздухѣ осталось неизъяснимо сладкое ощущеніе свѣжести и обновленія, особенно чувствительное въ раскаленномъ ящикѣ «юдоли плачевной». Когда мы, къ вечеру, выѣхали изъ монастыря, и небо, и земля сіяли во всемъ своемъ торжествѣ.

Всего какихъ-нибудь 30 лѣтъ назадъ путешествіе въ лавру св. Саввы было невозможно безъ самыхъ опасныхъ приключеній или безъ сильнаго военнаго конвоя. Караваны припасовъ, посылавшихся изъ Іерусалима на пропитаніе инокамъ, пропускались не иначе, какъ подѣлившись чуть не на половину съ усердными и всегда бодрствующими «служителями Маръ-Сабы». Бедуины врывались въ ворота монастыря и хозяйничали тамъ по нѣсколько дней. Кромѣ того, монастырь былъ вынужденъ бросать изъ окна башни по нѣсколько хлѣбовъ въ день всѣмъ бедуинскимъ шайкамъ, подъѣзжавшимъ къ его стѣнамъ. Въ башнѣ Юстиніана мы даже видѣли келейку, нарочно для этого устроенную и постоянно наполнявшуюся хлѣбами для бедуиновъ. Если монастырю, бывало, нечѣмъ было подѣлиться и съ вершины его стѣнъ не падала въ жадные зубы этихъ двуногихъ шакаловъ пустыни, вѣчно голодающихъ и вѣчно праздныхъ, никакая манна небесная, то бедуины сейчасъ же облегали его своими черными шатрами, и начиналась многодневная блокада монастыря, превращавшая всякій подвозъ, всякія сообщенія съ нимъ, пока не заключался выгодный для разбойниковъ миръ и не выдавались имъ въ насыщеніе хлѣбъ или деньги. Чаще же всего негодованіе этихъ босоногихъ царей пустыни противъ обители выражалось въ штурмованіи ея стѣнъ камнями съ вершинъ сосѣднихъ скалъ.

Конечно, эти притѣсненія обители далеко не прекратились и теперь, но все-таки турецкое правительство въ послѣднее время значительно смирило дерзость разбойниковъ и не оставляетъ безнаказаннымъ ихъ своевольство. Послѣ жестокихъ расправъ съ бедуинами грознаго египетскаго паши Ибрагима, одно время овладѣвшаго было Палестиной и Сиріей, храбрые потомки Измаила стали вообще гораздо осторожнѣе и скромнѣе.

Кругомъ насъ вездѣ были разсыпаны жнецы, жницы, пастухи. Но мы ни на минуту не могли забыть, что всѣ эти пастухи и жнецы въ то же время и разбойники. Жнецъ-жнецъ, а рядомъ съ нимъ, подъ сброшенной мантіей, неизмѣнное ружье.

При одномъ крутомъ поворотѣ ущелья мы вдругъ разомъ попали въ самую гущу бедуинской толпы. Человѣкъ 20 бедуиновъ, мѣднокрасныхъ отъ загара, съ волосами болѣе черными чѣмъ сажа, сухихъ и легкихъ какъ степныя серны, съ суровыми библейскими физіономіями, въ живописно накинутыхъ грязныхъ плащахъ и кефіяхъ и съ длинными ружьями за плечомъ, какъ-то неохотно пропускали насъ сквозь свои тѣсные ряды, съ безмолвнымъ изумленіемъ и недружелюбіемъ всматриваясь въ насъ, будто озадаченные этою слишкомъ уже близкою неожиданною встрѣчею. Они только-что отошли отъ круглаго каменнаго колодца на днѣ долинки, гдѣ маститый сѣдой старецъ въ величественной полосатой мантіи,—настоящій библейскій Лаванъ,—неспѣша вытаскивалъ на длинной веревкѣ тяжелую бадью, окруженный терпѣливо ожидающими его Ліями и Рахилями, грязными и некрасивыми, какъ всѣ бедуинки, съ огромными кувшинами на плечахъ. Навьюченные ослы толпились тоже кругомъ, еще съ большимъ терпѣніемъ ожидая своей очереди. А еще дальшеословъ облегли колодезь цѣлыми полчищами бѣлыя, и какъ смоль черныя козы, словно чередующіяся между собою черныя и бѣлыя полосы бедуинскаго плаща. Библейскій разсказъ о полосатомъ посохѣ, съ помощью котораго юный Іаковъ, смѣтливый праотецъ еврейства, умножалъ свои стада, несмотря на протекшія тысячелѣтія, до сихъ поръ умѣстенъ въ этомъ бѣлочерномъ быту бедуина. Да и вообще, можно сказать, передъ нами стояла страница изъ Книги Бытія, живой отрывокъ изъ доисторическаго быта человѣчества. Въ этой жизни ветхо-завѣтной пустыни до сихъ поръ не измѣнилось ничего: тѣ же нравы и занятія, тѣ-же одежды и пища, и то же великое значеніе струи воды, бьющей изъ холодной утробы земной. Вода въ пустынѣ—это дѣйствительно благословеніе Бога-

покровителя; ключъ, изъ котораго бьетъ она, святой ключъ, а рай—это именно зеленая сѣнь, орошаемая водою, также какъ адъ, юдоль плачевная,—это скалы, лишенныя воды. Эдемъ недаромъ былъ между Тигромъ и Ефратомъ, обильнѣйшими артеріями азіятской пустыни, и мучащіеся въ аду грѣшники недаромъ просятъ вложить имъ въ уста хотя одинъ палецъ, омоченный въ водѣ.

Нашъ драгоманъ разговорился съ арабами у колодца, и они оказались христіанами изъ-за Іордана, племени Сальтъ. Они пришли въ восторгъ, узнавъ, что я русскій, и поочередно подходили ко мнѣ пожать руку Москова.

— А! Московъ! Московъ! говорили они радостно, оскаливъ свои бѣлые зубы и сверкая бѣлками своихъ горячихъ глазъ.— Московъ хорошъ!—А старецъ Лаванъ таинственно стихшимъ голосомъ спросилъ меня по-арабски: «когда же бѣлый царь придетъ съ войскомъ и возьметъ Святую Землю!»

Этотъ вопросъ я слышалъ здѣсь вездѣ, въ Виѳлеемѣ, у подножія Ѳавора, на берегахъ древней Финикіи. Это—искреннее, глубоко вкорененное повсемѣстное ожиданіе всего здѣшняго христіанства. Въ это вѣрятъ крѣпко и сами здѣшніе мусульмане, арабы и турки. Бѣлый царь могучей непобѣдимой Руси въ глазахъ цѣлой Азіи есть синонимъ христіанства, судьбами предопредѣленный вождь, защитникъ и возстановитель его.

ЧАСТЬ II.

ПО САМАРІИ, ГАЛИЛЕѢ и БЕРЕГАМЪ МАЛОЙ АЗІИ.

I.—Прощаніе съ Іерусалимомъ.

Сборы въ дорогу.—Ночная прогулка черезъ спящій городъ.—Мусульманскіе привратники Гроба Господня.—„Вавилонское плѣненіе“ христіанской святыни.—Выѣздъ изъ Іерусалима.

...Рано утромъ назначенъ былъ нашъ выѣздъ изъ Святаго города. Путь нашъ лежалъ черезъ ветхозавѣтные города Вефиль и Сихемъ, черезъ древнее Самарійское царство, въ Галилею, родину Спасителя, къ Тиверіадскому морю, и оттуда черезъ Кану и Назаретъ на далекіе берега Финикіи... Это ужъ было совсѣмъ серьезное и довольно долгое путешествіе.

Чемоданы наши и необходимая провизія были готовы, одежды наши по возможности примѣнены къ Палестинскому зною и къ постоянному пребыванію на сѣдлѣ, съ котораго не предстояло слѣзать до самыхъ волнъ Средиземнаго моря.

Въ 9-ть часовъ вечера мы уложились совсѣмъ и уже выбирали вмѣстѣ съ Якубомъ на дворѣ русскихъ построекъ приводимыхъ арабами ретивыхъ коней, совершенно разочаровавшихъ меня въ идеальныхъ свойствахъ арабскаго скакуна.

На повѣрку выходитъ, что даже въ Аравіи достать дѣйствительно хорошую арабскую лошадь чрезвычайно трудно, а безъ особеннаго случая даже просто невозможно. Лошади же, которыхъ предлагаютъ путешественникамъ, сплошь да рядомъ гроша не стоютъ, тряски до отчаянія, побиты на ноги, тупы на ходу. Но наконецъ общими усиліями выбраны скакуны и для

жены, и для Якуба, и для каваса Николая, котораго любезно отдавалъ въ наше распоряженіе на время путешествія нашъ обязательный консулъ. Турецкій жандармъ, въ качествѣ мѣстнаго араба, долженъ былъ уже самъ позаботиться о своемъ конѣ. Наша ночная джигитовка по площади русскихъ построекъ окончилась, окончилась и долгая торговля съ арабами; въ 3 часа утра осѣдланныя лошади и проводники должны уже ждать насъ у подъѣзда.

Женѣ моей не хотѣлось однако уѣхать изъ Іерусалима, не посѣтивъ еще разъ Храма Воскресенія и не поклонившись на прощаніе Святому Гробу. Разспросили знающихъ людей, говорятъ, храмъ давно запертъ, съ 7-ти часовъ вечера, турецкіе караульные разошлись по своимъ домамъ. Теперь нельзя проникнуть въ храмъ, иначе какъ по особому разрѣшенію Паши Іерусалимскаго. Дѣлать нечего, пришлось опять обращаться къ любезности консула. Послали каваса съ письмомъ къ Пашѣ, и черезъ часъ явилось желанное разрѣшеніе. Намъ назначено было явиться къ дверямъ храма ровно въ 12-ть часовъ ночи. Не успѣли мы немного вздремнуть на своихъ диванахъ, какъ уже раздался условленный стукъ въ дверь. Сѣдой, усатый консульскій кавасъ самаго величественнаго вида, расшитый серебромъ, увѣшанный медалями, съ длинною саблею, воинственно бряцавшею по полу, съ богатыми кинжалами и пистолетами за широкою шалью, опоясывавшею его полную фигуру,— уже ждалъ насъ съ огромнымъ фонаремъ, освѣщеннымъ двумя свѣчами...

Мы двинулись вслѣдъ за нимъ по безмолвнымъ спящимъ улицамъ города Давида.

Ночь была темная, но звѣздная. Сурово воздымались въ этомъ искрящемся мракѣ черныя характерныя массы Яффскихъ воротъ и замка Давида... Крытыя улицы города, тускло освѣщаемыя изрѣдка висящими фонарями, тянулись и извивались словно безконечныя корридоры какого-нибудь таинственнаго подземелья. Непривычно звонкимъ эхомъ раздаются подъ

ихъ древними сводами, еще помнящими римское владычество и времена крестоносцевъ,—наши мѣрные шаги и стукъ сабли о плиты мостовой. Могильная тишина царствуетъ вездѣ кругомъ. Фонарь каваса то-и-дѣло озаряетъ на камняхъ мостовой мирно спящія фигуры арабовъ. Они разлеглись тутъ уютно и довѣрчиво, какъ въ своихъ собственныхъ спальняхъ, разостлавъ опрятные матрасики, укрывшись ветошными стеганными одѣялами. Гдѣ нѣтъ спящихъ людей, тамъ спятъ десятками, также мирно и довѣрчиво, бродящія уличныя собаки. И ни тѣ, ни другія ни просыпаются и не тревожатъ насъ.

На одномъ перекресткѣ улицъ намъ встрѣтился турецкій обходъ. Гремя ружьями, онъ промелькнулъ мимо насъ своими на мгновенье освѣщенными красными усатыми лицами и сейчасъ же потонулъ въ черномъ мракѣ улицы, какъ быстро передвинутая картинка волшебнаго фонаря. Площадка храма была совсѣмъ темна. Только изъ одного окна храма слабо мерцалъ сквозь рѣшотку свѣтъ лампады. Высокій турецкій минаретъ съ одной стороны площадки и высокая башня католическаго монастыря—съ другой, поднимались, теряясь верхушками въ ночной тьмѣ, какъ два исполинскихъ часовыхъ надъ неясною черною массою храма. Высоко на верху, гораздо выше этихъ древнихъ великановъ земли, переливало безчисленными роями своихъ далекихъ звѣздъ глубокое темное небо, истинный храмъ истиннаго Бога. Громадныя бронзовыя двери храма были заперты наглухо, какъ ворота замка, и ни одной души не было около нихъ. Я посмотрѣлъ на часы, было ровно 12-ть.

— Проспали видно! не пришли еще! недовольно пробормоталъ кавасъ. Онъ осторожно постучалъ висѣвшимъ на двери чугуннымъ кольцомъ. Незамѣтно отодвинулось круглое окошечко и оттуда выглянуло въ освѣщенный просвѣтъ черноволосое лицо греческаго монаха. Кавасъ обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими арабскими фразами. Оказалось, что никто изъ стражей храма не приходилъ, никакихъ распоряженій никто не дѣлалъ. Ключъ былъ у стражей, и монахи никакимъ образомъ

не могли впустить насъ. Кавасъ, ворча и ругаясь, направился въ турецкую караульню подъ башней. Долго онъ шумѣлъ тамъ, пока ему удалось таки заставить одного изъ разбуженныхъ имъ дѣтей пророка, вопреки самыхъ горячихъ протестовъ его, отправиться разыскивать стражниковъ, Богъ знаетъ въ какіе отдаленные кварталы Іерусалима. Но опытный кавасъ, повидимому, скоро сообразилъ, что босоногій турокъ можетъ легко слукавить и отлично выспаться сейчасъ же за угломъ башни, вмѣсто утомительнаго ночнаго странствія по мостовымъ. Онъ рѣшился самъ отправиться на розыскъ, оставивъ намъ въ охрану только свой фонарь.

Цѣлый добрый часъ ждали мы его, терпѣливо сидя на камнѣ у дверей храма. Въ отодвинутое круглое окошечко двери доносились до насъ громкіе голоса пѣвчихъ и чтецовъ и едва слышные возгласы священника. Двѣнадцать большихъ лампадъ, горѣвшихъ надъ камнемъ муропомазанія, мерцали какъ 12-ть таинственныхъ огненныхъ глазъ въ общей темнотѣ охватывавшей преддверіе храма.

Мы тихо бесѣдовали съ женою, вслушиваясь въ звуки церковной службы и созерцая теченіе далекихъ звѣздъ. Наконецъ шумъ шаговъ и громкій говоръ возвѣстилъ намъ приближеніе давно ожидаемыхъ стражниковъ. Они явились цѣлою толпою, человѣкъ пять, не считая нашего каваса и посланнаго за ними караульнаго. Двое впереди были сановитые, дородные турки въ богатыхъ нарядахъ, повелительно распоряжавшіеся остальными. Это собственно и были наслѣдственные стражи Гроба Господня, важные мѣстные аристократы своего рода, получающіе крупный доходъ съ этой своей исторически-добытой монополіи. Сейчасъ же потребовали черезъ круглое окошечко извнутри храма длинную, узенькую лѣстницу, которую имъ просунулъ наружу монахъ-привратникъ. Лѣстницу приставили къ воротамъ, влѣзали на самый верхъ и, какъ мнѣ показалось, достали оттуда изъ какого-то скрытнаго помѣщенія, принесеннымъ маленькимъ ключемъ, громадный ключище, въ родѣ

тѣхъ, которыми запираютъ крѣпости. Съ громомъ и звономъ и громкими безцеремонными криками, глубоко оскорблявшими наше благоговѣйное настроеніе, будто ворочая какую-то тяжелую машину, отворили наконецъ этимъ колоссальнымъ ключемъ массивныя двери и, наперши общими усиліями, медленно пріотворили одну ихъ створу... Усатый и пузатый эффенди, приложивъ руку къ сердцу, самымъ вѣжливымъ образомъ попросилъ насъ войти, извиняясь по-арабски, что заставилъ насъ ждать такъ долго и приводя какія-то мало понятныя намъ оправданія. Тьма стояла въ громадномъ храмѣ, не смотря на ряды лампадъ, горѣвшихъ кое-гдѣ передъ образами и надъ главными святынями. Эти мерцающіе потонувшіе во тьмѣ огоньки только оттѣняли еще больше вездѣ царившій мракъ ночи.

Блѣдные громадные лики Византійскихъ иконъ, тускло мерцавшіе своей обветшавшей позолотой, съ какою-то суровой таинственностью глядѣли изъ этого объявшаго насъ мрака, словно неясныя видѣнья загробнаго міра, населившія собою тысячелѣтнія стѣны храма въ этотъ глухой полуночный часъ.

Народу въ храмѣ было не мало, но онъ терялся какъ въ пустынѣ въ этомъ охваченномъ тьмою просторѣ. Кучки богомольцевъ и монаховъ виднѣлись въ разныхъ уголкахъ; кто молился, кто дремалъ, кто просто спалъ на плитахъ мраморнаго пола самымъ откровеннымъ сномъ. Служба шла въ православномъ храмѣ Воскресенія, и оттуда доносились громкіе голоса греческихъ хоровъ, такъ мало напоминавшихъ благозвучные напѣвы нашихъ русскихъ церквей. Маленькая пещерка Гроба Господня была совершенно пуста и ея ярко освѣщенная внутренность, сверкавшая серебромъ и мраморомъ, казалось, вся насквозь горѣла огнемъ, словно неугасаемый священный жертвенникъ этого громаднаго темнаго храма.

Съ какимъ-то особеннымъ душевнымъ трепетомъ вступаешь въ залитыя свѣтомъ распахнутыя нѣдра Гроба Христова, изъ охватывающаго его кругомъ глубокаго мрака, словно перехо-

дишь изъ темныхъ пустынь грѣшнаго міра земнаго въ вѣчно-свѣтныя небесныя обители...

Никто не мѣшалъ намъ, никто не нарушалъ торжественной пустоты и безмолвія этой великой могилы, ставшей колыбелью новаго міра.

Мы на свободѣ поклонились ей въ послѣдній разъ и унесли въ своемъ сердцѣ ея неизгладимый образъ во всей его простотѣ и величіи.

На Голгофѣ, тоже совсѣмъ пустынной, тоже освѣщенной рядами большихъ лампадъ, только одинокая старушка жарко молилась въ уголкѣ, припавъ головою къ холодному мрамору пола. Какія тайны своей долгой жизни повѣряла она въ горячихъ слезахъ покаянія безмолвнымъ святынямъ, въ этотъ безмолвный часъ ночи — объ этомъ знаетъ только ея горячо рыдавшая грудь.

Богоматерь, съ кинжаломъ воткнутымъ въ сердце, вся завалѣнная и обвѣшанная драгоцѣнностями, въ жемчугахъ и алмазахъ, очами страданія и терпѣнія смотритъ на молящуюся изъ своего глубокаго кіота, словно еще полная кровавыхъ воспоминаній Голгофы. А съ громаднаго темнаго креста, кроткимъ всепрощающимъ взглядомъ взираетъ на скорбящую Матерь свою и на молящуюся старушку, безмолвно обѣщая имъ милость и утѣшеніе, Распятый Спаситель.

Мы не спѣша обошли всѣ святыни храма и, помолившись нѣсколько минутъ въ толпѣ богомольцевъ слушавшихъ всенощную, возвратились къ дверямъ, гдѣ насъ ожидалъ кавасъ съ турецкою стражею. Пришлось порядочно-таки заплатить этимъ маститымъ эффенди за ночное безпокойство; опять тяжело запахнулась массивная дверь, опять загремѣлъ и зазвенѣлъ, будто цѣпи какой-то невѣдомой машины, огромный ключъ, опять очутилась въ своемъ долгомъ ночномъ затворѣ молящаяся толпа.

Обидно было видѣть и испытать такое «плѣненіе Вавилонское» великаго христіанскаго святилища. Но утѣшалъ себя тѣмъ, что въ недавнемъ прошломъ было еще гораздо хуже, еще гораздо стѣснительнѣе. При Муравьевѣ, всего 55 лѣтъ тому назадъ, храмъ запирался на замокъ даже днемъ; Паша оцѣплялъ его своею стражею, какъ зачумленный домъ, и богомольцы, заплатившіе туркамъ по 6-ти левовъ съ человѣка, должны были пролѣзать подъ низенькое отверстіе забора, которымъ прегражденъ былъ доступъ къ храму. Въ самой пещерѣ Гроба тоже обирали деньги и на камнѣ часовни Ангела стояло блюдо сборщиковъ. Арабы врывались въ храмъ во время священныхъ службъ и громко потѣшались надъ архіереями и священниками, передразнивая ихъ движенія, а гаремъ паши становился надъ самымъ алтаремъ храма, чтобы хорошенько видѣть церемонію возжженія святаго огня. Еще невозможнѣе было при Шатобріанѣ въ началѣ нашего вѣка.

За входъ въ храмъ брали по 36 ливровъ, или по 9-ти турецкихъ секиновъ съ каждаго иностранца. Только турецкіе христіане платили половину. Храмъ былъ постоянно на замкѣ, и заключеннымъ въ немъ богомольцамъ подавали пищу въ круглое окошечко большихъ дверей. Священники, служившіе обѣдни, не могли покидать храма и потому мѣнялись черезъ каждые два мѣсяца. Сырость, духота, болѣзненныя испаренія накоплялись въ темныхъ притворахъ храма, никогда не освѣжаемыхъ воздухомъ; такъ что провести въ храмѣ нѣсколько мѣсяцевъ составляло дѣйствительный подвигъ. Одинъ французскій монахъ 20-ть лѣтъ не выходилъ за двери храма; онъ обрекъ себя на службу ему, и каждый день чистилъ и зажигалъ 200 лампадъ, отдыхая не болѣе четырехъ часовъ въ сутки.

Впрочемъ, это запираніе храма, эта военная стража и эти ночныя службы вызваны были суровою историческою необходимостью. Мусульмане въ вѣка своего могущества не переносили такъ равнодушно, какъ теперь, открытаго христіанскаго культа, и въ старое время при каждомъ народномъ волненьи

прежде всего толпа нападала на христіанскія святыни и прекращала хрістіанскія службы. Патріархъ и богатыя армянскія и греческія общины охотно платили Пашѣ за охрану и охотно вручали ему ключи своего храма, а чтобы не давать лишняго повода къ волненію, старались всѣ церковныя службы справлять по ночамъ, когда правовѣрные предаются мирному сну. Право первой обѣдни присвоили себѣ греки, старинные хозяева Палестины, вторую обѣдню служатъ армяне, а католики, явившіеся послѣ всѣхъ въ Іерусалимѣ, служатъ третью.

Спать почти не пришлось, потому что съ разсвѣтомъ уже застучали подъ нашими окнами подковы лошадей, и взывающій голосъ Якуба напомнилъ намъ о предстоявшей экспедиціи. Торопливо вскочили мы и торопливо уложили свой послѣдній багажъ.

Цѣлый воинственный отрядъ очутился теперь на дворѣ русскихъ построекъ. Кавасъ, жандармъ, драгоманъ, всѣ были вооружены, два проводника-араба смотрѣли тоже очень воинственно. Всего насъ собралось семь всадниковъ. Любезные члены нашего консульства вышли проводить насъ и напутствовали всякими добрыми совѣтами...

— Съ Богомъ! въ путь!..

Мы двинулись къ Дамасскимъ воротамъ. Кавасъ Николай, красивый черногорецъ, разодѣтый въ красное и синее, въ своей черной чалмѣ, съ развѣвающимися концами, съ серебрянымъ Всероссійскимъ орломъ на груди, весь въ пистолетахъ и кинжалахъ, производилъ особенный эффектъ. Онъ ѣхалъ впереди, какъ подобаетъ оффиціальному охранителю нашему и своего рода дипломатическому чину, обезпеченному въ своей безопасности государственными трактатами и капитуляціями. Арабъ-жандармъ, расшитый ради экономіи вмѣсто золота желтыми шнурами, съ магазинкой о 18-ти выстрѣлахъ и тоже весь обвѣшанный кинжалами, замыкалъ шествіе, подгоняя отстававшихъ проводниковъ нашего багажа.

Мимо царскихъ гробницъ и другихъ древнихъ развалинъ, мы забирали все къ сѣверу по большой Дамасской дорогѣ.

Солнце еще не восходило, но все-таки Іерусалимъ уже былъ облитъ утреннею зарею, и, въѣхавъ на холмъ, съ котораго онъ виденъ, въ послѣдній разъ мы съ растроганнымъ чувствомъ прощались съ его священными стѣнами и храмами. Глазъ не хотѣлъ оторваться отъ этого слишкомъ уже знакомаго ему теперь, слишкомъ ставшаго ему дорогимъ—характернаго библейскаго пейзажа, который мы столько разъ покидали и къ которому возвращались столько разъ.

Теперь уже—прощай навсегда, тысячелѣтній городъ пророковъ и апостоловъ, святыня Израиля, святыня христіанства, святыня Ислама.

Но библейскій пейзажъ не покидаетъ насъ. Онъ развертывается впереди и кругомъ, на всѣхъ сосѣднихъ холмахъ, на всѣхъ одинокихъ, въ облака поднятыхъ, конусахъ далекихъ горъ. Вотъ деревня Шаффатъ вся въ древнихъ развалинахъ, скрывающая подъ ними какія-нибудь славныя имена и славныя событія прошлаго. Вонъ вдали—отовсюду виднымъ маякомъ бѣлѣетъ башня Неби-Самуеля, гробницы великаго пророка Израиля, теперь увѣнчанной турецкой мечетью. Она свѣтитъ какъ свѣтильникъ съ своей удивительной высоты и по Яффской дорогѣ, и по дорогѣ къ Виелеему, и здѣсь на большомъ караванномъ пути Дамаска.—Куда ни взглянешь, куда ни ступишь здѣсь, вездѣ какой-нибудь обломокъ тысячелѣтней исторіи, какая-нибудь многознаменательная страница ветхозавѣтной лѣтописи.

За Шаффатомъ, вправо отъ дороги, при Тулейльель-Фулѣ, развалины Гивы Сауловой; за Гивой Сауловой—деревенька Эр-Рамъ, та самая Рама, въ которой, по выраженію Евангелія, былъ слышенъ плачъ Іерусалимскихъ матерей въ дни избіенія Иродомъ младенцевъ израильскихъ. «И гласъ бысть слышенъ въ Рамѣ...»

II.—Родина пророка.

Неби-Самуель, родина Самуила.—Великое значеніе пророковъ въ исторіи Евреевъ.—Психологическая сторона пророческаго дара.—Чувство демократизма древнихъ Евреевъ.—Школа и жизнь.—Караванная дорога изъ Аравіи въ Дамаскъ.—Евангельскій Михмасъ.—Пріѣздъ въ Рамле.

Рама, Гива, Неби-Самуель, Массифа, Анаформъ (теперешняя деревушка Ананта немного ближе Гивы)—всѣ эти библейскія мѣста теперь кругомъ насъ; всѣ они проникнуты памятью великаго судіи и пророка Израиля. Грозная колоссальная фигура Самуила, кажется, еще стоитъ среди этихъ каменныхъ горъ, среди этихъ древнихъ развалинъ, освященныхъ его именемъ, необоримая какъ камень...

Рама была родина Самуила и въ ней до сихъ поръ показываютъ остатки дома его. Крестоносцы, овладѣвъ Палестиной, открыли возлѣ старой еврейской синагоги гробницу Самуила и перенесли ее въ Сило: «И былъ Самуилъ судіею Израиля по вся дни жизни своей, изъ года въ годъ онъ обходилъ Веѳиль и Галгалъ и Массифу и судилъ израильтянъ во всѣхъ сихъ мѣстахъ. Потомъ возвращался въ Раму, ибо тамъ былъ домъ его, и тамъ судилъ онъ Израиля и построилъ тамъ жертвенникъ Господу», повѣствуетъ книга Царствъ. Какъ судилъ этотъ всенародный судья, никѣмъ не избранный, не назначенный никакою властью, но всѣми безропотно признаваемый, ставившій и смѣнявшій царей,—объ этомъ тоже сохранила намъ память Библія.

«Когда пришелъ Самуилъ въ Виѳлеемъ, то старѣйшины города ужаснулись прихода его и сказали: «миренъ ли приходъ твой, о прозорливецъ»? До того страшно было одно только появленіе этого неумолимаго судіи-карателя, хотя его не сопровождала никакая внѣшняя сила. Самуилъ былъ самымъ полнымъ и могучимъ воплощеньемъ восточнаго теократизма, какимъ, быть можетъ, даже не былъ Моисей.

Онъ далъ Израилю царя, полководца для войны, но самъ оставался выше царя, его неусыпнымъ цензоромъ и наставникомъ. Царь долженъ былъ служить вѣрнымъ орудіемъ Іеговы, помазавшаго его на царство, истреблять безъ жалости слугъ чуждыхъ боговъ, ревниво ограждать Израиля отъ заразы отовсюду окружавшаго его идолопоклонства. Ни малѣйшаго послабленія и отдыха въ этомъ неустанномъ подвигѣ обособленія Израиля отъ всего, что не онъ, въ этой неутомимой защитѣ еще не вполнѣ укрѣпившейся среди евреевъ идеи единобожія —не допускалъ грозный судія, и для достиженія этой великой исторической цѣли своей не останавливался ни передъ какими жертвами, ни передъ какими средствами.

Когда Саулъ не осмѣлился вполнѣ буквально выполнить повелѣніе его объ окончательномъ истребленіи амалякитянъ и дозволилъ своимъ воинамъ послѣ пораженія враговъ удержать лучшій скотъ и болѣе дорогую добычу, гнѣвъ Самуила не зналъ предѣловъ. Онъ проклялъ его передъ Господомъ и тогда же обрекъ на низложеніе, какъ негодное орудіе въ судьбахъ Іеговы... Онъ приказывалъ прежде Саулу именемъ Іеговы: «Иди и порази амалика, и все, что у него, и не оставляй ничего, искорени его, и прокляни его и все, что у него, и не пощади его: убей мужескій полъ и женскій, отъ юношъ до сосущихъ молоко; отъ воловъ до овецъ и отъ верблюдовъ до ослятъ». И вдругъ Саулъ ослушался.

«Уничижитъ тебя Господь! не будешь ты болѣе царемъ Израиля!» объявилъ онъ ему, «нынѣ Господь вырветъ царство Израильское изъ рукъ твоихъ и отдастъ его ближнему твоему, который лучше тебя»! Напрасно троекратно умолялъ его о прощеніи испуганный царь. Пророкъ Іеговы отвратилъ лицо свое отъ Саула и не хотѣлъ видѣть его «даже до дня смерти своея». Онъ велѣлъ привести къ себѣ плѣннаго царя амалякитянскаго Агага.

«И пришелъ Агагъ трепеща и сказалъ: такъ ли горька смерть? И сказалъ Самуилъ Агагу: «какъ оружіе твое обезча-

дило женъ, такъ обезчадится въ женахъ мать твоя»! и заклалъ Самуилъ Агага передъ Господомъ въ Галгалахъ».

Пророки—это удивительно любопытная, удивительно оригинальная сторона ветхозавѣтной жизни, въ высшей степени характерное историческое явленіе, еще слишкомъ мало понятное и оцѣненое нами, людьми новыхъ временъ.

Многіе изъ насъ еще искренно смѣшиваютъ древняго еврейскаго пророка съ какимъ-нибудь фанатикомъ нашихъ дней, шатающимся по дорогамъ въ странныхъ одеждахъ, съ странными загадочными рѣчами, предсказывающимъ то тому, то другому, разныя двусмысленныя вещи и угрожающимъ людямъ всякими грядущими ужасами.

Но Пророки были вовсе не случайными явленіями и настроеніе духа, или поведеніе и образъ жизни, далеко не были произвольными дѣйствіями ихъ своеобразнаго личнаго вкуса.

Нѣтъ, это было цѣлое народное учрежденіе громадной общественной важности, своего рода особое государственное сословіе, имѣвшее свои преданія и законы, своихъ учителей и школы.

Въ неписанномъ законѣ еврейскаго народа это была одна изъ самыхъ могучихъ и дѣятельныхъ пружинъ, двигавшая впередъ его духовное развитіе, воспитывавшая въ немъ его нравственные идеалы, уяснявшая ему его историческое призваніе, и зорко оберегавшая его политическую самостоятельность.

Это былъ живой органъ народнаго самосознанія и народной совѣсти, неустанно будившій въ немъ чувство страстнаго патріотизма и высокихъ добродѣтелей.

Это была неустановленная никакими законами, никакою властью, но ставшая выше всѣхъ законовъ и всякой власти, вѣчно бодрствующая нравственная цензура надъ верховными вождями и законодателями народа, надъ всею его политической, общественной и семейной жизнію; безъапелляціонный и неумытный судъ надъ всякою правдою и неправдою, никому не дававшій ни отчета, ни пощады, смѣло ставившій самъ себя,—въ

силу одного своего высокаго внутренняго призванія,—рядомъ съ престоломъ царя, съ сѣдалищемъ первосвященника, выше ихъ, властнѣе ихъ, какъ неотразимый приговоръ ихъ собственной совѣсти, какъ грозное рѣшеніе Всемогущаго Іеговы.

Если про Францію стараго режима можно было сказать вмѣстѣ съ ея остроумцемъ, что ея образъ правленія былъ «le despotisme, moderé par les bons mots», то про древнихъ евреевъ еще съ большимъ основаніемъ можно сказать, что у нихъ господствовалъ «деспотизмъ царей, ограниченный пророками».

Каждый царь Израиля имѣетъ своего пророка, какъ всякій младенецъ имѣетъ кормилицу или воспитателя.

Надъ Сауломъ стоитъ Самуилъ, надъ Давидомъ—Наѳанъ, надъ Ахавомъ—Илія, Елисей надъ Іораамомъ.

И каждый царь чувствуетъ свою непремѣнную обязанность —совѣтоваться съ пророкомъ во всѣхъ важныхъ событіяхъ своей жизни, и каждый пророкъ сознаетъ свой священный долгъ дать судъ и совѣтъ царю, укрѣпить его въ правдѣ, обличить его неправду, хотя бы это обличеніе, какъ часто случалось, стоило ему жизни. И никакого другаго основанія для своихъ рѣшительныхъ повелѣній, никакихъ другихъ правъ для грознаго приговора своего, кромѣ внутренняго голоса совѣсти у этихъ безъапелляціонныхъ единичныхъ судей надъ единоличною безъапелляціонной властью народнаго вождя.

«Тако глаголетъ Адонаи-Господь!» и все кончено, повинуйся безпрекословно.

Пророки учились и готовились къ своему тяжелому, но вмѣстѣ и великому призванію. Существовали цѣлыя школы пророковъ, руководимыя уже прославленными, всѣми признанными пророками.

Но даръ пророчества все-таки считался врожденнымъ, требовалъ особеннаго призванія свыше, посвященія себя Богу съ самаго дѣтства. Эти свыше обреченные избранники, заранѣе готовившіе себя въ духовные вожди народа, носили и особенное названіе.

Библія именуетъ ихъ «назореями».

«Назорей Богу будетъ сіе отроча отъ чрева, и сей начнетъ спасать Израиля изъ рукъ филистимлянъ!» объявляетъ Ангелъ Господень матери Сампсона.

Для истиннаго психолога и физіолога, серьезно интересующагося своею наукою, не довольствующагося, какъ большинство близорукихъ ремесленниковъ ея, скудными и односторонними данными ея наличнаго запаса, было бы въ высокой степени интересно изучить съ полнымъ безпристрастіемъ ту изумительную способность нервной природы человѣка, которая такъ часто проявлялась въ прежнее время и отчасти проявляется до сихъ поръ въ такъ-называемомъ дарѣ прорицанья. Несомнѣнно, что этотъ даръ существовалъ и существуетъ, и что онъ находится въ неразрывной связи съ извѣстными условіями племени и климата, а, вѣроятно, и исторіи.

У индуса, халдея, древняго еврея—онъ проявляется съ особенною силою и постоянствомъ, словно какая-то спеціальная стихія ихъ народности, точно такъ же, какъ у современнаго итальянца даръ пѣнія и стихотворной импровизаціи, тоже кажущійся чѣмъ-то сверхъестественнымъ.

Гайлендеры Шотландскихъ горъ, всегда живущіе въ чистомъ и легкомъ воздухѣ, издревле считаются обладателями такъ-называемаго двойнаго зрѣнія, то-есть тоже дара провидѣнія своего рода.

Наши хохлы, какъ баски Пиринейскихъ горъ, какъ финны сѣвера, всегда почитались колдунами особенно искусными; они наводятъ порчу на человѣка и животныхъ однимъ взглядомъ глазъ, они заклинаютъ змѣй однимъ своимъ словомъ, заговариваютъ источники, дѣлаютъ безсильнымъ ядъ бѣшеной собаки. Во всемъ этомъ много преувеличеній и мистическаго элемента, но во всемъ этомъ прежде всего и больше всего какая-нибудь физіологическая и психологическая правда, требующая внима-

тельнаго разслѣдованія, какъ и даръ прорицанія. Этотъ даръ прорицанія въ библейскія времена иногда охватывалъ людей какъ зараза своего рода, противъ которой невозможно было устоять, силу которой всѣ видѣли своими глазами и потому признавали безъ всякихъ сомнѣній. Эта нервная заразительность душевнаго экстаза, такъ нерѣдко ощущаемая нами и въ игрѣ великаго драматическаго артиста, и въ пламенной рѣчи политическаго оратора, и во множествѣ другихъ случаевъ, поддерживалась еще въ школахъ еврейскихъ пророковъ соотвѣтствующею музыкою инструментовъ, точно такъ же, какъ въ наши дни сверхъестественный нервный экстазъ какихъ-нибудь кружащихся дервишей Каира и Стамбула подготовляется и вызывается въ нихъ особенно раздражающею музыкою.

Самуилъ, посылая Саула, говоритъ ему: «встрѣтишь сонмъ пророковъ, сходящихъ съ высоты, и предъ ними псалтирь и тимпанъ, и свирѣль, и гусли, и они пророчествуютъ; и *найдетъ на тебя Духъ Господень, и ты будешь пророчествовать съ ними, и сдѣлаешься инымъ человѣкомъ!*»

И такъ дѣствительно произошло, какъ сказалъ Самуилъ.

Въ другой разъ слуги Саула были посланы взять Давида; они встрѣтили на дорогѣ соборъ пророковъ «и Самуилъ стоялъ настоятелемъ ихъ»; охваченные ихъ вдохновеньемъ, они присоединились къ нимъ; «и бысть Духъ Божій на слугахъ Саула и начали прорицать», и послалъ «Саулъ другихъ слугъ, и тѣ начали прорицать». «Саулъ послалъ третьихъ слугъ, начали прорицать и тѣ». Тогда разгнѣванный Саулъ самъ идетъ на розыски Давида, по дорогѣ увлекается тѣмъ же всеобщимъ экстазомъ и тоже вдругъ начинаетъ прорицать. «И совлече ризы своя и прорицаше предъ ними, и паде нагъ весь день той и всю нощь». «Еда и Саулъ во пророцѣхъ?» говорили, встрѣчая его, изумленные израильтяне.

Число пророковъ въ Израилѣ было такъ велико, что когда царица Іезевель «истребила пророковъ Господнихъ», то одинъ Авдій взялъ изъ оставшихся пророковъ *сто человѣкъ* и скры-

валъ ихъ по 50-ти человѣкъ въ пещерахъ, питая ихъ хлѣбомъ и водою. И пророки эти вовсе не были духовенствомъ, вовсе не принадлежали обязательно къ колѣну Левія; нѣтъ, это были совершенно свободные люди всякихъ колѣнъ и городовъ, люди исключительно нравственнаго призванія, часто вооружавшіеся противъ неправды самаго духовенства и очень рѣдко сочувственные левитамъ, какъ подрывавшіе ихъ авторитетъ.

Великая историческая заслуга передъ человѣчествомъ пророковъ Израиля—это развитіе идеи Единаго Бога, какъ высшаго идеала нравственности. Своими настойчивыми вразумленіями, обличеніями и угрозами пророки воспитали въ еврейскомъ народѣ понятіе о Богѣ, какъ верховномъ Судіѣ міра, направляющемъ всѣ шаги жизни цѣлаго народа и отдѣльнаго человѣка, требующемъ отъ людей дѣлъ добра и правды, карающемъ за зло и нечестіе всякаго рода, установившемъ для человѣчества обизательные кодексы нравственной жизни. Усиліемъ своихъ пророковъ Іегова сталъ для Израиля Милосердымъ Богомъ, Покровителемъ, близкимъ каждому, заботливо промышляющимъ о каждомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не пенатомъ Рима, не бурханомъ калмыка, которые только помогаютъ своимъ, не обязывая ихъ никакимъ нравственнымъ идеаломъ.

Нѣтъ, Іегова сталъ единственнымъ въ древнемъ мірѣ Богомъ заповѣдей, Богомъ строгаго нравственнаго закона, Богомъ, требующимъ добрыхъ чувствъ и добрыхъ дѣлъ, а не однихъ жертвъ и обрядовъ, какъ всѣ Ваалы и Астарты.

Борьбою многихъ вѣковъ, своими страданіями и кровью, пророки съумѣли постепенно превратить узкую религію одного кочеваго пастушьяго шатра, нетерпимую вѣру еврея въ Бога Авраама, Исаака и Іакова, — въ широкую всемірную религію цѣлаго человѣчества, поклоняющагося одному правосудному и милосердому Отцу своему,—въ религію, ставшую основой христіанства.

Вслушайтесь въ иныя слова ветхозавѣтныхъ пророковъ, и вы уже услышите въ нихъ настоящіе Евангельскіе звуки:

— «Жертвоприношенія безполезны, Богу они совсѣмъ не нужны! восклицаетъ Исаія. Полагая, что дымомъ маслъ, сожигаемымъ вами на алтаряхъ, вы можете угодить Богу, вы только унижаете, оскорбляете Божество. Будьте справедливы, служите Богу чистыми руками,—вотъ все, чего Онъ требуетъ отъ васъ!»

Чтобы простой человѣкъ изъ народа только во имя одной нравственной силы своей могъ смѣло являться во дворецъ царя, въ станъ полководца и порицать ему въ глаза его дѣла — нужны были, конечно, особенныя общественныя условія.

У евреевъ этимъ условіемъ было удивительное чувство демократизма, которое не исчезло въ нихъ до нашихъ дней.

Среди кастовыхъ народовъ древности, этотъ пастушій народъ оставался почти безсословнымъ народомъ, и цари его садились на престолъ прямо изъ пастуховъ.

Трудно представить себѣ ту силу ума, воли, таланта, которая требовалась отъ человѣка древности, чтобы изъ какого-нибудь погонщика овецъ, безъ всякой подготовки, безъ всякихъ промежуточныхъ ступеней, сдѣлаться разомъ предводителемъ войскъ, законодателемъ, судьею, политикомъ и сановитымъ представителемъ всего могущества и славы своего народа.

Саулъ, сынъ простаго поселянина, ставится въ цари только потому, что «не было никого изъ израильтянъ красивѣе его, *онъ отъ плечъ своихъ былъ выше всего народа*».

Давидъ — избирается изъ пастуховъ потому, что хваталъ «льва и медвѣдя за космы» и одолѣвалъ ихъ. И этотъ босоногій кочевникъ вдругъ какимъ-то чудомъ обращается въ великаго воителя, грознаго всѣмъ сосѣдямъ, въ мудраго устроителя царства, во вдохновеннаго пѣвца, въ глубокаго философа.... Сынъ его не только поэтъ такой же страстной фантазіи, не только мудрецъ, славный во всемъ тогдашнемъ мірѣ, но и роскошный строитель мраморныхъ дворцовъ, золотыхъ храмовъ, фонтановъ и статуй, словно цѣлыя поколѣнія царственныхъ предковъ воспитали въ немъ, сынѣ пастуха, эти тонкіе вкусы нѣги и изящества.

Эти историческія явленія древности глубоко поучительны для насъ: они убѣдительнѣе всего доказываютъ намъ, какъ велико заблужденіе нашего педантическаго современнаго взгляда на силу школы, книги и вообще теоретическаго подготовленія людей къ практической дѣятельности. Это печальное наслѣдіе мертвящей средневѣковой схоластики, безповоротно губящее и уже отчасти погубившее цѣлыя поколѣнія нашего юношества, отдавшее его въ жертву многолѣтнему и безполезному книжному измору, лишающее его здоровья и радостей жизни, наполнившее міръ скукою, злобою, самоубійствами, — приготовляетъ намъ такихъ безсильныхъ, робкихъ и близорукихъ практическихъ дѣятелей, сравнительно съ которыми древніе мужи Библіи кажутся словно изъ бронзы вылитыми богатырями, исполненными неизмѣримаго мужества, разума и ясности своихъ жизненныхъ взглядовъ.

Англичане и американцы, которыхъ все-таки далеко не такъ, какъ насъ, заѣдаетъ современный грѣхъ книжничества и школьнаго человѣкоубійства, точно также оказываются гораздо практичнѣе насъ, послѣдователей нѣмецкаго педантизма, и ихъ практики инженеры и техники, часто не проходившіе никакихъ спеціальныхъ высшихъ школъ, почти вседа становятся въ живой жизни опытными учителями нашихъ многоученыхъ теоретиковъ, задавленныхъ своими непосильными бумажными знаніями.

Это незамѣнимое значеніе живой жизни, эту скрытую мощь природныхъ способностей человѣка, умѣлъ отлично цѣнить и нашъ Великій Петръ, который выбралъ себѣ перваго министра изъ пирожниковъ базара, а свою царицу, основавшую потомъ академію наукъ, изъ простыхъ фермерскихъ дѣвушекъ, который подготовилъ Россіи ея перваго ученаго и перваго поэта— изъ мальчишекъ глухой далекой деревни.

Мы ѣдемъ большою караванною дорогою, то и дѣло встрѣчая нескончаемыя вереницы нагруженныхъ верблюдовъ.

Они тутъ такъ же часты, такъ же неизбѣжны, какъ обозы

извощиковъ съ высокими раскрашенными дугами, съ запыленными кованными телѣгами, гдѣ-нибудь на большой дорогѣ изъ Калуги въ Москву.

Но я никакъ не насыщу ими мой жадный глазъ художника.

Эта дорога изъ Аравіи въ Дамаскъ—та самая, по которой, тысячи лѣтъ тому назадъ, двигались такимъ же мѣрнымъ, неспѣшнымъ шагомъ, съ такими же тюками, за тѣмъ же самымъ дѣломъ, верблюды измаильтянскихъ купцовъ, продававшихъ Іосифа на базарахъ Мемфиса.

Также по-человѣчески выразительно смотрѣли на тѣ же пустынныя окрестности эти безмолвные, словно скрывающіе въ себѣ какую-то глубокую и таинственную мудрость, большіе черные глаза верблюдовъ, этихъ философовъ-страстотерпцевъ, что безропотно мѣсятъ своими гигантскими лохматыми толкачами—которое ужъ тысячелѣтіе—безпріютные пески пустынь. Съ такимъ же безучастнымъ равнодушіемъ ко всякому встрѣчному, въ такихъ же чернобѣлыхъ полосатыхъ простыняхъ, такіе же какъ смоль загорѣлые, сверкая зубами и бѣлками глазъ, качались и тогда на ихъ помѣстительныхъ горбахъ, въ своихъ громадныхъ сѣдлахъ и корзинахъ, торчащіе среди тюковъ товара, арабы и арабки.

Это такая подходящая, такая живая иллюстрація къ моимъ ветхозавѣтнымъ воспоминаніямъ.

Кажется, ничто не измѣнилось съ библейскихъ временъ въ этой окаменѣвшей странѣ. Тѣ же первобытныя средства сообщенія на хребтѣ животнаго, та же непроѣздность дорогъ, то же отсутствіе удобствъ и безопасности, тѣ же вкусы пастуха и разбойника.

Дорога считается по-здѣшнему большою и самой хорошею. По-нашему—это мучительная каменоломня, гдѣ бѣдная русская лошадь нашей мягкой черноземной равнины сто разъ сбила бы себѣ копыта и переломала ноги. Поле—это тоже сплошная каменоломня; сколько тысячъ лѣтъ распахиваютъ его, а все-таки

оно никакъ не вылѣзетъ изъ-подъ груды камней. Камни, кажется, сами сѣятся, всходятъ и ростутъ на немъ обильными, безсмѣнными урожаями, самъ-сотъ или самъ-тысяча, какъ зубы баснословнаго дракона.

А мы еще проѣзжали теперь самыми обработанными и плодородными мѣстами. Каждое поле — развалины Пальмиры своего рода: цѣлыя стѣны, цѣлыя башни, цѣлыя колоннады и пирамиды изъ камней, терпѣливо выбранныхъ изъ-подъ плуга и терпѣливо сложенныхъ. Камни окружаютъ поясомъ все поле, камни тянутся черезъ него изъ края въ край, изъ угла въ уголъ, полосами, сѣтями. Дѣваться некуда отъ этого каменнаго наводненія.

«Хорошо очищеннымъ» поле называется здѣсь тогда, когда оно сплошь устлано камушками величиною не болѣе полукирпича. И это ужъ рѣдкость!..

Однако, намъ приходится свернуть на нѣкоторое время съ большой дороги, чтобы добраться до деревни Рамле, гдѣ можно найти сколько-нибудь удобный пріютъ. Мы забираемъ влѣво, оставляя по правую руку большое торговое село Эль-Бире, тотъ самый Евангельскій Михмасъ, откуда Богоматерь съ Іосифомъ возвратились въ Іерусалимъ искать отрока Христа и нашли Его въ храмѣ, «сѣдящаго посредѣ учителей и послушающаго ихъ, и вопрошающаго ихъ».

Большая, глубокая котловина Эль-Бире, черезъ которую намъ приходится спускаться, вся радостно зеленѣетъ молодыми виноградниками. За нею, на фонѣ потухающей зари и до отчаянія яснаго палестинскаго неба, вырѣзаются на вершинѣ холма характерные, темные силуэты домовъ-башень Рамле. Топотъ нашихъ копытъ звонко раздается по камнямъ узкихъ улицъ, и съ плоскихъ крышъ на насъ устремляются изумленные и любопытные взгляды.

Большой европейскій домъ передъ въѣздомъ въ мѣстечко

оказался лютеранскою школою для арабовъ. Но хотя нашъ Якубъ съ увѣренностью разсчитывалъ на гостепріимство своихъ земляковъ, переговоры его съ краснощекою и крутогрудою нѣмкою, явившеюся въ качествѣ коменданта этой нѣмецкой крѣпости, окончились совершенною неудачею.

Поѣхали къ греческому священнику; у него оказалось всего одна грязная комнатка, и онъ тоже не пустилъ насъ.

А между тѣмъ быстро наступала ночь. Дѣлать было нечего, пришлось искать убѣжища въ латинскомъ монастырѣ. На смиренное воззваніе Якуба полный, черный патеръ отворилъ намъ тяжелую дверь массивнаго стариннаго дома и съ вѣжливымъ поклономъ пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ...

Мы стали торопливо слѣзать съ коней, искренно радуясь этому неожиданному гостепріимному пристанищу и этой нетерпѣливо желанной остановкѣ. Усталое тѣло такъ жадно просило покоя и отдыха!..

III.—Ветхозавѣтныя святыни.

Рефекторія латинскаго аббатства.—Французскій кюре въ землѣ арабовъ.—Бей-Тинъ, Веѳиль библіи.—Религія „высотъ“ и „дубравъ“.—Аинъ-Эбрудъ —„Ущелье разбойниковъ“.—Замокъ Реймунда С.-Жиля.—Эфраимовы горы. —Древній Силомъ.—Долина Махна.

Гостепріимный латинскій монастырь послѣ этой безпріютной арабской дороги показался мнѣ такимъ же сладостнымъ убѣжищемъ, какимъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта бѣдному путнику, застигнутому черною дождливою ночью, кажется какая-нибудь неожиданно пріютившая его, жарко натопленная таверна, съ лопаткой дикой козы на очагѣ, съ кружкой добраго вина на столѣ.

Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, и простота Вальтеръ-Скоттовской гостинницы, и ея грубоватое деревенское радушіе, и ея рома-

ническая обстановка, съ темными лѣсенками, съ запутанными переходами.

Кружка добраго вина точно также немедленно появилась на столѣ, и если не было рядомъ съ нею кабаньей или козьей лопатки, то горячій кофе и яйца въ смятку, пожалуй, оказались еще болѣе кстати, особенно если принять во вниманіе, что наши вьюки съ провизіей отстали отъ насъ часа на полтора.

Впрочемъ, обширная рефекторія, въ которой мы отпивались всласть послѣ зноя и пыли своего каменистаго пути, пахнетъ уже цивилизаціей, а не средними вѣками. Это очень приличная зала, обставленная вдоль стѣнъ восточными диванами, обвѣшенная картинами и гравюрами священнаго содержанія, снимками съ извѣстныхъ итальянскихъ и французскихъ художниковъ.

Тутъ и чернильные приборы, и лампы, и часы, всѣ насущныя потребности европейскаго человѣка. Нельзя не дивиться людямъ запада за это умѣнье ихъ всюду перенести съ собою, въ пустыни Азіи, Африки, Австраліи, привычный имъ комфортъ и усложненныя потребности жизни. Это вліяетъ на окружающій ихъ полудикій міръ и невольно заставляетъ его видѣть въ западномъ европейцѣ существо высшей породы, которому нельзя не повиноваться и не подражать.

Монастырь устроенъ французскимъ правительствомъ съ спеціальною цѣлію подготовлять новыя завоеванія католицизму. Сюда набираютъ юношей-арабовъ и образуютъ изъ нихъ мѣстныхъ священниковъ, учителей и миссіонеровъ, глубоко проникнутыхъ католическими задачами. Тутъ только и слышенъ арабскій языкъ.

Французъ-аббатъ, настоятель монастыря, былъ въ эту минуту въ Іерусалимѣ и, кромѣ него, всѣ остальные обитатели монастыря не знали ни слова по-французски.

Въ окрестныхъ селеніяхъ открыто много католическихъ школъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже дѣйствуютъ учителя-арабы.

Когда мы кончали свой скромный ужинъ, въ ворота аббатства постучался новый, еще болѣе насъ опоздавшій путникъ. Замелькали фонари, задвигались шаги по пустыннымъ лѣстницамъ, и къ намъ въ рефекторію вошелъ порядочно-таки усталый маленькій французъ-кюре въ своей классической одеждѣ, черный съ головы до ногъ, въ черной сутанѣ, черныхъ чулкахъ, черныхъ башмакахъ и черной шляпѣ. Это былъ священникъ сосѣдней деревни, гдѣ устроена миссія и открыты двѣ католическія школы, мужская и женская.

Маленькій патеръ, общительный и словоохотливый, какъ всѣ французы, съ любезностію принялъ наше приглашеніе присѣсть за стаканомъ мѣстнаго вина и былъ безконечно доволенъ, что могъ отвести съ нами душу на своемъ родномъ діалектѣ, въ которомъ такъ рѣдко приходится ему здѣсь упражняться. Онъ изливалъ горячія жалобы на скуку своего изгнанія, на варварство здѣшней жизни, и разсказалъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ много интереснаго объ организаціи здѣшнихъ латинскихъ епархій и миссій, о постоянно разростающемся успѣхѣ католической пропаганды. Правительства Франціи и Италіи считаютъ это дѣло одною изъ своихъ важныхъ обязанностей и не жалѣютъ на это средствъ. Многочисленныя конгрегаціи и богатыя частныя лица съ своей стороны энергически содѣйствуютъ этимъ усиліямъ правительства распространить католицизмъ въ мусульманскихъ странахъ Палестины и Сиріи. Одно плохо, по мнѣнію почтеннаго патера, это то, что бѣдные кюре, осужденные на отшельничество, получаютъ такое ничтожное вознагражденіе и лишены всякой возможности поддерживать привычки цивилизованнаго человѣка.

— Мы незамѣтно дичаемъ здѣсь и сами обращаемся въ варваровъ! Это всеобщее повальное невѣжество засасываетъ насъ какъ болото! горячился кюре.

Но я думалъ совсѣмъ о другомъ. Я изумлялся, слушая разсказы француза, до какой степени безпечна здѣшняя греческая церковь, этотъ старый законный хозяинъ Палестины, рядомъ

съ настойчивымъ планомъ дѣйствій католицизма, систематически отвоевывающаго у нея, шагъ за шагомъ, ея древнее наслѣдіе.

Однако намъ было не до длинныхъ разговоровъ. Ночь коротка, а въ 3 часа утра необходимо быть опять на сѣдлѣ. Намъ отвели просторную спальню съ громоздкими деревенскими кроватями подъ широчайшими пологами, съ свѣжимъ, хотя и не очень тонкимъ бѣльемъ, на которомъ мы выспались лучше, чѣмъ на самыхъ сибаритскихъ ложахъ.

Въ 3 часа мы тронулись въ путь, наскоро проглотивъ по чашкѣ кофе. Туманы окутывали еще долину Эль-Бире и всѣ окрестныя вершины. Всѣмъ ѣхалось какъ-то дремотно, даже незнающимъ никакой устали арабамъ. Передъ разсвѣтомъ вѣтерокъ пробиралъ-таки порядкомъ послѣ нѣги теплыхъ постелей. Но къ восходу солнца туманы стали свертываться и уноситься какъ дымъ. Чья-то незримая рука, казалось, торопливо разметала на небѣ чистое мѣсто для достойнаго появленія деннаго бога.

На утренней зарѣ мы увидѣли надъ собою, вправо отъ дороги, полуразвалившуюся башню и скромные домики Бей-тина, торчавшіе на высокой вершинѣ конуса-холма. Это Бетель, или Веѳиль Библіи, славный въ первобытныхъ лѣтописяхъ Израиля; на холмѣ его пребывалъ долгое время кивотъ завѣта, пока не возникъ Давидовъ Іерусалимъ. Самуилъ судилъ въ немъ народъ свой. А много вѣковъ раньше, задолго до Іисуса Навина и завоеванія земли Ханаанской, — здѣсь совершались первыя событія Библейской исторіи, протекали первыя страницы еще пастушеской жизни патріарховъ, родоначальниковъ народа еврейскаго.

Авраамъ уже знаетъ Веѳиль, «домъ Бога», и избираетъ его для своего общенія съ богомъ.

«И продолжалъ Авраамъ переходы свои отъ юга до Веѳиля, говоритъ книга Бытія, до мѣста, гдѣ прежде былъ шатеръ его

между Виѳилемъ и между Гаемъ», «до мѣста жертвенника, который онъ сдѣлалъ тамъ вначалѣ, и тамъ призвалъ Авраамъ имя Господне».

Здѣсь разбивалъ свой станъ и Іаковъ, на пути въ Месопотамію; здѣсь онъ видѣлъ во снѣ знаменитую лѣстницу, восходящую до неба, боролся съ Богомъ и получилъ имя Израиля.

Эта мѣстность была такимъ образомъ легендарною древностью уже въ библейскія времена и потомъ во всѣ дни царства Израильскаго почиталась какъ великая народная святыня.

Оттого, когда Іеровоамъ вздумалъ отдѣлить свои самаритянскія и галилейскія владѣнія отъ царства Іудейскаго, основать свою собственную независимую отъ Іерусалима святыню, то онъ избралъ для нея тотъ же Веѳиль.

«Сдѣлалъ двухъ золотыхъ тельцовъ, поставилъ одного въ Веѳилѣ, другаго въ Данѣ, и построилъ онъ капище на высотѣ, поставилъ въ Веѳилѣ *священниковъ высотъ*, которыя устроилъ, и принесъ жертвы на жертвенникѣ, который онъ сдѣлалъ въ Веѳилѣ, и установилъ праздникъ для сыновъ Израиля».

Это поклоненіе Богу «*на высотахъ*», очевидно, было первобытною религіею земли Ханаанской, въ которой поселились евреи; только послѣ долгихъ лѣтъ борьбы «*религія храма*« окончательно побѣждаетъ этотъ постоянно возраждающійся культъ.

«Народъ еще *приносилъ жертвы на высотахъ*, ибо не былъ построенъ домъ имени Господа до того времени» говоритъ книга Царствъ.

Въ другомъ мѣстѣ той же книги эти «*высоты*» указываются прямо, какъ враждебныя установленной религіи, наряду съ другими признаками языческаго многобожія.

«*И устроили они у себя высоты, и статуи и капища на всякомъ высокомъ холмѣ и подъ всякимъ тѣнистымъ деревомъ*» говорится про племена, отторгшіяся отъ Іерусалима «*Священники высотъ*»

уже выбираются не изъ левитовъ, не по закону Моисееву; они враги его; они и не слуги Іеговы.

«*Пророки дубравные*», которыхъ потомъ истреблялъ Илія, были, очевидно, жрецы того же культа высотъ и тѣнистыхъ рощъ, который начиналъ возраждаться среди евреевъ всякій разъ какъ падалъ ихъ благочестіе и духъ патріотизма.

Даже премудрый Соломонъ, въ дни своего паденья воздвигаетъ на высотахъ «горы соблазна» идоловъ и капища.

Чтобы понять это обожаніе высотъ, какъ самый естественный культъ Палестинскихъ народовъ, стоитъ только взглянуть на характерный Палестинскій пейзажъ, окружающій насъ теперь.

Вездѣ, куда только достигаетъ взоръ, высятся среди каменистой пустыни, взволнованной, какъ море, среди ея зеленыхъ котловинъ и обрывистыхъ ущелій, одиноко торчащія пирамиды высокихъ холмовъ, увѣнчанныхъ башнями и домами... прежде они были покрыты дѣвственными дубравами. Это природные жертвенники Богу, нерукотворенные алтари, которые народъ-младенецъ находилъ совсѣмъ готовыми въ окружавшемъ его великомъ храмѣ міра Божьяго, и на которые онъ невольно всходилъ, чтобы тамъ въ безопасности и тишинѣ, прямо подъ покровомъ неба, поклоняться грозной невѣдомой силѣ, посылавшей ему оттуда громы и дожди, тьму ночи и свѣтъ солнца. Вмѣстѣ съ тѣмъ это были единственныя твердыни, на которыхъ онъ могъ укрыть всѣхъ дорогихъ ему и все ему дорогое, какъ Ной въ ковчегѣ среди волнъ потопа, отъ кровожадной корысти кишѣвшаго вездѣ и вездѣ свирѣпствовавшаго врага.

Немудрено поэтому, что первые ветхозавѣтные города и первый ветхозавѣтный культъ Палестины появляются на этихъ холмахъ-бастіонахъ.

Авраамъ поднимается на гору Моріа для принесенія въ жертву Богу сына своего, Моисей бесѣдуетъ съ Богомъ и получаетъ отъ Него Заповѣди на горѣ Синаѣ, Самуилъ живетъ и умираетъ на высотѣ, видной какъ маякъ изъ самой далекой

дали, а Илія совершаетъ свои подвиги на заоблачныхъ утесахъ Кармели.

Христосъ также подготовляется къ своему крестному жребію на «горѣ искушенія», преображается на горѣ Ѳаворѣ, а съ горы Масличной возносится на небо.

На вершинѣ Веѳильскаго (или Бетильскаго) холма въ средніе вѣка существовалъ монастырь, основанный крестоносцами. Живописныя развалины башни, на которыя мы теперь любуемся, скорѣе всего принадлежатъ этому монастырю.

Убѣгающіе туманы, словно играя съ нами въ дѣтскую игру, то вдругъ разомъ освѣтятъ эти поэтическія развалины во всей яркости ранняго утра, то вдругъ закутаютъ ихъ въ густой бѣлый саванъ, невольно напоминая мнѣ столь же загадочные туманы исторической археологіи, окутывающіе столько интересныхъ древностей Палестины.

Вокругъ библейскаго Веѳиля, на ветхозавѣтныхъ пастбищахъ Авраама и Іакова, земля теперь отлично воздѣлана, зеленѣетъ садами, золотится нивами... Но эта пшеница, эти фиги и смоковницы—среди сплошныхъ сѣрыхъ плитняковъ.

Непостижимо, какъ корни ихъ проникаютъ въ мертвыя толщи и извлекаютъ изъ нихъ свой плодоносный сокъ. Когда смотришь на эти горные скаты, изъ которыхъ лѣзутъ безконечными рядами, торчкомъ и плашмя, голыя, сѣрыя плиты, кажется, что попалъ въ исполинскую Іосафатову долину своего рода, гдѣ всѣ гробы Израиля, отъ Іакова до нашихъ дней, выползли на свѣтъ Божій изъ темной утробы земной.

Ѣхать по этимъ гробамъ во всякомъ случаѣ не особенно спокойно. Намъ приходится пересчитывать своими боками всѣ жесткіе уступы дороги, ведущей къ арабской деревушкѣ *Аинъ-Эбруду*.

Отъ Аинъ-Эбруда сплошные фиговые сады на многія версты; почва обработана тщательно, какъ въ цвѣточномъ горшкѣ,

перетерта совсѣмъ въ табакъ и цвѣтомъ похожа на табакъ. Между фигами за то цѣлыя крѣпости камней, собранныхъ съ поля, съ башнями и стѣнами, настоящія развалины Вавилона!

Но вотъ дорога начинаетъ спускаться все круче и круче, арабы наши начинаютъ пріостанавливать лошадей и спѣшиваются одинъ за однимъ.

— Что такое? куда это мы?

— Уади-ель-Гараміе! торжественно осклабляется арабъ-жандармъ.

— «Ущелье разбойниковъ!» переводитъ намъ полушопотомъ Якубъ.

Мы тоже чувствовали себя достаточно разбитыми ѣздою по камнямъ и охотно согласились пройтись пѣшкомъ вмѣстѣ съ арабами, не взирая на зловѣщее имя ущелья. Капризно вьющійся потокъ камней, круто спадающій внизъ между высокихъ стѣнъ скалы, въ которомъ почти невозможно разъѣхаться двумъ встрѣтившимся лошадямъ—вотъ что называется *ущельемъ разбойниковъ*. На двѣ добрыхъ версты тянется оно и сплошь засыпано острыми каменьями, которые ползутъ изъ-подъ вашихъ ногъ, и въ которыхъ ваша нога тонетъ какъ въ пескѣ.

Эту осыпь, эту каменоломню здѣсь называютъ дорогою, да еще большою. Понятно, что она неминуемо должна была обратиться въ ущелье разбойниковъ. Это природная западня, ловушка, удобнѣе которой выдумать нельзя. Одинъ смѣлый человѣкъ съ оружіемъ въ рукѣ остановитъ здѣсь, кого хотите. Путешественникъ, попавшійся въ этотъ узкій каменный ящикъ, съ лошадьми и вьюками, чувствуетъ себя въ плѣну у перваго встрѣчнаго. Повернуться некуда, уходить нельзя... Внизу ущелья обильный прохладный ключъ, къ которому жадно прильнули люди и лошади. Онъ носитъ ободряющее имя—«*источника разбойниковъ*». Кругомъ заманчивая тѣнь оливковыхъ садовъ, которою мы не могли не воспользоваться на нѣсколько минутъ послѣ пытки спуска; подъ скалою огромная цистерна, и изъ скалы звонкой струею журчитъ ключъ. Сейчасъ же около—

развалины древняго монастыря, тоже, должно быть, отъ временъ крестоносцевъ, которые долго владѣли этою долиною. Долина такая же плодородная, засѣянная арнауткой, кое-гдѣ покрытая садами. Мы ѣхали ею до поворота въ широкую зеленую долину Турмусъ-Айя, открывшую намъ самыя живописныя перспективы. Впереди на высотѣ бѣлѣется гробница шейха Абд-ель-Кадера, направо—большая арабская деревня Турмусъ, налѣво романтическія развалины средневѣковаго замка Раймунда С.-Жиля, когда-то властвовавшаго надъ всею этою страною и ограждавшаго силою своего меча съ трудомъ насажденное здѣсь христіанство. Передъ входомъ въ «ущелье разбойниковъ» мы видѣли на горѣ развалины другаго историческаго замка «Кафъ-Бердауиль, освященныя другимъ геройскимъ именемъ крестовыхъ походовъ—именемъ Балдуина.

Толпа красивыхъ всадниковъ и разсыпавшихся пѣшеходовъ спускалась въ эту минуту по кручамъ горы отъ замка С.-Жиля; воображенію моему грезилось, что это какая-нибудь русокудрая шателёнка среднихъ вѣковъ съ своими сокольниками, пажами и трубадурами выѣзжаетъ изъ воротъ своего рыцарскаго замка на охоту въ долины вассаловъ.

Трудно повѣрить, съ какимъ умѣньемъ и трудолюбіемъ обработана эта каменистая страна, кишащая фигами и оливами. До самыхъ вершинъ горъ почва выровнена чередующимися другъ надъ другомъ террасами, словно передъ нами не арабская Палестина, а кропотливое хозяйство Швейцаріи.

Можетъ быть, это еще слѣды очень древнихъ работъ, кочевника-бедуина здѣсь ужъ слѣда нѣтъ, все трудолюбивое земледѣльческое населеніе.

Мы вступили теперь въ «Ефраимовы горы», въ библейскій «удѣлъ Ефраима». Веѳиль былъ пограничною крѣпостью колѣна Веніамина, но впослѣдствіи былъ захваченъ ефраимцами и вошелъ въ составъ Израильскаго, а не Іудейскаго царства. Эти «Ефраимовы горы» даютъ-таки почувствовать себя! Мы безъ конца поднимаемся, безъ конца опускаемся.

У подошвы крутаго спуска въ долину Луббана, около невѣдомыхъ развалинъ, гдѣ привѣтливо гудѣлъ горный ключъ, арабы наши отказались ѣхать дальше. Полуденная жара становилась невыносимою и для людей, и для лошадей. Тутъ однако совсѣмъ не было тѣни, и мы предпочли раскинуть свои кочевые шатры на склонѣ горы, подъ скудною сѣнью трехъ-четырехъ маслинъ.

На кавказской буркѣ и походныхъ подушкахъ, каменное ложе оказалось довольно сноснымъ, но нужно было постоянно оглядываться, чтобы изъ трещинъ почвы, изъ-подъ осыпей камня, не явились къ намъ въ гости скорпіоны. Слава Богу, они оставили насъ въ покоѣ, но за то отъ сѣрыхъ крупныхъ ящерицъ, похожихъ на новорожденныхъ крокодиловъ, дѣваться было некуда! Пустыя дупла старыхъ маслинъ съ безчисленнымъ множествомъ отверстій служатъ имъ настоящими башнями; они десятками выползаютъ оттуда и впалзываютъ туда, гоняясь другъ за другомъ, какъ маленькія рѣзвыя дѣти.

Якубъ служилъ намъ усерднымъ хлѣбодаромъ и виночерпіемъ, таская изъ куржинъ провизію и поминутно бѣгая за водою къ ручью. Съ нами была всякая-всячина,—жареныя куры и пирожки, сыръ и яйца, огурцы и апельсины, пиво и вино, и даже холодный чай и кофе въ бутылкахъ, такъ что въ этомъ отношеніи мы напоминали гораздо болѣе старосвѣтскихъ помѣщиковъ, ѣдущихъ куда-нибудь на богомолье въ доморощенномъ тарантасѣ съ перинами и складнями, чѣмъ пилигримовъ Сирійской пустыни.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ на камняхъ подъ тѣнью деревьевъ, мы двинулись къ Аинъ-Луббанъ, давно уже манившему насъ съ той стороны широкой долины. Аинъ-Луббанъ—древняя хананская крѣпость Либна, или Ливва, которую Іисусъ Навинъ взялъ кровавымъ боемъ.

Но гораздо интереснѣе его развалины Силуна, виднѣющіяся въ горахъ направо отъ долины. Это библейская Сило, или Силомъ, тоже одна изъ древнѣйшихъ святынь Израиля. Въ Си-

ломѣ Исусъ Навинъ совершилъ первый раздѣлъ завоеванныхъ земель Ханаана между 12-ю колѣнами Израиля, предварительно истребивъ всѣхъ царей той земли.

«Всѣхъ же царей тридцать одинъ!» коротко замѣчаетъ библейская лѣтопись. «Такимъ образомъ взялъ Іисусъ всю землю, какъ говорилъ Господь Моисею, и отдалъ ее Іисусъ въ удѣлъ израильтянъ по раздѣленію между колѣнами ихъ *и успокоилась земля отъ войны*». Успокоилась тѣмъ болѣе, что цѣлыя племена ханаанскія, издревле населявшія Палестину, послѣ истребленія ихъ грознымъ вождемъ Израиля, бѣжали даже на далекіе берега Африки, въ страны Нумидіи и Карѳагена, гдѣ еще до послѣдняго времени сохранилась память объ этомъ переселеніи.

Прокопій, греческій историкъ Юстиніанова времени, писавшій по финикійскимъ источникамъ, подробно разсказываетъ, какъ «финикіяне», т.-е. хананейцы, бѣжали отъ Іисуса Навина въ Африку и распространились тамъ до самыхъ Геркулесовыхъ столбовъ (т.-е. Гибралтарскго пролива). «Они живутъ тамъ и теперь», говоритъ Прокопій, и «говорятъ по-финикійски». Въ ихъ городѣ Тигизисѣ, около большаго фонтана, есть два столба бѣлаго камня, на которыхъ вырѣзана финикійскими письменами слѣдующая надпись: «Мы тѣ, которые обратились въ бѣгство передъ разбойникомъ Іисусомъ, сыномъ Нави». Древніе арабскіе писатели, ближе другихъ знакомые съ исторіею азіатскихъ и африканскихъ племенъ, точно также подтверждаютъ Палестинское происхожденіе многихъ народовъ сѣверной Африки. Масуди ихъ считаетъ «Потомками дѣтей Ханаана». Эдризи говоритъ, что всѣ народы берберскаго племени жили прежде въ Палестинѣ, но что послѣ пораженія Давидомъ бербера Голіафа, берберы переселились въ самые отдаленные края Африки. Замѣчательно, что теперешніе евреи Варварійскихъ владѣній до сихъ поръ называютъ берберовъ Пелиштимъ (Филистимъ), а при св. Августинѣ жители окрестностей Гиппона (теперешній городъ Бонъ въ Алжирѣ) сами звали себя хананеянами.

Въ Силомѣ же во время судей израильскихъ пребывалъ Ковчегъ Завѣта, поставленный тамъ Іисусомъ Навиномъ. Тамъ каждый годъ, на праздникъ Іеговы, дѣвы Силома исполняли священную пляску. Первосвященникъ Илій имѣлъ свое пребываніе въ Силомѣ, и отрокъ Самуилъ подъ его руководствомъ приготовлялся тамъ къ своему великому призванію. Погребальныя пещеры и развалины глубокой древности наполняютъ окрестности теперешняго Силуна.

Подъ вѣяніемъ этихъ ветхозавѣтныхъ воспоминаній, со всѣхъ сторонъ окруженные тѣнями и обломками исторіи, мы спускаемся черезъ плодоносныя долины Израильскаго царства, все ближе и ближе подвигаясь къ священному центру мѣстъ и событій давняго прошлаго,—древнему Сихему, этому второму Іерусалиму Израиля.

Еще нѣсколько горныхъ переваловъ, еще нѣсколько тяжелыхъ подъемовъ и спусковъ по убійственнымъ каменистымъ дорогамъ, мимо торчащихъ на вершинахъ холмовъ живописныхъ деревенекъ библейскаго вида, съ домами-башнями и просто съ башнями, и мы, наконецъ, въ просторной долинѣ Махна, покрытой золотыми нивами пшеницы и ржи, зеленѣющей купами оливъ.

Эта родная наша «рожь-матушка», неожиданно представшая нашимъ глазамъ въ странѣ древняго Израиля, и этотъ необычайный здѣсь просторъ полей, окаймленныхъ будто родимыми щигровскими ракитами, короткими стволами сѣрыхъ маслинъ, невольно напомнилъ намъ милую далекую Русь.

Горы Евфраима кончились. Потянулись съ обѣихъ сторонъ горы Самаритянскія. На вершинахъ ихъ еще чаще бѣлѣются купола и башни *Уели*, гробницы чтимыхъ мусульманскихъ шейховъ, несомнѣнно прикрывающихъ своимъ именемъ памятники гораздо болѣе почтенной древности.

Но все-таки слѣды Библіи еще не стерты совсѣмъ, новыя историческія наслоенія только легли на нихъ сверху и смѣшались съ ними въ трудно различимую археологическую пута-

ницу. Памятники временъ Навина, временъ Ирода, крестовыхъ походовъ и царицы Елены, арабскихъ халифовъ и современныхъ турокъ — все тутъ перепуталось въ одну хаотическую кучу камней и легендъ. Вонъ на верху гробницы сыновей Финеаса, вотъ впереди историческія горы Гаризимъ и Гевалъ, «гора благословенія» и «гора проклятія», а вотъ недалеко отъ подножія Гаризима, при крутомъ поворотѣ долины, издревле славный «Биръ-Якубъ», колодезь св. Іакова.

IV.—Наплузъ, древній Сихемъ.

Колодезь св. Іакова.—Гробница Іосифа.—Древняя исторія Сихема или Сихора—„Гора благословенія“ и „Гора проклятія“.—Расколъ Самаритянъ.—Враждебное настроеніе Наплузцевъ.—Улицы Наплуза.—Ночлегъ у англиканскаго пастора.—Размышленія о библейскихъ людяхъ и библейскихъ временахъ.

Колодезь Палестины совсѣмъ не то, что колодезь русской деревни. Это цѣлое колоссальное сооруженіе, цѣлая каменная башня съ лѣстницами, сводами, переходами, опрокинутая въ глубь земли. Мы остановились осмотрѣть эту достопочтенную библейскую древность и сошли по не совсѣмъ удобнымъ ступенямъ въ ея темныя нѣдра. Вода уже и теперь пересохла, а въ разгарѣ лѣта онъ и совсѣмъ бываетъ сухъ, такъ что Биръ-Якубъ только по преданіямъ называется колодцемъ. Въ немъ черпали воду столько тысячелѣтій, что, онъ, конечно имѣетъ теперь законное право на заслуженный отдыхъ. Это тотъ самый колодезь, гдѣ Христосъ, на пути изъ Галилеи въ Іерусалимъ, бесѣдовалъ съ Самяритянкой.

«Приходитъ Іисусъ въ городъ Самарійскій, называемый Сихоръ, близъ участка земли, даннаго Іаковомъ сыну своему Іосифу», говорится объ этомъ въ Евангеліи. «Тамъ былъ колодезь Іаковлевъ. Іисусъ, утрудившись отъ пути, сѣлъ у ко-

ской до мѣста Сихема, до дубравы Морѣ», разсказываетъ книга Бытія переселеніе праотца евреевъ изъ Ура Халдейскаго.

На горѣ Гаризимѣ указываютъ до сихъ поръ мѣсто, гдѣ, будто бы, Авраамъ приносилъ въ жертву Исаака. Въ томъ же Сихемѣ Іаковъ, возвращавшійся на родину, «поставилъ жертвенникъ и призвалъ имя Господа Бога Израилева».

Въ Сихемъ посланъ былъ Іосифъ посмотрѣть скотъ братьевъ, нашелъ ихъ къ сѣверу отъ Сихема, въ Доѳанѣ, и изъ Сихема проданъ былъ измаильтянскимъ купцамъ.

Въ эпоху завоеванія Израилемъ земли Ханаанской Сихемъ играетъ первенствующую роль. Это своего рода священная «матерь городовъ Палестинскихъ», какъ у насъ Кіевъ. Оттого Іисусъ Навинъ и отдалъ его колѣну левитовъ, обративъ его въ священное убѣжище для преступниковъ.

«Дали имъ городъ-убѣжище для убійцы—Сихемъ и предмѣстіе его на горѣ Ефремовой».

Здѣсь въ первый разъ опустилъ свою безпощадную десницу грозный воевода Израиля. «*Іисусъ не опускалъ руки своей, которую простеръ съ копьемъ*, доколѣ не предалъ закланію всѣхъ жителей Гая».—«И сожегъ Іисусъ Гай, и обратилъ его въ вѣчныя развалины, въ пустыню, до сего дня. А царя Гайскаго повѣсилъ на деревѣ».

Тогда только онъ устроилъ жертвенникъ на горѣ Гевалѣ «изъ камней цѣльныхъ, на которые не поднимали желѣза, и принесъ на немъ всесожженье Господу *и совершилъ жертвы мирныя*».

«И написалъ тамъ на камняхъ списокъ закона Моисеева, который онъ написалъ передъ сынами Израилевыми».

Народъ былъ поставленъ по обѣ стороны, «одна половина у горы Гаризима, а другая половина у горы Гевала, какъ прежде повелѣлъ Моисей, рабъ Господень, благословлять народъ Израилевъ, и потомъ прочиталъ Іисусъ всѣ слова закона, *благословеніе* и *проклятіе*, какъ написано въ книгѣ закона».

Съ тѣхъ поръ гора Гаризимъ стала называться «горою благословенья», а гора Гевалъ—«горою проклятія».

Въ Сихемѣ же передъ самою смертію своею, Іисусъ Навинъ «заключилъ съ народомъ завѣтъ въ тотъ день и далъ ему постановленіе и законъ въ Сихемѣ, передъ скиніею Господа Бога Израилева. И вписалъ Іисусъ слова сіи въ книгу закона Божія, и взялъ большой камень, и *положилъ его тамъ подъ дубомъ, который подлѣ святилища Господня*».

Послѣ смерти Соломона въ Сихемѣ совершилось и распаденіе древняго Еврейскаго царства на два царства: Іудейское и Израильское. Іеровоамъ избралъ Сихемъ столицею своего новаго Израильскаго царства и сдѣлалъ изъ него соперника Іудейскаго Іерусалима.

Послѣ плѣненія Вавилонскаго Сихемъ сталъ центромъ другаго раскола;—самаритяне, образовавшіеся изъ разноплеменныхъ пришельцевъ въ опустѣвшую Палестину и исказившіе во многомъ религію Моисея, были враждебно отвергнуты отъ своего общенья возвратившимися изъ плѣна истыми евреями и даже не были допущены къ участію въ работахъ возобновленнаго Іерусалимскаго храма.

Тогда самаритяне рѣшились устроить себѣ особое святилище въ Сихемѣ, на горѣ Гаризимѣ, противуположной тому Гевалу, на которомъ было древнее святилище евреевъ. Сихемъ сдѣлался такимъ образомъ столицею самаритянъ, до того презираемыхъ евреями, что даже апостолы Христовы въ первыя времена христіанства не рѣшались проповѣдывать въ Самаріи.

Оттого-то и самаритянка у колодца съ такимъ изумленіемъ и недовѣріемъ встрѣтила обращенныя къ ней дружелюбныя слова Спасителя.

Самаритяне были почти поголовно истреблены римскими войсками, отчаянно защищая Сихемъ и Гаризимское святилище свое противъ Веспасіана и потомъ Юстиніана. Сихемъ сталъ называться въ честь Флавія Веспасіана римскимъ именемъ Флавія Неаполисъ, и этотъ-то Неаполисъ арабы въ теченіе

вѣковъ исказили въ нынѣшній Наплузъ, или Наблузъ, который теперь считается вторымъ городомъ Палестины послѣ Іерусалима и въ который намъ предстоитъ сейчасъ въѣхать.

У новой турецкой казармы, оберегающей входъ въ эту Палестинскую Москву, прекрасный источникъ Аинъ-Дефне, гораздо болѣе обильный водами, чѣмъ колодезь старика Іакова. Въ него тоже сходятъ по ступенямъ. Арабы наши напоили въ немъ лошадей и напились сами. Много турецкихъ солдатъ и проѣзжихъ арабовъ тоже толпились тутъ съ своими конями. Сейчасъ же за Аинъ-Дефне въ живописной впадинкѣ горы Гаризима—маленькая часовня съ куполомъ, окруженная цвѣтущимъ садикомъ пальмъ и всякихъ южныхъ деревьевъ.

Проводники увѣряютъ насъ, что это гробница 40 пророковъ израильскихъ, хотя навѣрное это тоже одинъ изъ *уели*, гробница какого-нибудь мусульманскаго шейха.

Съ обрывовъ Гаризима и Гевала смотрятъ на насъ и другія такія же *уели*.

Гаризимъ не такъ высокъ, какъ обширенъ, и горбатыми отрогами своими расходится во всѣ стороны. Надъ городомъ онъ поднимается обрывистою стѣною. Гевалъ же до половины своей высоты обращенъ въ садъ или вѣрнѣе, огородъ. Онъ весь терасированъ, и на каждой террасѣ сплошныя плантаціи цвѣтущаго и уже плодами покрытаго кактуса; эти сочные кактусовые огурчики, напоминающіе немного вкусъ арбуза, простой народъ ѣстъ въ громадномъ количествѣ въ жаркіе лѣтніе дни, тѣмъ болѣе, что на базарахъ они дешевы до невозможности.

Вотъ наконецъ мы въѣхали и въ городскія ворота. Приходится проѣзжать насквозь весь городъ, черезъ толпу, наполняющую узкія улицы. Движенье, говоръ, шумъ ужасные! чистая толкучка въ Москвѣ... Жители Наплуза извстари пользуются плохою славою. Вѣчныя ссоры, вѣчныя драки, вѣчные бунты. Турецкіе паши не могутъ сладить съ ними. Они до сихъ поръ съ нетерпимостью смотрятъ на христіанъ и всегда поднимаютъ

какія-нибудь исторіи съ путешественниками. Въ прежнее время, 30 и 40 лѣтъ тому назадъ, черезъ Наплузъ почти невозможно было проѣхать. Фирманы паши они считали ни во что и своевольничали.

Нашъ Муравьевъ тоже подвергался среди нихъ большой опасности. Путеводители и консульства заранѣе предупреждаютъ путешественниковъ, чтобы въ Наплузѣ они были особенно осторожны.

Мы убѣдились на себѣ въ сварливомъ и негостепріимномъ характерѣ этихъ достойныхъ потомковъ Авимелеха... Только-что мы попробовали остановиться передъ интересною древнею мечетью, съ порталомъ изъ драгоцѣнныхъ мраморныхъ колоннъ, очевидно, обращенною въ мечеть изъ какого-нибудь храма крестоносцевъ, какъ насъ окружила недружелюбная толпа; хотя мы не понимали тѣхъ обидныхъ словъ, которыя сейчасъ же раздались вокругъ насъ, но по гнѣвнымъ молніямъ глазъ, метавшихся на насъ, по движеньямъ махавшихъ рукъ—безъ труда можно было догадаться, что правовѣрные города Наплуза возмущены дерзостью собакъ-Франковъ, осмѣлившихся разсматривать ихъ святыню. Струсившій Якубъ поспѣшно посовѣтовалъ убираться дальше, чтобы не вышло какого-нибудь скандала. Но толпа не оставляла насъ, хотя мы безропотно повернули коней отъ воротъ мечети. Она провожала насъ криками и угрозами до самаго базара, гдѣ цѣлая армія уличныхъ мальчишекъ явилась ей на смѣну. Арабъ-жандармъ флегматически ѣхалъ впереди, обращая на нихъ также мало вниманія, какъ на лай собаченокъ. Но нашъ черногорецъ-кавасъ выходилъ изъ себя и поминутно готовъ былъ сцѣпиться съ преслѣдовавшими насъ обидчиками; онъ плохо говорилъ по-арабски и поэтому ограничивался краснорѣчивымъ потрясываніемъ нагайки по адресу ругателей. Якубъ, знавшій хорошо скверные обычая наплузцевъ, должно быть, слукавилъ: онъ отъ самой мечети понесся маршъ-маршъ впередъ, какими-то обходными переулками, очевидно, выдавая себя за истаго араба и обѣщая намъ заранѣе

приготовить квартиру. Мы же ползли шагомъ по тѣснымъ гористымъ улицамъ, запруженнымъ народомъ, совсѣмъ утомленные зноемъ и многочасовою тряскою на сѣдлѣ. Какъ ни скверно дѣйствовала на нервы эта безпричинная собачья враждебность окружавшей насъ толпы, едва дававшей намъ дорогу и удерживавшейся отъ болѣе осязательныхъ выраженій своей ненависти только присутствіемъ турецкаго жандарма да консульскаго каваса, все-таки я искренно любовался оригинальной восточной физіономіей города и его разноцвѣтной щеголеватой толпой. Главная улица ползла безконечною змѣею почти все время подъ старыми сводами домовъ, окруженная грязными лавченками и мастерскими, наполненная, какъ русло рѣки водою, сидящимъ и ходящимъ народомъ. Среди знакомыхъ уже намъ характерныхъ костюмовъ арабовъ и турокъ, здѣсь еще мелькаютъ невиданныя нами нигдѣ красныя чалмы самаритянъ, отличительный признакъ этой вымирающей теперь секты, когда-то господствовавшей не только въ Наплузѣ, но и во всей Самаріи. Теперь всѣхъ самаритянъ насчитывается не болѣе 150-ти человѣкъ, и кромѣ Наплуза уже нигдѣ не увидишь ихъ. Сквозь расщелины улицы, въ промежуткахъ домовъ, открываются вверхъ налѣво и направо внизъ еще болѣе узенькіе и еще болѣе крутые переулочки часто со ступенями, какъ лѣстницы колокольни, и за ними—далекія перспективы горы Гевала. То-и-дѣло распахиваются по сторонамъ черныя пасти колодцевъ и цистернъ, прикрытыхъ громадными старинными сводами. Городъ удивительно богатъ водою; въ немъ считается до 80-ти ключей, не пересыхающихъ въ самое жаркое лѣто. Около этихъ же ключей, воду которыхъ такъ легко обратить въ движущую силу, устроились многочисленныя мыльныя фабрики Наплуза, приготовляющія душистое мыло изъ оливковаго масла. Городъ вообще промышленный и ведетъ дѣятельно торговлю; этому помогаетъ столько же его положеніе на большомъ караванномъ пути изъ Сиріи въ Іерусалимъ, сколько и окружающая его плодоносная страна, для которой онъ служитъ главнымъ рынкомъ и административнымъ центромъ.

Якубъ встрѣтилъ насъ въ тѣснотѣ какой-то многолюдной крытой улицы и объявилъ, что греческій игуменъ, у котораго онъ просилъ пристанища, не соглашается пустить насъ безъ письма патріарха или Назаретскаго архіерея, но что онъ добылъ очень удобное помѣщеніе у знакомаго ему нѣмца Фальшера, священника и миссіонера англиканской церкви. Признаюсь, я былъ вполнѣ увѣренъ, что лукавый нѣмецъ вралъ безъ зазрѣнія совѣсти на греческаго игумена, а что ему просто на-просто хотѣлось притащить насъ къ своему брату нѣмцу; но отдохнуть хотѣлось такъ непобѣдимо, что разслѣдовать и провѣрять его апокрифическія донесенія было не умѣстно. Впрочемъ, мы ничего не проиграли черезъ эту перемѣну. Чистенькій, хорошенькій домикъ англиканскаго священника пріютился въ самомъ концѣ Наплуза, почти на выѣздѣ, весь въ цвѣтахъ, деревьяхъ, тѣснистыхъ балкончикахъ.

Намъ отвели свѣтлую комнату съ свѣжими постелями, увѣшенную картинами нравоучительнаго содержанія и разными піитическими надписями.

Добрѣйшіе хозяева угощали насъ какъ родныхъ, сварили намъ супъ съ курицей, котораго мы давно не ѣли, напоили горячимъ кофе съ отличными сливками. — Хозяинъ нашъ не только священникъ, но и учитель. Англичане открыли на свой счетъ двѣ протестантскія школы въ Наплузѣ и пять школъ въ окрестныхъ деревняхъ. Пасторъ Фальшеръ имѣетъ главный надзоръ надъ всѣмъ этимъ крошечнымъ учебнымъ оазисомъ, затерянным среди арабской пустыни.

Вечеръ мы просидѣли на балкончикѣ, въ тѣни деревъ, наслаждаясь тихою звѣздною ночью. Молодая луна только-что всходила надъ чернымъ горбомъ Гевала, скалистые обрывы этой библейской «горы проклятія», покрытые, какъ иглами, колючими кактусами, въ какой-то мрачной торжественности, будто гигантскій алтарь — царю тьмы, воздымались въ синее небо изъ глубокаго ущелья. Нескончаемые сады оливокъ тянулись кругомъ нашего уютнаго домика, выдѣляя кое-гдѣ среди

темныхъ массъ зелени угловатые островки плоскихъ крышъ, чуть освѣщенные только-что всходившимъ мѣсяцемъ.

Радостные звуки какой-то удалой и шумной пѣсни вдругъ раздались среди ночной тишины. Яркимъ пожаромъ прорвались сквозь чащу деревьевъ движущіеся огни фонарей, и черезъ нѣсколько минутъ мимо нашего балкончика, будто какая-то бурная грёза, пронеслась и снова исчезла въ ночномъ мракѣ поющая, кричащая и пляшущая толпа. Множество пестро одѣтыхъ молодыхъ арабовъ съ торжествомъ вели высокаго юношу-жениха, оглашая воздухъ свадебными пѣснями, хлопая въ ладоши, кружась и прыгая передъ нимъ, высоко махая своими кинжалами и ружьями. Это товарищи, справивши послѣдній пиръ, провожали молодаго на брачное ложе невѣсты.

Даже радость этихъ наплузцевъ выражается криками ссоры, шумною безпорядочностью свалки. Меня серьезно заставила задуматься эта глубоко вкоренившаяся въ жителя Наплуза потребность ссоры. Еще при первомъ упоминаніи Сихема на страницахъ Библіи—онъ уже полонъ вражды, измѣны, крови.

Сихемскій царь похищаетъ Дину, дочь Іакова, и братья Дины, Симеонъ и Леви, въ отмщеніе за поруганіе сестры, вѣроломно избиваютъ довѣрившихся ихъ слову жителей Сихема и разграбляютъ Сихемъ. Съ тѣхъ поръ Сихемъ постоянно является ядромъ всякаго раздора и раскола.

Іисусъ Навинъ словно пророчески раздѣлилъ въ немъ народъ на двѣ противуположныя стороны: одну «на горѣ благословенія», другую на «горѣ проклятія». Это стремленіе къ раздѣленію такъ и осталось въ наслѣдіе жителямъ Сихема. Въ немъ древняя монархія Давидова раздѣлилась на два враждебныхъ царства, въ немъ самаритяне откололись отъ іудеевъ и основали свою новую святыню.

Читая разсказы Библіи о жизни древнихъ патріарховъ, нерѣдко останавливаешься съ недоумѣніемъ надъ нѣкоторыми поражающими чертами тогдашнихъ нравовъ, совсѣмъ не подхо-

дящими къ нашему представленію о чистотѣ и кротости патріархальнаго быта.

Еще болѣе смущаетъ и приводитъ въ недоумѣніе внимательнаго чтеца Библіи изумительная съ перваго взгляда легкость отношенія ветхозавѣтнаго человѣка къ своимъ семейнымъ обязанностямъ и къ женщинѣ вообще. Поверхностный наблюдатель можетъ придти къ убѣжденію, повидимому, довольно основательному, что отношенія полові, осуждаемыя въ наше время, какъ явный развратъ, въ дни патріарховъ и великихъ царей израильскихъ, считались чуть не добродѣтелью, не скрывались ни отъ кого и всѣми одобрялись.

Но всѣ подобныя сужденія о сѣдой древности, почерпнутыя изъ нашихъ теперешнихъ общественныхъ отношеній и изъ условій нашего современнаго быта, были бы крайне несправедливы. Тысячелѣтія протекли не даромъ, и то, что является вредною прихотью въ наше время, могло быть роковою потребностью за десятки вѣковъ раньше.

Въ самомъ дѣлѣ, хорошо намъ теперь проповѣдывать цѣломудріе и воздержаніе. Теперь это дѣйствительно необходимо, дѣйствительно нравственно, и потому, что гораздо болѣе по плечу растерявшему свои силы современному организму человѣка, и потому, что уже тѣсно стало намъ на земномъ шарѣ. Мать-земля отказывается питать насъ съ прежнею щедростью изъ своихъ истощенныхъ сосцовъ, намъ не хватаетъ на всѣхъ ни хлѣба, ни мѣста, ни воздуху, мы пожираемъ другъ друга въ ожесточенной экономической конкурренціи, стараясь устроить свое благополучіе на костяхъ ближняго своего. Въ этихъ обстоятельствахъ слишкомъ обильное рожденіе новыхъ ртовъ, новыхъ соперниковъ въ борьбѣ, не можетъ быть желательно и выгодно для человѣчества, и само собою ученіе о цѣломудренномъ воздержаніи, о всяческомъ стѣсненіи и ограниченіи брачной жизни—дѣлается естественнымъ закономъ нравственности.

Жениться очень рано становится непрактичнымъ и невозможнымъ, имѣть нѣсколькихъ женъ кажется безумнымъ раз-

вратомъ, плодить дѣтей безъ счета и мѣры — преступленіемъ противъ нихъ самихъ, противъ общества, противъ самого себя, признакомъ варварства и бездушной безпечности къ участи своихъ близкихъ.

Но то же самое многоженство, которое въ наши дни способно разрушить семью и общество, въ былые вѣка должно было стать основнымъ закономъ общественной нравственности, обязанностью патріотизма, религіознымъ долгомъ, первымъ дѣломъ самозащиты.

Въ младенческіе годы человѣческой исторіи дары земли были еще почти не початы, и нужда ощущалась тогда съ противуположнаго конца—нужда въ людяхъ, вмѣстѣ работающихъ, вмѣстѣ защищающихся.

«Человѣкъ былъ волкъ человѣку», по выраженію Гоббса (homo homini lupus), и одно племя истребляло другое, какъ двѣ враждебныя породы звѣрей. Библія даетъ хорошее понятіе о томъ, что̀ означало на языкѣ ветхозавѣтной исторіи занятіе земли или завоеваніе царства. Все предавалось «концу копія» безъ размышленія и жалости.

Посмотрите, напримѣръ, какъ дѣйствуетъ «кроткій Давидъ», одинъ изъ самыхъ великодушныхъ вождей Израиля: жилъ

«И поразилъ моавитянъ и смѣрилъ ихъ веревкою, поло на землю и отмѣрилъ двѣ веревки на умерщвленіе и одну веревку на оставленіе въ живыхъ».

Когда, въ другое время, Давидъ взялъ у аммонитянъ городъ Равву, «народъ, бывшій въ немъ, онъ вывелъ и положилъ ихъ подъ пилы, подъ желѣзныя молотилки, подъ желѣзные топоры, и бросилъ ихъ въ обжигательныя печи. Такъ онъ поступилъ со всѣми городами аммонитянскими», прибавляетъ въ видѣ успокоенія книга Царствъ.

И царь-псалмопѣвецъ не только не считаетъ своихъ поступковъ жестокими, но даже восхваляетъ за нихъ Бога силъ въ горячемъ гимнѣ: «Кто Богъ, кромѣ Господа, и кто защита, кромѣ Бога нашего? Богъ препоясуетъ меня силою, указуетъ

мнѣ вѣрный путь. Я гоняюсь за врагами моими и истребляю ихъ, и не возвращаюсь, доколѣ не уничтожу ихъ. И истребляю ихъ, и поражаю ихъ, и не встаютъ, и падаютъ подъ ноги мои. Я разсѣваю ихъ, какъ прахъ земной, какъ грязь уличную, мну ихъ и топчу ихъ. Живъ Господь и благословенъ защитникъ мой! Богъ, мстящій за меня и покоряющій мнѣ народъ, и избавляющій меня отъ враговъ моихъ! За то я буду славить Тебя, Господи, между иноплеменниками и буду пѣть имени Твоему»!

Въ вѣка, когда поголовное истребленіе народовъ, «избіеніе всего дышущаго», по любимому выраженію Іисуса Навина, было чуть не ежедневнымъ событіемъ, не могло быть выше добродѣтели для жены, какъ народить много дѣтей; для главы семейства—быть окруженнымъ потомствомъ многочисленнымъ, какъ песокъ морской.

Свой родъ—это своя армія, свои жнецы, свои пастухи. Малочисленъ родъ—его побѣждаютъ, гонятъ, обращаютъ въ рабство. Силенъ и многолюденъ—онъ владыка сосѣднихъ земель и родовъ.

Нѣтъ ничего постыднѣе, ничего вреднѣе для человѣка ветхозавѣтныхъ временъ, какъ не оставить по себѣ потомства, не имѣть вокругъ себя сильныхъ и смѣлыхъ сыновъ, которые бы могли легко пополнять постоянную убыль въ воинахъ и работникахъ, которые бы стали могучею оградою вокругъ прадѣдовскаго шатра, напасли бы припасовъ, охранили бы стада, проводили бы караванъ, помогли бы захватить добычу и вытѣснить съ злачныхъ мѣстъ болѣе счастливыхъ сосѣдей; земледѣліе, торговля, скотоводство—тогда все было синонимомъ войны, все доставалось и защищалось мечомъ и кровью.

Оттого-то Іегова благословляетъ вѣрныхъ Ему слугъ Божіихъ прежде всего обѣтованіемъ безчисленнаго потомства. «Умножу потомство твое какъ звѣзды небесныя!» говоритъ Онъ Аврааму. «Благословлю тебя и умножу потомство твое!» повторяетъ Онъ Исааку.

Въ книгѣ Бытія Іаковъ такъ обращается къ Богу отцовъ

своихъ: «Ты сказалъ: Я буду благотворить тебѣ и сдѣлаю потомство твое, какъ песокъ морской, котораго не исчислить отъ множества!»

Когда священная лѣтопись исчислила всѣ подвиги царя Давида, то, въ довершеніе всего, какъ доказательство особеннаго расположенія Іеговы къ своему помазаннику,—она прибавляетъ: «И уразумѣлъ Давидъ, что Господь утвердилъ его царемъ надъ Израилемъ и что возвысилъ царство его ради народа своего Израиля. И взялъ Давидъ еще женъ изъ Іерусалима. И родились еще у Давида сыновья и дочери. И вотъ имена родившихся у него въ Іерусалимѣ»...

Понятно, что при такихъ настойчивыхъ требованіяхъ исторической обстановки люди не останавливались передъ второстепенными обстоятельствами и мало различали формы семейнаго сожитія, если только имъ достигалась надъ всѣмъ господствовавшая цѣль тѣхъ вѣковъ и народовъ—обезпечить себѣ многочисленное потомство.

Многое въ ветховавѣтной исторіи кажется развратомъ только развратному воображенію современнаго человѣчества, для котораго утерялось, съ теченіемъ времени, роковое значеніе безплодія и малолюдности,—которое страдаетъ отъ совершенно противуположныхъ опасностей. Теперь для насъ имѣетъ серьёзный экономическій смыслъ даже какая-нибудь теорія Мальтуса объ обязательномъ сокращеніи рода человѣческаго, теперь цѣлые просвѣщенные народы, подобные французскому, могутъ установлять какъ правило житейскаго благоразумія и общественной нравственности обязанность «regler le nombre des enfants». Теперь, конечно, показалось бы намъ горькою насмѣшкою и привело бы насъ въ неописанный ужасъ благословеніе Божіе, дарующее намъ 77 сыновъ и обѣщающее въ перспективѣ потомство безчисленнѣе песку морскаго.

Мы, современные люди, слишкомъ испорчены воображеніемъ,

чтобы постигнуть всю нравственную высоту открытой и прямой библейской рѣчи, простыхъ и чистыхъ воззрѣній Библіи на отношенія мужчины къ женщинѣ. Мы не въ состояніи безъ мальчишеской ироніи, безъ сальной подозрительности, читать тѣ именно мѣста ея, которыя дышутъ особенной цѣломудренностью дѣвственнаго человѣчества.

«И сказала Сарра Аврааму: вотъ Господь заключилъ чрево мое, чтобы мнѣ не рождать. Войди же къ служанкѣ моей; можетъ быть, я буду имѣть дѣтей отъ нея».

«И взяла Сарра, жена Авраамова, служанку свою египтянку Агарь... и дала ее Аврааму, мужу своему, въ жену. Онъ вошелъ къ Агари, и она зачала».

Также просто и прямо, съ такимъ же твердымъ достоинствомъ и такою же серьезною заботою о своемъ главномъ общественномъ призваньи дѣйствуютъ и жены Іакова:

«Увидѣла Рахиль, что она не рождаетъ дѣтей Іакову и позавидовала Рахиль сестрѣ своей и сказала Іакову: дай мнѣ дѣтей; а если не такъ, я умираю».

«Она сказала: вотъ служанка моя Валла, войди къ ней, пусть она родитъ на колѣна мои, чтобы и я имѣла дѣтей отъ нея. И дала она Валлу, служанку свою, въ жену ему; и вошелъ къ ней Іаковъ. Валла, служанка Рахили, родила Іакову сына».

То же дѣлаетъ потомъ Лія.

«Лія увидѣла, что перестала рождать, и взяла служанку свою Зелфу и дала ее Іакову въ жену, и онъ вошелъ къ ней. И Зелфа, служанка Ліи, родила Іакову сына».

Вы видите, что тутъ совершается не постыдный грѣхъ, который нужно сохранять во тьмѣ, а священное таинство, которымъ гордятся передъ людьми, которое желаютъ увѣковѣчить въ памяти всѣхъ и Лія, и Рахиль, и Сарра.

Страхъ безплодія, страхъ прекращенія потомства—господствуетъ надъ всѣми. Безплодная жена подвергается проклятію и позору, извергается изъ семьи, какъ существо, отверженное

Богомъ. «И вспомнилъ Богъ о Рахили, и услышалъ ее Богъ, и *отверзъ утробу ея*: она зачала и родила Іакову сына и сказала: *снялъ Богъ позоръ мой*!»

Во всемъ этомъ чувствуются еще признаки первыхъ вѣковъ человѣческой жизни на землѣ, первобытныхъ отношеній людей, когда всѣ дѣвушки были женами всѣхъ юношей, дочерьми всѣхъ зрѣлыхъ, внучками всѣхъ старыхъ, когда бракъ былъ еще не личный, а такъ сказать всесемейный и даже общинный.

Наша русская простонародная привычка звать старшихъ людей батюшкой и дядюшкой, матушкой или тетушкой, стариковъ бабушкой и дѣдушкой, молодыхъ братцами,—тоже, конечно, есть одинъ изъ пережившихъ тысячелѣтія отголосковъ того доисторическаго времени, когда человѣчество знало только общинный бракъ и еще не дожило до болѣе тѣснаго и обособленнаго семейнаго союза.

Все это необходимо принимать въ соображеніе, когда мы судимъ поступки и нравы безконечно далекихъ отъ насъ людей, народовъ, вѣковъ. Библія устами пророка Нафана ставитъ въ укоръ царю Давиду не то, что онъ призвалъ къ себѣ Вирсавію и родилъ отъ нея Соломона, а только то, что онъ вѣроломно погубилъ мужа ея, Урію хеттеянина. Точно также книга Царствъ возмущается не тѣмъ, что у Соломона было 700 женъ, а тѣмъ только, что «жены его склонили его сердце къ другимъ богамъ», что «сталъ Соломонъ служить Астартѣ, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской»...

V.—Равнина Эздрелонская.

Развалины Себастіи.—Самарійскія горы.—Санурь Ветилуя.—Наряды Самаритянокъ.—Дженинъ, библейскій Энганимъ.—Гора Гелвуй.—«Великая равнина».—Зериль, городъ нечестиваго Ахава и Сунамъ, родина прекрасной. Авизаги.

Нѣмецкій пасторъ, хозяинъ нашъ, отказался принять плату за гостепріимство, и мы съ трудомъ уговорили его передать нашу жертву на училище. Этотъ поступокъ достойнаго труженика вѣры искренно тронулъ насъ. Въ Палестинѣ, странѣ патріархальнаго гостепріимства, гдѣ даже палатка бедуина открыта страннику, это особенно у мѣста.

Поднялись по обыкновенію до солнца, но успѣли отлично отдохнуть и съ бодростью сѣли на коней.

Здѣсь уже кончились предѣлы власти Іерусалимскаго паши, и нашъ жандармъ еще вчера распростился съ нами, награжденный по заслугамъ. Паша Наплузскій, принявъ отъ него бумагу Іерусалимскаго паши, прислалъ къ намъ своего офицера освѣдомиться, не нужно ли намъ чего, и отрядилъ въ наше распоряженіе очень расторопнаго и опытнаго воина. Онъ-то и принялъ теперь главное распоряженіе надъ нашимъ маленькимъ отрядомъ.

Долина Наплуза и при въѣздѣ, и при выѣздѣ изъ города, отъ подошвы Гевала до подошвы Гаризима и потомъ дальше на многія версты—одинъ сплошной оливковый садъ. Оливки тутъ тысячелѣтней древности и навѣрное помнятъ крестовые походы. Характернѣе этого дерева, съ его матовою сѣрою зеленью, съ его черными душистыми стволами, свитыми будто изъ желѣзныхъ жгутовъ и насквозь продыравленными множествомъ отверстій, словно старыя башни своими узенькими окошками,—трудно встрѣтить на востокѣ. Оливы Италіи и южнаго Крыма кажутся совсѣмъ другими.

Цѣлый день мы двигаемся цвѣтущими плодоносными мѣстами. Вездѣ сады и поля, вездѣ водопроводы, искусственное орошеніе, цистерны, сохранившіяся отъ глубокой древности. Ничего общаго съ безотрадными пустынями южной Палестины. Мы теперь въ Самаріи, въ древнихъ предѣлахъ не Іудейскаго, а Израильскаго царства.

Бѣлыя уели магометанскихъ святыхъ, а иногда цѣлыя мечети ихъ монастырей, высятся на каждомъ холмѣ, какъ замки на рейнскихъ берегахъ. Они придаютъ много живописности пейзажу, но за то совершенно запутываютъ исторію.

Развалины Самаріи неожиданно вырѣзываются съ лѣвой стороны дороги, въ прелестной холмистой мѣстности, покрытой деревеньками и деревьями.

Эта древняя столица царей израильскихъ, построенная царемъ-отступникомъ Амвріемъ на горѣ Семеронѣ, когда-то любимый городъ Ирода, а теперь маленькая и грязная деревушка. При Иродѣ она называлась Себастія или Августа, въ честь римскаго императора Августа, и блистала своими дворцами, колоннадами и храмами. До сихъ поръ кругомъ холма, осѣняющаго нынѣшнюю деревушку, видны остатки этихъ Иродовыхъ колонъ, когда-то тянувшихся сплошною галлереей версты на двѣ. Громадные тесанные камни, своды, фундаменты, обломки коллоннъ и капителей—покрываютъ всѣ холмы около деревни и засыпаютъ самую деревню. Она пробиралась сквозь эти историческіе камни, какъ грибъ плѣсени на повергнутомъ тысячелѣтнемъ дубѣ.

Живописныя развалины церкви уцѣлѣли очень хорошо. Они-то и придаютъ характерный видъ древности этимъ холмамъ, погребшимъ въ себѣ, одно подъ однимъ, столько наслоеній исторіи.

Это церковь св. Іоанна Крестителя, построенная еще царицею Еленою и, вѣроятно, обновленная крестоносцами. Те-

перь она обращена въ мечеть. Крестоносцы тутъ господствовали вездѣ, въ Наплузѣ, въ Самаріи, въ Назаретѣ и вездѣ старались возобновлять разрушенныя или запущенныя святыни христіанства.

Себастія, или Самарія—городъ, запечатлѣнный именемъ Іоанна Крестителя. Здѣсь была его темница, здѣсь онъ былъ убитъ и погребенъ по преданіямъ мѣстныхъ христіанъ. Здѣсь, по выраженію церковной пѣсни, «пляса ученице вселукаваго діавола, и главу твою, Предтеча, мзду взятъ». Гробницу Предтечи показываютъ около его церкви. Это глубокій подземный склепъ, осѣненный каменнымъ куполомъ, въ которомъ нельзя теперь видѣть ничего, кромѣ простой каменной плиты, прикрывающей будто бы прахъ Предтечи Христова.

Гробомъ Предтечи стала та самая темница Иродова, гдѣ произошло «усѣкновеніе святой главы» этого неподкупнаго праведника и обличителя, про котораго Христосъ сказалъ: «не возста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя». Преданіе прибавляетъ, что въ томъ же склепѣ, рядомъ съ Крестителемъ, были погребены и два пророка израильскихъ: Авдій, который спасъ 100 пророковъ Божіихъ отъ преслѣдованій Іезавели, и Елисей, ученикъ пророка Иліи.

Вообще Самарія, въ исторіи евреевъ, служила постояннымъ гнѣздомъ нечестія всякаго рода. Это былъ главный очагъ идолопоклонства, укоренившагося въ новомъ царствѣ Израильскомъ, очень скоро послѣ славнаго царствованія Соломона. Здѣсь было устроено Ахавомъ и Іезавелью знаменитое капище Ваала, вокругъ котораго кормилось болѣе 500 жрецовъ Ваала и которое вызывало такія страстныя обличенія нечестивыхъ царей у суроваго пророка Иліи.

Мы не задерживались долго развалинами Самаріи, потому что насъ торопилъ новый провожатый, желавшій педантически выполнить разъ заданный ему маршрутъ. Но мы за то долго любовались ими издали, такъ какъ дорога, ныряющая съ холма на холмъ, постоянно кружится вокругъ высотъ Самаріи. Одну

цвѣтущую долину за другою минуемъ мы, поднимаясь однако все выше и выше. Лошади наши ощущаютъ это гораздо лучше, чѣмъ мы, завлекаемые постоянно мѣняющимися картинами. Послѣ труднаго высокаго перевала черезъ деревню Бурка, мы опять очутились въ широкой зеленой котловинѣ, обрамленной высокими холмами. Налѣво отъ насъ, у подножія горъ, на крутомъ холмѣ, ощетинилась своими, хорошо сохранившимися, средневѣковыми башнями, своими зубчатыми стѣнами, съ узкими бойницами, крѣпость Сануръ. Она смотритъ подлиннымъ библейскимъ городомъ, какъ какая-нибудь Ветилуя, осажденная Олоферномъ. Ветилуя, родина Юдифи, дѣйствительно была недалеко отсюда. Мы проѣхали часъ спустя мимо деревни Митилія, которая сохраняетъ искаженное имя библейской крѣпости. Геройская еврейка, упоившая грознаго варвара и потомъ поразившая его тою самою рукою, которая расточала ему ласки—тоже характерное явленіе еврейской исторіи, характерный образчикъ того, какъ сама ветхозавѣтная женщина смотрѣла на свои женскія прелести и на свой долгъ израильтянки.

Юдиѳь въ этомъ случаѣ не одна. Іаиль, жена Хеверова, въ дни пророка Варака, повторяетъ подвигъ Юдиѳи надъ полководцемъ Сисарою, тутъ же въ окрестностяхъ Ветилуи, у потока Киссона. «Зайди, господинъ мой, зайди ко мнѣ, не бойся!» приглашаетъ она къ себѣ въ шатеръ Сисару, спасающагося отъ преслѣдованія. Когда же Сисара заснулъ въ шатрѣ ея, то «Іаиль, жена Хеверова, взяла колъ отъ шатра и взяла молотъ въ руку свою и подошла къ нему тихо и вонзила колъ въ високъ его такъ, что приколола къ землѣ, а онъ спалъ отъ усталости и умеръ». Пророчица Девора и пророкъ Варакъ воспѣли во всемъ Израилѣ такой подвигъ патріотизма: «да будетъ благословенна между женами Іаиль, жена Хевера, кенеянина, между женами въ шатрахъ, да будетъ благословенна!» пѣли ей народныя толпы.

Мы то-и-дѣло встрѣчаемъ на своемъ пути здѣшнихъ Юдиѳей и Іаилей. Богатство ихъ одеждъ и роскошь ихъ бросаются

въ глаза. Всѣ въ полосатыхъ платьяхъ, зеленыхъ и красныхъ, и синихъ, а на головѣ у каждой дѣвушки цѣлыя грозды тяжелыхъ серебряныхъ монетъ опоясываютъ сверху лобъ отъ одного виска до другаго, у кого 200, у кого 300 монетъ, и почти все меджидіе. Это не только украшеніе совсѣмъ въ восточномъ вкусѣ, но и остроумный способъ заранѣе объявлять женихамъ приданое невѣсты. Мужчины тоже тутъ роскошники: сейчасъ видно вліяніе приморскихъ торговыхъ центровъ и близость Дамаска, славнаго своей роскошью. На всѣхъ очень красивыя темномалиновыя мантіи, конечно, полосатыя, и живописные тюрбаны. Но что насъ особенно поразило, такъ это видъ здѣшнихъ козъ. Козы эти попадаются безчисленными стадами; всѣ они черныя какъ смоль, и уши ихъ висятъ по сторонамъ головы не меньше какъ на $^1/_2$ аршина. Они производятъ удивительно странное впечатлѣніе своимъ типическимъ выраженіемъ еврейской женщины съ длинными черными локонами по вискамъ.

Страна-житница, кишащая всяческимъ плодородіемъ, продолжаетъ разстилаться кругомъ. Колодцы и цистерны на каждомъ шагу. Чтобы зной солнца не изсушалъ этихъ запасовъ воды, безцѣнныхъ для путника, цистерны обыкновенно спрятаны гдѣ-нибудь глубоко въ придорожной скалѣ, и къ нимъ спускаются какъ въ подземелье.

Съ высотъ, окружающихъ городъ Дженинъ, мы увидѣли вдругъ прямо передъ собою, хотя и въ большой дали, бѣлѣющіеся среди зелени храмы и домики Назарета, приподнятые высоко надъ равниной. Слѣва, еще въ большомъ туманѣ, вырѣзалась гора Кармилъ,—послѣдній, отдѣльный какъ фортъ, выступъ въ море, галилейскихъ горъ.

Черезъ большое, богатое село Кабатіе и безконечные оливковые сады мы спускаемся въ ущелье Дженина, густо поросшее кактусами и всякими южными деревьями. Веселый ручеекъ бѣжитъ вмѣстѣ съ нами, орошая эти роскошные сады. Мы не могли воздержаться, чтобы не отдохнуть немного на шелковис-

той травѣ, въ тѣни душистыхъ деревьевъ, надъ этимъ привѣтливо журчащимъ ручьемъ, изъ котораго всѣмъ хотѣлось напиться до-сыта.

Самъ городъ Дженинъ тоже потонулъ въ пальмахъ и кактусахъ. Высокіе букеты пальмъ, довольно рѣдкихъ здѣсь, внутри страны, придаютъ ему характерный и живописный видъ настоящаго сирійскаго города. Единственная скромная мечеть его съ низенькимъ, каменнымъ куполомъ дышитъ безхитростною наивностью старины. Народъ весь на улицѣ, не смотря на пекущій жаръ полудня. Базарная толкотня для жителя востока то же, что вода для рыбы. Не сразу нашли мы мѣсто, гдѣ можно было хотя немного отдохнуть и пообѣдать. Грязные ханы, куда направляли насъ, были биткомъ набиты шумнымъ и даже небезопаснымъ народомъ, отъ котораго не оставалось свободнаго уголка. Во сто разъ удобнѣе и пріятнѣе было бы оставаться за городомъ, въ прохладной тѣни пальмъ, чѣмъ рыскать по этимъ пыльнымъ базарамъ среди шумной и недружелюбной толпы, подъ страшнымъ припекомъ солнца.

Здѣшніе жители имѣютъ такую же, изстари укоренившуюся, славу буйства и фанатизма, какимъ прославились наплузцы.

Наконецъ, мы все-таки нашли кое-какъ, хотя и съ большимъ трудомъ, хотя и очень скверный пріютъ на дворѣ одного хана. Намъ отвели какой-то пустой павильйонъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ самаго хана, полнаго кричащимъ и бражничающимъ народомъ. Благоразуміе требовало сдѣлать въ Дженинѣ дневку, дать отдохнуть себѣ и лошадямъ, на чемъ настаивали единодружно всѣ наши проводники. Но обстановка была такая не пріютная, грязная, тревожная, что хотѣлось выбраться изъ нее куда бы то ни было и когда бы только можно. Даже оказалось невозможнымъ изжарить горячаго шышлыку или кусочка баранины. Во всемъ базарѣ не нашлось одной бараньей ноги. А между тѣмъ, Дженинъ довольно важный торговый пунктъ страны. Мы переждали самые невыносимые часы сирійскаго жара, отлежавшись немножко на узенькихъ диванахъ и подкрѣпив-

шись горячимъ кофе, единственною отрадною приправою нѣсколько надоѣвшей уже намъ дорожной провизіи нашей. Якубъ съ арабами посвятилъ это время пріятельской бесѣдѣ въ ханѣ за кувшиномъ какого-то веселящаго душу напитка и, кажется, вынесъ о Дженинѣ и его удобствахъ, въ противоположность намъ, самое отрадное впечатлѣніе.

Дженинъ—библейскій Енганимъ, «источникъ сада», лежитъ на самой окраинѣ Самаритянскихъ горъ. У ногъ его, на сѣверъ, стелется знаменитая въ лѣтописяхъ Палестины равнина Эздрелонская, «великая равнина», или Изреель Библіи. Она простирается чуть не отъ самыхъ береговъ Іордана на востокѣ до горы Кармила и волнъ Средиземнаго моря на западѣ, образуя собою, у южнаго подножія Назарета и горъ галилейскихъ, цѣлый промежуточный поясъ низинъ, раздѣляющій холмистыя долины Самаріи отъ горной Галилеи.

Оттого-то эта «великая равнина Эздрелонская» издревле стала историческимъ мѣстомъ великихъ народныхъ битвъ, отчаянныхъ поединковъ на жизнь и на смерть между племенами, спорившѝми другъ съ другомъ за обладаніе Палестиной. Вонъ, вправо отъ насъ, увѣнчанная по обыкновенію всѣхъ знаменитыхъ палестинскихъ горъ, бѣленькими башенками своихъ уели, —высится гора Гильбоа или Гельвуй, мѣсто гибели Саула и сыновей его, схватившихся здѣсь въ послѣдній рѣшительный бой съ вѣковѣчнымъ врагомъ и угнетателемъ народа Божія—нечестивыми филистимлянами. Деревушка Джелобонъ, пріютившаяся на высотѣ горы, сохранила до сихъ поръ ея историческое имя. Филистимляне стояли на той сторонѣ равнины, въ городкѣ Сунамѣ, у подножія горы, куда мы двигаемся сейчасъ.

Всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ, на восточномъ склонѣ горы Ермона, которая теперь заслоняетъ отъ насъ своимъ громаднымъ шатромъ Ѳаворъ и море Тиверіадское, лежитъ деревушка Эндуръ, тотъ самый библейскій Эндоръ, гдѣ волшебница еврейка, за-долго до нашихъ современныхъ спиритовъ, вызвала передъ пораженнымъ Сауломъ тѣнь умершаго Самуила.

Въ той же «великой равнинѣ» Эздрелонской Гедеонъ сокрушалъ силы амаликитянъ и медіанитянъ, Ахавъ бился съ царемъ Египетскимъ, Олоферномъ, вождь Навуходоносора, поражалъ израильтянъ, а въ дни крестоносцевъ здѣсь не разъ рѣшалась участь Палестины въ кровопролитныхъ битвахъ сарацинъ и христіанъ. Даже консулъ Бонопартъ бился здѣсь въ жестокой битвѣ съ полчищемъ турокъ.

Словомъ, равнина Эздрелонская—это своего рода Шампань Франціи, великое боевое поле, котораго не миновалъ ни одинъ вѣкъ. Эта историческая равнина теперь хорошо воздѣлана, но еще недавно на ней невозможно было даже пасти стада, потому что бедуины за-тиверіадскихъ и за-іорданскихъ пустынь, туземные преемники воителей старыхъ вѣковъ, наводняли ее своими кочевыми шатрами и вступали другъ съ другомъ въ постоянныя ожесточенныя схватки за обладаніе этимъ вѣковѣчнымъ полемъ битвъ... Большихъ усилій стоило пашамъ Акры и Назарета сколько-нибудь смирить этихъ бродячихъ разбойниковъ, но во всякомъ случаѣ восточная часть Эздрелонской равнины, сосѣдняя съ Гелвуемъ, Ѳаворомъ, Іорданомъ, постоянно пробѣгаемая кочевниками, и до сихъ поръ осталась одною изъ самыхъ безпокойныхъ и опасныхъ мѣстностей Галилеи. Насъ еще въ Наплузѣ предупреждали не опаздывать здѣсь и вообще держать себя на-сторожѣ.

Эздрелонская равнина—цѣлая обширная страна. Широкая панорама ея раскатывается во всѣ стороны, и картина Галилейскихъ горъ передъ вами какъ на ладони. Въ Назаретѣ, поднятомъ высоко на своемъ горномъ пьедесталѣ, какъ разъ напротивъ насъ, можно теперь хоть пересчитывать дома, Кармилъ отсюда, кажется, рукой подать... Гелвуй и малый Эрмонъ еще ближе... Отрадный вѣтерокъ, которымъ мы уже давно не дышали среди каменистыхъ холмовъ Самаріи, теперь вѣетъ соблазнительною прохладою со стороны Кармила, отъ полноводной гигантской чаши Средиземнаго моря, волнуя золотою зыбью спѣлыя нивы пшеницы. Мы перерѣзаемъ теперь великую равнину

къ горѣ Гелвую, у подножія котораго на крутыхъ холмахъ пріютился городокъ Зеринъ, тотъ самый Изреель Библіи, который далъ свое имя равнинѣ.

Ближайшая и большая дорога въ Назаретъ идетъ поперекъ Эздрелона, но мы оставили ее влѣвѣ, вмѣстѣ съ движущимися по ней многочисленными караванами Дамасскихъ верблюдовъ, и своротили по путаннымъ дорожкамъ на сѣверовостокъ, по направленію къ Ѳавору и морю Тиверіадскому, которые мы должны посѣтить ранѣе Назарета. Проводникъ-арабъ неотступно торопилъ насъ, угрожая всякими бѣдами и опасностями, если мы запоздаемъ въ пути. Зеринъ, по его словамъ, послѣдній сколько-нибудь благонадежный пунктъ, гдѣ признаются власти и уважается законъ... Послѣ него, до самой вершины Ѳавора, гдѣ путешественника уже ограждаютъ крѣпкія монастырскія стѣны, будутъ попадаться только рѣдкія арабскія деревушки самой разбойничьей репутаціи, да раскинутые по равнинѣ черные шатры бедуиновъ. Ночью проѣхать мимо нихъ невозможно и думать. И Якубъ, и жандармъ—оба совѣтовали лучше переночевать въ Зеринѣ, а если не ночевать, то ужь гнать лошадей безъ милосердія. Одинъ только удалой кавасъ-черногорецъ съ презрительной улыбкой выслушалъ эти застращиванія и увѣрялъ насъ, что бояться нечего, что эта трусливая босоногая сволочь не осмѣлится приблизиться къ вооруженнымъ всадникамъ. Жена чувствовала себя невыразимо скверно на сѣдлѣ и нуждалась въ остановкѣ и отдыхѣ больше, чѣмъ всѣ мы, но именно она то и настаивала упрямѣе всѣхъ ѣхать неостанавливаясь до монастыря. Она понимала, что заболѣетъ серьезно, и перспектива задержаться надолго въ грязномъ арабскомъ вертепѣ, подобномъ Зерину, только въ любезности называемомъ городъ, и въ сущности нисколько не болѣе безопаснымъ чѣмъ другія здѣшнія деревушки,—пугало ее хуже всего. Къ тому же ночлегъ въ Зеринѣ въ конецъ уничтожалъ весь нашъ маршрутъ, разсчитанный по часамъ и минутамъ, и мы въ такомъ случаѣ еще двѣ недѣли должны бы были дожидаться па-

рохода въ Кайфу, что по многимъ причинамъ было для насъ рѣшительно невозможно. Это-то роковое обстоятельство и вынудило насъ затѣять въ нынѣшній день безумный двойной переѣздъ, противъ котораго горячо возставали арабы и Якубъ. По обыкновеннымъ обычаямъ и разсчетамъ пути мы должны были заночевать уже въ Дженинѣ и только завтра ночью, пообѣдавъ въ Зеринѣ, добраться до Ѳавора. Но страстное желаніе и неизбѣжная необходимость захватить въ Кайфѣ пароходъ австрійскаго Ллойда вынуждали насъ быть въ Ѳаворѣ сегодня же и такимъ образомъ совершить въ одни сутки, почти не слѣзая съ сѣдла, по страшной жарѣ и по убійственнымъ дорогамъ, а что всего главнѣе, на разбившихся уже и совсѣмъ заморенныхъ тряскихъ лошадяхъ, тотъ переѣздъ, который даже мѣстные жители совершаютъ обыкновенно въ двое сутокъ. Даже всевыносящіе арабы негодовали на насъ и роптали.

Въ Зеринѣ мы отдохнули очень немного, только напились и напоили своихъ коней. Развалины старинныхъ башень еще видны среди мазанокъ городка, но разгадать ихъ исторію уже трудно: башни ли это какого-нибудь замка крестоносцевъ или еще остатки библейскаго Изрееля, гдѣ пребывали въ своемъ роскошномъ дворцѣ нечестивые цари Израиля Ахавъ и Іезавель, этого, я думаю, не опредѣлитъ теперь ни одинъ археологъ... Во всякомъ случаѣ библейская царица-злодѣйка здѣсь была выброшена изъ окна своего дворца и растерзана псами, какъ ей предсказалъ пророкъ; здѣсь сынъ ея Іорамъ былъ пригвожденъ копьемъ къ тому самому полю Навуѳея, которое отнялъ отецъ его—и все племя Ахавово уничтожено съ корнемъ.

Вмѣсто виноградниковъ Навуѳея холмъ Зерина покрытъ и теперь виноградниками арабовъ; по скатамъ его видны интересные остатки древнихъ прессовъ, выжимавшихъ нѣкогда виноградный сокъ. Но это и все, что уцѣлѣло отъ прежней славы Изрееля.

Изреель назывался также въ Библіи Эздрелономъ, и онъ-то собственно далъ имя небольшой равнинѣ, что стелется у под-

ножія его холма къ берегамъ Іордана, гдѣ стоитъ древній городъ Скиѳополисъ, теперешній Бейтанъ. Уже отъ этой маленькой равнины имя Эздрелона было распространено впослѣдствіи на всю обширную низину, заполняющую промежутки горъ Галилейскихъ, отъ Гелвуя, Эрмона и Ѳавора до Кармила.

При спускѣ съ кручей Изреѳля, мы остановились у обильнаго «источника Гамаѳа», «Аинъ Джалудъ», напиться превосходной ключевой воды и полюбоваться на толпы молодыхъ арабскихъ водоносицъ, спускавшихся и поднимавшихся къ ключу по скалистому обрыву.

Въ своихъ живописныхъ и характерныхъ одеждахъ, съ большими кувшинами на плечѣ, сверкающія чернымъ огнемъ глазъ и смуглымъ румянцемъ, многія изъ нихъ были статны и красивы, какъ мраморныя статуи.

Мы оставляемъ за собою гору Гелвуй и приближаемся теперь къ другой исторической горѣ Эрмону, по-арабски Джебель-Дагеръ. Въ отличіе отъ Большаго Эрмона, сосѣда Ливанскихъ горъ, вѣчно покрытаго снѣгомъ и дающаго начало Іордану, эту гору называютъ Малымъ Эрмономъ. «Ѳаворъ и Эрмонъ о имени Твоемъ возрадуется», говоритъ о ней псалмопѣвецъ. На вершинѣ ея, высоко въ облакахъ, бѣлѣетъ неизбѣжная мечеть мусульманскаго шейха. У подножія ея деревушка Сунамъ. Это имя опять звучитъ исторіей. Въ Сунамѣ стоялъ станъ филистимлянъ передъ битвой съ Сауломъ. Изъ Сунама была взята та первая въ Израили молодая красавица «Ависага сунамитянка», которая не могла однако возбудить угасавшія силы престарѣлаго Давида.

Сунамитянки, вѣроятно, вообще имѣли репутацію красавицъ въ библейскія времена, потому что въ «Пѣснѣ Пѣсней» тоже воспѣваются «жены Сунамитскія».

Къ сожалѣнію, потомки прелестной Ависаги, высыпавшія на свои глиняныя крыши, чтобы поглазѣть на нашу каваль-

каду, оказались сплошнымъ подборомъ старыхъ вѣдьмъ и грязныхъ черномазыхъ дѣвченокъ. Онѣ, какъ дикіе звѣри, изумленно и радостно оскаливали свои бѣлые зубы, указывая другъ другу пальцами на нашу амазонку, очевидно, никогда еще невиданную ими. Мы остановились попросить воды. Толпа арабовъ, черныхъ какъ сапожное голенище, въ суровомъ безмолвіи, съ явною враждебностью, глядѣли на насъ. Воды намъ подали тоже молча и едва отвѣчали короткими звуками на вопросы нашихъ проводниковъ.

До монастыря оказывалось еще 4 или 5 часовъ ѣзды, а солнце уже было близко къ закату...

Мы пришли въ отчаяніе. Когда же это мы доберемся? Даже арабы—и тѣ утомились, не слѣзая столько часовъ съ сѣдла, а жена моя, не смотря на всю свою силу воли, страдала невыносимо. Но выбирать было не изъ чего. Оставаться въ отвратительныхъ землянкахъ Сунама было бы еще хуже, чѣмъ заночевать въ чистомъ полѣ.

Предгорія Эрмона засажены цѣлымъ лѣсомъ густыхъ и высокихъ кактусовъ. Мы долго пробирались сквозь этотъ лабиринтъ колючихъ, всячески изломанныхъ уродовъ растительнаго міра; ихъ оригинальный африканскій пейзажъ нѣсколько развлекалъ нашу досаду. Кактусы тутъ разводятся какъ доходные сады, ради ихъ дешевыхъ и очень освѣжающихъ плодовъ, похожихъ не то на крошечныя дыни, не то на огурцы. Это самый обычный плодъ арабскаго деревенскаго базара. Мы должны были объѣхать подножія Эрмона, чтобы спуститься въ сѣверо-восточный рукавъ Эздрелонской «великой равнины», отдѣляющій Эрмонъ отъ Θавора.

VI.—Гора Θаворъ.

Характерный видъ Священной горы.—Кочевые бедуины.—Ночное нападеніе.—Селеніе пророчицы Деборры.—Странствованіе по дебрямъ Θавора.—Вечеръ въ православномъ монастырѣ.—Храмъ Преображенія Господня.—Въ гостяхъ у брата Францисканца.—Древности Θавора.

Прелестная панорама открылась передъ нами, когда мы очутились на послѣднемъ спускѣ горы, и у ногъ нашихъ опять разстилалась покрытая лугами и нивами равнина. Чудный вечеръ догоралъ на небѣ, и широкій міръ Божій, полный обилія и тишины, утопалъ теперь въ его золотисто-розовыхъ лучахъ.

Я сразу, ни у кого не спрашивая, узналъ Θаворъ. Евангельская гора возвышается среди равнины одинокою округленною пирамидою, словно гигантскій куполъ какого-то еще незримаго храма, торжественно поднимающагося изъ-за далекихъ горизонтовъ.

Это величественное одиночество ея, этотъ ея характерный шарообразный обликъ, — должны были издревле возбудить въ народѣ-младенцѣ суевѣрное благоговѣніе къ ней и заставили смотрѣть на нее, какъ на таинственный престолъ божества.

Курчавая поросль лѣсовъ одѣваетъ сверху маститое чело горы-купола, и среди темнаго фона зелени чуть замѣтно выдѣляются сквозь туманы дали нетерпѣливо манящія насъ къ себѣ бѣлыя точки монастырскихъ построекъ.

Но голыя ребра священной горы кажутся нарочно обточенными, чтобы не допускать ногу смертнаго попирать это вознесенное къ облакамъ нерукотворенное жилище безсмертныхъ.

Въ промежуткѣ, который оставляютъ между собою Θаворъ и Галилейскія горы, въ далекой дали, какъ безплотное видѣніе, вырисовываетъ на фонѣ огненнаго неба свои нѣжныя блѣдно-голубыя очертанія снѣговой исполинъ Ливанъ, глядящій теперь на насъ черезъ головы цѣлыхъ горныхъ хребтовъ, черезъ всю незримую намъ водную равнину Тиверіадскаго моря.

Бедуины то-и-дѣло рыскаютъ по этой пустынной равнинѣ, гдѣ у нихъ никто не оспариваетъ ихъ хозяйничанья. Вотъ мимо насъ пронеслись два витязя съ длинными копьями, въ развѣвающихся бѣлыхъ плащахъ, типическіе и живописные до-нельзя, точно сейчасъ снятые съ картины какого-нибудь Ораса Верне или художественныхъ иллюстрацій Бида.

А тамъ подальше еще и еще... Какъ орлы или коршуны, — разбойники воздушныхъ пустынь, — рѣютъ цѣлые дни въ недоступной подоблачной высотѣ, высматривая своимъ зоркимъ глазомъ хищника вѣрную добычу, такъ и эти вѣчно досужіе разбойники степей съ утра до ночи пробѣгаютъ изъ края въ край свои просторныя владѣнія, оглядывая каждую ихъ тропку и поджидая удобнаго случая ограбить какого-нибудь неосторожнаго путника или разбить запоздавшій караванъ. Трусливые какъ шакалы, они однако рѣшаются напасть только тогда, когда нѣтъ никакой возможности ожидать сопротивленія. Подставлять свой лобъ подъ пулю изъ-за такого вздора, какъ добыча, бедуинъ не рискнетъ никогда, потому что добыча — его обычное, ежедневное занятіе, и онъ вовсе не расположенъ прекращать его какимъ-нибудь глупымъ кроваво-трагическимъ образомъ.

На самой дорогѣ мы въѣхали въ многолюдное становище черныхъ бедуинскихъ шатровъ. Мужчины были въ степи, но визжащія толпы дѣтей и женщинъ обсыпали насъ, какъ дьяволы грѣшника, внезапно попавшаго въ предѣлы ада... Какъ нарочно, утомленный караванъ нашъ растянулся по дорогѣ на цѣлыя версты. Жена моя то-и-дѣло спѣшивалась, терпя жестокія страданія, и я шелъ тогда рядомъ съ нею, поручая нашихъ лошадей адъютанту своему Якубу. А провожатые нашего багажа, испуганные наступавшею ночью, и лучше насъ знакомые съ нравами своихъ бедуинскихъ собратьевъ, торопились, что было мочи, пробраться до ночи хотя бы черезъ степь до горы и немилосердно гнали поэтому лошадей. Они были далеко впереди вмѣстѣ съ оберегавшимъ багажъ кавасомъ и турецкимъ

урядникомъ, когда мы съ женою и Якубомъ неожиданно попали въ шумный бедуинскій муравейникъ, до-нельзя взволнованный нашимъ появленіемъ.

Черныя косматыя вѣдьмы съ сухими костлявыми руками и полуголые мальчишки-обезьяны назойливо лѣзли къ намъ со всѣхъ сторонъ, взывая скорѣе угрожающими, чѣмъ молящими голосами, скорѣе требуя, чѣмъ прося: «бакшишъ, бакшишъ!» Они смѣло хватали насъ за полы одеждъ, за стремена сѣделъ, очевидно, не считая возможнымъ пропустить безданно-безпошлинно черезъ свои владѣнія собакъ-франковъ. Поддаться малодушію въ эти минуты было бы очень неразумно, и я, по примѣру опытнаго Якуба, отвѣчалъ на этотъ преслѣдовавшій насъ звѣриный лай и вой по возможности грозными взмахами нагайки. Но все-таки отдѣлаться отъ этой безчисленной сволочи было не легко, и Якубъ посовѣтовалъ садиться попроворнѣе на коней, чтобы вырваться изъ хищнической стаи.

Только-что мы успѣли на нѣсколько сажень опередить преслѣдовавшую насъ толпу босоногихъ чертенятъ, какъ странное зрѣлище поразило меня впереди.

Нашъ черногорецъ, кавасъ Николай, вдругъ невѣдомо съ чего перекинулъ на руку ружье, висѣвшее за спиной, и, прилегши къ шеѣ своего коня, молніею понесся впередъ.

Я окинулъ глазами стлавшуюся передъ нами равнину и тогда только замѣтилъ, что нѣсколько бедуинскихъ всадниковъ съ копьями на перевѣсъ, и тоже пригнувшись къ шеямъ своихъ скакуновъ, мчались на перерѣзъ нашимъ вьюкамъ, порядочно опередившимъ отставшаго каваса и урядника. Нѣсколько мгновеній съ замираніемъ сердца слѣдили мы за этою неожиданною сценой; и урядникъ, и я помчались вслѣдъ за кавасомъ. Но отчаянная атака нашего черногорца сразу покончила дѣло. Бедуины, увидѣвъ подоспѣвающаго защитника, уже наводившаго на бѣгу ружье, и замѣтивъ за нимъ вооруженный резервъ, стали еще быстрѣе забирать налѣво и удирать отъ насъ въ степь, гдѣ они скоро и пропали въ надвигавшихся

туманахъ вечера. Послѣ этого происшествія, взволновавшаго весь нашъ маленькій отрядъ, мы продолжали путь уже гораздо осторожнѣе. Урядникъ поѣхалъ впереди, черногорецъ охранялъ тылъ, а вьюки потянулись въ серединѣ, предшествуя намъ и Якубу. Теперь, когда ночь совсѣмъ свалилась на землю, на каждомъ шагу можно было ожидать какой-нибудь новой выходки окружавшихъ насъ отовсюду хищниковъ. Всѣ ѣхали наготовѣ, съ ружьями, перекинутыми на руку, зорко оглядывая дорогу, и по неволѣ молча. Лошади наши еле двигались отъ усталости и ступая въ темнотѣ нетвердой ногой по неровной почвѣ, стали трясти до невозможности. Вокругъ темнота, передъ нами крутѣйшій и длиннѣйшій подъемъ на куполъ горы, а силъ уже никакихъ. Мы всѣ пріуныли и упали духомъ, Якубъ чуть-ли не больше всѣхъ.

Нужно было еще пробраться черезъ арабскую деревушку у подножія Ѳавора; миновать ее не было возможности. По-арабски она называется Даборріа и тоже славится, какъ гнѣздо разбойниковъ. Христіане и евреи считаютъ эту деревушку селеніемъ пророчицы Деборы, нѣкогда вдохновившей на бой противъ Сирійцевъ пророка Варака. «И сошелъ Варакъ съ горы Ѳавора и за нимъ 10.000 человѣкъ, и пало все ополченіе Сисары отъ меча, не осталось никого», повѣствуетъ Библія. Впрочемъ Дебора и Таборъ такъ близки другъ къ другу по звуку, что трудно рѣшить, въ память чего сложилось арабское названіе этого единственнаго Ѳаворскаго поселенья, Насъ жестоко мучила жажда, и мы просили урядника провести насъ къ колодцу деревни; но онъ посовѣтовалъ лучше потерпѣть до монастыря. Въ деревнѣ нѣтъ хорошей воды, а главное, по его мнѣнію, было бы совсѣмъ уже неблагоразумно привлекать къ себѣ въ такой поздній часъ вниманіе этого сквернаго народа. Гораздо лучше проѣхать потихоньку краемъ деревни, гдѣ мы минуемъ всего два-три домика и сейчасъ же поднимемся на гору. Въ этихъ соображеніяхъ онъ даже побоялся взять въ деревнѣ проводника-араба, хотя было ясно, что

безъ туземца трудно будетъ найти дорогу въ этихъ заросшихъ густыми лѣсами скалахъ и пропастяхъ.

Съ безмолвной подозрительностью и какимъ-то зловѣщимъ вниманіемъ слѣдили за нами съ плоскихъ крышъ своихъ мазанокъ нѣсколько худощавыхъ фигуръ закутанныхъ въ хламиды, смутно вырѣзавшіеся черными истуканами на фонѣ темнаго неба. Какъ нарочно, тяжелые удары нашихъ многочисленныхъ подковъ о камни крутой дороги раздавались среди безмолвія затихшей деревушки, какъ громы трубъ, передъ нами почти отвѣсною стѣною, бѣлѣя даже въ темнотѣ своими голыми каменными ребрами, вставали кручи Θавора, будто какая-то безнадежная, непроходимая стѣна, вдругъ задвинувшая намъ дорогу въ таинственное царство...

Настоящая дорога поднимается на Θаворъ не особенно крутыми зигзагами, опоясывающими его скаты, но, чтобы попасть на нее, нужно было проѣхать насквозь всю деревушку. Нашъ путеводитель вздумалъ сократить путь и подняться прямо по кручамъ до ближайшаго оборота дороги, чтобы только не ѣхать долго деревней. Но онъ сильно ошибся въ разсчетѣ. Лошади наши выбились изъ силъ и съ трудомъ одолѣвали даже самый обыкновенный подъемъ. А въ темнотѣ мы сейчасъ же попали на такіе скользкіе и гладкіе утесы, по которымъ днемъ, навѣрное, никто не осмѣлился бы карабкаться.

Дѣлать, однако, было нечего, и, разъ попавшись, приходилось выбираться на верхъ, проклиная въ душѣ сумасшедшаго проводника. Копыта лошадей то и дѣло обрывались съ гладкихъ плитъ, но подъ градомъ немилосердныхъ ударовъ нагайки онѣ лѣзли изъ кожи, чтобы одолѣть этотъ невозможный подъемъ, представлявшійся въ темнотѣ просто отвѣсною стѣною. На каждомъ шагу можно было полетѣть внизъ и я, признаюсь, не на шутку ждалъ этого, видя жалкія усилія нашихъ, насквозь промокшихъ отъ поту, лошаденокъ, растягивавшихся какъ змѣи,

прыгавшихъ какъ козы, и дрожавшихъ всѣми жилками отъ отчаяннаго напряженія.

Наконецъ, Богъ смиловался надъ нами, и мы попали въ хаосъ камней, заросшихъ большими кустами; отвѣсная круча кончилась, и здѣсь хотя можно было отлично переломать ноги лошадямъ, за то уже не предстояло перспективы самому полетѣть въ пропасть. Все-таки вздохнулось какъ-то свободно, словно гора свалилась съ плечъ. Якубъ и черногорецъ обрушились на неблагоразумнаго проводника съ жесточайшими упреками. Онъ и не отговаривался, чувствуя всю сотворенную имъ глупость, и только суетливо рыскалъ направо и налѣво по колючимъ кустамъ, какъ гончая, потерявшая слѣдъ. Разумѣется, въ этомъ лабиринтѣ кустовъ и камней, темною ночью, онъ не могъ увидѣть ровно ничего, и мы продолжали продираться на удалую. Какъ нарочно, луна уже стала опаздывать, и ея еще не замѣтно было даже на горизонтѣ.

Въ эту минуту сильный трескъ кустовъ и топотъ копытъ вдругъ остановилъ насъ всѣхъ, какъ вкопанныхъ.

Казалось, цѣлый табунъ лошадей ломится къ намъ черезъ лѣсъ. Сбоку насъ, почти носъ къ носу, выросъ вдругъ изъ темноты бѣлый бедуинъ верхомъ на конѣ. Повидимому, онъ тоже продирался цѣликомъ по кручѣ и теперь былъ совсѣмъ озадаченъ, натолкнувшись на такое многолюдство.

Онъ окликнулъ насъ какимъ-то гортаннымъ глухимъ крикомъ; а проводникъ нашъ тѣмъ же карканьемъ ворона окликнулъ его. Бедуинъ объявилъ, что искалъ своихъ лошадей, съ утра загнанныхъ въ лѣсъ и, услышавъ наши шаги, погнался намъ на перерѣзъ, воображая, что это ломится по лѣсу его табунокъ. Вралъ ли онъ, чтобы найти какой-нибудь невинный предлогъ для объясненія своей не совсѣмъ умѣстной погони, или говорилъ сущую правду—это такъ и осталось на его бедуинской душѣ.

По крайней мѣрѣ, черногорецъ нашъ былъ увѣренъ, что разбойникъ-арабъ разогнался за нами въ полной надеждѣ на

добычу и сталъ отпираться, когда увидѣлъ, что попался въ просакъ, потому что въ лѣсу не то, что въ степи, и удирать назадъ по этимъ камнямъ и кустамъ было бы слишкомъ неблагоразумно отъ цѣлой толпы всадниковъ. Какъ бы то ни было, мы разстались съ нимъ мирно, отдѣлавшись только маленькимъ волненіемъ крови, и даже кстати заставили любителя ночныхъ похожденій вывести насъ на настоящую дорогу, что́ онъ исполнилъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Дорога оказалась всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, но, конечно, мы цѣлую ночь могли бы бродить около нея, не подозрѣвая ея близости... Хотя и эта «исправленная», «хорошая» дорога, которой мы всѣ такъ обрадовались, была въ сущности гораздо болѣе похожа на ступеньки безконечной каменоломни, тянущейся изъ подземнаго царства на облака небесныя, но тѣмъ не менѣе, и лошади, и всадники почувствовали себя совсѣмъ иначе, когда прекратилось, наконецъ, невыносимое продираніе сквозь лѣсныя чащи.

Дорога забирала все круче вверхъ, огибая своей бѣлой спиралью лѣсистые скаты горы; по временамъ она висѣла на самомъ краю отвѣснаго обрыва, и тогда цѣлая страна лѣсовъ смутно темнѣла въ пропастяхъ, разступавшихся у нашихъ ногъ. Красная, какъ пожаръ, луна только-что начинала показываться изъ-за Галилейскихъ горъ и чуть-чуть только стала серебрить верхушки этихъ потонувшихъ глубоко внизу лѣсныхъ дебрей.

Лошади водили своими потными боками, какъ кузнечными мѣхами, хотя шли теперь ровнымъ, важистымъ шагомъ, медленно одолѣвая длинный подъемъ.

На душѣ было тяжело отъ непосильныхъ напряженій, усталости и раздражающей темноты. Лѣсъ тянулся безъ конца, дорога извивалась все круче и труднѣе, пропасти провожали насъ все чернѣе и глубже. Казалось, мы ужъ цѣлый вѣкъ странствуемъ въ этихъ заколдованныхъ дебряхъ и цѣлый вѣкъ еще не выберемся изъ нихъ. Въ довершеніе всего, какой-то непонятный, жалобный вой уже давно щемилъ мою душу, надрывая ее необъяснимою тоскою. Казалось, всѣ эти лѣсныя про-

пасти, всѣ эти горныя кручи затянули нескончаемую похоронную пѣснь. Она начиналась гдѣ-то далеко и глубоко, будто на днѣ могилы чуть слышно и потомъ поднималась, разрасталась, разливалась по темнымъ безднамъ несмолкаемыми унылыми аккордами, будто сама темная ночь посылала небу свои горькія укоризны. Лѣсныя дебри и каменныя скалы разносили отклики этихъ раздирающихъ душу стенаній ночи далеко по безмолвной пустынѣ. Словно всѣ мертвецы протекшихъ вѣковъ вылѣзли изъ черной утробы земной и собрались теперь тамъ, въ глубинѣ лѣсныхъ пропастей, оглашая спящій міръ стонами своихъ безсильныхъ жалобъ и своими дѣтскими рыданіями. Это выли безчисленныя стаи шакаловъ, которыми кишмя кишатъ лѣсные овраги Ѳавора.

Первый разъ въ жизни довелось мнѣ слышать такой безконечно-длинный звѣриный концертъ,—во всей буквальности concert monstre. Было ли это безпріютное звѣрье отъ голода или встрѣчало торжественнымъ гимномъ своимъ восходившую луну, тайна эта осталась погребенною въ глухихъ пропастяхъ Ѳавора.

На самомъ верху горы мы опять потеряли дорогу. Она забралась теперь въ темную глушь лѣса и перестала бѣлѣть своими известковыми камнями. Опять мы очутились въ чащѣ цѣпляющихся и хлестающихъ вѣтвей и непроходимыхъ кустовъ, переплетающихъ лошадямъ ноги.

Якубъ и черногорецъ громко бранились съ смущеннымъ проводникомъ, который увѣрялъ нерѣшительнымъ голосомъ, что сейчасъ выберемся къ монастырю. Между тѣмъ среди кустовъ начинаютъ попадаться все чаще и чаще груды камней. Мы окружены цѣлымъ хаосомъ развалинъ. Луна уже выплыла наравнѣ съ вершиною горы и теперь освѣщаетъ какъ-то сбоку, будто тайкомъ, обломки разрушенныхъ зданій и упавшія древнія стѣны. Цѣлый мертвый городъ прячется на пустынномъ темени Ѳавора, въ чащѣ его глухихъ лѣсовъ. Исторія остановились и застыла тамъ уже который вѣкъ.

Какой это городъ—не разгадаешь теперь. На Ѳаворѣ стояла когда-то римская крѣпость Адріана и еще раньше твердыня Маккавеевъ, стояло и укрѣпленіе крестоносцевъ, тщетно боровшихся здѣсь съ побѣдоноснымъ Саладиномъ. Всѣ эти имена, всѣ эти вѣка и народы оставили, конечно, свои вклады на вершинѣ исторической горы.

Фантастической декораціей изъ какой-нибудь волшебной оперы смотрѣли при странномъ освѣщеніи луны бѣлыя развалины загадочнаго мертваго города, давно уже густо заросшія деревьями.

Усталыя лошади то и дѣло спотыкались на ихъ камни, коварно пріодѣтые цвѣтами и травой.

Вотъ промелькнули мимолетнымъ могильнымъ привидѣніемъ и исчезли въ туманахъ ночи каменные мертвецы. Опять черный лѣсъ кругомъ насъ. Мѣсяцъ только чуть серебритъ его верхушки и дѣлаетъ еще таинственнѣе его таинственно-искрящуюся темноту. Силъ не хватаетъ ни у людей, ни у лошадей, и все гора, все подъемъ! Когда же конецъ, Господи! Не на облака же небесныя взбираемся мы въ самомъ дѣлѣ.

Вдругъ бѣлая гладкая скала стала смутно вырѣзаться передъ нами, заслоняя горизонтъ. Разступается понемножку узкая лѣсная дорожка. Черезъ минуту скала обратилась въ крѣпостную стѣну съ узкими бойницами. Большія, плотно запертыя ворота ясно обозначались въ этой стѣнѣ.

Господи! неужели жъ пріѣхали? неужели жъ наконецъ монастырь? Не вѣря глазамъ, безмолвно спрашиваешь самъ себя. А проводникъ-арабъ уже поспѣшно спрыгиваетъ съ сѣдла и поднимаетъ чугунный молотъ, висящій на цѣпи у воротъ.

— Пріѣхали? спрашиваетъ, словно очнувшись, жена, и тоже кажется, не вѣритъ. Никто не отвѣчаетъ, всѣ полны безмолвною радостью наступившаго наконецъ конца этого безконечнаго странствованія.

Тяжелые удары молота раздаются, какъ небесные громы, среди безмолвія лѣса.

— А ну какъ не пустятъ? малодушно думается мнѣ, и припоминаются разные строгіе уставы монастырей, не открывающихъ своихъ воротъ въ поздній часъ ночи.

Наконецъ зашлепали по камнямъ чьи-то неспѣшные шаги, зазвенѣли ключи. Кто-то сдержанно и сомнительно окликнулъ насъ по-арабски, не подходя къ воротамъ. Якубъ и арабъ очень самоувѣренно и очень громко приказывали отворить, сообщая про насъ какую-то эффектную легенду, которую Якубъ лукаво пускалъ во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ, и которой искренно вѣрилъ проводникъ-арабъ.

Происходила настоящая сцена изъ Вальтеръ-Скоттовскаго романа, гдѣ какой-нибудь переодѣтый владѣлецъ замка съ своею утомленною лэди, преслѣдуемый врагами, стучится въ негостепріимныя ворота уединеннаго аббатства.

Въ моемъ болѣзненно сдавленномъ сердцѣ все распахнулось настежь и засверкало лучами солнца, когда, послѣ тюремнаго грома задвижекъ и ключей, отворились наконецъ, тяжело скрипя, массивныя полотнища воротъ, и красные огоньки монастырскихъ келій привѣтливо замигали намъ навстрѣчу съ высоты своихъ террасъ. Мы торопливо спѣшились въ нижнемъ дворикѣ и повели измученную жену вверхъ по лѣсенкамъ и переходамъ вслѣдъ за руководившимъ насъ отцомъ-привратникомъ.

Игуменъ былъ еще въ церкви, гдѣ кончалась длинная всенощная; но насъ и безъ него пріютили очень радушно въ ярко освѣщенной комнатѣ, уютно обставленной диванами.

Игуменъ явился очень скоро; добродушный старичекъ принялъ самое живое участіе въ моей женѣ. Хотя она крѣпилась всячески, ни за что не хотѣла ложиться, заставляла себя говорить и улыбаться, старикъ сразу догадался, что она больна не на шутку. Онъ хлопоталъ о ней съ трогательной заботливостію и нѣсколько разъ самъ бѣгалъ на кухню то заказать куриный супъ, то вскипятить горячаго молока.

Отлично накормилъ насъ добрый игуменъ и супомъ, и пловомъ, и кислымъ молокомъ. Мы просидѣли съ нимъ часа два за самоварчикомъ и за ужиномъ, болтая о томъ, о семъ. Онъ говорилъ по-русски не особенно хорошо, но все-таки понятно. Бутылка вкуснаго, хотя и самодѣльнаго Ѳаворскаго вина оживляла нашу бесѣду. Намъ сдѣлалось такъ хорошо въ этомъ уютномъ уголку, кругомъ охваченномъ лѣсными безднами и пустынями бедуиновъ, что хотѣлось понѣжиться здѣсь денька два, отдохнуть отъ тряски и переварить въ мирномъ покоѣ монастырскаго уединенія слишкомъ быстро чередовавшіяся впечатлѣнія пути, подготовляя силы къ новымъ трудамъ, новымъ впечатлѣніямъ.

Игуменъ тутъ только намѣстникъ. Настоятелемъ монастыря считается архіепископъ Ѳаворскій Спиридоній, постоянно живущій въ Іерусалимѣ, какъ членъ тамошней патріархіи. Раза два въ годъ является онъ въ монастырь отслужить обѣдню въ великіе праздники. Великимъ постомъ въ Ѳаворѣ собирается множество поклонниковъ изъ простонародья, все почти русскіе; всѣ помѣщенія монастырскія бываютъ набиты биткомъ, «а изъ благородныхъ господъ очень мало бываетъ», конфузливо добавилъ игуменъ. Былъ у нихъ не очень давно великій князь Николай, братъ покойнаго Бѣлаго Царя. Большая была встрѣча, большое торжество. Патріархъ пріѣзжалъ и много епископовъ, четыре паши его встрѣчали. Теперь у турокъ политика—любезничать съ русскими, услуживать имъ во всемъ. А прежде смотрѣли очень косо. Турки вообще не любятъ впускать въ Палестину къ святымъ мѣстамъ ни русскихъ, ни французовъ, никого изъ Европы; они только грекамъ однимъ довѣряютъ, потому что греки свои, не опасны ничѣмъ. Прежде французы очень много захватили, даже у грековъ многое поотняли, а теперь совсѣмъ другое! Теперь имъ нѣтъ ходу; на Ѳаворѣ то же самое. Все что поважнѣе, отдали въ руки грекамъ.

Мы съ женою настолько ободрились ужиномъ, что вышли

побродить по высокой террасѣ монастырскаго замка. Полная луна уже сіяла во всей торжественности на вершинѣ безоблачнаго небеснаго свода и заливала его голубыя бездны своимъ волшебнымъ свѣтомъ, мягкимъ и нѣжнымъ какъ елей. Темныя лѣсныя пропасти, глубоко внизу, и далекія горныя дали, тоже тонули въ этомъ морѣ серебристаго свѣта, изъ котораго скалистая макушка Ѳавора, гдѣ мы стояли, съ своими деревьями и развалинами, выплывала словно какой-то одинокій сказочный островъ. Казалось, вся дѣвственная красота опочившей земли раскрыла теперь свои молчаливыя объятія навстрѣчу лившимся съ неба лучистымъ потокамъ и, какъ нѣкогда на глазахъ Христовыхъ апостоловъ, земное таинственно преображалось въ небесное.

«Господи! добро здѣсь намъ быти!» безъ словъ готова была повторить растроганная душа впечатлѣнія восхищеннаго ученика Іисусова.

На далеко кругомъ видны были намъ, съ высоты, отступавшія въ даль смутными признаками, полчища окрестныхъ горъ. Глазъ скорѣе чуялъ ихъ, чѣмъ различалъ въ туманѣ чередующихся голубыхъ и серебряныхъ волнъ.

А сейчасъ у нашихъ ногъ, отвѣснымъ обрывомъ, проваливалась, обложенная камнемъ, глубокая черная впадина... Это громадная цистерна для воды, теперь уже сухая, устроенная на случай осады, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, когда на вершинѣ Ѳавора стоялъ городъ египетскихъ Птоломеевъ и сирійскихъ Антіоховъ.

Утромъ въ 5 часовъ я былъ уже у обѣдни въ нижней церкви монастыря. Жену я упросилъ не вставать такъ рано, и она подошла только къ концу. Новая церковь устроена недавно на мѣстѣ древняго храма императрицы Елены. Одна изъ стѣнъ алтаря и дорогой мозаиковый полъ уцѣлѣли отъ византійской постройки. Три ниши въ этой стѣнѣ IV вѣка изображаютъ тѣ

три сѣни, которыя апостолъ Петръ желалъ построить на мѣстѣ Преображенія Господня. «Аще хощеши, сотворимъ здѣсь три сѣни: Тебѣ едину, и Моисееви едину, и едину Иліи».

Эти алтарныя ниши дѣйствительно посвящены Спасителю, Моисею и Ильѣ пророку. Храмъ украшенъ довольно богатыми иконами, почти все приношеніями русскихъ. Образъ Преображенія Господня—подарокъ покойной Императрицы Маріи Александровны. Главный престолъ занимаетъ то самое мѣсто, гдѣ, по преданію, совершилось Преображеніе Господне. Три любимыхъ апостола были около Христа, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ устроены теперь ниши. Остальные девять апостоловъ, по преданію, оставались у подошвы горы въ нынѣшней деревнѣ Таборія. Игуменъ совершалъ служеніе въ довольно затрапезныхъ одеждахъ, и весь клиръ его былъ порядочно обношенъ. Крикливые, грубые напѣвы драли ухо. Всѣ иноки смотрѣли какими-то сонными. Въ греческую службу они вмѣшивали для насъ нѣкоторыя русскія молитвы и вообще старались показать намъ особенное вниманіе. По окончаніи службы къ намъ подошло нѣсколько монаховъ и стали, хотя не безъ труда, бесѣдовать по-русски. Одинъ изъ нихъ оказался румынъ. Онъ очень добивался узнать отъ насъ, дѣйствительно ли король Карлъ отмѣнилъ во всей Валахіи православную вѣру и вездѣ теперь вводитъ лютеранство.

Мы осмотрѣли обширныя помѣщенія для богомольцевъ въ новыхъ постройкахъ монастыря и отправились оттуда въ латинскій монастырь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ греческаго. Единственнаго брата францисканца, пребывающаго теперь въ монастырѣ, мы захватили за работой среди прекрасныхъ виноградныхъ и табачныхъ плантацій. Святой отецъ—родомъ изъ Италіи, но говоритъ, хотя и грубо, по-французски. Онъ слезно жаловался намъ на плохой предстоящій урожай вина, единственнаго утѣшенія инока въ этой безотрадной пустынѣ. Другой братъ итальянецъ, товарищъ его, отлучился въ Назаретъ, и онъ теперь одинъ хозяйничаетъ въ монастырѣ. Прихода у нихъ нѣтъ, католиковъ кругомъ ни одного, поневолѣ приходится

возиться цѣлые дни въ саду. Съ греческимъ собратомъ они живутъ мирно, по-сосѣдски, дѣлятъ вмѣстѣ скуку и оказываютъ взаимныя услуги. Братъ францисканецъ пригласилъ насъ въ большую прохладную залу, установленную диванами, увѣшанную картинами и портретами. Туда принесъ онъ намъ маленькіе стаканчики съ водкой, отъ которой мы отказались, и чашки арабскаго кофе, который мы выпили съ великимъ удовольствіемъ. Онъ показалъ намъ и свою латинскую церковь, но она не заключаетъ въ себѣ ничего интереснаго. Насъ гораздо болѣе интересовали древнія развалины, которыя удобнѣе всего посѣтить изъ латинскаго монастыря. Тутъ ихъ цѣлый городъ. Все плоское темя горы Ѳавора усѣяно этими обломками. Тутъ перемѣшаны остатки всевозможныхъ столѣтій, всевозможныхъ народовъ: и библейская твердыня, изъ которой Варакъ выводилъ свои ополченія противъ Сисары, и городъ сирійскаго Антіоха, и осадный замокъ, гдѣ возставшіе іудеи бились противъ римскихъ легіоновъ Веспасіана, и крѣпость крестоносцевъ-королей, погребенная подъ сарацинскою крѣпостью Малекъ-Аделя.

При Еленѣ, при Юстиніанѣ, при крестоносцахъ—здѣсь уже были христіанскіе монастыри и храмы. Теперешніе монастыри —уже 4-го поколѣнія. Среди развалинъ мы наткнулись на прекрасно сохранившіяся арки одного изъ такихъ храмовъ. Но какого онъ времени—объ этомъ безплодно спорятъ археологи. Есть и другіе хорошо уцѣлѣвшіе остатки: дворцовъ, воротъ, башень и стѣнъ съ проходами и сводами. Въ нихъ можно рыться съ интересомъ цѣлые мѣсяцы... Кромѣ этихъ развалинъ города, нѣсколько ниже, кругомъ всей горы, видны заросшія лѣсомъ осыпи сплошной крѣпостной стѣны, нѣкогда опоясывавшей вершину Ѳавора. Муравьевъ, не заставшій на Ѳаворѣ никакого жилья, ни монастыря, ни часовни, еще могъ насчитать въ этой стѣнѣ семь воротъ, которыми проходили внутрь древняго подоблачнаго города, разрушеннаго императоромъ Адріаномъ. При Муравьевѣ богомольцы изъ Назарета и Галилеи собирались на Ѳаворъ наканунѣ праздника Преображенія и проводили всю

Немного подальше расположился другой, еще болѣе оригинальный караванъ, котораго сосѣдство, кажется, ни мало не безпокоитъ Яффскихъ торговцевъ. Это дружина молодцоватыхъ черкесскихъ всадниковъ въ буркахъ и бешметахъ, вооруженныхъ до зубовъ ружьями, пистолетами, кинжалами. Они гонятъ табунъ своихъ бойкихъ горныхъ коньковъ въ Іерусалимъ на ярмарку и тоже остановились отдохнуть у неизбѣжнаго Ханъ-Туджара. Тутъ кругомъ поселены наши кавказскіе черкесы, выселившіеся послѣ Севастопольской войны, и нельзя сказать, чтобы ихъ галилейскіе единовѣрцы были особенно довольны этимъ разбойничьимъ сосѣдствомъ, гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ трусливыя бедуинскія шайки.

Вся береговая страна вокругъ Тиверіадскаго моря, какъ и страна вокругъ Мертваго моря, носитъ на себѣ ясные слѣды вулканической дѣятельности. Мы то и дѣло спускаемся въ глубокіе провалы, круглые, какъ чаши, и выбираемся изъ нихъ. Въ почвѣ этихъ проваловъ уже попадается черный базальтъ, которымъ такъ богата за-іорданская пустыня.

Убійственно долго не видишь моря, хотя и знаешь, что оно не можетъ быть далеко. Оно словно въ землю ушло отъ насъ, какъ уходятъ въ землю всѣ эти насъ окружающія, круглыя котловины. Жена моя изнемогаетъ отъ боли и отъ невыноснмаго жару, который можетъ сравниться развѣ съ жаромъ Іерихонской долины и береговъ Мертваго моря. Мы точно лѣземъ на дно какой-то гигантской паровой ванны. Воздухъ спирается неподвижно и чуть не обжигаетъ васъ въ этой глубокой впадинѣ, опустившейся на 208 метровъ ниже поверхности океана. Немудрено, что тамъ внизу, у береговъ озера, находятъ воду горячую какъ кипятокъ и издревле устраиваютъ тамъ лѣчебныя минеральныя бани. Вотъ и озеро-море засіяло внизу своей голубой скатертью. А города все же не видно! На Ѳаворѣ намъ

назначили ѣзды 4 1/4 часа, но вотъ уже 6 часовъ, какъ мы мучаемся на сѣдлѣ, а еще не видимъ цѣли своей.

Наконецъ, глубоко и далеко подъ нашими ногами, на самомъ днѣ громадной котловины, налитой водами Іордана, ярко вырѣзались на голубомъ фонѣ моря желтовато-бѣлые плоскокрышіе домики, зубчатыя башни и живописно разбросанные букеты пальмъ когда-то знаменитаго Иродова города.

Съ этими пальмами и стѣнами Тиверіада смотрѣла настоящимъ городкомъ африканскаго побережья, какою-нибудь сторожевою крѣпостцею Алжира или Туниса. Да и жара къ тому же чисто африканская! Теперь Тиверіадское море стелется передъ нами во всемъ своемъ великолѣпіи, видное изъ одного края въ другой. Его прозрачное голубое зеркало покоится какъ въ драгоцѣнной оправѣ, въ своихъ облитыхъ солнцемъ свѣтло-зеленыхъ холмахъ, мягкими цвѣтущими скатами отовсюду спускающихся къ нему съ нашей стороны; а за неясно синими скалами его дальнихъ береговъ поднимается еще воздушнѣе и нѣжнѣе, чѣмъ мы видѣли его съ высотъ Ѳавора, сотканный изъ сверканья снѣговъ и изъ тумановъ дали исполинскій шатеръ большого Эрмона, вѣчно покрытаго льдами кормильца Іордана. Несмотря на отдѣляющее его разстояніе, онъ еще головой превышаетъ всѣ ближайшія горы и дѣлается невольнымъ центромъ пейзажа.

Ни одинъ бѣлый парусъ не нарушаетъ соннаго однообразія и сонной неподвижности евангельскаго моря, и вся страна кажется мирно дремлющей надъ этою дремотой, скованной гладью водъ.

Мы теперь пробираемся по покатой и холмистой равнинѣ Карнъ-Гаттинъ, гдѣ свершилась судьба христіанскихъ королей Іерусалима. На этой равнинѣ, подъ стѣнами когда-то неприступной Тиверіады, Саладинъ въ жестокой битвѣ истребилъ полчища крестоносцевъ и взялъ въ плѣнъ несчастнаго христіанскаго короля—Гвидо Лузиньяна. Собственною рукою Саладинъ

отрубилъ голову плѣненному гроссмейстеру знаменитаго ордена храмовниковъ, въ наказаніе за его клятвопреступленія; рыцари были проданы въ рабство на базарахъ Дамаска и Алеппо, іоанниты и тампліеры, заклятые враги ислама, преданы почти поголовной смерти, и едва возрожденная злополучная Палестина, не доживъ даже одного вѣка своего христіанскаго торжества подъ христіанскими королями, опять попала подъ ярмо побѣдоноснаго ислама.

Крѣпостныя ограды и башни Тиверіады кажутся грозными и живописными только издали. Вблизи же онѣ еле держатся, и, кажется, разсыпятся отъ перваго толчка. Даже башни цитадели, защищающей сѣверные подступы къ городу, уцѣлѣвшія лучше другихъ, расколоты и растреснуты въ разныхъ направленіяхъ. Это слѣды землетрясенія, разрушившаго городъ 50 лѣтъ тому назадъ. Теперь Тиверіада городокъ совсѣмъ безъ значенія. Тѣсныя, грязныя улички его полны тѣснящагося грязнаго народа; большею частью это все евреи. Даже арабское населеніе Тиверіады глубоко проникнуто еврейскимъ типомъ. Несомнѣнно, что это тѣ же евреи, только принявшіе исламъ въ годины средневѣковыхъ гоненій мусульманства.

Изъ-подъ грязныхъ и оборванныхъ одеждъ васъ поражаетъ замѣчательная красота лица и непостижимая въ этой знойной мѣстности бѣлизна кожи здѣшнихъ евреевъ. Раса тутъ побѣдила и климатъ, и житейскія обстоятельства.

Тиверіада во всѣ времена была излюбленнымъ центромъ еврейства. Въ исторіи евреевъ она играла очень важную роль, въ роковые ея моменты, когда разрушеніе Іерусалима и другихъ многовѣковыхъ очаговъ еврейскаго духа вынуждало евреевъ создавать новый оплотъ для борьбы противъ враждебныхъ имъ историческихъ стихій.

Городъ Тиверіада современникъ Христу. Иродъ Антипа построилъ его въ честь императора Тиверія, когда Назаретскій Учитель уже разносилъ свою кроткую проповѣдь по тихимъ берегамъ Галилейскаго озера. Тогда эта новая столица Гали-

леи, замѣнившая собою Сепфоръ, блистала дворцами, фонтанами, ипподромами и всею обычною роскошью языческаго Рима. Христосъ не любилъ этого города, населеннаго всякимъ сбродомъ, пригнаннымъ силою изъ разныхъ странъ. Евангеліе почти не упоминаетъ его, хотя такъ часто говоритъ о Капернаумѣ, Генисаретѣ, Виѳсаидѣ и другихъ менѣе важныхъ городкахъ галилейскаго побережья.

Когда Титъ разрушилъ Іерусалимъ, Тиверіада стала своего рода столицею всего еврейства. Она добровольно отворила ворота легіонамъ Веспасіана и поэтому была пощажена побѣдителями. Въ нее перевели потомъ Синедріонъ, и въ ней скоро развились школы талмудистовъ, неутомимо боровшіяся съ возникавшимъ христіанствомъ. Въ Тиверіадѣ была составлена священная для евреевъ Мишна, ихъ второй законъ послѣ книгъ Моисеевыхъ. Въ Тиверіадѣ же появилась и Гемара, — іерусалимскій Талмудъ. Немудрено, что до сихъ поръ еврейство такъ цѣпко угнѣздилось въ Тиверіадѣ. Немудрено, что и окрестности Тиверіады до сихъ поръ сохраняютъ въ себѣ памятники извѣстныхъ еврейскихъ вѣроучителей—Маймонида, Раби-Ами, Раби-Ахе, Раби-Акиба. Путешественникъ можетъ посѣтить ихъ, поднявшись на гору отъ теплыхъ ключей, на югѣ города, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ когда-то бывшимъ здѣсь кварталомъ римлянъ. Пришлось проѣхать вдоль всего городка, растянувшагося по берегу съ сѣвера на югъ, пока мы добрались до греческаго монастыря. Мы заѣхали сначала въ латинскій монастырь на сѣверномъ концѣ Тиверіады, но тамъ уже раньше насъ нашли пріютъ наши знакомые итальянцы, почти вездѣ попадавшіеся намъ на пути. Латинскій и греческій монастыри оспариваютъ другъ у друга, какъ это водится почти во всѣхъ святыхъ мѣстахъ Палестины, единственное самаритянское право на привлеченіе богомольцевъ. И тотъ, и другой утверждаютъ, что чудесный уловъ рыбы, ужаснувшій апостола Петра, о которомъ разсказываетъ Евангеліе, произошелъ нигдѣ болѣе, какъ на мѣстѣ, нынѣ занимаемомъ счастливымъ монастыремъ.

Греческая обитель только возникаетъ и еще совсѣмъ не устроена, in statu nascenti, какъ говорится въ химіи. Тѣснота, бѣдность, разрушенье кругомъ. Все это мѣсто только недавно куплено у евреевъ. Среди обломковъ уцѣлѣли развалины древней іудейской синагоги, которую теперь обращаютъ въ церковь во имя св. апостола Петра. Латинскій монастырь, понятно, тоже посвященъ св. Петру. Несокрушимые циклопическіе своды подземной церкви невольно заставляютъ вѣрить, что эта синагога дѣйствительно еще библейскихъ временъ; преданіе говоритъ, что въ этой синагогѣ Христосъ-отрокъ учился священному писанію, и что въ ней семьдесятъ толковниковъ переводили Библію.

Новая церковь строится наверху, надъ древними сводами, на счетъ скудныхъ жертвованій богомольцевъ, безъ всякой помощи патріархіи; пока же временная церковь устроена въ этихъ подземныхъ сводахъ. Бѣдная ситцевая занавѣска, повѣшенная въ одной изъ тяжелыхъ арокъ, замѣняетъ собою иконостасъ, а за нею тѣсный алтарь съ такимъ же бѣднымъ, почти совсѣмъ обнаженнымъ престоломъ. Дѣлается стыдно, что православіе, насчитывающее уже сотни милліоновъ своихъ сыновъ, безсильно поддержать посильными приношеніями даже эти немногія евангельскія святыни. Другая крошечная церковь, тоже временная, помѣщается въ старой башнѣ, когда-то защищавшей эту часть города и теперь включенной во владѣніе монастыря.

Добродушный старецъ, игуменъ монастыря, «нареченный епископъ Тиверіады», былъ совсѣмъ смущенъ нашимъ прибытіемъ, потому что единственная свободная комната его несуществующей еще обители—была какъ нарочно занята докторомъ Купа, пріѣхавшимъ изъ Александріи попользоваться теплыми сѣрными ключами Тиверіады.

Въ маленькой проходной комнаткѣ, замѣнявшей переднюю и буфетъ, пріютилась кое-какъ наша русская старушка, мать Ангелика, кроткая и услужливая сестра милосердія, почему-то

особенно полюбившая Тиверіаду и отдавшая на устройство новой обители свой послѣдній маленькій капиталецъ. Она помогаетъ настоятелю хозяйничать и принимать богомольцевъ. За первою комнаткой крошечная келейка самого «нареченнаго епископа». Въ ней едва помѣщается кровать подъ пологомъ, шкафчикъ и столъ. Волей-неволей пришлось изгнать епископа изъ его тѣснаго помѣщенія. Жена разболѣлась окончательно и слегла въ постель. Мы боялись, что придется надолго оставаться въ Тиверіадѣ. Тѣмъ досаднѣе была вся эта тѣснота и неустройство. И оставаться нельзя, потому что бѣдному епископу головы негдѣ приткнуть, и ѣхать невозможно.

Добрѣйшая мать Ангелика много облегчила страданья моей жены своимъ ласковымъ и опытнымъ уходомъ. Общими усиліями они вдвоемъ приняли кое-какія необходимыя мѣры въ то время, какъ я ожидалъ пробужденія доктора не приказавшаго себя будить. Мать Ангелика напоила насъ и кофейкомъ, и чайкомъ, и водою съ вареньемъ; молока не оказалось, потому что обитель еще не въ силахъ была завести корову. Наскоро поѣвъ кое-чего изъ своей дорожной провизіи, мы упросили приготовить намъ хотя къ вечеру горячій ужинъ. Жара стояла мучительная, и въ тѣсныхъ низенькихъ комнаткахъ, хотя и укрытыхъ отъ солнца, духота была невыразимая. Не знали, куда дѣваться и что сотворить изъ себя.

Докторъ Кура оказался любезнымъ и образованнымъ человѣкомъ. Онъ учился медицинѣ въ Парижѣ и свободно говоритъ по-французски. Освидѣтельствовавъ жену, онъ предписалъ ей сейчасъ же взять теплую ванну въ сѣрныхъ источникахъ, а потомъ лежать неподвижно до самаго утра. Дѣйствіе ванны, по его словамъ, чрезвычайно цѣлебно, и она сейчасъ же почувствуетъ себя гораздо лучше. Вмѣсто грязной и черезъ-чуръ горячей общей бани докторъ обязательно предложилъ свою купальню, кажется, единственную въ этомъ заведеніи. По моей просьбѣ онъ уступилъ намъ и свою комнату, а самъ перебрался

на дворъ въ нарочно разбитую палатку, гдѣ ему повѣсили походный гамакъ.

Все это отлично устроило насъ и было тѣмъ отраднѣе, что явилось совсѣмъ неожиданно.

Гостепріимный хозяинъ нашъ радовался этой удачѣ, кажется, еще болѣе насъ. Онъ говорилъ, хотя и съ ошибками, по-русски, и я разговорился съ нимъ.

— А что, святой отецъ, успѣю я съѣздить на лодкѣ въ Капернаумъ и Генисаретъ? спросилъ я его, когда мы втроемъ съ докторомъ бесѣдовали на галлереѣ.—Сколько тутъ часовъ ѣзды?

— Да какъ вамъ сказать, разно бываетъ... какая погода, какіе гребцы, и лодка какая... отвѣчалъ нерѣшительно епископъ. Подъ парусомъ недолго... вѣдь вонъ онъ виденъ отсюда, Капернаумъ-то... Теперь онъ Тель-Гумъ называется, а не Капернаумъ.

— Да вы же, навѣрное, были тамъ. Не помните, сколько часовъ ходили?

— Былъ, былъ одинъ разъ... только давно... тамъ смотрѣть-то нечего, каменья одни. Въ 9-ть часовъ утра, кажется, мы отправились, тоже изъ Россіи господа были, просили меня проводить... А въ 3, не-то въ 2 часа назадъ вернулись... кажется, что такъ. Часовъ 5-ть нужно въ оба конца... А когда и больше... Неравно...

— Теперь 4 часа; стало быть, къ 9-ти часамъ вечера я еще могу вернуться, къ своему ужину. Лодочники тутъ надежный народъ, бояться нечего?..

— Ну, не скажу вамъ этого. Народъ тутъ худой, обманщикъ и воръ. Коли ѣхать, такъ берите съ собою своихъ людей, а ужъ оружіе непремѣнно. На той сторонѣ всегда опасно: бедуины разбойничаютъ. Трава густая, камни, кусты — засядутъ тамъ и ждутъ... Его тамъ не увидишь. А онъ выстрѣлитъ, либо веревку на шею, да и потащитъ, куда ему нужно.

Я сообщилъ по-французски доктору Купа о своемъ намѣреніи ѣхать сейчасъ въ Капернаумъ и убѣдительно просилъ его не оставлять жены, пока я возвращусь.

— Боже васъ избави! съ комическимъ ужасомъ возопилъ докторъ.—Проклянете и себя, и весь міръ, если поѣдете. Не слушайте здѣсь никого, всѣ врутъ. Ручаюсь вамъ головою, что раньше завтрашняго утра не вернетесь. Всю ночь будете плыть. Измучаетесь ужасно, а увидѣть—ровно ничего не увидите, потому что тамъ нѣтъ ровно ничего. Берегъ какъ и здѣсь, а на берегу камни, вотъ вамъ и Капернаумъ весь. Я испыталъ это удовольствіе и никому не желаю повторить его.

Меня, однако, непобѣдимо подмывало посѣтить всѣ евангельскія мѣста Галилейскаго моря. Быть въ Тиверіадѣ, пройти цѣлую пустыню, чтобы достигнуть этого Христова моря, и вдругъ не увидать Генисарета и Капернаума. Мнѣ казалось это и глупо, и просто стыдно. Докторъ, навѣрное, прозаическій матеріалистъ, сердцу котораго недоступны неуловимыя поэтическія впечатлѣнія былого; тѣни исторіи—для него пустая грезa, и въ тихомъ ночномъ плаваніи по водамъ, освященнымъ памятью Христа, онъ, конечно, видитъ одно только безполезное утомленіе. Съ какой стати я буду слушать его? Призвали арабовъ-лодочниковъ, призвали Якуба и турецкаго стражника. Арабы увѣренно и единогласно объявили, что черезъ 5-ть часовъ мы будемъ назадъ въ Тиверіаду. Только нужно прибавить гребцовъ, чтобы идти скорѣе. А потому нужно прибавить, конечно, и денегъ.

Я посмотрѣлъ вдаль, черезъ море. Тель-Гумъ казался всего верстахъ въ 10-ти. И сомнѣваться нельзя, что часа черезъ два-три мы будемъ тамъ...

VIII.—Генисаретское озеро.

Страхъ арабовъ къ Тиверіадскому морю.—Деревня Магдала.—Пещеры Кала-Маана.—Генисаретская долина.—Ханъ-Миніе, Евангельская Виесаида.—Грёзы на яву.—Евангельскія воспоминанія.—Развалины Капернаума.— Лучшая полночь среди Генисаретскаго озера.—Возвращеніе въ Тиверіаду.

Какъ только мы двинулись, я уже понялъ, что разсчеты мои на скорое возвращеніе были напрасны... Лодка шла чрезвычайно тяжело, и парусъ, надуваемый легкимъ противнымъ вѣтромъ, скорѣе задерживалъ, чѣмъ ускорялъ ходъ. Гребцы мои вовсе и не думали плыть прямо черезъ озеро къ Тель-Гуму. Они относятся къ этому озеру-морю съ суевѣрнымъ страхомъ и никогда не отваживаются выплывать на его середину... Изъ ущелій окружающихъ горъ вырываются иногда такіе неожиданные порывы вѣтра, что смѣльчаки, рисковавшіе отправляться въ открытую воду, нерѣдко перевертывались дномъ къверху. Поэтому Тиверіадскіе рыбаки оставляютъ въ совершенномъ покоѣ большую часть озера и ловятъ свою рыбу только у береговъ. Поэтому же озеро кажется издали совсѣмъ пустыннымъ... А между тѣмъ въ дни еврейскаго царства, при римлянахъ, на Тиверіадскомъ морѣ плавали цѣлыя флотиліи и даже велись морскія битвы. Мои матросы тоже избрали эту благую часть и не рѣшались удаляться отъ береговъ. Хотя медленное описываніе лодкою всѣхъ контуровъ берега сулило мнѣ впереди очень долгое путешествіе, но съ другой стороны давало возможность познакомиться со всѣми живописными уголками этого интереснаго побережья.

Прелестные пейзажи проплывали одинъ за однимъ передъ моими глазами, чередуясь какъ стекла незамѣтно передвигаемой панорамы... Я, не торопясь, любовался ими, полулежа въ тихо качавшейся лодкѣ... Ярко зеленыя, цвѣтущія долинки, влажныя и сочныя, полныя одичавшихъ садовъ, густо заросшія высокою травою, то и дѣло сбѣгали къ низменному берегу, въ

промежуткахъ холмовъ и, казалось, вѣнчали красавца-озеро, будто подруги, свадебными вѣнками, пушистыми букетами розовыхъ олеандровъ и какихъ-то незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ... Эти, защищенныя отовсюду, природныя теплицы орошаются множествомъ мелкихъ ручьевъ, и влага ихъ, спёртая въ жаркихъ ущельяхъ, гонитъ изъ почвы цвѣты, деревья и травы тропической роскоши. Вода здѣшнихъ источниковъ солона и горяча; сейчасъ чувствуется сосѣдство вулканической силы на днѣ этой глубокой впадины земли. Въ рукахъ предпріимчивыхъ и опытныхъ садоводовъ берега эти могли бы обратиться въ одну сплошную естественную оранжерею самыхъ нѣжныхъ и драгоцѣнныхъ растеній юга. Немного не доѣзжая древней Магдалы, между нею и долиною Суръ-Сукъ, гдѣ стоитъ заброшенная теперь мельница для сахарнаго тростнику, грозные скалистые обрывы совершенно неожиданно придвигаются къ голубымъ водамъ Галилейскаго озера, вмѣсто зеленыхъ холмовъ и цвѣтущихъ долинокъ...

— Кала-Маанъ! — радостно оскаливъ свои бѣлые зубы, крикнулъ мнѣ старшій гребецъ, котораго круглое, будто саломъ налитое, лицо было подернуто какимъ-то дымчатымъ флёромъ...

Въ отвѣсныхъ изломахъ Кала-Маана ясно чернѣли на недоступной высотѣ окна, двери и лѣсенки какого-то пещернаго жилища, настоящаго замка волшебныхъ духовъ.

— Тутъ была крѣпость въ старину, разбойники страшные жили, никому ихъ взять было нельзя!—поспѣшилъ объяснить мнѣ Якубъ, уже давно разспрашивавшій что-то по-арабски гребцовъ. А теперь здѣсь звѣрь поселился, барсъ бѣлый... большой такой... чуть не съ лошадь ростомъ... Каждый день барановъ рѣжетъ да жеребятъ... И прямо на человѣка идетъ, не боится ничего... Ужъ арабы отъ него разбѣгаться стали... жить нельзя... Два года ихъ такъ мучаетъ...

Одинъ изъ гребцовъ перебилъ его и сталъ что-то горячо разсказывать, сверкая глазами и указывая рукою на берегъ.

— Вонъ видите, еще скалы есть такія же, еще гора большая!—сообщилъ мнѣ Якубъ съ такою самоувѣренною важностью, какъ будто онъ самъ давнымъ-давно зналъ всѣ эти подробности, и самъ даже устроилъ ихъ.—Тамъ ужъ пойдетъ Вади-Гамамъ... Тамъ тоже крѣпость и пещеры... Тоже разбойники жили... А теперь барсъ никого туда не пускаетъ. То тамъ прячется, то здѣсь... И угадать нельзя... Теперь тутъ его царство!

— Спросите-ка гребцовъ, отчего же арабы не охотятся на него, отчего не убьютъ?—обратился я къ нему.

Якубъ перебросился нѣсколькими словами съ гребцомъ и сказалъ:

— Говоритъ, боятся очень. Охотниковъ такихъ у нихъ нѣтъ. Звѣрь ужъ очень страшный. Большого быка въ зубахъ уноситъ... Лучше, говорятъ, самимъ уйти, чѣмъ съ такимъ воевать. Двѣ деревни черезъ него совсѣмъ опустѣли...—Скалы Вади-Гамама стали понемножку выдвигаться изъ-за ближнихъ горъ, издали можно было дѣйствительно замѣтить черныя дырья пещерныхъ оконъ и входовъ... Я предложилъ гребцамъ черезъ Якуба пристать къ берегу и выйти на полчаса, чтобы пробраться къ Вади-Гамаму и хорошенько осмотрѣть развалины. Но они испуганно и сердито замахали головами.

— Какъ можно! Нельзя, нельзя! Время къ вечеру, и звѣрь можетъ какъ разъ выйти!—объявили они Якубу.

Напрасно я увѣрялъ ихъ, что насъ много, что никакой звѣрь не посмѣетъ напасть на такую толпу, и что съ нашимъ оружіемъ мы во всякомъ случаѣ безъ труда убили бы его.

Ужасъ арабовъ передъ бѣлымъ барсомъ оказался непобѣдимъ. Я думаю, еслибы они вышли на берегъ и дѣйствительно увидѣли барса, то побросали бы со страху оружіе и сами отдались ему въ зубы.

Меджделъ—это Евангельская Магдала, родина Маріи, прозванной Магдалиною, того вѣрнаго и страстнаго друга Христа,

которая не покидала Его даже у Гроба и изъ которой, по выраженію Евангельскому, «вышли семь бѣсовъ»; теперь это жалкая кучка глиняныхъ хижинъ, скорѣе похожихъ на бобровые шалаши, чѣмъ на жилища человѣка. Крошечная мечеть да одинокая, печально склонившаяся, пальма возвышаются, какъ сторожевые маяки, среди этой смиренно прилегшей къ землѣ, забившейся въ высокую траву, бѣдной деревушки. Въ сторонѣ отъ нея древняя магометанская гробница, осѣненная еще болѣе древнимъ сикиморомъ.

За Медженелемъ горы отступаютъ далеко отъ берега, и широкая низменная равнина, орошаемая теплыми ручьями, заросшая травами и кустарникомъ, опоясываетъ сѣверо-западный уголъ озера. Это славная когда-то своимъ плодородіемъ Генисаретская долина, давшая имя всему озеру. Теперь она одичала и запустѣла, и ни одного селенья не сохранилось на ней. Немного сѣвернѣе Генисаретской низины виднѣется на берегу мѣстечко Ханъ-Миніе. Черезъ него проходитъ большая дорога изъ Акры въ Дамаскъ. Бѣлые камни развалившихся домовъ и фонтановъ еще служатъ безмолвными памятниками давно протекшей здѣсь исторіи. Это Виѳсаида Евангельскихъ временъ, изъ рыбарей которой Христосъ призвалъ своихъ первыхъ апостоловъ. «Грядите по мнѣ, и сотворю вы ловца человѣкомъ!» сказалъ этимъ безхитростнымъ ловцамъ рыбъ Учитель міра.

А Тель-Гума все-таки не видать, и на досадные вопросы мои смущенные гребцы уже стараются не отвѣчать.

Берегъ за Виѳсаидой дѣлается гораздо пустыннѣе. Желтая погорѣлая трава перемѣшана съ такими же сѣро-желтыми камнями, и только кое-гдѣ тощіе кустики разнообразятъ эту скучную и скудную низину. Тутъ ужъ настоящій сѣверный берегъ Галилейскаго моря, гнѣздо бедуинскихъ кочевниковъ. Мертвящая рука ислама легла тутъ всею тяжестью варвара-побѣдителя

на когда-то цвѣтущіе городки и плодоносныя поля старой Галилеи и сравняла съ землею многочисленныя христіанскія святыни, расцвѣтшія-было здѣсь въ короткій вѣкъ Іерусалимскихъ королей-крестоносцевъ. Въ дни Христа эти опустѣлые берега кишѣли селеньями и садами.

Лодка наша стала забирать въ открытую воду. Четыре здоровенные и привычные гребца, мускулистыя голыя руки которыхъ казались вылитыми изъ темной бронзы, выбивались изъ послѣднихъ силъ; уже 5-ть часовъ сряду они борются безъ отдыха съ противнымъ вѣтромъ, который словно нарочно поджидаетъ ихъ при каждомъ поворотѣ и не думаетъ стихать даже съ наступленіемъ ночи. Я понялъ теперь, почему Тиверіадскіе рыбаки такъ боятся этого предательскаго моря и не осмѣливаются переплывать его напрямикъ. Евангельскій разсказъ тоже сохранилъ намъ память о буряхъ на Генисаретскомъ озерѣ и о страхѣ рыбаковъ-апостоловъ.

Я совершенно потерялъ надежду когда-нибудь добраться до развалинъ Капернаума. Голодъ разбиралъ меня, и усталость заставляла себя чувствовать теперь съ особенною силою. Какъ нарочно, мы не захватили съ собою ни бутылки вина, ни куска хлѣба. Гребцы по крайней мѣрѣ пили чуть солоноватую воду озера, а я не рѣшался и на это. Дремота одолѣвала меня, а тяжелые удары съ усиліемъ поднимавшихся веселъ, двигавшіе ничтожными толчками грузное судно наше и немилосердно качавшіе его то вправо, то влѣво—вызывали легкое головокруженіе, напоминавшее морскую качку.

Но это полусонное круженіе головы, это чувство совершенной разбитости, которое я ощущалъ во всемъ моемъ утомленномъ тѣлѣ, жадно просившемъ покоя, только усиливали приливъ мечтаній и грёзъ, охватывавшихъ мой возбужденный мозгъ.

Луна уже успѣла взойти довольно высоко и уже залила

незримыми волнами своего фосфорическаго свѣта всю неохватную бездну поднебесья отъ сіяющаго въ недоступной высотѣ голубаго свода до поверхности разъигравшагося озера, трепетавшаго теперь кругомъ нашей черной ладьи своими огненными струями и брызгами.

Какое-то фантастическое сновидѣніе безбрежнаго моря и бездоннаго неба стояло надо мною и подо мною.

Чѣмъ-то смутно манящимъ, непостижимымъ и недостижимымъ мерцали въ этомъ поглотившемъ меня океанѣ голубаго полусвѣта, въ этой колыхающейся атмосферѣ огненныхъ искръ, мигавшихъ и сверкавшихъ вездѣ кругомъ, и вверху, и внизу—далекіе, окутанные въ саваны тумановъ, призраки береговыхъ горъ.

Наше громоздкое судно ползло медленно, какъ черное морское чудовище, выплывшее на свѣтъ ночи изъ темныхъ подводныхъ омутовъ, взрѣзая своимъ неуклюжимъ брюхомъ сплошную пучину дрожавшаго расплавленнаго золота. Ясный ликъ мѣсяца одинъ смотрѣлъ понятнымъ мнѣ взглядомъ съ своей неизмѣримой выси на этотъ перепутанный хаосъ тьмы и свѣта, дѣйствительности и мечтаній. Подъ наитіемъ его проникающихъ въ душу лучей, я вспоминалъ другой кроткій ликъ,—еще болѣе прекрасный и чистый,—который бродилъ нѣкогда по этимъ тихимъ берегамъ и созерцалъ эти самыя воды, эту самую неизглаголанную красоту земли и неба.

Вотъ тутъ, кругомъ насъ, та Виѳсаида, та Магдала, тотъ Капернаумъ, гдѣ жили простые друзья Его простаго сердца, гдѣ Онъ находилъ своихъ первыхъ апостоловъ въ сынахъ Заведея, чинившихъ рваныя сѣти, въ смиренномъ мытарѣ Матѳеѣ, караулившемъ дорожную заставу. Съ этими «нищими духомъ», съ этими «трудящимися и обремененными» дѣлилъ Онъ и ихъ бѣдный кровъ, и ихъ скудный кусокъ хлѣба.

«Лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя—гнѣзда; а Сынъ человѣческій не имѣетъ гдѣ преклонить голову», говорилъ о себѣ самомъ Христосъ.

Онъ ходилъ тутъ, какъ повѣствуетъ Евангеліе «по всѣмъ городамъ и селеніямъ», «проповѣдуя Евангеліе Царствія Божія»; «ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни сумы на дорогу, ни 2-хъ одеждъ, ни обуви, ни посоха»! завѣщалъ не брать съ собою Учитель истины ученикамъ своимъ. И самъ первый исполнялъ этотъ завѣтъ.

«Возьмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене: ибо кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть!» раскрывалъ онъ этимъ людямъ простаго сердца простыя, но великія тайны Царствія Божія.

Въ грёзахъ на яву, которыми переполняетъ мою дремлющую голову эта безконечная фантастическая ночь на Евангельскомъ озерѣ, мнѣ просто видятся тамъ у берега лодки, заваленныя сѣтями, наполненныя безмолвно-слушающимъ народомъ.

И среди этой очарованной толпы, Одинъ на высокой кормѣ ладьи, всѣмъ видимый, всѣми благоговѣйно внимаемый, сидитъ въ своихъ простыхъ одеждахъ рабочаго человѣка, съ непокрытой головой, съ босыми ногами, поучающій людей любви и правдѣ, Божественный Учитель.

Съ радостнымъ изумленіемъ, съ умиленной вѣрой, бородатыя, растроганныя лица глядятъ на этотъ кроткій образъ, со дна ладьи, гдѣ въ дѣтской простотѣ тѣсно усѣлись они у самыхъ ногъ Его. Виднѣются тамъ и бронзовыя морщинистыя лица Виѳсаидскихъ братьевъ, и дѣвственно нѣжный взглядъ молодаго сына Заведеева, любимаго ученика Христова. Неслыханныя слова слышатъ они изъ этихъ устъ, невѣдомое ощущаютъ они теперь въ душѣ своей; царство Божіе—въ простотѣ ихъ собственнаго младенческаго сердца, въ теплой любви ихъ къ бѣдняку-собрату.

«Кто изъ васъ меньше всѣхъ, тотъ будетъ всѣхъ болѣе», говоритъ имъ Учитель.

«Любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ, благословляйте проклинающихъ васъ. Всякому просящему у

тебя давай и отъ взявшаго твое не требуй назадъ. Будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ». Сыны Божіи— это они, бѣдняки, смиренно терпящіе голодъ и поношеніе, трудящіеся въ потѣ лица своего, а не надменные богачи въ палатахъ Іерусалима и Тиверіады, не многоученые фарисеи и книжники, съ презрѣніемъ отворачивающіе отъ нихъ свои очи и исполняющіе малѣйшіе обряды закона.

«Горе вамъ, роскошные! громитъ ихъ Учитель истины. Ибо вы уже получили свое утѣшеніе! Горе вамъ, пресыщенные нынѣ, ибо взалчете! Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ, ибо восплачете и возрыдаете!»

И бѣдный темный людъ, потрясенный этимъ новымъ откровеніемъ Царствія Божія, охватывается небывалымъ еще жаромъ братской любви и братскаго единенія.

Проносится дальше, качаясь и звонко плещась о волны, наша грузная ладья, и одни грёзы смѣняются другими. Чудится, будто въ серебристомъ туманѣ лунной ночи плыветъ намъ на встрѣчу другая ладья, и на ней смутно мерещатся давно священные сердцу образы.

Треплется и хлещетъ изорванный вѣтромъ парусъ, и испуганные рыбари, заливаемые волною, будятъ заснувшаго Учителя. «Наставникъ! наставникъ! погибаемъ». «И Онъ всталъ, запретивъ вѣтру и волненію воды, и перестали, и сдѣлалась тишина».

А мы все еще боремся съ разыгравшимся озеромъ и, кажется, всю ночь будемъ кружить на немъ.

Кружатся кругомъ пляшущія волны, кружится голова. Кажется, и луна на небѣ идетъ кругомъ, то-и-дѣло заволакиваемая пролетающими мимо сквозными, легкими какъ паръ облаками. Но кроткій образъ нигдѣ не покидаетъ меня. Онъ, не стираясь, стоитъ передо мною, все собою здѣсь проникая и освѣщая.

Вотъ, кажется, идетъ Онъ по волнамъ, легкій и сіяющій, какъ лучъ мѣсяца, чтобы ободрить насъ, упавшихъ духомъ.

«Маловѣрный, зачѣмъ ты усумнился?» говоритъ въ моемъ сердцѣ незримый голосъ.

И я ободряюсь этимъ Евангельскимъ воспоминаніемъ и стараюсь одолѣть и свой сонъ, и свое малодушіе.

Впереди насъ вдругъ стало что-то чернѣть и быстро расти.

— Тель-Гумъ! усталымъ голосомъ произнесъ гребецъ.

— Тель-Гумъ! радостно подхватили Якубъ и кавасъ.

Наконецъ-то!..

Но хотя Тель-Гумъ былъ близко, волна отбивала отъ берега, и не меньше получаса пришлось бороться съ нею. Подъѣхать вплотную къ берегу было однако невозможно. Пришлось прыгать по камнямъ, довольно рѣдко разсѣяннымъ кругомъ берега. Я-было поспѣшилъ выпрыгнуть первымъ, но одинъ изъ гребцовъ грубо дернулъ меня за полу и пробормоталъ по-арабски что-то очень гнѣвное.

— Куда вы, куда вы? заторопился Якубъ. — Тутъ нельзя такъ. Они говорятъ, нужно сначала осмотрѣть берегъ. Бедуины тутъ то-и-дѣло засады устраиваютъ. Я невольно остановился.

Турецкій стражникъ и черногорецъ вылѣзли первыми и отправились, ныряя въ высочайшей травѣ, на военныя развѣдки. Мы всѣ пристыли къ нимъ глазами, неподвижно стоя на борту лодки.

Скоро двѣ черныя фигуры съ ружьями, перекинутыми на руку, вырѣзались на освѣщенномъ фонѣ неба; они торчали на вершинахъ ближнихъ холмовъ, съ которыхъ хорошо была видна окрестность. Арабы-гребцы испустили какой-то дикій гортанный крикъ, вѣроятно, служившій очень вразумительнымъ вопросомъ, потому что съ холма тотчасъ же послѣдовали такіе же звѣроподобные звуки.

— Можно идти! никого не видно, перевелъ мнѣ Якубъ.

Гребцы, ступая по колѣна въ воду, провели меня подъ руки черезъ острые черные камни.

— Берегитесь! они говорятъ — тутъ камни огромные въ травѣ, ногу можно сломать, да и на змѣй не наступите, тутъ змѣй пропасть! безполезно предостерегъ меня Якубъ.

Я шагалъ семимильными шагами съ одного громаднаго обломка на другой, путаясь въ высокой застарѣвшей травѣ и всячески усиливаясь не провалиться. Перспектива ступить на хвостъ какой-нибудь спящей гадинѣ, которая вдругъ обовьется вокругъ ноги,—не особенно соблазняла меня. Но не смотря на всѣ усилія мои, то-и-дѣло приходилось обрываться съ невидимыхъ каменныхъ пороговъ и нырять по-поясъ въ глубину травянаго лѣса, откуда я спѣшилъ выпрыгнуть съ быстротою и трусостью зайца. Камни эти—капители и обломки громадныхъ колоннъ, тесанные кубики цоколя и фундаментовъ изъ чернаго базальта. Большое пространство берега покрыто этими черными развалинами Тель-Гума. Издали они кажутся обширнымъ покатымъ холмомъ. Яркій свѣтъ полной луны, забравшейся теперь на самую макушку совсѣмъ прочистившагося неба, ясно освѣщалъ развалины. Можно было какъ днемъ различать всѣ скульптурныя подробности на поверженныхъ архитравахъ и разбитыхъ въ куски карнизахъ былыхъ дворцовъ и храмовъ Капернаума. Въ серединѣ города уцѣлѣли основанія колоннъ и бѣло-мраморные помосты съ широкими ступенями; это, по всей вѣроятности, развалины синагоги римскаго времени, въ которой такъ часто училъ Христосъ и которую построилъ римскій сотникъ, упоминаемый въ Евангеліи Луки. Когда іудейскіе старѣйшины просили Іисуса, чтобы пришелъ исцѣлить слугу сотника, они говорили о немъ: «онъ достоинъ, чтобы Ты сдѣлалъ для него это; ибо онъ любитъ народъ нашъ и построилъ намъ синагогу».

Одно зданіе, самое близкое къ озеру, сехранилось почти вполнѣ. Думаютъ, что это христіанская церковь, воздвигнутая Еленою на мѣстѣ дома апостола Петра и возобновленная въ

средніе вѣка крестоносцами, но теперь уже трудно разобраться среди всеобщаго разрушенія и разгадать вѣка, поверженные въ одну кучу камней.

Горькія пророчества Христа, которыя Онъ возсылалъ передъ смиренными рыбаками Галилейскаго берега тогдашнимъ роскошнымъ городамъ, не хотѣвшимъ слушать благовѣстія Царства Божія, невольно приходятъ на память, когда сидишь въ безмолвную лунную ночь среди этой безлюдной пустыни, покрытой невѣдомыми развалинами, и озираешь умственнымъ окомъ безчисленные народы и царства, воспринявшіе въ теченіе вѣковъ ту Христову проповѣдь братства и мира, отъ которой отвертывались съ презрѣніемъ хитроумные книжники Капернаума, Хоразина и Виесаиды.

«Горе тебѣ, Хоразинъ! горе тебѣ, Виесаида, ибо еслибы въ Тирѣ и Сидонѣ явлены были силы, явленныя въ васъ, то давно бы они, сидя во вретищѣ и пеплѣ, покаялись».

«И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься!»

Я долго не могъ двинуться съ мѣста, очарованный этою дикою и вмѣстѣ глубоко поэтическою картиною.

Никогда, залитый лучами солнца, древній «Кафаръ-Нагумъ» не въ силахъ былъ бы произвести такого полнаго и поразительнаго впечатлѣнія, какъ въ этотъ торжественный полуночный часъ, такъ подходившій своимъ безмолвіемъ и своею пустынностью къ могильному безлюдію и безмолвію окружавшей насъ пустыни камней и пустыни волнъ.

Тѣни Евангельскихъ воспоминаній, какъ призраки мертвецовъ на покинутомъ кладбищѣ, казалось, беззвучно рѣяли и проносились передъ моимъ духовнымъ взоромъ въ этой неподвижной атмосферѣ фантастическаго луннаго свѣта, похожей больше на сонъ, чѣмъ на дѣйствительность.

И я, далекій житель черноземныхъ полей щигровскихъ, потомокъ скифа или сармата, сижу здѣсь, среди нихъ, на обломкахъ древняго Галилейскаго города, прославленнаго въ Еван-

геѳіи, можетъ быть, на порогѣ того самаго скромнаго рыбачьяго дома Симона-Петра, гдѣ находилъ себѣ гостепріимный пріютъ отверженный своимъ родным городомъ Назаретскій учитель.

«И, оставивъ Назаретъ, пришелъ и поселился въ Капернаумѣ приморскомъ, въ предѣлахъ Завулоновыхъ и Нефѳалимовыхъ».

Отсюда Онъ выѣзжалъ на лодкѣ Симона-Петра въ береговые города и селенія — проповѣдывать народу Царствіе Божіе, «на онъ полъ моря въ страну Гадаринскую», въ Виѳсаиду, «жилище рыбаковъ», «въ предѣлы Магдалинскіе», въ окрестности Иродовой Тиверіады.

Въ Капернаумъ Христосъ возвращался какъ домой, какъ въ свой родной городъ.

«И влѣзъ въ корабль, прейде, и *пріиди во свой градъ*», говоритъ Евангеліе.

Капернаумъ, любимый Галилейскій уголокъ Христа, болѣе чѣмъ Іерусалимъ, болѣе чѣмъ Виѳлеемъ или Назаретъ, можетъ считаться истинною колыбелью Церкви Христовой. Недаромъ здѣсь взятъ былъ Христомъ тотъ Киѳа-Петръ, на которомъ, какъ на камнѣ, должна была создаться Его будущая Церковь, и которому Онъ сказалъ во время чудеснаго лова: «не бойся, отнынѣ будешь ловить человѣковъ!»

Если еще можно сомнѣваться, тѣ или другіе камни лежатъ теперь у ногъ моихъ, то уже пейзажъ, меня окружающій, несомнѣнно тотъ самый, на который взирали глаза кроткаго Учителя. Это море тихаго ласкающаго свѣта, льющееся изъ бездонныхъ высей неба, и это другое, колыхающееся море, отражающее его милліонами трепетныхъ волнъ и сверкающихъ искръ, оба одинаково безмолвныя, и тогда, какъ теперь, глядѣли на міръ земной своими загадочными мерцающими очами, словно таинственныя завѣсы невѣдомаго будущаго.

Высота, высота поднебесная,
Широта, широта—степь раздольная,
Глубота, глубота—океанъ-море!..

Поднимается въ душѣ невольный крикъ удивленія и восторга стараго безъимяннаго поэта народнаго передъ непостижимой мощью и красотою Божьяго міра.

Еще пять долгихъ часовъ бьемся мы среди волнъ моря... Плывемъ назадъ уже серединою, потому что у береговъ стало совсѣмъ опасно... Вѣтеръ и теперь все противный. То-и-дѣло волна захлестываетъ нашу тяжелую ладью, и она трещитъ по всѣмъ своимъ швамъ отъ этого враждебнаго напора. Мальчишка Саидъ безъ сна и отдыха вычерпываетъ своимъ ковшикомъ набѣгающую воду. Безъ отдыха налегаютъ на громоздкія весла своею бронзовою грудью наши неутомимые гребцы. Больше десяти часовъ кряду приходится имъ не покладать своихъ мускулистыхъ рукъ, не выпускать изъ нихъ веселъ... Косой парусъ никакъ не подладится къ вѣтру и поминутно кренитъ насъ то вправо, то влѣво. Но онъ напѣваетъ за то своимъ немолчнымъ трепетаньемъ такія убаюкивающія пѣсни и съ такою характерною живописностью вырѣзается на ночной голубизнѣ неба. Мѣрный стукъ веселъ и плескъ волнъ акомпанируютъ въ тактъ его монотоннымъ мотивамъ и хотятъ меня укачать, какъ младенца нянькиной сказкой. Мои два спутника уже давно похрапываютъ, завалившись на дно лодки. А я все бодрюсь и перевиваю сонными грезами эти безконечные часы полудремотнаго созерданія.

Порою мнѣ представляется уже, что я самъ плыву въ лодкѣ Виѳсаидскихъ рыбарей, что впереди меня мелькаютъ мускулистыя бронзовыя руки сыновей Іониныхъ и смотритъ на меня изъ темноты своимъ дѣтски-невиннымъ взглядомъ юный сынъ Заведеевъ, возлежавшій на персяхъ Христа... Но я просыпаюсь сейчасъ же и убѣждаюсь съ досадой, какъ мало похожи на Евангельскихъ рыбарей мой черногорецъ въ красныхъ и синихъ курткахъ, съ своими поясами, кинжалами и пистолетами, или мрачный Умъ-баши въ венгеркѣ и бабьемъ платкѣ на головѣ.

Только къ 3-мъ часамъ утра добились мы наконецъ, измученные безсонницей и голодомъ, до пристаней Тиверіады. Даже луна успѣла скрыться. Съ трудомъ достучались мы кого-нибудь въ окованную калитку монастыря. Ни крикъ, ни стукъ не помогали. Чуть не пришлось переночевать на лодкѣ. Наконецъ небо сжалилось надъ нами, и какой-то сонный арабъ впустилъ насъ во дворъ монастыря. Въ комнатѣ нашей стоялъ на столѣ обильно приготовленный ужинъ и потухшій самоваръ со всѣмъ заманчивымъ штатомъ чайниковъ, сливочниковъ и чашекъ.

Жена не спала всю ночь, проведя ее въ страшной тревогѣ и воображая нивѣсть что о постигшей насъ судьбѣ. Горячая сѣрная ванна, которую приняла она безъ меня въ Тиверіадскихъ теплыхъ источникахъ, подѣйствовала на нее прекрасно, но безсонная ночь и нервное волненіе отняли всякія силы. Я тоже чувствовалъ себя очень скверно. Но мы все-таки рѣшили ѣхать, чтобы не упустить въ Кайфѣ австрійскаго парохода, заходящаго туда только черезъ двѣ недѣли. Спать уже было некогда, да и ѣсть что-то не ѣлось отъ чрезмѣрной усталости, тѣмъ болѣе въ такой непривычный ранній часъ. Я отлично за то выкупался въ прохладившихся за ночь волнахъ озера; старая барка служила мнѣ для раздѣванія. Я поплылъ прямо на встрѣчу прибою въ ширь озера, и оно совсѣмъ напомнило мнѣ утреннія купанія въ Черномъ морѣ. Такая же упругая волна, такая же бодрящая сила прибоя. Даже маленькіе краббы на береговыхъ камняхъ и голыши на отмеляхъ—какъ въ морѣ.

Послѣ купанья, пока готовили лошадей, епископъ повелъ насъ посмотрѣть свой новорожденный садъ и затѣянныя имъ работы. Все здѣсь только начинается, во всемъ огромная нужда. Средствъ очень мало. Патріархія не помогаетъ, а состоятельные богомольцы очень рѣдки. Между тѣмъ было бы просто стыдно намъ, русскимъ, покинуть въ такомъ забросѣ эти Евангельскія мѣста, бывшія ближе всѣхъ сердцу Христа и Его апостоловъ, эту колыбель свѣтлой юности Христовой, Его первыхъ проповѣдей, перваго торжества.

Садъ разбивается на прекрасномъ мѣстѣ и умѣлою рукою. Изъ колодца дѣлается водопроводъ для поливки. Готовится много матеріаловъ для задуманныхъ построекъ, но пока все это одни сырые камни, одни бумажные планы. Вмѣстѣ съ нами гулялъ по этимъ будущимъ постройкамъ старичекъ-полякъ, лѣтъ уже подъ 80-ть, докторъ по профессіи, который 20-ть лѣтъ безвыѣздно живетъ въ Тиверіадѣ. Онъ излѣчился тутъ отъ мучительнаго ревматизма, и не нахвалится здѣшними теплыми ключами. Какая-то таинственная исторія, о которой неловко было допытываться, заставила его промѣнять россійскій губернскій городъ Ковно на древнюю столицу Ирода Антипы; онъ скучаетъ здѣсь немилосердно и еще немилосерднѣе ругаетъ здѣшнихъ дикарей-жителей. Онъ прибѣжалъ нарочно «поболтать съ цивилизованными людьми», «отвести хотя на часокъ душу человѣческою рѣчью», какъ выражался онъ, «а то въ этой азіатской норѣ отвыкнешь говорить членораздѣльными звуками, не то, что думать!» Къ сожалѣнію, мы не могли бесѣдовать съ нимъ долго, а должны были распроститься и съ нимъ, и съ гостепріимными хозяевами нашими, потому что лошади были уже напоены и ожидали насъ совсѣмъ осѣдланныя и навьюченныя. Епископъ благословилъ насъ, по обычаю, четками и образками, и подарилъ намъ оригинальный мѣстный подарокъ: восьмиконечные, словно разрисованные, кресты, добываемые изъ лобной кости сома, который въ особенномъ обиліи водится въ озерѣ.

Напутствуемые добрыми пожеланіями этихъ добрыхъ людей, мы тихо тронулись опять въ свой утомительный, но радостный путь...

IX.—Кана Галилейская.

Мѣста, освященныя стопами Христа.—„Гора пяти хлѣбовъ".—Генисаретскія проповѣди Христа.—„Гора блаженствъ".—Сады Каны Галилейской.—Католическая церковь.—Древній храмъ съ брачными сосудами.—Въ гостяхъ у арабскаго священника.—Кейфъ подъ смоковницами.

Путь отъ Тиверіады до Каны, по дорогѣ назаретской,—это одно непрерывное воспоминаніе о Христѣ. Это Его дорога, Его мѣста, болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой уголокъ галилейскаго прибрежья. Тутъ проходилъ Онъ изъ своего роднаго, но не сочувствовашаго Ему Назарета, отъ семьи плотника, среди которой Онъ родился, но которая меньше всѣхъ понимала Его, къ роднымъ Его сердцу берегамъ и людямъ Генисаретскаго взморья. Здѣсь каждая тропинка, каждый придорожный камень освящены Его прикосновеніемъ. На этихъ зеленыхъ холмахъ, въ этихъ тихихъ, цвѣтущихъ долинахъ, подъ этими вѣковыми маслинами сидѣлъ Онъ съ Своими учениками, бродилъ въ задумчивомъ одиночествѣ, молился и плакалъ...

Тутъ для васъ какъ-то особенно осязательны и глубоко понятны чудныя притчи Христа. Онѣ стоятъ здѣсь кругомъ живою иллюстраціею разсказа евангельскаго. Поля, покрытыя на многія версты колючими травами, камнями, пшеницей,—вотъ у васъ на глазахъ вся притча о сѣятелѣ и терніяхъ, и почвѣ каменистой, и землѣ доброй. Яркіе цвѣты весны, пестрящіе эту пустыню,—это тѣ лиліи, тѣ самые «крины сельные», что одѣваются Отцомъ Небеснымъ лучше, чѣмъ Соломонъ во всей славѣ своей.

Вокругъ васъ всѣ любимые образы поученій Христовыхъ, и вольныя птицы небесныя, что двѣ продаются за одинъ ассарій, что не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, но питаетъ ихъ Отецъ Небесный; и овцы, заблудившіяся въ горахъ, отыскиваемыя пастухомъ, и дѣлатели винограда, получающіе свою мзду.

единѣ и вечеромъ остался тамъ Одинъ» — не разъ сообщаетъ Евангеліе.

Здѣсь, подъ впечатлѣніемъ мирныхъ зеленыхъ холмовъ, прилегшихъ къ чашѣ голубыхъ водъ, подъ ласковымъ дыханьемъ родного озера, въ безмолвномъ лицезрѣніи далекихъ вершинъ Ливанскихъ, нарождались и таинственно зрѣли въ великомъ сердцѣ, какъ чудные плоды, высокіе идеалы Евангельской проповѣди.

Въ часы этихъ одинокихъ горныхъ созерцаній слагалась въ душѣ Юноши-Христа и та свѣтлая любовь къ красотѣ міра Божія, которою дышатъ всѣ Его Галилейскія проповѣди и которая наполняетъ Его могучую рѣчь столькими радостными и яркими образами.

Въ этомъ безмятежномъ уголкѣ земли, всегда залитомъ солнцемъ, обильномъ плодами деревъ, рыбою озера, агнцами стадъ, среди этого скромнаго населенія рыбаковъ, пастуховъ и виноградарей, звучала такою правдою и такимъ сердечнымъ утѣшеніемъ Христова проповѣдь о приближеніи Царства Божія.

«Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ, но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ».

«Не заботьтесь для души вашей, что̀ вамъ ѣсть и что̀ пить, ни для тѣла вашего, во что̀ одѣться. Душа не больше ли пищи, и тѣло—одежды? Ищите же прежде Царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ».

Этотъ младенчески-беззаботный взглядъ на матеріальную обстановку жизни, призывавшій человѣка сосредоточить всѣ силы свои на чистотѣ своего сердца, на братской любви къ ближнему, на любви къ Богу, источнику всякой любви и добра, самъ собою приводилъ къ возвеличенію бѣдности и страданія въ высшій идеалъ человѣческой нравственности.

Заповѣди, преподанныя Христомъ на берегахъ Галилейскаго моря, были заповѣдями труженничества, безпредѣльнаго терпѣнія.

Вотъ мы теперь проѣзжаемъ мимо двурогой вершины большого холма, съ котораго видно внизу все Галилейское море, вся страна Назаретская.

Это «гора блаженствъ», Новозавѣтный Синай своего рода, на которомъ въ первый разъ труждающіеся, страдающіе и обремененные люди услышали прославленіе своихъ трудовъ и страданій.

«Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть Царство Небесное. Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся. Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю».

Мы взобрались пѣшкомъ на эту Евангельскую гору, чтобы мысленно поклониться запечатлѣннымъ на ней слѣдамъ Божественнаго Учителя, чтобы видѣть оттуда ту самую картину земли и неба, которая окружала Его, когда Онъ «отверзши уста», училъ здѣсь народъ.

Скептическіе изслѣдователи Палестинскихъ древностей сомнѣваются, чтобы народное преданіе вѣрно указывало на разные памятники Библейской и Евангельской исторіи. Но я въ этомъ случаѣ гораздо болѣе довѣряю благочестивой памяти вѣковъ и народовъ, чѣмъ лукавымъ мудрствованіямъ ученыхъ самолюбій. Если о самомъ обыкновенномъ историческомъ лицѣ, долго жившемъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ, безъ труда сохраняются въ народной памяти многія подробности, если мы теперь, по истеченіи вѣковъ, знаемъ, гдѣ стоялъ загородный домъ Цицерона и на какомъ полѣ Цезарь, Атилла или Ксеркъ совершали свои битвы, то возможно ли допустить, чтобы первые христіане, увѣровавшіе въ своего Распятаго Спасителя, не окружили бы благоговѣйнымъ чествованіемъ всякій любимый уголокъ Его, всякій камень, на которомъ чаще другихъ сидѣлъ Онъ. Христіанство ни на одинъ часъ не прекращалось въ Святой Землѣ, и ни на одинъ часъ поэтому не прерывалась нить преемственныхъ, священныхъ преданій Его, отъ 12-ти апостоловъ и 70-ти учениковъ, видѣвшихъ собственными глазами каждый шагъ Своего Учителя, до нашихъ дней.

ные, однако это обстоятельство не можетъ служить опроверженіемъ многовѣкового мѣстнаго преданія, что и эти высѣченные въ скалѣ неподвижные сосуды служили вмѣстилищемъ воды у хозяина евангельскаго пиршества, который былъ, по преданію, апостолъ Симонъ Кананитъ; именно изъ нихъ могла быть почерпнута та вода, которая подавалась вмѣсто вина пировавшимъ на свадьбѣ Симона. Въ Евангеліи сказано объ этомъ такъ:

«Было же тутъ *шесть каменныхъ водоносовъ*, стоявшихъ по обычаю очищенія іудейскаго, вмѣщавшихъ по двѣ и по три мѣры. Іисусъ говоритъ имъ: наполните сосуды водою. И наполнили ихъ до верха. И говоритъ имъ: *теперь почерпните и несите* къ распорядителю пира. И понесли»...

Паломники среднихъ вѣковъ видѣли въ этой церкви еще нѣсколько такихъ же амфоръ.

Старый толстый священникъ, курносый и черномазый, встрепанный, какъ цыганъ, въ затасканной черной рясѣ и низенькой камилавкѣ обычнаго греческаго покроя, показывалъ и объяснялъ намъ замѣчательности этой древней святыни. Это былъ малограмотный арабскій туземецъ, не знавшій ни слова ни на какомъ языкѣ, кромѣ своего арабскаго, и врядъ ли даже проходившій какую-нибудь школу. Онъ любезно пригласилъ насъ къ себѣ на чашку кофе. Хотя, глядя на его засаленныя одежды и нечесанную голову, насъ вовсе не разбирала охота входить съ нимъ въ какія-нибудь ближайшія сношенія, и хотя въ этотъ убійственный зной мы гораздо охотнѣе растянулись бы гдѣ-нибудь на зеленой травѣ въ густой тѣни сада, чѣмъ задыхаться въ жалкой арабской землянкѣ, продѣлывая неизбѣжный восточный этикетъ; но на любезность необходимо было отвѣчать любезностью, да и по обязанности туриста невозможно было упустить случай посмотрѣть на бытъ православнаго священника арабской деревни.

Священникъ живетъ тутъ же около своей старой и низенькой церкви, ничѣмъ не отличенной снаружи отъ другихъ до-

мовъ. Тутъ же напротивъ и школа, гдѣ православныхъ арабскихъ дѣтишекъ особый учитель-арабъ учитъ чтенію, письму и Закону Божію. Учитель—еще молодой и сравнительно образованный юноша. Онъ съ большимъ любопытствомъ и участіемъ провожалъ насъ при осмотрѣ и вмѣстѣ съ нами же отправился къ священнику.

Домъ священника—простая, только болѣе обширная арабская хата, слѣпленная изъ глины. Въ ея единственной комнатѣ полутьма и прохлада. Полъ, крѣпко убитый глиною, покрытъ цыновками, а кругомъ задней и боковой стѣнъ подушки и матрацы. Въ глубокой боковой нишѣ сложены одинъ на одинъ пуховики для постелей. Оригинальные, глиняные шкафчики самодѣльной работы, похожіе на первобытные улья, раздѣлены на клѣтки для помѣщенія кувшинчиковъ, кофейниковъ и всякой подобной посуды.

Старушка—жена священника и хорошенькая черноглазая дочка-невѣста, въ качествѣ христіанокъ, не прячутся отъ гостей, а свободно приняли насъ и пригласили сѣсть на полу, на почетныхъ мѣстахъ, подъ единственнымъ окошкомъ, хотя самъ хозяинъ еще не приходилъ, замѣшкавшись на улицѣ съ прихожанами. Тутъ же и сынъ его, взрослый малый въ изорванномъ заплатанномъ халатѣ и красной фескѣ. Всѣ они босые, и учитель босой. Хозяинъ вошелъ тоже босой, подалъ намъ руку, ласково улыбнулся и сѣлъ въ сторонкѣ. Молодой сѣсть не смѣлъ и стоялъ все время у двери. Пока хозяйка кипятила кофе, хозяинъ занималъ насъ разсказами черезъ посредство нашего драгомана Якуба; тотъ выполнялъ свою дипломатическую роль съ удивительною важностью и съ нескрываемымъ презрѣніемъ цивилизованнаго германца, носящаго пиджакъ и шляпу, къ босоногому дикарю-арабу.

— Въ приходѣ здѣшнемъ осталось теперь всего 300 православныхъ,—сообщилъ съ горестью священникъ.—Прежде было много больше, но католики отнимаютъ ежегодно. Недавно еще совратили въ свою вѣру 70 человѣкъ православныхъ. Съ ними

ничего не подѣлаешь, всѣ имъ помогаютъ. Денегъ у нихъ много, раздаютъ бѣднымъ деньги, заступаются за нихъ въ судахъ, снабжаютъ приданымъ бѣдныхъ невѣстъ. А у православныхъ ничего нѣтъ, самъ онъ едва существуетъ. Патріархъ и митрополитъ хорошо это знаютъ, да помочь не могутъ. Патріархъ недавно пріѣзжалъ, заходилъ въ церковь, обѣдалъ у священника. Съ нимъ и митрополитъ Назаретскій былъ. Богомольцы сюда заходятъ рѣдко и то почти все бѣдные. Ни отъ кого ничего! — со вздохомъ закончилъ этотъ, жалости достойный, пастырь.

Напившись кофе, мы простились съ бѣднымъ священникомъ, подаривъ ему на память о московскихъ гостяхъ нѣсколько французскихъ серебряниковъ, которыми онъ остался, кажется, очень доволенъ. Сынъ его и учитель пошли насъ проводить за деревню, къ фонтану, гдѣ ждали лошади и проводники.

Фонтанъ этотъ въ самой поэтической обстановкѣ, у входа въ большой тѣнистый садъ. Древній саркофагъ служитъ ему бассейномъ. И люди, и лошади, наслаждались всласть его прохладой. Мы тоже съ дѣтскою радостью растянулись на своихъ пледахъ въ зеленой тѣни густыхъ смоковницъ. Хозяинъ-арабъ любезно пригласилъ насъ въ свой кишѣвшій плодами садъ и не зналъ, чѣмъ угостить. Мы отказались отъ всѣхъ его предложеній и просили только воды, воды, воды.

Воды намъ носили безъ конца, въ ноздреватыхъ глиняныхъ кувшинчикахъ, потѣющихъ насквозь и всегда сохраняющихъ воду холодною. Но гостепріимный арабъ не удовольствовался этимъ и черезъ нѣсколько минутъ притащилъ намъ цѣлую корзину только-что нарванныхъ румяныхъ абрикосовъ. Они рдѣли такъ заманчиво, на темномъ фонѣ листьевъ, переполненные своимъ сладкимъ сокомъ, душистые и бархатистые, какъ щечки молодой красавицы, что мы, вопреки всѣмъ правиламъ осторожности, жадно накинулись на нихъ.

А тутъ еще какъ нарочно хозяйскій сынъ притащилъ изъ деревни кувшинъ кислаго молока, котораго намъ захотѣлось

раньше, прежде чѣмъ мы могли предвидѣть такое обильное угощеніе абрикосами. Неловко было его обидѣть, да и пить непобѣдимо хотѣлось,—пришлось похлебать и кислаго молока. Въ отвѣтъ мы угостили своихъ любезныхъ хозяевъ уцѣлѣвшею отъ Іерусалима бутылкою виѳлеемскаго вина, которую они быстро опустошили, не взирая на жаръ.

Мы порядочно-таки покейфовали въ этомъ очаровательномъ Галилейскомъ саду. Сладко и беззаботно дремалось подъ живыми зелеными опахалами чуть вѣявшихъ надъ нами густыхъ вѣтвей, среди широкаго бархатнаго ковра неподвижно дышащихъ травъ. Непроницаемыя стѣны уродовъ-кактусовъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ этотъ уютный садъ, охраняя насъ какъ добрыя сказочныя чудища. Яркимъ огненнымъ пламенемъ, будто деревья какого-то волшебнаго лѣса, горятъ на фонѣ синяго неба цвѣтущіе гранатники. Отовсюду льются ароматы, и сквозь всю эту колыхающуюся густоту, сквозь всѣ эти многоэтажные зеленые шатры, непобѣдимо проливается и добирается до насъ, вмѣстѣ съ этими южными ароматами, и синій зной раскаленнаго южнаго неба.

„Вертоградъ моей сестры,
Вертоградъ уединенный,
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатѣнный.
Лавръ и миртъ, и кинамонъ
Благовоніемъ богаты;
Лишь повѣетъ аквилонъ,—
И закапаютъ ароматы...

Вспоминалось мнѣ невольно сквозь сонъ прелестное Пушкинское переложеніе древняго поэта Палестины.

X.—Городъ Святой Дѣвы.

Европейскій видъ Назарета.—Колыбель христіанства.—Русскій домъ.—Католическій храмъ на мѣстѣ Благовѣщенья.—Домъ Богородицы и плотничья мастерская Іосифа.—Храмъ-синагога.—Колодезъ Пресвятой Дѣвы.

Мы двигаемся къ Назарету чудными мѣстами, но прескверною дорогою. Вездѣ кругомъ оживленіе и фиговые сады, вездѣ подъ ногами камни и рытвины.

Многолюдное селеніе Ер-Рейне на самой нашей дорогѣ, недалеко отъ Назарета. Тутъ уже нѣтъ не только садовъ, ни одного дерева. Глиняныя мазанки въ безчисленномъ множествѣ и съ оригинальною живописностью сбѣгаютъ по скатамъ холма.

Еще нѣсколько поворотовъ дороги, и передъ нами наконецъ Назаретъ,—городъ Святой Дѣвы.

Видъ Назарета одинъ изъ самыхъ радостныхъ и живописныхъ во всей Палестинѣ. Въ немъ нѣтъ того суроваго и сухого характера, какимъ глядятъ обыкновенно древніе Палестинскіе города, съ своими точно сбитыми въ кучу сѣрыми каменными домами безъ крышъ и оконъ, безъ оживляющей зелени. Тутъ вы не видите ничего средневѣковаго, тѣмъ менѣе библейскаго. Не видите и ничего восточнаго, магометанскаго.

Одинъ скромный минаретъ разглядишь съ трудомъ среди этихъ смѣло и свободно раскинутыхъ по горѣ веселыхъ бѣлыхъ домиковъ и христіанскихъ церквей, окруженныхъ зелеными садами, гораздо болѣе похожихъ на европейскіе городки Греціи и южной Италіи, чѣмъ на арабскій городъ Азіи.

Но если это сообщаетъ пейзажу современнаго Назарета много миловидности, то лишаетъ его за то, какъ историческій городъ, всякой типической физіономіи, совсѣмъ не напоминая теперь Галилейскаго городка Евангелія, смиренной родины Іосифа и Маріи.

Нужно думать, что Назаретъ измѣнилъ свою внѣшность и потерялъ свой Палестинскій характеръ только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ усилившагося значенія здѣсь европейцевъ и ихъ широкаго распространенія въ немъ. Въ описаніи Муравьева и на рисункѣ, приложенномъ къ путешествію А. С. Норова, онъ еще смотритъ совсѣмъ восточнымъ городкомъ.

Но теперь дружный напоръ англичанъ, французовъ, итальянцевъ, и близкое сосѣдство моря, на которомъ господство этихъ европейскихъ народовъ особенно ощутительно для Турціи, словно совсѣмъ отбили отъ нея христіанскій Назаретъ. Впрочемъ, населеніе Назарета, какъ и Виѳлеема, издревле оставалось въ большинствѣ православнымъ. И теперь изъ шести-семи тысячъ его жителей главная масса жителей арабы греческой церкви, остальные мароните, католики, протестанты и только третья часть мусульманъ. Лѣтъ 50 тому назадъ, при Муравьевѣ, вслѣдствіе предпріимчивой политики Франціи, католики были главными хозяевами Назарета и греческая церковь была отодвинута на задній планъ, но теперь греки замѣтно оправились, и православный митрополитъ Назаретскій пользуется большимъ значеніемъ и вліяніемъ въ глазахъ турокъ.

Кажется, изо всей Палестины въ одномъ Назаретѣ турки допускаютъ христіанъ совершать публично на улицѣ свои церковныя процессіи, во всемъ торжественномъ облаченіи, съ крестами и хоругвями, что̀ строго воспрещается въ Іерусалимѣ и другихъ городахъ.

Назаретъ расположенъ амфитеатромъ по южному скату довольно крутого горнаго хребта, въ широкой пазухѣ его. Черезъ это онъ виденъ снизу весь словно съ птичьяго полета. Прекрасныя громадныя зданія женскаго орфелината (пріютъ для сиротъ), устроеннаго англійской церковью, эффектно вѣнчаютъ наверху Назаретъ своими бѣлыми корпусами, черными кипарисами, зелеными садами. Это безспорно лучшій уголокъ Назарета съ самымъ чистымъ воздухомъ, съ самою широкою панорамою окрестности. Греческій кварталъ,повидимому, сохра-

нилъ за собою мѣсто стариннаго города, выше всѣхъ другихъ кварталовъ, сейчасъ же подъ англійскими постройками. Середину теперешняго Назарета заняли магометане, какъ и подобаетъ военному караулу побѣдителей, а латинцы съ маронитами заселяли западную и самую нижнюю часть города, такъ что исламъ теперь со всѣхъ сторонъ окруженъ, какъ кольцомъ, ежедневно разрастающимся здѣсь христіанствомъ. Назаретъ, дѣйствительно, долженъ стать вполнѣ христіанскимъ городомъ, ибо онъ по всей справедливости можетъ считаться колыбелью христіанства.

Не даромъ презрительное прозвище назорееvъ, данное евреями еще въ Евангельскія времена первымъ послѣдователямъ Христа, стало на востокѣ обычнымъ именемъ христіанъ. Въ Азіи ихъ до сихъ поръ называютъ «Назара».

«Изъ Назарета можетъ ли быть что доброе»? съ полною искренностью вопрошалъ Наѳанаилъ Филиппа, впервые повѣдавшаго ему о чудесахъ Христа.

Самого Христа евреи временъ Евангелія почти всегда называли Назорееmъ.

«Оставь, что Тебѣ до насъ, Іисусъ Назарянинъ!» говорили ему одержимые духомъ. Оттого даже надпись на Голгофскомъ крестѣ гласила о Іисусѣ Назарянинѣ, Царѣ Іудейскомъ.

Неудивительно поэтому, что европейскіе «Назара» стараются окончательно овладѣть своимъ древнимъ родовымъ гнѣздомъ, которое арабы величаютъ «Ен-Назара».

Мы проѣзжаемъ къ своему «русскому дому» черезъ густо населенный греческій кварталъ. Митрополитъ выходилъ въ это время изъ своего дома, окруженный важными сѣдыми старцами, въ черныхъ рясахъ и камилавкахъ. Рядомъ съ митрополіей церковь и большое зданіе духовнаго училища, откуда безчисленныя дѣтишки высыпали подъ благословеніе владыки.

Мы раскланялись съ владыкой съ высоты своихъ сѣделъ и спросили у его спутниковъ, куда ѣхать.

— Хотите къ митрополиту, хотите въ русскій домъ!—отвѣчалъ намъ одинъ изъ старцевъ.—Митрополитъ охотно принимаетъ богомольцевъ.

Но намъ казалось гораздо удобнѣе расположиться и отдохнуть на свободѣ, тѣмъ болѣе, что митрополитъ, очевидно, отправлялся куда-нибудь по дѣлу, а хозяйничать безъ него было не совсѣмъ пріятно.

Русскій домъ оказался на другомъ концѣ города, чуть не за городомъ, такъ что, прежде чѣмъ добраться до него, мы хорошо познакомились со всѣмъ Назаретомъ.

Возмутительная грязь, неустройство и распущенность царствуютъ въ этомъ домѣ. Еслибы мы не были такъ безконечно утомлены и уже не разсѣдлали лошадей своихъ, то бѣжали бы изъ него, куда глаза глядятъ. Можетъ быть, его еще не успѣли привести въ порядокъ, потому что только недавно пріобрѣли эту стоянку для богомольцевъ, только трудно описать наше негодованіе, когда въ полной увѣренности найти въ городѣ Святой Дѣвы мирный и удобный пріютъ, подобный Іерихонскому или Іерусалимскому, мы вдругъ очутились въ какомъ-то цыганскомъ логовищѣ и оказались на попеченіи единственной старухи-арабки, нечистоплотной и непристойной до-нельзя. Кое-какъ мы заставили ее и людей нашихъ водворить въ комнатахъ нѣкоторый порядокъ и съ большимъ трудомъ могли добиться самыхъ обыкновенныхъ и необходимыхъ для насъ вещей. Во всякомъ случаѣ, намъ было крайне необходимо отдохнуть порядкомъ, напиться хорошенько чаю, поѣсть горячаго супу, поспать подольше, а то послѣ Ѳавора мы, строго говоря, почти не спали, почти не ѣли, какъ слѣдуетъ. Съ помощью нашего драгомана и молодца каваса, который совсѣмъ по-военному заставлялъ поворачиваться старую арабскую вѣдьму, мы добыли наконецъ все, что намъ было нужно, наѣлись, напились и отдохнули, отложивъ до слѣдующаго дня посѣщеніе святынь Назаретскихъ.

Главныя святыни Назарета до сихъ поръ въ рукахъ като-

ликовъ. Крестоносцы, отнявъ силой меча Палестину и Галилею у сарацынъ, въ то же время отобрали у греческаго духовенства почти всѣ святыя мѣста. Галилея съ Назаретомъ досталась тогда въ удѣлъ знаменитому Танкреду, витязю, столь же храброму, сколько и богомольному.

Крѣпости и города были потомъ отобраны отъ европейцевъ, а церкви и монастыри остались въ прежнихъ рукахъ. Даже мѣсто Благовѣщенія и жилища Богоматери, гдѣ нѣкогда возвышался великолѣпный греческій храмъ Юстиніана, принадлежитъ теперь французскому монастырю.

Впрочемъ, надо отдать честь католикамъ, они поддерживаютъ съ великимъ рвеніемъ и большими жертвами назаретскія святыни. Ихъ храмъ Благовѣщенія богато убранъ и украшенъ рѣдкою живописью. Храмъ этотъ въ 3 яруса: изъ средняго яруса вы поднимаетесь двумя роскошными мраморными лѣстницами въ верхній главный придѣлъ св. Гавріила-архангела; третья широкая лѣстница, такого же бѣлаго мрамора, спускается по серединѣ въ подземный ярусъ церкви. Тамъ пещера, гдѣ жила въ евангельскіе дни Святая Дѣва. Теперь она, конечно, обращена въ церковь. Еврейскіе дома того времени были почти всѣ на половину вдѣланы въ толщу скалы... Эти-то несокрушимыя природныя стѣны жилища Богоматери и уцѣлѣли подъ сводами храма. Потолокъ его тоже камень скалы. Но мраморъ, которымъ обдѣлана нижняя церковь, мало оставилъ наружи этого священнаго историческаго камня...

Католическія легенды повѣствуютъ, что послѣ неудачи послѣдняго крестоваго похода (въ 1219 году.) когда нечестивые мусульмане окончательно восторжествовали надъ усиліями христіанъ и отняли у нихъ назадъ всѣ Палестинскія святыни, надъ теперешнею пещерою Богоматери стоялъ ея подлинный домъ, который ангелы тогда же перенесли въ благочестивую Италію, дабы избавить его отъ поношеній невѣрующихъ. Въ итальянскомъ городѣ Лоретто безчисленные пилигримы изо всѣхъ странъ Европы до сихъ поръ стекаются на поклоненіе

этому перенесенному ангелами «дому Богородицы». Весьма возможно, что добычливые венеціанцы или генуэзцы, которые перевезли во время крестовыхъ походовъ на свою родину не одну священную реликвію Палестины, перенесли туда же на своихъ всюду рыскавшихъ галерахъ и всѣ сколько-нибудь переносныя части возстановленнаго византійцами дома Богородицына.

Жилище Св. Дѣвы раздѣлено на нѣсколько очень тѣсныхъ помѣщеній. Входная часть побольше другихъ и называется пещерою Ангела. Направо и налѣво въ ней стоятъ маленькіе престолы, одинъ въ честь Гавріила-архангела, другой въ честь Праведнаго Іоакима, Отца Св. Дѣвы. Изъ нея входятъ въ крошечную пещерку Благовѣщенія, всю увѣшанную богатыми разноцвѣтными лампадами. Онѣ очень эффектно освѣщаютъ прекрасную картину Благовѣщенія какого-то стариннаго итальянскаго мастера.

Мѣсто, гдѣ, по преданію, стоялъ благовѣститель Архангелъ, обозначено древнею колонною. Обломокъ другой колонны красноватаго гранита виситъ со свода въ двухъ шагахъ отъ первой. На этомъ мѣстѣ, по увѣренію нашего проводника, стояла Св. Дѣва въ ту минуту, когда ей явился Ангелъ. Этотъ обломокъ издревле почитается чудотворнымъ. Магометане поклоняются ему также усердно, какъ и христіане. Впрочемъ, есть основаніе думать, что колонны эти просто остатки прежняго византійскаго храма, временъ Елены или Юстиніана. Къ тому же русскіе паломники, какъ Муравьевъ и Норовъ, считаютъ мѣстомъ, гдѣ стояла Св. Дѣва въ минуту Благовѣщенія, мраморный кругъ подъ престоломъ часовни, а не висячую колонну, которую они называютъ колонной Архангела. И я думаю, что такое толкованіе гораздо правдоподобнѣе, ибо престолъ скорѣе всего долженъ былъ воздвигнуться надъ самымъ священнымъ мѣстомъ пещеры точно такъ, какъ въ Виелеемѣ надъ самымъ мѣстомъ рожденія Спасителя, одинаково обозначенномъ подпрестольною звѣздою.

На обложенной мрамором стѣнѣ подземной часовеньки изображена буквами краткая и выразительная надпись изъ Евангелія Іоанна—«Hic verbum caro factum est» (Здѣсь слово—плоть бысть).

За пещерой Благовѣщенія—еще пещера, гдѣ жилъ и училъ ребенка-Іисуса Іосифъ-Обручникъ. Ему тутъ и устроенъ маленькій престолъ, а золотая латинская надпись на стѣнѣ гласитъ: «hic erat subditus illis», т. е. «здѣсь Онъ былъ въ повиновеніи у нихъ» (изъ Евангелія Луки).

Когда изъ пещеры Іосифа проходишь узкою лѣстницею во дворъ монастыря, то при поворотѣ лѣстницы налѣво видна еще пещера, нѣсколько глубже другихъ, которую преданіе считаетъ кухнею Св. Дѣвы...

Монахъ-нѣмецъ, объяснявшій намъ всѣ эти преданія старины, старался, впрочемъ, показать, что самъ не придаетъ имъ особенной вѣры, а видитъ въ нихъ только благочестивое стремленіе вѣрующихъ разыскать и сохранить малѣйшіе слѣды Евангельскихъ событій.

Мы просили его проводить насъ въ другую католическую церковь, основанную на мѣстѣ плотничьей мастерской Іосифа-Обручника.

Самъ патеръ не могъ почему-то исполнить нашей просьбы, а отрядилъ съ нами какую-то кругленькую и проворную, какъ шарикъ, монашескую фигуру, подпоясанную веревкой, но безъ башмаковъ на ногахъ и безъ шапки на сѣдой головѣ... Старичекъ бѣжалъ впереди насъ своими босыми ногами по каменистымъ крутымъ переулкамъ, такъ быстро, что мы не успѣвали слѣдовать за нимъ. Онъ привелъ насъ въ другую латинскую церковь, зависящую отъ того же монастыря францисканцевъ... Въ сущности, мастерская Іосифа не оставила здѣсь никакихъ слѣдовъ, кромѣ того только, что церковь воздвигнута на ея развалинахъ. Въ одной изъ двухъ комнатъ этой «мастерской» виситъ хорошая картина Христа-ребенка, погруженнаго въ ра-

боту. Сама церковь внутри тихаго дворика за каменною стѣною, въ которой пробита маленькая калитка...

Чтобы добраться до 3-й церкви, хранящей въ себѣ слѣды Евангельскихъ событій, нужно было долго и терпѣливо лѣзть наверхъ, на самый край Назарета... По дорогѣ мы заглянули въ древнюю синагогу, по преданію, ту самую, гдѣ Христосъ смутилъ своимъ неожиданнымъ откровеніемъ мудрецовъ и книжниковъ непризнававшаго Его родного города.

«И пришелъ въ Назаретъ, гдѣ былъ воспитанъ, и вошелъ по обыкновенію своему въ день субботный въ синагогу, и всталъ читать».

«Ему подали книгу пророка Исаіи и Онъ, раскрывъ книгу, нашелъ мѣсто, гдѣ было написано:» Духъ Господень на Мнѣ, ибо Онъ помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ, и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдывать лѣто Господне благопріятно».

«И закрывъ книгу и отдавъ служителю, сѣлъ; и глаза всѣхъ въ синагогѣ были устремлены на Него».

Синагога обращена теперь тоже въ церковь и принадлежитъ маронитамъ.

Маронитамъ же принадлежитъ дальняя церковь, гдѣ намъ показали посрединѣ храма большую каменную глыбу, или скорѣе известковую скалу съ неправильными углубленіями, служившую, по преданію, трапезою Христа и апостоловъ, когда они бывали въ Назаретѣ.

Здѣсь еще обращаетъ на себя вниманіе очень древняя и глубоко почитаемая икона Спаса-Нерукотвореннаго, списанная будто-бы еще въ Евангельскія времена съ подлиннаго образа Спасителя, который апостолъ Ѳаддей снялъ по просьбѣ Авгаря, Царя Армянскаго, и понесъ ему въ Эдессу.

Не много дальше и выше этой церкви, надъ городомъ, показали намъ скалистый обрывъ, надъ пропастью, откуда хотѣли свергнуть Христа разъяренные фарисеи за то, что Онъ

укорялъ ихъ въ невѣріи. «Истинно говорю вамъ: никакой пророкъ не принимается въ своемъ отечествѣ»...

«Услышавъ сіе, всѣ въ синагогѣ исполнились ярости. И, вставъ, выгнали Его вонъ изъ города и повели на вершину горы, на которой городъ ихъ былъ построенъ, чтобы свергнуть Его»...

На этомъ мѣстѣ сооружена теперь часовня.

Отъ церкви маронитовъ нужно было повернуть назадъ и опять проходить насквозь весь городъ, чтобы черезъ греческій кварталъ достигнуть далекой сѣверо-восточной оконечности Назарета, гдѣ помѣщается греческая церковь надъ источникомъ Богоматери.

Когда мы проходили мимо палатъ митрополита и новой греческой церкви, на дворѣ его дома толпилось безчисленное множество маленькихъ арабовъ съ своими учителями, высыпавшихъ изъ школы. Они отчаянно кричали хоромъ на весь городъ православныя молитвы, такъ что, навѣрное, всѣ мирно спавшіе полуденнымъ сномъ назаретскіе обитатели давно вскочили отъ этого живого набата.

Греки отстояли въ Назаретѣ только одно, но, по-моему, самое характерное и самое несомнѣнное изъ всѣхъ священныхъ мѣстъ города Св. Дѣвы, именно Ея колодезь. Это единственный источникъ, изъ котораго Назаретъ черпалъ и черпаетъ свою воду. Стало быть, и Святая Дѣва ежедневно должна была спускаться къ нему изъ своего горнаго убѣжища и наполнять въ немъ свои водоносы... Христосъ-младенецъ, Христосъ-отрокъ, Христосъ-юноша—также долженъ былъ часто проводить свои часы у этого обычнаго мѣста свиданія и бесѣды мѣстнаго населенія... Къ тому же источникъ этотъ у самой дороги въ Кану и Тиверіаду; миновать его нельзя ни одному путнику.

Греческая церковь устроена въ широкихъ размѣрахъ и

богато убрана. Особенно замѣчательна художественная узорная рѣзьба иконостаса изъ какого-то темнаго драгоцѣннаго дерева. Алтарей тутъ нѣсколько. Изнутри храма открывается спускъ въ нижнюю пещеру, роскошно обдѣланный мраморомъ и старинными изразцами. Пещера эта и есть главная святыня храма. Сюда приходила Святая Дѣва черпать воду изъ глубокой впадины ключа. Такъ какъ греки, изъ соревнованія съ католиками, переносятъ въ свою церковь и легенду о Благовѣщеніи, то нижній престолъ, разумѣется, посвященъ этому Евангельскому событію и увѣшанъ вѣчно пылающими дорогими лампадами. Сквозь особое отверстіе въ мраморномъ полу, окруженное рѣшеткой, опускается въ незримую глубину чаша на цѣпочкѣ и черпаетъ тамъ воду священнаго источника. Вода эта удивительно пріятна и прохладна. Богомольцы не только пьютъ ее, но и омываютъ ею глаза и голову, въ огражденіе себя отъ болѣзней.

Прежде спускались по крутой и темной каменной лѣстницѣ до самаго ключа, но теперь эта лѣстница заперта. Другой спускъ къ ключу черезъ рѣшетку, продѣланную среди пола пещерки.

Все это отзывается обычаями и нравами глубокой древности и носитъ на себѣ неподдѣльный мѣстный колоритъ.

Странное дѣло! вотъ уже нѣсколько разъ при обзорѣ святыхъ мѣстъ Палестины меня поражаютъ вездѣ, въ Іерусалимѣ, въ Виелеемѣ, въ Назаретѣ, одни и тѣ же впечатлѣнія. Гдѣ только устроятся католики, тамъ все чисто, прилично, прекрасно, все обдуманно и все богато, но за то, вмѣстѣ съ пылью и грязью, словно выметается навсегда и прахъ историческихъ воспоминаній.

Въ благоустроенныхъ и чинно содержимыхъ католическихъ церквахъ Назарета ничто не переноситъ вашего воображенія въ минувшіе вѣка, ничто не возстановляетъ передъ вами наглядно и живо протекшихъ Евангельскихъ событій. У грековъ какъ разъ наоборотъ: много неустройства, безпорядка, распущенности и запущенности; но въ общемъ удивительно сохра-

няется на всемъ таинственная печать давно прошедшихъ вѣковъ и потому греческія святыни производятъ на васъ гораздо болѣе глубокое и гораздо болѣе характерное впечатлѣніе. Такъ и бросается въ глаза, что эти пришлые съ далекаго запада латинцы—всѣмъ внутреннимъ существомъ своимъ, всею своею исторіею чужды простодушному восточному міру, что они никогда не въ силахъ постигнуть и усвоить себѣ его скромныхъ наивныхъ вкусовъ, его излюбленнаго типа святыни; и что напротивъ православный грекъ, православный сирійскій арабъ, законные вѣковѣчные наслѣдники и туземцы востока, выросшіе на томъ же старомъ корнѣ, на которомъ стоялъ здѣшній древній міръ, безъ всякаго труда и усилія повторяютъ въ своихъ созданіяхъ и сохраняютъ на память будущимъ вѣкамъ прирожденные типы и идеалы востока.

По крайней мѣрѣ, признаюсь искренно, ни одна изъ посѣщенныхъ мною многочисленныхъ католическихъ святынь Назарета не произвела на меня всѣмъ своимъ золотомъ и всею своею живописью такого полнаго и живого впечатлѣнія, какъ одинъ этотъ глубоко спрятанный въ нѣдрахъ скалы колодезь Пресвятой Дѣвы съ его неудобными темными лѣстницами и грубою желѣзной кружкою на цѣпи.

Такъ и нарисовалась передо мною вся мирная однообразная жизнь глухого Галилейскаго уголка съ его интересами бѣднаго трудоваго хозяйства, съ его простыми, тихими радостями немудрствующей жизни.

Смуглыя черноглазыя дѣвы съ высокими кувшинами на плечахъ сходятъ и всходятъ медленной чредою по вырубленнымъ въ скалѣ ступенькамъ... Группы босоногихъ чернокудрыхъ дѣтишекъ играютъ у фонтана, созерцая въ нѣмомъ удивленіи отдыхающій караванъ далекихъ чужестранныхъ людей, въ невѣдомыхъ одеждахъ, съ невѣдомыми товарами, прибывшихъ невѣдомо откуда и уходящихъ невѣдомо куда. И среди этихъ дѣвъ, среди этихъ дѣтей, выдѣляется тихо двигающаяся въ своихъ бѣлыхъ покрывалахъ прекрасная Маріамъ, цѣломудрен-

ная невѣста Іосифа, и загадочно устремленный въ пространство взоръ младенца-Іисуса.

Когда мы вышли изъ церкви Архангела Гавріила и прошли какую-нибудь сотню шаговъ до Ѳаворской дороги, гдѣ святой ключъ, вытекающій изъ-подъ церкви, образуетъ большой открытый для всѣхъ прохожихъ фонтанъ Св. Дѣвы, то я вдругъ увидѣлъ вокругъ него воочію всѣ свои олицетворенныя мечты: и смуглыхъ дѣвъ съ водоносами, и черноволосыхъ мальчугановъ, и даже отдыхающій караванъ какихъ-то далекихъ путниковъ.

Сюда, къ этому священному живительному ключу, и теперь, какъ въ вѣка глубокой старины, сходятся, какъ къ естественному центру всей окрестной жизни, какъ къ бьющемуся живому сердцу земли, всѣ — и туземцы, и странники, и люди, и звѣри.

XI.—Гора Кармилъ.

Яффа Назаретская.—Римская дорога.—Хребетъ Кармила и Киссонскій потокъ.—Могучій образъ Ильи Пророка.—Городъ Кайфа.—У русскаго консула.—Нѣмецкая колонія въ Азіи.—Монастырь Кармелитовъ.—Придѣлъ Абиссинцевъ.—„Школа Пророковъ“.

Мы покинули Назаретъ чуднымъ раннимъ утромъ. Міръ радостно сіялъ въ лазури молодого неба и въ золотыхъ огняхъ утренняго солнца. Чистенькій городокъ Пречистой Дѣвы казался дѣвственно бѣлымъ, какъ невѣста въ свадебномъ уборѣ, на фонѣ своихъ зеленыхъ садовъ и горъ. Радостно было и у насъ на сердцѣ.

Передъ нами былъ послѣдній перевалъ верхомъ, послѣдняя стадія нашего далекаго Палестинскаго паломничества. Широкое голубое море ждало насъ впереди со своими вольными волнами

и быстрокрылыми пароходами, взамѣнъ гористыхъ и каменистыхъ дорогъ и мучительнаго карабканія утомленныхъ лошадей.

Мы завершаемъ сейчасъ давно желанное и трудное дѣло, владѣвшее всѣмъ нашимъ существомъ, и завтра начинаемъ свое радостное возвращеніе домой. Палестину съ ея пустынными, меланхолическими видами, съ ея своеобразнымъ колоритомъ библейской и евангельской поэзіи, мы уносимъ теперь въ глубокихъ нѣдрахъ своего сердца, какъ неизгладимое сладостное воспоминаніе цѣлой жизни. Она легла въ нашу душу новымъ могучимъ слоемъ никогда еще не испытанныхъ впечатлѣній, она дала намъ въ наслѣдіе цѣлый, дотолѣ невѣдомый намъ, міръ...

И тѣмъ нетерпѣливѣе, тѣмъ страстнѣе хочется теперь вернуться на далекую сѣверную родину свою, съ этою драгоцѣнною добычею, которую благоговѣйно, какъ святые дары, хранишь внутри...

Долго провожаетъ насъ съ своихъ горныхъ высей утонувшій въ кипарисахъ живописный бѣлый домъ англійскаго сиротскаго пріюта, вѣнчающій, будто цвѣтущей короной, этотъ бѣлый и зеленый городокъ...

Вотъ мы спускаемся въ глубокую долину, заманчиво зеленѣющую своими садами; хорошенькая вилла какого-то богатаго европейца такъ кстати пріютилась въ самомъ эффектномъ и тѣнистомъ уголку этой мирной долинки: плоскокрышіе домики арабской деревни живописно покрываютъ скатъ и макушку сосѣдняго холма... Это «Яффа Назаретская», обычное мѣсто прогулки для Назаретскихъ жителей. Осторожно и съ трудомъ спускаемся мы на дно этой крутой долины. Дорога кишитъ женщинами. Рослыя, сильныя, красиво одѣтыя, онѣ поднимаются увѣреннымъ и привычнымъ шагомъ по горнымъ дорожкамъ, съ чашами кислаго молока на головахъ, спѣша на базаръ Назарета.

Въ Яффѣ—только единственный сколько-нибудь неудобный

спускъ. За нею очень скоро мы выѣхали на широкую дорогу, разработанную недавно для экипажей, отъ Кайфы до самаго Назарета. Еслибы я зналъ это въ Іерусалимѣ, то не нанималъ бы провожатыхъ до Кайфы, а только до Назарета, а еслибы узналъ даже въ самомъ Назаретѣ, то избавилъ бы по крайней мѣрѣ жену отъ послѣдняго, самаго для нея невыносимаго, перевала верхомъ. Но ни драгоманъ, ни кавасы не промолвились ни однимъ словомъ о существованіи колесной дороги отъ Назарета къ морю; очевидно, они сами увѣдали объ этомъ впервые, неожиданно очутившись вмѣстѣ съ нами на широкой и ровной дорогѣ.

Тѣмъ не менѣе, гладкая дорога, возобновленная изъ древняго римскаго шоссе, дала себя сейчасъ же знать, и мы на радостяхъ пустились по ней бойкою рысью. Теперь мы находимся въ прославленной библейской «долинѣ Ездрелонской», отдѣляющей гору Кармилъ отъ хребта Назаретскихъ и вообще Галилейскихъ горъ.

Налѣво отъ насъ знаменитый «потокъ Киссонскій», освященный грозными дѣяніями грознаго пророка Иліи, а сейчасъ за нимъ высятся суровые обрывы горы Кармила, этого заоблачнаго жилища великаго пророка Израиля.

Кармилъ—не одинокая гора, какою я представлялъ ее себѣ, а цѣлая горная цѣпь значительной высоты, въ 22 версты длиною.

Характерный выступъ ея въ Средиземное море, столь знакомый Палестинскимъ паломникамъ, проѣзжающимъ на пароходахъ въ Яффу,—только ничтожная часть ея, одинъ только крайній мысъ, которымъ она понижается и обрывается въ волны моря.

Множество мусульманскихъ «уэли», часовень въ память святыхъ шейховъ, бѣлѣетъ среди лѣсовъ на далекихъ вершинахъ горы.

Тамъ наверху цѣлая область съ селеніями, полями, лѣсами, долинами и холмами, поднятыми въ облака.

Она покрыта древними развалинами разныхъ вѣковъ и народовъ, которыхъ уже и археологія не въ силахъ разобрать. Кармилъ всегда зеленъ, даже въ изсушающіе лѣтніе мѣсяцы Палестины. Его напоятъ влажное дыханіе окружающаго его теплаго голубого моря и множество водныхъ источниковъ, зарождающихся въ его тѣнистыхъ вершинахъ.

Самое имя его значитъ «садъ».

Красоту его воспѣвали еще библейскіе пророки, и въ самой глубочайшей древности онъ уже былъ «священною горою Господа». Онъ былъ первый всегда виденъ съ моря подплывающимъ кораблямъ, и среди двухъ смежныхъ пустынь—земли и водъ—долженъ былъ, дѣйствительно, казаться таинственнымъ престоломъ Бога.

Въ первые вѣка христіанства тутъ даже гнѣздился странный культъ какого-то «бога-Кармила», отвергавшаго алтари и статуи, и дававшаго прорицанія черезъ своихъ жрецовъ прямо подъ открытымъ небомъ, среди горной пустыни. Веспасіанъ, разрушитель іудейскаго царства, совѣтовался съ этимъ кармильскимъ оракуломъ.

Въ дни пророковъ израильскихъ—это была «гора убѣжища» своего рода. Сюда, подъ покровъ Всемогущаго Саваоѳа, спасались отъ преслѣдованія нечестивыхъ царей. Безчисленныя пещеры, которыми были изрыты неприступные обрывы Кармила и непроходимыя лѣсныя дебри его безопасно укрывали гонимыхъ. Здѣсь, въ сообществѣ львовъ и орловъ, царей горной пустыни, скитался и пророкъ Илія, безтрепетный обличитель Ахава и Іезавели. Здѣсь безуспѣшно искали его воинскіе отряды царя Охозіи, одинъ за однимъ истребленные, по сказанію Библіи, огнемъ небеснымъ.

Величественна и глубоко-поразительна эта картина безстрашной борьбы несокрушимой силы духа одинокаго человѣка,—вдох-

новеннаго своею идеею, со всею властью и силою могущественныхъ деспотовъ Израиля.

Самуилъ и Илія—это двѣ колоссальныя фигуры пророковъ библейскихъ, обличавшіе и каравшіе царей, стоявшіе въ глазахъ своего народа прямыми посредниками между людьми и Іеговой.

Но если въ властительномъ духѣ Самуила сказывалась непобѣдимая широта и мощь сухихъ знойныхъ пустынь, среди которыхъ жилъ онъ, на священномъ гнѣвѣ пророка Иліи, вѣчно возставававшаго на брань противъ нечестія израилева, носившаго съ собою громы Божіи на казнь Его ослушниковъ, отразились еще во всей своей сокрушающей силѣ бури безбрежнаго моря, осаждавшаго кругомъ каменный Кармилъ, и огненныя южныя грозы, разражавшіяся надъ безлюдными вершинами его любимой горы.

Вотъ мы теперь все ближе и ближе подъѣзжаемъ къ Кармилу и уже переѣхали на ту сторону потока Киссонскаго. Теперь намъ видны какъ на ладони пустынные обрывы, глухія пропасти, голыя каменныя ребра священной горы. Тѣнь великаго пророка-пустынника, пророка-изгнанника, бродитъ, кажется, и теперь по этимъ безплоднымъ вершинамъ, по этимъ безмолвнымъ лѣсамъ.

Я вижу отсюда очами своего воображенія этого грознаго ветхозавѣтнаго старца съ обнаженной головой и обнаженными ногами, обросшаго волосами какъ лѣсной звѣрь, его единственный сожитель.

Царь Охозія спрашиваетъ своихъ посланцевъ, передающихъ ему страшное пророчество невѣдомаго странника: «Каковъ ви«домъ тотъ мужъ, который встрѣтилъ васъ и сказалъ вамъ эти «словеса?» И отвѣчали ему: «*мужъ косматый, препоясанный «*ременнымъ *поясомъ по чреслам*ъ *своимъ*». И воскликнулъ царь: «это Илія Фесвитянинъ!»

Когда Авдій, домоправитель царя Ахава, встрѣтилъ Илію на своемъ пути, онъ также узнаетъ пророка:

«Былъ Авдій одинъ на дорогѣ и Илія одинъ шелъ ему на встрѣчу. И Авдій, увидя, палъ на лицо свое и сказалъ: ты ли это, Илія, господинъ мой»?

Всѣ узнаютъ его по одному его грозному и характерному виду.

Поучителенъ для психолога и историка этотъ неукротимый духъ, охваченный словно какимъ-то неугасимымъ внутреннимъ пламенемъ, — одною страстною мыслью, — величіемъ и славою своего Іеговы, единаго Бога истины, во имя котораго онъ, не колеблясь, съ фанатическимъ одушевленіемъ, проливаетъ рѣки крови людской.

И сказалъ Илія къ людямъ: «возьмите пророковъ Ваалових, дабы ни одинъ изъ нихъ не скрылся; и взялъ ихъ Илія и повелъ на потокъ Киссонъ и закололъ ихъ тамъ», съ выразительной и ужасной краткостью передаетъ Книга Царствъ.

А ихъ было «пророки студные Вааловы четыреста и пятьдесятъ, и пророки дубравные — четыреста, ядущихъ трапезу Іезавелину».

Во всякомъ случаѣ потребна неимовѣрная духовная сила, неимовѣрное могущество воли, чтобы превзойти предѣлы всего человѣческаго и сойти еще въ глазахъ своихъ современниковъ, видѣвшихъ и осязавшихъ его своими перстами, за существо почти безплотное, способное питаться пищею ворона, за чудотворца, воскрешавшаго мертвыхъ, за небожителя своего рода, восхищеннаго на небо въ колесницѣ огненной, обращеннаго фантазіей народа въ настоящаго бога грома и молніи, въ «Илью-Надѣлящаго» русской миѳологіи, катающагося по облакамъ въ своей колесницѣ и принимающаго отъ народа жертвы за ниспосланную ему жатву.

Черезъ 1.000 лѣтъ, на Ѳаворѣ, тотъ же колоссальный образъ грознаго пророка Божія является въ вѣрованіяхъ народныхъ вмѣстѣ съ Моисеемъ, участникомъ славы новаго посланника Божія. Такое неизгладимое впечатлѣніе вставилъ онъ въ па-

мяти народа, что безъ него уже немыслимо ни небо Іеговы, ни пришествіе Мессіи, ни самый страшный судъ Божій. Вездѣ необходимо участіе этого неукротимаго пророка-карателя съ его небесными громами.

Мы то-и-дѣло останавливаемся для отдыха въ тѣни прекрасныхъ садиковъ, подъ густыми фигами и гранатниками. Дорога ходкая, спорая, Кайфа уже недалеко, а часъ парохода еще не близокъ. Мы ѣдемъ почти все землями одного и того же богача сирійца, котораго наши арабы называютъ Суръ-Сукъ. Громадныя пространства принадлежатъ ему здѣсь. Онъ не живетъ здѣсь самъ, а пріѣзжаетъ только на уборку пшеницы. Намъ показали въ одномъ изъ садовъ хорошенькій домикъ, устроенный для пріѣзда его.

Когда мы перевалили черезъ тѣнистую лѣсную горку, въ чащахъ которой съ наслажденіемъ покейфовали часъ-другой, передъ нами далеко внизу вдругъ сверкнула, будто радостная молодая улыбка, голубая гладь Средиземнаго моря. Оно казалось еще болѣе голубымъ, еще болѣе очаровательнымъ отъ рамы желтыхъ береговыхъ песковъ. Бѣлые, словно игрушечные, домики Кайфы ярко вырѣзались на его густой бархатистой лазури у тяжкаго подножія Кармила.

Мы теперь не выходимъ изъ его царства, мы двигаемся все время подъ его величественной и суровой сѣнью. Онъ дышетъ на насъ сверху, изъ-подъ облаковъ небесныхъ, могучимъ дыханіемъ своей горной пустыни, своихъ недоступныхъ лѣсовъ, священными легендами и тѣнями своей ветхозавѣтной исторіи.

Фантазія моя теперь въ такомъ же безъисходномъ плѣну у него, какъ и наша дорога, смиренно лѣпящаяся подъ его могучею скалистою пятою, среди каменнаго сора, который буря и дожди стряхиваютъ съ его тысячелѣтняго скелета.

Море, хотя и видно, однако до него не сейчасъ добѣжишь. Пришлось еще разъ сдѣлать порядочно долгій привалъ въ Болакъ-ель-Шейхѣ. Деревушка эта совсѣмъ спрятана въ каменной складкѣ Кармила. Прекрасный источникъ воды, которымъ, навѣрное, не разъ утолялъ здѣсь жажду пророкъ-скиталецъ, бьетъ изъ глубокихъ нѣдръ скалы, немного ниже деревни. Мы, разумѣется, остановились около этого фонтана, на зеленомъ просторѣ, въ тѣни фиговыхъ деревьевъ, а не въ грязной цыганской деревушкѣ. Сквозь бѣглый полуденный сонъ мерцало передъ нашими глазами близкое теперь голубое море, котораго освѣжающій вѣтерокъ уже долеталъ и сюда, подъ горячія скалы Кармила,—убаюкивая насъ, какъ дѣтей нянина сказка, вмѣстѣ съ чуть слышнымъ однообразнымъ рокотомъ морского прибоя.

Кайфа наконецъ у насъ вся передъ глазами; она засѣяла своими бѣлокаменными домиками весь лѣвый мысъ обширнаго голубаго залива, отдѣляющаго Кармилъ отъ далекихъ, въ туманѣ мерцающихъ, минаретовъ Акры, деревней Птолемаиды, помѣстившейся на правомъ мысу того же круглаго залива.

Теперешняя Кайфа—городокъ молодой, невѣдомый старымъ путешественникамъ. Но высокія пальмы, характерно окаймляющія ея низменный берегъ, говорятъ ясно, что это уютное мѣстечко, одинаково соблазнительное для рыболова и торговца, должно было заселиться очень давно. Во всякомъ случаѣ, своими тихо-вѣющими финиковыми пальмами и своею тихою приморскою пристанью — она смотритъ настоящимъ городкомъ древней Финикіи, на берегу которой выросла она. Въ классической древности здѣсь стоялъ малоизвѣстный городъ Сикаминумъ, а въ дни крестовыхъ походовъ Танкредъ взялъ здѣсь осадой маленькую крѣпостцу Гайфу, которая послѣ Гаттинской битвы попала опять подъ власть сарацынъ.

Драгоманъ совѣтовалъ ѣхать прямо къ русскому консулу, что́ мы и исполнили въ точности. Селимъ-хури, русскій кон-

сулъ, — природный арабъ. Домъ его почти съ самаго края города. Онъ принялъ насъ очень радушно и горячо извинялся за безпорядки русскаго пристанища въ Назаретѣ. Домъ тамъ былъ только-что нанятъ, и завѣдывающій имъ еще не успѣлъ пріѣхать туда. Жена Селимъ-хури довольно красивая «бѣлая арабка», какъ называютъ русскіе здѣшнихъ сирійцевъ. Она свободно обходится съ чужими, не прячась подъ восточную фату, и даже обѣдала рядомъ съ нами въ европейскомъ пальто, сверхъ арабскаго халата. Она ласково и добродушно ухаживала за моею женою. Прежде всего нужно было розыскать доктора. Селимъ-хури вспомнилъ, что въ Кайфѣ проживаетъ какой-то «русскій докторъ», и послалъ за нимъ. Но пока онъ явился черезъ нѣсколько часовъ, къ намъ то-и-дѣло жаловали другіе, менѣе желанные гости. Сначала пришелъ греческій священникъ въ черной камилавкѣ съ крошечнымъ золотымъ крестикомъ и кропиломъ. Онъ прочиталъ намъ коротенькую молитву, окропивъ насъ святою водою, и поздравилъ съ пріѣздомъ. За нимъ ввалился съ жалобой къ консулу «*русскій* шкиперъ», какъ двѣ капли воды похожій на морскаго разбойника изъ греческаго архипелага, и дѣйствительно грекъ 96-й пробы, ни слова не говорящій по-русски, и даже никогда не слыхавшій ни одного русскаго слова.

«*Русскій докторъ*» Шмидтъ оказался такимъ же *русскимъ*, какъ «*русскій консулъ*»—арабъ Селимъ-хури, какъ и «*русскій шкиперъ*» — греческій корсаръ. Онъ ни слова не знаетъ по-русски, хотя увѣрялъ, что жилъ когда-то въ Крыму, что самъ родомъ съ рѣки Молочной и зналъ по-русски, но уже давно все забылъ. По-нѣмецки же онъ намъ объяснилъ, что въ сущности забылъ также давно и свою докторскую науку, ибо кайфскіе арабы почти вовсе не лѣчатся, а если лѣчатся иногда, то совсѣмъ не отъ тѣхъ болѣзней, какъ мы, европейцы, и совсѣмъ не тѣми лѣкарствами. Къ довершенію же его и нашего несчастія, въ городѣ Кайфѣ не имѣется никакой аптеки, такъ что онъ мастеритъ самъ нѣкоторыя, наиболѣе

употребительныя здѣсь, простыя лѣкарства. Сирійскій эскулапъ, незаслуженно присвоившій себѣ русское имя, былъ въ восторгѣ, когда изъ разговора съ женою убѣдился, что она нѣсколько болѣе смыслитъ въ своей болѣзни и нѣсколько лучше помнитъ употребляемыя въ ней лѣкарства.

Онъ съ большою готовностію, вовсе несвойственною самолюбивымъ сынамъ Гиппократа, вызвался выполнить медицинскія предписанія моей жены и обѣщалъ принести ей черезъ часъ все, что она требовала.

Пообѣдавъ очень сытно и вкусно у гостепріимнаго консула и оставивъ жену на попеченіе доброй арабки, я сѣлъ на отдохнувшаго коня и въ сопровожденіи своего драгомана и двухъ кавасовъ помчался быстрымъ галопомъ черезъ улицы Кайфы, чтобы скорѣе поспѣть на Кармилъ.

У самаго подножія библейской горы расположилась цвѣтущая нѣмецкая колонія съ своими голландски-опрятными домиками, съ своимъ удивительнымъ хозяйствомъ, которая прямо бы годилась на любую агрономическую выставку Европы. Прекрасно устроенныя вѣтряныя мельницы, съ запасными паровиками на всякій случай, съ особымъ крылатымъ приборомъ на верху, для точнаго опредѣленія вѣтра, придаютъ этому хозяйственному мѣстечку еще болѣе хозяйственный и дѣятельный видъ.

Весь этотъ низменный плодородный полуостровъ, осѣненный скалами Кармила и омываемый морем, воздѣланъ какъ цвѣтной горшокъ и разлинованъ просто съ геометрическою правильностью плугами аккуратнаго нѣмца, такъ что, среди обычной безпорядочности палестинскаго хозяйства, онъ кажется образцовою моделью хозяйственнаго совершенства, привезенной на-показъ изъ Европы и поставленной на берегу для поученія азіатамъ.

Хитроумный нѣмецъ уже успѣлъ покрыть своими вино-

градниками на изрядную высоту даже голое каменное подножіе Кармила и извлекаетъ теперь изъ этихъ безплодныхъ обрывовъ отличный доходъ.

Нѣмцы захватили подножіе горы Иліи-пророка, а итальянцы и французы ея вершины. Только намъ русскимъ не досталось ни клочка въ наслѣдіе отъ этой самой любимой изъ нашихъ народныхъ святынь.

На высокомъ живописномъ выступѣ Кармила въ море — стоитъ католическій монастырь кармелитовъ. Этотъ монашескій орденъ обязанъ Кармилу своимъ именемъ и своимъ основаніемъ. Еще съ 12-го столѣтія, съ эпохи крестовыхъ походовъ, угнѣздился онъ на горѣ Св. Иліи. Съ тѣхъ поръ не разъ мусульманскій фанатизмъ равнялъ съ землею стѣны и храмы монастыря, убивалъ и разгонялъ монаховъ; не разъ и турецкая мечеть высилась на мѣстахъ Христіанской святыни. Но опять собирались изъ разныхъ концовъ земли смѣлые иноки, опять поднимали Христовъ Крестъ на утесахъ ветхозавѣтной горы, и, въ концѣ-концовъ, все-таки осилили, отвоевали обратно этотъ древній, священный уголокъ—и опять воздвигнули на немъ обширный и богатый монастырь — своего рода береговой маякъ христіанства, при самомъ входѣ въ землю Христову.

Хорошая, хотя и не широкая дорога, круто поднимается надъ обрывами Кармила, со стороны моря и прямо, безъ зигзаговъ, ведетъ къ монастырю, на верхъ горы.

Монастырь стоитъ на поразительномъ мѣстѣ, среди поразительнаго пейзажа.

Обширное зданіе аббатства, отдѣльныя церкви и часовеньки монастыря — окружены прелестными цвѣтниками и садиками. На всемъ видна умѣлая, трудолюбивая и любящая рука. Она обратила этотъ суровый подоблачный монастырь въ одну радостную корзину цвѣтовъ, выхоженныхъ, выхоленныхъ, какъ

въ любой оранжереѣ. Все поддерживается въ необыкновенной чистотѣ и порядкѣ, дорожки вымощены щебнемъ и усыпаны краснымъ пескомъ, каждый сухой листокъ подчищенъ, каждая подпорочка тщательно окрашена. Нѣсколько колодцевъ, богатыхъ водою, выкопаны среди этихъ садиковъ, поднятыхъ подъ небеса, и обдѣланы въ хорошенькія игрушки. Передъ главнымъ входомъ аббатства—маленькая мраморная пирамида съ золотыми надписями, тоже живописно убранная кругомъ цвѣтами и кустами. Это надгробный памятникъ несчастнымъ французскимъ воинамъ, раненнымъ при злополучной для французовъ осадѣ Акры, о которую разбились усилія дерзкаго генія Наполеона, и которую поэтому нашъ Муравьевъ назвалъ довольно удачно «Кремлемъ Азіи». Кармелитскій монастырь служилъ тогда лазаретомъ осаждающей арміи и по отступленіи Наполеона достался въ руки торжествующихъ турокъ. Всѣ раненые были безчеловѣчно перерѣзаны.

Главный храмъ монастыря очень обширенъ и богато украшенъ, но, на мой взглядъ, безвкусенъ, какъ всѣ новѣйшіе католическіе храмы итальянскаго характѣра, отступившіе отъ глубокой мистической поэзіи стараго готическаго стиля... Въ немъ все пестро и аляповато для строгаго вкуса. Но на грубую младенческую фантазію арабскаго простолюдина его пышная обстановка должна производить подавляющее впечатлѣніе. Надъ центральнымъ престоломъ, уставленнымъ цѣлымъ лѣсомъ высокихъ подсвѣчниковъ, разноцвѣтныхъ лампадъ, цвѣтовъ, вазъ и разныхъ сверкающихъ вещей, чернѣетъ круглая ниша въ стѣнѣ, поддержанная бѣлою колоннадою. По срединѣ ея, выдѣляясь изъ темноты этого приподнятаго къ небу алькова ослѣпительною бѣлизною своего мрамора, статуя въ человѣческій ростъ Матери Божіей, неземной красоты. Она сидитъ на престолѣ, въ золотой коронѣ, усыпанной драгоцѣнными камнями, въ парчѣ, въ жемчугахъ, съ младенцемъ Христомъ на рукахъ,

тоже увѣнчаннымъ царскою короною и тоже сіяющимъ золотомъ и камнями. Арабы въ трепетѣ и благоговѣніи повергаются ницъ передъ этимъ едва не живымъ для нихъ воплощеніемъ Царицы Небесной.

Несравненно болѣе глубокое впечатлѣніе произвела на меня пещера Иліи-пророка.

Мы спустились въ нее изъ церкви съ зажженными свѣчами по темной и узкой лѣсенкѣ.

Она помѣщается какъ разъ подъ алтаремъ главнаго храма. Сырецъ скалы, служившій пріютомъ великому скитальцу, по счастью, не замаскированъ никакими мраморами и золотомъ, и древняя священная пещера смотритъ до сихъ поръ тѣмъ же дикимъ вертепомъ, какимъ она была въ дни Ахава и Охозіи. Намъ показали и углубленіе въ стѣнѣ, служившее ложемъ пророку. Теперь въ немъ очень кстати помѣщена темная статуя св. Иліи, какъ бы пребывающаго еще до сихъ поръ въ своемъ мрачномъ склепѣ. Я долго не могъ покинуть эту темную пещеру. Ветхозавѣтныя воспоминанія, которыми я былъ переполненъ все время, пока двигался подъ тѣнью библейской горы, одолѣли меня здѣсь, и не хотѣлось разставаться съ ними.

Я вспомнилъ тяжкую жизнь борьбы и лишеній этого перваго пустынножителя и отшельника, страстныя видѣнія его всегда воспламененнаго мозга, внутреннія муки, доводившія до отчаянія даже его несокрушимый духъ. Онъ вѣчно гонимъ, онъ вѣчный скиталецъ, вѣчно безъ куска хлѣба и безъ глотка воды, и умирающій съ голоду, босой и въ рубищѣ, одинаково страшенъ нечестивымъ своею неумолимою правдою, своимъ грознымъ провидѣніемъ будущаго». А самъ отошелъ въ пустыню на день пути; пришедши сѣлъ подъ можжевелевымъ кустомъ и просилъ смерти душѣ своей, и сказалъ: «довольно уже, Господи! возьми душу мою, ибо я не лучше своихъ отцовъ!» описываетъ Библія своимъ краткимъ картиннымъ языкомъ это своего рода ветхозавѣтное «моленье о чашѣ».

Въ черномъ вертепѣ скалы, который поглотилъ насъ теперь, бесѣдовалъ этотъ страстный мученикъ своей идеи наединѣ съ своимъ грознымъ Іеговою и получилъ Его таинственныя откровенія.

Удивительно выразителенъ и художественъ прекрасный разсказъ объ этомъ въ третьей Книгѣ Царствъ.

«И всталъ, и ѣлъ, и пилъ, и шелъ, подкрѣпленный той пищею 40 дней и 40 ночей до горы Божіей Хорива. И вошелъ тамъ въ пещеру и поселился въ ней, и слышитъ глаголъ Господень къ нему, говорящій: зачѣмъ ты здѣсь, Илія? И отвѣчалъ Илія: ревнуя поревновалъ по Господѣ Богѣ Вседержителѣ, ибо оставили тебя сыны Израилевы, алтари твои разрушили и пророковъ твоихъ избили оружіемъ, и остался я одинъ, и ищутъ истребить душу мою. И сказалъ: утромъ выйди и стань передъ Господомъ на горѣ, пойдетъ мимо тебя Господь и великій и сильный вѣтръ, разрушающій горы и сокрушающій каменья съ горы передъ Господомъ, но не въ вѣтрѣ Господь. И послѣ вѣтра землетрясеніе, и не въ трясеніи земли Господь; и послѣ землетрясенія огонь и не въ огнѣ Господь; но послѣ огня вѣяніе прохладное, и тамо Господь!..»

Интересенъ придѣлъ аббиссинскихъ католиковъ. Въ большихъ шкафахъ за стеклами спрятаны ихъ чисто языческія святыни — настоящіе кумиры Божіей Матери и пророка Иліи. Святая Дѣва изображена совсѣмъ черною, какъ подобаетъ африканскому идеалу красоты; она вся въ парчѣ и обвѣшана браслетами, монетами и всякими жертвами благодарныхъ ей вѣрующихъ, пророкъ Илія тоже черный, какъ негръ, и черезъ это кажется еще болѣе мрачнымъ и неумолимымъ; въ рукѣ его огненный мечъ, а нога его стоитъ торжествующе на головѣ поверженнаго въ прахъ жреца Ваалова. Африканская фантазія не могла выбрать изъ жизни грознаго пророка болѣе вдохновляющаго ее момента, не могла подыскать болѣе подходящей

фигуры для полнаго выраженія восточныхъ идеаловъ истиннаго служителя Божія.

Изъ церкви можно подняться черезъ цѣлый лабиринтъ лѣстницъ на верхнія террасы монастыря. Террасъ этихъ нѣсколько, одна выше другой. Панорама, открывающаяся въ самой верхней изъ нихъ, не поддается никакому описанію.

Горы Ливана въ сѣдинѣ своихъ снѣговъ, Сафедъ-гора въ своихъ знойныхъ туманахъ, — все на-далеко видно отсюда. А впереди, во всѣ стороны, безбрежною равниною поднимается къ необозримымъ далямъ горизонта Средиземное море такой дивной, невыразимой голубизны, какой не знаютъ ни Крымъ, ни Италія, и надъ этой волшебной синей пучиною, отовсюду охватывающей васъ, другая, еще болѣе безбрежная, еще дальше уходящая въ свои недостижимыя выси, такая же синяя бездна южнаго неба.

Бѣлые и желтоватые домики Кайфы, ея пальмовыя рощи, бѣлые паруса кораблей, облитые сверкающими огнями солнца, ярко вырѣзаются на густой синевѣ этой колыхающейся и трепещущей водной пучины, глубоко подъ ногами нашими, крошечные и изящные, какъ дѣтскія игрушки. А на первомъ планѣ этой неописанно-грандіозной картины — суровые каменные обрывы библейской горы, обросшіе деревьями, какъ старческими волосами, выдвинутые грудью прямо въ прибой этого могучаго, вѣчно надвигающагося моря, будто несокрушимый передовой оплотъ земли.

Это тотъ самый чудный пейзажъ, тотъ «путь морской», которымъ любовался, которымъ вдохновлялся въ своихъ одинокихъ созерцаніяхъ и молитвахъ ветхозавѣтный пустынникъ Кармила.

«Илія же взыде на Кармилъ и преклонился на землю и положи лице свое между колѣнома своима, и рече отрочищу своему: взыди и воззри на путь морскій!».

Монахъ-провожатый показалъ намъ съ высоты террасъ, какъ съ птичьяго полета, всю рельефную карту Кармила, съ его окрестными часовенъками, маяками и развалинами. Когда мы наглядѣлись до-сыта на красоту сіявшаго вокругъ насъ міра Божьяго, привѣтливый патеръ пригласилъ насъ спуститься въ аббатство и осмотрѣть его. Это громадное зданіе содержится итальянцами въ удивительной чистотѣ и порядкѣ. Все совершенно просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно удобно и совершенно прилично. Свѣтлые широкіе корридоры, увѣшанные картинами изъ жизни святыхъ, таблицами и географическими картами, идутъ со всѣхъ четырехъ сторонъ корпуса, составляя собою просторную галлерею для прогулокъ во время ненастья. Множество дверей направо и налѣво ведутъ въ келіи монаховъ и въ комнаты, назначенныя посѣтителямъ. Тутъ цѣлый благоустроенный пансіонъ съ спальнями, бѣлоснѣжными постелями, мраморными умывальниками. Три первые дня монастырь даетъ даровой пріютъ и столъ всякому пріѣзжему, какого бы то ни было исповѣданія. Кто остается дольше, долженъ платить условленную скромную плату. Тутъ своя особая церковь, своя больница. Въ рефекторіи, весело убранной цвѣтами, картинами, портретами, — намъ любезно предложили кофе, которымъ было очень кстати подкрѣпиться. Здѣсь же продаются специфическія, а отчасти и мистическія лѣкарства Кармила, какой-то настой мелиссы, помогающій отъ всѣхъ болѣзней, и разные другіе благочестивые талисманы.

Чтобы отплатить за любезность, я, конечно, поспѣшилъ пріобрѣсть эти чудесныя панацеи, по счастію, не особенно разорительныя.

Намъ предстояло посѣтить еще одну историческую пещеру Кармила,—«школу пророковъ». По дорогѣ мы осмотрѣли ничѣмъ не замѣчательную греческую часовню, и стали осторожно спускаться по береговому обрыву горы, почти къ самой по-

дошвѣ Кармила, только совсѣмъ съ другой стороны, чѣмъ по нимались прежде, отъ нѣмецкой колоніи.

Капризно-вьющаяся и очень крутая тропинка все время в сить надъ бездною моря, такъ что на иныхъ поворотахъ с дѣть на конѣ довольно жутко. Въ пустынной, отовсюду закр той складкѣ Кармила, видной только морскимъ чайкамъ, стои старая турецкая мечеть, окруженная магометанскимъ кладб щемъ. Нѣсколько сторожей живутъ въ пустынномъ домик оберегающемъ эту мусульманскую святыню.

Арабы считаютъ великимъ благополучіемъ похоронить пра своихъ близкихъ подъ сѣнью этихъ святынь. Илія-пророкъ д нихъ такой же великій святой, какъ и для евреевъ, и для хр тіанъ. Множество мусульманскихъ пилигриммовъ приходитъ Кармилъ поклониться его пещерамъ, помолиться въ мечети, в двигнутой въ память его. Мы тоже нашли цѣлую толпу маленькомъ дворикѣ мечети. Въ «школу пророковъ» проходя черезъ мечеть. Это высокая, глубокая и очень просторная пеще въ толщахъ Кармила, одинъ изъ тѣхъ вертеповъ, гдѣ въ зл времена Израиля укрывались десятками и сотнями гоним пророки.

«И бысть егда нача избивати Іезавель пророки Господн и вся Авдій сто мужей пророки, и скры я по пятидесяти двоихъ вертепахъ, и кормяше ихъ хлѣбомъ и водою», передае намъ Книга Царствъ.

Изреель, резиденція Іезавели, и Самарія, ея столица, такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Кармиломъ, что теперешн «школа пророковъ» даже легко могла быть этимъ самымъ ве тепомъ Авдія.

Преданіе говоритъ, во всякомъ случаѣ, что здѣсь, въ безопа номъ уединеніи отъ преслѣдованія, вдали отъ соблазновъ и ра влеченій мірской суеты, глазъ-на-глазъ съ небомъ и моремъ старые прославленные пророки наставляли въ священныхъ таи ствахъ своего призванія юныхъ, неопытныхъ еще, «сыновъ пр роческихъ».

Пещера пророковъ не украшена ничѣмъ—одни голыя, замшившіяся стѣны, одни тяжкіе сѣрые своды дикой скалы. Это живыя распахнутыя нѣдра Кармила, горы Божіей—и ничего больше. Оттого эта грубая пещера производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ всѣ позолоченные алтари, и живѣе переноситъ воображеніе ваше въ давно-забытую тысячелѣтнюю древность.

Жалкія жестяныя лампадки мусульманъ, подвѣшанныя къ священному углу пещеры, гдѣ высѣчено что-то въ родѣ «киблы» магометанскихъ мечетей, да такая же жалкая деревянная люстра съ стаканчиками, спускающаяся съ середины закопченнаго его свода,—вотъ все скудное украшеніе этой библейской святыни. Всѣ стѣны ея закопчены прилѣпленными копѣечными свѣчечками и дымящими лампадками, исписаны и исчерчены именами богомольцевъ. Арабы приписываютъ чудотворную силу исцѣленія этимъ древнимъ стѣнамъ, и больные ихъ по нѣсколько сутокъ сряду проводятъ въ молитвѣ въ святой пещерѣ. Подъ стѣнами разостланы тюфяки, коврики, подушки, и не мало вѣрующихъ мирно почіетъ на нихъ сномъ праведныхъ, въ сырой прохладѣ вертепа.

Каменные выступы, замѣняющіе диваны, идутъ кругомъ его стѣнъ. Это и были, по преданію, ложа и сидѣнія учившихся здѣсь пророковъ. Изъ главной пещеры низкіе проходы ведутъ въ другія, боковыя пещерки. Арабъ-сторожъ, съ завидною непоколебимостью вѣры, показалъ намъ въ этихъ пещеркахъ каменное ложе, на которомъ, по убѣжденію арабовъ, «родился Илія-пророкъ»,—«Илія Фесвитянинъ», какъ не кстати для этихъ современныхъ знатоковъ называетъ его Библія. Христіане сохраняютъ объ этой пещерѣ другую легенду, болѣе правдоподобную. По древнему преданію, въ этой пещерѣ, хорошо знакомой жителямъ Назарета, отдыхала на пути своемъ изъ Египта въ родной городъ Св. Дѣва съ младенцемъ Христомъ. Спускъ къ морю отъ «пещеры пророковъ» идетъ опять черезъ нѣмецкую колонію «Общества Христа». Послѣ медленнаго и досаднаго карабканія по обрывамъ, мы съ увлеченіемъ

пустили во всю прыть своихъ лихихъ коней, очутившись на ровной глади нѣмецкихъ полей и улицъ Кайфы.

Пора была и отдохнуть отъ многодневнаго кочеванія на сѣдлѣ. Теперь уже отдохнуть надолго, благо подъ ногами плещутъ морскія волны и качаются на нихъ, безмолвно приглашая въ свои спокойныя нѣдра, готовые отплыть отъ древней финикійской земли, къ далекимъ берегамъ Европы, расцвѣченные флагами корабли.

XII.—Бейрутъ, древній Беритъ.

Ночной отъѣздъ на пароходѣ.—Утро передъ Бейрутомъ.—Историческая роль Финикіанъ.—Европейскій характеръ Бейрута.—Привольная жизнь юга.—Культъ любви.—Ночь на кровлѣ.—Въ русскомъ агентствѣ.—Прогулка по окрестностямъ.—Друзы и Мароніты Ливана.—Памятники Георгія Побѣдоносца.

Параходъ австрійскаго Ллойда пришелъ къ Кайфу уже поздно. Сопровождаемые фонарями консульскихъ кавасовъ и носильщиками-арабами, тащившими на плечахъ нашу кладь, какъ-то уныло, съ упавшимъ сердцемъ, пробирались мы въ темнотѣ по набережной моря черезъ обычную тѣсноту и безпорядокъ торговаго городка.

Море и ночь не обѣщаютъ ничего хорошаго. Съ болѣзненнымъ напряженіемъ всѣхъ своихъ чувствъ покидаемъ мы въ этотъ непріютный часъ, при самыхъ мрачныхъ перспективахъ погоды, гостепріимный домикъ нашего консула, гдѣ насъ ласково пригрѣла семья простыхъ и добрыхъ людей, и гдѣ хотѣлось бы отдохнуть подольше, на полной свободѣ, отлежаться и полѣниться досыта, послѣ столькихъ недѣль непрекращавшейся суеты, опасеній, лишеній, и наконецъ просто боли, самой реальной физической боли въ хребтѣ, бокахъ, ногахъ, изломанныхъ

долгою и неудобною верховою ѣздою по горамъ и каменьямъ, подъ знойнымъ солнцемъ. Но отдыхать было некогда, и болѣть было невозможно. Не сѣсть сейчасъ же на пароходъ—это значило оставаться въ Кайфѣ еще двѣ недѣли, потому что только два раза въ мѣсяцъ сюда заходитъ срочный австрійскій пароходъ. Выбора намъ не было,—и вотъ поэтому-то, не успѣвъ даже переночевать одной ночи въ Кайфѣ, мы плетемся теперь къ пристани австрійскаго парохода, искренно огорченные своимъ скверными жребіемъ.

Море свинцово-сѣро и сливается съ ночнымъ небомъ. Вѣтеръ дуетъ съ сѣвера, пронзительный и сердитый. Даже ночью издали можно видѣть, какъ немилосердно качаются пароходы и корабли, стоявшіе на якорѣ...

Съ трудомъ попали мы въ шлюпку, которая должна отвезти насъ къ пароходу. Ее такъ и треплетъ изъ стороны въ сторону, такъ и отшвыриваетъ отъ берега; море, должно быть, не хочетъ пустить насъ къ себѣ; оно въ такомъ случаѣ благоразумнѣе насъ и сострадательнѣе къ намъ, чѣмъ мы сами... Провожаемые громкими пожеланіями добраго пути, мы ныряемъ рѣзкими толчками, будто сани въ глубокихъ ухабахъ снѣга, въ взбалмошенныхъ волнахъ моря, и хорошо понимаемъ, какъ непохожа будетъ на то, что намъ желали сейчасъ эти добрые люди, ожидающая насъ впереди мрачная ночь...

Послѣ избаловавшаго насъ удобства нашихъ пароходовъ русскаго общества, пароходъ австрійскаго Лойда показался намъ жидовскою корчмою въ сравненіи съ порядочной гостинницей. Но зато онъ былъ вдвое дороже нашего... Не успѣли мы устроиться въ душной и тѣсной каютѣ съ полочками, какъ уже меня закачало еще на якорѣ... Австріяки не только берутъ дорого, но еще за эту дороговизну не даютъ ровно ничего кромѣ полки, гдѣ вы можете лежать. Даже горничной нѣтъ къ услугамъ дамъ. Содержанія отъ парохода совсѣмъ не полагается,—это излишняя роскошь, а хотите—такъ требуйте въ буфетѣ по карточкѣ... Нѣмцы врядъ ли и требуютъ что,

кромѣ пива да шнапса, да бутерброда съ «ein Stück Schinken». Но меня, слава Богу, закачало такъ, что я сразу повалился и заснулъ, и позабылъ о самомъ существованіи нѣмцевъ, мадьяръ, жидовъ, ихъ буфетовъ и пароходовъ... Качало, трепало, мутило, тошнило всю ночь, а утромъ вскочилъ, — стопъ машина! мы уже опять на якорѣ, и передъ нами Бейрутъ во всемъ блескѣ чуднаго солнечнаго утра... Поскорѣй на лодки! Въ Бейрутъ уже заходятъ наши родные пароходы, и мы, конечно, дождемся земляка. На жену эта одна ночь сравнительнаго спокойствія уже подѣйствовала превосходно, и она встала совсѣмъ бодрая. Мы съ нею радостно любовались, сидя на лодкѣ, на громадный амфитеатръ Бейрута и сребоглавые хребты царственнаго Ливана, осѣнившіе его съ трехъ сторонъ

Признаюся, я совсѣмъ не подозрѣвалъ, что̀ такое Бейрутъ. Передъ нами, по крутымъ широкимъ склонамъ гористаго берега, сходилъ къ морю европейскій городъ, въ нѣсколько верстъ обхватомъ, полный прекрасныхъ зданій, кишащій торговлею, Марсель или Генуя своего рода, но только утонувшій въ роскошныхъ садахъ юга... Какъ ни красивы вообще города Средиземнаго побережья, но рѣдкій изъ нихъ сравнится красотою съ Бейрутомъ. Его бѣлые каменые дома съ плоскими крышами изъ красной черепицы встаютъ безконечными уступами другъ надъ другомъ, сливаясь на верху съ цѣлою страною роскошныхъ садовъ и дачъ, уходящихъ въ прохладу горъ...

Старинная венеціанская башня средневѣковаго стиля, остатокъ крестовыхъ походовъ, въ которыхъ и Бейрутъ игралъ свою роль, составляетъ характерный первый планъ этого стариннаго города торговли, выступая въ море вмѣстѣ съ полуразрушенною цитаделью, которую она вѣнчаетъ...

Стѣны Бейрута разрушены были при Екатеринѣ II нашимъ побѣдоноснымъ флотомъ, который тогда смѣло блокировалъ всѣ побережья турецкой имперіи и сжигалъ ея флотиліи, покрывая себя славою.

И эта башня-сторожъ, и эти когда-то воинственныя стѣны,

и разноцвѣтные флаги агенствъ и консульствъ, торжественно вѣющіе надъ зданіями набережной, и весь бѣлокрасный амфитеатръ города, съ его мечетями, колокольнями и купами пальмъ, зелень его садовъ и величественныя кручи его горъ,—все это цѣликомъ опрокидывается теперь въ затихшую, какъ зеркало, голубую бухту, которую весело бороздятъ снующіе взадъ и впередъ безчисленные лодочки, шлюпки, ялики и пароходики...

Мы теперь въ самомъ сердцѣ древней Финикіи, этой удивительной торговой и промышленной республики, которой легенды самыхъ раннихъ просвѣщенныхъ народовъ издревле приписывали всѣ крупные первые шаги по пути просвѣщенія...

Мы уже проѣхали ночью Саидъ, Сидонъ древности, и Суръ, жалкій потомокъ славнаго Тира...

Передъ нами теперь древній финикійскій Беритъ...

Финикіяне—это по истинѣ народъ изумительнаго таланта, изумительной смѣлости!.. Въ далекіе и темные вѣка младенчества человѣчества, когда еще большинство народовъ съ трудомъ учились запрягать въ свои неуклюжіе возы медленно двигающагося вола и нагружать товарами громоздкаго верблюда, когда цѣлыя тысячелѣтія сряду народы-пастыри сегодня, какъ вчера, пасли свои стада овецъ по безконечнымъ пустынямъ въ лѣнивой неподвижности духа и суевѣрномъ страхѣ передъ непобѣдимой мощью природы, — дерзкій умъ финикійца уже рвался за тѣсные предѣлы того, что было ему доступно и вѣдомо, въ соблазнявшія его дали невѣдомаго и таинственнаго, и изъ своей счастливой прибережной окраины, отгороженной отъ сухаго и мрачнаго міра Азіи хребтами горъ Ливанскихъ, онъ неудержимо расползался по заливамъ и островкамъ теплаго моря, отчаянно ввѣряя себя утлымъ пловучимъ скорлупамъ, заставляя вольные вѣтры переносить себя, какъ вольныхъ птицъ божьихъ, во всѣ уголки и всѣ страны, куда только дуютъ эти вольные вѣтры, проникая съ ихъ помощью во всѣ цвѣтущія и плодоносящія окраины міра, узнавая все новое, добывая всякія богатства, изобрѣтая все удобное и разумное, открывая цѣлому

міру широкую школу торговой и фабричной дѣятельности, пролагая первые слѣды къ объединенію народовъ путемъ взаимновыгодныхъ сношеній и для всѣхъ одинаково важныхъ практическихъ открытій... Племя тонкаго вкуса и высокаго человѣческаго разума, достойное господствовать надъ скотообразными стадами многихъ современныхъ ему народовъ, замѣнившее пурпуромъ и виссономъ—овечьи и звѣриныя шкуры, украшавшее свои жилища золотомъ, слоновою костью и тропическими благовоніями, въ то время какъ сосѣди ихъ еще гнѣздились, какъ животныя въ своихъ логовахъ, въ хворостяныхъ шалашахъ и кочевыхъ палаткахъ...

Недаромъ и религіозный культъ ихъ, культъ Астарты — былъ не выраженіемъ суевѣрнаго страха, а поклоненіемъ силѣ земнаго обилія, производительности, жизненныхъ радостей. Точно также божество филистимлянъ, тѣхъ же несомнѣнныхъ финикійцевъ, такихъ же жителей поморья, Дагонъ—женщина-рыба—олицетворялъ собою въ одно и то же время и неисчерпаемое обиліе моря, питавшаго ихъ собою, создавшаго ихъ торговый геній, — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, многообразную красоту и плодородіе земли-матери, въ ея прекраснѣйшемъ и плодоноснѣйшемъ созданіи—женщинѣ...

Недаромъ же эта крошечная полоска земли, притиснутая горами къ морю, смогла цивилизовать всѣ Средиземныя побережья, и Критъ, и Грецію, и Малую Азію, и Карѳагенъ, успѣла водрузить свой торговый флагъ не только на берегахъ Испаніи и туманнаго Альбіона, не только въ Аравіи и Индіи, но даже за Канарскими островами въ далекихъ пучинахъ Атлантическаго океана. Только эта, ключемъ кипѣвшая внутри, великая духовная сила финикійца дѣлаетъ понятнымъ выдающееся историческое значеніе въ древнемъ мірѣ этихъ, повидимому, ничтожныхъ береговыхъ республикъ, подобныхъ финикійскимъ и греческимъ городамъ, впослѣдствіи разнымъ Венеціямъ, Генуямъ, Кафамъ,—куда часто не могли проникнуть со всѣми своими полчищами тогдашніе цари-деспоты, обладатели

цѣлыхъ частей свѣта, двигавшіе за собою народы вмѣсто арміи...

Крестовые походы еще застаютъ въ Тирѣ, Сидонѣ, Беритѣ остатки прежняго торговаго могущества, прежней промышленной дѣятельности и прежнихъ богатствъ, которые еще и тогда, несмотря на всѣ пережитыя ими историческія бѣдствія, дѣлали изъ этихъ древнихъ городовъ самостоятельные и несокрушимые центры жизни, разливавшіе свое вліяніе и свою цивилизацію на полудикія окрестныя страны... Беритъ сталъ впослѣдствіи обычною пристанью крестоносцевъ, звеномъ, соединявшимъ цивилизацію Италіи и Франціи съ новыми азіатскими владѣніями Европы. Онъ и послѣ паденія Іерусалимскаго королевства достался, вмѣстѣ съ другими прибрежными городами Сиріи, въ наслѣдство кипрскимъ королямъ, послѣднимъ паладинамъ христіанства, геройски боровшимся и геройски погибшимъ въ борьбѣ съ мусульманскимъ міромъ. Поэтому неудивительно, что въ нынѣшнемъ Бейрутѣ такъ мало Азіи и такъ много итальянскаго юга.

Изъ лодки пришлось карабкаться на берегъ по узенькой лѣсенкѣ, которою заранѣе овладѣли турецкіе полицейскіе и таможенные. У нихъ глупѣйшій обычай отбирать тутъ же и паспорты путешественниковъ. Бывалые европейцы, особенно англичане и французы, не даютъ никакихъ паспортовъ, а только ругаются и смѣло проталкиваются впередъ. Но нашъ братъ русскій, пріученный къ повиновенію, смиренно подаетъ все, что требуется, даже и обезьяноподобному турецкому начальству... Отдалъ сдуру и я свой паспортъ, да и раскаялся потомъ жестоко. Разумѣется мнѣ его никто и не думалъ возвращать, а идти отыскивать его,—я совсѣмъ забылъ, такъ что потомъ и пришлось очутиться безпаспортнымъ бродягою...

Хотя всѣ главнѣйшія гостинницы Бейрута, Hôtel Bellevue, Hôtel d'Orient, на берегу моря, но здѣсь такое зловоніе отъ

нечистоть, стекающихъ со всего города, что намъ посовѣтовали выбрать гостинницу внутри города... Обстановка здѣшнихъ гостинницъ далеко не роскошна, но все-таки удобна: очень порядочный столъ и совершенно чистыя постели, въ чемъ въ сущности все и дѣло. Зато виды съ балконовъ и съ плоской крыши, обращенной въ просторную террасу—несравнимы ни съ чѣмъ и доставляютъ неисчерпаемое наслажденіе...

Мы хотѣли поближе познакомиться съ городомъ и сейчасъ же послѣ обѣда пошли побродить пѣшкомъ по его гористымъ улицамъ...

Живописный берегъ моря съ его мысами, заливчиками, обрывами скалъ и камнями, торчащими изъ воды, манилъ насъ къ себѣ, и мы спустились къ нему по крутымъ тропинкамъ. Купальни на высокихъ пальяхъ, совсѣмъ почти открытыя любопытству прохожихъ, оцѣпляютъ собою берега бухты, и масса голаго народа полощется въ вонючихъ волнахъ его, среди невообразимой нечистоты, наносимой морскимъ прибоемъ и городскими клоаками...

Зловоніе это просто гонитъ отсюда непривычнаго человѣка, такъ что самый страстный любитель природы предпочтетъ обонянію этихъ вольныхъ струй моря и этихъ поэтическихъ утесовъ—прозаическія мостовыя городскихъ улицъ. Волей-неволей мы также вынуждены были спасаться отъ этихъ ароматовъ юга, на которые совсѣмъ не разсчитывали.

Наверху зато—полный порядокъ и чистота. Цѣлыя длинныя улицы большихъ европейскихъ домовъ съ венеціанскими арками и окнами, съ верандами, балконами, террасами и цвѣтниками, улицы отлично вымощенныя, широкія, какъ въ каждомъ порядочномъ городѣ Европы,—и на этихъ улицахъ самое оживленное движеніе.

Европейскіе коляски и шарабаны, европейскіе магазины и рестораны; турецкаго—ровно ничего. Вамъ кажется, что вы гуляете не въ Сиріи, а въ какомъ нибудь береговомъ городкѣ Италіи или Южной Франціи.

Всѣ эти щегольскіе экипажи, вся эта разряженная и веселая толпа валила все въ одномъ и томъ же направленіи, поднимаясь разными улицами и взъѣздами все выше и выше, къ любимому загородному гулянью. Мы тоже увлеклись было всеобщимъ потокомъ и хотѣли присоединиться къ нему, но уже не нашли ни одного экипажа: всѣ были расхватаны жадными до развлеченій бейрутцами; идти же пѣшкомъ въ гору за нѣсколько верстъ, среди пыли проносящихся мимо экипажей, было бы слишкомъ наивно даже для такихъ любителей природы, какъ мы. А потому мы рѣшили докончить свое пѣшеходное обслѣдованіе города. Даже базары его—это обычное гнѣздилище всего, что есть характернаго, и всего, что есть нечистоплотнаго на азіатскомъ востокѣ,—гораздо чище и опрятнѣе каирскихъ и іерусалимскихъ, словно и они пріодѣлись немножко въ европейское платье, подобно тому какъ здѣшній житель старается прикрыть европейскимъ пальто и бѣлыми воротничками свою сирійскую куртку и шаровары. Плоды самаго заманчиваго вида кишатъ на этихъ базарахъ, огромные бѣлые абрикосы, ароматичнѣе и сочнѣе всякаго персика, свѣжіе рожки, апельсины... Все это продается чуть не даромъ. Овощей кучи открытыя кухни тоже со всякими сластями... Самый бѣдный житель безъ труда можетъ побаловать себя этими разнообразными плодами рая, которые ему стоятъ здѣсь меньше, чѣмъ обиженному Богомъ русскому мужичку его вѣчная капуста и рѣдька... Вино тоже здѣсь свое, дешевое, и льется вольною рѣкою... Глядя на эту веселую и счастливую толпу, которую въ каждомъ другомъ мѣстѣ необходимо было бы признать толпою бѣдняковъ, невольно позавидуешь блаженнымъ странамъ юга, гдѣ, дѣйствительно, люди могутъ жить, по выраженію евангелія, яко птицы небесныя, не сѣять, не жать, не собирать въ житницы, и все-таки питаться отъ отца своего небеснаго. Эта вѣчная жизнь на солнцѣ и воздухѣ, на краю необозримой водной чаши моря, эти постоянныя впечатлѣнія радости и красоты, охватывающія здѣсь человѣка съ первыхъ дней его рож-

денія, этотъ общій досугъ и достатокъ среди кишащей обиліемъ природы, не прерывающей своей плодоносящей работы ни зимою, ни лѣтомъ,—сдѣлали изъ прибрежнаго сирійца удивительно рослую и красивую расу... Нигдѣ вы не встрѣтите такой сплошной толпы красавцевъ и красавицъ, какъ среди этихъ «*бѣларабовъ*», по кличкѣ русскаго богомольца. Бѣларабы эти въ сущности не турки и не арабы, хотя одѣваются по турецки и говорятъ по арабски. Это сложная помѣсь древняго финикійца и эллина, прежнихъ хозяевъ побережья съ азіатскими завоевателями позднѣйшаго времени... И итальянская кровь венеціанцевъ и генуэзцевъ влилась въ нихъ хотя нѣсколькими каплями черезъ смѣлыхъ торговцевъ и отважныхъ рыцарей временъ крестовыхъ походовъ. Оттого, можетъ быть, они соединили въ своемъ физическомъ типѣ прекрасныя черты этихъ народовъ, а въ своемъ предпріимчивомъ духѣ и быстротѣ своего разнообразнаго ума возродили древняго тирійца, и средневѣковаго итальянца. Мало расъ въ мірѣ, которыя могли бы сравняться съ береговыми сирійцами,—этими достойными наслѣдниками финикіанъ,—ловкостью въ торговыхъ дѣлахъ и удивительной способностью къ языкамъ и наукамъ... Почти всякій житель Бейрута или Александреты свободно говоритъ по турецки, по арабски, по гречески, по итальянски, по французски... А нѣкоторые еще по англійски, по нѣмецки и даже по русски (жившіе, конечно, въ Одессѣ, Таганрогѣ и пр.).

Здѣшнія женщины просто роскошны. Азіятки по наряду, по языку, по многимъ обычаямъ, онѣ вовсе не похожи на сухихъ поджарыхъ арабокъ, а могучи и пышны тѣломъ, какъ любая европейская красавица. Вѣроятно, уже въ древнія времена на этомъ счастливомъ побережьѣ, въ этомъ царствѣ солнца и влаги, разросталась такимъ же пышнымъ цвѣтомъ красота женщины. Недаромъ у финикійскихъ народовъ игралъ такую господствующую роль культъ Астарты, сладострастной богини плодородія, требовавшей себѣ въ жертву невинность дѣвъ и юношей... Недаромъ и богиня любви, греческая Кип-

рида, родилась изъ пѣны этого любовью дышащаго моря, подъ наитіемъ солнца, льющаго любовь,—на сосѣднемъ островѣ, давшемъ богинѣ свое имя... Всѣ первыя тайны прелестной богини любви, всѣ ея поэтическіе романы съ Адонисомъ и Марсомъ протекли среди рощъ Кипра, подъ сѣнью которыхъ родился и самъ Купидонъ; а эти рощи омываются тѣмъ же моремъ, что мы видимъ теперь, и согрѣваются тѣмъ же солнцемъ, которымъ мы теперь наслаждаемся... Съ береговъ Финикіи, изъ роскошныхъ садовъ Сидона, Тира, Берита всегда разливались на окрестныя страны, вмѣстѣ съ пурпуровыми тканями и драгоцѣнными женскими уборами, струи любви и сладострастія... Ихъ разносили по воздуху и шумѣвшіе на горахъ Финикіи сѣдые кедры ливанскіе. По крайней мѣрѣ, мудрый царь Соломонъ, въ своемъ сухомъ скалистомъ Іерусалимѣ, въ виду безнадежныхъ пустынь Мертваго моря и пропастей юдоли плачевной, —заражался этимъ финикійскимъ жаромъ любовнаго восторга, входя въ дружеское общеніе съ другомъ своимъ и отца своего Хирамомъ, царемъ Тира, вывозя отъ него его ливанскіе кедры, ткани и золото.

Оттого-то въ его гимнахъ любви такъ часты сравненія и образы, взятые съ Ливана...

И Дидона, восторженная жрица любви, недаромъ изъ той же Финикіи перенесла свою жгучую страсть подъ жгучее солнце Африки, къ еще болѣе роскошному югу. Вообще всѣ древнія исторіи ненасытной любви, неутомимой тѣлесной страсти, — всѣ эти скитанія богинь, царицъ и нимфъ въ жадныхъ поискахъ любви, происходятъ всегда у моря или на морѣ, гдѣ нибудь на берегу или на островѣ, въ пещерѣ, какъ у Калипсо, въ рощѣ, какъ у Афродиты, на скалахъ берега, какъ у Сафо... Андромеда прикована къ морской скалѣ, Геро живетъ на пустынномъ камнѣ среди водъ моря, Европа связана съ Босфоромъ, Гелла съ Дарданелами, Клеопатра въ Александріи на берегу моря... Но только моря юга, моря тепла, свѣта, обилія, какое знала древняя Финикія да древняя Греція...

Венера изъ моря рожденная—мыслима только въ этомъ краю жизненной радости, а ужъ, конечно, не въ прозаическихъ сѣрыхъ пучинахъ Нѣмецкаго или Балтійскаго моря.

Долго мы бродили, поглощенные шумною жизнью праздной и веселой толпы. Тутъ цѣлый народъ щеголей и щеголихъ; всѣ въ яркихъ, пестрыхъ, богатыхъ нарядахъ, всѣ одѣты съ приличіемъ и достоинствомъ, вовсе не напоминая собою того сѣраго стада вьючныхъ скотовъ, которое встрѣчаешь въ другихъ большихъ городахъ среди бѣднаго трудолюбиваго населенія. Нѣтъ, тутъ каждый считаетъ себя вправѣ отдыхать и наслаждаться наравнѣ съ другими. Солнце и море, и прекрасные плоды, и тепло воздуха, и красота горъ—принадлежитъ одинаково всѣмъ. Шубы никому не нужны, дровъ тоже не нужно, вино и табакъ стоятъ грошъ. И вотъ самый послѣдній поденщикъ, едва зарабатывающій себѣ на хлѣбъ насущный, самоувѣренно садится на стулъ кофейни и важно требуетъ себѣ наргиле и чашку кофе, и громко судитъ и споритъ, и безпощадно критикуетъ со своими пріятелями проѣзжающихъ мимо городскихъ богачей и нотаблей...

Мы поздно вернулись въ свою гостинницу, и только тогда я въ первый разъ замѣтилъ, что ни въ одномъ номерѣ ея нѣтъ ни одного камина. О топкѣ комнатъ здѣсь не имѣютъ понятія. Ужъ одно это сознаніе возможности прожить всю жизнь безъ дыму и дровъ—есть величайшая радость. На берегу этого голубаго моря невозможно безъ прискорбія вспомнить далекую свою родину съ ея семью мѣсяцами снѣговъ и стужи, съ ея морозами, отъ которыхъ гвозди выскакиваютъ изъ дерева и земля трескается на части, съ ея пещами вавилонскими, поглощающими ежедневно воза дровъ, съ ея замуравленными наглухо двойными дверьми и окнами.

Однако оставаться въ комнатахъ не хотѣлось даже и ночью. Мы вышли на широкую плоскую крышу своего высокаго дома,

обнесенную рѣшеткой, съ которой, какъ со сторожевой башни, виденъ былъ почти à vol d'oiseau Бейрутъ и всѣ его далекія окрестности...

Луна уже была высоко на голубомъ сводѣ неба, тонувшемъ въ таинственномъ свѣтѣ ея лучей. Лучи эти были совсѣмъ не тѣ блѣдные и робкіе лучи мѣсяца, которые знаетъ обитатель русскаго поля. Это было что-то невообразимо яркое, радостно сверкающее, словно расплавлявшее въ своемъ фосфорическомъ огнѣ все, что было намъ видно. Небо тоже было совсѣмъ другое, непохожее на нашъ жалкій приплюснутый куполъ сѣраго цвѣта... Громаднымъ царственнымъ охватомъ съ безпредѣльной черносиней выси, кишѣвшей звѣздами, осѣнялъ этотъ торжественный нерукотворенный куполъ открывшуюся передъ нами неописуемую красоту земли и моря. Море еще сохранило свои чудные нѣжно-ласковые тоны, и одинъ взглядъ на нихъ проливалъ счастіе въ душу. По небу проносились, будто запоздавшіе корабли, легкія бѣлыя облачка, радостныя и ликующія и тихо таяли въ сѣдомъ туманѣ тучъ, обложившихъ тысячелѣтнюю главу Ливана. Все—отъ его вершинъ до безбрежной равнины моря—было видно теперь намъ ясно и отчетливо, какъ на прекрасной картинѣ; весь амфитеатръ предгорій, по которымъ, какъ по торжественнымъ ступенямъ храма, спускались съ высотъ къ морю сначала всѣ эти загородныя деревеньки, сады и фермы, потомъ всѣ эти многочисленныя улицы, базары и площади богатаго города, и наконецъ тамъ, совсѣмъ внизу, хмурая старая башня венеціанцевъ, что вырѣзается тяжелымъ мрачнымъ силуэтомъ на широко-расплесканномъ серебрѣ мѣсячнаго отраженія. Красный огонекъ фонаря одинокимъ кровавымъ глазомъ циклопа мигаетъ на башенкѣ маяка, и вдали кое-гдѣ отвѣчаютъ ему такими же сонными миганьями другіе красные фонари, подвѣшенные подъ мачты пароходовъ, стоящихъ на якорѣ.

Мы видимъ ихъ сквозь черное кружево листьевъ, кото-

рыми заслонили ихъ отъ насъ безмолвныя таинственныя сѣни огромныхъ деревьевъ, переросшихъ многоэтажные дома.

Кругомъ насъ, у нашихъ ногъ, вездѣ молчаливыя пары и группы на такихъ же крышахъ-террасахъ. Все живущее наслаждается этою чудною, яркою ночью, этой сладостной цѣлебной прохладой, что́ дышетъ отовсюду на успокоившійся городъ, и съ моря, и съ высотъ Ливана, и изъ зеленыхъ рощъ, пріютившихся въ его тѣни.

Всю ночь можно спать раздѣтому на этой открытой террасѣ, въ этой убаюкивающей прохладѣ сирійской ночи. Тутъ воистину ощущаешь рай земной, не въ надеждѣ только, не въ фантазіи и даже не въ поэтическомъ воспоминаніи, а въ самомъ реальномъ безраздумномъ счастіи глазъ, легкихъ, сердца, въ непосредственномъ блаженствѣ души и тѣла. Да, жалки мы, бѣдные жители сурового сѣвера, съ нашими неусыпными заботами о чревѣ, о шубѣ, о печкѣ, мы необщежительные медвѣди душныхъ норъ, осужденные только съ завистью смотрѣть, какъ вдали отъ насъ, въ счастливыхъ широтахъ юга, сверкая и веселясь, бѣжитъ эта радостная и шумная жизнь, легкая, беззаботная, у всѣхъ на виду, вся и на языкѣ, и на лицѣ, вся на воздухѣ, на солнцѣ, на лунѣ, на морѣ...

На другой день я отправился къ нашему агенту русскаго общества пароходства и торговли—разыскать свои вещи, которыя уже давно должны были быть доставлены съ однимъ изъ срочныхъ пароходовъ изъ Александріи прямо въ Бейрутъ, пока мы совершали свое долгое странствованіе по Египту, Палестинѣ, Самаріи и Галилеѣ...

Агентъ былъ очень милый человѣкъ, оказавшій мнѣ всякія любезности и сейчасъ же разыскавшій наши сундуки... Къ сожалѣнію, какъ большинство нашихъ восточныхъ консуловъ и агентовъ, этотъ «русскій» человѣкъ, грекъ изъ Кефалоніи, совсѣмъ не говорилъ по-русски, несмотря на то, что служитъ здѣсь уже 12-ть лѣтъ и, кажется, не чувствовалъ въ этомъ никакой особенной потребности. Онъ, какъ

нарочно, и женатъ еще на русской, тоже, конечно, ни слова не знающей по-русски и никогда, какъ и онъ, не бывавшей въ Россіи; зато на всѣхъ другихъ языкахъ, отъ турецкаго до англійскаго, всѣ они какъ на своемъ родномъ. Я спросилъ агента о причинахъ необыкновеннаго разростанія Бейрута.

— Вѣрите ли, сказалъ онъ мнѣ:—я уже живу тутъ столько лѣтъ, а самъ не понимаю этого чудовищнаго роста Бейрута. Намъ онъ кажется совершенно безпричиннымъ, непостижимою случайностью. Изъ Триполи мы получаемъ въ торговый сезонъ гораздо болѣе товаровъ, чѣмъ идетъ изъ Бейрута. Въ Бейрутѣ, строго говоря, нѣтъ ни торговли, ни промышленности. Въ сущности — это портъ для Дамаска; но одинъ Дамаскъ производитъ слишкомъ мало для экспорта. А между тѣмъ 10-ть лѣтъ тому назадъ въ Бейрутѣ было 15—20.000 жителей, теперь ихъ болѣе 100.000, и все еще строятъ новые дома, и все пріѣзжаютъ новые жители. Черезъ 5-ть лѣтъ ихъ станетъ 150.000!

Послѣ обѣда мы наняли коляску и отправились гулять за городъ. Признаться, насъ сильнѣйшимъ образомъ подмывало сдѣлать экскурсію въ Бальбекъ, городъ солнца, котораго развалины своею художественностью и своимъ археологическимъ интересомъ превосходятъ все, что только есть прекраснаго и интереснаго въ этомъ отношеніи. Въ Бальбекъ ходятъ и срочные дилижансы, и можно нанять отдѣльный экипажъ, а дорога —великолѣпное шоссе, устроенное французами, до самаго Дамаска. Карета только до Шторы стоитъ 920 піастровъ, а отъ Шторы до Бальбека еще столько же. Эту цѣну нельзя назвать дешевою. Въ дилижансѣ же мѣсто до Шторы стоитъ хотя 145 піастровъ, но зато страшная тѣснота, и весь путь совершается ночью, что для туриста положительно недопустимо. Кромѣ того, въ обратномъ дилижансѣ изъ Дамаска почти никогда не найдешь мѣста, поэтому рискуешь прожить въ Шторѣ или Бальбекѣ цѣлую недѣлю. Вообще, какъ мы ни разсчитывали, какъ ни

урѣзывали въ своей фантазіи дни и часы, необходимые для этого путешествія, — все-жъ, къ сожалѣнію, оказывалось, что мы бы непремѣнно упустили пароходъ и должны были ждать еще нѣсколько дней въ Бейрутѣ. Но странствованіе по Сиріи не входило ни въ какомъ отношеніи въ нашъ планъ безъ того уже порядочно долгаго египетскаго и палестинскаго путешествія, и потому, съ горемъ въ сердцѣ, пришлось отказаться отъ наслажденія видѣть низверженные древніе храмы Бальбека. День былъ такой же восхитительный, какъ вчера, какъ и всегда, я думаю, въ эти лѣтніе мѣсяцы чудной сирійской природы. Прекрасно содержанное шоссе, которому можно бы было позавидовать у насъ подъ Москвою, поднимало насъ все выше и выше вверхъ, мимо прелестныхъ виллъ съ висячими садами, террассами, балконами, кіосками; красныя пеларгоніи, желтые букеты воздушнаго жасмина, голубыя кисти plumbago и всякіе другіе виданные и невиданные, вѣдомые и невѣдомые цвѣты громадными кустами, яркими шапками, многоцвѣтными шпалерами, пестрыми гирляндами толпятся, стелятся, ползутъ, висятъ надъ головою, сіяютъ нѣжною лазурью, переливаютъ лиловымъ бархатомъ, горятъ жаромъ, сверкаютъ золотомъ, пышутъ кровью, въ тѣни пальмовыхъ и кипарисовыхъ рощъ, подъ шатрами гранатниковъ, смоковницъ и банановъ... Какія-то большія, незнакомыя мнѣ деревья, похожія на акаціи, всѣ одѣты теперь, какъ ризой, сплошными лиловыми цвѣтами, въ родѣ колокольчиковъ, такъ что листа не видно на нихъ... На каменныхъ утесахъ живописныя группы пиній пріосѣняютъ собою спрятанныя во впадинѣ камня хорошенькія кофейни, откуда смотрятъ на насъ, спокойно куря свои наргиле, турки въ чалмахъ и арабы въ фескахъ. Эти пиніи—уже гости съ недалекаго Ливана, передовые стражи тѣхъ лѣсныхъ полчищъ, которыми темнѣютъ издали его нижніе склоны.

Вонъ изъ одной виллы смотрятъ на насъ сквозь проволочную рѣшетку двѣ стройныя газели, а за ними—цѣлыя семьи утокъ и куръ. Это, очевидно, ферма какого-нибудь домовитаго

и хозяйственнаго человѣка, который соединяетъ поэзію цвѣтовъ и чуднаго пейзажа съ мирною прозою птичника.

Видъ направо внизъ въ глубокую, вѣтвистую долину, вдругъ раскрывшуюся наверху у нашихъ ногъ, ни съ чѣмъ несравнимъ. Это громадный сплошной садъ шелковицъ, апельсиновъ, рожковъ и гранатника... Шоссе сбѣгаетъ черезъ нихъ бѣлою прямою стрѣлою, обсаженное по обѣимъ сторонамъ тѣнистымъ айлантомъ; живописныя кавалькады всадниковъ, толпы пѣшеходовъ, щегольскія коляски, вереницы нагруженныхъ верблюдовъ, дилижансы, громоздкіе и громадные, какъ Ноевъ ковчегъ, нѣмецкія раскрашенныя фуры, запряженныя тремя рослыми мулами въ отличной упряжи,— безконечною чредою двигаются по немъ и радостно пестрятъ его далекую перспективу... А по сторонамъ все сады и сады, башеньки сторожевыхъ домиковъ, павильоны и дачи... Вездѣ оросительныя канавы, вездѣ фонтаны съ превосходною водой горныхъ ключей, вездѣ слѣды самой тщательной обработки и ухода. Стройныя купы перистыхъ финиковыхъ пальмъ, когда-то давшихъ свое имя этой древней финикійской странѣ, составляютъ на всякомъ шагу удивительно красивый и характерный первый планъ, на заднемъ фонѣ котораго высится вдали, заслоняя собою небо, направо и налѣво, куда ни посмотришь, громадный охватъ Ливанскихъ горъ, чудно освѣщенныхъ теперь склоняющимся къ западу солнцемъ во всѣхъ мельчайшихъ складочкахъ, впадинкахъ и выступахъ своихъ, словно они вдругъ разомъ близкимъ-близко пододвинулись сюда къ Бейруту, хотя до Ливана отсюда добрыхъ 50 в.

Теперь всякій близорукій разсмотритъ, какъ тѣсно усѣяны эти зеленые скаты Ливана весело бѣлѣющими городками, монастырями, деревеньками и хуторками.

Рѣдко гдѣ можно увидѣть такую широкую и полную картину радостнаго оживленія, многолюдства, обилія. Это истинный рай земной... Шоссе не только ведетъ въ Дамаскъ, но и окружаетъ кольцомъ весь Бейрутъ, по области его садовъ и дачъ, давая жителямъ прекрасную и близкую прогулку.

Мы возвратились назадъ, опять на дамасское шоссе, мимо роскошныхъ дачъ Аббаса-паши и другихъ богатыхъ пашей, и черезъ отличный каменный мостъ Абдулъ-Гамида свернули на сѣверную окраину города. На встрѣчу намъ двигалась тѣсными рядами экипажей публика высшаго разбора, нѣсколько позднѣе начинающая свою сіэсту. Тутъ множество европейцевъ и совершенно оевропеившихся сирійцевъ. Французы — главные хозяева Бейрута. Это—городъ ихъ спеціальнаго вліянія. Добрая половина дачъ, которыя проѣзжаемъ мы, принадлежитъ здѣшней европейской колоніи. Ей же, конечно, обязанъ Бейрутъ и всѣмъ наружнымъ благоустройствомъ своихъ дорогъ, улицъ и общественной жизни... Французскіе миссіонеры основали въ Бейрутѣ много всякихъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній для издавна покровительствуемыхъ ими маронитовъ, арабовъ-католиковъ Ливана. Вѣчная племенная вражда ихъ съ друзами, мусульманскими обитателями тѣхъ же дикихъ горъ, уже нѣсколько разъ, давала поводъ къ вооруженному вмѣшательству Франціи въ мѣстныя дѣла и мало-по-малу создала здѣсь для Франціи ея теперешнее исключительное положеніе— главной покровительницы христіянъ. Кровавыя междуусобицы ливанскихъ горцевъ отзываются даже и на мирныхъ улицахъ Бейрута и нерѣдко наполняютъ его стукомъ оружія, а пылающія вдали на скатахъ Ливана деревни друзовъ и маронитовъ составляютъ здѣсь довольно обыкновенную иллюминацію.

Еще не очень давно Бейрутъ принадлежалъ друзамъ, и ихъ знаменитый эмиръ Факръ-Эддинъ развелъ первый еловый лѣсъ около города, чтобы избавить его отъ нестерпимаго жара и безводья... И друзы, и мароніты до сихъ поръ въ большомъ количествѣ живутъ въ своемъ старинномъ городѣ. Если наверху въ немъ все ново, то въ глубинѣ земли вся почва полна развалинъ, подземелій, древнихъ сводовъ.

Въ Бейрутѣ, впрочемъ, достаточное число и православныхъ арабовъ. Они съ удивительнымъ довѣріемъ и влеченіемъ, по истинѣ для меня непостижимымъ, тянутся подъ покровительство

Россіи и жадно желаютъ учиться по-русски, имѣть русскія школы, молиться въ русской церкви, входить въ постоянныя общенія со всѣмъ русскимъ.

Съ большимъ трудомъ и послѣ многихъ неудачъ удалось завести здѣсь русское училище и русскую церковь, къ большому утѣшенію арабовъ. За то іезуиты и разныя католическія конгрегаціи собираютъ здѣсь съ каждымъ годомъ все болѣе обильную жатву. Почти нѣтъ араба въ Бейрутѣ, который бы не говорилъ по-французски, потому что въ рѣдкой школѣ не учатъ прежде всего по-французски.

«Франджя», или «францевуй» для Бейрута—это всемогущіе полубоги своего рода. Стоитъ только объявить себя «protégé français», чтобы быть увѣреннымъ во всякой помощи и защитѣ. Разумѣется, православные арабы стараются выдавать себя за «protégé russe» и также носятъ это имя съ величайшею гордостью, но имъ помогаетъ, можно сказать, только одно суевѣрное благоговѣніе восточнаго жителя къ Россіи.

Вообще, здѣшніе арабы-христіане просто стыдятся господства надъ собою турокъ и не ставятъ ихъ ни во что. Постоянныя вмѣшательства въ ихъ судьбу европейскихъ правительствъ и широкія права, предоставленныя европейскимъ миссіонерамъ, пріохотили ихъ очень скоро къ весьма выгодному покровительству европейцевъ и совершенно расшатали въ нихъ всякія чувства вѣрноподданичества къ нехристу-султану, о которомъ они говорятъ не иначе, какъ съ величайшимъ презрѣніемъ.

Говоря о Бейрутѣ, невозможно не уяснить читателю, что такое эти пресловутые мароніты и друзы, доставляющіе столько хлопотъ Европѣ. Эти два оригинальныя племени горцевъ, въ сущности чрезвычайно родственныя между собою по образу жизни, по своему неукротимому, независимому и воинственному духу, вѣковѣчные сосѣди по горамъ Ливанскимъ, которыхъ они издревле считаютъ себя единственными властителями,—постоянно вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлены между собою ожесточенною взаимною враждою.

Эти тысячелѣтніе стражи Ливана живутъ, почти недоступные турецкой администраціи и почти независимые отъ нея, въ своихъ грозныхъ ущельяхъ и на заоблачныхъ пастбищахъ. Ихъ боятся и уважаютъ сами владыки ихъ, потому что въ сущности они никогда не были покорены оружіемъ. Друзы — считаются мусульманами, мароніты — христіанами. Но и эти ливанскіе мусульмане—очень странные послѣдователи пророка, почти ни въ чемъ непохожіе на правовѣрныхъ; и эти ливанскіе христіане—тоже христіане на свой образецъ. Въ сущности друзы гораздо болѣе язычники, чѣмъ магометане. Ересь ихъ возникла въ X вѣкѣ по Р. Хр. при знаменитомъ халифѣ фатимидской династіи—Хакемѣ-Баиръ-Эллагѣ, который провозгласилъ самого себя богомъ, подтвердивъ этотъ новый догматъ подписью 16.000 своихъ поклонниковъ, запретилъ правовѣрнымъ посѣщать Мекку, торжественно проклялъ первыхъ халифовъ, отмѣнилъ всякіе посты, а женщинамъ повелѣлъ безвыходно сидѣть дома, для чего подъ страхомъ смертной казни запрещалъ изготовлять для нихъ чулки и башмаки. Магометъ-Бенъ-Измаилъ, основатель секты друзовъ, держался приблизительно тѣхъ же взглядовъ на магометанство, какъ и Хакемъ. Поклоненіе Меккѣ, обрѣзаніе, праздники, воздержаніе отъ свинины и вина, по его ученію, безполезная глупость людей; кровное родство — тоже предразсудокъ, и жениться на сестрѣ, дочери, матери, позволительно точно также, какъ и на всякой другой женщинѣ. Магометъ-Бенъ-Измаилъ называлъ себя Эль-Друзи, отчего и послѣдователи его стали извѣстны подъ именемъ друзовъ.

Ученіе Эль-Друзи было очевиднымъ отголоскомъ пережившихъ вѣка финикійскихъ вѣрованій въ Астарту, которыя и до сихъ поръ уцѣлѣли въ тайныхъ обрядахъ и обычаяхъ нѣкоторыхъ племенъ сирійскаго побережья, очень близкихъ въ этомъ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ друзамъ. Друзы вообще не соблюдаютъ никакихъ правилъ религіи, къ которой они совершенно равнодушны и не имѣютъ никакого богослуженія; но избранный слой населенія, такъ называемые «*просвѣщенные*»,

или *Аккалы*. имѣютъ различные таинственные обряды, тщательно скрываемые отъ толпы. Они составляютъ нѣчто въ родѣ духовенства друзовъ. У друзовъ удержалась даже вѣра въ переселеніе душъ, поклоненіе лунѣ, солнцу и звѣздамъ и другіе остатки древнѣйшей азіатской религіи Зороастра, уродливо перемѣшанные съ ученіемъ Магомета.

Мароніты, сѣверные сосѣди друзовъ по Ливану, имѣютъ еще болѣе древнее родословіе. Они отдѣлились отъ греческой церкви въ первые вѣка христіанства и по имени пустынника Марона, прославившагося въ VI столѣтіи своими благочестивыми подвигами, назвались маронитами. Они мало отличались отъ греческой церкви догматами и обрядами, но не хотѣли сносить господства византійскихъ правителей. Въ Ливанѣ они укрѣпились въ VII вѣкѣ, когда монахъ изъ монастыря Гамы Іоаннъ маронитянинъ основалъ тамъ независимое духовное общество и овладѣлъ почти всѣми горами. Впослѣдствіи они дѣлаются необоримымъ оплотомъ противъ мусульманства, поглотившаго своими волнами всю Сирію, и посвящаютъ всѣ свои силы отчаянной борьбѣ съ нимъ. Они принимаютъ горячее участіе и въ крестовыхъ походахъ; по словамъ Вильгельма Тирскаго, 40.000 вооруженныхъ маронитовъ бились противъ сарацынъ рядомъ съ европейскимъ рыцарствомъ. Съ этого времени, именно съ 1215 года, мароніты подпадаютъ подъ духовное вліяніе римскихъ папъ и считаются уже католиками. Но это не мѣшаетъ имъ самимъ выбирать своего особаго духовнаго вождя, котораго они титулуютъ батракомъ, или патріархомъ антіохійскимъ, по воспоминанію о прежней принадлежности своей къ патріархату Антіохіи. По старинному греческому обычаю своему, они женятъ своихъ поповъ, принимаютъ причастіе подъ обоими видами и вообще держатся почти всѣхъ обрядовъ греческой церкви, службы справляютъ на сирійскомъ языкѣ, котораго уже не понимаютъ, евангеліе читаютъ по арабски. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ихъ сосѣди-мусульмане, они носятъ зеленыя чалмы, за которыя турки недавно еще имѣли обычай уби-

вать христіанъ, но права на которыя воинственный маронитъ отстоялъ отъ своихъ мнимыхъ поработителей.

Нигдѣ нѣтъ столькихъ епископовъ и монастырей, какъ у маронитовъ. Ливанъ въ этомъ отношеніи настоящій Аѳонъ азіатскаго христіанства. Обители его славятся своимъ богатствомъ. Мужскіе монастыри перемѣшаны съ женскими, но древніе обычаи простоты, труда и цѣломудрія соблюдаются строго. Теперь, впрочемъ, католическое образованіе уже сильно проникло и въ недоступныя ущелья Ливана вмѣстѣ съ питомцами римскихъ и бейрутскихъ семинарій.

Недалеко отъ сѣверной окраины города показываютъ памятники, освященные и глубокою древностью, и глубокимъ христіанскимъ чувствомъ.

Подлѣ дороги стоитъ что-то въ родѣ обычной «уэлли» магометанъ, четырехъ-угольная часовенька изъ массивныхъ камней, безъ купола и крыши... Съ 1/4 версты въ сторону отъ часовни высится и старая турецкая мечеть, обращенная изъ той самой христіанской церкви, которая, по преданіямъ, построена здѣсь въ IV вѣкѣ во имя св. Георгія Побѣдоносца, въ память его подвига.

Красавица царская дочь Верита, говоритъ преданіе, была по жребію обречена на съѣденіе чудовищу, которое ежедневно приползало изъ своего логова на эти камни и пожирало приготовленную ей человѣческую жертву...

Прекрасная дѣва уже готовилась съ кротостью покориться горькой участи своей, какъ вдругъ около нея появляется верхомъ на бѣломъ конѣ юноша поразительной красоты, въ богатомъ уборѣ, съ копьемъ въ рукахъ... Юноша дожидается появленія страшнаго змѣя, съ молитвою къ Богу бросается къ нему на встрѣчу и однимъ могучимъ ударомъ копья поражаетъ его въ раскрытую пасть... Плѣненный змѣй торжественно сожигается имъ на глазахъ восторженнаго народа на высотѣ

холма, гдѣ нынѣ находится главная православная церковь Бейрута во имя св. Георгія...

Невдалекѣ отъ мечети этой проходитъ къ морю отъ подножія Ливана глубокая лощина, бывшая прежде русломъ рѣки... Немного не доходя до морскаго берега даже показываютъ въ ней омутъ, въ которомъ будто бы гнѣздился чудовищный змѣй...

Вообще все Финикійское побережье Средиземнаго моря, да и вся Сирія полны легендъ о св. Георгіи; хотя главное мѣсто его подвиговъ и мѣсто его теперешней гробницы—палестинскій городъ Лидда, почти по дорогѣ изъ Яффы въ Іерусалимъ, но, тѣмъ не менѣе, множество другихъ мѣстъ Сиріи, особенно прибрежной, присвоиваютъ себѣ его имя и освящаютъ себя его памятью...

Св. Георгій—идеальный представитель восточнаго христіанства въ его вѣчной борьбѣ противъ магометанъ. Если магометанство и успѣло побѣдить теперь, то святой воинъ-побѣдоносецъ во всякомъ случаѣ въ будущемъ пронзитъ своимъ копьемъ мусульманскаго дракона и раздавитъ его въ прахъ копытами своего бѣлаго коня. Эта всеобщая вѣра создаетъ всеобщее богопочитаніе Георгія на азіатскомъ востокѣ, на южныхъ окраинахъ Европы—вездѣ, гдѣ было историческое поле борьбы христіанъ съ мусульманствомъ. Но, конечно, въ основѣ преданія о геройскомъ подвигѣ св. Георгія могло лежать и дѣйствительное событіе. Я думаю, что нѣсколько легкомысленно со стороны ученыхъ скептиковъ относить такія широкораспространенныя народныя сказанія и такую глубоко укоренившуюся память о святомъ подвижникѣ, пережившую ряды вѣковъ и проникнувшую во всѣ народы, исключительно къ области поэтическаго вымысла. Почему не допустить, что поводомъ этихъ благочестивыхъ преданій послужилъ и въ самомъ дѣлѣ подвигъ спасенія народа отъ какой-нибудь великой опасности популярнымъ героемъ его... Самый разсказъ о гигантскомъ змѣѣ, даже о крылатомъ драконѣ не имѣетъ въ себѣ ничего невозможнаго, не-

вѣроятнаго, ничего противорѣчащаго ученію о природѣ. Если и до сихъ поръ уцѣлѣли на землѣ крылатыя ящерицы, хотя и не огромнаго размѣра, если палеонтологія открыла намъ скелеты и отпечатки громадныхъ плезіозавровъ, весьма близко подходящихъ къ сказочному описанію драконовъ, если на нашихъ глазахъ робкіе индусы еще на-дняхъ выставляли, а можетъ быть, и теперь выставляютъ въ глухихъ мѣстахъ, добровольныя человѣческія жертвы пожирающимъ ихъ тиграмъ, если мудрые египтяне въ историческое время поклонялись, какъ богамъ, истреблявшимъ ихъ крокодиламъ, и весь древній эпосъ Греціи, Кавказа, славянства и многихъ другихъ народовъ полонъ разсказами о единоборствѣ богатырей съ гигантскими змѣями и драконами, то что же противоестественнаго и противоисторическаго заключаютъ въ себѣ преданія, подобныя преданіямъ о св. Георгіи?..

Вечеромъ вошелъ въ портъ нашъ пароходъ «Нахимовъ», и при видѣ его сердце мое невольно забилось сладостнымъ чувствомъ родины. Какъ ни хорошо было здѣсь, все-таки что-то непобѣдимое манило домой. Но послѣднюю ночь подъ 15 мая мы провели еще въ гостинницѣ Бейрута, зная, какъ долго придется теперь качаться по волнамъ моря. Мы и эту ночь, конечно, на половину провели на плоской крыши дома, обращенной въ террасу... Невозможно было не насладиться хотя еще одинъ разъ неописуемою картиною роскошной южной ночи, которой уже никогда не испытать намъ потомъ на нашемъ суровомъ и скудномъ сѣверѣ...

Звуки фортепіано раздавались гдѣ-то внизу, заглушаемые шумомъ бурнаго танца и дикими взгизгиваніями подгулявшаго и фальшивившаго пѣвца... Но все это утопало, какъ случайная глупая нота, въ общемъ стройномъ хорѣ луннаго свѣта и безмолвной ночи... Моря было совсѣмъ не слышно. Оно лежало у ногъ горъ, тихо, нѣжно, словно тоже растроганное чарующею картиною ночи: ни одна мачта не шевельнулась, ни

одна лодочка не двигалась, бѣлые паруса казались окаменѣвшими вдали...

Луна все сливала въ одну свѣтлую туманную стихію. Море на горизонтѣ ушло въ небо, небо въ море, горы у своей подошвы потонули неразличимо въ водныхъ пучинахъ, а блѣдныя снѣговыя вершины Ливана также незамѣтно слились съ легкимъ серебристымъ туманомъ облаковъ...

Весь міръ божій сталъ единымъ, полнымъ мира и покоя, подъ этимъ волшебнымъ наитіемъ мѣсячныхъ лучей, будто потонувшій въ безпредѣльно-обильной мировой любви того Бога, котораго добрый глазъ смотрѣлъ на насъ съ высоты сквозь эту тихо сіявшую луну...

XIII.—Берега Финикіи.

Побѣдоносное воинство.—Портъ Оттоманскій.—Городъ Триполи.—Безденежная торговля—водолазы.—Руадъ, древній Финикійскій Арадъ.—Пристань св. Павла.—Филимонъ и Бавкида.—Гражданинъ Франціи среди азіатскихъ варваровъ.—Городъ Александра Македонскаго.—Культъ Астарты въ окрестностяхъ Антіохіи.—Воспоминанія объ Іонѣ пророкѣ.

Пароходъ «Нахимовъ» долженъ былъ тронуться только ночью съ рейда Бейрута.

Вечеромъ, по случаю коронаціи нашего государя, консулъ распорядился сжечь на берегу фейерверкъ... Бенгальскіе огни, ракеты—радость и удивленіе для наивнаго араба.

Мы всѣ стояли на просторной рубкѣ перваго класса, любуясь въ послѣдній разъ восхитительной панорамой Бейрута, а у ногъ нашихъ заняли палубу огромнаго парохода тѣсныя толпы арабовъ. Наша высоко поднятая площадка, вмѣщавшая въ себѣ цивилизованныя физіономіи, цивилизованныя одежды, казалась теперь, среди этой сплошной массы пестрыхъ азіатскихъ головъ, своего рода мирною лодкою среди дикихъ волнъ моря...

Это были турецкіе рекруты, набранные въ Аравіи и Сирі Они стояли едва не голые, или въ такихъ жалкихъ тряпицах что производили впечатлѣніе оборванцевъ-нищихъ, а уже ні какъ не побѣдоноснаго войска. Ими былъ полонъ глубокій широкій трюмъ, ими кишѣла и палуба. Ихъ напихали сюд какъ стадо барановъ, безъ всякихъ церемоній и разсчетов лишь бы довести какъ нибудь до базара.

Нигдѣ въ глубинѣ страны мы не видали такихъ неопря ныхъ одеждъ, такихъ нищенскихъ рубищъ. Вѣроятно, этот сметливый народъ оставилъ дома все сколько нибудь цѣнно чтобы не соблазнять всесильное начальство свое и не изнаш вать понапрасну своего добра на казенной службѣ. Ни одно караульнаго солдата нѣтъ при нихъ. Ихъ наловили силою хитростью по разнымъ дикимъ пустынямъ и ущельямъ; но раз бросили ихъ на корабль, уходить имъ некуда. Всего два оф цера завѣдуютъ теперь ими. Ихъ грубыя скотообразныя фи ономіи и ихъ мундиры съ галунами вселяютъ, повидимом невыразимый ужасъ въ этихъ наивныхъ дѣтей природы. Да какъ не вселять, когда они на глазахъ всей нашей публи хладнокровно и самоувѣренно, какъ будто бы исполняютъ с мое священное дѣло, безъ разбора колотятъ палками напра и налѣво по головамъ, по чемъ попало, возстановляя порядо въ этомъ вѣчно галдящемъ стадѣ? Какъ малыя дѣти, восхищ лись эти сыны пустынь никогда невиданными чудесами фейе верка, встрѣчая каждый вылетающій буракъ дружными кр ками изумленія и восторга...

Но вотъ сгорѣлъ послѣдній фейерверкъ, и, послѣ шу наго сверканья и треска искусственныхъ огней человѣка, кра ныхъ, желтыхъ, зеленыхъ, полныхъ копоти и дыма, еще чищ еще безплотнѣе и ослѣпительнѣе засіялъ ничѣмъ теперь нен рушимый и все собою наполнившій,—землю и небо, и море,- торжественный свѣтъ мѣсяца.

Тихо, почти незамѣтно, тронулся, вобравъ въ себя сво якоря, огромный пароходъ, до краевъ налитый народомъ, ра

рѣзая неподвижную какъ стекло и какъ стекло сверкавшую поверхность моря.

Веселое двуногое звѣрье, толпившееся на палубѣ, принялось, не теряя времени, за родимыя пѣсни. Стали въ кругъ и затянули какой-то простодушно-забавный мотивъ, хлопая въ ладоши въ тактъ пѣснѣ, дружно присѣдая до самой земли и опять поднимаясь, смотря по тому, поднимался или опускался внизъ тонъ пѣсни. И вся толпа стояла кругомъ, радостно осклабивъ бѣлые зубы, безконечно утѣшаясь комическимъ содержаніемъ пѣсни и всѣмъ шутливымъ складомъ и ладомъ ея. Цѣлый часъ подъ рядъ-повторяли пѣвцы то же самое, и ни они сами, ни ихъ слушатели, повидимому, не думали уставать... Потомъ усѣлись такимъ же кружкомъ наземь и затянули что-то очень трогательное и жалостливое, напоминавшее шелестъ осенняго вѣтра въ сѣрыхъ бурьянахъ пустыни...

Пароходъ отошелъ уже порядочно далеко, когда это босоногое воинство прекратило, наконецъ, свои забавы и стало собираться на ночлегъ... Разбились на маленькіе кружки и усѣлись себѣ, гдѣ попало, должно быть, земляки къ землякамъ.

Мы внимательно слѣдили за ними съ высоты своей рубки, и тутъ меня изумляла, какъ и во время нашихъ путешествій, эта поразительная умѣренность араба въ пищѣ. Сгложетъ себѣ маленькую сухую лепешечку, побрызгавъ ее солицею, и доволенъ, будто пообѣдалъ до отвала. Только немногіе лакомили себя, помимо черствой лепешки, кислыми цитронами, которые они рѣзали ломтиками, солили и апетитно жевали совсѣмъ со шкурою...

Знающіе люди увѣряли меня, что офицеры, провожающіе рекрутскую партію, получаютъ отъ своего правительства харчевыя деньги на каждаго человѣка, но никогда ничего не даютъ этому нетребовательному и покорному народу, которому великій постъ совсѣмъ не въ диковину... Ихъ довозятъ полуголыхъ, голодныхъ куда нибудь въ Стамбулъ или Смирну, сдаютъ по счету, какъ товаръ, и никакихъ дальнѣйшихъ разслѣдованій

и отчетовъ не полагается. Съ нами ѣхали изъ Бейрута до Триполи австрійскій вице-консулъ и агентъ Амириканскаго Ллойда, отъ которыхъ я и узналъ эти мѣстныя подробности. Между прочимъ, почтенные представители цивилизованнаго міра были искренно удивлены, найдя на русскомъ пароходѣ такія удобства, которыхъ они не встрѣчали «*даже*» на самихъ австрійскихъ пароходахъ, обыкновенно совершающихъ здѣсь срочные рейсы.

Въ Триполи мы пришли только въ 5 часовъ утра. Ливанъ, рябой отъ снѣговъ, кажется отсюда еще выше, чѣмъ изъ Бейрута. Изъ-за него выглядываютъ другіе хребты, сплошь бѣлые, стало быть, еще болѣе высокіе, вѣроятно, Антиливана. Въ старомъ классическомъ описаніи Сиріи Вольнея дается довольно странное объясненіе имени Триполи: «Въ одной сей странѣ находится три селенья: Сидонъ, Тиръ и Арадъ; города, выстроенные жителями оныхъ, были между собою такъ близки, что изъ всѣхъ вышелъ наконецъ одинъ, который и получилъ отъ Грековъ названіе Триполь, или три города». Если объясненіе это справедливо, то, конечно, Сидонъ и Тиръ были только селеніями, носившими извѣстныя историческія имена, а не знаменитыми городами Финикіи Тиромъ и Сидономъ, которые лежатъ далеко отъ Триполи, южнѣе Бейрута, и вовсе не находятся въ тѣсномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ.

Новый портъ Триполи на отдѣльномъ мысѣ, выдающемся въ море, въ порядочномъ разстояніи отъ стараго города. Бѣлые домики этого порта красиво вырѣзаются на чудной утренней синевѣ моря. Рядъ плоскихъ низенькихъ островковъ, скорѣе похожихъ на рифы, составляетъ естественную ограду рейда, замѣняя собою дорого стоющія искусственные брикватеры (то, что французы называютъ jetée). Это« *Голубиные*» и «*Кроличьи*» острова. За ними темносиняя морская волна съ бѣлыми гребнями пѣны, внутри ихъ—свѣтлая и тихая гладь. Уцѣлѣвшія кое-гдѣ средневѣковыя башни одиноко разсѣяны по берегу.

въ воздухѣ или выбить изъ рукъ сосѣда хотя горсточку соблазнительныхъ ягодъ, хоть кусочекъ мягкаго хлѣба... Напрасно оба турецкіе офицера и ихъ незамѣнимый помощникъ, огромный и мрачный пароходный кафеджи, прочищали себѣ путь черезъ эту взыгравшуюся толпу звѣрей, молотя ее прямо по глазамъ, по лбамъ, по затылкамъ палками и плетью... Имъ все-таки не удалось добраться до опрокинутаго на полъ, полузадавленнаго продавца, пока не была расхватана и проглочена его послѣдняя ягода. Тогда несчастный коммерсантъ, вскочивъ кое-какъ на ноги, бросался опрометью назадъ въ свою лодку, не помышляя уже ни о товарѣ, ни о корзинѣ, ни о жалобахъ начальству, счастливый уже тѣмъ, что остался живъ послѣ такой нежданной-негаданной трепки, и отчаянно удиралъ къ берегу, подальше отъ проклятаго парохода...

Потомъ я такъ приглядѣлся къ этой оригинальной забавѣ арабскихъ рекрутъ и до такой степени понялъ ея естественную необходимость при томъ состояніи вѣчнаго голода, въ которомъ держали обезьяноподобные турецкіе офицеры всѣхъ этихъ здоровыхъ и удалыхъ сыновъ пустыни,—что, приближаясь къ какому нибудь порту, заранѣе готовился созерцать эту неминучую трагикомическую сцену.

Публику иногда брала жалость къ голодающимъ защитникамъ Порты: кто нибудь покупалъ корзинку яблокъ или мѣшокъ булокъ и начиналъ бросать имъ внизъ, будто какимъ нибудь звѣрямъ Зоологическаго сада, возбуждая въ толпѣ оборванцевъ тѣ же дикіе крики радости и ту же отчаянную междуусобную борьбу...

Когда неблагоразумные трипольскіе торговцы, искавшіе корысти на русскомъ пароходѣ, были такимъ манеромъ одинъ за другимъ обобраны будущимъ турецкимъ воинствомъ, толпа звѣроподобныхъ младенцевъ нѣсколько успокоилась и стала мирно наслаждаться картинами чуднаго утра... Мы, «чистая публика», тоже всѣ собрались наверху, любуясь совсѣмъ новымъ

для насъ зрѣлищемъ: пароходъ нашъ былъ окруженъ цѣлою стаею маленькихъ лодочекъ. Это подплыли къ намъ здѣшніе водолазы, добывающіе на днѣ моря грецкія губки. Триполи ведетъ этими губками огромную торговлю, хотя, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, въ Парижѣ и Петербургѣ вы купите губку гораздо дешевле и лучше, чѣмъ здѣсь, на мѣстѣ ея добычи...

Водолазы эти — изумительные нырки: чистыя выдры или утки. Сколько они пробываютъ подъ водою —глазамъ не вѣришь; увѣряютъ, будто до 7-ми минутъ. Съ 10-ти лѣтъ они уже пріучаются нырять и зарабатываютъ деньги. Эти мускулистые, широкогрудые, статные молодцы стоятъ на своихъ челнокахъ совсѣмъ голые, чуть только обвязанные тряпочкой по бедрамъ, готовыя модели для художника-скульптора и достойные потомки тѣхъ эллиновъ, что создали статуи Геркулеса Фарнезскаго и Бельведерскаго Аполлона. Трудно повѣрить, будто многіе изъ нихъ кончаютъ свою жизнь злою чахоткой; гораздо правдоподобнѣе, что половина ихъ попадается въ зубы акуламъ.

Они предлагаютъ пассажирамъ парохода сейчасъ же, на глазахъ всѣхъ, достать со дна моря, что̀ имъ закажутъ. Нѣкоторые увлекаются этою забавою, бросаютъ въ воду монеты и вещи, заказываютъ губки... Голый водолазъ проворно перегибается черезъ бортъ своей лодки и всматривается нѣсколько минутъ въ глубь моря сквозь широкую и короткую трубку, въ родѣ желѣзнаго ведра съ выбитымъ дномъ... Вдругъ онъ незамѣтно и быстро, какъ угорь, выскальзываетъ изъ лодки головою внизъ... Около пояса его уже заранѣе обмотана веревка...

Вода въ этихъ мѣстахъ до того чиста и прозрачна, что даже намъ, съ высоты пароходной палубы, отлично видны малѣйшіе камешки и травки, растущія на днѣ моря; а между тѣмъ глубина здѣсь такая, что могутъ безъ труда стоять на якорѣ самые большіе океанскіе пароходы...

Мы съ любопытствомъ слѣдили за всѣми движеніями водолаза, который былъ виденъ намъ все время также ясно, какъ

видны золотыя рыбки, плавающія въ комнатномъ акваріумѣ. Я вспомнилъ, что на одной изъ всемірныхъ выставокъ Парижа мнѣ случилось видѣть нарочно построенную стеклянную башню, полную морской воды, сквозь стѣны которой публика могла разсматривать tous les faits et gestes нырявшихъ на дно водолазовъ въ ихъ чудовищныхъ нарядахъ. Кто побывалъ у береговъ Финикіи и любовался на прозрачный кристаллъ ея морскихъ пучинъ—тотъ, конечно, уже не нуждался бы въ искусственныхъ стеклянныхъ башняхъ. Эти люди-амфибіи распоряжаются въ своемъ подводномъ царствѣ, какъ у себя дома. Они скользятъ вверхъ и внизъ, съ проворствомъ и легкостью рыбы, и, когда смотришь сверху на странные ракурсы ихъ тѣла, энергически работающаго въ глубокой утробѣ моря, то, право, они кажутся похожими не столько на человѣка, сколько на быстро плывущую лягушку... Всѣ они выныривали съ какою нибудь добычей. Ни одна брошенная нами серебряная монета не осталась въ жертву наядамъ, а возвратилась на свѣтъ божій во рту счастливаго нырка. Наконецъ, когда публика истощила весь запасъ своихъ заказовъ, двое нырковъ, уже по собственному побужденію, поспѣшно опустились на дно и скоро вытащили оттуда, ловко оцѣпленный веревкою, большой тюкъ съ какимъ-то товаромъ. Конечно, они заранѣе оглядѣли его во время своихъ ныряній... Множество лодокъ съ любопытствомъ столпилось около находки, и всѣ громко дѣлали свои предположенія, съ какого парохода и когда упалъ этотъ тюкъ и что въ немъ находится... Оказалось, что въ немъ былъ подмоченный рисъ, который и былъ немедленно купленъ за нѣсколько мелкихъ монетъ нашимъ пароходнымъ кафеджи.

Счастливцы-нырки, сіяя радостными улыбками и провожаемые завистливыми взглядами товарищей, ни мало не медля, направились къ берегу — наслаждаться въ первой береговой кофейнѣ плодами своей удачи.

Насъ окружала, впрочемъ, сравнительно небольшая партія добывателей губокъ. Главная ловля происходила нѣсколько

дальше, за цѣпью Голубиныхъ островковъ... Тамъ все море было усѣяно, словно бѣлыми чайками, удящими рыбу, частыми парусами маленькихъ фелукъ.

Меня очень удивило при этомъ непостижимое отсутствіе любопытства въ простомъ русскомъ человѣкѣ. Богомольцы наши спокойно продолжали сидѣть въ своемъ отдѣльномъ отъ азіатовъ трюмѣ, протянувъ по христіански свои дегтярные сапоги, валенки, лыковыя лапти, честно умывшись, причесавшись и помолившись Богу, благообразные, какъ подобаетъ православному человѣку, сѣдыя и русыя строгія хозяйственныя бороды, въ своихъ домодѣльныхъ рубахахъ изъ синей александринки, со здоровыми славянскими носами, которыхъ не беретъ ни двадцатиградусный морозъ, ни штофы сивухи, ни злой табачище, набиваемый туда корявыми мужицкими перстами, будто сѣно въ рѣптухъ... Они сидятъ, по обычаю, кружкомъ, потягивая до трехъ потовъ свой неизмѣнный жиденькій чаекъ изъ мѣднаго чайника, размачивая въ этомъ чуть подцвѣченномъ кипяткѣ привезенные съ родины сухари и неспѣшно калякая промежъ себя... Имъ никакого дѣла нѣтъ ни до финикійской исторіи, ни до пейзажей южнаго утра, ни до голыхъ безобразниковъ-азіатовъ. Вотъ другое дѣло, еслибы на бережку святыня какая нибудь христіанская стояла, монастырекъ или храмъ божій: ну, тогда бы и они поднялись, стали бы на кресты креститься и разспрашивать знающихъ людей, «какого угодничка мощи въ обители препочиваютъ», и «нѣтъ ли тамъ иконы какой явленной», али «источничка святого»?

Нѣкоторые изъ землячковъ, должно быть, народъ неразбалованный дома чаепитіями, по своей рабочей привычкѣ, пристроились къ пароходной кухонькѣ, чистятъ повару картошки и всякую овощь, потрошатъ и щиплютъ птицъ, съ вѣрнымъ разсчетомъ попарить свои отощавшіе желудки давно непробованнымъ горячимъ кушаньемъ. Тутъ есть и монахи, но греки, а не русскіе, съ разудалыми черными глазами и жирно-упитанными тѣлесами... Они больше «*подприсосѣдились*» къ разнымъ

вдовицамъ и юницамъ, сбившимся въ кучу около своихъ походныхъ сундучковъ, и занимаютъ ихъ своей душеспасительной бесѣдою...

Древній финикійскій Арадъ, нѣкогда достойный дружка Тиру и Сидону, въ домахъ котораго, по выраженію Страбона, было болѣе ярусовъ, чѣмъ въ домахъ Рима, — теперь пустынный каменный утесъ *Руадъ*, окруженный волнами моря и покрытый мало интересными развалинами.

Я спросилъ капитана, не слыхалъ ли онъ чего о знаменитомъ нѣкогда источникѣ сладкой воды, которой древніе арадцы обрѣли среди пучины моря и надъ которымъ они устроили свинцовый колоколъ и мѣдную фонтанную трубку, чтобы черезъ нее моряки могли доставать воду для питья. Но никакихъ слѣдовъ этого оригинальнаго источника не осталось, и даже память о немъ, повидимому, утеряна среди жителей. Историкъ, еще видѣвшій своими глазами величіе финикійскихъ городовъ, видно, недаромъ пророчески обращался къ Тиру, главѣ ихъ: «пышный городъ, ты, который покоишься на морскомъ берегу, Тиръ, ты, который говоришь:—мое владычество простирается до самыхъ нѣдръ океана,—выслушай предсказанія, которыя о тебѣ изрекаются: ты распространяешь торгъ свой въ отдаленные острова до жителей неизвѣстныхъ береговъ; сосны Саннура идутъ въ корабли твои, кедры Ливана въ мачты, и тополи Бизана въ весла... Корабельщики твои сидятъ на буковомъ деревѣ изъ Кипра, оправленномъ слоновою костью... Звѣздочеты твои и мудрецы ведутъ сами корабли твои; въ услугахъ твоей торговли всѣ суда морскія. Персы, лидійцы и египтяне платятъ дань тебѣ... Арамены и сиряне доставляютъ тебѣ яхонты, пурпуръ, шитыя матеріи, ленъ, кораллы и яспись. Дѣти израилевы и іудейскія продаютъ тебѣ пшеницу, бальзамъ, ладонъ, изюмъ, вино и масло... Аравляне изъ Сабы и Рама обогащаютъ тебя въ Еменѣ торговлею пряностей, драгоцѣнныхъ камней и золота... О Тиръ, гордящійся толикою славою и сокровищами, скоро воз-

станутъ противъ тебя морскія волны, и буря опровергнетъ тебя въ глубину ихъ. Ты и сокровища твои будутъ поглощены ими; весь торгъ твой, купцы твои, корабельщики, матросы, художники, воины и все безчисленное множество народа, наполняющаго стѣны твои, истребятся въ одинъ день!»

Только къ вечеру 16 мая мы увидѣли Латакію. Эта знаменитая нѣкогда Лаодикея, построенная въ память своей матери строителемъ Антіохіи и многихъ другихъ сирійскихъ городовъ, Селевкомъ Никаторомъ, была обычною пристанью апостола Павла, который часто пріѣзжалъ сюда изъ своего родного Тарзуса, чтобы распространять и поддерживать въ окрестностяхъ Антіохіи посѣянныя имъ первыя сѣмена христіанства. Мы, можно сказать, плывемъ теперь тѣми самыми водами, мимо тѣхъ самыхъ береговъ, которые составляли когда-то любимое поле странствованій великаго апостола язычниковъ, мы теперь въ его духовномъ царствѣ...

Тѣмъ обиднѣе было увидѣть эту апостольскую Лаодикею, утонувшую въ чудныхъ садахъ чуднаго пейзажа, съ цѣлымъ лѣсомъ мусульманскихъ минаретовъ. Живописный холмъ выдѣляется изъ этой чащи садовъ, и подъ сѣнью его торжественно высится огромная мечеть, сохранившая на себѣ всѣ признаки христіанскаго собора, изъ котораго она была обращена въ магометанскую молельню.

Теперь лаодикейская пристань пуста и тиха. Почти ни одного корабля не застали мы у ея береговъ, хотя торговля ея табакомъ и фруктами еще довольно значительна. Въ древности же всѣ окрестные холмы ея были однимъ сплошнымъ виноградникомъ. Это былъ центръ винодѣлія и торговли виномъ для всего финикійскаго побережья.

Еще одна волшебная ночь юга спустилась на неописуемую красоту земли и моря. Луна страстно и ярко горѣла въ свѣтлыхъ безднахъ неба и опрокидывалась въ темные омуты моря

широко расплеснутымъ огненнымъ столбомъ, скорѣе похожимъ на отраженіе сѣвернаго солнца...

Историческіе берега древней Финикіи, со своими холмами и садами, словно таяли въ этомъ всенаводнившемъ фосфорическомъ сіяніи ночи, осѣненные горною пирамидою Дже-бель-эль-Акры, загородившей весь сѣверъ...

Не хотѣлось уходить въ душныя каюты, хотѣлось бы всю ночь просидѣть въ сладкихъ грезахъ, не то на яву, не то въ полуснѣ, на высокой рубкѣ парохода, слегка укачиваясь мѣрными колыханіями волны, впивая въ себя всѣми порами души и тѣла и этотъ лунный свѣтъ, и это дыханіе горъ, и этотъ вольный просторъ и неба, и моря.

И однако мы вскочили съ своихъ постелей очень рано, чуть только загорѣлось утро. Такъ неотразимо звала къ себѣ эта чудная природа юга, украшенная всѣми радостями молодой весны.

Наши милые и оригинальные спутники, съ которыми мы особенно близко сошлись за эти длинные праздные дни нашего морскаго странствованія, сѣдовласый французъ Д'Абадіа, съ своею нѣжно любящею супругою,—настоящіе Филимонъ и Бавкида,—поднялись еще ранѣе насъ и уже отправляются на свою обычную экскурсію къ берегамъ Финикіи. Этотъ сѣдовласый старецъ въ очень потертой и очень безцеремонной одеждѣ, въ бѣломъ гасконскомъ беретѣ на сѣдыхъ кудряхъ, котораго не увидишь ни на комъ другомъ ни въ Европѣ, ни въ Азіи,—человѣкъ въ высшей степени типичный и въ высшей степени интересный. Это извѣстный французскій ученый, «membre de l'institut», нѣкогда прославившійся своими географическими и филологическими работами, а теперь весь отдавшійся математическимъ наукамъ. Онъ возвращается теперь изъ своей научной поѣздки по берегамъ Аравіи и Африки, гдѣ онъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ производилъ измѣренія отклоненія магнитной стрѣлки. Ему уже за 80 лѣтъ, а онъ неутомимъ и бодръ, какъ юноша... Онъ — старый аристократъ-легитимистъ, владѣющій

великолѣпнымъ замкомъ съ обсерваторіей на берегу Бискайскаго залива, подъ тѣнью Пиринеевъ, и огромными наслѣдственными маетностями. У него въ домѣ не разъ гостилъ Донъ-Карлосъ, «король божіею милостью», и онъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ говоритъ о республикѣ и ея президентахъ... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ, по вызову парижской академіи, на свой счетъ ѣздилъ на островъ С.-Доминго и на свой счетъ устроилъ тамъ обсерваторію, чтобы имѣть возможность въ этихъ южныхъ широтахъ съ чрезвычайно чистою атмосферою наблюдать всего какихъ-нибудь 3 часа прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца. Для этихъ 3 часовъ, которые могли быть сведены къ нулю первою случайною тучкою, онъ прожилъ цѣлыхъ 3 мѣсяца среди полудикихъ островитянъ, въ самый разгаръ смертоносной эпидеміи желтыхъ лихорадокъ и черной оспы. Молодымъ человѣкомъ онъ поплылъ, также на свой счетъ, въ южную Америку, гдѣ Жакъ Араго предложилъ ему провѣрить свои наблюденія надъ магнетизмомъ земли, и Д'Абадіа опровергъ его выводы. Послѣ смерти Араго онъ получилъ кресло въ институтѣ по отдѣлу географіи и мореплаванія. Первымъ ученымъ трудомъ его были филологическія изысканія о языкѣ басковъ. Потомъ онъ отправился въ невѣдомыя страны Африки и 11 лѣтъ сряду жилъ среди суданцевъ и абиссинцевъ, зиму и лѣто ходя босымъ, какъ и они, питаясь ихъ нищею, живя всею жизнью ихъ, изучая бытъ, ихъ религіи, разнообразные языки и нарѣчія ихъ... Его колоссальный трудъ о географіи Еѳіопіи, занимающій 500 страницъ in folio, послужилъ главною основою его научныхъ заслугъ...

Мы всѣ съ добродушнымъ комизмомъ и съ сердечнымъ сочувствіемъ глядѣли на своеобразную жизнь этой парочки сѣдыхъ голубковъ и на ихъ поразительную энергію. Для этого вдохновленнаго жреца науки, казалось, не существовало никакихъ бренныхъ земныхъ препонъ. Смѣлый духъ его дерзалъ все и не хотѣлъ знать слабостей плоти. Когда онъ спалъ, что онъ ѣлъ,—для насъ было просто непостижимо. Словно его не-

усыпная жажда знать и мыслить одна насыщала его вполнѣ. Ляжетъ вмѣстѣ съ нами, вскочитъ ни свѣтъ, ни заря; когда мы лѣниво просыпаемся и собираемся неторопливо вокругъ стола за утреннимъ кофе и чаемъ, набивая свои утробы всякими возбуждающими напитками, печеньями, маслами, ученая пара уже возвращается изъ своей долгой и утомительной научной прогулки, и хлопотливая супруга уже усаживаетъ за столъ своего сѣдокудраго ребеночка и даетъ ему, какъ ребенку, стаканъ холоднаго молока съ кусочкомъ постнаго хлѣба. Больше ему не нужно, больше онъ не можетъ. За завтракъ онъ не выходитъ вовсе, это часъ его отдыха. За позднимъ обѣдомъ онъ съѣдаетъ одно, много—два самыхъ простыхъ кушанья, оставляя насъ утѣшать свое чрево всевозможными сладкими, жирными и пряными соблазнами кухни.—«Qui dort—dine!» увѣряетъ онъ насъ на наши изумленные вопросы.

Эта огромная мозговая коробка подъ вьющимися бѣложелтыми кудрями, прожившая уже немного не столѣтіе, еще не насытила своей умственной пытливости и словно боится потерять лишнюю минуту во снѣ и ѣдѣ, торопясь поглощать все новыя и новыя знанія... Ослабѣвшая отъ лѣтъ тѣлесная оболочка этого кипучаго духа, очевидно, не поспѣваетъ за его смѣлымъ полетомъ, но онъ неутомимо борется съ нею и не даетъ ей притягивать къ землѣ стремящіяся вверхъ крылья.

Удивительно бодрящій и рѣдкій типъ человѣка мысли и беззавѣтнаго служенія знанію, которымъ западъ такъ неизмѣримо богаче нашей еще полумладенческой отчизны. Человѣчество потеряло бы безконечно много, еслибы въ немъ исчезли эти люди исключительнаго призванія, эти великодушные безумцы, не оцѣнивающіе на рубли свой трудъ и свои жертвы.

Д'Абадіа былъ близко знакомъ почти со всѣми знаменитыми изслѣдователями Африки, съ Нахтигалемъ, Фогелемъ, Беккеромъ, Брацца, Швейнфуртомъ... Онъ—товарищъ Эрнеста Ренана и Шарко, и цѣлой толпы великихъ именъ современности. Онъ не только объѣздилъ всѣ любопытные уголки Европы, но и жилъ

подолгу въ Англіи, въ Италіи, въ Испаніи, сходился тамъ съ самыми выдающимися и политическими, и литературными дѣятелями, и поэтому разсказы его неистощимы по разнообразію и глубокому интересу.

Несмотря на свою, повидимому, сухую спеціальность, онъ обладаетъ обширнѣйшими свѣдѣніями по литературѣ, филологіи, философіи, исторіи, цитируетъ на память цѣлыя страницы классическихъ писателей и глубоко заинтересованъ многими животрепещущими вопросами новѣйшей соціологіи и нравственной философіи. По складу своего ума, пожалуй, и по особенностямъ своего оригинальнаго племени, онъ, при всей своей строгой учености, сильно помазанъ мистицизмомъ... Ученія спиритизма и гипнотизма, всякія двойныя зрѣнія и таинственныя вліянія одной души на другую находятъ въ немъ убѣжденнаго поборника и талантливаго пропагандиста. Судя по его словамъ, далеко не одинъ онъ изъ жрецовъ знаменитаго парижскаго храма наукъ —сторонникъ этого нарождающагося ученія будущаго.

Въ высшей степени характерно было отправленіе и возвращеніе съ экспедиціи этой почтенной парочки басковъ. Они пользовались для этого всякою остановкою парохода. Носильщикъ впереди, обремененный разными физическими и астрономическими инструментами, за нимъ хорошенькій и наивный, какъ дикій звѣрекъ пустыни, молодой абиссинецъ въ чалмѣ, любимый слуга старика, храбро отправляющійся изъ своей пламенной африканской родины въ страну древнихъ басковъ... Онъ тоже нагруженъ всякими зонтиками, пледами, складными скамеечками... За ними высокая сѣдовласая барыня въ безсмѣнной своей ярко-красной кофточкѣ, одѣтая съ безвкусіемъ и пестротой истой англичанки, съ бѣлымъ какаду на плечѣ, вѣчно что-то мурлыкающимъ и ворчащимъ, вѣчно расчесывающимъ свои болѣзненно-взъерошенныя перья огромнымъ крючкомъ своего желтаго клюва... Она ведетъ подъ руку, какъ заботливая нянюшка, своего маленькаго старичка въ широчайшемъ бѣломъ беретѣ и гасконскомъ плащѣ, который развѣ-

вается по вѣтру вмѣстѣ съ его сѣдыми кудрями... Картина, достойная карандаша живописца.

Яликъ уже нанятъ, и они смѣло ѣдутъ къ невѣдомымъ имъ берегамъ Азіи и вторгаются, ничего и никого не слушая, во владѣнія его величества султана, пренебрегая громкими протестами и угрозами таможенной стражи и портоваго начальства, отказываясь предъявить какой бы то ни было паспортъ и только презрительно кидая черезчуръ ужъ надоѣдающимъ преслѣдователямъ горделивое предостереженіе:—«prenez garde!.. e suis citoyen français!..» Вонъ они устраиваются со всѣмъ возможнымъ для нихъ комфортомъ на какомъ-то высокомъ мыску, устанавливаютъ свои машины, раскладываютъ свои приборы, повергающіе въ суевѣрный ужасъ азіатское начальство и окружающую ихъ толпу... Правовѣрные не сомнѣваются теперь, что они затѣваютъ что-то неслыханно-опасное; но непоколебимая самоувѣренность и безцеремонная настойчивость этого чудака-франка въ бѣлой лепешкѣ на головѣ, который хладнокровно хозяйничаетъ тутъ у нихъ, словно въ своемъ собственномъ домѣ, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, приводятъ ихъ въ совершенное смущеніе; они мало-по-малу примиряются съ совершившимся фактомъ и пребываютъ безмолвными свидѣтелями изумляющихъ ихъ волшебныхъ манипуляцій этого непостижимаго старичка въ шутовской одеждѣ все время, пока длится его наблюденіе.

Александретту мы увидѣли, только совсѣмъ приблизившись къ ней. Линія финикійскаго берега, провожавшая насъ справа, вдругъ оборвалась и уперлась въ неодолимую стѣну горъ, словно пересѣкшую ее подъ прямымъ угломъ. Мы очутились въ глубокой пазухѣ, образуемой встрѣчей этихъ двухъ береговъ—финикійскаго и малоазійскаго. Поворотъ земного очертанія здѣсь такъ рѣзокъ, что пароходу приходится идти отъ Александретты почти совсѣмъ назадъ. Эта вдавшаяся далеко въ зем-

лю морская бухта—знаменитый Скандерунъ, заливъ Александра. Здѣсь, впрочемъ, все исполнено этого великаго имени древности. Имъ построенъ и его имя носитъ городъ Александретта. Нѣсколько лѣвѣе ея намъ видно устье рѣки, названіе которой мы съ волненіемъ учили еще въ своихъ дѣтскихъ учебникахъ. Это Иссъ, мѣсто перваго пораженія македонскимъ героемъ персидскихъ полчищъ Дарія; этою побѣдою были открыты природныя ворота между горами Тавра и Ливана въ плодоносныя долины Евфрата. Еще лѣвѣе — рѣка Кидиъ, въ волнахъ котораго нѣкогда выкупался Александръ и заболѣлъ смертельною лихорадкою...

Лихорадки и смертность уцѣлѣли въ этомъ глухомъ мѣшкѣ своего рода лучше, чѣмъ развалины Александровыхъ дворцовъ. Александретта и ея окрестности славятся своимъ убійственнымъ климатомъ. Горы заслоняютъ ее со всѣхъ сторонъ и въ извѣстное время года не даютъ никуда расходиться сѣрымъ туманамъ моря и испареніямъ прибрежныхъ болотъ... Береговая равнина до того ровна, низка и плоска, что на ней совсѣмъ нѣтъ теченія водъ. Черезъ это рѣчки и ручьи, стекающіе съ горъ, не достигаютъ моря и у устьевъ своихъ превращаются въ пруды и стоячія болота. Въ прежнее время, когда корабли были деревянные, и еще не были изобрѣтены средства предохранять отъ порчи ихъ подводную часть, корабли, постоявшіе нѣсколько времени въ гавани Александретты, начинали быстро гнить. По словамъ Вольнея, какіе нибудь два мѣсяца здѣшней стоянки нерѣдко уносили въ могилу всѣхъ людей экипажа. Александреттская лихорадка не только заразительна, какъ холера, но еще очень скоро переходитъ въ водяную.

Въ трехъ миляхъ отъ Александретты стоитъ на открытомъ холмѣ селеніе Беланъ. По убѣжденію мѣстныхъ жителей, чудотворный воздухъ этой деревни возвращаетъ здоровье больнымъ, поэтому домики этой деревни, купающіеся въ лучахъ солнца, постоянно наполнены горожанами.

Со всѣмъ тѣмъ, общій пейзажъ Александретты удивитель-

но гористый. Низина составляетъ только какъ бы ничтожную пяту этихъ надвинувшихся къ морю каменныхъ громадъ. Горы Амануса, заслонившія сѣверъ, особенно высоки и особенно красивы, потому что ихъ чуть рукой не схватишь. Въ общемъ они напоминаютъ собою Альпы Швейцаріи съ роскошными ихъ заоблачными пастбищами. Отвѣсные осколы и обрывы ихъ, ихъ причудливые скаты, покрытые яркими лугами, ихъ подоблачные черепа, обросшіе лѣсами, словно густою шапкою волосъ,— все это цѣликомъ, отъ пяты до макушки, опрокидывается въ затишье морского залива и кладетъ на всю окрестную мѣстность какую-то меланхолическую темнозеленую тѣнь... Даже воздухъ здѣсь кажется темнѣе и влажнѣе, словно подъ сѣнью этихъ горныхъ громадъ, загораживающихъ солнце, здѣсь царятъ постоянныя сумерки.

Сосѣдство горъ и въ другомъ смыслѣ не совсѣмъ удобно для Александретты. До самаго послѣдняго времени разбойничьи курдскія племена, населяющія эти горы, дѣлали чрезвычайно опасною дорогу изъ Александретты въ Алеппо, по которой постоянно происходитъ движеніе товаровъ, такъ какъ древній городокъ Александра, обратившійся въ унылую и малолюдную факторію левантинскихъ купцовъ, служитъ близкою и помѣстительною гаванью для богатаго Алеппо. А кромѣ того, всякій разъ какъ горы Амануса начинаютъ покрываться снѣгомъ, съ нихъ дуютъ на теплое море такіе жестокіе вѣтры, которые просто выкидываютъ вонъ корабли, стоящіе въ Александреттской гавани. Иногда въ теченіе цѣлыхъ 3—4 мѣсяцевъ сряду нѣтъ возможности войти въ этотъ, повидимому, совершенно тихій и безопасный портъ. Старый городъ Александра Македонскаго былъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ моря, на полугорѣ. У самаго же моря была только гавань его, камни которой съ огромными желѣзными кольцами до сихъ поръ видны подъ водою у берега Александретты.

Въ ближайшемъ разстояніи отъ Александретты, нѣсколько къ югу отъ нея, находится и знаменитая Антіохія, нѣкогда

роскошная столица Селевкидовъ, а потомъ резиденція антіохійскаго патріарха, который, однако, давно уже живетъ въ Дамаскѣ.

Въ Александреттѣ присѣлъ къ намъ на пароходъ, отправлявшійся въ Смирну, богатый левантинскій негоціантъ Сида, который своимъ типомъ лица, выговоромъ, пріемами, удивительно смахивалъ на потомка Іакова и, вѣроятно, по этой причинѣ съ особенною настойчивостью выдавалъ себя за американца. Онъ дѣйствительно большею частью проживаетъ въ Нью-Іоркѣ, гдѣ ведетъ обширную торговлю продуктомъ, который я никогда не могъ бы себѣ представить серьезнымъ предметомъ дохода. Въ окрестностяхъ Антіохіи, Алеппо и другихъ мѣстахъ Сиріи у него учреждено болѣе 20 складочныхъ мѣстъ для покупки корней лакрицы. Въ Александреттѣ онъ устроилъ заводъ для выжиманія изъ нея сока, а въ Смирнѣ его главное депо. Онъ только что нанялъ въ различныхъ мѣстахъ 2.000 верблюдовъ, чтобы перевезти свой оригинальный товаръ изъ глухихъ уголковъ Сиріи въ Смирну. Годовой оборотъ его торговли лакрицею простирается до 800.000 доллеровъ, т.-е., по теперешнему курсу, болѣе 2 мил. руб... Сначала я съ большимъ недовѣріемъ отнесся къ этимъ цифровымъ даннымъ, ибо трудно вообразить себѣ, чтобы человѣчество могло такъ много потреблять этого лекарственнаго корня. Но Сида разсказалъ мнѣ, что всѣ жители Америки, а особенно матросы, имѣютъ обычай жевать табакъ, смѣшанный съ сокомъ лакрицы; поэтому потребленіе этого сока достигаетъ въ Америкѣ громадныхъ размѣровъ. Что-жъ? вѣкъ живи, вѣкъ учись!

Почтенный американскій израильтянинъ снабжаетъ также свою новую родину коврами и шелковыми тканями Смирны, Алеппо и Дамаска, а вмѣстѣ съ тѣмъ преисполненъ большой любознательности и даже порядочно начитанъ: цитируетъ исторію Греціи Грота и философствуетъ съ большою развязностью о всякихъ «матеріяхъ важныхъ». Онъ разсказывалъ намъ объ окрестностяхъ Александретты и Антіохіи, гдѣ онъ знаетъ каждый вершокъ...

Антіохія теперь уже не та жалкая деревушка среди развалинъ, какою она была еще въ путешествіе Вольнея. Она до сихъ поръ, какъ въ древнія времена, обилуетъ лѣсами дафны (то же, что́ лавръ). Извѣстно, что въ окрестностяхъ Антіохіи богъ поэзіи Аполлонъ, вѣроятно, на страхъ и поученіе черезчуръ неприступнымъ дѣвамъ будущаго, обратилъ въ дерево съ сухими и жесткими листьями безжалостную дѣву Дафну, остававшуюся нечувствительною даже къ мелодіямъ божественной любви. Здѣсь долго среди лавровой рощи, противъ священнаго миѳологическаго дерева, стояла статуя Аполлона, долженствовавшая напоминать прекрасному полу въ теченіе вѣковъ любвеобильную заповѣдь бога поэзіи. Теперь статуи этой, разумѣется, и слѣдовъ не осталось, потому что страшное землятресеніе поглотило Антіохію съ ея 200,000 жителей. Уцѣлѣлъ отъ разрушенія только историческій мостъ на Оронтѣ, построенный Александромъ Македонскимъ, да церковь апостола Павла на горѣ. Впрочемъ, теперешніе обитатели здѣшней стороны, повидимому, вовсе не нуждаются въ увѣщаніяхъ лучезарнаго Феба, чтобы предаваться культу любви.

Словоохотливый левантинецъ сообщилъ намъ о нравахъ мѣстныхъ жителей—вещи довольно любопытныя. По словамъ его, феллахи Александретты и Антіохіи, и вообще всей этой страны до Аданы и Мерсины, хотя и считаются магометанами, но въ сущности—явные идолопоклонники, придерживающіеся древней религіи, унаслѣдованной отъ финикіянъ. Культъ Астарты здѣсь въ полномъ ходу. Въ честь ея до сихъ поръ совершаются среди феллаховъ позорныя оргіи, гдѣ всѣ предаются, подъ покровомъ темноты, свальному грѣху, не разбирающему ни сестеръ, ни матерей... Браку здѣсь не придаютъ никакого значенія, и безнравственность мужчинъ и женщинъ не знаетъ предѣловъ. Оттого арабы и турки относятся къ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ, не пускаютъ ихъ въ свои мечети и считаютъ позоромъ родниться съ ними. Вообще племя это, очевидно, разлагающееся. Они всѣ униженные и безсильные рабы, трусы и

нищіе. Бедуины — сравнительно съ ними — нація богатырей и рыцарей. Вольней въ своемъ старинномъ классическомъ путешествіи по Сиріи называетъ этихъ феллаховъ племенемъ назаріевъ и отводитъ имъ мѣсто въ пашалыкѣ Триполи, отъ горъ Ливана до Латакіи и Антакіи, къ сѣверу отъ маронитовъ. По разсказамъ его, эти назаріи разбиваются на разныя секты идолопоклонническаго характера: одни обожаютъ солнце, другіе—собаку, а кадмузіи, поклонники женскаго плодородія, составляютъ между собою тайныя общества для служенія Венерѣ, устраиваютъ ночныя собранія, гдѣ поютъ различные гимны въ честь богини любви, потомъ гасятъ свѣчи и мѣшаются между собою, какъ прежніе гностики.

Въ деревнѣ Мортуанъ, въ разстояніи одного дня отъ Александретты, жители предлагаютъ путешественникамъ за нѣсколько серебряныхъ монетъ своихъ красивыхъ женъ и дочерей, вѣроятно, тоже въ видѣ жертвы богинѣ любви.

Въ Александреттѣ мы съ искреннею радостью встрѣтились со своимъ русскимъ пароходомъ «Лазаревъ», на которомъ толпы землячковъ-мужичковъ отправлялись сирійскимъ берегомъ въ Яффу. Разспросили капитана, что̀ новенькаго на родинѣ, и отобрали у него нетерпѣливо ожидавшуюся почту, которой мы не видали уже нѣсколько недѣль.

Отъѣхавъ немного къ сѣверу отъ Александреттскаго порта, недалеко отъ дачи одного мѣстнаго француза, мы увидѣли два каменныхъ столба, сошедшихъ въ самыя волны морского прибоя... Столбы эти обозначаютъ то именно мѣсто, куда, по библейскому разсказу, былъ выкинутъ Іона пророкъ, пробывшій во чревѣ китовомъ 3 дня и 3 ночи. Значитъ, во всякомъ случаѣ, Александреттская бухта и въ тѣ далекіе вѣка славилась бурностью своихъ вѣтровъ и опасностью своихъ береговъ. По поводу этого библейскаго воспоминанія между нами поднялся оживленный разговоръ о томъ, могли ли когда нибудь киты

держаться около береговъ Малой Азіи, въ глубинѣ такого людnаго моря, со всѣхъ сторонъ охваченнаго землею,—и мыслимо ли, чтобы это чудовище съ узенькимъ горлышкомъ, питающееся моллюсками и сельдями, было въ состояніи проглотить цѣлаго человѣка.

— А знаете ли, замѣтилъ мнѣ О., главный механикъ парохода, человѣкъ бывалый, искрестившій воды всѣхъ океановъ: —года три тому назадъ, вотъ на этомъ самомъ берегу, мимо котораго мы теперь ѣдемъ, я собственными глазами видѣлъ кашалота, выкинутаго бурею, еще полуживого. Его при мнѣ же купилъ за порядочную цѣну французскій вице-консулъ и скелетъ его послалъ въ Парижъ, въ Jardin des plantes.

— Помилуйте!—недовѣрчиво возразилъ ему я: — да развѣ кашалоты водятся въ Европѣ? Вѣдь ихъ видятъ только у береговъ Америки или Азіи?

— Не вѣрьте этому. Это пустыя розсказни!—спокойно увѣрялъ О. — Мы, моряки, постоянно встрѣчаемъ кашалотовъ въ Средиземномъ морѣ; у береговъ Испаніи и Сициліи ихъ пропасть!.. А вѣдь, замѣтьте, у кашалота горло вовсе не такое узенькое, какъ у кита. Онъ можетъ безъ труда проглотить человѣка.

Меня это извѣстіе дѣйствительно озадачило. Еще разъ пришлось подумать, какъ поверхностно судимъ мы иногда съ высоты своей научной мудрости наивныя повѣствованія древнихъ вѣковъ, и какъ часто случается, что дальнѣйшее накопленіе знаній дѣлаетъ въ нашихъ глазахъ возможнымъ и естественнымъ то, что прежде казалось невѣжественнымъ плодомъ суевѣрной фантазіи.

XIV.—Вокругъ малой Азіи.

Древняя Киликія.—Домашній бунтъ и домашняя расправа.—Адамійскій заливъ.—Гнѣзда первыхъ христіанъ.—Развалины великихъ городовъ древности.—Турецкій паша и Европейскій ученый.—Косъ, родина Гиппократа.—Острова Патмосъ и Самосъ.—Золотоносная Лидія.—Остр. Хіосъ.—Столица Малой Азіи.—Въ русскомъ консульствѣ.—Праздникъ тѣла Господня.—На дачахъ Смирны.—Ченакъ-Кале.—Пожаръ Стамбула.

Берегъ за Александреттою изъ западнаго превращается въ южный, изъ финикійскаго — въ малоазійскій. Это начинается *Караманія*, заключающая въ себѣ древнюю Киликію и Памфилію. Она тянется отъ Александреттской пазухи вплоть до Адамійскаго залива. Обширныя развалины Помпеополиса, отлично видныя намъ съ парохода, составляютъ вполнѣ подходящее вступленіе въ эту страну давно погибшихъ царствъ. Городокъ Тарсусъ, родина апостола Павла, тоже на этомъ берегу Караманіи, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Александреттою.

Мерсину мы увидѣли только рано утромъ 18 мая. Она тонула въ зеленыхъ садахъ, надъ голубымъ моремъ, осѣненная снѣгами Тавра, залитая солнцемъ. Таврскій хребетъ настолько удаленъ отъ берега, что не кажется отсюда высокимъ, только бѣлые снѣга, нетронутые даже майскимъ жаромъ, краснорѣчиво говорятъ о его дѣйствительной высотѣ.

Мерсина, какъ и всякій прибрежный городъ Малой Азіи, выросъ изъ развалинъ. Все это новыя растенія, пробившіяся сквозь тлѣющіе трупы древней исторіи... Каменные останки Елёвзы или Себасты, торчащіе около Мерсины, называются теперь Айашъ. Рядомъ съ ними на утесистомъ островѣ и на обрывистомъ мысѣ материка, отлично сохранившіяся развалины живописныхъ замковъ Korghos. При яркомъ блескѣ весенняго утра всѣ эти скалы и башни, въ упоръ освѣщенныя только что поднявшимся солнцемъ, цѣликомъ опрокидывавшія свои отраженія въ затихшей глади моря, представляютъ собою ни съ

чѣмъ несравнимую картину. Весь берегъ далеко кругомъ усѣянъ водопроводами, стѣнами, башнями, полонъ жизни. Дальнозоркая морская труба, черезъ которую я теперь любуюсь на окрестности съ высоты капитанскаго мостика, слушая объясненіе этого опытнаго моряка и совѣтуясь съ превосходными картами, на которыхъ обозначенъ каждый камушекъ, выдаетъ мнѣ всѣ тайны этого прелестнаго и интереснаго побережья.

Пароходъ двигается такъ плавно и ровно по совершенно спокойному морю, что о немъ совсѣмъ забываешь. А между тѣмъ картины, одна красивѣе другой, одна характернѣе другой, смѣняются въ вашихъ глазахъ. Вонъ видно сверкающее устье рѣки Каликадна, вонъ опять щетинятся на береговыхъ холмахъ развалины древней Селевкіи... Мы теперь идемъ, не приставая къ берегу, не отдыхая, цѣлыхъ 52 часа сряду. Ни съ чѣмъ несравнимое чувство радости бытія наполняетъ человѣка, когда спокойно и безопасно, будто на крыльяхъ какой нибудь гигантской птицы, проносишься въ этомъ огромномъ пловучемъ домѣ, полномъ всевозможныхъ удобствъ, мимо прекраснѣйшихъ странъ міра, въ чудные весенніе дни, свободный отъ всякихъ дѣлъ и заботъ, какъ отучившійся ребенокъ въ праздникъ, и неспѣшно перелистываешь восхищенными глазами одну за другою эти напоенныя южнымъ солнцемъ и дышащія поэтическими воспоминаніями древности картины живого альбома, вездѣ провожающія васъ. Мы созерцаемъ страну младенческихъ легендъ и первобытныхъ историческихъ событій, нѣкогда помѣщавшую въ себѣ, среди этихъ гористыхъ мысовъ и голубыхъ заливчиковъ, цѣлыя могучія царства; мы любуемся теперь тѣми же волнами, тѣмъ же небомъ, тѣми же горами и берегами, что̀ видѣли нѣкогда Персей, Геркулесъ и Ахиллъ; ничто не измѣнилось въ нихъ въ теченіе тысячелѣтій, такая же вѣчная чарующая красота приковываетъ къ нимъ взоры человѣка, такая же вѣчная неразгаданная тайна покрываетъ ихъ... Если забыть, что насъ несетъ сила пара, то фантазія можетъ всецѣло представить себя въ обстановкѣ древнихъ вѣковъ, когда смѣлыя скорлупы пер-

выхъ греческихъ и финикійскихъ мореплавателей разрѣзали эти голубыя волны.

Никакая ученая книга, никакое изображеніе художника не въ силахъ замѣнить человѣку этого живого созерцанія исторической страны, этого невольнаго проникновенія ею всѣхъ чувствъ и мыслей человѣка. Изслѣдователь древности, желающій раскрывать другимъ характерныя особенности жизни и дѣяній исчезнувшаго народа, прежде всего обязанъ воочію узнать страну, служившую ему колыбелью,—иначе онъ самъ не пойметъ этого народа и не будетъ въ силахъ изобразить его другимъ. Необходимо дышать однимъ съ нимъ воздухомъ, необходимо быть окруженнымъ тѣми же самыми впечатлѣніями природы, чтобы сродниться съ его духомъ и вычитать въ немъ его завѣтныя тайны...

Между тѣмъ, нашъ пароходъ людиѣетъ все больше и больше. Въ каждой пристани къ намъ пригоняютъ новую толпу рекрутъ, съ тою же простодушною беззаботностью объ ихъ пропитаніи и ихъ удобствахъ, съ какою пригоняли намъ въ Бейрутъ босоногихъ арабовъ. Но здѣшніе рекруты—уже совсѣмъ иной народъ. Начиная съ Александретты, появляются смуглые молодые красавцы строгаго греческаго типа, въ яркомъ и пестромъ турецкомъ одѣяніи, въ тюрбанахъ, живописно нагроможденныхъ на головѣ, въ расшитыхъ золотомъ граціозныхъ курточкахъ. У всякаго свой багажъ, тщательно уложенный, своя постель, своя посуда для ѣды. Они съ горделивымъ презрѣніемъ смотрятъ на ободранную и нечистоплотную арабскую сволочь, что̀ копошится и грызется въ тѣснотѣ своего трюма, какъ стая загнанныхъ волковъ. Зажиточные и цивилизованные турки совсѣмъ отдѣлились отъ нихъ и сбились въ кучу по другую сторону паровой машины, стараясь не смѣшиваться съ ними ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ, ни въ играхъ, ни въ молитвѣ. Но, несмотря на это, то и дѣло вспыхиваютъ ссоры и свалки между двумя враждебными становищами. Теперь малолюдное начальство этой правовѣрной арміи можетъ спать спокойно: взаимная ненависть

арабовъ и турокъ даетъ имъ надежныхъ союзниковъ въ случаѣ серьезнаго мятежа одной изъ враждующихъ партій. Одинъ разъ дѣло чуть не дошло до мятежа. Грубые и жестокіе офицеры, деспотически распоряжавшіеся этимъ человѣческимъ табуномъ, довели до отчаянія голодныхъ дѣтей пустыни, не давая имъ ни чего ѣсть чуть ли не въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Къ портамъ давно уже не приставали, и потому голая бѣднота не могла ничѣмъ раздобыться у торговцевъ, посѣщающихъ палубу парохода, а свое, что́ было, все давно погрызли. Глухой ревъ поднялся мало-помалу на палубѣ, толпа волновалась, глаза сверкали, зубы злобно стискивались, руки энергически взмахивали... Какая-то бритая дочиня черномазая голова безъ ермолки и безъ чалмы, атлетическаго вида, съ свирѣпыми глазами, ораторствовала и жестикулировала отчаяннѣе всѣхъ. Оказалось, что это былъ староста арабскихъ рекрутъ, остроумно выбранный въ эту должность, какъ самый сильный и самый буйный изъ всѣхъ. Волненіе принимало такіе угрожающіе размѣры, что публика наша струхнула не на шутку и упрашивала капитана вооружить на всякій случай матросовъ... Полуголая загорѣлая стая проголодавшихся двуногихъ звѣрей дѣйствительно бросала на насъ снизу самые недвусмысленные взгляды и, будь ея воля, очевидно, распорядилась бы сейчасъ съ нами по своему... И вдругъ среди этой безчисленной ревущей толпы, заполонившей всю палубу парохода, появились двѣ низенькія коренастыя фигуры турецкихъ офицеровъ въ сѣрыхъ суконныхъ мундирахъ съ красными фесками, и впереди ихъ громадная мрачная фигура пароходнаго кафеджи... «Ну, думалъ я, пропали вы теперь, голубчики... Двинутъ васъ сейчасъ—только мокро отъ васъ будетъ...» Но произошло то, чего я никакъ не ожидалъ: подъ гнѣвнымъ натискомъ суроваго начальства вся эта стая звѣрей вдругъ обратилась въ толпу перетрусившихъ школьниковъ. Богатырь-кафеджи безжалостно полосовалъ ихъ направо и налѣво, ничего не разбирая, своей короткой и тяжелой плетью по глазамъ, носамъ и ушамъ... За нимъ неистово напирали двѣ горбоносыя

губастыя обезьяны въ офицерскихъ мундирахъ, безъ промаха и безъ отдыха колотя палками по тѣснившимся кругомъ головамъ... Съ дикими воплями давили другъ друга, спасаясь отъ ударовъ, злосчастные арабскіе воины: одни прыгали и падали со всего разбѣга въ раскрытое отверстіе глубокаго трюма, другіе лѣзли черезъ борты парохода и повисали надъ водою, уцѣпившись, какъ клещами, своими костлявыми пальцами за какой нибудь винтъ или веревку... Могучій кафеджи хваталъ тщедушныхъ кочевниковъ за шею и бросалъ ихъ, награждая въ догонку кулаками, въ ту же пасть трюма, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, головою или бокомъ хватится несчастный тамъ внизу о дубовый полъ. Главною цѣлью этого дружнаго натиска начальства оказался атлетъ-староста, возмутившій своими рѣчами всю ватагу. До него наконецъ пробились, и его схватили всѣ трое разомъ... Толпа уже была разсѣяна, смирена и наполовину ввергнута въ трюмъ. Началась жестокая расправа. Громаднаго араба потащили къ кормѣ, за нашу рубку, и, скрутивъ ему руки назадъ корабельною веревкою, принялись нещадно хлестать его въ двое рукъ по смуглой оголенной спинѣ, сразу вспухшей, какъ багровая подушка, крутыми веревочными жгутами... Мы всѣ съ ужасомъ отвернулись отъ этого зрѣлища и спаслись поскорѣе въ каюты, чтобы не слыхать этихъ безжалостныхъ ударовъ и этого воя убиваемаго звѣря.

А вечеромъ, смотримъ, простодушное звѣрье опять все забыло: опять, какъ ни въ чемъ не бывало, веселыя дѣтскія пѣсенки съ прихлопываньемъ ладошей, съ присѣданіями и потѣшными гримасами, опять плясъ до умора на голодное брюхо.

Когда мы проснулись на другое утро, новый фантастическій пейзажъ рисовался чудными красками по фону утренняго неба, какъ нѣжная миніатюра на слоновой кости. Высокія нѣжныя вершины горъ Чюраликъ обрамляли берега Адалійскаго залива. Хелидонскій мысъ и о-въ Хелидонія заканчиваютъ собою древнюю Памфилію, и за мысомъ начинается другая область древ-

ности — Ликія. Съ Памфиліей кончается и турецкая провинція Карамалія; Ликія уже принадлежитъ къ Анадоліи, куда входитъ все западное побережье малоазійскаго полуострова.

Большой торговый городъ Адалія расположенъ въ самой глубинѣ Адалійскаго залива. Въ 3 дняхъ пути отъ него городъ Спарта, нѣкогда основанный спартанцами. Вся вообще окрестная страна и весь этотъ берегъ носятъ названіе Спарты. Это богатѣйшая и плодороднѣйшая страна, населенная красивымъ, дѣятельнымъ и способнымъ племенемъ. Все это истые греки, хотя уже говорятъ по турецки и молятся Магомету. Вообще все торговое средиземное побережье съ его драгоцѣнными бухтами и островками покоренные греки умѣли удержать за собою, хотя и цѣною полнаго своего отуреченія. Собственно турецкое населеніе вездѣ оттерто отъ моря и скучилось въ горахъ и долинахъ материка. Старая столица перваго турецкаго царства, откуда двинулись на Европу побѣдоносныя полчища османлисовъ, городъ Иконіумъ, эта магометанская Москва, въ которой до сихъ поръ обязаны вѣнчаться на царство турецкіе султаны и гдѣ пребываетъ великій шейхъ, стоитъ нѣсколько правѣе и дальше Спарты, среди этой самой христіанской когда-то страны Галатійской, къ жителямъ которой обращалъ апостолъ Павелъ свое «посланіе къ Галатамъ». Здѣсь въ сущности истинное гнѣздо турецкаго могущества, изъ котораго оно черпаетъ свои силы и на которое опирается въ минуты опасности.

Мы миновали еще одинъ живописный мысъ и спрятанную за нимъ Феникійскую бухту... На берегу ея, очень близко отъ моря, развалины Миръ-Ликійскихъ, знаменитой родины св. Николая, мощи котораго уже давно увезены отсюда итальянцами въ Калабрію, въ городокъ Бари.

Вообще этотъ уголъ Азіи полонъ мѣстностей, чѣмъ нибудь прославленныхъ въ первые вѣка христіанства. Малоазійскій полуостровъ былъ главнымъ гнѣздомъ первобытной церкви христіанской. Великій апостолъ язычниковъ, «узникъ за нихъ во Господѣ», какъ онъ называлъ себя, самъ уроженецъ этого

малоазійскаго побережья, здѣсь именно сѣялъ неутомимѣе всего слово божіе, «подвизался подвигомъ добрымъ», «благовѣствуя миръ дальнимъ и близкимъ», «непрестанно со слезами уча народъ», и собиралъ свои обильныя первыя жатвы. Здѣсь, въ этихъ укромныхъ домикахъ и тихихъ бухтахъ, незамѣтно укоренялись и росли братскія общины семьи Христовой, и неутомимый проповѣдникъ евангелія своими частыми посѣщеніями и письмами оживлялъ этихъ дѣтей духа своего, «за которыхъ онъ мучился муками рожденія», по удивительному выраженію его посланія. Посланіе Павла къ Ефесянамъ, Галатамъ, Колосянамъ, Тимоѳею направлены именно въ эти скромные малоазійскіе разсадники Христовой вѣры. Тутъ находилось большинство городовъ, упоминаемыхъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ при разсказѣ о проповѣди Павла: Пергія, Антіохія Писидійская, Иконія, ликаонскіе города Листра и Дервія, Аталія и др. Тутъ были всѣ семь церквей, поминаемыхъ въ апокалипсисѣ, которымъ писалъ свое откровеніе тайновидецъ Іоаннъ. Здѣсь же, въ малоизвѣстныхъ теперь городахъ, собирались нѣкогда первые соборы святителей и учителей христіанства, вселенскіе и мѣстные, установившіе главнѣйшіе догматы и обряды еще не раздѣленной тогда церкви христіанской. Никея, Халкедонъ, Анкира—все это города малоазійскаго полуострова.

Когда читаешь книгу Дѣяній апостольскихъ, изумляешься тому, что въ какой бы городъ Малой Азіи не приходилъ тогда апостолъ Павелъ, вездѣ рѣшительно, во Фригіи, Мизіи, Лидіи, Галатіи, также какъ Антіохіи, Дамаскѣ, на островахъ архипелага, на берегахъ Балканскаго полуострова, въ Ѳессаликахъ, Коринѳѣ, Аѳинахъ, даже въ самомъ Римѣ, — вездѣ онъ находилъ многочисленныя еврейскія общины и синагоги, словно эти города входили нѣкогда въ составъ царства израильскаго. Это показываетъ изумительное распространеніе еврейской расы и еврейскихъ идей по лицу всей земли еще задолго до разоренія Іерусалимскаго храма. Историкъ Іосифъ Флавій дѣйствительно разсказываетъ, что въ его время греки Антіохіи, Алек-

сандріи и др городовъ во множествѣ переходили въ еврейство. «Стремленіе къ нашему культу до того овладѣло массами, пишетъ онъ, что нѣтъ ни одного города, греческаго или варварскаго, нѣтъ ни одной націи, гдѣ бы не вошло въ обычай праздновать субботу, держать наши посты, придерживаться нашихъ правилъ о пищѣ»... Въ Римѣ называлось это вести «vitam judaicam», и противъ обрѣзанія дѣтей, не принадлежавшихъ къ еврейству, даже были изданы законы... Несомнѣнно, что это повсемѣстное распространеніе еврейства облегчило и апостолу язычниковъ его всесвѣтную проповѣдническую миссію, для которой первымъ поприщемъ онъ избиралъ синагогу съ ея вкоренившимися уже обычаями всенародныхъ поученій и состязаній о вѣрѣ...

Малая Азія—истинная сокровищница имперіи Оттоманской. Вся она—огромный торговый портъ, сплошной садъ, кишащій дорогими плодами; археологамъ тутъ можно съ ума сойти отъ непочатыхъ историческихъ кладовъ самой разнородной и самой глубокой древности. Развалины большихъ, славныхъ городовъ на каждомъ шагу. Въ окрестностяхъ одной Смирны нѣсколько такихъ знаменитыхъ городовъ: и Ефесъ съ его храмомъ Діаны, однимъ изъ чудесъ свѣта, и Сардесъ, роскошная столица Креза, и Пергамъ, гдѣ еще недавно совершены поразительныя раскопки гробницъ царей пергамскихъ, и Филадельфія, и Магнезія... Вообще старая и богатая Лидія, гдѣ лежитъ нынѣшняя Смирна, была всегда главнымъ торговымъ и политическимъ ядромъ малоазійскаго побережья. Между Ликіею и ею помѣщалась прежде еще область Карія съ историческимъ городомъ Милетомъ, Марселемъ древности. Теперь всѣ эти старыя греческія области западнаго побережья, Ликія, Карія, Лидія и Мизія, вмѣщавшая въ себѣ землю древнихъ троянцевъ, составляютъ одну турецкую провинцію Анадолію, самую завидную жемчужину въ коронѣ падишаха.

Только къ вечеру мы поравнялись съ о-вомъ Кастельриза, увѣнчаннымъ полуразрушенными романтическими замками...

Пароходъ нашъ все болѣе и болѣе забираетъ сѣверозападный курсъ, вмѣсто строго западнаго, которымъ мы шли все время отъ Александретты. Мы огибаемъ теперь югозападный уголъ Малой Азіи и отъ о-ва Коса пойдемъ уже прямо на сѣверъ. Но еще цѣлая ночь отдѣляетъ насъ отъ этого поворота, и, къ великому сожалѣнію нашему, приходится проспать даже живописный о-въ Родосъ, мимо котораго мы проѣдемъ въ самый развалъ ночи.

Съ нами ѣдетъ отъ Александретты важный турецкій паша, знатной фамиліи. Онъ прибылъ въ Александретту изъ Аданы, главнаго города цѣлой области, съ большою семьею и свитою. Съ нимъ его сынъ, офицеръ оттоманской арміи, а съ сыномъ— молодая жена сказочной красоты. Султанъ за заслуги отца подарилъ юношѣ черкешенку изъ собственнаго гарема, въ которомъ она сохранялась съ десяти лѣтъ. Рослая и статная красавица съ огромными, глубокими, какъ озеро, черными глазами, съ удивительно вырѣзаннымъ маленькимъ ротикомъ, казалась неземною Пери рядомъ съ обезьяноподобною глупою рожею своего коротенькаго и сутуловатаго супруга. Впрочемъ, этотъ владыка дней ея не позволялъ никому любоваться на красавицу-черкешенку и пряталъ ее, какъ только могъ. Бѣдная женщина только что скинула ребенка и, не успѣвъ оправиться отъ страшнаго потрясенія всего своего организма, должна была вытерпѣть мучительный переѣздъ по непроѣзднымъ горнымъ дорогамъ въ тряской арбѣ отъ Аданы до Александретты. Понятно, что она вся исходила теперь кровью и сдѣлалась блѣдна, какъ воскъ. Невѣжественныя турчанки рѣшительно не знали, что̀ съ нею дѣлать, а паша и его сынокъ — и того менѣе. Молодой красавицѣ страшно не хотѣлось умирать, а дѣло, очевидно, шло къ этому. И мужъ ея, и старикъ были въ отчаяніи, даже непривычныя слезы проступали въ ихъ глазахъ. Они безпомощно кидались за совѣтами то къ тому, то къ другому и, какъ

малыя дѣти, слушались всякаго вздора, который городилъ имъ первый встрѣчный...

Хотя самъ паша помѣстился въ нашихъ каютахъ I класса, но женщины его, дешевизны ради, заняли помѣщеніе на палубѣ. За рубкою каютъ-компаніи, на самой кормѣ, имъ натянули тентъ изъ паруса, и онѣ разлеглись тамъ со своими хорошенькими глазастыми дѣтишками, на своихъ подушкахъ, тюфякахъ и коврахъ, заваливъ все кругомъ своимъ неопрятнымъ домашнимъ скарбомъ. Онѣ ѣли и пили все свое, ни за чѣмъ не обращаясь къ ресторатору парохода, точно также, какъ это дѣлали русскія бабы-богомолки, тащившія на собственной спинѣ свои чайники и сухія лепешки. Руки всѣ въ драгоцѣнныхъ браслетахъ и перстняхъ, шея въ жемчугахъ, въ ушахъ золото, на самихъ шелки и бархаты, а помѣщаются, какъ послѣдняя прислуга, безъ малѣйшаго удобства и приличія, и ѣдятъ чортъ знаетъ что, да еще желѣзными позеленѣвшими ложками!..

Матросы то и дѣло проходили къ нимъ подъ тентъ, то собирая канатъ, то выпуская его, то еще за чѣмъ нибудь. Умирающей красавицѣ покоя не давали. По какому-то глупому суевѣрію, старухи-турчанки вообразили, что самое опасное — это дать больной заснуть, и потому всячески вспугивали и тревожили ее криками и стукомъ. Паша только безсмысленно сосалъ свою трубку, покачивая безсильною головою, а молодой мужъ въ безплодной суетливости растерянно слонялся то туда, то сюда... Слабость и блѣдность молодой женщины дошли наконецъ до того, что она казалась просто мертвою. Теперь уже не только женщины, мужчины свободно проходили подъ тентъ, къ ея одру. Всякій кричалъ и совѣтовалъ свое, всѣ лѣзли и толкались, безъ стѣсненія разсматривали то, что нужно было было бы скрывать, но чего ужъ скрывать было невозможно въ этой сутолокѣ, болтая вслухъ о деликатныхъ и стыдъ возбуждающихъ вещахъ, словно надъ трупомъ мертваго. Наконецъ г-жа Д'Абадіа и моя жена, видя, что дѣло можетъ кончиться очень трагически, рѣшились предложить старому пашѣ свои

услуги. Онѣ попросили удалиться всю шумную и праздную публику и съ помощью дорожной аптечки стали примѣнять обычныя въ этихъ случаяхъ средства. Невѣжественные турки и турчанки смотрѣли на ихъ увѣренные пріемы съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ, какъ на таинственныя заклятія колдуна... Примочки и кислыя капли быстро остановили кровь, и румянецъ сталъ мало-по-малу возвращаться въ помертвѣвшія щеки молодой красавицы... Скоро она почувствовала себя гораздо крѣпче и стала дышать глубоко и правильно. Когда совсѣмъ растерянный мужъ подошелъ къ ея постели, она уже радостно улыбалась ему... Старухамъ строго велѣно было дать ей покой и не пускать къ ней никого... Черезъ 3 часа она уже говорила и смѣялась, хотя лежала неподвижно, исполняя приказанія нашихъ дамъ.

А старикъ Д'Абадіа съ ранняго утра до вечера сидитъ за математическими выкладками. Онъ, повидимому, дѣлаетъ выводы изъ своихъ многочисленныхъ наблюденій, пользуясь тѣмъ, что пароходъ уже третьи сутки не пристаетъ къ берегу. Его сѣдая всклокоченная голова съ оголеннымъ круглымъ лбомъ, постоянно возбужденная, постоянно требующая дѣятельности, работаетъ горячо и неутомимо, словно энергическій паровикъ внутри парохода, все приводящій въ движеніе, все наполняющій жизнью... Старикъ весь теперь погруженъ въ интересы своей науки, не слыша и не видя окружающей его суеты, какъ водолазъ въ своемъ воздушномъ колоколѣ среди водъ взволнованнаго моря... Онъ работаетъ тутъ же съ нами, за общимъ длиннымъ столомъ каютъ-компаніи, на которомъ то и дѣло разстилаютъ скатерти и убираютъ обѣды и завтраки... Въ крошечной каютѣ и тѣсно, и темно работать.

Рядомъ съ нимъ, какъ нарочно, усѣлся старый паша изъ Аданы или, какъ его называютъ здѣсь, тефтердарь. Его апатическая физіономія съ заостреннымъ черепомъ, съ полинявшими и словно заснувшими глазами, съ отвисшими слюнявы-

ми губами, длинными и мягкими, какъ у коровы, производитъ впечатлѣніе скорѣе какого-то безсмысленнаго животнаго, чѣмъ разумнаго существа... Цѣлые дни онъ сидитъ, поджавъ ноги, на длинномъ диванѣ и сосетъ, не произнося ни слова, трубку, или перебираетъ висящія на рукѣ его четки, жуя свои коровьи губы. Толпа услуживающихъ ему турокъ постоянно торчитъ передъ нимъ: кто подаетъ спичку, кто туфлю, кто перемѣняетъ трубку. И онъ принимаетъ всѣ эти ухаживанья неподвижно и важно, никого не удостоивая даже кивкомъ головы и изрѣдка только бормоча какой нибудь отрывистый приказъ. По истинѣ, это антарктическій полюсъ ученаго француза—живая иллюстрація двухъ противоложныхъ міровъ—Европы и Азіи.

Поэтическіе вечера и чудныя лунныя ночи мы подолгу бесѣдуемъ съ Д'Абадіа. Старикъ неистощимъ и неутомимъ. Все его горячо интересуетъ, обо всемъ онъ разспрашиваетъ съ живостью юноши и съ такою же живостью и жаромъ разсказываетъ и высказывается самъ. Мало-по-малу намъ обрисовывается и его собственная нравственная физіономія. Онъ несомнѣнный клерикалъ и легитимистъ, хотя и другъ стараго Кассаньяка—вождя бонапартистовъ; передъ іезуитами и ихъ всесвѣтною задачею онъ преклоняется, какъ передъ чѣмъ-то безконечно высокимъ и спасительнымъ для человѣчества; онъ страстный католикъ и осыпаетъ укорами Россію за ея отношенія къ Польшѣ, за ея «ненасытныя завоеванія», но вмѣстѣ съ тѣмъ полонъ искренняго сочувствія къ русскимъ и многому русскому и храбро пророчитъ, что Россія непремѣнно станетъ католическою, что въ этомъ все міровое значеніе ея побѣдъ и силы. Онъ съ серьезной запальчивостью напалъ на меня, когда я осмѣлился со своей стороны укорить католическое духовенство въ нравственномъ лицемѣріи и политическомъ властолюбіи. По словамъ его, все это возмутительныя выдумки невѣрующихъ враговъ католичества, и болѣе образцоваго духовенства нельзя и желать. Между прочимъ, онъ увѣрялъ насъ, что многіе изъ самыхъ видныхъ представителей науки и государ-

ственной жизни во Франціи страстно ищутъ теперь возврата къ католицизму. Нелатонъ, говорилъ онъ, на колѣняхъ молился Богу передъ своими операціями, а Фрейсине просилъ научить его, какъ можно увѣровать въ Бога. Старикъ близко знакомъ съ Дарвиномъ, съ Вильберфорсомъ (сыномъ) и множествомъ великихъ ученыхъ и государственныхъ людей, играющихъ видную роль въ современной политикѣ Европы. Много интереснаго передавалъ онъ намъ о своихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ ними. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти цивилизованныя знакомства, несмотря на его глубокую и разностороннюю ученость, въ старомъ баскѣ упрямо сказывалось его полудикое племя древнихъ аборигеновъ Европы, предшественниковъ кельта и пелазга, пустынныя горы и мрачныя пещеры которыхъ воспитали въ нихъ въ теченіе тысячелѣтій глубокую вѣру во все таинственное и фантастическое. Онъ вѣритъ во всѣ волшебства индусскихъ факировъ, въ двойное зрѣніе шотландскихъ гайлендеровъ, въ даръ пророчества и въ общеніе души черезъ огромныя разстоянія. Множество поразительныхъ примѣровъ этого таинственнаго дара людей разсказалъ онъ намъ. Зато европейскую цивилизацію онъ просто ненавидитъ, особенно же коммерческіе идеалы современнаго запада; типъ левантинца для него воплощеніе всего антипатичнаго его душѣ. Онъ видитъ въ немъ растлѣвающее вліяніе Европы на сравнительно нравственныхъ и простыхъ туземцевъ Азіи и Африки. Никогда, по увѣренію его, онъ не былъ такъ счастливъ, какъ живя вдали отъ всякой цивилизаціи, среди босоногихъ абиссинцевъ, наивныхъ и чистыхъ, какъ дѣти... Старикъ забывалъ, что ему тогда было не 80, а только 25 лѣтъ, и что все тогда невольно казалось ему «добро зѣло, ибо былъ вечеръ и было утро—день первый»!..

Просіяла надъ чуднымъ тихимъ моремъ тихая чудная ночь, залитая лучами южнаго мѣсяца, и у насъ бысть вечеръ, и бысть утро, такое же чарующе-прекрасное утро, лучше кото-

раго не могло быть и въ день первый. Югъ дорогъ тѣмъ, что ясные безоблачные дни съ румяными зарями идутъ одни за другими, непрерывною грядою, цѣлые мѣсяцы сряду. Мы попали, по счастію, въ эту полосу ясной погоды и райскихъ дней.

Утро 20 мая освѣтило намъ новую волшебную декорацію, чьею-то всемогущею десницею незримо выдвинутую передъ наши глаза въ теченіе короткой голубой ночи... Мы были теперь окружены цѣлымъ хороводомъ острововъ... Они подымались изъ свѣтлой скатерти водъ вблизи и вдали, сверкая мраморомъ, малахитово-зеленые, пестрые, какъ яшма, неописанныхъ колеровъ, неописанныхъ узоровъ, ярко отполированные и разволоченные солнцемъ, какъ драгоцѣнные алтари олимпійскихъ боговъ... Дальніе были нарисованы нѣжнымъ жидкимъ золотомъ по нѣжному голубому туману и стояли сквозные и легкіе, какъ видѣнія утренней грёзы, сейчасъ, кажется, готовые растаять и испариться въ золотыхъ горизонтахъ утра... Пучины моря лежали между этихъ разноцвѣтныхъ каменныхъ массъ, стихшія, какъ зеркало деревенскаго пруда, хрустально-зеленыя и глубоко синія въ тѣни береговъ, нѣжно голубыя, нѣжно розовыя, ослѣпительно золотыя въ просторѣ далей, по которымъ уже разливались и разсыпались милліонами искръ и струй радостные огни новорожденнаго солнца.

Казалось, пароходъ двигался среди торжественной тишины, какого-то необозримаго нерукотворнаго храма, сквозь лабиринтъ мраморныхъ алтарей, курившихся, будто дымомъ кадильнымъ, послѣдними облаками отлетѣвшей ночи, по безцѣннымъ багряницамъ и сверкающимъ парчамъ, устилавшимъ это безпредѣльное святилище...

Ничего нѣтъ поразительнѣе и ничего плѣнительнѣе для жителя однообразныхъ черноземныхъ равнинъ сѣвера, какъ эта сказочная фантасмагорія тѣсной стаи прелестныхъ островковъ, усѣявшихъ голубое море юга... Налѣво Косъ, древняя родина Гиппократа и Апеллеса, со своею характерною горою Пустын-

ника», съ хорошенькимъ бѣленькимъ городкомъ Станхіо, потонувшимъ въ цѣлой равнинѣ зеленыхъ садовъ, съ бѣлыми стѣнами и бѣлыми башнями своей крѣпости, опрокинувшимися въ неподвижную лазурь моря. На островѣ до сихъ поръ еще показываютъ дерево Гиппократа, лучшій памятникъ великому мужу, прославившему среди всѣхъ народовъ имя этого неизвѣстнаго уголка земли...

За Косомъ, въ туманахъ дали, утесы острова Нисироса, потухшаго вулкана, когда-то поднявшагося со дна моря и теперь обращеннаго въ неистощимый рудникъ сѣры, чуть ли не единственной соперницы съ сѣрою Везувія и Этны. Впереди цѣлый лабиринтъ мелкихъ острововъ и скалъ: Лерось, Капари, Калимно. На Калимно ярко вырѣзается бѣлая башня маяка. Берега Азіи, родные братья этихъ отдѣлившихся отъ нихъ острововъ, во всѣхъ направленіяхъ протягиваютъ къ нимъ, будто дружелюбныя руки, свои капризно изрѣзанные полуостровки и мысики, то низенькіе, совсѣмъ прилегшіе къ лону водъ, то гористыми пирамидами и горбами, которые издали тоже кажутся островками той же многочисленной семьи острововъ... Все это такъ близко и тѣсно другъ къ другу, что, кажется, съ берега можно безпрепятственно шагать черезъ всѣ эти безчисленные узенькіе проливчики по всему прибрежному архипелагу. Недаромъ художественная фантазія древнихъ жителей этого побережья остановилась именно на статуѣ Колосса Родосскаго, шагнувшаго своими мѣдными ногами съ одной скалы на другую и пропускавшаго между своихъ разставленныхъ ногъ тогдашніе корабли...

Налѣво, въ развалъ жаркаго полудня, мы увидѣли вдали Патмосъ. Онъ стоялъ въ знойныхъ туманахъ солнца, словно весь сотканный изъ огня и дыма, какимъ-то безплоднымъ апокалипсическимъ видѣніемъ. На его раскаленныхъ утесахъ, казалось сами собою должны были зарождаться въ воспаленной головѣ старца-апостола вѣщія грёзы суда божьяго, которыя онъ въ такихъ потрясающихъ картинахъ, въ такихъ пламенныхъ крас-

кахъ передавалъ, какъ грозное предостереженіе отъ того, кто называлъ себя: «Я есмь Альфа и Омега, первый и послѣдній, имѣющій ключи ада и смерти»!.. Но пророкъ страшнаго суда даже и въ этихъ страшныхъ прорицаніяхъ своихъ вдохновлялся не гибелью грѣшниковъ, а тѣмъ идеаломъ всеобщей человѣческой любви и радости, который составлялъ всю суть души его. Онъ заканчиваетъ свои содрагающія страницы крови, смерти и ужаса свѣтлымъ видѣніемъ Іерусалима небеснаго, который «не имѣетъ нужды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ для освѣщенія своего, ибо слово божіе освѣтило его»; въ которомъ нѣтъ храма, «ибо Господь Богъ вседержитель храмъ его». «Ворота его не будутъ запираться, и ночи тамъ не будетъ», «спасенные народы будутъ ходить во свѣтѣ его», «и не войдетъ въ него ничто нечистое и ни кто преданный мерзости и лжи»... Такой утѣшительный конецъ фантастически-мрачной поэмы истребленія и мести гораздо болѣе дышетъ всепрощающимъ настроеніемъ любимаго ученика Христова, который юношею возлежалъ на его груди, полный слезъ умиленія, и до глубокой старости оставался восторженнымъ апостоломъ любви.

Самосъ выдвигается изъ-подъ горизонта водъ вправо отъ насъ своими громоздкими голыми утесами... Въ срединѣ его огромная сѣрая скала, угломъ приподнятая вверхъ, и отъ нея во всѣ стороны, прикрытыя и защищенныя ею, зеленыя впадины, цвѣтущіе скаты, лѣса, сады, деревеньки, дачи... Это центральное гнѣздо пиратовъ, какъ и всѣ, впрочемъ, эти прибрежные островки. Самосъ хотя и не успѣлъ освободиться отъ власти турокъ, какъ и Хіосъ, и Лесбосъ, и другіе сосѣди малоазіатскаго берега, но въ незабвенную для грековъ годину возстанія покрылъ себя боевою славою, истребивъ огнемъ флотъ капудана-паши, и пользуется теперь значительною самостоятельностью. Имъ правитъ полунезависимый князь самосскій, избираемый населеніемъ изъ своихъ же грековъ и только утверждаемый султаномъ.

Но острова эти не только логовища морскихъ разбойниковъ,

а еще и пловучіе сады своего рода, окруженные со всѣхъ сторонъ влагою теплаго моря и со всѣхъ сторонъ открытые плодотворящимъ лучамъ южнаго солнца; эти каменныя глыбы съ далекой древности уже обратились въ роскошныя кошницы цвѣтовъ, въ природные сады и оранжереи, обильные самыми дорогими плодами.

Косъ—страна винограда, на Хіосѣ—цѣлые лѣса миндаля и апельсинъ. Отсюда идетъ на весь востокъ знаменитая хіосская *мастика*, которую левантинцы предпочитаютъ всякимъ другимъ напиткамъ. «C'est famose»! выражался о ней, тая сладострастною улыбкою, на своемъ комическомъ французскомъ жаргонѣ, нашъ американскій израильтянинъ, торгующій лакрицею.

Нѣтъ мѣста труднѣе и опаснѣе для корабля, какъ эти узкіе проливы, змѣею извивающіеся между скалъ и островковъ малоазійскаго архипелага. Крушенія тутъ очень часты, особенно въ осенніе туманы и бури. Капитанъ нашъ не сходитъ со своего мостика и не опускаетъ трубки. Громадный пароходъ лавируетъ послушно и мягко, какъ маленькая лодочка, управляемая опытнымъ весломъ... Впрочемъ, послѣ Самоса и Икаріи, до самаго Хіоса острововъ уже не видно. За полчаса до него мы проѣхали около маяка Настасія, за которымъ открылась намъ сверкавшая уже луннымъ свѣтомъ, прославленная въ военныхъ лѣтописяхъ Россіи, Чесменская бухта.

Вообще весь этотъ берегъ Малой Азіи, къ которому мы держимся довольно близко, сверкаетъ огнями и отличается сравнительнымъ оживленіемъ. Это самыя богатыя, хотя и очень заброшенныя мѣстности прибрежья, простирающіяся между древнимъ Ефесомъ и теперешнею Смирною. Нѣкогда тутъ была Лидія, золотоносная родина Мидаса и Креза. Турки, наслѣдники легендарнаго Мидаса, повидимому, давно не имѣютъ способности этого миѳическаго царя обращать въ золото все, до чего они касаются; у нихъ даже и Пактолъ не катитъ уже болѣе

золота въ своихъ волнахъ, такъ что, пожалуй, изъ всего наслѣдства сказачнаго царя Лидіи имъ достались на долю одни только ослиныя уши.

Островъ Хіосъ предсталъ предъ нами совсѣмъ ночью. Луна уже поднялась довольно высоко, такъ что и городъ Хіосъ со своими бѣленькими домиками, и всѣ береговые холмы были облиты ея сіяніемъ... Веселые огоньки звѣздами разсыпаны были по этому чистенькому городку и искрились трепещущими отраженіями въ спокойныхъ водахъ моря. Оно все было покрыто рѣющими взадъ и впередъ лодочками. Народъ не спалъ, и шумная жизнь кипѣла на берегу и на водѣ, въ такія чудныя ночи болѣе сладкая жителю юга, чѣмъ его дневная суета подъ зноемъ солнца. Торговцы мастикой и разными сластями приступомъ взяли пароходъ. Навалили намъ ящиковъ 500 апельсиновъ въ родную Одессу... Пришло время подниматься и лѣниво подремывавшему тефтердарю. Цѣлая толпа турецкихъ чиновниковъ въ красныхъ фескахъ предстала предъ грознымъ лицомъ своего новаго начальства и отвѣшивала ему, возбуждая наши невольныя улыбки, самые глубокіе и самые этикетные поклоны, съ изумительной быстротой прикладывая персты своихъ рукъ и ко лбу, и къ груди, и къ губамъ, и къ землѣ... Тефтердарь не терялъ своего коровьяго равнодушія и чуть удостоивалъ низко преклонявшихся передъ нимъ подчиненныхъ отрывистыми вопросами, не утруждая себя ни малѣйшимъ кивкомъ головы въ отвѣтъ на ихъ одушевленныя привѣтствія. Всезнающій Сида повѣдалъ намъ вполголоса, что тефтердарь этотъ—заматерѣлый ханжа и взяточникъ, и что онъ оберетъ Хіосъ еще лучше, чѣмъ обобралъ Адану.

Насъ заинтересовала сцена его отъѣзда, и мы всѣ вышли вслѣдъ за нимъ и его свитой на палубу. Большая военная шлюпка, убранная коврами и фонарями, выѣхала за новоприбывшимъ пашой. Больную красавицу-черкешенку уже торжественно провожали на эту лодку, такъ что мы успѣли еще разъ полюбоваться ея лихорадочно- горѣвшими огромными

черными глазами. Она не закрыла лица и даже подошла къ нашимъ дамамъ пожать имъ руку и горячо поблагодарить ихъ. Она томно и добродушно улыбалась и всѣмъ стоявшимъ на ея пути, можетъ быть, чувствуя по взгляду нашихъ глазъ, что всѣ мы провожали ее съ сожалѣніемъ и искренней симпатіей... мы долго слѣдили глазами за темными силуэтами этой тихо отплывавшей лодки, вырѣзавшимися на красноватомъ отблескѣ фонарей...

Съ 4-хъ часовъ утра мы уже вертимся то направо, то налѣво, маневрируя между извилистыхъ береговъ Смирнскаго залива, сплошь усѣянныхъ не только деревеньками, дачами и садами, но и весьма внушительными укрѣпленіями, и только въ 8 часовъ увидѣли наконецъ Смирну. Сегодня 21-е мая, день Константина и Елены, особенно чествуемый всѣми греками...

Смирна уже совсѣмъ не турецкій городъ. Онъ принадлежитъ скорѣе великому международному государству торговли, какъ Бейрутъ, какъ Александрія; европейцевъ тутъ столько же, сколько турокъ, а греки—истинные хозяева Смирны. Только паши да солдаты—турки въ этомъ второмъ городѣ Оттоманской имперіи, насчитывающемъ уже 300.000 жителей. Собственно по экспорту торговля Смирны даже выше торговли Константинополя. Отсюда вывозятъ на добрыхъ 50 мил. рублей лучшіе въ свѣтѣ плоды, чернильный орѣшекъ и дубильныя вещества, опіумъ и хлопокъ, ковры и шерсть, вино и хлѣбъ, и еще очень-очень многое, чего не перечислишь. Зато Смирна далеко не такъ красива, какъ Бейрутъ. Когда подходишь къ ней на пароходѣ, эффектъ производитъ только старинный генуэзскій замокъ на горѣ Pagus, защищающій и вмѣстѣ съ тѣмъ обстрѣливающій новый коммерческій городъ, раскинувшійся далеко кругомъ по низменному берегу моря и по нижнимъ ступенямъ горы. На мѣстѣ этого замка нѣкогда было еще болѣе древнее укрѣпленіе Александра Македонскаго...

Турецкій кварталъ со своими минаретами и черными кипарисовыми рощами своихъ романтическихъ кладбищъ тѣснится въ долинѣ направо, у самымъ ногъ крѣпости, почти совсѣмъ отдѣленный отъ европейскаго города.

Ни турецкаго, ни арабскаго языка вы не слышите на улицахъ Смирны, вездѣ только французскій и греческій. Нигдѣ нѣтъ и турецкихъ вывѣсокъ—все только греческія и французскія.

Главная артерія Смирны—это ея морская набережная, широкая, ровная, отлично обстроенная. Здѣсь любимое гуляніе публики, здѣсь всѣ популярные кафе, отели и рестораны. Здѣсь же пробѣгаетъ вездѣ теперь неизбѣжная конка, соединяя очень удобно самые отдаленные концы города и доходя даже до дачъ и предмѣстій. Эта превосходная каменная набережная, собственно говоря, отнята у волнъ моря. Дюссо, товарищъ Лессепса по прорытію Суэзскаго канала, еще при Митхадѣ-пашѣ выговорилъ себѣ у города въ пользованіе на 30 лѣтъ полосу земли вдоль моря, у подошвы города, для устройства порта и конной желѣзной дороги, которая до сихъ поръ принадлежитъ ему. На пріобрѣтенной полосѣ онъ уступалъ подъ постройку домовъ и магазиновъ клочки земли за очень дорогую цѣну, а набережную насыпалъ искусственно и по ней провелъ свою конку. Онъ пріобрѣлъ этою операціею громадное состояніе. Еще не очень давно по теперешнему фешенебельному гулянью Смирны, тамъ, гдѣ проложены теперь рельсы и снуютъ взадъ и впередъ тѣсно набитые народомъ вагоны, плавали лодки.

Портъ Смирны глубокъ и отдѣленъ со всѣхъ сторонъ отъ моря далеко уходящими каменными дамбами или водорѣзами. Нашъ пароходъ почти вплотную подошелъ къ тротуарамъ набережной, хотя переѣзжать все-таки приходится на баркасикахъ. Но большіе океанскіе пароходы въ портъ не входятъ.

Нашъ капитанъ и весь пароходъ вздохнули хотя на минуту свободно, потому что турецкихъ рекрутъ угнали въ крѣпость на всѣ дни, пока пароходъ простоитъ въ Смирнѣ. Эти двуногіе

звѣри съ дѣтской радостью и съ дѣтскими ужимками ликовали по поводу своего переселенія на твердую землю. Ихъ уставили густо, какъ частоколъ, плечомъ къ плечу на какую-то четыреугольную баржу въ родѣ парома, которая тяжело отвалила отъ парохода къ берегу. Мы съ любопытствомъ смотрѣли сверху на эту Харонову переправу душъ. Издали казалось, что отъ малѣйшаго неловкаго движенія посыплются въ воду десятки этихъ оборвышей. А они между тѣмъ ухитрились еще расчистить въ срединѣ толпы маленькую площадку, на которой два темнорожихъ араба, весело оскаливъ зубы и радостно сверкая бѣлками глазъ, откалывали что́-то въ родѣ русскаго трепака съ присядкой, взмахивая платками, удаляясь и приближаясь другъ къ другу, при общемъ безконечномъ удовольствіи толпы, дружно что̀-то подпѣвавшей и прихлопывавшей въ ладоши. Какъ мало нужно этимъ бородатымъ младенцамъ, чтобы мгновенно забыть всѣ лишенія и обиды и придти въ такое же безпричинное и искреннее ликованіе, въ какое приходитъ теленокъ, выпущенный изъ темной закутки на зеленый лугъ, подъ радующіе лучи солнца, гдѣ онъ можетъ на свободѣ мычать, брыкаться и прыгать... Но далеко не съ ликованіемъ встрѣтили эту толпу наивныхъ и голодныхъ хищниковъ жители Смирны. Хотя многіе купцы набережной, завидя издали высадку босоногаго воинства, спѣшили запереть свои лавочки, но все-таки нѣсколько балаганчиковъ, выстроенныхъ на набережной, были обобраны въ одно мгновеніе ока, словно какая нибудь волна морская, неожиданно хлынувшая на набережную, смыла собою безъ всякаго слѣда товаръ злополучныхъ торговцевъ... Съ криками, гамомъ и хохотомъ двигалась довольная добычей толпа дальше по набережной, и въ этомъ гамѣ некому было и разслушивать отчаянныхъ протестовъ торговцевъ, тщетно старавшихся возвратить хотя что нибудь изъ похищеннаго... Смотримъ, вагоны конки, идущіе на встрѣчу, одинъ за однимъ ныряютъ въ живой волнѣ головъ... Опять крики и хохотъ, опять какіе-то гнѣвные вопли съ козелъ омнибуса... Голодная команда на ходу,

не останавливая своего быстраго бѣга, въ одно мгновеніе оборвала, за недостаткомъ лучшаго, зеленыя шторки во всѣхъ окнахъ вагоновъ и со смѣхомъ потрясала ими надъ своими головами, будто зелеными знаменами пророка...

А на пароходѣ между тѣмъ сейчасъ же поднялось ожесточенное мытье варомъ, отскребаніе и оттираніе швабрами половъ, стѣнъ и всего, что находилось въ соприкосновеніи съ этимъ стадомъ нечистоплотныхъ звѣрей. Они оставляютъ послѣ себя груды всякаго навоза и миріады насѣкомыхъ, такъ что даже каюты I класса, отдѣленныя и удаленныя отъ нихъ, немало страдаютъ отъ зараженнаго ими воздуха.

Я уже упомянулъ раньше, что забылъ свой паспортъ въ Бейрутѣ, въ тамошней полиціи. А такъ какъ было рискованно являться въ Константинополь, и тѣмъ болѣе въ родимую Одессу, безпаспортнымъ бродягою, то волей-неволей пришлось прежде всего заняться хлопотами о новомъ видѣ на проѣздъ... Однимъ изъ пароходныхъ офицеровъ былъ сынъ нашего генеральнаго консула въ Смирнѣ, и любезность его облегчила мнѣ эти хлопоты. Мы отправились въ консульство вдвоемъ съ нимъ. Генеральный консулъ М., грекъ родомъ, былъ серьезно боленъ и жилъ на дачѣ; должность его исполнялъ молодой русскій секретарь консульства Л., который намъ тотчасъ же обязательно устроилъ все, что было нужно. Увидѣть среди Смирны маленькій уголокъ, сколько нибудь пахнувшій родною стороною, было и какъ-то странно, и очень пріятно. Родная русская рѣчь, бумаги на русскомъ языкѣ, портреты русскихъ царей, русскіе журналы... Правда, писцы ни слова не знаютъ по русски, и величественный сѣдоусый кавасъ, болѣе похожій на великаго визиря или капуданъ-пашу, чѣмъ на скромнаго стража дверей, увѣшанный на шеѣ золотыми и серебряными медалями съ царскимъ изображеніемъ, утыканный богатыми пистолетами и кинжалами за шалью широкаго пояса, тоже не разумѣлъ ни одного слова на языкѣ того правительства, за которое долженъ былъ проливать свою кровь, но тѣмъ не менѣе все-таки во

всей обстановкѣ чувствовалось что-то свое, знакомое и радостное. Я залюбовался на живописную и характерную фигуру стараго каваса, служащаго уже 30 лѣтъ при русскомъ консульствѣ.

— Онъ, конечно, грекъ? спросилъ я, соображая, что консулъ грекъ, и что вся почти Смирна—греки.

— Что вы! какъ это можно! съ снисходительною улыбкою прервалъ меня молодой сынъ консула. Развѣ-жъ можно такой важный постъ поручить греку? Вѣдь у него иногда по 200, по 300.000 на рукахъ бываетъ. онъ охраняетъ и кассу, и всѣ интересы консульства... Въ кавасы грека никогда не берутъ, всегда турокъ... Турокъ вѣренъ и честенъ... не обманетъ никогда...

Наивный офицеръ самъ былъ грекъ и сынъ грека, но, повидимому, не сознавалъ, какой убійственный приговоръ всему его племени заключался въ его невольно вырвавшемся признаніи. Безнравственность левантинскаго грека — фактъ до того здѣсь общепризнанный, что сами левантинцы забыли уже, что можно имъ обижаться и возмущаться.

Пароходъ простоялъ въ Смирнѣ двое сутокъ, и мы хорошо успѣли ознакомиться съ городомъ, исходивъ и изъѣздивъ всѣ его закоулки. Магазиновъ пропасть, и все почти французскіе и греческіе. Турецкіе крытые базары, открытыя кофейни да цирюльни одни только напоминаютъ объ азіатскомъ городѣ. Было всего 22 мая., а уже фрукты горами продавались на базарахъ, не только черешни и земляника, но даже груши, которыя у насъ, съѣдобны только въ концѣ августа. Но хотя Смирна — одинъ изъ громаднѣйшихъ рынковъ Средиземнаго моря, всѣ товары здѣсь дороги, даже пресловутые смирнскіе ковры и шелковыя ткани.

Чтобы познакомиться вполнѣ съ торговлею и промышленностью Смирны, зайдите въ знаменитые здѣсь магазины Діогена. Громадный трехэтажный домъ съ громадною лаконическою надписью: «Діогенъ» виденъ вамъ отовсюду. Имена Демосѳеновъ, Гомеровъ и Діогеновъ цѣликомъ сохранились въ современной

Греціи, но они теперь знаменуютъ уже фабрикантовъ и купцовъ, а не поэтовъ и философовъ. Эти магазины Діогена своего рода «Les grands magasins du Louvre» Парижа. Среди этихъ магазиновъ, свѣтлыхъ и широкихъ, какъ галлереи, устланныхъ коврами, сверкающихъ зеркалами, бронзою и всякаго рода роскошью, ночью освѣщенныхъ сотнями газовыхъ шаровъ, публика гуляетъ такъ-же свободно, какъ по набережной своего города, переливая съ однѣхъ просторныхъ лѣстницъ на другія. Здѣсь всѣ товары міра и всѣ произведенія Малой Азіи, колоссальное депо торговли, требующее для своихъ оборотовъ милліоновъ рублей. Даже въ Константинополѣ, столицѣ востока, нѣтъ такого богатаго и разнообразнаго склада товаровъ.

Л. увѣрялъ насъ, впрочемъ, что и торговля Смирны теперь въ упадкѣ, какъ вездѣ. Онъ вообще мрачно смотрѣлъ на этотъ городъ и на его обитателей. Климатъ, по его словамъ, невыносимый. Вѣтры такіе, что необходимо бываетъ носить даже шубу. Народъ такой распущенный, жестокій и безнравственный, что ночью по улицамъ на дняхъ еще нельзя было ходить иначе, какъ съ револьверомъ. Недавно убили человѣка на набережной, противъ кофейни, всегда полной народа. Въ турецкій кварталъ и днемъ нельзя заглядывать безъ провожатаго турка.

На другой день нашего пріѣзда у католиковъ былъ «праздникъ тѣла Господня». Мы зашли въ одинъ изъ католическихъ соборовъ. Тамъ шла стройная и благоговѣйная служба. Церковь была отдѣлана очень ярко и эффектно, съ очевидною цѣлью поразить воображеніе восточнаго человѣка своею декоративною стороною. Всѣ колонны и арки обтянуты чѣмъ-то въ родѣ малиноваго бархата съ золотыми позументами, нѣсколько отдѣльныхъ алтарей, украшенныхъ цвѣтами, свѣчами, образами, выдѣляются въ разныхъ углахъ. Главный алтарь впереди. Восемь рядовъ громадныхъ восковыхъ свѣчей въ подсвѣчникахъ поднимаются стройнымъ лѣсомъ огней все выше и выше по сту-

пенямъ престола. Потолокъ храма весь изъ лѣпныхъ розъ и другихъ цвѣтовъ, обрамляющихъ своимъ фономъ священныя картины. Надъ престоломъ, въ нишѣ, осѣненной занавѣсами, статуя Христа. Золотая чаша съ сіяющимъ надъ нею золотымъ солнцемъ, сокрытая гдѣ-то наверху, тихо, будто сама собою, опускается вмѣстѣ съ горящими свѣчами и лампадкою на престолъ главнаго алтаря въ ту минуту, какъ священникъ приступаетъ къ совершенію таинства евхаристіи, а по совершеніи его поднимается также тихо вверхъ, словно какая-то незримая сила возноситъ ее къ небесамъ... Изумленные восточные люди смотрятъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ на это безмолвно-торжественное схожденіе и восхожденіе по воздуху св. даровъ... А когда старшій священникъ благословляетъ народъ этою золотою чашею, высоко держа ее надъ своею головой, и весь народъ падаетъ ницъ передъ тѣломъ и кровью своего Спасителя, шесть маленькихъ хорошенькихъ дѣтей въ бѣлыхъ одеждахъ ангеловъ, колѣнопреклоненныхъ вокругъ престола съ кадильницами и корзинами цвѣтовъ, осыпаютъ розами и окружаютъ облаками ѳиміама воздымающуюся надъ ними священную чашу... Старый аббатъ и два сослужащихъ ему кюре священнодѣйствуютъ со строгимъ ритмомъ движеній и голоса, и стройное прекрасное пѣніе, поддерживаемое гармоническими звуками органа, еще болѣе усиливаетъ общее благоговѣніе, царящее въ этомъ истинномъ домѣ молитвы, ненарушаемое ни праздной болтовней, ни грубою толкотнею и шумомъ безпорядочно входящаго и выходящаго народа, какъ это бываетъ, къ сожалѣнію, такъ часто въ греческихъ церквахъ востока. Неудивительно поэтому, что, видя въ католическихъ храмахъ больше благочестія и уваженія къ молитвѣ, въ католическомъ духовенствѣ больше участія къ житейскимъ нуждамъ своимъ, а въ католическихъ правительствахъ болѣе энергическую защиту своихъ правъ, арабы и турки востока гораздо охотнѣе переходятъ въ католическую, чѣмъ въ какую нибудь другую религію.

Въ другой католической церкви мы наткнулись на самую

процессію Тѣла Господня. Старинный дворъ церкви, сплошь вымощенный гробовыми мраморными плитами, былъ усыпанъ свѣжею травою и цвѣтами. Стѣны дворика и деревья, его осѣняющія, кругомъ утыканы пестрыми знаменами. По срединѣ двора устроенъ престолъ, тоже засыпанный цвѣтами. Изъ дверей храма тихо-тихо, едва переставляя шаги, въ глубокомъ благоговѣніи выступала процессія съ зажженными свѣчами. Священники и пѣвчіе шли впереди; подъ богатымъ балдахиномъ, который несли нѣсколько господъ, одѣтыхъ во фраки и бѣлые галстухи, католическій архіерей, медленно двигаясь торжественно несъ золотой потиръ со св. дарами. Процессія не выходила на улицу, а, обойдя кругомъ двора, возвратилась въ храмъ...

Бродя по городу, мы встрѣтили и другую, болѣе оригинальную церемонію... Въ тѣсной улицѣ старыхъ кварталовъ мы попали въ шумно кричавшую толпу, провожавшую свадебный поѣздъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ человѣкъ верхомъ, одѣтый не то тамбуръ-мажоромъ, не то полишинелемъ, въ колпакѣ изъ яркихъ разноцвѣтныхъ бумажекъ, съ лисьимъ хвостомъ назади, отчаянно колотящій въ турецкій барабанъ. За нимъ цѣлая кавалькада всадниковъ, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, въ греческихъ курткахъ и фескахъ, обычномъ костюмѣ Малой Азіи, на хорошихъ коняхъ, и наконецъ, въ предшествіи какой-то странной раззолоченной фигуры съ бумагою на палкѣ, потянулась вереница колясокъ, наполненныхъ мальчиками въ красныхъ фескахъ. У троихъ изъ этихъ дѣтей фески были почему-то украшены брилліантами. Вѣроятно, эти трое были женихи, а остальныя дѣти—простые поѣзжане. Оказалось, что это свадьба еврейская. Смирнскіе евреи женятъ своихъ дѣтей въ ребяческомъ возрастѣ, чтобы они заранѣе знали, кого предназначила имъ судьба.

На другой день нашъ генеральный консулъ прислалъ приглашеніе мнѣ съ женою и капитану съ капитаншей посѣтить его въ его деревенскомъ уединеніи. Чуднымъ тихимъ вечеромъ, сопровождаемые молодымъ М., мы отправились къ нему на дачу, въ цвѣтущія рощи Корделіона, одного изъ уютныхъ пригородныхъ мѣстечекъ, что̀ живописно вырѣзаются на берегу Смирнскаго залива. Пароходъ тоже назывался «Cordelion» и бѣжалъ проворно и ровно, какъ водяной паучекъ, по неподвижному зеркалу залива. Онъ очень скоро добѣжалъ до маленькаго хорошенькаго городка, отражавшаго свои домики въ водахъ залива. Городокъ этотъ лѣтъ черезъ 10 — 20, безъ сомнѣнія, проглотится всеразростающеюся по берегамъ Смирной и станетъ однимъ изъ ея кварталовъ. Теперь же тутъ любимыя дачи богатыхъ туземцевъ и иностранцевъ. Дача консула спрятана въ тѣнистомъ саду. Садикъ не большой, но полный рѣдкихъ растеній и отлично содержимый. Тутъ и ливанскіе кедры, и камфорное, и перечное дерево, и огромныя юкки прямо въ грунту, и великолѣпно цвѣтущія магноліи, не говоря уже о гранатникѣ, катальпахъ и другихъ обычныхъ деревьяхъ юга. Насъ встрѣтилъ высокій, по европейски одѣтый, мужчина съ манерами истаго джентльмена, но худой и больной. Онъ жилъ тутъ одинъ съ дочерью, которая и была теперь нашею хозяйкою... Ни консулъ, ни дочь его, какъ всѣ почти наши восточные консулы, не говорили ни слова по-русски и никогда не были въ Россіи... Мы провели часа 2 въ этомъ тѣнистомъ райскомъ пріютѣ, наслаждаясь райскою погодою и прекраснымъ видомъ на Смирну и разспрашивая гостепріимныхъ хозяевъ обо всемъ что̀ интересовало насъ въ этомъ малознакомомъ краю. Разныя прохладительныя питія, ликеры и конфекты, по восточному обыкновенію, услащали нашу мирную бесѣду... Изъ этого зеленаго ароматическаго гнѣздышка, похожаго на корзину цвѣтовъ, не хотѣлось выбираться на припекъ заходившаго солнца и въ пыль многолюдныхъ улицъ. Только по заходѣ солнца, когда радостная прохлада потянула съ моря и съ горъ, мы опять очутились на

палубѣ бѣгуна-пароходика, переправившаго насъ на залитую огнями набережную Смирны. Набережная эта—сплошной рядъ ярко освѣщенныхъ кофеенъ, биткомъ набитыхъ гуляющимъ народомъ; отовсюду несется веселая музыка. Тѣсныя толпы народа двигаются и подъ окнами этихъ кофеенъ, вдоль длинной набережной. Всѣ магазины заперты, и все рабочее населеніе предается вечернему кейфу. Здѣшніе греки, еще не совсѣмъ обратившіеся въ европейцевъ, щегольски разодѣты въ граціозныя курточки, широкія шаровары и чулки; фески ихъ, съ тяжелыми кистями, съ какою-то особенною удалью заломлены набекрень, слегка напередъ, а совсѣмъ не на затылокъ, какъ любятъ носить турки; у всѣхъ тщательно нафабренные и завитые усики, всѣ бѣлые, румяные, красивые, прыщущіе веселымъ здоровьемъ, разящіе дешевыми духами. Но и европейски одѣтая публика не менѣе франтовата. И мужчины, и дамы разодѣты по послѣдней модѣ, какъ на любомъ бульварѣ Парижа или Вѣны; здѣшнія дамы, несмотря на южный климатъ, отличаются особенною дебелостью и увѣсистостью, хоть бы подъ стать замоскворецкимъ купчихамъ. И дѣтки ихъ тоже откормлены, какъ добрые поросята. Вообще на нихъ незамѣтно никакихъ слѣдовъ изсушающаго знойнаго юга... Мы долго ходили въ этой по виду цивилизованной толпѣ, которая, вмѣстѣ съ высокимъ рядомъ европейскихъ домовъ, окаймляющихъ набережную, какъ декорація, заслоняетъ собою уснувшую въ своихъ тѣсныхъ переулочкахъ непочатую Азію съ ея кинжалами, ея суевѣріемъ и невѣжествомъ...

Черносиняя, какъ бархатъ, мягкая ночь стояла надъ нами, разгораясь мигающими брилліантами своихъ яркихъ звѣздъ, и подъ сѣнью этой безмолвно-торжественной, сверкавшей безпорочнымъ свѣтомъ, иллюминаціи чѣмъ-то жалкимъ и грязнымъ казались всѣ эти зеленые и красные фонарики кофеенъ, гремѣвшихъ дешевой музыкой и полныхъ празднаго говора. Только въ одномъ мѣстѣ насъ приковали къ себѣ строгіе пѣвучіе звуки арфы... Они словно отвѣчали своею тихо плывшею по

воздуху, умиляющею мелодіею той безмолвной гармоніи звѣздъ и темносиняго неба, къ которой трепетно прислушавалась теперь моя душа...

---

24 мая утромъ мы уже проснулись подъ Ченакъ-Кале. Вмѣсто поэтическихъ воспоминаній эллинскаго міра сурово хмурятся на насъ черными жерлами своихъ пушекъ свѣже-насыпанныя батареи Килидъ-Бахра и Нагара-Кале. Въ Дарданеллахъ насъ, наконецъ, окончательно освободили отъ шумной и нечистоплотной стаи арабскихъ оборванцевъ. Дикіе сыны пустыни съ радостнымъ визгомъ и ребяческимъ смѣхомъ увертывались отъ щедро сыпавшихся на нихъ палочныхъ ударовъ, которыми тщетно силились сдержать ихъ въ порядкѣ ихъ обезьяноподобные офицеры, и прыгали куда зря черезъ цѣпи и борты мимо лѣстницъ прямо въ лодки, спѣша поскорѣе выйти на землю послѣ долгихъ мукъ морскаго заточенія... Мы радовались своему освобожденію не менѣе ихъ... Но на душѣ все-таки было совсѣмъ не то, что̀ чувствовали мы, прорѣзая эти самыя волны нѣсколько недѣль тому назадъ. Хотя берега Геллеспонта успѣли одѣться теперь въ болѣе пышныя лѣтнія одежды, хотя и солнце, и небо юга были, повидимому, также прекрасны, какъ всегда, но уже не тѣ картины вставали въ туманныхъ перспективахъ дали, разстилавшейся передъ нашимъ умственнымъ взоромъ...

Какъ нарочно, вѣтеръ сильно посвѣжѣлъ и гналъ намъ навстрѣчу уже не голубыя ласковыя струи, прозрачныя, какъ хрустальный чертогъ морской царицы, а мутныя сѣрыя волны, полныя суровой прозы. Онѣ растутъ, разбѣгаются, разсыпаются, роютъ глубокія пропасти на широкомъ просторѣ Мраморнаго моря, клубятся пылью, сшибаясь другъ съ другомъ, завиваютъ въ бѣлыя кольца пѣны гривы своихъ хребтовъ, словно проголодавшіяся морскія чудовища, разыгравшіяся около своей добычи... Непобѣдимая, всепобѣждающая сила чувствуется въ

этихъ смѣло налетающихъ на васъ влажныхъ горахъ, шутя поглощающихъ корабли и разбивающихъ скалы...

Какія-то другія, бодрыя и крѣпкія силы заговорили и въ моей груди подъ наитіемъ этой взыгравшей мощи моря. И самъ чувствуешь готовность къ смѣлой борьбѣ, къ упорному труду, чуешь близость могучей суровой родины, не балующей нѣгою, зноемъ, яркими красками, а зовущей къ молчаливой и настойчивой работѣ. Довольно отдыха, наслажденій, поэтическихъ впечатлѣній былаго... Пора опять тянуть прозаическое тягло труда и долга...

Поэтическая феерія нашего восточнаго путешествія закончилась великолѣпнымъ фейерверкомъ. Не будучи римскимъ цезаремъ, мы могли насладиться зрѣлищемъ, ради котораго безумный художникъ въ порфирѣ императора сжегъ столицу міра...

Пароходъ нашъ послѣднюю ночь стоялъ на якорѣ въ Константинополѣ, готовясь рано утромъ отплыть въ Одессу. Мы въ послѣдній разъ любовались съ высоты своей рубки на самый прекрасный изъ всѣхъ прекрасныхъ уголковъ міра... Вдругъ словно вздрогнула черносиняя завѣса неба, и казалось, за ней распахнулась блѣдно-огненная пучина... Въ то же мгновеніе рѣзко и ярко, словно выдвинулся вдругъ изъ темныхъ нѣдръ земныхъ, на черномъ фонѣ ночи нарисовался фосфорически-огненными красками по своимъ древнимъ холмамъ невидимый дотолѣ Стамбулъ съ частымъ лѣсомъ своихъ минаретовъ, съ безчисленными куполами своихъ мечетей... Онъ сіялъ, будто вися въ воздухѣ среди черныхъ безднъ моря и ночи, въ трепещущихъ всполохахъ еще невидимаго намъ пламени, словно какое-то фантастическое видѣніе, словно какая-то гигантская фата-моргана... Его высокіе и тонкіе минареты теперь казались намъ издали рядами громадныхъ свѣчей, горящихъ передъ алтаремъ нерукотвореннаго храма, и ихъ холодный мраморъ въ далекомъ заревѣ пожара дѣйствительно представлялся прозрачнымъ и пламеннымъ, какъ воскъ теплящейся свѣчи...

Пожаръ вспыхнулъ у самой подошвы Галатскаго холма, закрывающаго отъ насъ Золотой-Рогъ, въ кварталѣ морскаго министерства, и само пламя сначала не было намъ видно. Но груды утлыхъ деревянныхъ домишекъ, облѣпившихъ кругомъ зданія министерства и карабкавшихся по обрывамъ холма, стоя другъ на другѣ, быстро обратились въ одинъ сплошной костеръ, зловѣщіе красные языки котораго все больше и больше поднимались надъ закрывавшею ихъ горою. Съ неудержимою быстротою огонь разливался и вверхъ по горѣ, и вдоль низины Золотаго-Рога, поднимаясь колоссальнымъ факеломъ до самыхъ высей ночнаго неба и, казалось, уже облизывая своими острыми и гибкими жалами его вѣчные своды... До насъ доносился несмолкающій побѣдный гулъ этого одиноко-ликующаго всесильнаго духа-истребителя, среди котораго безпомощно выдѣлялись слабосильные крики встревоженнаго человѣческаго муравейника... На огненномъ фонѣ всеохватившаго пожара, спугнувшаго даже мрачную ночь съ ея неподвижнаго ложа, вырѣзались жалкія и крохотныя фигуры людей, суетливо ползавшія, будто какіе-то черныя комашки, около рушившихся жилищъ своихъ, черные силуэты которыхъ до малѣйшихъ подробностей обрисовывались теперь на огнедышащемъ жерлѣ клокотавшаго пожара. Кварталъ за кварталомъ таялъ и исчезалъ въ этомъ разливавшемся морѣ пламени, противъ котораго была безполезна всякая борьба. Адъютанты султана то-и-дѣло носились верхами отъ Дольма-Бахче къ Золотому-Рогу и отъ Золотаго-Рога къ Дольма-Бахче, принося своему повелителю мрачныя вѣсти. Министры и губернаторъ Константинополя лично распоряжались скверною пожарною командою, перебѣгающею пѣшкомъ черезъ цѣлый городъ и на рукахъ перетаскивающею свои багры и трубы. Но всемощный огненный демонъ словно потѣшался надъ муравьиными усиліями человѣка и все грознѣе, все выше и шире, все ярче и величественнѣе простиралъ свои пламенныя крылья, выростая до звѣздъ небесныхъ, охватывая собою полъ горизонта, одѣвая багряницами своего зарева небо, и землю, и

море... Только одинъ холмъ Перы, подъ которымъ мы стояли, оставался теперь чернымъ, загораживая отъ насъ своимъ горбомъ жерло пожара. Старая галатская башня генуэзцевъ торчала наверху холма одинокимъ ночнымъ стражемъ, завернувшимся въ черную мантію и въ безмолвномъ отчаяніи созерцающимъ гибель роднаго города... Все остальное, что только было видно глазу—и Стамбулъ, и Скутари на своемъ азіатскомъ берегу, и чуть мерцавшіе среди моря Принцевы острова, и дворцы Дольма-Бахче, и всѣ уходящіе въ глубь ночи далекіе мысики и заливчики Босфора, и море, и корабли, и облака—все было облито, будто кровью жертвы, огненнымъ заревомъ горѣвшаго города, все обратилось въ какой-то фантастическій хаосъ, гдѣ, какъ въ горячешномъ сновидѣніи, тьма и свѣтъ, вода и воздухъ, огни и звѣзды были перемѣшаны въ одинъ нераспутываемый, переполненный ужасомъ, кошмаръ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Іерусалимъ и Палестина.

СТР.

I.—**Допотопный городъ** (Пристань Святой земли.—Соломонъ и пророкъ Іона.—Шхеры.—Пріютъ православныхъ поклонниковъ.—Память среднихъ вѣковъ.—Базары Яффы.—Арабская толпа.—Наполеонъ въ Яффѣ.—Ругня арабскихъ матронъ) 3

II.—**Ночлегъ въ Аримафеѣ** (Палестинскіе дилежансы.—Сады Армиды.—Саронская равнина.—За роднымъ самоваромъ.—Родина Егорія Побѣдоносца.—Историческіе памятники Рамле.—Въ гостяхъ у Патріарха.—Церковная политика Іерусалимскихъ Грековъ) 14

III.—**Въ странѣ Филистимлянъ** (Ночная встрѣча съ Бедуинами.—Новые и старые разбои.—Латрунъ, городъ разбойниковъ.—На родинѣ Маккавеевъ.—Уади-Али.—Оливковое дерево.—Долина Аіалонская и Іисусъ Навинъ.—Историческій взглядъ на грѣхи прошлаго.—Древняя Сора.—Мокаталъ Али-Мехсинъ.—Деревня Абу-Гошъ.—Пророкъ Іеремія.—Земля филистимлянъ.—Мѣсто боя Давидова.—Еммаусъ Евангелія.—Подъемъ къ Іерусалиму). 33

IV.—**У Святаго Гроба** (На своемъ дворѣ.—Нѣмецъ драгоманъ.—Архимандритъ Антонинъ.—Улицы Іерусалима.—Площадка Храма Господня.—Тюремщики Святаго гроба.—Камень муропомазанія.—Главная ротонда.—Часовня Ангела.—Вертепъ Святаго Гроба.—Соборъ Воскресенія.—Алтари всѣхъ языковъ земли.—Голгоѳа.—Храмъ Св. Елены.—Мѣсто обрѣтенія Животворящаго Креста.—Истинно-христіанскій характеръ храма Господня). . 53

V.—**Праздникъ Вознесенія на горѣ Масличной** (Пейзажъ Масличной горы.—Азіатскія становища.—Виѳлеемскія женщины.—Часовня Вознесенія.—Ночное путешествіе черезъ Іерусалимскія улицы.—Обѣдни на всѣхъ языкахъ.—Археологическія сокровища.—Галлерея Молитвы Господней.—Видъ на Іерусалимъ.—Долина Суда Божьяго) 67

VI.—**Кровавая лѣтопись „города мира“** (Осуществленіе библейскихъ пророчествъ.—Языческій Олимпъ на святыняхъ Христіанства.—Торжествующій Исламъ.—Поклонники Св. Гроба въ средніе вѣка.—Шествіе крестоносцевъ на Гору Елеонскую.—Танкредъ Норманскій.—Іерусалимское взятіе.—Саладинъ и Христіане.—Юношеская поэзія Крестовыхъ походовъ) 81

VII.—**Деревенскіе пріюты Христа** (Нелюбовь Христа къ Іерусалиму.—Малая Галилея.—Историческія масличины Геѳсиманскаго сада.—Храмъ кроваваго пота.—Художникъ-реалистъ и художникъ-идеалистъ.—Гробница Пресвятой Дѣвы.—Виѳсагія.—Евангельскій пейзажъ и Евангельскія воспоминанія.—Селеніе Виѳанія.—Могила Лазаря.—Монастырь Св. Лазаря). 95

VIII.—**Крестный путь** („Купель Овчая“.—Бани Св. Дѣвы.—Домъ Іоакима и Анны, родителей Богородицы.—Преторія Пилата.—Арка „се человѣкъ!“—Улица скорбнаго пути.—Судныя ворота.—Служба у Гроба Господня.—Воспоминаніе о Готфридѣ, первомъ королѣ Іерусалима.—Развалины замка Іоаннитовъ) . . . 110

IX.—**Памятники царя псалмопѣвца** („Замокъ Давида“ и прудъ Вирсавіи.—Роль Сіона въ исторіи Евреевъ.—„Сіонская горница“.—Гробъ „Неби-Дауда“.—Христіанскія вѣянія въ библейской поэзіи.—Дома Евангельскихъ первосвященниковъ Анны и Каіафы) 118

X.—**Храмъ Соломоновъ** („Лощина сырныхъ торговцевъ“.—Еврейскій плачъ у подножія древняго святилища.—Входъ въ заповѣдные предѣлы.—Воспоминанія о храмѣ Соломоновомъ.—Гарамъ-эхъ-Шерифъ.—Куббетъ-эс-Сакра, или мечеть Омара) 135

XI.—**Въ Святая Святыхъ Ислама** (Ворота великой мечети.—Негодованіе мусульманскихъ фанатиковъ.—Богатство убранства мечети.—Скала Авраама.—Священныя реликвіи мечети.—Пещера пророка Захаріи.—Взятіе Гарама крестоносцами.—Мечеть Акса.—Подземелье 3,000 колоннъ.—Золотыя Ворота) 144

XII.—**Долина смерти** („Геенна огненная“.—„Акелдама“, земля крови.—Гробница пророка Исаіи.—Купель Силоамская.—„Гора Соблазна“.—Поэзія „Пѣсни пѣсней“.—Русская баба въ гробницѣ Фараоновой дочери.—Мавзолей Авессалома и памятники Іосафатовой долины.—„Потокъ Кедровъ“) 154

XIII.—**Вокругъ стѣнъ Іерусалима** (Христіанская Помпея.—Развалины церкви Архидіакона Сеефана.—Камень какъ орудіе войны и

казни. –Подземное странствованіе подъ Іерусалимомъ.—Пещера Іереміи.—Царскія Гробницы) 167

XIV.—**Путь къ городу Давидову** (Іудейское переселеніе.—„Колодезь волхвовъ".—Гробница Рахили.—Киновія Маръ-Еліасъ. — Латинскіе паломники. — Равнина Евраеы. — Арабы и Арабки Давидова города.—Греческій монастырь) 176

XV.—**Колыбель Христа** (Въ палатахъ у митрополита.—Храмъ царицы Елены.—Пещера Рождества Христова.—Магометанскіе охранители яслей Спасителя.—Бесѣда съ митрополитомъ.—Иноческая трапеза.—Обѣдня въ Св. вертепѣ.—Русскіе богомольцы.—Отъѣздъ.—„Долина Пастырей") 185

XVI.—**Мертвая страна** (Шейхъ Абу-Диса и разбои бедуиновъ.—Каменистый путь.—Картина пустыни.—Ханъ-Гадруръ и притча о Самарянинѣ.—Видъ на Іерихонъ.—Ущелье Вади-ель-Кельтъ.—Пріѣздъ въ Рихи) 209

XVII.—**Мертвое море** (Ночной выѣздъ.—Іерихонская пустыня.—Монастырь св. Герасима.—Мертвое море при восходѣ солнца.—Разсѣлина Эль-Гхоръ. — Изслѣдованія Американца Линча. — Свидѣтельство Библіи.—Купаніе въ асфальтовомъ морѣ) . . 221

XVIII.—**Купель Іорданская** (Зимнее и лѣтнее ложе Іордана.—Рѣка чудесъ.—Историческій бродъ Ветъ-Фавара.—Водокрещеніе Іорданское въ древности и теперь.—Бедуины у Іордана.—Купаніе въ святой рѣкѣ. — Значеніе воды на востокѣ. — Скитъ Іоанна Предтечи. — Погоня за коровой. — Тель-дель-Джуль, Галгалъ Библіи) 233

XIX.—**Іерихонъ** (Проклятіе Іисуса Навина на Іерихонѣ. — Былое богатство этого города. — Иродъ Великій и его Іерихонскіе дворцы.—Русскія постройки на мѣстѣ дома Закхея.—Греки и Бедуины.—Содомскія яблоки.—Іерихонская Роза.—Источникъ пророка Елисѣя. — Скрывшійся охранитель. — Сарандарь, или гора Сорокодневнаго Поста) 248

XX.—**Ущелье Гозувиты** (Провалъ Уади-Кельтъ.—Ущеліе пещеръ.—Монастырь Св. Іоанна Гозувитскаго.—Остатки лавры Св. Ефимія.—Церковь Богоотцовъ Іоакима и Анны.—Отшельническіе вкусы Іудеевъ.—Древняя усыпальница иноковъ.—Мать Марина. —Бесѣда съ игуменомъ. — Ночь надъ водопадомъ. — Римскіе путешественники) 263

XXI.—**Монастырь-могила** (Таборы бедуиновъ. — Головокружительная круча.—Часовня Арабскаго святаго.—„Юдоль плача".—Пещеры лавры Св. Саввы.—Полуденный отдыхъ.—Недоступность монастыря для женщинъ.—Церкви и усыпальницы обители.—14,000 череповъ.—Жилище Св. Іоанна Дамаскина.—Пальма Св. Саввы. —Бедуины и монастырь.—Вѣра Арабовъ въ Москова) 281

ЧАСТЬ II.

По Самаріи, Галилеѣ и берегамъ Малой Азіи.

I.—**Прощаніе съ Іерусалимомъ** (Сборы въ дорогу.—Ночная прогулка черезъ спящій городъ.—Мусульманскіе привратники Гроба Господня.—„Вавилонское плѣненіе“ Христіанской святыни.—Выѣздъ изъ Іерусалима) 303

II.—**Родина пророка** (Неби-Самуель, родина Самуила.—Великое значеніе пророковъ въ исторіи Евреевъ.—Психологическая сторона пророческаго дара.—Чувство демократизма древнихъ Евреевъ.—Школа и жизнь.—Караванная дорога изъ Аравіи въ Дамаскъ.—Евангельскій Михмасъ.—Пріѣздъ въ Рамле 312

III.—**Ветхозавѣтныя святыни** (Рефекторія Латинскаго аббатства.—Французскій кюре въ землѣ арабовъ.—Бей-Тинъ, Веѳиль Библіи.—Религія „высотъ“ и „дубравъ“.—Аинъ-Збрудъ.—„Ущелье разбойниковъ“.—Замокъ Раймунда С.-Жиля.—Эфраимовы горы.—Древній Силомъ.—Долина Махна) 323

IV.—**Наплузъ, древній Сихемъ** (Колодезь Св. Іакова.—Гробница Іосифа.—Древняя исторія Сихема, или Сихора.—„Гора Благословенія“ и „Гора Проклятія“.—Расколъ Самаритянъ.—Враждебное настроеніе Наплузцевъ.—Улицы Наплуза.—Ночлегъ у англиканскаго пастора.—Размышленія о библейскихъ людяхъ и библейскихъ временахъ) 335

V.—**Равнина Эздрелонская** (Развалины Себастіи.—Самарійскія горы.—Сануръ и Ветилуйя.—Наряды Самаритянокъ.—Дженинъ, библейскій Энганимъ.—Гора Гелвуй.—„Великая равнина“.—Зеринъ, городъ нечестиваго Ахава, и Сунамъ, родина прекрасной Авизаги) 350

VI.—**Гора Ѳаворъ** (Характерный видъ священной горы.—Кочевые Бедуины.—Ночное нападеніе.—Селеніе пророчицы Деборры.—Странствованіе по дебрямъ Ѳавора.—Вечеръ въ православномъ монастырѣ.—Храмъ Преображенія Господня.—Въ гостяхъ у брата Францисканца.—Древности Ѳавора) 362

VII.—**Тиверіада** (Источники Фанъ-Туджара.—Котловина Тиверіадскаго моря.—Равнина Карнъ-Гаттинъ.—Тиверіада Иродовыхъ временъ.—Въ греческой обители.—Докторъ Купá.—Отплытіе въ море) 376

VIII.—**Генисаретское озеро** (Страхъ Арабовъ къ Тиверіадскому морю.—Деревня Магдала.—Пещеры Кала-Маанъ.—Генисаретская долина.—Ханъ-Миніе, Евангельская Виѳсаида.—Грѣзы на яву.—Евангельскія воспоминанія.—Развалины Капернаума.—Лунная полночь среди Генисаретскаго озера.—Возвращеніе въ Тиверіаду) 386

IX.—**Кана Галилейская** (Мѣста, освященныя стопами Христа. — „Гора пяти хлѣбовъ". — Генисаретскія проповѣди Христа. — „Гора Блаженствъ" —Сады Каны Галилейской.—Католическая церковь.—Древній храмъ съ брачными сосудами.—Въ гостяхъ у арабскаго священника.—Кейфъ подъ Смоковницами) 401

X.—**Городъ Св. Дѣвы** (Европейскій видъ Назарета.—Колыбель христіанства.—Русскій домъ.—Католическій храмъ на мѣстѣ Благовѣщенія.—Домъ Богородицы и плотничья мастерская Іосифа. —Храмъ-синагога.—Колодезь Пресвятой Дѣвы) 412

XI.—**Гора Кармилъ** (Яффа Назаретская.—Римская дорога.—Хребетъ Кармила и Киссонскій потокъ.—Могучій образъ Иліи Пророка. —Городъ Кайфа.—У русскаго консула.—Нѣмецкая колонія въ Азіи. — Монастырь кармелитовъ. — Придѣлъ Абиссинцевъ. — „Школа Пророковъ") 423

XII.—**Бейрутъ, древній Беритъ** (Ночной отъѣздъ на пароходѣ. — Утро передъ Бейрутомъ. — Историческая роль Финикіянъ. — Европейскій характеръ Бейрута. — Привольная жизнь юга.— Культъ любви. — Ночь на кровлѣ.—Въ русскомъ агентствѣ. — Прогулка по окрестностямъ. — Друзы и Мароніты Ливана. — Памятники Георгія Побѣдоносца) 441

XIII.—**Берега Финикіи** (Побѣдоносное воинство Порты Отоманской. —Городъ Триполи.—Безденежная торговля.—Водолазы.—Руадъ, древній Финикійскій Арадъ.—Пристань св. Павла.—Филимонъ и Бавкида.—Гражданинъ Франціи среди азіатскихъ варваровъ. Городъ Александра Македонскаго.—Культъ Астарты въ окрестностяхъ Антіохіи.—Воспоминанія объ Іонѣ Пророкѣ). . . . 464

XIV.—**Вокругъ Малой Азіи** (Древняя Киликія. — Домашній бунтъ и домашняя расправа. — Адалійскій заливъ. — Гнѣзда первыхъ Христіанъ.—Развалины великихъ городовъ древности.—Турецкій Паша и Европейскій ученый.—Косъ, родина Гиппократа.— Острова Патмосъ и Самосъ. — Золотоносная Лидія. — Островъ Хіосъ. — Столица малой Азіи. — Въ русскомъ консульствѣ. — Праздникъ Тѣла Господня. — На дачахъ Смирны. — Ченакъ-Кале.—Пожаръ Стамбула) 486

130-131